

The image is a book cover for 'Immortal' by Nikolai Slimper. The top half features a blue background with the author's name and the title in white. The bottom half is a detailed illustration of a futuristic city. A large, metallic, dome-shaped structure is the central focus, surrounded by a glowing red ring. The city is filled with tall skyscrapers and a dense urban landscape. The sky is filled with smoke and a hazy, orange glow, suggesting a post-apocalyptic or war-torn setting. The overall aesthetic is cinematic and high-tech.

Николай Слимпер

Бессмертный

12+

Николай Слимпер

Бессмертный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67795998

SelfPub; 2022

Аннотация

Амарталис родился в XIV веке в Европе, где царил чума и охота на ведьм. Его родителей унесла черная смерть, но его самого болезнь почему-то не брала, чем и заинтересовалась Инквизиция, обвинив его в дьяволопоклонстве и попытавшись казнить. Несколько десятков раз. Прошло почти более двадцати семи веков. Амарталис бороздит просторы Вселенной, выполняя грязную работу в качестве наемника и наживая врагов, которые умирают либо от его руки, либо от старости. Один из старых врагов оказался живее, чем считалось, и решил отомстить во что бы то ни стало, но зная, что его противник неуязвим, продумывает хитроумный план, натравив на него всю Вселенную. Герою теперь предстоит не просто очистить свое имя, как и имена его случайных попутчиков, но и спасти все человечество от вечной резервации.

Николай Слимпер

Бессмертный

Пролог

Не верьте, когда говорят, что бессмертие – это скучно. Я прочитал буквально десятки, сотни тонн книг, и в большинстве из них, где обитают бессмертные персонажи, есть слова о том, как же все-таки тяжело жить вечно. Им скучно, рутинно, они повидали жизнь со всех ракурсов, им надоело само существование, и поэтому они рьяно ищут способ умереть или просто стать смертными, дабы в конце концов спокойно окончить свои дни в мягкой постельке с счастливой улыбкой на лице.

Но все это полная чушь! Даже ища способ отправиться на тот свет, они продолжают жить полной жизнью: работают, общаются с друзьями и коллегами, платят по счетам и даже влюбляются, и это вместо того, чтобы все свое бесконечное время тратить на поиски вакцины от приторной для них жизни.

Способов умереть сотни, даже для бессмертного. Прыгнуть в действующий вулкан; утопиться на дне Марианской впадины, заранее обвешав себя чем-нибудь тяжелым и напичкав организм китовой дозой убийственного наркотика;

искупаться в чане с карборановой кислотой; в конце концов, похитить космический корабль и направить его на звезду или в черную дыру! Если бессмертный ничего из этого не испробовал, то ни черта он не стремится умереть, а просто пытается вызвать к себе какое-то непонятное сочувствие, как безработный, который жалуется на отсутствие денег, но даже не делает вида, что ищет работу.

Либо бессмертный слишком бессмертный, чтобы на него подействовало что-то из вышеперечисленного. Как я, например.

Меня зовут Амарталис де Восаф, и я настолько бессмертен, насколько это вообще возможно в нашем мире. Не то чтобы Амарталис де Восаф мое настоящее имя, но мне нравится, как оно звучит, хотя мало кто меня так называет. Да и мало кто знает меня под этим именем, в основном меня зовут разными прозвищами, часто довольно обидными, но чаще меня никто не зовет, я сам прихожу, а еще чаще меня приводят силой, но об этом позже.

Родился я настолько давно и так далеко от тех мест, где нынче пребываю, что даже не уверен, что та вонючая планета до сих пор крутится вокруг еще более смрадной звезды, не способной никого согреть. Та планета, когда я там был в последний раз, утопала в грязи. И когда я попал на другую, где над пропастью бескультурья возвышалась цивилизация, я даже боялся дышать, не желая замарать тамошний воздух

своим смрадом. Правда, в конечном итоге, это оказался какой-то верхний город, где живет элита, а все остальные пребывают на самом дне. В прямом смысле. VIP-города были построены высоко над землей, а то, что происходило под ними, никого особо не волновало. В общем, все было как в плохом фильме или сериале, только эти люди-на-дне не были совсем уж оборванцами, а вели вполне приемлемый образ жизни и даже имели свой малый бизнес. Пока я случайно не уничтожил один из городов... А нечего было делать опоры верхнего города в стилистике костяшек домино! Я всего лишь немного задел автоматной очередью какие-то газовые баллоны. Опора в падении задела другую, третью, и так по кругу. Все, что находилось наверху, рухнуло вниз. Так-то город был уничтожен не весь, а лишь по краю, но из-за этого все дороги и мосты, ведущие в него и из него, оказались уничтожены. Город остался изолированным, а строить все заново апатичным богатеям, – которыми стали и некогда строители городов, разбогатевшие на своем бизнесе, – было попросту не в состоянии. Так и стоит некогда процветающий город нынче под управлением людей-на-дне, большая часть которых теперь «на дне» лишь фигурально.

В общем, пока я жил на своей родной помойной планете, ставшей еще более грязной и вонючей, если быть откровенным, не без моего участия, то пережил столько, что всего и не упомнишь, да и вспоминать не особо хочется.

На той планете бессмертие воспринималось как что-то настолько неправильное и противоестественное, что попытаться убить человека, обладающего этой способностью, было более чем почетно. Поэтому я пережил все, что только мог придумать крохотный мозг обитающих там существ, считавших себя разумными, но все равно чересчур суеверных. В этом плане остальная Вселенная не далеко ушла вперед.

Была на той планете и в то время такая веселая забава, как охота на ведьм. Люди находили самую красивую девушку в каком-либо селении, после чего для галочки пытали ее всевозможными способами. Во-первых, выбивали из нее признание в колдовстве, а во-вторых, придавали ей подходящий для ведьмы облик, чтобы у остальных не возникало сомнений. Ну а затем следовало традиционное сожжение нечестивой на костре. Хотя поистине нечестивой «ведьма» становилась после того, как ее искренне и от всей души «выпытывали» все палачи по кругу, но об этом обычно умалчивалось.

Свирепствовала тогда чума, погубившая людей больше, чем тогда вообще знали такое число. И мой скромный городок беда не обошла стороной, выкосив его почти подчистую, а меня вот не тронула. Родители, друзья, знакомые – все в конечном итоге оказались в одной из множества больших горящих куч. Те, кто выжил, перебрались в соседний городок, до которого «черная смерть» еще не добралась, но с приходом новых поселенцев, которых не удосужились как следует проверить на наличие необычных на коже образований, вто-

рой город разделил судьбу с первым. А я опять ни при чем. Тут-то ко мне и стали присматриваться. Кто и как показал на меня пальцем, мол, «смотрите, этот парень уже из второго мертвого города выбирается как ни в чем не бывало», я не знаю. Раз кто-то это понял, значит, он и сам пережил эпидемию, но присматриваться начали именно ко мне. И несомненно, будь я противоположного пола, меня бы давно уже сожгли на костре или утопили с камнем на шее. Но ко мне пока только присматривались.

А схватили меня через несколько дней после того, как я уже перебрался в третий город, где чума только начала разрастаться, словно опухоль. Слухи о том, что какой-то парень брезгует особой защитой от заразы и не брезгует иметь дело с зажаренными, быстро разнеслись по округе, из-за чего те, кто присматривался, решили действовать. Схватили, заковали в цепи и заперли в глубокой и сырой темнице, где, кстати, было полно крысopodobных. А они еще удивлялись, отчего это у них чумных так много.

Когда меня приковали к колесу и в первый раз опустили под воду вверх ногами, мне даже понравилось, – освежает, но потом это поднадоело: начала кружиться голова и тошнить, начал задыхаться, да еще и веревки болезненно натирали руки и ноги, впиваясь в кожу до крови. После водных процедур меня без слов вернули в казематы. Дальше все развивалось быстро: допрос о причастности к дьяволу, очередное колесование (уже было не так страшно и больно), новый

допрос со сдавливанием лодыжек чем-то дурацким на вид, потом снова вопросы (которые звучали как утверждения) и спать. Раннее пробуждение от удара под дых ногой, выход на «сцену», привязывание к деревянному столбу в куче хвороста, гул толпы, запах горящих кожи и волос, темнота... Ранее пробуждение, выход, привязывание, гул толпы, запах, темнота... Пробуждение. Выход. Привязывание. Гула нет – ропот. Вонь. Темнота... Надоело.

Почему они решили, что если с первого раза не вышло, то выйдет со второго, пятого, двадцатого, – я не знаю. Я сбился со счета, сколько раз меня сжигали, прежде чем решили избавиться по-другому. Решали долго, но в конечном итоге привязали к шее камень и бросили в озеро. Я, естественно, не выплыл. На том и порешили. Разошлись, оставив меня под толщей воды. Правда, ненадолго. Через некоторое время я очнулся как ни в чем не бывало. Развязав чутко связанные руки и ноги, снял с шеи хомут и, чувствуя себя как рыба в воде, я под водой переплыл на другой берег, подальше от мучителей.

Так и начались мои странствия, которые продлились целую неделю... Меня опять поймали, хоть и другие люди и всего лишь за воровство, но я таки опять очутился в кандалах и на стуле с шипами, так как оказался единственным выжившим заключенным – остальных поглотила чума. После чего меня не раз казнили, иногда я даже удачно притворялся успешно казненным, после чего сбегал, но меня опять

где-нибудь ловили и снова по кругу. Потом мне надоело, и я ушел на восток, где, по слухам, почти никого и никогда не сжигали. Там моя жизнь и сделал крутой оборот, хотя не совсем тот, на который я рассчитывал. Я участвовал в сражениях, защищал и освобождал города, все больше узнавал о своей силе. Поднаторел. А после некоторых сложившихся обстоятельств, я попал в космос, и Вселенная открыла мне... Ну, в общем, ничего она мне такого не открыла, я просто стал наемником, так как больше ничего не умел, кроме как воровать и избегать ловушек. Хотя последнее совсем не мой конек.

Странная штука – память. Помню, как пытали, как казнили, помню даже запах тех дыр, в которых меня держали, а вот название своей же планеты не помню, как и название городка, в котором родился и жил до эпидемии. Запомнил лишь самое плохое, в котором отчасти и сам был виноват. Потому даже и не стремлюсь вернуться обратно к родным пенатам.

Глава 1

– ...и тут как рванет! Меня аж через стену в другое здание выкинуло! А знаешь, что потом? Знаешь?

– Опоры начали падать одна за другой, – безучастным голосом сказал бармен, протирая и без того чистую стойку.

– Опоры начали падать одна за другой! Не, ну ты прикинь!

– Да слышали мы уже эту байку десять раз, – громко ска-

зал бородач, сидящий от меня через два стула, отмахнувшись.

– Слышали? Ну, тогда я вам другую расскажу! Бреду... Или брожу? Как правильно? А, не важно. Шагаю я, значит, по пустыне. На многие мили вокруг никого и ничего! Правильно пустыню пустыней назвали, а не каким-нибудь... ну, не знаю, как-нибудь по-другому, в общем. Иду, никого не трогаю, если не считать перекасти-поле, на которые я очень люблю падать. Вот в кайф мне и все! Так вот, иду, башкой мотаю в поискать пресловутого куста, а тут смотрю – дымок на горизонте...

– И эту мы тоже слышали! – вскипел бородач. – Хватит триндеть, достал уже всех.

– Да это ты достал меня прерывать постоянно! Только ты и возмущаешься, а другим, может, нравится!

Несогласный гул пробежался по залу.

– Да ну вас всех! Пойду отолью, – и я встал, и пошел отливать. Ведь я держу слово. И не успел я в кабинке спустить штаны до колен (ниже не рекомендуется, ибо запачкаешь брюки так, что только выбрасывать), как в соседней кабинке раздался гундосый голос:

– Это ты Болванчик? – спросил он.

– Мало кто меня так называет, – заговорщически ответил я в такт вопрошающему.

– Что у тебя с голосом? – тут же оживился туалетный собеседник.

– А у тебя что?

– Я такой от природы.

– А я такой от погоды.

Помолчали.

– Ты что хотел-то? – наконец подал я голос. – Автограф взять, что ли? Так у меня из холста только туалетная бумага – мало, кстати, – а про писчие принадлежности я и не говорю.

– Да кому нужен твой автограф? – возмутился он. Теперь его голос не напоминал заговорщический.

– Ну не скажи... – поднял я указательный палец, хоть он этого и не видел, после чего о чем-то задумался.

– Эмм... а продолжение будет?

– Какое продолжение? А что тебе еще нужно, кроме автографа? – удивился я. – Я, если что, только по существам женского пола!

– При чем здесь автограф? Что ты несешь?!

– Я? А что я? Ты первый начал.

Туалетный собеседник буквально зарычал, словно дикий зверь. Хотя в туалете подобные звуки не редки.

– Боже мой! Мне, конечно, рассказывали, что ты больной на голову, но чтобы настолько!

– Кто больной? Я больной?! – наиграно возмутился я. – А кто устраивает допросы в туалете? Я сюда, конечно, пришел дела делать, но немного другого характера!

– Ладно, ладно, успокойся! Я все понял, – быстро заговорил не имеющий понятия о сарказме Человек в соседней ка-

бинке. – Я и правда не подумал, просто мне было необходимо переговорить с тобой без лишних свидетелей, и я посчитал, что туалет – лучший вариант.

– Апчхи! – раздался чих в кабинке уже слева от меня.

– Мужик, блин, ты сколько там уже сидишь?! – воскликнул я. – Ты что такой тихий?

– Я люблю тишину, – ответил тихий и меланхоличный голос.

– Боже, куда я попал? Клуб анонимных туалетных собеседников? Эй, ты, который поболтливей, ты еще тут?

– Да, да!

– Жди меня на выходе (или входе?) у бара. Я тут... решу дела и сразу же выйду.

– Ладно, – ответил мужик и вышел из туалета.

– А ты, любитель тишины, больше так не делай.

– Хорошо, – слышался такой же тихий и меланхоличный голос.

Не первый раз мне предлагают работу в необычных местах, обычно удаленных от большого скопления людей, было и в туалете, только тогда мы заранее планировали подобную встречу и все оставались в штанах, да и проверяли, нет ли лишних ушей.

Это был молодой парень (я даже усмехнулся – для меня все молодые, дети, можно сказать) в темно-синем пальто ниже колен, низко натянутой шляпе с большими полями, чер-

ных перчатках и в черных же туфлях. Конспиратор хренов, еще бы газету перед собой развернул. Я тут же рассмеялся в голос, когда представил, что он так и сидел на унитазе: в пальто и шляпе. Отсмеявшись, спросил:

– Ты так и сидел в кабинке?

– Ну, да, – ответил тот без тени улыбки. Я заржал еще сильнее, даже схватился за столб, чтобы не упасть. Проходящие мимо подозрительно косились на наш странный дуэт, а «шпион» чуть ли не утонул в своей одежде, оставив торчать наружу один свой странный нос из ворота под тенью широкой шляпы.

Наконец, как только я отсмеялся во второй раз, мы с ним прошли по улице пару кварталов, свернули в переулок, прошли еще немного и уткнулись в небольшой деревянный домик с распашными дверьми в стиле «мы, типа, в вестерне», только большими, полноценными, и вошли в питейное заведение.

Не даром я назвал его нос странным. Он оказался не человеком, как я думал, а вирусусом. Эта раса полностью покрыта волосами с ног до головы, не исключая и лица. Их не очень любят, в основном из-за блох и других мелких тварей, часто обитающих в их шевелюре, хотя это стереотип, поэтому он и нарядился так, ибо его могли даже и не пустить в тот бар.

– Не бойсь, здесь можешь не скрываться, – сказал я.

Этот бар был более значный, чем предыдущий, и обслуживали здесь любую шантрапу, если те при деньгах.

– Да, я знаю, – сказал вирусус, снимая пальто и шляпу и вешая их на напольную вешалку. – Я здесь уже бывал как-то раз.

Бар назывался "Ураганный Вэш". Баром он считался лишь из-за присутствия здесь грязной стойки, которую не протирали, наверно, лет десять. Под ногами хрустело битое стекло и обглоданные кости. Под некоторыми столами валялись упитые вусмерть граждане, громко похрапывая, словно играя одним лишь им знакомый мотив. Это место славилось заключением всевозможных сделок, от банального убийства любовника жены до слияния мультимиллиардных компаний. И было здесь столько темных личностей, что меня даже удивило, как небрежно волосатый оставил пальто на вешалке. Видимо, попросту нечего красть, подумал я.

Мы уселись в дальнем темном углу кабака. Несмотря на то, что все вокруг всегда утопало в грязи, столы, кресла, стулья, а где даже и диваны, всегда были удивительно чисты, отполированные задницами, локтями и кружками с пивом. Я начал разговор первым:

– Чо-как? – кивнул я собеседнику.

– В смысле?

– Да ты задрал уже! Нельзя же быть таким тормозом. Что ты от меня хотел-то так рьяно, что даже в туалет за мной поперся?

– Я не поперся, – сказал волосатый, – я там был с самого начала.

– Еще лучше – вздохнул я.

– То есть теперь я виноват?

– Нет-нет, что вы, я же уже признал свою ошибку, – примирительно поднял руки собеседник, при этом почему-то перейдя на «вы». – Не подумал.

Я привык иметь дело с самыми различными отморозками, начиная от тех, у кого высшее образование по астрофизике, и заканчивая самыми низами общества, которые левую руку от правой ноги не всегда отличают. Над последними я всегда издевательски подшучивал. Те, кто все же это в конце концов осознавал, пытались отстоять свою позицию кулаками, что, само собой, у них никогда не выходило.

– Ладно, черт с ним. Тебя как зовут-то? – спросил я.

– Лайонел, – ответил вирусус и протянул мне руку. Или лапу. У всех было свое мнение на этот счет.

– Очень приятно, конечно, но руку я тебе жать не буду.

Неприятные воспоминания, знаешь ли.

– Понимаю, – ответил тот и убрал руку обратно под стол.

«Что значит „понимаю“? Он знает о той моей „неудачной“ встрече с другим вирусусом? Не должен».

– Так что тебе надо?

– Меня... меня послал мой босс. Я... то есть он предлагает вам работу...

– Какая неожиданность, – съязвил я. Было в этом вирусус-

се что-то настораживающее. Он казался куда умнее, чем пытается казаться. Не первую сотню лет на свете живу. Будь он таким идиотом, каким себя выставляет, он бы сразу подошел ко мне в том баре, а не стал бы сидеть в туалете, зная, что после пива я обязательно туда загляну. Да и не видел я, как он вообще в бар заходил. Даже если представить, что я увлекся рассказами и выпивкой, потому и не заметил его, все же есть у меня сомнения, что поспрашивай я посетителей, кто-то сможет сказать, что видел его. Хотя, возможно, я просто паранойю за зря. И все же есть в нем что-то отталкивающее, помимо моей нелюбви к его расе.

– У меня есть все необходимые бумаги. В них подробно описано задание и сумма за выполнение.

«Только идиот станет переносить подобную информацию на бумагу», – подумал я.

Лайонел встал, залез во внутренний карман своего пальто и достал оттуда небольшую папку. «Все же он идиот, да, потому что профи достаточно и пары секунд, чтобы забраться в карман и незаметно спереть все, что там лежит. Или он просто хочет, чтобы я считал его таковым».

– Вот, – протянул он мне папку.

Я первым делом внимательно осмотрел бар, не наблюдает ли кто за нами, но все были заняты своими делами. После чего я вынул из папки бумаги – контракт. Быстро пробежав по основным пунктам, я даже улыбнулся. Дело было стоящее, да и оплата неплохая. Подозрительно неплохая.

– Мне нравится. Пожалуй, я возьмусь.

– Это очень хорошо, – обрадовался Лайонел и протянул мне ручку.

– Это еще что?

– Ручка. – «А то я не догадался». – Чтобы подписать контракт.

– Запомни мальчик, – снова усмехнулся я, – я никогда ничего не подписываю.

– Но... босс сказал, чтобы вы подписали. Я первый раз на таком серьезном деле, он мне доверил...

Из-за волосатого лица было трудно разглядеть его эмоции, но интонация говорила о том, что он и правда волнуется, хотя сильнее, чем нужно. Либо его босс и правда так страшен, либо этот Лайонел переигрывает.

– Я все понимаю, но подписывать ничего не буду. Тут уж извини.

– А как же контракт? Нам нужны... э-э, гарантии...

Не удержавшись, я рассмеялся.

– Ты такой забавный и странный. Вам нужны гарантии чего? Что я выполню задание? Так это в моих интересах. Это мне нужны гарантии, что написанное в контракте будет исполнено, если я выполню все условия. А вам-то что надо? Если у меня не выйдет, вы просто мне не заплатите и все.

– Но мы все же даем вам аванс...

– Парень, ты же новичок в этом деле? Так такого хрена ты приперся, заранее не узнав обо мне все? Я тебе не хух-

ры-мухры, мелочь пузатая, – я почему-то начал заводиться, – а один из лучших наемников во всех известных галактиках. Ко мне такие личности обращаются, что одно их упоминание грозит немедленной расправой, а тут приходит какая-то сопля, не давая мне нормально сходить по большому, да еще и какие-то предьявы кидает. Мне не нужно ничего подписывать, чтобы начать выполнять заказ, а выполнив его, забрать свою награду, ибо обмануть меня у вас все равно не получится, спроси у взрослых, малявка.

У меня такое бывает, когда речь идет о делах. Просто начинаю беситься и все. Я, наконец, замолчал. Лайонел смотрел на меня, вытаращив глаза, потом сказал:

– Я... я все понял... Простите. Вот. – Он достал конверт из кармана штанов. Все же не так он глуп, подумал я, раз додумался положить деньги не в пальто, хотя, возможно, это подсказал ему сделать босс.

– Что это? – зачем-то спросил я, зная ответ.

– Аванс. На расходы и все такое. Бумаги я тоже оставляю. Там... там есть способы связи с нами, так что, если... то есть *когда* выполните работу, свяжитесь с нами. Вот... Ладно, я пойду, – договорил он, оделся и быстро вышел из бара, даже не оглянувшись.

У меня остались смешанные чувства от этой встречи. Что-то темнит этого волосатик. Ой, как темнит. Но я не я, если не стану выполнять данную мне работу. Она выглядит опасной и, наверняка, является еще опасней, чем кажется. Ну и что?

В худшем случае я умру. Хах. Все-таки надо было спросить, кто его босс.

Вернувшись домой, то есть в номер, который я снимал в не самой лучшей гостинице, я еще раз оглядел бумаги. Сказать, что дело стоило свеч, значит, ничего не сказать. Весь план был расписан чуть ли не поминутно. Все, что мне оставалось, это добыть недостающие детали, а с остальным мог бы справиться и ребенок, если, конечно, у него в комнате, помимо мягких игрушек, хранится целый арсенал оружия, приборов слежки и другой различной дребедени на все случаи преступной жизни. У меня хранится.

Город, в котором я нынче находился, славился своей преступностью. Если ты гуляешь по улице ночью, то либо ты бесстрашный и/или влиятельный преступник, либо глупый коп, либо будущая жертва, что не отрицает нахождение в первой или второй группе. Город настолько плохо контролировался властями, что тут были даже специальные гостиницы для лиц, занимающихся не самыми честными делами. Говоря о том, что мой номер не в самой лучшей гостинице, я имел ввиду вообще, в городе, а так, среди преступных синдикатов, этот постоялый двор считался одним из самых высококлассных. Решетки на окнах с бронированными стеклами, крепкие металлические двери с биометрическими замками, для открытия которых необходимы отпечаток пальца и аутентификация по радужной оболочке глаза постояльца.

Даже танк не сможет пробиться в такое здание, что было проверено много лет назад, когда преступность только начала захлестывать город. Здание не раз было укреплено снаружи, на крыше были установлены крупнокалиберные пулеметы, а куча камер глядела во все стороны даже за сотни метров от строения, дабы враг не подкрался незамеченным. Преступные шишки просто обожали это место.

В моем распоряжении находилось очень много оружия и снаряжения, но кое-что мне все же надо было добыть. Для начала мне необходима легенда, чтобы проникнуть на место моего задания. Есть у меня один знакомый, способный достать любые документы, так что это не проблема. Вообще, по плану я должен стать официантом, но я решил, что это слишком скучно, поэтому я стану пассажиром. Богатым и самоуверенным пассажиром. У меня будет бизнес по... ну не знаю, пусть я буду строить и оснащать всем необходимым такие гостиницы, как эта. А что, бизнес, на самом деле, не плохой. Владельцы тратят целое состояние, чтобы оснастить свои форпосты последними новшествами по защите от вторжения нежелательных лиц. В общем, самым сложным было пронести на судно оборудование, чтобы его не обнаружили.

Первый этап задания заключается в проникновении на борт космического корабля под названием «Infortissimo». Эта махина была более двух километров в длину и около двух сотен метров в ширину, а вмещает семьдесят тысяч пассажиров, не считая работников. Целый город на... не на ко-

лесах, конечно, но на реакторах антимассы. Корабль бороздит просторы вселенной уже более ста пятидесяти лет, я даже одно время присутствовал на строительстве лет этак сто шестьдесят пять назад, он тогда был сконструирован где-то наполовину. Каждую часть корабля строили отдельно и на специальных грузовых космолетах доставляли в открытый космос, где уже собирали полноценное пассажирское судно.

Корабль окружен прозрачным барьером, не позволяющим космическому холоду и радиации проникнуть внутрь, а также создающим искусственную атмосферу, из-за чего палуба была, можно так сказать, под открытым небом. Даже мелкий космический мусор попросту отлетает от невидимой сферы, а вот если к кораблю направится по-настоящему крупный объект, его сбивают еще на подлете к барьеру пучками уплотненного света. За космический мусор принимается абсолютно все, что летит в сторону круизного судна и не имеет допуска, поэтому единственный способ попасть на борт – купить билет (место бронируется на десятилетия вперед), после чего прибыть на место старта небольшого шаттла, который доставляет туристов на «Infortissimo». А еще можно стать нанятым служащим, вроде уборщика или официанта, но, как я уже говорил, для меня это слишком скучно.

Корабль был поистине огромен. Чем ближе транспортный модуль подлетал к нему, тем больше нарастало давящее чувство, что он вот-вот упадет и подомнет под собой любого,

кому не посчастливилось находиться у него на пути. Но тьма вокруг напоминала, что это открытый космос, и что тут ничего не может взять и упасть, и все же... Только пристыковавшись к этому великану и пройдя вглубь, гнетущее чувство ушло, сменившись восхищением, восторгом, экзальтацией, в конце концов. Если бы мне завязали глаза, привезли на этот корабль (если его так можно назвать) и сняли повязку, я мог и за недели не догадаться, что нахожусь в космосе.

Выйдя из небольшого, но облагороженного коридора, туристы попадали в рай. Прямо посреди огромного зала, выстой точно более сотни метров, размещался, а лучше даже сказать – возвышался абсолютно ненормальный фонтан: на высоте метров двадцати буквально плавала огромная круглая «капля» воды, из которой вниз лился самый настоящий дождь. При этом точки изливания воды постоянно менялись, плавно перетекая с места на место, а иногда и вовсе на долю секунды исчезали, тут же появляясь вновь, создавая в воздухе различные картины. Все это обильно подсвечивалось не яркой, но разномастной цветомузыкой, наполняя эти картины краской. Высоко под потолком висела громадная длинная люстра, словно сотканная из бриллиантов пауком-художником, которая не доставала до фонтана метров пятнадцать, словно между ними был заключен договор о территории и личном пространстве. На люстре было множество подсвечников, причем они тянулись на всем ее протяжении, увеличиваясь в количестве пропорционально к низу, из-за че-

го вся конструкция напоминала огромную блестящую украшенную елку. Светила люстра (если вообще светила), крайне тускло, будто задействовано было не более пяти процентов от полной мощности светильников, но это практически не было заметно, так как белизна и прозрачность конструкции отражали от себя всякий окружающий ее свет, заставляя люстру блестеть, словно она вся и есть свет.

Сам зал уходил далеко вперед, как и балконы-этажи, с которых, вероятно, открывался еще более потрясающий вид. Но... что-то было не так. Чего-то не хватало.

– Позвольте вашу накидку? – Ко мне подошел елейного вида молодой служка в черном смокинге. А ведь я мог быть на его месте, ну или где-то рядом.

На корабль все летели в различных накидках: то ли владельцы лайнера не хотели, чтобы гости запачкали свои костюмы, то ли боялись, что те замерзнут, а потому, по прилету, все могли скинуть накидки и наконец похвастаться видом своего дорогого костюмчика и выставить на показ свои миллиарды. Я не был исключением.

И вот я гордо скинул накидку в руки челяди и тут же уловил на себе недоумевающие взгляды. Мне хватило буквально секунды, чтобы понять свою глупость. Я, наконец, понял, что было не так. Белые. Все вокруг были белые. То есть в белых костюмах, а я, разрази меня гром, был в черном как смоль costume-тройке. Как и швейцары, окружающие меня, хотя у них и не было жилета, как у меня, а только рубашка,

но кто будет вглядываться, во что одета прислуга? Я был на чертовом Sensation White для буржуев, которых должен был незаметно, тайно и не привлекая внимание грабануть. И что же я сделал в первую очередь? А в первую очередь я стал центром внимания для тысяч глаз и камер. «Молодец, – похлопал я себе в душе. – Мо-ло-ДЕЦ». Дело слегка осложнилось.

Спустя примерно час и пары десятков обращений ко мне, как к прислуге, я, так и не успев рассмотреть все великолепие лайнера, наконец-то нашел бар. В брошюрке, выданной мне по прибытию, было написано, что всего на корабле двадцать три бара различной направленности (и это не считая ресторанов, которых еще больше), и даже несмотря на преимущество белого цвета, были бары в стиле стимпанк, готика и средневековье, в которых я в своем черном облачении был бы как дома, вот только в брошюре не хватило места для точных координат, а по информативным картам просто невозможно было ориентироваться. Но мне срочно надо было выпить, и я таки нашел один бар на третьем этаже, возвышающемся как раз на уровне большой «капли» фонтана, из-за чего так называемое питейное заведение было стилизовано под нее. И черный ворон вошел в белый курятник, собрав на себе все взгляды посетителей. Хоть я и мало чем отличался от прислуги, на которую практически не обращали внимания, пока они не были нужны, я почему-то сразу

приковывал к себе недовольные взгляды «светлой элиты».

– Пива, – заказал я бармену.

– Темного? – спросил тот, сдерживая улыбку. Он сразу понял, что я не из прислуги, глаз наметан, но все равно не смог сдержаться от порыва усмехнуться надо мной. Я почувствовал себя новичком в модной частной школе, который из всех попал туда не по благу, а благодаря собственному уму.

– Да, шутник, темного. – Я решил не поднимать бузу, потому что богачи если и устраивают скандалы, то лишь с двумя-тремя телохранителями за спиной, я же решил ограничиться аристократическим высокомерием, мол, я выше того, чтобы скандалить с какой-то прислугой, при условии, что так оно и есть.

Холодное и вкусное пиво тут же появилось передо мной. Сервис на уровне, подумал я, даже если меня и приняли на низший слой высшего сословия. Большими глотками я выдул кружку и, заказав еще пару плюс орешки, сел за небольшой столик у стены. Пусть я и походил на шалманщика, но хотя бы в этом я был самим собой. Запах пива перебивал смрад туалетной воды и одеколона, витавший в воздухе приторной сладостью.

Я был уверен, что такое же пиво в баре, в котором я сидел вчера, было в разы дешевле, но на цены не смотрел. Во-первых, было бы странным, что богача, коим я должен представляться, вообще заботила бы цена, а внимание сегодня я уже успел привлечь, поэтому надо было «залечь на дно». А

во-вторых, – я был богат. Не то, чтобы прям очень, но теневые сделки приносили неплохой доход, а я был не последним наемником в городе, да и во Вселенной вообще, так что без работы не оставался. Иногда работал на себя, но чаще на других. И эти другие построили мне отличную репутацию, что в свою очередь поднимало цену на мои услуги в разы, но никто не жаловался, ведь в большинстве случаях я выполнял работу до конца и получал свои барыши. В остальные случаи входило предательство нанимателя. Но это ерунда, вначале эта цифра была куда больше, но со временем предатели платили по счетам, хотели они того или нет, а молва об этом разносилась эхом. А я получал компенсацию, иногда превышающую сумму основной оплаты.

Я лакал уже третью кружку пива, темного, как мои штаны, почитывая очередной буклетик, кои были в центре всех столиков в баре. Теперь стало понятно, как работает этот летающий фонтан. «Капля», которая официально называлось «Водяное облако», не просто так была на высоте третьего этажа. Сбоку, в перекрытиях и в столпах между вторым и третьим этажами, находились телекинеры, – устройства, создающие невидимое устойчивое поле, поддерживающие воду в воздухе, и настроенные так, чтобы вода просачивалась в маленькие прорехи, создавая эффект дождя. А чтобы вода не кончалась, телекинеры на дне небольшого бассейна под фонтаном также направляли струи вверх в «каплю», а цветомузыка же как раз не позволяла невооруженным взглядом

увидеть все тонкости этого процесса. А я как быдло сидел в баре и пил пиво, которое за сотни и сотни лет, как и любой другой алкоголь, уже приелось моему организму, поэтому эффект опьянения от него действовал совсем недолго. А вот эффект на мочевой пузырь никто не отменял.

Вернувшись из туалета – где со мной, слава богу, на этот раз никто не заговорил, хотя в одной из кабинок слышались странные звуки, звучавшие совсем неуместно в такой белой и чистой комнате, – я обнаружил, что за моим столиком кто-то сидит. Не то чтобы это было прямо *моим* местом, но на мягком кресле я оставил приличный такой след своей пятой точки. Но я не гордый (хотя нет – гордый, но умею сдерживаться, когда это необходимо), так что решил сесть за соседний столик, и уже проходя мимо моего бывшего...

– Принесите мне еще мартини, – услышал я женский голос и увидел протянутую в мою сторону руку с пустым бокалом, но реагировать не стал. – Эй, вы оглохли? – Она явно обращалась ко мне. Сдержаться я уже не мог.

– Сама принесешь, не сломаешься.

– Да как вы смеете? Я буду жаловаться начальству! – возмутилась она.

– Чьему? – поинтересовался я. Одно дело, когда усмехается бармен моей оплошности, но другое, когда тупые богатенькие мадмуазели в упор не видят во мне равного. Так-то я и не был им равным, даже наоборот, но я умею притворяться, и не моя вина, что кто-то замечает лишь одежду, а

не личность в ней.

– Как чьему? – выкатила барышня глаза. – Вашему.

– Ха, – усмехнулся я, – я сам себе начальство.

– Не поняла.

– Что тут непонятного? – Я, наконец, взглянул на базанившую девушку. А ничего так, подумал я, вроде не выглядит такой уж стервой. Я даже немного присмирел. – Нет у меня начальства и все.

– Но вы же официант, – промямлила она уже не таким уверенным сопрано.

– Кто вам сказал такую глупость?

– Но вы же в черном костюме.

– А может, я гот?

– Да готы так не одеваются. – Девушка тоже явно стала спокойнее, и народу, вначале с интересом наблюдавшему за затевавшимся скандалом, это наскучило и они отвернулись обратно к своим собеседникам.

– А может, я интеллигентный гот в дорогом костюме? Почему вам знать, может, у меня под одеждой все в татуировках и пирсингах? – Татуировок у меня не было, они как-то не приживались на моем теле. Я был девственно чист, это если говорить о теле: ни рисунков, ни шрамов, ни даже мозолей на ладонях. Иногда из-за этого у меня возникают неловкие ситуации.

– Вот еще – фыркнула девушка. – Мне только не хватало знать, что у вас под одеждой. Мне достаточно и того, что сна-

ружи. – Она демонстративно отвернулась и поморщилась, но меня не проведешь...

– А может как раз этого вам и не хватает? – Я немного подвинул кресло в ее сторону. – Для полного, так сказать, мироощущения.

– Вы так ко всем девушкам клеитесь или только к тем, кому безразличны? – спросила она, хотя в голосе не было ни нотки возмущения.

– Ха-ха-ха... Если я так уж вам не нравлюсь, что же вы продолжаете со мной разговаривать?

– А я и не разговариваю, я спорю. Это две большие разницы, знаете ли!

– Хм, и о чем же вы со мной спорите? – Я слегка наклонил голову и ухмыльнулся.

– Как о чем? – изумилась она, повернувшись ко мне. В глазах у нее горел огонек.

– Ну вот так. О чем? О моей принадлежности к прислуге? Или о внешнем виде гэгов? А может о том, что у меня под одеждой?

Она вновь отвернулась, но даже за свисавшими с головы длинными черными волосами, прикрывающими лицо, я заметил тень улыбки.

– Так о чем? – снова спросил я.

Она не успела ответить, к ней подошел молодой человечек (так-то для мне все молодые, но по виду ему было лет сорок, что лет на пятнадцать больше, чем ей). Я даже сначала не

понял, откуда выполз этот пузан, что для меня не свойственно – я всегда замечаю, что происходит вокруг меня, а тут... отвлекся. Но увидев его, я снова взял себя в руки. Судя по всему, он появился из туалета, хотя, насколько я помню, туда никто после меня не заходил и не выходил. Так вот кто издавал те зловещие звуки рождения Ктулху! Он как-то покровительственно положил свою руку с колбасными пальцами на плечо девушки («А помыл ли он руки?», – промелькнуло у меня.) и противным голоском протянул, обращаясь к даме, но смотря на меня:

– Он к тебе пристаёт?

– Нет...

– Да, – перебил я девушку. – Пристаю! – Народ вновь наострил уши. – И что?

Толстячок аж оторопел. Он явно не привык к такому к себе отношению. Я это, естественно, понимал.

– Что? Как что? Не понял. Да ты вообще знаешь, кто я? – начал «включать быка» хомячок.

Возле него выросли две глыбы, коих я еще заприметил при входе. Два красномордых (в прямом смысле слова) йофира – раса здоровых быдланов с красной как у вареного рака кожей. Но заметил я их не из-за цвета кожи – на борту было много различных рас всех цветов радуги, – а из-за серой одежды. Только сейчас понял, что серый носили телохранители и им подобные, то есть та же прислуга, только чья-то личная. Я демонстративно их не заметил.

– Знаю! – Я не знал. – А ты знаешь, кто я? – ответил я в такт ему.

– Нет... – отозвался он чуть рассеянно.

– Ну так и не связывайся со мной.

– Да это ты со мной связываешься, шнырь! Парни, покажите лоху, где раки свистят.

Последняя фраза показалась мне нелогичной, но его цепные псы все поняли и двинулись на меня.

Они были профи с годами, а то и десятилетиями упорных тренировок за плечами. А я был бессмертным, и за плечами у меня были сотни лет получения тумачков, и чуть больше их раздачи.

Правый от меня красномордый попытался ударить меня с разгона правой же рукой, довольно быстро для его габаритов, но очень медленно для меня. Уклониться не составило проблем и он, не ожидая отсутствия преграды, начал падать, не сумев вовремя затормозить, но вот левый бугай, который пытался нанести по мне удар, тоже, естественно промахнулся. Промахнулся по мне, но как следует, с того же разгона, как и его брат/друг/коллега, врезал прямо по затылку летящему на землю брату/другу/коллеге, отчего того развернуло прямо в воздухе и он, еще и перевернув стол вместе с зазевавшимися посетителями, отлетел метра на четыре и вырубился. Так-то вырубился он еще в воздухе, но не суть важно. Второго тоже немного занесло, но он удержался на ногах.

Ненадолго. Не давая ему времени опомниться, я резко подался к нему, схватил за правую вытянутую руку, потянул за собой, развернулся и резким рывком выкинул двухсоткилограммовую тушу за пределы бара. Она, то есть туша, пролетела метров пять и, проломив хрупкую ограду балкона, влетала в «каплю». Как я и планировал, естественно. Телохранитель, попав под воздействие телекинеров, завис в «Водяном облаке», неуклюже барахтаясь. Йофиры могут задерживать дыхание примерно на час, так что не утонет, а служба безопасности все равно скоро отключит телекинеры и мордорот будет спасен. Все произошло так быстро, что бармен даже не успел выказать свое недовольство по поводу драки в его заведении и попросить выйти наружу. Для него, наверняка, подобный инцидент первый на его памяти.

Я повернулся к боссу этих вояк, ожидая увидеть на его лице страх, удивление или любую другую отрицательную эмоцию, а на лице девушки радость, благодарность, восхищение, в общем, эмоцию положительную. Но все было наоборот. Толстячок широко улыбался, явно в восторге от представления, а вот девушка, все еще сидя на своем (бывшем моем) месте, опустила голову, и даже за вновь упавшими на лицо волосами я разглядел какую-то раздосадованность и недовольство. Непонятно.

– Потрясающе, потрясающе! – захлопал в ладоши босс только что избитых телохранителей, чуть ли не прыгая от свинячьего восторга, что с его внешностью было вдвойне за-

бавно. – Это просто потрясающе! Никогда не видел ничего подобного! Никогда бы не подумал, что один человек может раскидать моих богатырей, словно слепых щенят.

– Не совсем такая реакция, на какую я рассчитывал, – честно признался я. – Разве тебя не волнует судьба твоих шестерок и особенно твоя собственная?

– Шестерки, они на то и шестерки, чтобы их разменивали – отмахнулся он. – А меня ты не тронешь.

– Это еще почему? – удивился я самоуверенности толстячка.

– Ну, как? Во-первых, я важная рыба. Красномордых ты еще побить можешь, но меня тронуть не посмеешь! – Его уверенность/глупость (нужное подчеркнуть) выходила за все рамки разумного. Я таких встречал не раз, долго они не жили.

– А во-вторых?

– А все. А больше и не надо, – снова усмехнулся он.

– Эй, а кто за это платить будет? – наконец пришел в себя бармен. – Весь бар мне разгромили!

– Запиши на счет Костуна Де Вито Рейнольдса, – ответил толстяк, не оборачиваясь, и обратился ко мне: – Слушай, у меня есть для тебя предложение: становись моим телохранителем! Деньгами не обделю.

Я подошел поближе к толстяку и тихо спросил: – Неужели я похож на того, кому нужны деньги? – После чего резким ударом в нос отправил его в нокаут.

Девушка, до этого просто сидевшая, склонив голову, и не повернувшаяся даже после того, как я вырубил ее... папка?, вдруг резко встала и быстрым шагом направилась мимо меня к выходу. Да, совсем не такая реакция...

Решив, что инцидент исчерпан, я тоже направился к выходу, в надежде догнать девушку. Ну и заодно смыться от медлительных секьюрити корабля. Могли быть и порасторопней, подумал я, хотя, вероятно, они просто не могли и предположить, что среди их «элитных» клиентов может возникнуть крупный дебош.

Выходя быстрым шагом из бара – йофир все еще барахтался в «капле», а завидев меня, попытался даже ко мне подплыть, и явно не с дружескими намерениями, – я обнаружил девушку, быстро отдаляющуюся от бара. Я направился за ней, но ее ноги оказались довольно длинными, и мне даже пришлось немного пробежаться, но когда между нами оставалось метров десять, она резко свернула вправо – там был узкий проход на правый край корабля. Добежав до поворота, я остановился. Пусто. Дойдя примерно до середины, я почувствовал резкий рывок за руку и меня тут же затолкали в небольшую складскую комнатку.

– Ты какого хрена там устроил? – Девушка уверенно держала меня за грудки и прижимала к стене.

– А что я? – поднял я брови. – Я защищал честь...

– Тебя кто-то просил? – перебила она меня. – Меня не надо было защищать! Я и так прекрасно справлялась!

– С чем справлялась? – не понял я.

– Ты вообще кто такой? Откуда ты взялся? – ответила она вопросом на вопрос, но пиджак отпустила.

– Как кто? Гений, миллиардер, плейбой, филантроп... – ответил я, разглаживая помятую одежду.

– Не надо дурацких шуточек, – сверкнула она глазами. – Никакой ты не миллиардер, миллиардеры так себя не ведут, а судя по тем избитым, на филантропа ты тоже неходишь, ну а если вообще все это устроил, плюс твой костюм...

– Нормальный у меня костюм!

– ... то и гений из тебя никудышный.

– А вот про плейбоя ты ничего не сказала, – улыбнулся я.

– Ты всегда такой?

– А ты? Сначала заигрываешь с парнями, имея папика за плечами, а потом затаскиваешь их в какую-то подсобку (что само по себе не так уж и плохо) и начинаешь предъявлять претензии.

Подсобка. Так много теплых воспоминаний. Таких воспоминаний у меня полно для любого тесного помещения, где можно уединиться. Однако маловероятно, что этот случай можно будет приобщить к тем.

– Этого, как ты выразился, папика я обхаживала больше трех месяцев, пытаюсь стать лучшей его... женщиной, чтобы он взял меня в этот круиз. А ты все испортил! – последнюю фразу она чуть ли не выкрикнула.

– Что значит – обхаживала?

– А то ты не понял. Ты хоть и не гений, но на это мозгов должно хватить.

Конечно, я и так все отлично понимал, но иногда приятно вот так поиграть, притворяясь дурачком, отчего затем умные мысли производят большее впечатление.

– И зачем ты мне все это рассказываешь? Я же могу пойти, например, к охране и наступать на тебя.

– Не наступишь, – уверенно заявила она, скрестив руки.

– Почему это?

– А потому что ты такой же, как я. Ты не один из этих заздравшихся толстосумов, стремящихся еще больше нажраться и еще больше утолстить свои суммы. Ты ведь тоже не очень законопослушный гражданин? – Вопрос прозвучал как утверждение. – Я это сразу поняла. Богачи вроде Костуна никогда не подкатывают к девушкам, – они просто берут и пользуются. Без вопросов. Они никогда никого не защищают, кроме себя любимых, и это не говоря о том, что из них драчуны, как из меня светская львица. А еще они не портачат с костюмами.

– А вот сейчас обидно было. Достали меня с этим костюмом уже.

– Ты мне испортил три месяца работы.

– Почему испортил? – спросил я немного удивленно. – Могла бы с ним остаться и дальше играть. Ты ведь сама ушла.

– Ты его просто не знаешь, – покачала она головой. – Его лишь однажды в жизни били. В детстве. Его младший брат,

который еще тупее, чем он сам. И с тех пор он решил, что его никогда никто больше и пальцем не тронет, потому и завел себе больших и страшных дяденек за плечами, этих сеньоров Помидоров. Он сейчас очнется и обозлится на целый мир, а потом просто улетит с лайнера. Скорее всего, в какую-нибудь дорогую больницу, лечить свой нос и все остальное, что отбил.

– Да я ж слегка ударил. Там даже перелома нет.

– Я ведь тебе говорю: его не били с пяти лет. Для него это просто катастрофа. И для тебя тоже, кстати. Он будет тебя искать. Так что жди гостей. И это будут не красномордые йофиры, а кто-нибудь посерьезней.

– Я не боюсь. А ты? Не боишься, что просто сбежала от него? Она лишь усмехнулась:

– Он когда кровь из носа увидит, обо мне даже и не вспомнит. У него таких, как я, – вагон и маленькая тележка.

Помолчали.

– Теперь твоя очередь, – сказала она наконец.

– В смысле?

– Давай, говори, какого черта ты тут забыл? И не надо ля-ля, что ты простой богачей и пришел поразвлечься. Говори-говори, ты мне должен.

И я все же поведал ей о том, что я наемник и что прибыл на этот корабль для ограбления. А точнее, меня наняли, чтобы украсть одну вещь – шкатулку. В инструкции не было написано, как она выглядит, но зато сказали, где ее мож-

но найти: в номере 1408. А еще строго-настрого запретили в нее заглядывать. Что я с этого имел? Несколько десятков тысяч толстосумов, богачей и плутократов, набитых как килька в банку на этом вылизанном сверху донизу судне. И тут всплывает резонный вопрос: а почему я раньше не обчистил это потрясающее судно, бороздящее просторы Вселенной? Все просто – мне было лень. Даже не то чтобы лень, просто не было особого желания и резона. Как я уже говорил, деньги для меня не были проблемой. А тут контракт. Почему бы и не взяться за столь грандиозное дело? Про последнее я все же умолчал, пока незачем ей знать, что у меня кругленькая сумма в банке. Мало ли что. И все я этой ей поведал, сам не зная почему. Наверно, как-то понял, что она не выдаст, ведь мы чем-то похожи. А если и выдаст – кто ей поверит? Без Костуна она была здесь никем.

– Я хочу в долю, – сказала она, как только я замолчал.

– В долю? – удивился я. С нашей судьбоносной встречи не прошло и получаса, а она уже столько раз успела меня удивить.

– А что? Ты мое дело загубил, так что должен мне как минимум альтернативу. Да и не унесешь ты все равно все богатства. Ты сам говоришь, что тут десятки тысяч гостей. Ты всех и за целый год не оберешь. Так что не жадничай.

– Что ж, – сказал я после короткой паузы, – вполне резонно. Так уж и быть, я согласен на совместную работу. Можешь брать все, что захочешь, кроме шкатулки, конечно.

– Согласна, – кивнула она и протянула мне руку, которую я тут же пожал, хотя и не любил этого.

– И еще одно условие, – заявил я ей, – если мне что-то понравится из украденных тобой вещей, я это забираю.

– Хм, а что тебе может понравиться? Может, я тогда и не буду это брать, чтобы зря не тащить.

– Тащи все. Там разберемся, – сказал я. А вдруг она и правда найдет что-нибудь интересное? Даже если и нет, она должна уяснить, что среди нас главный я, а она лишь прилипала, и основная добыча принадлежит мне.

– Ну, хорошо, – согласилась она, даже не попытавшись затеять спор.

– А, кстати, ты так и не сказала, как тебя зовут.

– Ты тоже.

– Я первый спросил.

– Ну, тогда жди моего ответа.

Глава 2

Вначале я хотел отдохнуть: недельку, две, может, даже месяц. Не часто у меня выдаются свободные деньки. Хотя нет, вру, свободных дней у меня бывает много, но провожу я их обычно в местах злых и мрачных, куда не сунется простой обыватель в страхе нарваться на нож. А мне нормально, особенно потому, что обычно я похож на того, у кого как раз и будет в руке этот нож. Небритый, взлохмаченный, ругаюсь матом, не самого чистого вида плащ или пальто, в зависимо-

сти от погоды, под которыми может быть все, что угодно: от того же ножа до автомата. Не то чтобы мне нравилось пребывать в таком затасканном виде, но иногда находит. Нет, не депрессия, такое со мной крайне редко случается, а просто хочется чего-то новенького, но обычно все заканчивается чем-то стареньким. Хоть алкоголь на меня и слабо действует, но достаточно большое его количество в купе с крепостью делают свое дело. А еще наркотики. Не знаю, можно ли меня назвать наркоманом, но иногда балуюсь. Я бессмертный, мне можно, у меня даже привыкания нет, просто повеселюсь чутка и все, снова как огурчик. Хотя, долго все равно ничего употреблять не могу, ибо вырабатывается временный иммунитет.

Но не об этом речь. Появление поначалу загадочной девушки слегка нарушило мои планы. Она хотела закончить все быстро и свалить, и не упускала случая непрозрачно намекнуть, что ее планы нарушил именно я, так что я теперь ей должен, и чем раньше долг будет «выплачен», тем лучше. Лучше для нее.

– Так какой, говоришь, нам нужен номер? – поинтересовалась она.

– 1408.

– А, ну да. Хорошо, что ты сменил тот ужасный костюм.

– Какая ты жестокая. – Я демонстративно опустил голову и надулся.

– Не я такая, работа такая. Ты был слишком приметным.

Мы шли по одному из верхних этажей, на котором должен был находиться искомый номер. Костюм я предварительно сменил, купив новый – белый – в одном из множества бутиков, находившихся на одном из уровней корабля. Девушка лично его выбрала, причем мне пришлось перемерить десятков ни чем, по моему мнению, не отличающихся пиджаков и брюк. Она, кстати, тоже сменила свое узкое платье на более удобное. И теперь мы оба шли в белом, словно невеста и... жених без чувства вкуса. Не люблю белый цвет, он слишком легко пачкается, а работа у меня грязная. На плече я нес небольшую сумку, в которой протащил немного оружия и инструменты для вскрытия замков, сейфов и черепов. Будучи при деньгах, на борт можно было пронести хоть атомную бомбу, никто бы не стал тебя обыскивать. Если бы я следовал первоначальному плану и стал официантом, то на этот случай в инструкции описывался детальный план проноса инструментов на борт, но это заняло бы больше времени, а риск бы возрос.

– А то я, блин, не заметил, – съязвил я.

– Так чего вырядился, как на похороны?

– Откуда мне было знать, что здесь неделя косплея снега? – В данном случае мне бы подошел образ черного пепла.

– Ты же вроде говорил, что профи. Надо было лучше узнать о месте, в которое наведываешься, чтобы обокрасть целую толпу народа.

И это мне говорит та, что целых три месяца обхаживала

толстого толстосума, которого я бы обчистил за пару минут, не говоря уже о том, что у меня опыта в разы больше, пусть она об этом и не знает. Не люблю я, когда меня поучают.

– Во-первых, у меня были подробные инструкции, в которых ни слова не было о цвете одежды. – На самом деле, я их так и не дочитал. —А тратить время на поиски ненужной мне информации я не люблю. Если есть инструкции, я тоже им следую. – Про то, что я первоначально должен был быть прислугой, я тактично умолчал. – И если заказчик упустил важную деталь, я требую надбавку, что и собираюсь сделать после выполнения заказа. – Так-то нет, я собираюсь для начала поискать в бумагах упоминание об одежде.

– Все с тобой ясно. Ну, а во-вторых?

– А во-вторых... А во-вторых, девочка, не надо со мной, как с дурачком, у меня опыта в тысячу раз больше, чем у тебя. Я вначале хотел немного отдохнуть, так как в контракте не указаны точные сроки выполнения заказа, а вот потом уже заняться делом, которое я бы и без тебя начал с покупки нового костюма, более подходящего для антуража.

– Все, все, я поняла, – подняла девушка руки, мол, сдаюсь, – не надо так злиться. Я злодейка, я все поняла. Помешала Робину Гуду свершить его благородное дело. Беру всю вину на себя.

Она так и истекала неприкрытым сарказмом. Почему все женщины такие... такие... женщины. Они всегда находят способы указать тебе твое место, при этом сами решают, где

оно должно быть. Из-за ее болтовни мне уже самому захотелось поскорее завершить дельце и свалить куда подальше, пока она не возомнила себя хозяйкой бала, к чему уже была близка.

– Вот давай только без сарказма и иронии, – сказал я. – Мы даже еще дело не начали, а ты уже начинаешь.

– Опять я виновата! – всплеснула девушка руками. – Вообще-то, пока ты там костюмы мерил и любовался в зеркало («Сама же меня заставила переодеться, и не один раз! – зло подумал я, но промолчал»), я уже сделала полдела.

– Как это? – удивился я. Похоже, она уже все взяла в свои руки, и если все провалится, то виноват, естественно, буду я.

– На каждом уровне лайнера есть стойки регистрации. Так вот, я подошла к одной из них и попросила, чтобы нас выписали из наших старых номеров и дали новый двухместный где-нибудь в промежутке между 1400 и 1410, мотивируя это тем, что ты крайне суеверный. Именно поэтому я и сказала тебе забрать из номера все свои вещи. Странно, кстати, что ты с собой только одну сумку с инструментами захватил, если собирался остаться тут на продолжительное время.

– То есть как это выписала? Никто же кроме самого постояльца не может выписать его из номера.

– А я представилась твоей женой – хмыкнула она самодовольно, словно делая мне одолжение. – Мол, мы только что поженились – здесь, кстати, есть неплохой храм на верхних ярусах – и хотим провести первую брачную ночь в своем об-

щем номере. Пара красивых бумажек растворила все сомнения служаки за стойкой.

Хоть она и говорила практически равнодушно, но... мне показалось или она немного покраснела? Все девушки такие, как бы они себя не вели, все мечтают о принцах на белых конях. Именно во множественном числе, чтобы был выбор. У меня, правда, был только белый костюм, так что я и принц, и конь одновременно. Такого кентавра вы еще не видели.

– Быстро ты, – протянул я.

– Это для дела.

– Ты слишком серьезно к этому относишься.

– Так и надо, вообще-то, – поучительно сказала она. Она точно не поверила, что у меня больше опыта. – Кстати, мы на месте: номер 1409. Не знаю, какой умник это проектировал, но дверь прямо напротив двери 1408. Хотя, может это и к лучшему, – удобней следить за перемещениями постояльцев. Кстати, в твоей этой инструкции не было указано, кто живет в этом номере или кто его охраняет?

– Нет. Но зато было сказано, что проникнуть в номер не сложно, а вот с сейфом придется повозиться.

– Это само собой. Куда без сейфа-то?

Номер был шикарным. Просторная комната с диваном у стены справа и креслами вокруг небольшого стеклянного стола в центре. В углу слева мини-бар. А главное – окно. Огромное окно на всю стену, открывающее вид на космос.

Маршрут круиза проходил лишь по одной галактике, а точнее, лишь по небольшой части этой галактики, ведь никакой жизни не хватит, чтобы пролететь через все «молочное кольцо»... ну, не считая кое-кого вам небезызвестного. И как раз сейчас мы проходили мимо скопления астероидов, что для обывателя выглядело довольно уныло: просто огромные камни в невесомости. Мне, по крайней мере, было скучно, девушка тоже лишь мельком взглянула в окно. Справа в углу находилась дверь в спальню. Большая двухместная кровать с телевизором напротив и зеркалом на потолке. Зеркалом прямо над кроватью, отражающим все, что происходит в постели...

– Ты спишь на диване. – Голос девушки вывел меня из мира грез.

– Что? Почему? – Я все еще витал в облаках и не смог или забыл сдержать странный тембр голоса, будто обиженный. Она это расслышала.

– По кочану!

– Тогда нафига взяла номер с двухместной кроватью?

– Потому что мы, типа, женаты. Это было бы слишком подозрительно, если бы я взяла номер с двумя отдельными кроватями. Да и нет здесь других.

– Ладно, не важно. Но мы же взрослые люди, можем и в одной постели поспать...

– Диван, – твердо сказала она и выпроводила меня из спальни.

Заняться делом было решено завтра. Хотя в космосе и нет заходов и восходов солнца, но на лайнере зато было свое собственное время, и в данный момент часы показывали шесть после полудня. Примерно часов в восемь мы заказали ужин в номер, молча поели и разошлись спать. Завтра предстоял долгий и сложный день.

Пусть мы и собирались встать пораньше, но сон ко мне никак не шел, зато напали предсонные думы, из-за чего я заснул примерно за два часа до начала «операции», хотя это не было проблемой из-за моей способности приспособливаться. Я мог вообще не спать сотни и тысячи лет, и был бы всегда свеж и бодр, но... Вы когда-нибудь не спали очень долго, например, дня три? Глаза слипаются, в голове туман и вата, ноги передвигаются на автомате, а единственное желание – СПАТЬ! Лечь на мягкую кроватьку с мягкой подушечкой, накрыться облачным одеяльцем и провалиться в небытие с приятными снами про пони, радугу и розовую травушку-муравушку. Я такого состояния не испытываю, но зато я испытываю радость от просыпания. Не эту саркастическую радость от просыпания в шесть утра от трели будильника, мол, «О, понедельник! Наконец-то! Как же я рад проснуться ни свет ни заря и пойти на любимую работу!», а настоящую радость от естественного пробуждения. Это действительно удовольствие, и я не отказываю себе в свободное время вздремнуть, чтобы потом приятно проснуться в хорошем

настроении. Иронично, но из-за дум о приятности сна я никак и не мог заснуть. А может, истинная причина была в другом. Может, истинная причина мирно спала за стенкой. Или не спала? Прислушался – тихо.

Проснулся я резко и, как это часто бывает, забыл почти обо всем, о чем думал перед сном, кроме приятного пробуждения, которого на сей раз не было. Бывает и такое. Я резко открыл глаза, резко поднялся с дивана и нестройным шагом направился в душ. Вот вам еще одна ирония – я мог не спать вообще никогда, и был бы бодрячком, а вот спросонья все равно неадекват, как и большинство других живых существ. Ничего не вижу, ничего не слышу, где я вообще, черт возьми? Так и вошел в ванную комнату. Открыл дверь помещения, открыл полупрозрачные дверцы душевой кабины (кто вообще додумался делать дверцы душевой кабины прозрачными? Вообще... молодец он!), а там... А оттуда душевым шлангом по голове (кто вообще додумался делать насадки на душевые шланги металлическими? Не правильно это как-то... и больно) и тычок в грудь так, что я поскользнулся и треснулся задом о плитку пола! Освежающе, ничего не скажешь.

- Ты совсем дурак? Чего в душ лезешь? – гаркнула она.
- Ну хоть не в душу, скажи? – усмехнулся я в ответ.
- Очень смешно.

Я сидел мокрый на диване и ждал, пока она выйдет из душа. И вот она вышла. Я знал, что сейчас мне опять достанется и потому заранее смирился.

– Или решил действовать наскоком? – она ехидно усмехнулась.

– Я просто хотел в душ! Кто ж знал, что ты так рано просыпаешься? – Похоже на дешевые оправдания, да? Похоже!

– Так там дверцы душа прозрачные. Ты не видел, что там занято? Да и шум воды не плохой подсказчик.

– Да я даже проснуться не успел, где мне там детали высматривать? – А ведь если бы был чуть пободрей, то, может, и высмотрел бы эти самые детали, а так лишь насадка для душа маячила перед глазами.

– Ладно, черт с ним. – Я ожидал большего разноса. – Ты ничего не слышал? Никто не входил, не выходил из того номера?

– Я часов до четырех не спал, но ничего не слышал.

– Я до полчетвертого, – невзначай сказал она.

Возникло подобие неловкой паузы. Что, если она думала о том же, о чем и я? А что, если она и сейчас тоже думает о том же, о чем и я? Надо быстро разрядить обстановку. Скажи что-нибудь. Что угодно!

– Что угодно!

– Что? – вздрогнула девушка.

– Я это... в душ.

– А, да, теперь там свободно.

– Я проверю сначала... на всякий случай. – Да, я веду себя очень естественно...

До самого позднего вечера мы попеременно наблюдали в глазок за соседним номером и прислушивались к любым звукам, но все оказалось бессмысленно. За весь день оттуда никто не выходил и туда никто не входил. Я начал высказывать свои опасения по этому поводу. Была мысль, что этот номер снят чисто для отвлечения внимания, а шкатулка, за которой я охочусь, в совершенно ином месте. А еще я предполагал, что в номере сидит полно охранников с оружием и охраняют эту самую шкатулку, а сам владелец живет в другом номере и в ус не дует. Но эту теорию девушка опровергла сразу, сказав, что даже охранникам нужно питаться, а в номер ничего не доставляли, ну а я в ответ заявил, что у них может быть годовой запас рамена или что-то в этом роде. Девушка даже в качестве доказательства своей правоты вышла из номера и постучала в дверь, но ответа не последовало. Тогда она залепила глазок жвачкой и вернулась в наш номер. Я и не думал ее останавливать.

– Вот так, – выдохнула она, осторожно закрывая за собой дверь. – Я же говорила, что там никого нет.

– Во-первых, то, что тебе не открыли, не значит, что там никого нет. Я сам неделями сидел в засадах, так что знаю, что настоящий профессионал не поведется на такую примитивную провокацию. И если бы тебе все же открыли, что бы

ты тогда делал?

– Сказала бы, что ошиблась номером, – неуверенно буркнула девушка.

– Это тебе не телефонный звонок. Тебя бы мгновенно за-тащили в номер, и только бог знает, что бы они с тобой сделали, выясняя, кто ты такая и действительно ли ошиблась номером.

Я бы так и поступил, если бы вообще открыл дверь.

– А во-вторых? – пробубнила порозовевшая девушка.

– А во-вторых, цель не оправдывает средства. Если бы тебя схватили, мне бы пришлось тебя отбивать, а по-тихому у меня бы не вышло. Весь план полетел бы к чертям. Ты как будто в первый раз, честное слово. – Наверно, я переборщил, но лучше научить теории сейчас, чем потом спасать ее от практики.

– Я поняла, извини, – девушка еще сильнее зарделась и скривила губы, что было видно даже с опущенной головой и прикрывающими лицо черными волосами.

– Ладно, и ты меня. Переборщил маленько.

– Да нет, ты абсолютно прав, – подняла она на меня глаза.

– В чем именно?

– Во всем. Я действительно поступила глупо, слишком топорно и нетерпеливо. А еще... это и правда мой... первый раз. Я никогда раньше никого не обворовывала.

– Это как это? – вытаращил я глаза. – А тот потный Винни как же?

– Он-то как раз и был моей первой жертвой, точнее, должен был им стать, пока...

– Пока я все не испортил, – закончил я за нее. Даже извиняясь, она сумела напомнить мне и о моей якобы промашке. – И ты что же, никогда раньше никого не обворовывала?

– Ну, так, по мелочам. В магазинах там еду воровала, одежду и все такое, что можно было продать. Но прям из кармана никогда ничего не тырила.

– Странная ты. Вроде совсем зеленая, а меня сразу раскусила.

– Просто... просто мой отец тоже был вором. – Девушка уже перестала дуться и стала говорить свободнее, даже рюмянец практически сошел. – Не таким... гм... масштабным, конечно, но все же. И водился с такой же компанией, вот я и стала на глаз отличать простых граждан от... от преступников. Но воровать я сама не хотела, из-за чего он меня даже иногда бил. Ты ничего не подумай, – быстро добавила девушка, – он меня любил. По-отцовски любил. Но иногда на него находило. А потом он умер...

– Соболезную, – сказал я, но она словно не заметила и продолжила дальше:

– Представляешь, он решил завязать. Всю жизнь воровал, а тут решил завязать. Говорил, что хочет куда-нибудь уехать вместе со мной и зажить новой жизнью. На другую планету перелететь мы, конечно, не могли – не было ни документов, ни достаточно денег, – но он сказал, что на переезд в другой

город средства он найдет. Решил с друзьями-ворами ограбить банк. Впервые. Я подслушивала их разговоры в комнате, стоя за дверьми. И вроде план был детально продуман, но что-то пошло не так и его застрелили вместе с остальными уже на выходе. А я осталась одна. Мне тогда было восемь. Ну а дальше все стандартно по сюжету: детдом, побеги из детдома, драки с ровесниками и не совсем, снова побеги и так далее и тому подобное. Но воровать я все равно не хотела, пока однажды не сбежала так далеко, что меня решили больше не ловить.

Я сидел и молча слушал, потому что понимал ее. Когда я убежал из очередного города, где сжигали ведьм и им подобных, а потом еще и из страны, я так же скитался по свету и не редко воровал, в том числе и еду. Это только потом я понял, что могу прожить и без нее, но как и в случае со сном, поглощение еды вызывало огромное удовольствие и чувство... обычности, особенно вкусная дорогая еда, на которую у меня денег тогда не было. Не все ей сказанное было правдой – это я умел отличать, – но часть про нее саму она не выдумала.

– Тогда меня и настиг голод, – продолжала девушка. – Жуткий голод, который я не испытывала до этого никогда. В тот момент меня и накрыло. Я поняла, что отец делал для меня. Точнее, что он делал это ради меня. Чтобы я не голодала и была счастлива, и хотел, чтобы я тоже начала воровать, так как понимал, что рано или поздно он умрет, и я останусь одна, неспособная о себе позаботиться. У него была смертель-

ная болезнь. Он ничего мне не говорил, а я поняла это уже намного позже. Глаза начали вваливаться, он весь осунулся, руки иногда дрожали... Рак, наверно, или что-то в этом роде. В общем, я проплакала, наверно, дня три, а потом решила, что с меня хватит. Я решила добиться всего в этой жизни своими собственными силами. И плевать, что надо было воровать. Многие добрались наверх по головам, воруя и даже убивая, а теперь сидят в теплых креслах и нагло заявляют, что всего добились сами и честным путем!

Последние фразы она произнесла гневно, выплевывая их, даже слезы, до этого льющиеся из глаз, вдруг резко испарились.

– Я «заработала» достаточно денег, купила самое красивое платье, хоть и не в самом лучшем магазине одежды, и отправилась в дорогой клуб, где наметила себе жертву.

– Костун, – догадался я.

– Да, этот толстяк. Я втерлась к нему в доверие и делала все, что он пожелает. Ты не подумай, – поспешила она объяснить, увидев на моем лице отвращения, – ничего такого. У него уже лет пять в штанах сдутый шарик болтается, так что ему не до этого. Точнее, до этого, но... все равно никак...

– Я понял, можешь не продолжать, – спас я девушку от противных подробностей. Противных как для нее, так и для меня.

– В общем, ему девушки нужны лишь для поддержания статуса. Он их... нас... их... каждые три-четыре месяца ме-

няет, в общем. А у меня уже как раз третий пошел. И тут он решил отправиться в круиз. И я посчитала, что это лучший шанс, чтобы его обчистить. Тут столько народу, что он меня и за год не найдет, особенно если я сменю прическу и цвет волос. Он даже имя мое запомнить не мог, что уж говорить о внешности. Описал бы меня как стройную девушку с длинными черными волосами, а я бы волосы отрезала и перекрасила, и ищи-свищи. Тут хоть женщин моей расы и меньше, чем мужчин, но тоже очень много.

– Я уже не так сильно жалею, что вырубил того дяденьку, – усмехнулся я.

– Почему?

– Мне нравится твоя прическа, – просто ответил я.

– Мне тоже, – улыбнулась девушка.

Мы и не заметили, что прошло около часа, а за окном уже... хотел сказать – стемнело. Но мы в космосе, тут за окном всегда одинаково темно, если не пролетать мимо звезды. Мы заказали поздний ужин, опять поели в тишине и пошли спать. Я заснул почти мгновенно, и снилась мне моя жизнь на родной планете. Жизнь, полная беготни, проводимых надо мной экспериментов, сидений в тюрьмах и концлагерях, войн и много другого дерьма, которое глубоко засело в подкорку – не вырубить и топором. И ее жизнь казалась мне такой простой по сравнению с моей, что я даже не понимал, что чувствую. Нечто среднее между сочувствием и завистью. И все это во сне. Я, конечно, мог подкорректировать свой

сон – осознанным сновидениям я обучился еще на родной планете, – но не стал. Хотел почувствовать.

Встали мы опять рано. На этот раз я подольше полежал в постели, чтобы окончательно проснуться и избежать неловких казусов. Сходил в душ, разделил трапезу с девушкой и вышел в коридор.

На глазке все еще была прилеплена вчерашняя, уже засохшая, жвачка. Щепотка соли тоже осталась нетронутой – вчера перед сном мы насыпали немного соли на дверную ручку, чтобы знать, открывалась ли дверь ночью. Как оказалось – нет. В номере с вероятностью в девяносто процентов было пусто. Мы решили действовать следующей же «ночью». Даже если там была засада, то максимум, что они могли сделать – убить меня. Точнее, попытаться. Я бы уничтожил любую засаду, но тогда может подняться лишний шум, что не желательно. Я рассказал свои мысли девушке (не уточнив, конечно, что меня нельзя убить, и это не из-за того, что я уж очень крутой боец), предложив подождать подольше, как и планировал с самого начала, до встречи с ней, на что она ответила: «Ты планировал не следить за номером, а веселиться целый месяц, так что делаем все сейчас!». Я не нашелся, что ответить. И только потом сказал, что в номер зайду только я, а она останется на стреме. На негодования я ответил лишь тем, что это мое задание и что основную работу должен делать более опытный. Она, было видно, обиделась, но согла-

силась.

Весь следующий день мы провели за просмотром телевизора и поеданием пиццы. Несмотря на то, что девушка старалась выглядеть спокойной, я чувствовал ее тревогу и волнение. С наступлением времени, когда большая часть обитателей лайнера либо спала, либо развлекалась в барах и игорных заведениях, мы приступили к операции. Она была совершенно несложной, учитывая то, что я заранее подготовил все «инструменты».

Для начала, я открыл дверь нашего номера и бросил в коридор небольшой Факсимильный Куб – размером примерно два на два сантиметра полупрозрачный куб, который автоматически подключается ко всем техническим средствам в определенном радиусе. После этого некоторое время (в данном случае – десять секунд) он записывает картинку, которую видят всевозможные камеры вокруг, и звук, а затем заставляет записывающие устройства бесконечно повторять один и тот же зацикленный видео- и звукоряд, пока его не отключишь, если, конечно, не установить автоотключение. Когда камеры оказались под контролем, мы вышли в коридор. Куб я спрятал от возможных глаз в нашем номере, ибо после подключения его нельзя далеко уносить от места активации.

Взломать дверь не составило труда – даже в одном из самых престижных космических лайнеров двери были с замком, открываемым стандартной магнитной картой-клю-

чом. Для профи взломать такой замок, словно отнять парик у лысой старухи.

Я вошел в комнату, готовый ко всему, даже вакуган за поясом на всякий случай, но меня встретила лишь темнота помещения. Я аккуратно нащупал выключатель, все еще находясь в стойке ниндзя, и включил свет. Ничего не произошло. На не меня не налетели здоровяки охранники, не сработала сигнализация, не выстрелило ружье, одним словом – тишина. Девушку я оставил за дверью, на всякий случай – она просто стояла и якобы что-то писала в телефоне, – хотя мог бы и позвать ее внутрь, тут было безопасно, но решил, что пусть все идет, как идет.

– Ну что там? – спросила она.

– Тшш... – зашикал я на нее. – Не пались.

– Да тут никого нет, а Куб отключил все камеры.

– Все равно, лучше дверь прикрой.

Номер был практически идентичный нашему, только без окна на всю стену, естественно. Наверно, в разы дешевле, подумал я. На поиски и открытие сейфа у меня ушло минут пять, и за это время девушка раза четыре спрашивала у меня через дверь о делах. Я лишь отмахивался. И вот, кейс наконец найден. Да, в сейфе был кейс, а не шкатулка, но номер был абсолютно нетронут, словно в нем и не жили никогда, и лишь серебристый кейс в сейфе выбивался из общей картины. Я медленно отнес его в гостиную, положил на кровать, открыл и... замер, вытаращив глаза и вытянув челюсть так,

что она хрустнула.

5:00

4:59

4:58

4:57...

Я закрыл кейс. Потом снова открыл.

4:49

4:48

4:47...

– Ох ты ж ежик волосатый...

Нет, это была не бомба. Хуже. Это был таймер от бомбы. Бомбу можно попытаться обезвредить, а это лишь таймер. Сама взрывчатка может находиться в любой части двухкилометрового корабля, и не факт, что одна. Мой многовековой опыт подсказывал... нет, он кричал мне, что этому кораблю конец. Абсолютный и бесповоротный. Ради маленького взрыва, даже в одном или нескольких двигательных отсеках, всю эту игру затевать бы не стали. Даже если кто-то и погиб бы, то это лишь ремонтники, которых легко заменить, а так – хотели уничтожить кого-то (или всех) из элиты: финансистов, депутатов, членов советов, бизнесменов и даже премьер-министров. Уничтожить моими руками. А может, пытаются убить именно меня? Но если он не знает, что я бессмертный, тогда зачем все эти сложности?

Я выбежал из номера и, схватив девушку за руку, побежал по коридору.

– Валим отсюда! – закричал я.

– Эй! Что случилось? Куда валим?

– Где здесь эвакуационные шлюпки или как они там называются?

– Спасательные шлюпки, – машинально поправила она меня. – И мы бежим не в ту сторону.

Я громко выругался.

– Черт, быстрее туда! – Я развернулся туда, куда мне указала девушка, и побежал вслед за ней.

– Да что случилась?!

– Какая же ты настойчивая! На лайнере бомба! У нас около трех минут! Быстрее!

И вот тут она, наконец, побежала. Такой прыти от нее я не ожидал.

– Так бы сразу и сказал! А то беги, не знаю куда...

– Давай потом, а? – крикнул я ей в спину. – У нас нет времени.

Она была в ужасе, а девушка в ужасе – двойной ужас для всех вокруг. Обычно в таких экстремальных ситуациях у них отказывает мозг.

– Вот тут ты прав, – уже спокойней ответила она, что меня даже удивило. – До шлюпок при таком темпе бежать минут пять, не меньше. Плюс бежать придется через большой зал, где, наверняка, толпа, не протолкнешься.

– Даже если прогремят взрывы, у нас еще может быть время, чтобы сесть в уцелевшую шлюпку.

– Ты ведь ничего об этом корабле не знаешь, да?

– А в чем дело?

– Капсулу можно отстыковать только с наружной панели...

На этих словах мы вбежали в огромный зал, который оказался даже больше, чем я представлял. Он представлял собой высокий атриум с прозрачным куполом вместо потолка, через который был виден космос. Но на любование не было времени. Мы врезались в толпу, словно ледокол в полярные льды, расталкивая народ.

– Эй! Аккуратнее! – взвизгнул голос.

– Хулиганье!

– Да как вы посмели? Вы знаете, кто я такой?..

– А-а, моя сумочка...

– А ну стоять! – Это был охранник, или кто у них тут.

– Слушай, служивый, – затормозил я, – на корабле бомба.

Может даже не одна.

– Откуда у вас эта информация?

– Да какая, к черту, разница?! – взревел я. – Надо всех эвакуировать, а не стоять столбом, придурок!

– Я бы вас попросил! А то задержу вас за хулиганство и угрозу террористического акта... Подождите-ка! Что-то лицо мне ваше знакомо.

Он полез в карман и достал оттуда планшет, на котором красовался мой портрет. Точнее, снимок с камеры, где я бью кулаком в нос тому толстяку. Значит, и правда решил мне

отомстить, зло подумал я. А вслух... А вслух я ничего не сказал, но зато врезал тупому охраннику так, что тот отлетел, попутно сбив с ног пару гостей.

– Да что ж это творится? Среди бела дня...

Что там среди бела творится в космосе, я уже не услышал, так как побежал за далеко оторвавшейся девушкой. Побежал так, как могу только я. Быстро. Нет, правда, очень быстро. Если не знать, никто так сразу и не поймает, что это сейчас было: человек или гепард. Мне некогда было рассматривать народ, но перед стартом я услышал, как кто-то заикнулся о том, что перед тем, как ударить полицейского, я что-то говорил о бомбе. Недалекий ум высшего класса, я не сомневался, быстро сложит два и два, решив, что я какой-нибудь террорист, зато они помчатся спасать свои драгоценные тушки. Может, и спасутся. И расскажут всем о том, что я говорил о бомбе. Эти все тоже сложат два и два, после чего я официально стану преступником номер пять. Но это не важно, так как тот, кто меня подставляет, и так бы все закрутил таким образом, чтобы выставить меня виновным.

Совсей своей скоростью я быстро настиг девушку. Она стояла под небольшой аркой, знаменующей выход из зала.

– Куда ты запропастился?

– Пытался втемяшить местным властям о бомбе, но у них оказались дела поважнее.

– Но, кажется, это подействовало. – Она кивнула мне за спину.

– Потрясающе...

В толпе началась суматоха, анарод стал непроизвольно расступаться. За нами бежали полицейские в броне и вооруженные до зубов. Услышав о бомбе, они решили вместо эвакуации арестовать «террористов» (девушку я тоже посчитал. все, девочка, попала ты. Сама ведь захотела со мной работать, вот, получай!). Очень умно, отметил я про себя. Среди толпе же все больше нарастала паника. Слова о бомбе, полицейский без сознания и куча вооруженных солдат не оставили даже у самых «догадливых» личностей и толики сомнений в последующих своих действиях. Бежать, бежать и еще раз СПАСАТЬСЯ!!! И мы побежали. Побежали в первых рядах. Побежали от взбесившейся толпы, от серьезно настроенных солдат и быстрее к шлюпкам, которые скоро станут дефицитом.

И тут что-то хлопнуло. Потом еще раз, уже сильнее и ближе. А потом еще раз. Все, словно по команде, замерли. Медленно повернулись. И увидели фиолетовый дым, вырывающийся из вентиляции. И мне в голову пришла гениальная догадка: по всему кораблю установлена не взрывчатка, а биологическое оружие, ну или его аналог. Что ж, тем, кто это сделал, извращенной фантазии не занимать. Мне, почему-то, подумалось, что они следят за всем через камеры, и даже Факсимильный Куб вряд ли поможет.

Я опомнился первый, схватил девушку за руку и побежал. На мгновенье даже забылся, чуть не впечатав ее в стену, но

быстро опомнился, услышав ее крик.

– Осторожней, скороход!

– Ой, прости! Мы далеко?

– Сейчас будет еще один большой коридор, а в конце выход на эвакуационную площадку.

И коридор был, вот только... Хлопок. И его почти мгновенно заволокло фиолетовым дымом. Что это был за дым, я не знал, но вряд ли он мог мне сделать хоть что-то серьезное, но со мной была самая обычная на вид девушка. Долго гадать не пришлось, ответ пришел откуда-то сзади. Выбежав в предыдущий коридор, я понял, что слово «пришел» было не просто фигурой речи. В начале коридора шла толпа... зомби. Не то, чтобы они были мертвыми, разлагающимися телами, требующими мозг, но они были неадекватные и, вероятно, не контролировали себя. Глаза невидящие, изо рта течет слюна, у некоторых толстяков даже сопля из носа текут, а многие попросту обмочились. Хоть я и сказал, что они шли, это больше было похоже на бездумное волочение ногами. Некоторые упирались в стены, не понимая, почему не могут двинуться с места, другие до крови кусали всех, кто рядом, за руки, шею, а валяющиеся – за ноги. Постоянно возникали какие-то склоки и еще более тупые чем раньше богачи пытались отвесить оппоненту оплеуху или просто ударить кулаком, вцепиться в глотку или волосы, издавая при этом гортанные звуки, как самые настоящие киношные зомби. И то, что сделало их такими, сделало это за считан-

ные секунды.

Они шли медленно, но уверенно. У нас было полно времени, чтобы запустить шлюпку, но лучше поторопиться, так как была еще одна проблема – задымленный коридор. Я вернулся к девушке.

– У нас проблемы.

– Что там?

– К нам направляется толпа зомби. Так что, если не хочешь стать ходячим овощем, лучше эту хрень не вдыхать.

– И что ты предлагаешь? Почти весь коридор в этом дыму. Через минуту и до нас доберется.

– Хм... Есть одна идея, – нахмурился я.

– Судя по твоему лицу, она не из приятных.

– Она пока единственная. Надо тут проветрить.

И не успела девушка понять, как я собираюсь это сделать, я достал вакуган и расстрелял стену слева от нас от начала и до самой противоположной стены, оставив на ней рваные отверстия. Ну, хоть дым оказался не взрывоопасным, о чем я подумал уже после стрельбы. После этого я направил оружие на бронированное широкое стекло справа и сделал несколько точных выстрелов, проделав в нем небольшое отверстие. Дальше за меня все сделало безвоздушное пространство космоса.

Полезный все-таки этот вакуган, очередной раз подумал я про себя. Вакуган – это особое огнестрельное оружие. Хотя большего внимания заслуживают именно пули. Они состо-

ят из особого материала— Никоралита, который сжимается под действием искусственно созданного в оружии вакуума в несколько раз, а при выстреле, попадая на воздух, он мгновенно расправляется и затвердевает. Благодаря этому свойству, в обычном по размеру пистолете – а точнее, в магазине – находится примерно в пять раз больше пуль, чем в обыкновенном короткоствольном огнестрельном оружии. И это не говоря о том, что Никоралит на воздухе намного прочнее и тверже, чем другие материалы, из которых чаще всего делают пули, поэтому им можно пробить даже особо прочное стекло, как в этом лайнере, хотя и не с первого выстрела.

– Ты что делаешь?! – воскликнула девушка.

– Проветриваю! Я ж сказал.

– Нас же выбросит в космос!

– А ты держись крепче. – Я схватил ее правой рукой, а сам вцепился левой в дыры, проделанные в стене ранее.

Как я и планировал, весь дым засосало в проделанное мной отверстие, сделав коридор практически безопасным, не считая, конечно, пытающегося нас поглотить космоса и орды зомби, дышащей в спину. Съесть-то они нас не съедят, но могут вцепиться руками и зубами, не позволяя дойти до шлюпок, а нужно было торопиться. Во-первых, к шлюпкам ведет не один коридор, так что там уже может быть толпа народа, которая заняла все капсулы. Это в лучшем случае. Я, например, ожидал увидеть там толпу таких же слюнявых ходоков. А во-вторых, неуправляемый гигантский лай-

нер вполне может быть притянут гравитацией какого-нибудь космического тела – мы как раз пролетали мимо неизвестной желто-оранжевой планеты —или неадекватный капитан сам направит громадину на планету, чтобы разбиться к чертовой матери.

Было не просто хвататься одной рукой за раскученную стену, которая так и норовила раскрошиться у меня под, а другой держать девушку, которая изо всех сил хватается за меня, чтобы не стать затычкой для отверстия в стекле, при этом еще и идти вперед, ближе к этому самому отверстию. Но все шло по плану.

– Хороша здесь вентиляция, а? – крикнул я болтающейся у меня на руке девушке и подмигнул, хотя вряд ли она это заметила. – Если бы вентиляция отключилась, мы бы могли уже задохнуться или замерзнуть.

В ответ послышалась отменная брань, и хотя большая часть не достигала моего слуха, я посчитал, что культурные леди таких выражений знать не должны. Я догадался, что девушке не по нутру легкая прогулка по борту корабля в компании со мной.

– Все нормально! – крикнул я ей. – Сейчас все будет.

И буквально через несколько секунд все резко прекратилось. И если бы я не держал девушку, она бы шандарахнулась на пол.

– Что случилось?! – по привычке крикнула она, пытаюсь убрать с лица запутавшиеся волосы.

– Нет времени, бежим!

И мы снова побежали. А что случилось? Сработал мой план. В начале, когда я только увидел тех бездумных зомби, я хотел их убить, чтобы не мучились сами и нас не беспокоили, но потом передумал. И правильно сделал. Попав в наш коридор, вчерашние богачи не обратили на ураганный ветер никакого внимания, продолжая нестройно брести вперед. И как только первый из них достиг определенного расстояния до отверстия, его попросту притянуло. И стал он живой затычкой. Но надолго ли? Надо было снова торопиться. Мы выбежали за массивные двери в конце коридора и загерметизировали их изнутри. Код на панели набрала девушка. Я ничего не сказал. А затем мы обернулись. В нас было направлено несколько стволов различного оружия. У одного, я заметил, даже был вакуган.

– Стоять, не двигаться! – слышался голос из-за спин бугаев с оружием. – Слюни текут, глаза тупые, непонятные звуки?

– Нет, – ответил один из направивших в нас оружие.

«Вот у кого глаза тупые».

– Опустите оружие.

Только сейчас я разглядел, что все большое помещение завалено трупами. Хотя пара участков была расчищена. Там стояли маленькие группки из двух-трех человек, один из которых обязательно был телохранителем. Под дверью валялись какие-то тряпки, означающие, что никто из присутству-

ющих кода герметизации не знал. Те, кто направил в нас оружие, были одними из телохранителей, кроме одного. Было видно, что он новенький в рядах полиции, так как руки его тряслись, глаза были навывкате, а пистолет на предохранителе.

– Как вы сюда добрались? – Вопрос задавал, тот же полицейский-охранник (или как они там себя называют?), который говорил и до этого. Было видно, что он опытный. По крайней мере, намного опытнее его напарника, так что до сих пор держал руку на кобуре, а еще, я заметил, что он периодически разминал шею, будто от нервного тика или из-за старой травмы.

– Через коридор, – ответил я.

– Там же газ!

– Так я проветрил.

– Как это – проветрил? – не понял полицейский.

Он явно не доверял нам, хотя, как казалось, такое отношение у него было ко всем. Особенно он зыркал на телохранителей, которые, как и он, имели оружие, что явно ему не нравилось. Вряд ли он боялся, что кто-то решит выстрелить ему в спину, скорее, был просто недоволен, что кто-то может подорвать его власть.

Не успел я ответить, как в двери у нас за спиной послышались удары. Зомби пытались вломиться внутрь, то ли подсознательно ища спасения в комнате со шлюпками, то ли следуя какому-то своему бессознательному порыву. Так или

иначе, двери были достаточно крепки, чтобы их сдержать.

– Взял и проветрил, – раздраженно ответил я, повернувшись обратно. – Какая разница? Лучше скажите, почему здесь дыма нет?

– То есть вы ворвались сюда, даже не зная, безопасно ли здесь? – ответил он вопросом на вопрос.

– Да как бы выбора особого не было. Будь здесь газ – я бы и здесь проветрил. – Это было маловероятно, потому что окон в помещении не было. – А будь здесь толпа зомби – так мы тоже не с пустыми руками, – сказал я, потянувшись за пояс.

Бух! Выстрел! Один из тупых телохранителей выстрелил прямо в меня. Промахнулся, конечно.

– Нервный какой, – спокойно сказал я, но на всякий случай доставать вакуган не стал.

Вакуган! Я узнаю этот звук выстрела из тысячи. Стрелял как раз тот, у которого был вакуган. Я покосился на то место, куда попала пуля. Дырочка. Небольшое отверстие, из которого начал просачиваться фиолетовый дымок.

– И-ди-от, – медленно проговорил я по слогам, отходя от дверей.

– Зачем ты стрелял?! – пришел в себя полицейский. – Тем более из вакугана! Знаешь, какая у него пробивная сила? Ты дырку проделал!

– А я что? – тупо забасил охранник. – Он потянулся за оружием. Все по инструкции. Я защищал хозяина.

– Да кому твой хозяин сдался?..

– Я бы попросил... – начал толстячок, но полицейский его даже не услышал.

– Мы из-за тебя все тут можем погибнуть! Хочешь стать такими, как они? – Он указал двери, за которыми толпились бездумные полутрупы. – Или как они? – На этот раз он показал на трупы вокруг.

– Я действовал по инструкции, – тупо повторил громила, начиная злиться.

– А-а, что с тобой говорить? – махнул рукой полицейский. С виду махнул небрежно, но по глазам было видно, что побаивается верзилу. Мало ли что этому балбесу в голову взбредет, может и прибить по инструкции. – Подожди-ка! – посмотрел он на меня с прищуром. – Где-то я тебя видел.

– Да это же он! – крикнул один из стоящих на расчищенном от тел участке толстячков. Нос его напоминал перебинтованную картофелину, а под глазами чернели синяки. В руках он сжимал платок, прислоняя его ко рту, чтобы не дышать грязным воздухом. – Ах ты гад! Это ж ты меня ударил!

Приплыли...

– Арестуйте его, господин мент! – обратился он к стражу порядка. – Он меня и моих ребят побил! А еще мою девку украл!

Девушка зло на него посмотрела, но ничего не сказала. Такую украдешь.

– Вспомнил! – вскрикнул полицейский. – Это же ты про

бомбу орал! Нам на тебя ориентировку присылали!

И когда успели? Видимо, они носят с собой планшеты, на которые и присылается информация. Этак они минуты за две успели вытащить из видео мое изображение и переслать всем полицейским на судне. Быстро работают, хотя странно, что меня не нашли, когда я разбил нос толстяку.

Полицейские достали пистолеты и направили их на нас, хотя девушка формально была не при делах. Телохранители на всякий случай повторили маневр.

– Вы что, все с ума посходили?! – впервые подала голос девушка. Громко так подала, из-за чего все внимание переключилось на нее. – У нас тут за дверью толпа тупых зомби и дыра, через которую просачивается дым, способный сделать нас такими же овощами, а вы тратите время на бессмысленные разговоры о том, как мы сюда добрались и на какие-то склоки! Вы хоть понимаете, что если мы здесь останемся, то все сохнем к чертовой матери?!

Наступила тишина. Полицейские, видимо, пытались обдумать слова девушки, телохранители пытались сделать похожее выражение лица, но оружие не опускали. Пауза немного затянулась и девушка продолжила:

– Почему вы вообще еще здесь торчите? Все шлюпки на месте, – она показала на небольшие металлические «дверцы» в стене, которые выглядели, как сдвоенные гробы с небольшими оконцами на уровне предполагаемой головы, а справа от каждой двойной кабинке находилась панель.

– Мы... это... – начал полицейский, вертя головой и потирая шею.

– Мы не хотим умирать! – скороговоркой высказался его молодой ерзающий напарник.

– В смысле?

– Ну... – снова начал старший. – Капсулы управляются снаружи. Поэтому кто-то должен остаться, чтобы отправить остальных в... ну, подальше отсюда. На планету эту, наверное, мимо которой мы пролетаем.

И кто же это такой умный придумал такую систему? Вот так всегда бывает с вещами и людьми: снаружи все выглядит идеально, но если присмотреться, внутри оказывается полно дерьма и мусора.

– И чего? – снова вступил я в разговор. – Ты и оставайся! Ты же полицейский, так что должен защищать простых граждан, даже жизнью пожертвовать, если это необходимо.

Он невесело ухмыльнулся, поудобнее перехватывая пистолет и опасно поглядывая на телохранителей и даже напарника, в общем, на всех тех, кто тоже при оружии.

– Полицейский? – повторил он, хрустнув шейей. – И чего? Я тоже жить хочу!

– Все хотят... – начал я.

– А ты? – перебил он меня.

– Что я?

– Это же ты бомбу заложил, да?

Полицейский, только что бывший спокойным, начал по-

степенно краснеть и потеть, разволновавшись чуть ли не сильнее молодого коллеги. Переминался с ноги на ногу, повышал где не нужно голос. В общем, резко поглупел. А может, он всегда был глупым, просто умело притворялся.

– Если бы это я заложил, меня бы тут давно уже не было, и я не бегал бы от зомби и ядовитого газа по всему кораблю.

– Но это ведь ты первый закричал о бомбе! Или я не прав? Логика была железной. Метеорологи не предсказывают погоду, а создают ее. Бритва Оккама.

– Так ведь меня героем надо считать, а не преступником, – усмехнулся я. – Если бы я промолчал...

– Редьку тебе, а не героя! – выкрикнул Костун, и даже сделал шаг, но за пределы расчищенного от трупов и крови места выходить не стал. – Посмел меня ударить! Террорист, он и есть террорист! Будь моя воля...

– Что бы ты сделал? Натравил бы на меня своих красномордых? Красномордые поморщились, вспоминая, как я их раскидал, но предпринимать попыток мне отомстить не стали. Значит, зачатки разума есть. Но у них было оружие, так что самоуверенность могла пересилить логику, поэтому особо издеваться над ними я не стал – понаделают еще дырок в двери, а отдуваться всем придется.

– Я на тебя другую управу найду...

– Все! Хватит! – Это был полицейский. Несмотря на льющийся по лицу пот и все еще бегающие глазки, голос его звучал уверенно. – Я решил. Так как ты тут самый... самый

главный преступник, ты и останешься. Отправишь нас на планету, а сам останешься ждать своей участи.

Сказал как отрезал. Вообще, я самого начала планировал так и поступить, услышав, что капсулу можно запустить только снаружи. Мне терять было нечего. Правда, теперь не очень-то хотелось соглашаться, так как выглядело это так, будто я пошел на поводу у трусливого копа.

– С одним условием, – после небольшой паузы ответил я. – Точнее – с двумя.

– Зачем ты соглашаешься?! – крикнула девушка.

– А есть выбор? Лучше помолчи, я тут договориться пытаюсь. Девушка покраснела, хотя виду не подала, что как-то смущена, пытаюсь делать вид, что просто разгневана. Хотя, скорее всего, и это тоже.

– Слушай своего друга, милочка. Я подумаю об условиях, – сказал он, наверняка даже не осознавая, что сам звучит как террорист, который захватил заложников. Теперь он обратился ко мне: – Только сначала повернись и руки за голову.

Я так и сделал. У меня из штанов вытащили вакуган. И как он додумался так вовремя?

– Так что за условия? – спросил он, не проявляя особого интереса.

– Первое – я скажу девушке на ушко пару слов, – я сказал «девушка» так, будто это ее имя, ведь настоящего я не знал. От нее это не ускользнуло, но она промолчала. Кто знает, может она меня про себя называет парень или мужчина, а

может и урод!

– Хорошо. А второе?

– Она пойдет первой. Либо я отправлю ее на планету первой, либо не отправлю никого. И раз уж вы забрали мое оружие, не могли бы вы передать его девушке?

Довольно наглое условие, но выбора-то особого у них и нет.

– Пусть идет первой, мне все равно, но вот оружие. Тут уж извини, – полицейский развел руками, в каждой из которых было по пистолету. Теперь он явно чувствовал себя уверенней.

– Почему? Просто вытащи обойму и кинь в капсулу. Девушка войдет в шлюпку, дверь за ней закроется. Наклониться, чтобы поднять оружие, у нее не получится физически, так что сделать она ничего не сможет.

– Зачем это тебе? – прищурился коп, снова завертев головой, от чего его шея то и дело похрустывала.

– Забочусь о ее жизни. Вы посмотрите на нее, – я театрально показал на девушку. – Она же простая хрупкая девушка. – Просто хрупкая девушка крикнула, но я не позволил ей испортить построенный мной образ: – Мало ли что ее ждет на той планете? Оружие не будет лишним. Может, ты и хреновый полицейский, но хоть капля благородства в тебе должна быть? Народ, ну, поддержите же меня!

Телохранители закивали и пробубнили что-то невнятное о хрупкой девушке, которую с первой секунды пожирала ее

глазами. Даже богатенькие тетеньки и дяденьки что-то озвучили в поддержку моих суждений. И только Костун запротестовал, но он оказался в меньшинстве. Полицейский помялся для приличия, но согласился. Потом я выполнил первое условие, подойдя к девушке как можно ближе:

– Короче, когда приземлишься, – заговорил я шепотом ей на ухо, – собери пистолет. Ты же знаешь, как это делать? – Девушка кивнула. – Так вот, собери пистолет и иди к самой высокой горе или холму, что будет, в общем. И жди меня там.

– Ты спасешься?

– У меня есть план, не беспокойся, – успокоил я ее. – Только никто не должен знать, что я выживу, поэтому сильно не радуйся сейчас, поняла?

– Еще чего! – фыркнула она.

– Вот ты стерва. Ладно, вали в капсулу и делай, как я сказал.

– Хорошо.

– Все! – Повернулся я к народу. – Можем приступать.

– Прощай! – немного театрально обняла меня девушка и зашла в шлюпку.

Я нажал пару необходимых кнопок на панели и отошел. Секунд через пять, которые сопровождались высоким сигналом, кабина начала «проваливаться» вглубь стены, набирая скорость. Образовавшийся проем перекрыла вторая шлюпка, вывалившаяся откуда-то сверху.

– Раз уж я полицейский, я пойду последним, так и быть. –

Какой храбрый муж. – Но не забывай, что ты у меня на мушке, поэтому не рыпайся.

– Я все понял, – поднял я руки.

Вообще, так как девушка уже была в относительной безопасности, я мог бы перебить всех собравшихся, ну, или только тех, кто решит со мной повоевать, но было несколько «но». Здесь были камеры, через которые, я был уверен, тот, кто меня подставляет, следит за каждым моим шагом, и очередная бойня добавит моему недругу лишние доказательства моего причастия к происходящему. Было и еще кое-что. Очень неприятное. Планета, на которую эвакуировались выжившие пассажиры лайнера, скорее всего, была необитаема. Полностью. Я мог не есть вообще, а вот девушка...

После девушки хотел пойти Костун, но я отказал ему в чести, ибо он мог приземлиться недалеко от нее, и его мозг мог бы выдать бессмысленный план мести за ее побег от него. Даже с вакуганом у неопытной девушки мало шансов отбиться от двух йофиров. Так что следом пошла пожилая лысая пара с высокомерным выражением лица. В одну капсулу, предназначенную для двоих, сначала влезла сухопарая старуха, рядом с которой встал телохранитель (не йофир), а за ней, в такой же компании, отправился ее муж уже во второй шлюпке. Потом пошел высокий франт с черными волосами и черными склерами глаз – при этом радужка была желтой, а зрачок опять же черный, – который за все это время, что мы пребывали в помещении, ни разу не изменился в лице и не сказал

ни слова. Он тоже отправился в сопровождении. Хотя его телохранитель (не похож, пусть и в сером) был человеком, что странно, при этом выглядел моложе. Потом я отправил еще одного толстяка – куда более потного, чем Костун – с телохранителем. После чего в сопровождении одного из телохранителей Костуна отправился молодой полицейский человеческой наружности, а за ним и сам Костун со вторым йофиром. И я остался наедине со старшим.

– Ты ведешь себя слишком спокойно для того, кто скоро умрет или превратится в овощ – сказал он надменно. – А может, сначала второе, а потом первое.

– А что еще делать? Бегать и кричать? – Уверен, он бы так и поступил, зная, что у него нет шансов на спасение. – Не сильно поможет.

– Зачем ты девушку отпустил первой? Мог бы повеселиться с ней напоследок, – ухмыльнулся нехорошей улыбкой коп. Если он доберется до девушки...

– Да, все-таки хреновый ты полицейский. Придется тебя убить. Жаль, ты только начал мне нравиться.

Он высадил в меня всю обойму, прежде чем я подошел достаточно близко и сломал ему шею, навсегда оставив на его лице гримасу ужаса. Это я умею. Хорошо, что он решил пойти последним, не пришлось убивать его на планете при всех. И плевать, что там засняли камеры.

Дела сделаны, все улетели. Пора и мне. Я посмотрел на дырку в двери и только сейчас, присмотревшись, заметил,

что помещение, в котором я нахожусь, слегка под пеленой. Газ, пока мы болтали, все же проник внутрь, и в довольно большом объеме. Я выругался. Не знаю, что сделает этот дым с организмом в таком относительно малом количестве, но явно не что-то хорошее. Возможно, именно из-за газа полицейский вел себя так агрессивно, как и большинство остальных. А может, у них всех просто такой характер. Не всем нужен внешний раздражитель, чтобы быть ублюдком.

Отправить шлюпу в открытый космос можно было только если она закрыта. Поэтому, не долго думая, я разбил в ней стекло. Пришлось повозиться. Я немного сглупил, выставив смерь мента слишком пафосно и позволив ему потратить на меня все патроны. Простые удары кулаками и локтями не возымели эффекта – стекло оказалось очень прочным. Но мне повезло. На правой лодыжке полицейского оказался прикреплен маленький пистолет, рассчитанный всего лишь на семь патронов. Семь пуль все же заставили треснуть окошко, остальное пришлось доделывать вручную. Я залез в шлюпку, протянул руку через разбитое стекло, нажал необходимую комбинацию кнопок и... ничего не произошло. Лишь противный писк напомнил о разгерметизации «салона». Я снова выругался, на это раз жестче. С минуту обдумывал ситуацию и не придумал ничего лучше, как со всей дури врезать по панели, и знаете что? Сработало! Проломленная панель заискрила, выдала невнятные звуки, но система заработала. Вот это я понимаю – технологии будущего!

Естественно, сломанная система не стала работать так, как надо, и вместо плавного разгона меня ждал резки рывок, а так как внутри не было никакой герметизации, меня всем телом бросило на дверцу капсулы, и я почувствовал несколько сломанных ребер, а скорость оказалась таковой, что я уж подумал, будто меня выкинет из разбитого окна, хоть оно и было слишком узким, чтобы в него пролезть. Было больно и неприятно, но я знал, что это только начало. Ведь впереди меня ждал открытый космос и падение на планету...

Глава 3

В капсуле, вылетевшей из лайнера, словно пробка из бутылки шампанского, тут же заработали системы ускорения, понесшие меня в сторону планеты. Но была одна проблема. Не знаю, какой умник разрабатывал этот «гроб», но дверца в нем плотно закрывалась только при полной герметизации, а таковой, в связи с отсутствием оконца, не было. И не успел я отлететь от лайнера и разогнаться, как эта дверца распахнулась, и меня выбросило наружу. При всем моем желании я не мог ее удержать, даже если бы захотел, так как из-за поломки системы кабина при полете начала вращаться, но и при относительно малой скорости вращения, центробежная сила была слишком велика, и даже мне не хватило сил удержать дверцу. Хотя, если бы постарался... Но я не мог еще и потому, что был в открытом космосе.

Я успел почувствовать, и даже увидеть, как на моем теле

начал появляться тонкий слой инея, а секунд через десять я попросту потерял сознание. Хотя еще через несколько секунд мой организм устранил эту досадную оплошность, заставив вновь очнуться в темноте космоса. Я продолжал по инерции лететь в сторону планеты, готовую распахнуть передо мной свои горячие объятия. Через несколько минут я начал входить в верхние слои атмосферы.

Сначала я почувствовал сопротивление, будто влетал во что-то неосязаемое, но все же ощутимое. Давление, нарастающее с каждой секундой в геометрическом прогрессе, одновременно сдавило и стало разрывать мое тело, в глазах все поплыло, в ушах, в которых до этого господствовала звенящая тишина космоса и стук сердца, начался настоящий фейерверк, порвавший мне перепонки. И тут же я почувствовал тепло, которое мгновенно переросло в жар, и запах горячей плоти. Но продолжалось это недолго, и не успел я подумать, что все очень плохо, как тело не выдержало танцующего внутри и снаружи вальса, и меня разорвало на части. На поджаристые куски, входящие в атмосферу безжизненной планеты.

Даже не помню, когда я впервые испытал подобное чувство. Чувство абсолютной свободы. Когда я сбросил «легкий скафандр» и прибавил скорость. Зато я помню, что испытал тогда, и после, во второй раз, а потом еще и еще. Иногда даже я специально это делал. Только вот длилось это всегда

недолго, поэтому я наслаждался каждой секундой бесконечного ощущения... даже не знаю, как это объяснить. Свободы? Неосвязаемости? Причастности? Всеведения?..

Я вышел из тела.

Даже не так – я сбросил лишний груз, освободив душу. Или астральное тело. Не знаю, что у меня там. Я, конечно, давно обучился способности выходить из тела на время, но это совсем другое. В этом случае чувствуется привязанность к физическому куску мяса, которое тянет обратно, как ненужный балласт. Но когда от тела почти ничего не остается, я обретаю истинную Свободу, оставаясь в невидимом и неосязаемом облике безликого духа, парящего над Вселенной. Я думаю, что именно так выглядит смерть, и в такие моменты мои мысли уходят далеко в прошлое, когда я думал, лежу перед сном на холодной земле под деревом, о том, кто даровал мне эти силы: бог или дьявол? И тогда я склоняюсь в сторону дьявола, который не дает мне умереть и приблизиться к истине мироздания, ощутить Свободу. Но возвращаясь обратно в клетку телесной оболочки, я вспоминаю, что жизнь не такая уж плохая штука, если перед тобой перекресток из бесконечности путей, и в конце которых обязательно будет что-то интересное и новое. Ведь Вселенная настолько огромна, что мне и вечности не хватит, чтобы все увидеть и познать, поэтому моя жизнь мне вполне нравится.

Как я уже говорил, моя «Свобода» длится недолго: примерно секунд через тридцать «душа» начинает покрывать-

ся коркой новой кожи, отрастают органы, капилляры и нервные волокна. Уйдя в нирвану, я совсем забыл, что нахожусь в десятках километров над землей. Нарастающее новое тело быстро набирало вес, которое, под силой гравитации, начало медленно, но уверенно разгоняясь, нестись к поверхности. А ведь мог потратить время на поиски девушки. Не любой девушки, конечною, а той самой... У нее ведь мой любимый пистолет!

Неминуемо приближаясь к земле, я пытался рассмотреть хоть какие-то следы посадки других выживших, но все тот же умный создатель чертовых летающих «гробов» не предусмотрел сделать автоматический сигнальный факел с каким-нибудь ярким дымом. Человеку, приземлившемуся где-нибудь в пустынной местности, оставалось лишь надеяться, что кто-нибудь заметил падающий с неба объект и уже бежит на помощь. Но сколько я не всматривался, щурясь от врезающегося в глаза ветра, ничего не видел: ни шлюпок, ни людей. Зато нашел вроде как самую высокую точку этой пустыни, где, по моему совету, меня должна была дожидаться девушка с моим пистолетом.

Посадка была жесткой. Если можно назвать посадкой падение с высоты примерно восемьдесят-девяносто километров – это я по времени падения рассчитал, хотя тут может быть более сильная или слабая гравитация, поэтому я мог и ошибиться. Но не суть важно. Было больно, даже несмотря на то, что я вырубился в тот же момент, как коснулся зем-

ли. Очнулся я уже практически целый и невредимый. Встал, осмотрелся, определил примерное направление до той высокой точки, что я видел сверху, и пошел. Через несколько секунд понял, что пятки просто горят от раскаленного песка, ведь обувь сгорела при входе в атмосферу. Как и вся одежда...

—Ядрена кочерыжка, я ж голый! Нельзя в таком виде представлять перед девушкой. Или можно? Я ж вроде ничего! — И продефилировал по песку. Потом резко остановился, внимательно огляделся — никого нет. Лепота. И пошел дальше.

Но одежду все же найти было надо, хотя бы кустик какой, а там что-нибудь придумаю. Но пустыня была гола, как и я. Если не ошибаюсь, то пустыня являлась глиняной, но при этом сверху потрескавшейся земли лежал примерно полуметровый слой песка, который и выступал в роли сковородки для моих ног. А еще дул сильный ветер, забивая песок во все доступные щели, что подогревало мое желание поскорее найти, чем прикрыться. Но вокруг не было даже кактусов. Поэтому я двинулся в чем мать родила в сторону гор. На самом деле, это была целая горная система, высшей точки у которой не было, а если и была, то найти ее без линейки было бы затруднительно, поэтому я просто двинулся к огромным каменюкам на горизонте. Двинулся я бегом, но не потому, что хотел поскорее добраться до девушки (и вакугана, конечно же), но и потому, что запахло жареным. Моими ступнями. Температура была не меньше пятидесяти граду-

сов, а песок нагрелся и того выше.

Вы когда-нибудь бегали голышом по пустыне в разгар жарчайшего дня в ветреную погоду? Нет? Считайте, что вам крупно повезло!

Конечно, через некоторое время мой организм более-менее подстроился под окружающую атмосферу, но с песком, засыпающим мои глаза, аки Песочный человек, я все равно ничего поделать не мог.

Горы были невысокие и красноватые. Здесь вообще все было каким-то красным, желтым и оранжевым, даже небо выглядело раскаленным. Далеко на горизонте плыло несколько ярко-красных облачков. Наверно, это все из-за здешнего Солнца, которое, судя по моим знаниям, являлось Красным Гигантом. Под ним ощущаешь себя подопытной мышью в террариуме, над которым светит очень яркий фонарь, от которого не спасают даже сомкнутые веки.

К горам я приблизился, когда светило вошло в зенит, и тут же встал под тень одного из огромных камней, стоявшего чуть наклонившись. Блаженство относительной прохлады заставило меня даже прикрыть глаза и облегченно вздохнуть. Ноги увязали в прохладном песке. Постояв так с минуту, я, наконец, взял себя в руки. Нужно было что-то делать. Оглядевшись, я не увидел никаких следов пребывания человека. Даже если девушка и была здесь, то ей не хватило опыта додуматься оставить хоть какой-то след или ориентир,

зато... я учуял слабый запах. Пахло так, будто что-то где-то горело. Вообще, запах я уловил почти сразу, особенно четко, когда расслаблялся под сенью тенистого камня, но подумал, что это запах моих опаленных ног. Ан нет, пахло костром и жареным мясом, только не моим. Щурясь и закрываясь ладонью от бьющих в глаза солнца и песка, которые явно сговорились, я пытался рассмотреть дым. С трудом – ветер не давал дыму густо подниматься вверх – я все же разглядел за горной грядой какие-то следы в почти безоблачном небе. Надо было перебираться на ту сторону.

Сомнения настигли меня сразу, как только я понял, откуда идет дым. По моим скромным расчетам, все спасшиеся пассажиры должны были приземлиться на этой стороне гор, хоть и вдалеке друг от друга, но дым шел с обратной стороны, что меня и насторожило. Вряд ли они полезли через горы, только чтобы разжечь там костерчик. Хотя, я могу и ошибаться. Возможно, я плохо определил направление движения планеты или не учел скорость ветра, который мог отбросить шлюпки в сторону – хотя там стоят системы ускорения и стабилизации, так что это сомнительно, – скорее, это меня занесло не в ту степь. Ну или они решили поискать в горах или за ними что-нибудь, что можно поджечь, чтобы подать сигнал, а теперь ждут... полицейского, а получают только голого меня. И это лишь оптимистичные варианты. В пессимистичных: они могли разделиться из-за взаимной неприязни – ищи теперь иголку в поле, ветра в стоге сена.

Или плохо продуманная система «гробов» дала сбой, и саркофаги на автопилоте полетели в одну точку, где и столкнулись, а теперь это был дым от взрыва.

Перейдя через небольшое узкое ущелье между горами, я обнаружил еще две горы, между которыми на это раз было подобие седловины, за которой, по моим ощущениям, и находился источник дыма. А еще был звук. Будто что-то гудело, но так слабо, что если бы я специально не прислушался, то ничего бы и не услышал.

Аккуратно взобравшись на самый верх, я увидел довольно странную картину, какую ну никак не ожидал увидеть не то что в горах, а вообще на пустынной планете.

Передо мной раскинулась небольшая низина, на которой находилось несколько конструкций разного размера и формы. Справа, чуть поодаль, стоял огромный полупрозрачный купол из шестигранных стекол. Кое-где виднелись дыры, а некоторые, особенно большие, закрывались брезентом или были заделаны металлическими пластинками. Влево от купола шел небольшой проход, утыкающийся в еще более странную конструкцию – большое железное здание, из низа которого торчали согнутые «ноги», будто держащие баланс здания, хотя одна из опор была разрушена, как и само здание, верхняя половина которого походила на цветок, будто внутри что-то взорвалось. Обломки валялись на противоположной от меня стороне здания, явно сваленные туда специально. Ближе ко мне находилось длинное двухэтажное стро-

ение, которое тоже не выглядело сильно новым. Левее стоял двухэтажный дом, только немного ниже длинного, при этом будучи каким-то квадратным, и выглядел крепче других.

Костры – а их было несколько – были разожжены правее от длинного здания, и на них жарилась еда. На вертеле были насажены огромные ящерицы не менее трех метров в длину, а неподалеку валялось сразу три пары отрубленных конечностей. Возле ближайшего ко мне костра сидел один человек, который эту ящерицу постоянно и крутил на вертеле. Был он крайне недоволен и раздражен, из-за чего делал работу с каким-то остервенением. Другие повара – еще трое – тоже не были в восторге. Еще правее находились длинные столы и самодельные табуреты, на которых сидели люди. Были они в запесоченных одеждах и ели, видимо, ранее приготовленную порцию мяса. Рядом лежало оружие. В этом, с позволения сказать, лагере было полно народа: мужики разных возрастов, женщины и даже дети. Обычная такая деревушка, не считая крайне необычных строений в крайне необычном месте и на крайне необычной планете.

Хотя больше всего меня удивил транспорт. Самые настоящие машины разных видов. Были они такие же запесоченные, как и люди, но казались довольно современными, просто оказавшимися в непривычной среде. Большинство машин имели откидывающийся верх, покрытый при этом множеством небольших черных квадратных пластин. Солнечные батареи, догадался я. Да, в такой местности это очень

полезно. Колеса у них были широкие и большие – удобно ездить по песку.

Я лежал на животе, а задницу мне припекало солнце. Песок, как и ветер, в эту область практически не попадал. Я думал. Было два основных варианта событий. Первый – машины и сидящие за столом люди – в пыли, значит, недавно куда-то уезжали. Могли ли они видеть падающие шлюпки? Могли. Возможно, они захватили находящихся в них моих новых знакомых, в том числе и девушку. Второй – они просто катались и ничего не видели. И было три основных варианта действий. Первый – уйти. Не нарываться на бандитов (или кем они себя считают?), а поискать девушку своими силами, ну а если ничего не получится... Второй вариант – налететь, избить, оружие забрать, Людей поискать. И третий – сдать. Мол, я заблудился, одежду отобрали хулиганы, помогите, пожалуйста, накормите сиротинку. И меня либо примут с распростертыми объятьями, накормят и дадут одежды, либо захватят в плен, либо убьют на месте. Если обогреют (в пустыне это не сложно), значит, хорошие, и если остальные с лайнера у них, то все вообще прекрасно. Если возьмут в плен или «убьют», значит, негодяи, отмечелю их за милую душу, а потом пойду искать... свой вакуган!

Есть такая поговорка: загад не бывает богат. То есть нельзя ничего загадывать наперед, а то сглазишь. Я не то, чтобы загадывал, но строил различные планы. У меня был выбор.

Но никому не интересна семантика.

– Стоять, ни с места! – прозвучало у меня за спиной одновременно с щелчком затвора. Язык был мне знаком, как и всей Вселенной, в общем.

Я попытался встать.

– Ты чо, тупой слишком?! Я сказал: ни с места!

– Но перед этим ты сказал, чтобы я стоял, – возмутился я.

– Ты чо, умный слишком?!

И в знак протеста я получил прикладом по затылку. Отрубился. Ненадолго – секунд на пять. Но придя в себя, решил остаться неподвижным, дабы не нервировать неуверенного в моем интеллекте аборигена.

Минут через двадцать меня доставили в лагерь. Так долго, потому что в горах хоть и находились тропы, но были они небольшими, а потому нести по ним человека на носилках (самодельных) оказалось проблематично. Я лежал, не двигаясь, молясь не упасть с серпантина, но не потому, что боялся, а потому, что если упаду, то подоспевшие аборигены увидят, что я в порядке, что невозможно для обычного человека. И тогда меня попытаются либо убить, либо жестко поймать и куда-нибудь запихнуть, откуда, по их мнению, я вылезти не смогу. И в этом случае мне придется воспользоваться планом, в котором я устраиваю бойню, а мне бы этого очень не хотелось, особенно в голом виде. Поэтому я мирно лежал, надеясь на опытность несущих меня людей.

В лагере меня бесцеремонно разбудили, выплеснув в лицо

стакан воды. Значит, с жидкостью у них тут проблем тоже нет.

Я очнулся.

– Вот ты куда делся, – заговорил крепкий мужик с кучной рыжей бородой. Голос его был низкий и гудящий. Говори он постоянно, я бы подумал, что тот гул я слышал именно из его рта.

– Да никуда я и не девался, – ответил я.

Привязывать меня никуда не стали. Подняли с носилок и опустили на грубый табурет. Зато я был окружен такими же мужиками, но с автоматами.

– Ну как же? – мягко, несмотря на грубоватый голос, продолжил рыжебородый. – В том саркофаге тебя не было – а ты, я так понимаю, тоже упал с неба, – значит, ты куда-то делся.

– Ну, может и так, – пожал я плечами. Судя по взгляду, мой ответ ему не понравился, но я явился сюда не для того, чтобы петь дифирамбы и придумывать правдивые отговорки.

– Почему стекло было выбито? – резко задал он вопрос.

– Я выбил, – ответил я спокойно.

– Зачем?

– Дверцу заело, вот я...

Вообще, дверцу должно было оторвать к чертовой матери, а шлюпка так вообще обгореть даже изнутри при вхождении в атмосферу, да и шлюпка моя слишком далеко, чтобы до нее до успели добраться и вернуться назад, поэтому его

вопросы казались странными, но я продолжил подыгрывать.

– А как ты это сделал? – прервал он меня. – Стекло там бронированное, киркой не поцарапаешь.

– Так у меня пистолет был. Тут мне даже врать не надо было, стекло-то я в самом деле расстрелял из пистолета. Хотя добил я его руками, так что правда все же была не полной.

– И ты воспользовался им в таком замкнутом пространстве? – поднял брови.

– Так деваться было некуда...

Врать я тоже умею, хотя сейчас не особо и старался. Я все еще думал, что мне делать, а лучшее время для принятия важных решений, – попозже.

– И где пистолет?

– Так выбросил. Зачем он мне без патронов?

– Возле саркофага ничего не было.

– Так я его сначала с собой взял, – просто ответил я.

Я как мог пытался косить под идиота. Из-за таких игр меня часто и принимали за настоящего идиота, и не верили в мою высокую репутацию наемника. Хотя это зачастую и выручало меня в ситуациях, подобной этой. Не то, чтобы я часто попадал в них, но за свою очень длинную жизнь некоторые ситуации казались настолько безвыходными, что если бы не мой неиссякаемый оптимизм, я бы до сих пор сидел в какой-нибудь камере, где надо мной проводили бы опыты.

– А потом понял, что он мне ни к чему, так и выбросил, – пояснил я.

– Ладно, хрен с ним с пистолетами, саркофагами. Ты почему голый?

– Так жарко же!

Рыжебородый рассмеялся, как и остальные, а потом что-то сказал стоящему ближе всего к нему человеку, тот побежал в сторону длинного здания.

– Складно поешь, – повернулся он ко мне. – Хрен с тобой, отправишься к остальным.

Значит, они здесь! Это я правильный план выбрал, хоть мне и помогли с решением.

Через пару минут прибежал запыхавшийся парень с болотно-зеленой тряпкой в руках.

– Вот, – рыжий протянул мне взятую у парня из рук тряпку, – прикройся. Отведите его к остальным, – обратился он к автоматчикам.

Мне дали время на одевание тряпки, которая оказалась длинной до пят версией пончо, а потом, когда по бокам от меня встали здоровые мужики, положившие с двух сторон свои лапы мне на плечи, а сзади и спереди также встали по автоматчику, меня повели в сторону квадратного здания. Эх, ностальгия.

Этот квадрат, как я понял, оказался смесью клетки для зверей и тюрьмой для всех остальных. При этом для зверей было выделено немного больше места, но это и не мудрено: живность этой планеты (по крайней мере, та, что находилась

в загоне) сплошь была громадными существами. Через толстые решетки можно было увидеть и тех шестилапых ящериц, и огромных толстых змей, и больших гиеноподобных животных с массивным прижимистым телом. Хорошо, что я с ними не встретился по пути к горам, а то без оружия у меня было бы не так много шансов с кем-то из них справиться, особенно если бы их было много. С моей способностью я стал бы для них бесконечным запасом пищи.

Как я и предполагал, в просторной, но от того не более комфортной камере находились спасшиеся с корабля. Не считая телохранилителей и... девушки.

– А ты что здесь делаешь?! – сразу накинулся на меня Костун. – Ты должен был содхнуть на корабле!

– Как видишь, я живучий, – развел я руками. Меня толкнули в камеру, явно надеясь, что я рухну прямо под ноги остальным, но моя координация было не хуже, чем у гимнастов, а потому аборигены лишь расстроено хмыкнули и сплюнули на землю.

– Где Санда?! – дрожащим голосом выкрикнул молодой полицейский, схватившись за то место, где должен был быть пистолет с кобурой.

– Кто?

– Мой напарник! Что ты с ним сделал?

Думаю, ему бы не понравилось, узнай он, что я с ним сделал, хотя я все же сделал ему одолжение, свернув ему шею, а не бросив на растерзание зомби или оставив его дышать

газом.

– Я? Ничего не делал, – сказал я, выставляя перед полицейским ладони. – Он в конце передумал и героически погиб, спасая мне жизнь.

– Врешь, тварь! – выкликнул молодой полицейский и даже сделал шаг вперед, но патологическая боязнь всего на свете не дала ему совершить надуманное, и он отступил на несколько шагов назад, повернулся к стене и закрыл лицо руками.

– Думай, что хочешь. А где ваши обалдуи? – обратился я к толстячкам.

– Всех телохранителей убили сразу, как только нас притащили сюда, – ответил второй, более потный толстячок, не дав при этом высказаться Костуну. – А потом унесли их куда-то к той сломанной железной штуки. – Он махнул в сторону башни с «ногами».

– А этот как же? – указал я на того, который, по моим представлениям, был телохранителем черноглазого, и который один сейчас сидел на корточках.

– Да какой из него телохранитель? – высокомерно усмехнулся Костун.

Он, как и все остальные толстосумы, вероятно, считал, что чем больше телохранитель, тем он сильнее. Сказал, а потом посмотрел на меня и как-то резко потупился.

– Хорошо быть человеком, согласись, – хриповато отозвался сидящий на корточках. – Никто тебя не воспринима-

ет всерьез, считая замухрышкой и слабаком, а потому и не обращают внимания.

– А ты, значит, не такой?

Он с самого начала показался мне необычным, потому что обычные люди не могут быть телохранителями у таких, как черноглазый.

– Кто знает, у нас всех есть тайны. – И весело улыбнулся.

– С телохранителями понятно, – сменил я тему, – а где девушка?

Толстячки переглянулись и пожали плечами.

– Не было ее с нами, – впервые за все время подала голос лысая тощая старушка. Она, как и ее муженек, резко контрастировали с Костуном и вторым толстяком.

– Нас всех поймали, а ее не было, – поникшим голосом подтвердил лысый тощий старичок.

– Я так и сказала! – повысила голос жена.

– Я просто уточнил, – сказал еще более поникший муж.

– Ничего ты не уточнил. Сказал очевидное.

– Я просто...

– Ты всегда просто! Одна я всегда сложно и всегда виновата!

В этой паре главенствовала явно жена, что, судя по выражению глаз, доставляло ей невероятное удовольствие. Я бы не удивился, узнав, что до этого у нее было пять мужей, которые скоростижно скончались от какой-нибудь болезни, которую уже давным-давно научились предсказывать и

лечить.

– Лучше б вы молчали, чистое слово, – вмешался Костун.

– А тебя не спрашивали, дэбел, – возмутилась старушка.

—И не «чистое», а «честное».

– А при чем тут моя раса? Ты за своей смотри, танэк.

Оба пренебрежительно выплюнули названия чужой расы, словно это было какое-нибудь обзывательство. Названия некоторых рас и правда на некоторых языках было созвучно с чем-то неприличным и оскорбительным, хотя, насколько я знал язык и дэбелов, и танэков, у них ничего подобного не было. Хотя неологизмы можно придумать всегда.

– А что мне смотреть за моей расой? Нам больше миллиона лет, – гордо выпятила острый подбородок старуха. – И наша лысина тому подтверждение.

– У меня тоже есть лысина... – гордо выпятил круглый живот Костун.

– Ха! – перебила Костуна старушка. – Не надо путать отсутствие волос из-за эволюции и простое облысение.

Костун сжал кулачки так, что даже сквозь толстую кожу проступили белые костяшки, и готов был уже броситься и растерзать высокомерную старушку, но тут вмешался другой толстячок:

– Да будет вам, будет, – встал второй дэбел между оппонентами. – Сейчас мы все в одной тарелке. Не надо нам ссориться. Нужно что-то решать. Все мы здесь не бедные, так что предлагаю скинуться и отдать бандитам выкуп. Уверю

вас, если мы так поступим, завтра же окажемся у родных пенатов.

– Не все решают деньги, – впервые заговорил фронт. Деньги никого не оставляют равнодушными.

– Как это? – поднял брови толстячок. Он явно не мог смириться с таким высказыванием. – Деньги могут решить любую проблему.

– Это работает только в том обществе, где деньги имеют вес. Здесь же людям важнее не умереть от голода и жажды.

– Молодо-зелено, – усмехнулся толстячок. – Так если деньги есть, то можно и еду с водой купить. Элементарно!

Толстячок скрестил, хоть и с трудом, руки на груди, демонстрируя, что его довод железобетонный, и черноглазый все равно ничего не сможет противопоставить такому аргументу, а потому разговор окончен.

– А вы видели здесь магазины? – спросил черноглазый. Толстячок поморщился.

– Да как тут что увидишь? – поддержал собрата Костун. – Нас же окружили, как крестьяне хлебопекарню. – Поговорки Костуна не отличались логичностью, но произносил он их всегда с таким видом, словно именно на этих жизненных мудростях и вырос, считая их незыблемыми. – Ничего не разглядишь.

– А я вот все разглядел, – подал голос телохранитель черноглазого, вставая с корточек. – Нет тут ни магазинов, ни рынков, а значит, и деньги не нужны. Только если вместо

бумаги туалетной! – усмехнулся он.

Толстяк всячески пытался перебороть себя, что явственно отобразилось на его запотевшем лице, он не желал верить в подобное, а потому пытался всех вокруг, как и себя, убедить, что выход все же есть, и он именно в деньгах, потому что в его понимании любой вопрос могут решить именно они. Уповать на иное он был просто неспособен.

Он так и не смог придумать никакого довода в пользу своего суждения:

– И... и что вы предлагаете нам делать? Если им деньги не нужны, то что? – поник дэбел, став похожим на толстую копию лысого тощего старичка.

– А разве не понятно? – вскинул телохранитель руками.

– Мне вот все понято, – подал голос и я, радуясь, что разговор, наконец, перетек в нужное русло. Зачастую такой момент приходится ждать часами, выслушивая ермолафию, не имея даже права подать голос, если ты не являешься одним из основных участников диалога или полилога, а всего лишь простой служака. У меня было и такое.

– И что же тебе понятно? – недовольно буркнул Костун.

– Им не нужен выкуп, им нужны мы. Особенно вы, – показал я на толстячков и довольно ухмыльнулся.

– Мы? Зачем? До некоторых доходит, как до жирафов. Толстых таких, упитанных жирафов.

– Вам же только что сказали. Им важны не деньги и ценности, а пропитание.

– И? – хором отозвались непонятливые толстячки.

– Вы как хотите: чтобы вас на костре зажарили, али в водиче сварили? А может, предпочитаете потушиться с пряно-стями?

Толстячки и старички вылупили глаза и пооткрывали рты, даже молодой полицейский отвернулся от стены и испуганно уставился на меня с таким видом, словно это я сам грозился их всех слопать. Может, даже подумал, что именно это я и сделал с его более опытным напарником.

– Они... они нас сожрать хотят? – запинаясь, спросил толстячок, умело имитируя базедову болезнь.

– Хорошо, что среди нас нет женщин.

Старушка деликатно покашляла, но никто не отреагировал.

– Они дикари! – осенило Костуна.

– Думаешь? – съязвил я.

– Но зачем им нас есть?

– А почему бы и нет?

– Но... мы же... – второй толстячок не мог подобрать слова. – Мы же живые... то есть это, разумные.

– Они тоже, – улыбнулся я.

Никто не нашелся, что ответить. Молчали минуты три. Каждый, наверняка, пытался найти выход в рамках своих скудных познаний, хотя он был более чем очевиден. Во времена жестоких войн на моей планете бывало так, что в плен попадали тысячи людей, а потом их одним за другим убива-

ли, и не другие тысячи, а всего лишь десятки людей, а то и единицы. Просто их боевой дух и жажда жизни были так подавлены, что они не обращали внимания на смерти других, даже стоя в очереди к палачу.

– Тогда почему они сразу же убили наших телохранителей? – спросила старушка. – Они их потом унесли куда-то. Выбрасывать, наверно, как мусор.

– А у них мясо слишком жесткое, – ответил я первое, что пришло в голову. Вероятно, так оно и было. А может, боялись, что эти телохранители, среди которых были довольно сильные расы, попытаются отбить своих клиентов. Даже если шансов было мало, аборигены все равно понесли бы серьезные потери. Возможно, что их отнесли не выбрасывать, а готовить, пока мясо не испортилось на изнуряющей жаре. Либо запихнули куда-нибудь в морозилку, ведь судя по легкому гудению, в лагере все же работала какая-то техника, среди которой могло быть и подобие холодильника.

– А ты откуда знаешь про... мясо?

В ответ я лишь плотоядно улыбнулся. Дэбелы и танэки сделали шаг назад. Молодой полицейский уткнулся обратно в стену, возможно, планируя план мести за съеденного напарника.

Жара и правда была изнуряющей, что больше всего сказывалось на дэбелах, танэках и полицейском-человеке, когда как черноглазый и, что удивительно, его телохранитель не выказывали никакого дискомфорта. Я, естественно, тоже

уже давно приспособился. Пусть клетка, в которой мы сидели, и давала тень, но воздух, казалось, замер на месте. Судя по всему, окружающие большую поляну горы препятствовали вентиляции.

– Как я уже говорил, – перебил тишину черноглазый, – наши деньги нам не помогут спастись. Поэтому остается только бежать.

– Бежать? Но как? Тут стальные двери и решетки, а снаружи толпа дикарей-каннибалов.

– Нужно придумать план.

– Какой тут может быть план? Мы обычные люди! – воскликнул Костун, чуть ли не рыдая.

Я, черноглазый и его телохранитель неопределенно хмыкнули.

План был прост, как химический состав клетки. Нужно было выбраться из клетки (ха-ха), раздобыть оружие, сколько получится пробираться незамеченными, а как только нас обнаружат (все решили, что это неизбежно), то как можно быстрее добежать до транспорта, отстреливаясь от преследователей, сесть и уехать куда глаза глядят. Если будет шанс – повредить оставшиеся машины. Основными действующими лицами в операции были все те же трое, что чуть раньше неопределенно хмыкнули. Богатеи, помимо того, что ничем не могли помочь, еще и не собирались этого делать, так как считали само собой разумеющимся, что кто-то должен

их спасать: «И желательно – поменьше беготни». Молодой полицейский же дрожал, как чихуахуа, при этом такой же злобный, но ничего не мог сделать без своего оружия. Да и с ним от него было мало толку.

Иолай Савл – а так звали телохранителя черноглазого франта – оказался самым настоящим киборгом! Именно поэтому он сидел на корточках большую часть времени – экономил энергию. Для него не составило проблем раздвинуть решетки, но чтобы пролезли толстяки, три прута пришлось вообще вырвать с корнем, что оказалось шумновато. Но нам пока везло – из-за постоянного буйства зверей во второй части квадратного строения, на любой шум, исходящий от «коробки», не обращали никакого внимания. Охранников же не было с самого начала, – местные никак не могли предположить, что среди нас может найтись тот, кто сильнее любого из животных, не способных толстые решетки даже погнуть.

Еще нам везло в том, что был разгар дня – не уверен, но вроде бы аборигены праздновали поимку обладателей сладкого мяса, а потому нагоняли аппетит, перекусывая огромными ящерками и выпивая не пойми откуда взявшийся алкоголь (или что их там так веселило?), – а потому в длинном здании напротив было пусто, и в окна нас никто не видел. Справа же покоилась куча какого-то металлолома, в том числе и наши «гробики», закрывающая обзор веселившимся жителям пустыни. Было решено пойти налево, в сторону разрушенной металлической башни. Так и сделали. Пер-

вым отправился Иолай, аккуратно заглянув за угол, он подал знак, что все чисто. Пройдя до конца следующей стены, мы чуть поодаль увидели подобие стоянки, на которой находилось около двадцати машин. Но до нее было не менее сотни метров, а примерно на середине пути находилась еще одна куча, только состоящая не из металлолома, а из всякой техники. Куча была меньше предыдущей, но мысль, что тут, видимо, постоянно что-то падает с неба, немного угнетала.

– Что будем делать? – спросил Иолай. – Мы трое, может, и добежим незамеченными до кучи, но насчет остальных не знаю. Плюс нам так никто и не попался на пути, оружия отстреливаться нет.

– А если устроить дисперсию? – предложил Костун.

Все посмотрели на него, пытаясь понять, что он имел в виду. Таких умных слов от него никто не ожидал, пусть и примененных в неверном значении.

– Может, диверсию? – догадался я.

– Я так и сказал, – возмутился толстяк.

– Ладно-ладно, не напрягайся.

– Диверсия – это хорошо, – подумав, сказал киборг, – но кому-то придется рискнуть жизнью. Предлагаю выкинуть на произвол судьбы этих толстосумов. – Толстосумы попытались что-то гневно ответить, но Иолай не позволил им и слова вставить: – Они в пустыне и дня не продержатся. Нечего с ними нянчиться, все равно умрут, так пусть хоть послужат благому делу напоследок.

Самое главное, в его голосе и взгляде не было ненависти, он говорил так, словно это самое обычное дело и единственно верный вариант.

– Я не согласен, – твердо сказал франт. – Мы должны попытаться выбраться все вместе, а не бросать любого, кто покажется нам обузой.

Иолай развел руками, показывая, что слова хозяина (друга?) для него закон. План рушился на глазах. Очень скоро кто-нибудь заметит, что клетка сломана, а внутри пусто, и тогда нас начнут искать.

– Надо было дождаться темноты, – тихо сказал я, щурясь на солнце, которое, по моим подсчетам, зайдет за горизонт примерно через час-полтора. Судя по всему, дни и ночи на этой планете довольно короткие.

– К тому времени к нам уже могли прийти, чтобы отвести на ужин. Угадайте, кто был бы главным блюдом? – Иолай покосился на второго толстячка, который побольше Костуна, но тот ничего не заметил, сглатывая слюну, то ли от страха, то ли от разыгравшегося аппетита.

– Тоже верно, – согласился я. – Но вряд ли к нам отправили бы целый полк. Максимум – человек пять, с оружием, мы бы с ними справились.

– И точно! – Иолай цокнул языком. – Что-то я не подумал. Гм... А что нам сейчас мешает так сделать? Пусть толстые, старые и полицейские побудут здесь, а мы вернемся и устроим засаду.

– Кто-то должен остаться, чтобы проследить за остальными, – сказал черноглазый. – Пойдем я и Иолай...

– Ну уж нет. – Я скрестил руки на груди. – Кто тебя назначил главным?

Сам я командовать никогда особо не стремился, но не любил, когда это делали другие. Пусть сначала докажут, что способны.

– Здесь нет главных, – спокойно ответил он.

– Вот именно... э-э...

– Верон Трег.

– Верон Трег, – повторил я. – Ты не захотел использовать этих богатеев как наживку, вот сам и следи за ними, а мы и без тебя справимся.

Иолай посмотрел на босса, тот, немного подумав, кивнул.

Мы чуток переоценили жителей пустыни. За нами пришло даже не пятеро человек, а всего двое. Вырубить немного охмелевших вояк оказалось нетрудно, даже тот полицейский справился бы один. Мы спрятались за кучей металлолома, а как только появились аборигены, – вырубили каждый своего одним ударом и затащили в тень кучи. Оружие было скудным: автомат и простой пистолет. Я взял второе.

Вернувшись назад, где нас уже устали ждать, мы показали небогатую добычу. Иолай передал оружие Верону, но тот сказал, что ему не привычно с громоздким автоматом, а я не отверг предложение поменяться. Оружие, хоть и в малом ко-

личестве, мы достали, осталось либо дождаться окончательной темноты, либо шума по поводу пропажи посланных за нами людей. Минут через пять случилось второе. Кто-то что-то крикнул, кто-то переспросил, первый кто-то опять что-то громко выкрикнул. Началась беготня, как в развороченном муравейнике.

Первый, заглянувший за угол, был с ножом, вырубить его, как и тех двоих, не составило труда. Нож я забрал и засунул в специальные ножны, одеваемые на ногу, которые также снял с руки аборигена, – мало ли. И мы побежали. В шумихе, которую устроили аборигены, нас даже не сразу заметили, и может, мы даже успели бы добежать до машин, но проблема была в белых костюмах. Я все еще был в болотно-зеленом подобии пончо, но вот остальные... Остальные выделялись на красном фоне пейзажа, как Люцифер в церкви. И в нас начали палить, но к тому времени мы уже добежали до кучи техники, за которой и спрятались. Сделав пару выстрелов в ответ, мы показали, что у нас тоже есть оружие, но на жителей пустыни это не произвело практически никакого эффекта. Они палили в нас так, словно у них нескончаемые патроны. Не думал, что в пустыне можно жить так комфортно и со всеми благами цивилизации.

Я решил перестать прятаться и отвлечь огонь на себя. Если все увидят, что я неубиваем, то так тому и быть. Иолай был прав – этим толстосумам вряд ли выжить в пустыне, поэтому они никому ничего не смогут рассказать, Верон с

Иолаем не производят впечатления особо болтливых личностей, тем более что и у самих явно есть свои скелеты в шкафу. Полицейский... Потом разберемся.

– Можете не прикрывать! – выкрикнул я и побежал обратно к квадратному зданию.

Удивительно, но несмотря на шквальный огонь, в меня ни разу не попали. А это мне еще босиком по камням неудобно бегать.

Несмотря на задатки интеллекта у рыжебородого (вожак стаи?), остальные казались полными идиотами. Они стреляли по стенам здания, за которым прятался я, по куче техники, за которой прятались остальные, парочка – я заметил — просто палили в небо, приплясывая и что-то выкрикивая, и никто не замечал пару-тройку мертвых собратьев, валяющихся у них под ногами, – не нужно быть гением, чтобы понять, что с ними сделают. Складывалось ощущение, что они просто развлекаются, наплевав на все. Видимо, цивилизация здесь не так прекрасна, как я думал, если еще учесть, что они не брезгуют каннибализмом. За все время, что они в нас палили, лишь двое додумались обойти строение, но мозгов на то, чтобы взять подмогу, у них не хватило. Возможно, по традиции самый жирный и аппетитный кусок получает тот, кто убьет чужеземца.

Я среагировал на подкрававшихся сзади аборигенов достаточно быстро. После выстрела в спину. Таким образом, я добыл еще дробовик и пистолет. Добежал обратно я так же без

единой царапины. Дробовик отдал киборгу, пистолет – черноглазому. Молодой коп явно расстроился, что его обделили, но я не доверил бы ему даже чеку от гранаты.

– И что это было? – спросил Иолай, как только я вернулся.

– Вечерняя пробежка, – усмехнулся я.

– Я так и знал, что ты не так прост, человек, иначе бы не стал так рисковать, тем более ради кучки незнакомцев. Но что дальше?

Ответ вновь был очевиден, но иногда хочется, чтобы его высказал другой, это дает ощущение отсутствия ответственности.

– Будем прорываться. Я, который не так прост, ты, который киборг, и Верон, который, тоже не так прост, – пойдём «живой стеной», остальные будут прятаться за нами. Если кого убьют или ранят, то тут уж извиняйте, – возвращаться себе дороже. Хотя, если черн... Верон захочет, может потащить толстячков на себе. Лично я – сваливаю. Это к вопросу о том, что я готов рисковать ради незнакомцев.

А вот теперь ответственность за толстосумов, да и вообще всех, с себя снял уже я, переложив все на твердые плечи Верона, тем более что он особо не выказывал недовольства. Если судить по его лицу, он пытался слиться с местностью, притворившись камнем.

– Рискуешь только ради себя? – спросил Иолай.

– В основном.

– Я стараюсь действовать объективно, – пояснил Верон,

сделав пару слепых выстрелов в сторону аборигенов. – Если есть шанс – я им пользуюсь. Но тут ты прав. У нас только один выход. Если кого-то ранят, максимум, что я смогу – добить.

– Очень милосердно, – кивнул я. – Ну что, насчет восемнадцать? Все готовы? Ра-аз... два-а... восемнадцать!

И мы побежали, одновременно стреляя и прикрывая собой тяжело дышащую толпу.

Первым «лег» молодой полицейский. Он запаниковал и побежал не как все, а что есть прыти, обогнав «живую стену», но от пули в бок он убежать не смог. Вот и решила одна из проблем нашей компании, а я и пальцем не пошевелил. Вторым оказался дэбел, который не Костун, но который больше него, а оттого медлительней. Он спотыкнулся о какую-то железяку и растянулся на земле. Подняться ему помешала пуля в голову. Вот странно, то эти дикари вообще попасть не могут, то убивают первым же выстрелом. Хотя, это, скорее всего, просто случайность. Костун, что удивительно, отличился несвойственной его брату прыткостью. Вот чья жажда жизни пересиливала гены.

Странный шум мы услышали еще стоя за кучей перед тем, как побежать, но не обратили на него особого внимания. Он шел со стороны садящегося солнца, видневшегося в большой брешу в идущих по кругу невысоких гор, а потому увидеть источник не представлялось возможным – светило бы-

ло слишком ярким и ослепляло. До этого момента.

– Ядрена кочерыжка, – только и прошептал я.

Это был лайнер.

Тот самый космический лайнер, о котором можно было снимать фильм про зомби-апокалипсис, и энд у этого фильма явно был бы не хэппи.

Корабль летел – а точнее – падал, – немного накренившись, оставляя за собой широкую полосу густого черного дыма. Лайнер летел примерно в двух километрах над землей (а учитывая размер, это было сильно) и уверенно снижая высоту, но точно не для того, чтобы мягко сесть – космические лайнеры не были предназначены для полета вне космоса.

Никто не стрелял. Все стояли как вкопанные и наблюдали за необычным представлением. Даже аборигены, явно привычные к падению им на головы всякой дряни, никогда не лицезрели подобных шоу.

– Я не очень разбираюсь в таких вещах... – начал я, продолжая следить за удаляющимся кораблем, но черноглазый меня перебил, одновременно довершив мою мысль:

– Он на реакторе антимассы!

Это было самое эмоциональное, что Верон сказал за все время нашего знакомства, и сказал он это так, что даже глуповатые толстосумы поняли, что это очень плохо.

– Быстрее! – выкрикнул Иолай и побежал к машинам.

Остальные последовали его примеру. Аборигены же продолжали стоять и пялиться в небо. На всякий случай мы взя-

ли три машины: в первую сел я и... Костун, чтоб его, во вторую – Верон и старушка, в третью – Иолай и муж старушки. Вообще, в машине было четыре места, но такой ненадежный транспорт мог сломаться, могло лопнуть колесо, могла кончиться энергия и все такое, поэтому взять побольше машин выглядело разумным решением. Богачи, очевидно, водить не умели вообще. Первая остановка случилась раньше, чем мы ожидали. Не успели мы выехать за пределы круга гор, как на пути выбежала... девушка!

– Езжайте дальше! – крикнул я остальным, а сам остановился. – Ты, – крикнул я Костуну, – на заднее.

– Почему я должен...

Договорить ему не дал мой удар в глаз, под которым и так светил фингал после моего удара еще на лайнере. Зато он быстро перебежал назад, плача и держась за глаз. Девушка села на место, и я сорвался с места, поднимая за собой целый фонтан песка и пыли.

– Зачем я должен был пересесть? – сквозь нытье промычал Костун, решивший, что сейчас говорить можно и безопасно.

– Будут стрелять – прикроешь.

– Что?.. – Костун быстро высунулся в окно и убрался обратно. За нами гнались.

А может, и не «за», а «от». Но вряд ли аборигены понимали, что такое реактор антимассы, а если и понимали, то вряд ли знали, что он есть у этого корабля.

Сначала была вспышка. Из-за бьющего в глаза красного солнца впереди, она показалась совсем незначительной, но я ее уловил. Если бы кто стоял к взрыву боком, то он бы боковым зрением увидел, что на миг на противоположных концах земли как будто засветилось сразу два солнца: одно уходит за горизонт, другое же рождается прямо на поверхности.

Через несколько секунд взрыв уловили все. Звук был такой, словно в уши кто-то дул со всей силы, а все остальные звуки просто перестали существовать.

– Не смотри! – крикнул я девушке, которая собралась высунуться в окно и оглянуться. – Ослепнешь!

И тут нас накрыла ударная волна. Не сильная из-за расстояния, но машину повело, пришлось снизить скорость, чтобы не перевернуться. Дополнительным плюсом было то, что позади нас, прямо на пути ударной волны, находились горы, которые и ослабили удар.

– А нас радиацией не накроет? – выкрикнула девушка.

Я высунулся в окно. На горизонте возвышался огромный гриб, над которым, высоко в небе, расходился почти правильными кругами белый дым. Хоть поднявшийся в воздух песок мешал, но гриб было прекрасно видно. Аборигены же куда-то пропали, то ли затерялись в пыли и песке, то ли все поголовно взглянули на вспышку и оттого уже не видели, куда ехать. Да и вообще больше ничего не видели. Я сел на место.

– Взрыв слишком далеко, так что радиация не должна достать. Но лучше уехать подальше. Надо догнать наших «друзей».

Не успел я набрать скорость, как у нас за спиной послышались выстрелы. Аборигены, судя по всему, пережили взрывную волну, но возвращаться обратно в лагерь – к женщинам и детям – не собирались. Я снова высунулся в окно, но за пеленой пылине мог разглядеть преследователей, из-за чего было непонятно, как они вообще стреляют. Наверно, наобум, ибо все пули уходили в «молоко».

– Стрелять умеешь? – спросил я у девушки.

– Еще бы.

– Бери оружие у меня между ног и работай.

– Чего?! – вытаращила она на меня глаза.

– Автомат, говорю, бери. Я его просто ногами зажал, чтобы из машины не улетел.

– А-а, так бы сразу и сказал. – Девушка пыталась сдержать смущение. – А я не ослепну?

– Ослепнуть можно только при вспышке, дальше не опасно, если, конечно, не будет второго взрыва. Хватит болтать, отстреливайся!

– Да. У меня еще пистолет твой остался, может его этому жирдяю дать?

Я посмотрел на заднее сиденье. Костун накрыл голову руками и дрожал, пытаюсь хоть как-то сжать свою низкорослую, но ширококостную тушу на тесных задних сиденьях.

– От него толку как от козла молока, чтобы я ему еще свой пистолет доверил. Давай лучше сюда.

– Вот, – протянула она мне вакуган. – Только там патронов почти не осталось, ты еще на лайнере бóльшую часть расстрелял, а мне пришлось убить напавшего на меня монстра.

– Фигово. Тогда старайся стрелять из автомата прицельней. Патроны нам еще могут пригодиться.

Девушка взяла автомат и высунулась в окно, повернувшись ко мне своими аппетитными формами, которые обтягивало некогда белое и целое платье, но через несколько секунд вернулась в салон автомобиля. Я сделал вид, что все это время следил за дорогой.

– Да как тут прицелишься? Из-за песка ничего не видно.

– Черт. Водить умеешь?

– Да все я умею: и стрелять, и водить, и борщи варить!

– Идеал просто, а не девушка.

– Одно другому не мешает, – рассмеялась она.

Кое-как поменявшись местами – не скажу, что мне это не понравилось, – я взял автомат. Не знаю, куда я попадал, но, судя по крикам и звуку бьющегося пластика (или из чего там сделаны машины?), попадал я в нужные места. И тут заорал Костун. Истошно так заорал, что даже в ушах заложило, как несколько минут назад от взрыва.

– Моя спина! Мне прострелили спину!! А-а-а... Больно! Я умираю! Кровь! А-а-а!!!

– Да заткись ты нахрен, придурок! Твои крики лучше лю-

бой мишени! Заткнись, а то башку прострелю!

Костун поутих, но зарыдал пуще прежнего, держась за правое плечо. Вот он и сыграл свою роль. Я не успел снова высунуться в окно, как девушка крикнула:

– Впереди что-то есть.

– Что там? – Я сел на место и присмотрелся. – О, неужели.

Это была машина. Такая же, как у нас. Сначала я подумал, что кто-то из аборигенов нас обогнал, но потом понял, что это невозможно, – я не видел у них на стоянке столь быстрых машин. Это был кто-то из уехавших вперед. Скорее всего — Иолай.

Сравнявшись с нами, водитель резко развернулся, не забыв при этом полить наших противников свинцом, и догнал нас. Как я и предполагал, это был киборг.

– А я уж подумал, вы нас бросили тут, – крикнул я ему.

– Да как ты мог так о нас подумать? – театрально обиделся Иолай. – Мы всегда возвращаем долги. Мы даже специально замедлили скорость, чтобы вы нас догнать успели, а потом услышали выстрелы. Вот Верон и попросил меня вам помочь.

– А так бы не помог?

– Помог бы, – уверил меня он. – Я добрый! И Верон знает, что помог бы, даже если бы он приказал обратное, поэтому и отправил меня за вами. Он, знаете ли, любит чувство, когда у него все под контролем, даже если это не так.

– Ясно. Спасибо тогда.

– Да что уж там. Кстати, сколько там машин едет?

– Без понятия. За пылью ничего не видно. Но от нескольких я точно избавился.

– Ладно, вы ежайте вперед, а я разберусь тут.

Мы спорить не стали. Иолай сбавил скорость, а через несколько секунд мы вновь услышали выстрелы. Он был киборгом, так что за него не стоило переживать, тем более этот Верон вряд ли отправил его нам на подмогу, не будучи уверенным, что тот справится.

Догнать Верона не составило труда. Песок уже почти полностью осел, хотя на такое расстояние, вероятно, ударная волна и не достала, поэтому фары машины в сгущающихся сумерках мы разглядели еще будучи далеко.

Догнав черноглазого, мы кивками поприветствовали друг друга и поехали дальше, замедлив скорость. Примерно через час стемнело полностью, лишь небольшое количество звезд освещало пустынную землю. Иолай догнал нас чуть позже.

– Надо остановиться на ночевку, – крикнул Верон.

Мы остановились, пытаясь в темноте отыскать хоть что-то, напоминающее укрытие. Но пустыню не просто так пустыней назвали, хотя в этой даже ни одного перекасти-поля не было.

– Что будем делать? – спросил Иолай. – Тут и укрыться негде. Сплошная пустыня.

– Скоро похолодает, – заметил я, – поэтому у нас два ва-

рианта. Разжечь огонь, чтобы обогреться, но тут есть опасность нападения диких... монстров. Либо переждать холодную ночь в свете звезд. Некоторым из нас приемлемы и такие условия, но тут есть и обычные хрупкие люди. А один вообще ранен.

– Кто ранен? – удивился Иолай.

– Костун. Тот толстяк у нас на заднем.

– А что вы сразу-то не сказали? У меня есть познания в медицине.

Иолай вышел из машины и открыл заднюю дверь нашей.

– Ой-ей-ей! Он в отрубе. – Киборг пощупал пульс. – Скорее всего, потеря крови, у него в плече дыра сквозная. Будь он сантиметров на пять-семь повыше, уже копыта бы отбросил. И в маленьком росте есть свои плюсы.

Сам Иолай не был коротышкой, но ростом он все же и сам не вышел. Вероятно, это побочный эффект от кибернетизации, ведь роботизированные части не растут.

– Ты тоже ранена? – обратился он к девушке. Помимо того, что ее платье было изорвано, его еще и заливала кровь, словно на нее вылили целое ведро, того и гляди начнет всех вокруг телекинезом расшвыривать.

– Это не моя кровь, – ответила она тихо, словно боясь, что кто-то сочтет это за хвастовство. – Хотя, думая, у меня есть пара царапин.

Иолай тут же переключил свое внимание на нее.

– Думаю, нам придется развести костер, – сказал Верон,

выходя из машины. – Заодно и обдумаем наше положение.

Особо обдумывать было нечего, но каждый наверняка имел свое мнение на сей счет.

– А чем разводить-то? У нас даже веточек нет, не говоря уже о дровах.

– Зато у нас есть одежда и машины, вроде как из горящего материала, – объяснил я человеку, который, по-видимому, впервые оказался в таком положении. – Сейчас все устроим.

– Думаешь, нам хватит этого на всю ночь? И я не собираюсь сжигать свою одежду, – запротестовала девушка, сложив руки на груди, словно готовясь защищаться, если я решу применить силу.

– Ну, во-первых, ночь долго не продлится. Солнце большое, а планета маленькая, так что часов через пять-шесть наступит утро; продержимся. А во-вторых, всю одежду сжигать не надо, хватит и мужских пиджаков для розжига. Тебе еще учиться и учиться, – добавил я менторским тоном.

В темноте не видно, но, думаю, она покраснела, хотя виду не подавала, даже голос не дрогнул:

– А кто меня учить будет, ты, что ли?

– Может, и я.

Девушка молча отвернулась и хмыкнула.

Примерно через час огонь горел во всю. Сначала вытащили (а точнее – вырвали) из одной машины все сиденья, потом скомкали пиджаки и запихнули под кучу. Июлай, будучи киборгом, выдал искру и разжег огонь. Один пиджак остави-

ли, чтобы подsunуть под голову Костуну, которого уложили перед костром; Иолай сказал, что рана не так уж и серьезна, но в нашем положении она может привести к летальному исходу. Дым, конечно, вонял пластмассой, но это давало повод думать, что звери будут обходить нашу вонючую компанию стороной. Сами мы сели против ветра, поставив машины боком, друг напротив друга, чтоб удобно было сидеть и общаться.

Первым заговорил Верон:

– Итак, что мы имеем? Мы посреди пустынной планеты, на которой, вероятно, полно огромных хищных животных, а оружия у нас мало. Всего трое из нас способны сражаться, от остальных пользы практически никакой.

Деликатности ему не занимать. Девушка хотела что-то сказать, но Верон не дал ей высказаться:

– Еще у нас есть раненый, который, скорее всего, не переживет эту ночь. Планета заброшена...

– С чего вы взяли? – все же вставила свое слово девушка.

– С чего? – поднял брови фронт. – А разве не ясно?

– Я... хотела бы услышать ваши доводы.

Женщины не любят признавать, что чего-то не знают. Они вообще не любят признавать хоть что-то, если это принижает их в глазах других.

– Мои доводы? Они очевидны. Это пустыня. Если бы планета была заселена, то тут были хотя бы какие-нибудь указатели, не говоря уже о монстрах, от которых давно бы из-

бавились. Еще тут есть людоеды, живущие на бывшей базе терраформаторов. Что еще нужно?

– Терраформаторов?

– Нельзя же быть такой невеждой, – вздохнул Верон.

– Нет, я знаю, что такой терраформирование. – Девушка старалась не показывать свои чувства, и ее голос, казалось, ускорял понижение температуры. – Просто хочу понять, что тут произошло и кто те люди.

– Хорошо, я объясню. Эту планету когда-то хотели терраформировать, то есть сделать ее пригодной для жизни. Судя по той конструкции, что была на базе, терраформирование было давно, так как это устаревшая модель, не использующая уже лет эдак пятьдесят, а еще, очевидно, процесс прошел не удачно, на что и указывает разрушенная база. Она, вероятно, просто взорвалась из-за чрезмерной нагрузки. Понятно?

Девушка все еще дулась и явно не получала удовольствия от разговора, но любопытство все же пересиливало гордыню, что было необычно для представителей ее расы.

– Да, но кто же те люди? – спросила она.

– Вот этого я не знаю. Возможно, это те, кто работал на базе, а может, и их потомки. Дети уж точно. Или они упали так же, как и мы. Есть вероятность, что у этой планеты слишком большая сила притяжения или, возможно, здесь существуют гравитационные аномалии, на это указывает множество обломков, собранных в кучи теми людьми. Не вижу причин

наведываться на эту планету по собственному желанию.

Верон чувствовал себя в своей тарелке, говоря все это. Вначале он показался несловоохотливым, но это, скорее всего, из-за того, что к нему не часто прислушиваются, а тут слушатели нашлись, и он решил восполнить то время, что провел в молчании, тем более, что говорил он по делу.

– Ясно, – кивнула девушка.

– И что нам делать? Тут даже горячей воды нет, – подала голос старушка из-за спины, ежась от холода под шалью.

– Честно сказать, я не знаю. Мы не сможем выбраться с планеты самостоятельно.

Помолчали. Пауза затянулась минут на пять, за которые тусклых звезд на небе как будто стало больше. По звездам можно было узнать, в какой части галактики мы находимся, но это не имело смысла, потому что маршрут лайнера и так все знали. Хотя не все знали, что частично он проходит по местам, где практически никого не бывает. Планета, на которой мы находились, даже не была включена в программу экскурсии, ибо не представляла собой ничего примечательного.

– Можно собрать какой-нибудь радиопередатчик и передавать сигнал SOS в космос, – предложил я.

– Это вариант, – согласился Верон, – но у нас нет необходимых приборов.

– У нас есть киборг.

– Кто?! – воскликнула девушка. – Всегда мечтала заме-

нить себе какую-нибудь часть тела на роботизированную!

– Это я, – поднял руку Иолай. – Поверь мне, киборгом быть не так уж круто. Прямо сейчас, например, у меня совсем мало энергии. Солнце скрылось за горизонт, а других источников энергии я тут не вижу. Могу, конечно, высосать ее из машин, но тогда мы останемся без средств передвижения, а ждать, когда утреннее солнце вновь их зарядит, может быть опасно. Вдруг придется уматывать от аборигенов или зверей.

Девушка немного приуныла.

– Что касается радиоприемника, – Иолай повернулся ко мне, – то тут тоже есть проблема. Для начала я должен иметь хотя бы пятьдесят процентов заряда энергии и, как сказал Верон, нам нужна аппаратура, чтобы я мог усилить сигнал и послать его в космос.

– У тех ребят несколько куч этой аппаратуры. Если там и нет того, что нам необходимо, то я могу легко собрать нужный прибор.

– Прибор собрать я тоже могу, – кивнул Иолай, – но у меня совсем нет желания возвращаться в тот гадюшник.

– А есть другие варианты?

Иолай, да и все остальные, задумался. Часто бывает так, что приходится идти туда, куда тебе совсем не хочется, и делать вещи, которые ты ненавидишь. Обычно это называется работой. А иногда от этого зависит твоя жизнь или жизни других.

– Мы можем либо вернуться, но на этот раз готовые ко всему, либо бродить по всей пустыне, в надежде найти более... цивилизованную цивилизацию. Но если здесь такие и были, то они давно отсюда смылись. Или превратились в ди-карей.

Все снова призадумались.

– Подождите! – вскинулась девушка. – Но ведь там же радиация! Тот корабль...

– Она права, – согласился Иолай. – Обычным людям там делать нечего. Пусть не сразу, но с годами эффект себя проявит.

Мне ли не знать. На родной планете я видел тысячи и тысячи людей, подвергшихся радиации. Даже не знаю, что хуже: чума или лучевая болезнь. По крайней мере, второе не передается от человека к человеку.

– Значит, придется пойти только тебе, – сказал Верон киборгу. – На тебя радиация повлияет меньше всего, тем более, вряд ли ее там сильно много.

– Эх, опять всю работу на меня скидывают, – посетовал Иолай.

Укол совести был не таким уж и острым. У киборгов вместо крови течет олейхор, способный медленно выводить радиацию, если, конечно, она не превышает критической величины. Да, Иолай некоторое время будет чувствовать себя довольно погано, но это все равно не повод разболтать всем о моем бессмертии.

– Надо поспать, – решил Верон чуть позже, когда мы обсудили несколько насущных проблем. Старики пожаловались на голод, на что Верон посоветовал им сходить на ночную охоту. Аппетит у лысых толстосумов тут же пропал.

– Вот это верно! – поднял указательный палец вверх Иоллай. – Утро вечера мудреней. Надо только сначала проверить раненого. Я бы сам сходил, но не хочу тратить энергию.

– Я проверю, – сказала девушка.

– Если бережешь энергию, не надо так активно жестикулировать, – пожурил киборга черноглазый.

– Не самый лучший телохранитель, да? – беззлобно улыбнулся я франту.

– Мы не раз выбирались из самых серьезных переделок вместе, – серьезно ответил Верон, – так что не надо неуместных шуток.

– Извините, если кого-то обидел. – Я умиряюще поднял руки. – Не хотел.

Черноглазый не ответил. Существуют люди, для которых некоторые пустяковые вещи кажутся чересчур важными и серьезными. Некоторые зацикливаются настолько, что со временем перестают замечать поистине существенные проблемы, что им в конечном счете аукнется.

Дабы не создавать неловкости, я тоже подошел к костру.

– Живой? – спросил я без всякого интереса.

– Дышит, – ответила девушка.

Мы вернулись к машинам.

– Кстати, – обратился я к девушке, когда мы расселись по местам, – ты откуда вылезла?

– Вылезла? – фыркнула она. – Как грубо.

– А как я должен сказать? Ты выскочила как черт из табакерки! Белое платье все в грязи, крови и рваное...

– Я про твою зеленую тряпку вообще молчу.

– ... на голове кавардак, лицо чем-то заляпано.

– Где? – Девушка начала судорожно оттирать с лица невидимую ей грязь. Один из примеров зацикливания на пустяковых вещах, которые по большей части присущи лишь женщинам.

– Да вон, под глазом, – подсказал я, пока она себе кожу не содрала.

– А сразу не мог сказать? Сижу тут, как кикимора... пустынная.

Она и правда была похожа на кикимору: одежда разорвана, волосы как солома, черная солома, а руки еще грязнее лица. Несмотря на все это, такой вид придавал ей какую-то очаровательную аутентичность.

– Сразу – это когда? Когда мы уматывали от аборигенов и взрыва или когда так стемнело, что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно?

– Ладно-ладно, я поняла: не было времени. Теперь все? – Девушка закончила оттираться.

– Еще вот тут немного. – Я показал пальцем на лоб.

Девушка резко отстранилась.

– Ты чего? – удивился я.

– Я думала, ты сейчас слюнями своими оттирать соберешься.

– С чего бы это? – усмехнулся я.

– Да кто тебя знает, – пробубнила она, оттирая лоб.

– Меня знают все, кому нужно, а вот насчет тебя не знаю, извини за тавтологию. Может, наконец, скажешь свое имя?

Она немного замялась, словно решая, достоин ли я такой чести.

– Скажу: Мара.

– Мара? – поднял я брови. – Просто Мара?

– А что такого?

– Да нет, ничего. Если ты Мара, тогда я Хорс.

– А если я скажу, что не Мара, у тебя тоже имя сменится?

– Так что с тобой случилось? – ушел я от ответа. – Почему тебя не было вместе со всеми в лагере? Что ты вообще все это время делала?

– Что делала? Да ничего особенного. Когда я приземлилась, то дверца почему-то не открывалась...

– Она и не должна открываться, – перебил Мару Июлай, который, по идеи, должен был спать, как и все остальные. – В начале, по крайней мере. Там специальная программа стоит, которая не дает двери открыться еще десять минут после приземления. Нас так и поймали – просто обмотали «гробики» стальными тросами, чтобы мы дверцу открыть не смогли, потом прицепили к машинам и отвезли в лагерь, а там

уже народу было слишком много, так что отбиваться не решились.

Верон с Иолаем, как и лыбые старики, не спали, но не из-за того, что наша болтовня им мешала, а потому что просто не хотелось. Так бывает, когда день насыщенней, чем предполагал с утра. Организм и разум не могут переварить все так быстро, чтобы еще и на поспать время оставить. Для меня этот день тоже отличался от большинства остальных в моей жизни, но я совру, если скажу, что он самый яркий из всех, что я пережил.

– Дурацкая система, – пробурчал я, вспоминая, как мне пришлось поднапрячься, чтобы убраться с лайнера.

– Так вот, – продолжила Мара ровным голосом. – Когда дверца не открылась, я кое-как достала пистолет...

– Вакуган, – машинально поправил я девушку. Да, он тоже считается пистолетом из-за формы, но все же нечто большее, чем простая пукалка.

– ...и собрала его. Благо, когда шлюпка приземлилась, пистолет зашвырнуло как раз под руку. А потом я прострелила окошко в соседнем месте, где было пусто, так как летела я одна.

– Не стоит благодарности, – самодовольно ухмыльнулся я, но девушка не отреагировала.

– Оконце разбилось, и когда герметичность нарушилась, замки перестали работать. Потом я встала, огляделась, увидела вдалеке горы и вспомнила, что... Хорс говорил идти к

самой высокой точке.

– Не стоит благодарности, – повторил я, но девушка снова никак не отреагировала. Я приуныл. Пусть я спас ее не от дракона, но и она не бедная принцесса, хотя замашками иногда походит на королеву.

– Я побежала к горам. И когда бежала, то оглянулась и увидела, как с неба летит еще одна шлюпка. Сначала я хотела побежать туда, но потом подумала, что там может оказаться Костун. – Девушка с отвращением на лице взглянула на тело возле костра. – Поэтому я решила бежать дальше. Там-то на меня и напал эта... ящерица. Прямо из-под земли выпрыгнула, в прямом смысле. – Она вздрогнула, может от воспоминаний о звере, а может, из-за холода: ночь обещала быть противоположной дню. – Он бросился прямо на меня, оттого и платье рваное. Я запаниковала и выстрелила в него наверно раз двадцать, пока не поняла, что он уже сдох. Пока я вылезла из-под его туши, платье еще и в крови испачкалось. В общем, когда я добежала и взобралась повыше, то увидела людей. Они выглядели не очень мирно, и я решила не рисковать, поэтому оставалась на месте.

– Разумно.

– А потом увидела то, о чем говорил... э-э...

– Июлай, – подсказал киборг.

– Да, Июлай. В этот лагерь въехало несколько машин с саркофагами, привязанными сзади. Скорее всего, машины выехали, как только приземлилась моя шлюпка, но на пути к

горам я их не видела. В общем, они привезли все «гробы», один из которых был пустой – это мой, – а другой вообще с оторванной дверцей. Когда саркофаги открыли, я не увидела только полицейского, который должен был быть там. Даже обрадовалась немного, он был не лучше Костуна. Потом аборигены открыли шлюпки и сразу убили телохранителей, но не всех. – Девушка посмотрела на Иолай.

– Повезло, – улыбнулся тот.

Если кому и повезло, то этим самым аборигеном. Киборга не так-то просто убить, если не знать как. Если бы они сделали хоть выстрел, Иолай точно бы устроил настоящую бойню.

– У них забрали все оружие, – продолжила Мара, – а потом унесли куда-то за разбитую железную башню. Я еще некоторое время наблюдала за этими дикарями, прячась от дозора и гадая, что делать. Я уже собиралась обойти лагерь с другой стороны, чтобы добраться до тюрьмы, но тут заметила, как несколько человек побежали куда-то правее от меня с подобием носилок, а потом узнала лежащего на них Хорса. Кстати, почему ты был голым?

– Жарко, – сразу ответил я.

– И ты решил раздеться догола?

– Я много чего хотел, но завершить начатое мне не дали, – меня поймали, – уклончиво объяснил я.

Вообще, не так уж я чего-то и хотел. Я даже не успел решить, какой из мной придуманных планов мне реализовать, так что мне, можно сказать, даже повезло, что меня пойма-

ли. Я ведь мог попросту уйти и бродить по всей пустыне, отбиваясь от диких животных, а в это время моих новых знакомых поджаривали бы на вертеле людоеды. Хотя, получается, что это им повезло, а не мне. Если подумать, они могли справиться и без меня, просто жертв было бы больше.

– Ладно, не важно, – оставила расспросы девушка. – Короче, я решила не отходить от первоначального плана, поэтому пошла вокруг, чтобы добраться до здания, где держали пленных. И будучи уже у края, где круг гор разрывается, я услышала выстрелы и решила, что лучше будет переждать и подобрать лучший момент, чтобы перебежать дорогу незамеченной.

– Зачем, если мы уже выбрались из клетки? – удивился я.

– Я не знала, что это вы. Я думала, это аборигены так развлекаются, паля в воздух или вроде того. Или вас уже убили. Поэтому решила идти дальше, чтобы убедиться, потому что с моего места не было видно, кто и где стреляет.

– Логично. Идти туда, где стреляют, чтобы убедиться, что нас уколошили.

– А потом я услышала громкий звук позади, – проигнорировала Мара мою колкость, хотя и взглянула на меня с укором. Ей, видимо, больше хотелось досказать свою историю, чем пререкаться со мной по пустякам. – Я увидела падающий лайнер, — продолжала она. – Я даже сначала не поверила своим глазам, думала, у меня солнечный удар. Я едва не пропустила, как вы выехали, так засмотрелась. Хорошо, что

я рассмотрела в одной из машин ту лысую старуху и выбежали на дорогу, ну а дальше вы все сами знаете.

Девушке повезло, что «та лысая старуха», как и ее муженек, уже посапывала во сне, а то получила бы в ответ тираду о том, какая она благородная, особенно будучи лысой, и не волосатым потаскухам выказывать ей свое пренебрежение.

– А как вы убежали? – помолчав, поинтересовалась девушка.

– Бегом, – ответил я.

– Смешно. Ладно, вы как хотите, а я спать, – сказала девушка, поудобнее устраиваясь в жестком кресле машины, обнимая себя руками, чтобы не замерзнуть. Все пиджаки, кроме того, что был подложен под голову Костуна, использовали для розжига костра, поэтому предложить ей было особо нечего. Мое пончо она вряд ли возьмет, тем более что тогда я останусь гол как сокол. Жилеты Верона и Иолая тоже не особо могут и помочь в борьбе с холодом.

– Надо назначить дозор, – предложил Верон, – а то мало ли кто решит напасть.

– Я подежурю, – отозвался я.

– Я сменю тебя через пару часов.

– Не стóбит. Я могу не спать пару дней вообще.

Я, естественно, приуменьшил, дабы не возникало лишних вопросов, хотя Верон давно присматривается ко мне, пытаюсь на чем-то подловить. Мне даже показалось, что он заметил дырку от пули у меня в накидке сзади, куда стрельнул

тот абориген, но ничего не сказал.

– Как скажешь, – пожал плечами черноглазый.

Только сейчас я задумался о саркофагах. Если разбитых и пустых было два, то почему тот рыжий спросил лишь об одном? И причем не о том, где дверцу полностью оторвало, а о втором, в котором летела Мара, и в котором лишь было разбито окно. Подумал, что тот, кто летал в шлюпке с оторванной дверцей, в любой случае не выжил, а потому и переключился на вторую, где всего лишь не было стекла? Скорее всего, а иначе он задал бы резонный вопрос: как ты выжил? А если бы Мара не выбралась из шлюпки, что тогда? Тогда бы была одна пустая искореженная шлюпка и живой я. Это бы дало массу пищи для размышления. Меня могли посадить в отдельную клетку, а то и вообще к тем зверям, чтобы проверить живучесть. Повезло, можно сказать.

Хотя, если подумать, те аборигены не знали о существовании еще одного человека – девушки, – но зато о ней знали другие из нашей компании. После рассказа девушки у особо умных должен возникнуть этот вопрос. Что мне ответить, если меня спросят, как я выбрался с корабля? Полетел на другой шлюпке? Но она же практически уничтожена, даже дверцу оторвало. Что ж, я умею импровизировать, что-нибудь да придумаю.

Ночь, как я и предвидел, оказалась скоротечной. Во время дежурства я несколько раз подходил к Костуну и пинал

его. В ответ слышалось кряхтение, и с каждым новым пинком кряхтение становилось более энергичное – поправляется, живучий толстяк. Когда небо начало слегка проясняться, костер уже не горел, хотя в воздухе продолжал витать едкий запах пластмассы. Помимо грязи, белый костюм Костюна был запачкан черной сажой. Удивительно, как он не задохнулся во сне.

На востоке (или где здесь встает солнце?) начали появляться первые лучи Красного Гиганта, когда я услышал со стороны восхода необычные для этих мест звуки. Сначала я не особо обратил на них внимание, – это могли быть какие-нибудь неизвестные мне звери, пробегающие мимо; зачем людей зря тревожить? Но звуки становились все громче, и они явно были не животного происхождения.

– Кажется, у нас гости, – послышалось сзади.

– У тебя чуткий слух, – сказал я, не оборачиваясь.

Верон, наверно, проснулся, как только услышал первый шум, а может, почувствовал мои колебания. Черноглазый не простой парень. Еще вчера вечером, когда мы решили разжечь костер, я заметил в его белом пиджаке дырку от пули в районе плеча, но он ее специально порвал чуть сильнее, из-за чего казалось, будто костюм просто порвался, обо что-то зацепившись. Но меня не проведешь. Когда он снял пиджак, чтобы разжечь костер, то также незаметно порвал и рубашку. Не один я скрываю тайну, но у меня есть преимущество, – его я знаю. Если бы он спросил о дырке у меня на спине, я бы

не остался в долгу, поэтому получалось, что мы сохраняем наши тайны, пока не пытаемся разузнать о них друг у друга.

– Как и у тебя, – ответил Верон, доставая оставшийся пистолет. – Эй, Иолай. – Черноглазый потряс друга-телохранителя за плечо.

– Я не сплю! Я не сплю! – дернулся Иолай, разлепляя глаза и быстро озираясь по сторонам.

– Сколько у тебя энергии?

– Почти пятьдесят процентов. А что?

– У нас гости.

Иолай схватил дробовик и громко матюгнулся. От этого проснулись и все остальные.

– Что будем делать? Отстреливаться? – поинтересовался Иолай.

– Лучше поберечь патроны. Уезжаем.

– А Костун? – спросила девушка, растирая сонные глаза. Она быстро сориентировалась и сразу поняла, что происходит. Она энергично потирала руки, заледеневшие за ночь.

– А что происходит? – недовольно спросила старушка. – Еще ночь на дворе.

– Не у всех, – грубо ответила ей девушка.

– Заводите машины, я принесу Костуна... если он еще жив.

– Жив, жив, – кивнул я.

Мара недовольно поморщилась. Не то, чтобы она желала ему смерти, но горевать точно бы не стала, как и все мы.

– Странно, что они только сейчас зашевелились. Наш ко-стерчик, наверно, на километры вокруг был виден, в темноте-то.

– Может, потому и не решились нападать, что темноты боялись, зверей, а может, найти не могли: мы далеко уехали.

– Все может быть. Еще они могли вернуться в лагерь за подкреплением.

Верон быстро и легко перенес толстяка на заднее сиденье машины и сел за руль, рядом с Иолаем. Я возглавил вторую машину. Позади недовольно пыхтели лысые старики. И мы рванули с места, поднимая тучу пыли и песка. Я оглянулся, но разглядел лишь слепящий восход солнца.

– А еще они могли специально дождаться солнца, чтобы спрятаться в его свете, – крикнул я.

– Думаешь, они настолько умны? – усмешливо подняла брови Мара.

– Да черт их разберет. Режебородый задавал мне довольно разумные вопросы, я даже удивился, а спустя пару часов они уже начали палить в воздух, словно чокнутые макаки. Может, у них интеллект от времени суток зависит? – усмехнулся я.

– Если так, то это очень плохо. Сейчас утро, они могут быть вообще гениями.

Вряд ли это было так. Пусть машины на солнечных батареях и не издавали громких звуков, но в пустыне и их было достаточно. Они могли оставить машины и остаток пути

пробежать, тогда бы мне было труднее их засечь. Возможно, они и не собирались скрываться, уверенные, что и так нас догонят. Это не было лишено смысла, потому что эти дикари в пустыне как рыбы в воде, когда как никто из нас не знает даже названия планеты, не говоря уже об ее географии. Прямо сейчас мы могли мчаться напрямик в ловушку.

– А куда мы едем? – крикнул я Верону. Вряд ли он знал больше меня, но две головы лучше одной.

– Подальше, – ответил чуть хриплым голосом сидящий ближе Иолай.

– Так нам не подальше, а поближе надо! Забыли вчерашний план?

– Так это был план? Я думал, просто предложение.

– Есть другое?

Иолай задумался, посмотрел на Верона. Тот немного помолчал и отрицательно мотнул головой. Одна голова хорошо, но иногда и три не достаточно.

– Не, нету, – подтвердил вслух киборг.

– Надо провести разведку, – громко предложил Верон. Он не отрывал взгляда от дороги, если так можно назвать километры песка. Что странно, здесь почти не было барханов, лишь изредка земля шла волнами, словно ее кто-то встряхнул. Интересно узнать, была ли планета такой до неудачного терраформирования или стала уже после? Возможно, когда-то здесь выселись целые леса, но если так, от этого не осталось и следа.

– Разведку?

– Кто-то должен остаться и дожидаться преследователей. Посмотреть, сколько там людей. Мы можем с ними разделаться, забрать машины и оружие. Думаю, для вторжения нам это может очень пригодиться.

– Согласен, – сразу же ответил я. Иногда я атаковал целые города в одиночку и без оружия, и, скажу вам, это довольно утомительно.

– Не согласна, – тихо подала голос девушка, но ее все равно услышали и удивленно на нее уставились. Даже Верон, до этого сосредоточенно глядевший вдаль, повернул голову.

– Почему?– недоуменно спросил я.

– Смотрите сами. – Она указала куда-то правее.

И все увидели. Увидели толпу (стадо? стаю?) огромных зверей, несущихся наперерез нашему незамысловатому маршруту. Это были те самый гиеноподобные животные, каких держали в клетках аборигены. Я и Иолай выругались так, как это умеют только земляне.

– Думаю, разведка отменяется.

Я быстро развернул машину, раскидывая по всему салону пассажиров, и помчался обратно к восходу солнца и поднятой нами пыли. Почти романтика. Верон сделал то же самое. Наши машины не то, чтобы были медленными, мы, скорее всего, легко могли оторваться от зверей, но каковы шансы, что их не будет и в другой стороне? Да и преследователи явно не собирались отставать. Убегать от тех и от других, рискуя

нарваться на третьих, – не лучшая идея. Поэтому был один наиболее разумный вариант. Враг моего врага – мой друг. А если этот враг и не собирается с нами дружить, то что делать? Ответ очевиден: сравить первого со вторым. И тогда у тебя, в худшем случае, останется лишь один враг, который, к тому же, будет ослаблен.

Мы были профессионалами: я и Верон, а потому нам не надо было стовариваться и объясняться, что делать. Мы просто знали, что наиболее верно в данной ситуации, а потому развернулись, заранее этого не обговорив и не предупредив. Развернулись и ринулись прямо на врага. Но не бездумно, как казалось со стороны, а понимая, что делаем.

Мы развернулись и ехали назад медленнее, чем только что, но не потому, что хотели оттянуть неизбежное, а потому что ждали. Ждали зверей. Как мы и предполагали, не в меру умные звери, разглядев наш маневр, тут же сменили направление, бросившись напрямик за нами. А чтобы «встреча лучших друзей» прошла как по маслу, мы сбавили скорость, в надежде, что достигнем наших противников впереди в тот момент, когда противники позади уже будут на расстоянии броска. Это было рискованно, но выхода у нас не было. И риск оправдался.

На нас ехало не меньше дюжины машин, – наверно, весь оставшийся автопарк аборигенов, – крепко же мы им насолили. А сзади бежало примерно две дюжины когтистых и зубастых существ. Единственное, что омрачало, – неистовые

крики лысых толстосумов, которые не понимали, что мы задумали, но им это все равно очень не нравилось.

По нам начали стрелять в тот момент, когда мы приблизились достаточно близко, чтобы можно было разглядеть лица аборигенов, и тогда мы сделали простой, но действенный маневр: стрельнув пару раз для антуражу, мы разъехались в разные стороны от группы машин, оставив охотников и добычу наедине друг с другом. Кто из них кто – решайте сами.

Аборигены, не ожидавшие такого поворота, резко дали по тормозам, зарываясь в песок. Эта ошибка и стала для них роковой.

Гиеноподобные звери подотряда кошко-псовых со всего хода влетели в ряды аборигенов, не забыв при этом изящно прыгнуть и вцепиться зубастыми пастями им в глотки. Сила челюстей зверей была таковой, что они легко сминали черепа людей. Даже странно, что дикари не попытались их приручить для охоты. А может, и пытались, сажая их в клетки и съедая самых неподатливых. Это и не важно, так как эти звери теперь пожирали их, словно легкую добычу, и даже автоматные очереди и выстрелы дробовиков не пугали монстров, а на место одного дикого животного, приходило другое, не менее свирепое. А может даже и более, ведь оно не просто убивало, а мстило за павшего товарища.

Как ни странно, пара автомобилей смогла развернуться и попыталась умчаться подальше от бойни, но мы тоже не сидели сложа руки, – ждали, когда из кучи-малы кто-нибудь

выскачет, поэтому пассажиры обеих машин оказались под нашим обстрелом. Все шло по плану, кроме того, что зверей оставалось больше, чем мы рассчитывали. Это пугало, ведь только что они разделались с десятком машин, забитыми вооруженными под завязку людьми, а у нас их всего две, плюс три с половиной боевые единицы. Мы думали, что нам придется воевать с разъяренными зверями, но все оказалось еще хуже. Звери резко остановились, капая кровью из зубастых пастей, устремили взгляды куда-то в небо и резко подорвались, уматывая от нас еще быстрее, чем за нами мчались. Мы синхронно развернулись, всматриваясь туда, куда только что смотрели «собачки».

С неба спускался объект, резко контрастирующий на краснеющем небе. Объект был в виде черного, почти не отражающего света диска, диаметром метров двадцать. Это был корабль патруля, космической полиции, если угодно. Плавно опустившись к земле, из нижней части диска появилось несколько «ног», которые также плавно вынырнули из корпуса «тарелки», будто корабль был сделан из легко подстраивающегося жидкого металла. Опустившись на землю, корабль замер, словно чего-то ожидая.

– У меня созрел новый план по сваливанию с этой планеты, – тихо проговорил я, не отводя глаз от диска.

– Неужто? – также тихо съязвил Иолай.

– Почему они не выходят? – спросила девушка таким же шепотом. – И почему мы шепчем?

– Они ждут. Мы тоже ждем.

– И чего же?

– Без понятия. Сейчас разберемся.

Я сделал шаг вперед, поднял руку, сделал знак «спок» и громко сказал:

– Мы приш... Мы были здесь с миром!

Сказал я это с автоматом в руках, вооруженным народом за спиной и примерно тремя десятками растерзанных аборигенов чуть поодаль. Я это понял уже после того, как высказался. Никакой реакции не последовало.

– Может, у них дверь заклинило? – повернулся я к остальным.

И как по волшебству из «тарелки» послышались тихие глухие звуки. Я аж дернулся от неожиданности и быстренько вернулся к остальным.

Диск немного поднял ближнюю к нам часть вверх, будто задрав нос, хотя нижняя часть так и осталась в горизонтальном положении – материал, из которого был изготовлен диск, и правда менялся по желанию тех, кто сидел внутри. В корпусе сначала появились очертания вертикального прямоугольника, который начал быстро опускаться на землю, словно трап, а затем мы увидели Людей. На них были плотные черные костюмы, полностью скрывающие владельца. Все тело было покрыто тонкой, но, по всей видимости, очень прочной броней, на голове находился такой же черный шлем с тонированным забралом, не дающим увидеть лица, а из об-

ласти затылка торчал небольшой шланг, идущий куда-то за спину. В руках они держали штурмовые винтовки. Особые, подходящие для стрельбы даже в космосе: изоляция от жары и холода, отсутствие отдачи и все в этом духе. Было всего человек тридцать, а то и больше. Они выбежали из «тарелки», словно тараканы, и выстроились полукругом в два ряда – стоящие на одном колене и просто стоящи позади первых, – но при этом оставив место перед опустившимся трапом свободным. И только солдаты замерли на своих позициях, направив в нас оружие, по трапу тут же начал спускаться еще один патрульный.

Был он большой и плечистый, в черной, но не бронированной одежде, даже оружия не имел. Руки заведены назад, походка свободная, можно даже сказать – вразвалочку. А еще он был не человеческой расы. Эта раса называлась —джигударго. Лицо его было светло-коричневым, а длинные рыжие волосы убраны назад и стянуты. На лице была не очень густая растительность: небольшие усы и бородка – тоже рыжие. Его надбровные дуги выделялись даже на грубо вырубленном лице. В общем, если бы я не знал, то подумал бы, что эта планета – его родина, так он вписывался в нее, особенно цветом.

Он дошел почти до самого края трапа, но на землю ступить не стал.

- Рад вас видеть! – громко и бодро произнес рыжий.
- А вот мы не уверены...

– Меня зовут Адарак Симкое Лаксит! – также бодро продолжил рыжий, то ли не услышав меня, то ли не желая слышать.

– Мы заметили...

– Кто я – вам знать не обязательно!

– Ты ж только что свое имя сказал...

– Судя по вашему виду, вы с того корабля, с которым случился несчастный случай и он упал! – Это был не вопрос. Судя по всему, других людей он здесь встретить не ожидал. Прилети он на десять минут раньше...

– Несчастный? – повела Мара бровью.

– Но вы выжили! – Он ударил по воздуху кулаком.

– Судя по этим людям, – кивнул я на солдат, – это ненадолго.

– И это очень, очень, очень... плохо. – На последнем слове он очень резко посерьезнел.

– Думаете?

– Вы немного нарушили наши планы...

– Чьи – «ваши»?

– ...но не беспокойтесь, я прибыл, чтобы все исправить.

Я, конечно, видел группы зачистки, но люди в них обычно немногословны и приступают к выполнению своей задачи сразу же, без лишних разговоров. Наверно, нам повезло, что эти оказались исключением. Или нет, от его нездорового позитива как будто еще острее ощущалось чувство безысходности.

– Прячься за машину и не вылезай, чтобы ни случилось, —не оборачиваясь, прошептал я девушке.

– Хорошо.

– Чтобы ни случилось, сиди тихо, – с нажимом повторил я.

Мара медленно попятилась назад, прячься за транспорт, пока я прикрывал ее. Судя по тому, что солдаты не отреагировали, ее они не заметили вовсе, а может, считали, что какая-то пластмассовая машинка от них все равно не спасет. В пустыне больше негде было спрятаться.

– Главное, – продолжил рыжий, – чтобы вы не сопротивлялись, и тогда все закончится быстро и безболезненно. Есть добровольцы? А то я не очень люблю убивать против воли.

Я сделал шаг вперед.

– Можно я?

– Ну вот! – обрадовался рыжий. – Так бы всегда! А то обычно все начинают плакать или угрожать меня убить, прятаться за спинами товарищей, но вот – сразу вышел добровольцем и не стал позориться.

Только глупцы и трусы угрожают убийством. Или те, кто на самом деле и не помышлял убивать. Если человек предупреждает о подобном заранее, значит, он хочет, чтобы его остановили. Я не хочу. Да и кто сможет?

– Да, я такой, – скромно отозвался я.

– Хотя одежда у тебя странная. Да и черт с ней, главное, что ты вызвался добровольцем, а это есть хорошо. Только ты

это, пистолет сначала выбрось.

– А, ну да, – театрально спохватился я и небрежно отбросил вакуган в сторону «тараканов».

– Ну вот, так-то лучше! А так как ты доброволец, я решаю тебе загадать последнее желание.

Свои желания я привык сам исполнять, и одно из них скоро сбудется.

– А можно два, но они будут маленькими?

– Гм... – задумался рыжий. – Ладно, так тому и быть. Сегодня я добрый.

– Первое: я хочу, чтобы меня... Эм...

– Лишили жизни, – добродушно подсказал рыжий.

– Да, чтобы меня лишили жизни вон на том месте. – Я указал на точку, слева от стоявших полукругом солдат и справа от меня.

– А почему именно на том? – удивился рыжий.

– А там пересечение энергетических полей метафизической аномалии астрального сегмента малой силы, – пояснил я. – Я уверен, что лишившись жизни именно там, я сразу попаду в рай.

Рыжий почесал затылок и задумался, но, видимо, так ничего и не поняв, немного растерянно ответил:

– Что ж, ладно, у нас свобода вероисповедания.

– Спасибо, – кивнул я и встал на нужное мне место.

– А второе желание?

– Я хочу досчитать до десяти, чтобы привести мысли в

порядок и подготовиться к переходу в иной мир.

– Хорошо, – согласился рыжий.

Ко мне подошел один из солдат и встал сбоку, приготовив пистолет, чтобы застрелить меня сразу, как только я досчитаю до десяти. Я же сложил руки перед лицом, соединив ладони, закрыл глаза и начал считать.

Я, естественно, не собирался быть добровольцем на собственной казни, да и бессмысленно это. Ни одно оружие в мире не способно окончательно меня убить, а у этих какие-то винтовки. У меня был план. И был он прост: убить всех, кто пытается убить нас. Надеюсь, Верон и Иолай догадались, зачем я устроил это представление.

– Девять...

Я быстр. Я очень быстр. Я так быстр, что стоящий рядом со мной солдат, направляющий мне в голову пистолет, не понял, как умер, как и не поняли этого еще несколько человек, стоящих ближе всего ко мне.

На счете «девять» я резко наклонился назад, уклоняясь от выстрела, выхватил у солдата пистолет, попутно сломав ему запястье, и выстрелил солдату сбоку в голову. Сделав кувырок вперед, я подхватил отброшенный ранее вакуган и выстрелил раньше, чем кто-либо успел хоть что-то предпринять. Пуля вакугана пробила первую голову, словно лист бумаги, и полетала дальше, скашивая стоящих небольшим полукругом солдат. Даже если их броня и была трудно пробиваемой, то шлемы имели намного меньшую прочность, но

все еще были достаточно крепкими, чтобы пуля из вакугана застряла в голове пятого по счету солдата, однако я выстрелил не единожды, а потому положил довольно много народу. Остальных выносили Верон и Иолай, первый с пистолетом, второй с дробовиком.

Сделав еще несколько выстрелов по ряду солдат, у меня кончились патроны. Я, отпрыгнув назад, добрался до автомата первого убитого мной солдата, отстегнул от формы и, зажав спусковой крючок, открыл огонь по более уязвимым головам противников. Ответный огонь не заставил себя ждать. Верон же с Иолаем спрятались за машинами, за одной из которых уже пряталась Мара, я же вбежал по трапу в «тарелку», по которой солдаты стрелять не решились. Рыжий к этому времени уже успел укрыться внутри. Так бы мы и убили всех, расстреливая противника с двух сторон, но для этого нам не хватило патронов. Первым перестал стрелять Верон, потом и у меня опустел автомат, Иолай сделал еще пару выстрелов из дробовика и затих.

– Эй вы, квакушки большеголовые! – закричал я, забегая в «тарелку». – Попробуйте поймайте!

Несколько Человек побежало за мной, но я неожиданно для них остановился и с разворота ударил в голову ближайшего ко мне так, что у него треснуло забрало, и он полетел в толпу, сбивая остальных преследователей с ног. Ближайшего, кого не сбilo с ног, я ударил кулаком, устроив сотрясение и ему. Быстро сняв винтовку с тела, пока все в замешани-

тельстве, я начал снова палить уже в спины. Те вояки, что остались обстреливать Верона, Иолая и Мару, не ожидали такого поворота событий, а потому даже не успели ответить, упав замертво, немногие же оставшиеся в живых разбежались, спрятавшись из виду за «тарелкой». Я еще пострелял тех живых, кого сбил с ног, а потом, размахнувшись, кинул винтовку в сторону остальных за машину и начал отстегивать вторую, и тут же услышал новые выстрелы – оружие достигло цели. Я уже начал подниматься на ноги, как мне в затылок прилетела пуля. Я совсем забыл про рыжего.

– Не отступать! – крикнул он. – Стреляйте, их всего трое!

Трое, которые положили почти всех его солдат. Я был четвертым, но меня он уже не считал.

Он крикнул и сам начал стрелять, причем не из винтовки, как его вояки, а из чего-то покрупней. А еще на нем была броня, тоже попрочней обычной. Я пришел в себя секунд через тридцать

– Эй, рыжий ублюдок!

Адарак резко обернулся и вытаращил на меня глаза:

– Ты... Я же... Я...

Он так и не сумел оформить свои мысли в словесную форму. Прыгнув в его сторону, я взмыл в воздух и обрушил на него ярость своего кулака, отчего его развернуло на триста шестьдесят градусов, и его массивная туша кубарем покатилась по трапу вниз, выронив из рук крупнокалиберное оружие. Отстегнув еще один автомат, я спрыгнул с трапа, что-

бы покончить с оставшимися солдатами. Я ожидал встретить шквал огня, но под тарелкой оказалось всего двое, которые не представляли особой угрозы. Присмотревшись, я увидел вдалеке еще несколько черных силуэтом, быстро удаляющихся от места бойни. Добивать их не имело смысла, за нас это сделает пустыня.

Из-за машины показались сначала Верон и подставивший ему плечо Иолай, а потом и дрожащая Мара.

– Все целы? – спросил я, подходя к ним и озираясь по сторонам, не притаился ли где выживший противник.

– Верону попали в плечо и живот, а мне из крупного левую руку прострелили, теперь чинить придется, – посетовал Иолай. Из его руки медленно вытекала маслянистая желтоватая жидкость.

– Я в порядке, – дрожащим голосом сообщила девушка. У нее лишь на щеке был небольшой порез. – А что... что с Вероном? Он не умрет?

– У меня всего лишь царапина, – довольно твердым голосом сказал Верон. – А вот насчет тебя не уверен, – обратился он ко мне и как-то странно посмотрел.

– Да я в норме!

Теперь на меня странно смотрели все. Примерно так же, как на корабле смотрели на мои черные одежды. Было бы забавно, зайдись я туда в пончо на голое тело.

– У меня что-то на лице?

Я обтерся рукавом, но смотрели все не на лицо. Я тоже

опустил взгляд.

– Ой.

Лучше бы я был в черном костюме. У меня на одежде, в районе груди и живота, зияло несколько дырок от пуль.

– Наверно, моль проела, – посетовал я.

– Ага, мы так и подумали.

– Ты не гераклид. – Это прозвучало как утверждение.

– А, точно! А я все не мог вспомнить, кто ты такой. Все на языке вертелось, но никак не вспоминалось. А ты думал, что я тоже гераклид?

– Была такая мысль, – качнул головой Верон. – Думал, ты носишь линзы.

– А почему просто не спросил?

– А ты?

– Это как-то... невежливо.

Вообще, я знал, что он за тип, потому и не задавал ему вопросов, чтобы он не задал их в ответ. Моя тайна несколько... интересней. Несмотря на все это, теперь о ней знали все, как и о том, что Верон – гераклид, хотя он, считай, сам это признал, не оставив мне шанса отплатит ему той же монетой. Гераклид – феномен вселенского масштаба, но на моем фоне это просто заурядная личность. Теперь не отвертеться.

– То-то и оно, – усмехнулся он. – Так кто же ты?

– Предлагаю для начала свалить с этой планеты, – решил сменить я тему, прекрасно осознавая, что это ненадолго, – пока сюда не прилетел еще какие-нибудь тараканы.

– Хорошая мысль, – согласился Иолай, отводя Верона на корабль.

Не успели они переступить через тело рыжего, как тот схватил Иолая за ногу, и киборг, потеряв равновесие, упал вместе с Вероном на трап.

– Ах ты ж скотина! – взревел киборг и ткнул рыжего ногой в нос, а потом еще раз, и еще...

– Хватит! – крикнул я.

– Чего хватит? Пристрелить его! – Иолай потянулся за винтовкой, прицепленной на груди одного из мертвых солдат.

– Не надо, – подал голос Верон.

– Да блин! Почему не надо? – негодуя взревел киборг. В сравнении с Иолаем, Верон выглядел пацифистом, хотя с виду все выглядело наоборот: черные склеры глаз Верона придавали ему устрашающий облик, когда как Иолай выглядел молодым пареньком с ершащимися волосами, что предавало ему внешность более чем безобидного юнца. Это, кстати, сыграло ему на руку, когда аборигены на месте убили всех остальных телохранителей. Несмотря на внешнюю невинность, жалости в нем было с гулькин нос.

– «Язык» нам не помешает, – спокойно ответил Верон.

– «Язык»? Он же простой патрульный, что он знает?

– Посмотри на солдат. Чего у них не хватает?

– Помимо мозгов? – Иолай задумался, разглядывая тела.

Сначала скривил гримасу, но через несколько секунд под-

скочил как ужаленный. – Точно! И как я сразу не заметил? Наверно, от жары разморило. Вот, – обратился он к девушке, – это еще один минус киборгов – мы можем перегреться.

Это, конечно, было неправдой, некоторые киборги для энергии вообще использовали тепло окружения, другие солнечный свет или даже радиацию, хотя Иолай, судя по всему, не относился ни к первым, ни ко вторым. Сразу все поглотители энергии вставить в одного киборга попросту невозможно. Можно было с уверенностью сказать, что тот же Иолай способен черпать лаву руками.

– Я не поняла, – вздохнула девушка, – что в них не так? Обычные военные патрульные.

– Посмотри внимательней.

– Да я уже смотрела. Ничего такого не вижу.

Девушка очередной раз чего-то не понимала, когда все остальные знали правильный ответ, а потому злилась, что никто не высказал свои наблюдения вслух, чтобы ей не пришлось показывать свое невежество, хотя ничего зазорного на самом деле здесь не было.

– Вот именно, – поднял я указательный палец. – А должна видеть нашивки. Все патрульные носят нашивки с принадлежностью к армии Правительства. Номер и символ. А у этих ничего такого нет.

– Значит... – начала Мара.

– Значит, они не патрульные, – перебил девушку Верон, хотя та явно не собиралась продолжать мысль.

– Или бывшие патрульные, – добавил я.

– Или так, – подтвердил гераклид. Хотя это было сомнительно. С другой стороны – они летали на последней модели патрульного корабля.

– И что будем делать?

– Допрашивать.

– Я ничего не скажу, – прошипел рыжий, сплевывая кровь.

Все же он довольно крепкий, подумал я про себя. Обычно такой мой удар не оставлял противника в живых. Вообще, он и правда мог быть полезен, как «язык», но когда я его бил, то об этом не думал, потому и не сдерживался.

– Куда же делась твоя обходительность? Или она всплывает только с толпой вооруженных солдат за плечом?

– Пошел ты... – прорычал он.

– Так что, сначала его допросим или смоемся в открытый космос?

– Полетели. – Верон начал подниматься. – Лучше здесь не оставаться, а то либо звери прибегут, либо аборигены, либо еще одна толпа фальшивых патрульных.

– А как же твои раны? – немного взволнованно спросила девушка. За него она переживала больше, чем за меня. Пусть дырок в одежде у меня было больше, но от ран не осталось и следа, хотя все это восприняли как-то спокойней, чем я ожидал.

– Заживают, – просто сказал он.

– Как?

Теперь ее больше волновало, как так быстро раны заживают у Верона, а я остался не у дел. Пусть я и не стремился привлекать внимания к своим способностям, но раз уж все выплыло наружу, я ожидал больший интерес к своей особе. Судя по всему, девушку больше интересовал сам Верон, чем его способность исцеляться.

– Он гераклид, – ответил я за Верона. Я не пытался переключить внимание на себя, но посчитал, что Верону будет немного неловко рассказывать о себе. Да и Иолаю тоже. – Ты не слышала о гераклидах?

– Слышала, что они очень сильные.

– Они очень сильные, да, а еще у них довольно сильная выносливость и регенерация.

– Даже такие ранения могут залечить?

У меня, к слову сказать, ранения посерьезней были.

– Пуля, попавшая в плечо, прошла навывлет, кость не задела, – вернул себе слово Верон. – А из живота... – черноглазый на секунду замялся, – А из живота потом выйдет. Раны полностью затянутся минут через двадцать.

– Круто, – протянула Мара.

– Круто, – подтвердил Верон, уже поднимаясь в «тарелку», но все же опираясь на Иолая. – И все же, у некоторых, как видно, бывает и круче.

Иолай и Мара мельком глянули на меня. Я лишь смущенно махнул рукой.

– Надо собрать оружия на всякий случай, – сказал Иолай, ногой отбрасывая одного из солдат с трапа.

– Я помогу, – ответила девушка.

– А я затащу нашего убийцу дедушки внутрь.

Глава 4

Все же удивительно, как иногда судьба собирает вместе совершенно непохожих людей. Или это злой рок? Ладно, если бы причины начинались с какой-нибудь мажорной ноты, но ведь нет, события, предшествующие знакомству, обычно совсем безрадостны, а то и вовсе трагичны. Есть пары, которые прожили вместе всю жизнь, а их знакомство произошло, когда на дороге один въехал в другого, разбив обе машины. И знаете, что тогда происходит? Тогда человек оказывается вырванным из привычной ему комфортной среды и помещается в ситуацию экстремальную; он снимает маску и показывает свою истинную внутреннюю сущность, о которой, порой, и сам не догадывался. В такие моменты люди и сближаются больше всего, ведь они сразу понимают, с кем имеют дело, и подстраиваются, заранее продумывая свою линию поведения. Они будто становятся пазлом, мозаикой, части которой идеально друг другу подходят, даже если на первый взгляд рисунки различаются кардинально. Но стоит их совместить, как видишь абсолютное соотношение формы и содержания. Тогда и понимаешь, что вам было судьбой повстречаться, и именно в такой ситуации. Люди

обычно скрывают свое истинное «Я», словно поворачиваясь рисунком мозаики вниз, оставляя видимым лишь безликую серую спину. Но стоит их встряхнуть, как они показывают свою настоящую, красочную сторону.

«Тарелка», которую мы захватили, была последней моделью, даже я вряд ли бы смог нормально с ней управляться. А вот Верон освоился быстро, сказав, что уже успел полетать на такой. Рыжий, видимо, решил, что не выйдет из переделки живым, а потому заранее заблокировал панель управления и даже поставил таймер на самоуничтожение, но Иолай легко взломал систему, заявив, что Верон уже успел полетать на корабле, а значит, он знает о нем все. Мара перебирала оружие, которое мы сняли с убитых солдат, и переставляла патроны, заполняя магазины, а пустые откидывала в сторону. Я же не поленился переодеться в запасную форму вояк и теперь допрашивал рыжего.

– Слушай, рыжий...

– Меня зовут Адарак Симкое Лаксит, – гордо заявил он, бесцеремонно перебив меня.

Его пришлось привязать к одному из крепких сидений прочным канатом, так как он был довольно силен, а сотрясение, которое я ему организовал, не причиняло особого дискомфорта. Кровь из разбитого Иолаем носа заляпал ему всю форму, но кровотечение давно остановилось.

– Я это уже слышал, рыжий, – махнул я рукой. – Лучше

скажи, кто ты такой и откуда взялся? Ты ведь знаешь, кто пустил газ в лайнер, что привело к его крушению?

Рыжий как-то нехорошо ослабился и отвернулся, по крайней мере, настолько, насколько это позволяли туго натянутые веревки.

– Чего тут смешного?

– Я ничего не знаю, – громко произнес рыжий.

– Ты прилетел на следующий день после крушения корабля, потом попытался нас убить, при этом прекрасно зная, что мы выжившие с того самого лайнера, и ты ничего не знаешь? И ты думаешь, тебе кто-то поверит?

Рыжий не ответил. Естественно, что он не собирался говорить, а угрожать физической расправой было бессмысленно, ибо он заранее был готов к такому исходу, запрограммировав корабль на самоуничтожение, но не обязательно угрожать человеку, чтобы что-то узнать, достаточно заговорить его, пока он случайно не обмолвится о том, о чем должен был бы молчать. Хотя многие, готовые умереть, предпочитают сделать это без лишней боли, а потому боятся пыток.

– Ты крепкий, – продолжил я, – раз пережил мой удар. Даже для твоей расы такой удар минимум грозил вырубить тебя на пару часов. А ты ничего, живехонький, лишь глазки немного бегают, только вот не пойму, то ли от сотрясения, то ли ты врать не умеешь совсем.

– А я и не вру, – снова улыбнулся рыжий, – просто не хочу говорить. – Он насмешливо посмотрел мне в глаза.

– Что ж, это поправимо.

Я достал нож, который забрал еще у одного из аборигенов в лагере, и про который совсем забыл. Он был в специальном чехле на ноге и, оттаскивая рыжего в «тарелку», я случайно задел его рукой этого джигударго, тогда и вспомнил о нем. Клинок ножа был длиной с ладонь и выглядел внушительно. Внизу лезвия, у самой рукояти, находился топорно зазубренный серрейтор.

– Интересно, раз ты такой крепкий, боли ты тоже не боишься?

Рыжий немного повернул голову, взглянул на нож с ничего не выражающим лицом, хотя в глазах читался огонек страха, но ничего не ответил.

– Что ж, тогда проверим...

– Постой, – перебила меня Мара.

– Ну что еще? Будешь читать мне мораль о неправильности пыток пленных?

– Нет, просто хотела сказать, что я закончила заполнять магазины.

– И что там? – вмешался Иолай. Он вытащил из медицинской комнаты несколько инструментов и попытался залатать свою протекающую руку. Это у него не особо получалось, так как приборы не были предназначены для роботизированных частей тела.

– Девять полных магазинов.

– Не так плохо, как я думал, – кивнул киборг.

– Ну, молодец, – сказал я, – меня-то чего отвлекаешь? У меня тут важный разговор. – Я снова повернулся к рыжему, который за это время словно забыл и обо мне, и о ноже в моей руке.

– Так один патрон лишний остался, – пояснила девушка, – в отдельный магазин его бессмысленно запихивать, а выбрасывать жалко. Может, его использовать по назначению, чтобы нож раньше времени не пачкать?

Я демонстративно призадумался. Мара хоть и была дилетантом, но иногда соображала, хотя такой жесткости я от нее не ожидал. Возможно, она просто не верила, что я и правда начну вот так резать пленника посреди корабля, а просто блефую. Что ж, она плохо меня знает.

Рыжий сначала как-то дико смотрел то на меня, то на девушку, потом медленно и спокойно сказал:

– Я действительно не знаю подробностей, но кое-что все же сказать могу, отвечая на твой вопрос.

Судя по всему, он не только боялся пыток, хоть и плохо это скрывал, но и умирать ему тоже не хотелось. С учетом того, что полчаса назад он собирался взорвать всех вокруг вместе с собой, это было странно. Возможно, он просто хотел покрасоваться перед своими солдатами, даже не сомневаясь в том, что они победят.

– Это на какой же?

– Про лайнер. – Он снова нехорошо улыбнулся.

– Ну? Кто убил всех людей?

– Ты!

Даже Верон, до этого молча сидевший за панелью управления, повернулся и нахмурился. Неужели он до сих пор во мне сомневается?

– Я? Что за чушь? Мы оба прекрасно знаем, что это не так.

– Мы-то знаем, а общественность нет. У нее совершенно иные представления о случившемся на корабле.

– Камеры... – догадался я. – Так и знал.

– А что с камерами? – не поняла девушка. – Камеры же записали, что ты предупреждал всех о бомбе и сам спасался.

– Да, а еще они записали, как я раскидал телохранителей Костуна и его самого, вырубил в толпе охранника и убил полицейского.

– Полицейского? – удивилась девушка. – Ты же говорил, что он сам тебя отпустил.

– Я много чего говорил... – отмахнулся я от нее. Интересно, как бы они все отреагировали, если бы я с самого начала рассказал правду? Тот молодой полицейский точно бы кинулся на меня, за что серьезно поплатился бы. В глазах остальных я тоже выглядел бы злодеем, хотя, если учитывать его поведение, вряд ли меня так уж сильно стали презирать.

– Подожди, но ты все это сделал в качестве самообороны, а тот коп вообще угрожал тебя убить, да и вел он себя не так, как положено полицейскому в подобных ситуациях.

Наивность Мары поражала. Пусть она и была лишь начинающей воровкой-мошенницей, но жизнь ее явно потаскала

за волосы.

– Только вот на камерах все будет немного иначе, – вмешался Иолай. – Кое-какие фрагменты могут выпасть, а какие-то просто испортиться. Звук тоже может повредиться, поэтому будет невозможно разобрать, о чем говорится на видео.

– Но ведь видеомонтаж легко можно обнаружить, с сегодняшними-то технологиями.

– В том-то и дело, что никакого видеомонтажа там не будет, – вернул я себе слово. – Я и охранников бил, и полицейского убивал, а потом лайнер рухнул и взорвался. Любой грамотный оратор выставит все так, что в этом виноват я. На правду можно посмотреть под разными углами.

– Но... – начала девушка, но замолчала, не зная, что ответить. Немного помолчав, она все же нашла, что сказать:

– Я главного не понимаю: зачем им это нужно? Чего они добиваются?

– Мне тоже интересно, – согласился Иолай.

– Поверьте, я хочу это знать не меньше вашего.

– Может, ты кому дорогу перешел?

– О-о, я многим дорогу и переходил, и переезжал, попутно давя под колесами клеветов. Вот только вряд ли кто-то из них достаточно умен и... безумен, чтобы совершить такое, лишь подставляя меня.

На самом деле, я знал много довольно безумных личностей, которые могли бы устроить подобное шоу, и даже не ра-

ди того, чтобы подставить меня, а просто веселья для. Некоторым людям, бывает, нравится делать вещи, которые большинство считает отвратительным, и таких людей называю либо психами, либо гениями, хотя часто со временем такие близкие понятия стираются, и вчерашний ненормальный сегодня становится примером для подражания у миллионов. Так, бывает, возникают целые религии. Возможно, когда-нибудь возникнет религия под названием амарталианство или амартализм, учитывая при этом, что тот, кому будут поклоняться, бессмертен. Возможно, даже, что ее создам я сам. Хотя пока у меня есть дела поинтересней.

Несмотря на все это, большинство тех безумцев, которые могли устроить подобный теракт, давно гниют в земле, распухают в воде или превращаются в ледышку в открытом космосе. Однако может случиться так, что кто-то, кому я оставил жизнь, решил отомстить, хотя для этого нужно быть кем-то больше, чем психом, либо кого-то я просто не добил. В любом случае, тот, кто решил все это устроить, довольно глуп, раз решил мне мстить, вместо того, чтобы забраться в самый темный угол и скулить там до конца своей ничтожной жизни, обливаясь холодным потом при каждом шорохе.

Забавно, что мой противник должен быть одновременно глуп, умен и безумен. В таком случае круг получается несколько уже.

– И зачем взрывать весь лайнер, чтобы подставить тебя, ты тоже мог погибнуть вместе с остальными, – заметила Мара.

– Кстати, насчет погибнуть... – оживился Иолай.

И вот, эта тема снова всплыла.

– Давайте сначала решим, что делать с этим рыжиком, – перебил я. – И куда мы вообще летим?

– Предлагаю выкинуть рыжего за борт, – сказал киборг. Похоже, все свои проблемы он пытается решить подобными методами, хотя вряд ли у него часто получается.

– Я не согласен, – тут же вмешался Верон.

– Кто бы сомневался, – буркнул я.

– Как я уже говорил, я не люблю ничем не обоснованных смертей.

Зато предпочитаешь не обоснованное ничем спасение жизни тем, кто этого не заслуживает, подумал я про себя. Полагаю, Иолай был бы со мной согласен, выскажи я эту мысль вслух, однако я пока решил ее попридержать.

– И что тогда предлагаешь?

– Мы уже минут тридцать кружим вокруг планеты, с которой улетели, и никакой активности других патрулей или им подобных. Можно высадить его где-нибудь, где побезопасней. Может быть, и его когда-нибудь найдут, как и нас...

– А еще его могут сожрать дикие звери или аборигены, если у него, конечно, мясо не слишком жесткое, – добавил я. – Мсье знает толк в извращениях!

Так или иначе, руки Верона оставались чисты. Это как похоронить человека заживо, оставив ему в гробу пистолет с одним патроном. По сути это не убийство, но маловероятно,

что он использует этот патрон, чтобы отбиваться от червей.

– И еще кое-что.

– Да-да?

– Мы никого не забыли?

Все призадумались, осматриваясь по сторонам. Было слишком тихо, никто не причитал, не ныл и не угрожал.

– Ядрена кочерыжка! – вскрикнул я. – А где Костун и те лысые?

– Кажется, мы оставили их в машинах.

– Если они все еще живы, мы их заберем, – сказал Верон.

– Как скажешь. Ладно Костун, он без сознания, но те лысые-то почему не вылезли после перестрелки?

Мы вернулись на эту чертову пустынную планету, засыпанную красным как перец песком. Высадив упирающегося здоровяка из «тарелки» недалеко от гор (возле других, где, как нам казалось, никто не живет), мы отлетели метров на сто и выбросили ему две винтовки, в одной из которых был лишь один патрон, – чего зря оружием раскидываться? Потом взлетели вверх и довольно быстро нашли место, где мы оставили толстосумов, так как неподалеку стояла дюжина разбитых машин и лежало в крови десятка три аборигенов и еще примерно столько же солдат в черном, и это не считая убитых зверей. На фоне пустыни, пусть даже и красноватой, эта картина явственно выделялась. Опускаясь на землю, мы увидели, что толстяк уже пришел в себя и даже вылез из ма-

шины, испуганно озираясь и не понимая, что да как: слева и справа кровавое месиво, впереди – приземляющаяся черная тарелка с неизвестно кем внутри. Любой будет в шоке.

Трап опустился.

– Ну, привет, – помахал я ему.

– Что... что здесь произошло? Откуда вы?..

– Ты залезать-то собираешься? Или решил тут пока пожить?

Костун сначала осмотрелся вокруг, потом немного призадумался (или сделал вид) и за неимением альтернатив все же решил пойти к нам. Я вышел из корабля и окрикнул лысых стариков. Ответа не последовало. Подойдя к машине, в которой они должны были быть, я увидел их тела – они даже не пытались спрятаться, – цокнул языком и вернулся в «тарелку». Верон вопросительно посмотрел на меня. Я лишь покачал головой. И мы поспешно вернулись в открытый космос.

– Так, – сказал я, потирая руки, – первый вопрос решен. Остался еще один: куда нам отправиться?

– Мы летим ко мне, – твердо сообщил Верон.

– О, а ты живешь где-то неподалеку?

– На самом деле, я живу очень далеко – несколько тысяч галактик отсюда. Но мы летим немного в другом направлении, там находится... вилла.

Верон не выглядел особо довольным. Судя по всему, то место не вызывало в нем радостных воспоминаний, но я решил довериться ему. Всяко лучше, чем лететь ко мне в го-

стиницу.

– Я не прихватил с собой сменное белье. Можно мы заедем в магазин?

– Я не дурак, чтобы лететь туда напрямую. Совершим метасалирование и вмиг будем там.

Все только охнули. Даже Костун, который все еще не пришел в себя, сразу понял, что его ждет.

– Ненавижу метасалирование, – поморщился я, – а точнее это чувство... ничего.

– Его никто не любит, а что поделать? – отозвался Иолай.

– А нам энергии-то хватит? – поинтересовался я у Верона. Обычно «тарелки» патрульных не обладали возможностью накопления большого количества энергии.

– Сразу на место мы прыгнуть не сможем, ни один корабль во Вселенной не способен прыгнуть на такой расстояние в один скачок, поэтому придется переместиться несколько раз.

– Бли-ин, – недовольно протянула Мара.

– Я не хочу, – жалобно подал голос Костун. Он не прекращал держаться за свою подбитую руку, словно боясь, что она отвалится. Он был бледен, отчего синяки под глазами проступали еще отчетливей, и едва даже седел в кресле от истощения, как физического, так и морального: если верить Маре, его никто никогда не бил, а тут за несколько дней разбитый нос и пуля в плече. И не говоря уже о том, что у него не осталось телохранителей, а его драгоценные денюшки сей-

час не ценней макулатуры.

– Чего ты не хочешь?

– Не хочу лететь туда, куда вы тут все собрались.

Несмотря на все невзгоды, обрушившиеся на его толстые, но от этого не менее хрупкие плечи, он лишь причитал, однако не видно было, чтобы он погряз в безысходности. Вероятно, он даже не понимал, как все на самом деле плохо.

– А, ну да, ты же все пропустил.

И я рассказал ему как можно более простым языком, что случилось на лайнере и кто те убитые солдаты. Костун по несколько раз переспрашивал, но все же, в конечном итоге, понял основную мысль: нас хотят убить, и деньги ему тут опять не помощники, – все же он до этого об этом не задумывался.

– Я что, зря столько денег накопил? – посетовал дэбел.

– Теперь копи нервы.

Он осунулся и недовольно нахмурился, явно гадая, как ему выпутаться из всего этого. Об этом думали все, хотя Костун думал об этом, лишь как о своей личной трагедии, и мысли у него были только о своей собственной шкуре.

– Я уже проложил маршрут на несколько прыжков вперед, – подал голос Верон, – чтобы мы перемещались поближе к звездам для быстрого накопления энергии, так что пристегнитесь и расслабьтесь.

– Расслабишься тут, как же.

Верон запустил функцию матесалирования. Поток неви-

димой энергии устремился вперед, собираясь в темный сгусток перед кораблем. Вобрав в себя достаточное количество энергии, этот сгусток словно взорвался в замедленной съемке и перед нами предстал абсолютно черный круг. Он был едва различим на фоне космоса, черного, как сердце бывшей, но отсутствие на небольшом участке перед нами звезд говорило о том, что впереди есть нечто, закрывающее их от взора, будто поглотившее часть Вселенной.

Мы сидели пристегнутыми в узких креслах, которые, в случае надобности, могли «утонуть» в полу, оставляя просторное пространство, и ждали своей неминуемой участи. Верон тоже пристегнулся, а потом медленно, словно нехотя, влетел в черный круг, который одновременно как будто затягивал нас в себя, не оставляя шансов на спасение.

Это чувство невозможно описать во всех его проявлениях. Кажется, словно ты падаешь в пустоту, ощущая ее не только физически, но и ментально, и эмоционально. Будто ты перестаешь существовать. У тебя отключаются все функции организма: ты не видишь (даже так называемых «мушек»), не слышишь (даже биения собственного сердца), не ощущаешь кожей стягивающих тебя ремней, даже пошевелиться не можешь, как если бы ты сам стал частью бесконечной пустоты. Для меня это чувство являлось абсолютной противоположностью тому, когда мое тело рассыпается в пыль и моя душа обретает «истинную свободу». Здесь исчезает даже она.

К метасалированию невозможно привыкнуть. Помимо живых существ, отключается и техника: никому так и не удалось записать то, что происходит внутри портала: на видео кажется, будто с объектива забыли снять крышку, а вместо звука просто тишина, даже если во время перехода во всю гремела музыка. Немного жутко. Перейдя на другую сторону, техника не работает еще секунду, именно поэтому и рекомендуется пристегиваться – искусственная гравитация также отключается, и ты можешь попросту вылететь из кресла и сильно приложиться, когда она вновь запустится как ни в чем не бывало.

И все это происходит неведомо сколько времени. Так как часы в портале тоже не работают, то проведенное внутри время могут посчитать лишь те, кто не проходил через этот портал, оставаясь снаружи. Во время экспериментов было установлено, что переход может быть от тысячной доли, до пары десятков секунд. Сам человек сказать не может, сколько он пробыл внутри, так как не способен во время перехода даже мыслить, не говоря уже о счете про себя, хотя складывается ощущение, что проходят эпохи. Кто-то даже говорил, что некоторые при переходе так и не вернулись, но в это мало кто верит, предполагая, что они просто задали неверные координаты и влетели куда-нибудь в центр звезды, где благополучно сгорели.

Мы же вылетели туда, куда и намеривались.

– Ай! – вскрикнул Костун.

– Ну что еще?

– Моя спина! Я же ранен! – заныл он, придерживая руку.

– Ты не в спину ранен, а в плечо.

– Какая разница? Мне все равно больно!

Наверно, не надо было за ним возвращаться. Но кто бы мог подумать, что он столь везуч? Не валяйся он без сознания на заднем сиденье, то разделил бы участь тех двоих лысых старичков, чьих имен мы никогда не узнаем.

– Сколько времени до следующего прыжка? – спросил Иолай у Верона.

– Минут десять. Мы можем прыгнуть и раньше, но лучше накопить энергии на максимум, на всякий случай.

– Хорошо, тогда я успею обработать толстяку рану и перевязать.

– Я не толстяк! – Костун гордо выпятил грудь и тут же скорчился от боли, но все же выдавил: – Я Костун Де Вито Рейнольдс.

И почему все так хвастаются своими именами, словно для них честь носить персональное название, да еще и данное им другими? Вот я свое сам себе придумал. Правда, когда кто-то об этом узнает, заявляет, что у меня нет фантазии. Даже если они не врут, я им не верю.

– Да хоть Император Человечества! – рывкнул Иолай. – Тебя подлечить или сам регенерируешь? А то мне и самому не помешал бы ремонт.

– Да. Подлечить. – Костун виновато опустил голову.

Лететь пришлось довольно долго. Если бы не постоянное метасалирование, можно было бы даже и вздремнуть. Больше всего доставалось Костуну, так как он был ранен, и каждый такой переход сопровождался его мычанием, айканьем и нытьем. Дважды его рана открывалась, и Иолаю приходилось перевязывать все по новой. Благо в медицинском кабинете находилась массивная аптечка со всем необходимым. Когда, наконец, Верон сказал, что мы прибыли, все вздохнули с облегчением.

Планета, возле которой мы оказались, была зеленой. Почти всю поверхность, не считая двух океанов и множества более мелких водоемов, покрывал густой лес и широчайшие поля. Вид из космоса открывался потрясающий. Было одно «но»: повсюду летало множество различных космических транспортных средств.

– Я думал, мы хотим затеряться, – проговорил я.

– В толпе это сделать легче, – ответил Верон, уверенно направляя корабля к планете.

– Это на черной-то патрульной «тарелке»?

– Изнутри не видно, но я сменил цвет на серебристый, так что на нас никто не обратит внимания.

– А разве у патрульных кораблей есть такая функция?

– У этой модели есть.

Самая бесполезная функция корабля, но не для нас. Серебристый в самом деле был в тему, потому что почти все

корабли вокруг были именно такими, аж глаза слепило от отражающегося от них света местного солнца.

– Понятно. Что дальше?

– Спускаемся.

И мы полетели на планету.

Как оказалось, эта зеленая утопия являлась чем-то вроде загородного поселка, в котором богатенькие мажоры покупают себе специально отведенные участки, на которых возводят различные постройки по вкусу. Главным условием было – не уничтожать растения без позволения. А еще эта планета являлась образцом удачного терраформирования.

Мы приземлились на одной из площадок возле огромного особняка, и к нам тут же сбежался народ – прислуга. Особняк был огромен. Было даже трудно сказать, сколько же в нем этажей: казалось, будто каждое окно выходит на один из балконов – маленький, под одно-два окна, или большой, являющийся общим для нескольких комнат. Цвет крыши – даже нескольких крыш различных размера и расположения, что делало их похожими на пьедесталы – был блекло-голубой и имел несколько декоративных, как потом оказалось, каминных труб, – загрязнение атмосферы так же являлось неприемлемым. Перед домом было всего четыре площадки для посадки кораблей различного размера. За особняком находился большой бассейн, а за ним уже начинался огромный зеленый корт для гольфа. Метрах в двухсот по обеим сторонам дома начинался густой лес смешанного типа.

– Не слабо, – присвистнул я.

– А то! – отозвался Иолай.

Верон приказал подготовить три гостевых комнаты и приготовить сытный ужин на пятерых. От мысли о еде у Костуна китом заурчало в животе, – оно и не удивительно, мы не ели с самого побега с лайнера. Еще он приказал убрать «тарелку» в ангар.

– Нам нужно поесть и набраться сил, – сказал Верон, когда прислуга разбежалась выполнять поручения. – Поэтому о делах поговорим завтра, ближе к полудню по здешнему времени.

– Нас точно тут не найдут?

– Эта вилла принадлежит моему двоюродному брату – я не очень люблю подобную роскошь, – поэтому маловероятно, что нас тут будут искать. Тем более, мы с кузенком не очень-то близки, так что он даже не знает, что я был на лайнере. Здесь он тоже редко появляется – работа в правительстве отнимает много времени. А еще этот участок оформлен на подставное лицо. Поэтому не переживайте, что нас здесь найдут, если нас вообще ищут, и чувствуйте себя как дома. Прислуга покажет вам ваши комнаты, где вы сможете принять по желанию душ или ванну и переодеться.

– О, душ! – оживилась Мара, чистота заботила ее больше, чем пустой желудок. – Моя заветная мечта последних двух дней!

– Повторюсь – чувствуйте себя как дома.

– Тут, кстати, есть профессиональный врач, наш с Вероном давнишний друг, так что толстяку более качественно окажут медицинскую помощь, – добавил Иолай. Костун хотел что-то возразить, но передумал. – И мне тоже не помешает... подлечиться. – Он поднял одной рукой другую, которая повисла плетью, когда он ее вновь отпустил.

Вестибюль особняка оказался просто огромным. Большое витражное окно заливало помещение синим, зеленым и красным цветами, что предавало белому мрамору еще больше шика и ощущения нереальности. Вестибюль по кругу обрамляли высокие массивные колонны в древнегреческом стиле, поддерживающие внутренний балкон, идущий полукругом и утопающий в стене над входом, чтобы не мешать свету, проходящему сквозь стекло. Однако на этом балкон не заканчивался, выступая уже снаружи; опять же, дабы не мешать освещению, внешний балкон был чуть ниже внутреннего, и туда вели небольшие лесенки с обеих сторон. Прямо напротив входа находилась полувинтовая широкая лестница – таких в доме было всего пятнадцать – по пять на каждый этаж. На мансарды же вели уже прямые лестницы.

Комната, которую мне предоставили на втором этаже, оказалась просторной и немного напоминала ту, что была у нас с Марой на лайнере, только эта казалась как бы объединенной гостевой и спальней. Также в ней отсутствовал бар, зато была небольшая кухня, на которой вряд ли можно при-

готовить слишком много блюд, лишь легкий перекус. Ванная комната имела угловую ванную-джакузи и отдельную душевую кабинку в соседнем углу. Справа от входа в комнату стоял большой шкаф, в котором я обнаружил всевозможную одежду, причем многое оказалось практически моего размера.

Когда слегка стемнело и прислуга сообщила о том, что ужин готов, я уже успел помыться в ароматической ванне и переодеться в новую одежду, подальше запихнув форму патрульного. Спустившись в обеденный зал, мы все расселись за длинным столом, во главе которого нас уже дожидался Верон. Несмотря на то, что нас было всего пятеро, стол был заставлен яствами почти до половины. Жареные курицы и индейки, всевозможные салаты, картофель во всех его способах приготовления, порезанные колбасы и сыры, фрукты и овощи, рыба непонятного вида и много другое; некоторые блюда были более экзотичны. Из напитков присутствовали вино, коньяк, водка, соки и морсы.

По желанию можно было заказать почти что угодно – местная служба доставки доставляла продукты почти со всех уголков Вселенной. Некоторые товары доставлялись даже незаконно, но планета была усеяна богачами всех мастей, так что местные патрульные были толще большинства остальных во Вселенной.

Ранее мы решили, что все дела обсудим завтра, поэтому возникающие по поводу произошедшего разговоры тут же

пресекались Вероном на корню: «Лучше обо всем поговорить на свежую голову». Так что практически все темы касались особняка, который никого не оставил равнодушным. Иолай похвастался починенной рукой. Костун почти не говорил, что для него не свойственно, даже не ныл, пусть изредка и потирал перебинтованное плечо.

После ужина, сытые и довольные мы отправились спать в особенно уютные после всего случившегося кровати.

На следующее утро мы собрались в просторном личном кабинете Верона, точнее его брата. Нам принесли утренний кофе и свежие домашние булочки с различными начинками и пряностями.

– Этот кабинет надежно защищен от прослушивания и оснащен глушащими устройствами, так что все, что мы здесь обсудим, останется между нами, – сказал Верон.

– Думаешь, нас могу подслушивать? – с сомнением поинтересовался я.

– Лучше подстраховаться.

– Согласен.

– Итак, думаю, нам лучше начать сначала.

– И снова согласен, – кивнул я. – Тогда, полагаю, начать должен я.

И я поведал всем о том, как меня нанял вирусус, а точнее, его босс, и передал подробную инструкцию, что нужно делать. Уточнить, что я известный в узком кругу вор и просто

преступник, я не стал, сказал лишь, что иногда промышляю подворовыванием и выполнением подобных заказов. Потом рассказал о том, что было на лайнере, не упустив и встречу с Марой.

– Вот, в общем-то, и все, – закончил я. – Дальше вы все знаете сами.

– Вообще-то, не все, – тихо сказала Мара, виновато опустив голову.

– В смысле? Что я пропустил?

– Ты ничего не пропустил... наверно. Просто есть кое-то еще.

Все с любопытством уставились на раскрасневшееся лицо девушки, особенно я. Было интересно узнать обо всем случившемся с другого ракурса, мне неизвестного. Мара, я был уверен, что-то скрывала все это время, и вот настал момент истины. Люблю я узнавать чужие тайны.

– И что же? – поторопил я ее откровение.

– Ну, в общем, я... Меня...

– Да говори уже! – рявкнул Костун. По сравнению со вчерашним днем, сегодня он явно вернулся в норму.

– В общем, наша встреча не случайна.

– Наша встреча? – удивился толстяк.

– Да не моя с тобой! А моя с Хорсом.

– В смысле?

– Ну, в общем, примерно месяц назад со мной связался один неизвестный. Он сказал, что знает, кто я такая...

– А кто ты такая? – перебил ее я. Девушка замялась и, прочистив горло, ответила:

– Я... воровка. Именно поэтому я и подобралась к Костуну, чтобы его обчистить.

– Ах ты... – вскочил толстяк. – Я так и знал! Знал, что ты простая профурсетка!

Неужели Костун действительно считал, что всех этих девушек, которых, если верить Маре, он меняет каждые три-четыре месяца, привлекает его харизма и внешние достоинства, а не толстый кошелек? Даже у самообмана должна быть разумная граница.

– Не перебивайте девушку, пожалуйста, – холодно сказал Верон. Костун нехотя сел обратно в кресло, потирая перебинтованную руку. До некоторых слишком долго доходит собственная глупость, и часто такие люди винят в своих напастях что угодно, только не собственное скудоумие.

– Короче, – продолжила девушка, – тот человек предложил мне работу. Мне нужно было попасть на лайнер «Infortissimo», натолкнуться якобы случайно на человека, чью фотографию мне прислали по почте, и помочь ему кое с чем. Точнее не помочь, а подтолкнуть, чтобы он выполнил работу быстрее, потому что они подозревали, что он может временно забыть о своих делах и развлекаться месяц, а то и больше. – Она укоризненно взглянула на меня, но тут же виновато отвела взгляд.

– Этот человек – Хорс? – уточнил Верон.

– Да. Я его сразу узнала, когда увидела сидящим в баре. Черное на белом трудно не заметить.

– Я приперся на корабль весь в черном, – пояснил я вопро- сительный взгляд Верона. – Потом переоделся. Подожди, – повернулся я к девушке, – ты же говорила, что Костун сам захотел приехать на лайнер. А что, если бы он не захотел?

– Да она сама меня и уговорила, – проворчал Костун. – Я хотел в следующем месяце ехать, а она уговорила на раньше.

– Понятно. Значит, ты не просто поняла, что мы похожи, а знала обо мне с самого начала. Это все объясняет.

Про фальшивую историю с отцом я не стал ей напоминать, потому что не все в той истории было ложью на сто процен- тов. Когда придет время, она, возможно, расскажет правду, если сочтет это необходимым.

– Но я ничего не знала о том, что будет. Мне лишь сказа- ли время, когда нужно прибыть, показали фото человека и сказали, что его нужно подтолкнуть. Клянусь! – выкрикнула Мара. Она раскраснелась пуще прежнего, а из глаз градом катились слезы. Она боялась, что мы начнем ее обвинять во всем произошедшем, это в лучшем случае, а потому добав- ляла к своему рассказу чересчур драматичности. Нет, она не врала, говоря о том, что не знала, это было очевидно, но все же слегка играла для пущей убедительности. В общем, ти- пичная женская линия поведения.

– Да врет она все! – снова вскочил Костун; его правдой не проведешь. – Не верьте ей! Это все из-за нее и него. – Он

показал своим пухлым пальцем и на меня.

– Надо было его на той планете оставить, – впервые встал слово Иолай, все это время сидящий с портером [портативный компьютер] в руках.

– Сядьте, – так же холодно, как и в прошлый раз, сказал Верон Костуну. – А вам я верю, – он повернулся к девушке.

– Верите? Правда?

– Если бы Вы все знали, то не попали бы в такую... опасную ситуацию. Вы бы заранее продумали план побега. Так что очевидно, что Вас подставили.

Надо будет потом у него выяснить, заметил ли он тоже, что Мара слегка актерствует.

– Так ты не видела того, кто тебе заказал эту работу? – спросил я.

– Нет, мы разговаривали только через почту.

– А деньги?

– Он сразу же перечислил их мне на личный счет, и больше, чем я могла бы... стащить у Костуна, потому я и согласилась.

Чтобы устроить такую подставу, простых денег недостаточно. Вряд ли этот человек, или даже группа людей, лично участвовал в закладывании бомб с газом, скорее он точно также нанимал сторонних людей. Вот будет потеха, если все это было не ради того, чтобы подставить меня, а ради убийства кого-то на борту. Или всех. Так или иначе, я знаю слишком много, чтобы оставлять меня в живых, как и остальных

членов нашей дружной компании.

– А ты не узнал того вирусуса? – спросил у меня Верон, выведя из раздумий. – Может ты где-нибудь раньше его встречал и имел с ним дела?

– Я имел дела, если это можно так назвать, только с одним вирусусом, и закончились они не очень хорошо. – Я не стал уточнять, что особенно плохо они закончились для волосатого. – Но вот в чем загвоздка – этот вирусус, похоже, знал о том, что я когда-то вел дела с другим волосатым, хотя... – хотел сказать: свидетелей, – ...знающих об этом уже не должно быть в живых, а если кто-то и остался, то давно уже слишком стар, чтобы браться за месть. Возможно, он был среди его людей, но я особо не всматривался, да и не было резона, – они все на одно волосатое лицо, тем более способны менять свою конституцию.

– Да, скорее всего он изменил свое телосложение, чтобы ты его не узнал, – согласился Верон. – Или хотел, чтобы ты воспринял его не всерьез.

– Или и то и другое, – добавил я.

– Или и то и другое, – согласился гераклид.

– Но я сразу понял, что он не так прост.

– Ладно. – Тихо стукнул по столу ладошкой Верон. – Что мы имеем? Кто-то проделывает сложнейшую работу, чтобы незаметно поместить в хорошо охраняемый лайнер множество газовых бомб с каким-то психотропным веществом, превращающим всех в зомби, после чего нанимает Мару,

чтобы она в определенное время прибыла на корабль и помогла Хорсу, которого они наняли позже, кое-что украсть. Открыв кейс, Хорс случайно запускает таймер, который и привел заложенные бомбы в действие. И те люди явно знали, чем все кончится, – погибло примерно семьдесят тысяч человек. И все ради чего? Чтобы подставить одного человека? Глупо.

Все призадумались, но добавить было нечего. Все это действительно было слишком глупо. Или кто-то хочет, чтобы так казалось со стороны. Но если целью был не я, затея уже не кажется такой уж абсурдной. В любом случае, мы в центре минного поля, и лишь от нас зависит, не разорвет ли кого на мелкие части. Нам нужен проводник, а кто подходит лучше, если не бессмертный?

– Кстати, – подала голос девушка. – Ты расскажешь о себе? Почему тебя пули не берут?

Все с интересом уставились на меня. Вот теперь мне точно не отвертеться.

– А что тут рассказывать? Я бессмертный, – небрежно бросил я.

– Бессмертный?!

– Ага.

– В смысле?

– В том смысле, что мне почти три тысячи лет, и я не умираю, чтобы со мной не приключалось. А приключалось со мной за это время очень многое.

Все как-то притихли, пытаясь переосмыслить услышанное. Я обронил эти слова, словно ведро ледяной воды на голову слушателям. Я, конечно, мог бы поломаться и попытаться улизнуть от ответа или наврать с три короба, но это не имело смысла, потому что все видели те дыры от пуль на накидке, и не за что бы ни поверили в лживые рассказы. Лучше сказать все сразу, чтобы впустую не тратить время. Зато теперь можно не быть осторожным. И никто не бросится закрывать меня грудью от пули, хотя вряд ли кто-то из присутствующих на это способен, не считая, может, Июлая, но тот скорее прикроет лишь Верона.

Пауза затянулась. Я зевнул. Первым подал голос Верон:

– Тогда, может все это связано именно с этим... обстоятельством?

– Скорее всего, так и есть, – просто ответил я. —НО! Если они меня хотели не убить, а подставить, значит, знали о моей способности. А таких мало, и практически все они предпочитают действовать деликатней. И зачем им все это? Тем более что они могли это сделать не так громко и без такого количества жертв.

– Кажется, я кое-что нашел, – тихо сказал Июлай, роясь в компьютере.

– Что там?

– Заявление местного правительства о произошедшем. И оно вам не понравится.

Масштаб события, даже учитывая десятки тысяч жертв, оказался куда более внушительным, чем должен был быть по факту. В истории Вселенной были намного более серьезные происшествия, как случайные, так и спланированные кем-то специально, но, казалось, что этому событию уделяют какое-то запредельное внимание. Конечно, можно было сослаться на то, что на лайнере было очень много высокопоставленных лиц, но прочитав новости, стало понятно, что этому факту практически не придают значения, упоминая лишь мельком. Большая же часть заявления уделялась не последствиям катастрофы и разъяснениям информации по поводу жертв, а обвинениям. Иолай вычитывал из заявления наиболее интересные моменты:

– Так. Вот. «Мы не раз выказывали свое недовольство человеческой расой, но Совет нас не слушал, ссылаясь на то, что очень многие другие виды ведут себя жестоко и недружелюбно, а те, кто не ведет, – вели так себя раньше. И мы с этим согласны. Действительно, многие расы в начале своего становления были довольно... диковаты, но со временем они превратились в цивилизованные общества». Так, тут идут примеры «цивилизованных» рас, хотя по поводу некоторых я бы поспорил...

Тех же вирусусов многие вообще считают животными, несмотря на то, что некоторые индивидуумы очень умны и образованы. Их, конечно, не так много, но они есть, а значит, у расы большой потенциал. Но все всегда вначале смотрят

на внешний вид.

– Не отвлекайся, – сказал Верон.

– Да-да, нашел. «Все эти расы... Но они окультуривались, не без помощи других, более развитых рас, конечно же. Однако человечество не принимает наши догмы, упорно их игнорируя и... ведя себя как животные. По статистике («По их, естественно, статистике», – вставил слово Иолай), большая часть преступлений совершается именно человеческой расой. Они крадут...» Тут идет перечень всех преступлений. Потом еще напоминание, что наша родная планета превратилась в летающий кусок... мусора, в который мы сами ее и превратили постоянными войнами. Еще что-то о болезнях, которые привезли с собой люди. Дальше. Вот. «Сегодня человечество очередной раз показало свое истинное лицо, совершив ужаснейшее деяние: человек убил несколько десятков тысяч высокопоставленных лиц и просто гражданских». Они, почему-то умалчивают, что там тоже было и много людей, – пробормотал киборг. – Продолжаю: «У нас есть неоспоримые доказательства. Это видеозапись, где четко видно бесчинство человека». Дальше идет небольшое видеоролик, в котором есть все то, о чем предполагал Хорс: половина видео испорчена, на остальной части всякие нелепые поступки того же самого Хорса. Даже я бы поверил, не будь я свидетелем произошедшего.

– Продолжай, – тихо прервал Иолая Верон.

– Как скажете. Дальше идет комментарий по поводу запе-

чатленного на камерах. Все очевидно и все абсурдно. Еще говорится, что преступник приземлился на планете, на которой жило местное мирное население, добровольно (а как иначе?) покинувшее мирскую жизнь, и жестоко перебил ВСЕХ жителей.

Про взрыв ни слова. На планете был я, и там умерли люди, этого достаточно, чтобы связать эти факты воедино, а лишнее можно вычеркнуть за незначительность. Так-то взрыв произошел достаточно далеко от поселения, чтобы там никто от этого не умер сразу, они бы максимум облучились, что проявилось бы спустя минимум месяцы. А это значит, что им кто-то помог.

– Всех?! – вырвалось у Мары.

– Ага, тут так написано. А еще написано, что он отправил в космос сигнал SOS, а когда на помощь прибыла команда патрульных, он их всех тоже перебил, а корабль угнал.

Суперчеловек прям, странно, что планета осталась цела.

– Это уже перебор, – вскинула руками девушка.

– Есть еще кое-что интересное: «Нам также стало известно имя террориста, его зовут Амарталис де Восаф. Нам мало о нем известно, кроме того, что он известный в преступном мире вор и разбойник, а теперь еще и массовый убийца».

– Амарталис? – вопросительно подняла брови Мара. – Ты же говорил, что тебя зовут Хорс.

– Я врал.

– Врал? Почему?

– Давайте вспомним, что не я один здесь врал. Причем моя ложь об имени не так ужасна, как у некоторых.

Девушка нахмурилась и немного покраснела, но ответила спокойно и даже немного обиженно:

– Но я-то все рассказала...

Интересно, как бы она отреагировала, скажи я, что из нее не настолько хорошая актриса, как она думает, да и врать мне по сути бесполезно, а она врала. Пусть не про свою связь с тем, кто меня подставил, кто подставил все человечество, а про свое прошлое и своего отца, но врала. Но скажи я об этом вслух сейчас, это походило бы на попытку оправдаться и перевести тему.

– Чего ты ко мне пристала?! Это всего лишь имя. Я тоже не верю, что твое имя настоящее. Может, акцентируем внимание на чем-то более важном? Есть там чего-нибудь еще интересного? – обратился я к Иолаю. Все тоже вновь повернулись к нему, хотя девушка продолжала коситься на меня, поджав губы.

– Я думал, вы и не спросите, – усмехнулся он. – В конце самое интересное. Вообще, есть две новости: плохая и очень плохая. С какой начать?

– Не ёрничай, – спокойно сказал Верон. – Давай по порядку.

– Ну ладно. Тут тонны текста, так что изложу кратко. Во-первых, обвиняют не только... эм... Как к тебе обращаться-то?

– Пусть будет Амар.

– Как скажешь. Так вот, обвиняют не только Амара, но и всех тех, кто спасся с корабля вместе с ним.

– Хочешь сказать... – Верон поднес руку к подбородку и подергал короткие волосы.

– Именно. Нас всех считают его сообщниками, пособниками и все в этом духе.

Оно и не удивительно, они знают все то же, что и я, а значит, не менее неудобны. Так или иначе, Иолай с Вероном тоже убили многих.

– Но я же ничего не делал! – вскрикнул Костун. Он понял мало, но то, что его хотят выдать за бандита, все же уловил.

– Мы все ничего не делали, – спокойно ответил Верон, не глядя на толстяка, – но их это не интересует.

– Значит, соскочить не получится. – Иолай скорчил гримасу.

– А вы хотели соскочить? – удивился я.

– Почему нет? Не нас же подставляли. Мы хотели довести тебя до этой виллы, обогреть, накормить, да и попросить, так сказать. У нас своих проблем навалом. Ну, полагаю, теперь у нас не осталось выбора. – Иолай вопросительно посмотрел на задумавшегося Верона.

– Полагаю, что так, – ответил тот. – А какая вторая новость? – спросил черноглазый, немного помолчав.

Иолай снова недовольно поморщился, словно надеялся, что о второй новости никто не вспомнит и все разрешится

само собой.

– О, вторая похлеще, – протянул он. – Этот самый мужик из местного правительства развивает тему, о которой говорил в начале, только с каким-то маниакальным задором. Если коротко, то он обвиняет всю человеческую расу в том, что она... человеческая раса. Мол, за двести тысяч лет они (то есть мы, люди) так и не перестали быть животными, и поэтому не заслуживаем нежиться в верхах. Он предлагает всех людей скинуть на самое дно общества, а еще лучше – переселить на какую-нибудь планету, по типу той, на которой мы недавно побывали... Точнее он говорит, что они нас спасли и помогли подняться, не позволив загнить на нашей грязной планетке, и ожидали в ответ благодарность и все в этом духе, а получили кукиш с маслом. Не довольны они человеками, короче. В общем, он хочет очистить Вселенную от людей, а заодно и от тех, кто им симпатизирует.

– Да ну, бред! – громко фыркнула Мара. – Он чокнутый какой-то. Кто его поддержит? На него Совет даже внимания не обратит.

– Ну, не скажи, – вздохнул Июлай.

– В Совете довольно много тех, кому человеческая раса не по нутру, – согласился Верон. – Когда только люди на вашей планете начали проявлять зачатки высокого разума, многие проголосовали за то, чтобы познакомить вас с Вселенной, открыть ее тайны и рассказать о том, что на самом деле происходит за пределами вашей Солнечной системы. В вас ви-

дели потенциал и надеялись, что вы послужите общему делу, сделав жизнь в мире... лучше и комфортней, но вы, вместо развития собственных технологий, начали пользоваться благами других цивилизаций, полностью позабыв о собственных достижениях, забросив их на полпути. Вы обленились. Поначалу все считали, что вам надо как-то акклиматизироваться и адаптироваться, но годы и столетия шли, а вы так и не перестали быть теми, кем стали, узнав об истинных размерах Вселенной и об ее благах. Прошло почти две тысячи лет. Многие пересмотрели мнение своих предшественников о пользе человечества в будущем.

– То есть ты считаешь, что они правы?! – Иолай даже отодвинулся от друга. Человеческая гордость буквально пылала в нем неугасаемым пламенем, которое он того и гляди обрушит на чью-нибудь голову. Приятно видеть подобное в тех, кто человек лишь по расе, когда как современные люди воспитываются в традициях общего воспитания, то есть никому не навязывают, что их раса чем-то особенным отличается от остальных, пусть это и не так. Так или иначе, каждый член своей расы стремится больше к сближению именно со своими сородичами, и это не изменят ни воспитание, ни соседство, ни даже насильственные попытки мутуализма. Максимум, к чему это приведет, – еще бóльшая разобщенность.

– Ни в коем разе! Есть множество рас, которые более никчемны, чем человечество. Намного никчемнее. Люди подняли экономику многих стран и даже планет, а также принес-

ли во Вселенную несколько новых религий, которые хоть и служили поводом для войн, но так же и объединяли целые нации, до этого враждующие. Да и без этого хватало. Так что я считаю, что заявление действительно звучит глупо. И подозрительно.

Иолай придвинулся обратно к Верону.

– Хочешь сказать, что все это тоже спланировано?

– Катастрофа лайнера и это заявление несомненно связаны. Кто-то пытается подставить, но только не одного Амара, а всю человеческую расу. Амара же попросту использовали, чтобы всколыхнуть общество и заставить всех ненавидеть хотя бы одного человека, проецируя *его* преступление на всех людей.

– Неужели все настолько тупы, что не увидят подвоха? Они же все разумные.

– Каждый по отдельности разумен. А толпа – это тупой, склонный к панике опасный зверь. Им нужно лишь указать цель, а дальше они сами не заметят, как станут вначале косо смотреть в сторону любого человека, а потом и вовсе в открытую выказывать свою неприязнь. Если кому интересно мое мнения, то я считаю, что те, кто так использует людей для своих гнусных скрытых целей, – и есть настоящие неразумные дикие животные.

Верон, обычно тихий и разумный, прямо на глазах превращался в эмоцию, в негативную эмоцию. И это из-за предстоящей угрозы людям, хотя будучи камируттом, максимум

должен реагировать на это спокойно. Это один из тех случаев, когда разбиваются стереотипы.

– Скрытых целей? – уточнила девушка. Судя по всему, ее тоже может и не тревожила судьба людей в полном понимании этого слова, но, если это можно так назвать, беспокоила. Кому кроме психов нравится воевать? – Думаешь, они не просто хотят сбросить всех людей в грязь, а у них есть еще и скрытые мотивы?

– Это очевидно, – ответил я за Верона.

– И какая же у них истинная цель?

– Вот это и есть главный вопрос, – сказал я, подняв указательный палец.

– То есть ты не знаешь?

– Откуда мне знать-то?

– Я имела в виду...

– Да понял я, – перебил я девушку. – Я могу лишь предположить некоторые варианты, но все они не выдерживают критики.

– А ты попробуй.

Я немного помолчал, задумавшись. Вариантов у меня было много, но большинство были либо слишком надуманными, либо просто невозможными. Хотя, если мой противник настоящий псих, ему в голову могло прийти все что угодно. Я решил поделиться лишь наиболее реальными идеями.

– Первое – они видят в людях угрозу перестановки власти. Их власти. Они видят, что у людей есть хватка, и опасаются.

ются, что через какие-нибудь две-три тысячи лет человеческая раса полностью захватит власть во Вселенной, и будет решать судьбы тех рас, которые намного старше человеческой. Гордыня не дает им позволить этому свершиться, а потому они хотят избавиться от нас, пока мы еще не так высоко поднялись. Превентивный удар, так сказать. Хотя это глупо, потому что у власти пока они, и у них достаточно могущества, чтобы попросту не позволить человеку слишком высоко взлететь более благоразумным и менее жестоким способом. Не пристало таким древним и мудрым расам решать все силой. – Последнюю фразу я произнес с толикой едкого ехидства. Пусть многие из рас в Совете довольно древние, но мудрыми из них можно назвать не более двадцати процентов. Будь они так мудры, как пытаются казаться, давно позволили бы влиться к ним новой крови. Последний раз, когда в совет вошла новая раса, произошло почти тысячу лет назад. Это были танэки.

– Разумно.

– Второе, – продолжил я, – они хотят сделать людей рабами, чтобы те им прислуживали, ведь кто-то должен это делать, по их мнению. А кто как не неоперившаяся раса лучше всего подойдет на эту роль? Остается только убедить общественность, что человек – это просто грязное животное, а остальное дело техники. Лет через двести-триста никто и не вспомнит, что человеческая раса была вполне разумными созданиями, подающими большие надежды.

– Но есть еще один вариант, – сказал Верон.

– Да, есть, и он самый простой.

– Какой же? – спросил озадаченно Иолай. Мара тоже переводила взгляд с Верона на меня, открыв рот и не замечая этого. Костун выглядел хуже: он весь потел и постоянно ерзал в кресле, рискуя протереть дырку. Слова об изгнании людей или превращении их в рабов, казалось, ничуть его не волновали. Наверняка, он очень бы хотел, чтобы человек вроде меня стал его телохранителем взамен убитых йофиров.

– Они хотят вычеркнуть человеческую расу из истории Вселенной просто потому что.

– Просто потому что? – пораженно переспросила Мара. – Я не понимаю...

– А что тут непонятного? Мы просто им не нравимся, вот и все. В истории даже моей родной планеты есть множество моментов, когда войны начинали те, кто считал себя высшей расой, а остальных смешивал с грязью и пытался их уничтожить, как неудобных и не отвечающих их стандартам. Или в назидание остальным.

Обычно такие войны заканчивались плачевно для тех, кто их начинал, потому что единственными высшими себя признавала лишь одна нация, против которой тут же объединялись все остальные. Все намного хуже, когда множество рас объединяются против расы «низшей».

– И ты думаешь, что тут то же самое?

– Я ведь говорю: я не знаю. Я лишь привел несколько оче-

видных вариантов. Какой-то из них может быть действительно, а может ни один из них не подходит даже близко. Кто знает, что в голове у тех чокнутых.

Возможно, что темой с расами здесь и вообще не пахнет, а кто-то просто пытается подставить меня одного. В таком случае моему противнику абсолютно плевать, кто попадет-ся под его горячую руку. Однако все же возникает вопрос: а при чем здесь человечество? Правительство просто подло-вило момент или все так и планировалось?

– И что же нам делать?

– Не знаю. Спасать человечество?

– Для начала нам бы не помешало самим спастись, – от-носительно спокойно сказал Иолай, продолжая ковыряться в портере, но его пальцы, бьющие по экрану, превратились в настоящий вихрь. Верон встал так резко, что его массивное кресло едва не опрокинулось.

– В чем дело?

– Кажется, нас нашли.

– Нашли?! Но как? Ты же говорил, что тут безопасно.

– Похоже, нас кто-то сдал.

Все переглянулись, потом дружно уставились на притих-шего Костуна, покрывшегося испариной так, что он чудом не выскальзывал из одежды. Толстяк отводил глаза и тяжело сопел, словно пробежал спринт, да еще и покраснел как вареный рак.

– Ты? Как ты мог?! – рывкнула Мара, хватая его за грудки.

– А-а что я? Я жить хочу! Я ничего не делал! Я тут ни при чем! Я им так и скажу! Я ведь случайно...

Вот как раз один из примеров никчемной расы. Недаром те танэки открыто выказывали ему свое презрение, хотя и сами не лучше. Дэбелы – одна из тех рас, что соответствуют своим стереотипам.

– Ты что, совсем тупой? – спокойно спросил я.

– Я...

– Я-я, натюрлих? Ты, может, дрых и все пропустил, но когда те солдаты прибыли на планету, они собирались нас всех казнить на месте, не смотря на расу, пол, возраст и принадлежность к какой-либо иерархии. Им плевать, замазан ты в этом деле или нет, они убьют тебя без лишних вопросов, чтобы не оставлять свидетелей.

– Они не могут! Они же правительственные...

– Да ни черта! Спящий ты уродец, как ты не можешь понять? Они действуют самостоятельно. В Правительстве есть те, кто хочет уничтожить человеческую расу и всех, кто им симпатизирует, а так как они в Правительстве, то у них есть власть, чтобы привести план в исполнение, наплевав при этом на закон. Они и есть закон.

– Но... я... – Костун окончательно осунулся и поник, не зная, что ответить. Казалось, он сейчас расплечется.

– Нас окружили, – сказал Иолай. – Вокруг дома десятка два патрульных кораблей, и их орудия нацелены на нас.

– Что же делать? – почти шепотом обреченно спросила

Мара, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Всей прислуге я уже приказал эвакуироваться, – вновь заговорил Иолай, не отрываясь от компьютера. – Пора и нам честь знать.

Верон быстрым и уверенным шагом подошел к небольшому стеллажу с книгами и потянул на себя один из томов, стеллаж отъехал в сторону, открыв крутую лестницу вниз в темноту.

– В лучших традициях, – усмехнулся я.

– Ой-ой. – Иолай наконец поднялся из-за стола. – Нам лучше поторопиться. Они стреляют.

И тут, словно подтверждая слова Иолая, началась пальба. Со всех сторон начался такой шум и грохот, что стало даже невозможно что-то сказать, ибо все равно никто бы не услышал. Первым совсем неожиданно для всех рванул Костун, сидящий ближе всех к проходу, опрокинув кресло и даже позабыв о ранении. Потом я подхватил девушку и быстро, пнув в сторону кресло, почти неся на руках, подбежал с ней к проходу. Прикрывая спину, позволил ей скрыться в темноте. Затем ушли Верон и Иолай, я же замыкал процессию, и закрыл за собой стеллаж как раз в тот момент, когда окно напротив разлетелось вдребезги и в скрытую дверь полетели бронебойные пули. Но дверь оказалась крайне крепкой, и ни один снаряд не смог ее пробить.

Спустившись по длинной и узкой лестнице вниз, я увидел длиннющий, уходящий в самую даль тоннель. На потол-

ке один за другим загорались лампы.

– Мы в десяти метрах под землей. Над нами несколько пластов свинца и других элементов, поэтому никакая аппаратура не сможет нас тут засечь, но я активировал систему самоуничтожения, которая сработает через десять минут, так что не будем впустую тратить время.

И когда он успел?

Верон не спеша побежал по коридору, а за ним и все остальные.

– Кстати, предлагаю выбросить Костуна нафиг, – сказал Иолай. – Сломать ему ноги и бросить ожидать шумного конца.

– Не стоит, – ответил Верон. – Он может нам еще пригодиться.

– Пригодиться? И как же?

– Жизнь – непредсказуемая штука.

Иолай нахмурился, но промолчал. Все, кроме Верона и, естественно, самого Костуна, были с ним согласны. Толстяк нас всех подставил, а больше всего Верона, который лишился своего убежища. Ему еще с братом объясняться. Радовало лишь то, что толстяк явно не предполагал такого поворота событий и чувствовал свою вину, поникнув и молча продолжая бежать, даже не пытаясь жаловаться, а ведь ему, наверняка, было крайне больно бежать с ранением.

– Меня вот что интересует, – сказал я. – Как этот жирдяй смог отправить сообщение, если кабинет, в котором мы

сидели, был полностью изолирован? Или защита действует только в одну сторону?

– Скорее всего, он это сделал еще перед тем, как зашел в кабинет. Так ведь? – обратился гераклид к Костуну.

– Да, – ответил тот, тяжело пыхтя. – Я отправил сообщение одному из знакомых в правительстве, как только проснулся утром.

– Ну ты и сволочь, – злобно прокаркала Мара. – А что, если он и сейчас отправляет сообщение? У него кто-нибудь отобрал телефон или что у него там?

– Я глушу все сигналы, – ухмыльнулся Иолай. – Один из плюсов быть наполовину роботом.

– Я уже передумала заменять части тела на кибернетические, – фыркнула девушка.

– Чего так?

– Мне пока мое настоящее тело по душе. Быть киборгом – слишком много заморочек. Не хочу без надобности, как ты, становиться частично железным.

– Я тоже не сам выбрал такую судьбу...

– Нам еще долго бежать, – явно намеренно перебил его Верон, – так что поберегите дыхалку.

Частично он был прав, хоть сам Верон, Иолай и я были не простыми смертными, способными, наверно, сутками бежать без усталости, но Костун и Мара были слишком слабыми, точнее – обычными. Коридор дальше становился просторнее, поэтому можно было бежать подвое, рядом друг с

другом. Впереди находились Верон и Иолай, задавая темп, в конце бежали я и Мара, а посередине пыхтел как паровоз Костун. Несмотря на, мягко говоря, плотное телосложение, бежал он довольно резво, хотя и дышал тяжело, попутно айкая и держась за раненое плечо.

Минут через десять, как и сказал Верон, сзади раздался сильный грохот, тряхнув под ногами землю. Все невольно остановились, оглянувшись назад, словно можно было что-то увидеть. Лампы над головами закачались и начали слегка подмигивать.

– Тоннель не обвалится? – взволнованно спросила Мара.

– Не должен.

– Ободряющий ответ.

– Кстати, а куда мы бежим-то? – спросил я.

– В конце туннеля есть выход на скрытую базу под землей.

Туда переправили нашу «тарелку» по другому специальному тоннелю, так что у нас будет транспорт. – Верон, больше не говоря ни слова, повернулся и снова побежал. Остальные последовали за ним.

– И куда мы полетим? – негромко спросил Костун, стараясь, чтобы его голос звучал виновато.

– Так далеко я не заглядывал.

– Зашибись теперь! – не стала скрывать эмоций Мара.

– Все, что я знаю: нам нужно остановить этих людей.

– Неужели ты хочешь помочь спасти человеческую расу? – немного саркастически спросила девушка. Сама она явно не

очень хотела, чтобы человечество превратили в скот, но сказать об этом прямо и тем более попросить о помощи открыто она не могла.

– Я хочу спасти себя, а если для этого нужно спасти еще и людей, то так тому и быть.

– Сколько гордыни в твоих словах, – фыркнула она. – Просто признай, что ты добрее, чем пытаешься показаться.

Иолай незаметно для всех усмехнулся уголками губ. Верон же промолчал, продолжая размеренно бежать вперед. Минут через десять Костун заныл:

– Я... больше... не могу, – простонал он, запыхавшись.

– Мы почти на месте, – сказал Верон, не оборачиваясь.

– Можешь оставаться здесь, если хочешь.

– Нет-нет, я не хочу. Просто... зачем так спешить? Нас же здесь не найдут. Ты же говорил, что там какие-то железяки в земле...

– Они только на первых трехстах метрах тоннеля, – ответил Верон, поясняя для всех. – Если бы мы покрыли ими весь путь, то это могли заметить, так как они вышли бы за территорию виллы, а это незаконно. Если патрульные корабли догадаются просканировать эту местность, то нам конец.

– Л-ладно, тогда я готов бежать дальше.

– Если пожелаешь. – Верон снова молча развернулся и побежал, хотя немного сбавив прежний темп. К Костуну он не испытывал особой жалости, но даже за все его грешки не собирался бросать его на погибель.

Минут пятнадцать мы бежали, не говоря ни слова. Были слышны лишь топанья ног по утрамбованной земле, да тяжелое дыхание Костуна и чуть менее тяжелое Мары. Молчание прервал не толстяк, как все, наверняка, ожидали, а девушка:

– Я тут подумала, – обратилась Мара к Верону, – а что твой брат скажет, когда узнает, что его вилла была взорвана?

– Как я уже говорил, он бывает там не часто, так что не особо расстроится. У него и другие есть. Если очень нужно будет, просто отстроит заново, денег у него хватает. Хотя вряд ли он будет строиться на месте, которое раскрыли.

– Раскрыли?

– Я ведь говорил, что вилла по бумагам принадлежит подставному лицу. Когда начнется расследование произошедшего, это всплывет наружу. Если брат захочет снова иметь на этой планете виллу, то выберет место подальше от этого.

Еще несколько долгих минут мы вновь бежали в относительной тишине. У Костуна не осталось сил даже на нытье. Наконец, Верон остановился.

– Мы на месте.

Перед нами был тупик в виде тяжелой на вид металлической двери. Верон подошел и набрал на панели код, послышалось шипение, словно выходит воздух. Дверь, несомненно, была очень тяжелой, но для гераклида не составило труда ее отворить. И перед нами предстало огромное пространство. Оно было почти пустым, не считая нескольких космических кораблей различных размеров и форм. Тут и

там шныряли работники в спецовке, проверяя эти самые корабли, кто-то сверлил, кто-то варил, но все, казалось, были заняты свои делом, да так рьяно, что было удивительно, почему они такие активные, если рядом не ходит их непосредственный начальник. Если, конечно, они не знали, что к ним направляется Верон.

– Ого! – выдавил из себя Костун, уперев руки в колени и тяжело дыша, а после восклицания он еще и закашлялся.

– Мне кажется, или потолок находится явно выше десятки метров, под которыми мы должны быть?

– Вы, наверное, не заметили, но тоннель слегка шел под откос, спускаясь все ниже.

– Я заметил, – ответил я, подняв руку, но реакции не последовало.

– Сейчас мы на пятидесятиметровой глубине. Здесь находятся корабли, принадлежащие мне и моему брату. Вообще, такие большие подземные сооружения противозаконны на этой планете, не говоря уже о кораблях, которые здесь есть, но не мне вам говорить о соблюдении законов.

– Все мы немного преступники, – сказал Иолай. – Кто-то больше, кто-то меньше.

– Это намек? – прищурился я.

– Ни в коем разе. Я говорил обо всех присутствующих.

И все же я был куда более серьезным преступником, чем все остальные вместе взятые, помноженные на сто. Узнай они, что я творил в свое время, то без промедления сдали бы

меня властям, пусть и сами попали бы к ним в лапы. Хотя, наверно, это случилось бы лишь в том случае, если бы они были уверены, что их не уничтожат на месте.

– Я не преступник, – запротестовал Костун.

– Предательство – тоже преступление. Моральное уж точно, – ощетинился Иолай. – Тем более, де-юре мы здесь все жестокие преступники.

– Хватит об этом, – прервал своего телохранителя Верон. – некогда тратить время. Берем транспорт и улетаем. – Он направился вперед быстрым шагом.

– Так, и где наша «тарелка»?

– Мы полетим не на ней, – улыбнулся Верон уголком рта.

– Не на ней? А на чем же?

– Я надеялся, что брат оставит его здесь. – Верон указал на противоположную сторону открытого помещения. Там стоял, конечно, не самый большой корабль во Вселенной, но выглядел он довольно грозно. Он был похож на овал, словно лопнувший с одной стороны... или ослабевший. «Порез» шел почти через все судно, сужаясь и слегка закругляясь вверх к концу. Впереди было большое обзорное окно командной рубки, как раз и являющееся эпицентром «трещины».

– Похоже на модель «Фисташка», – сказал Костун. – Мы на таких грузы всякие перевозили по всей Вселенной. Не самый тяжелогрузный грузовик, и не самый быстрый.

– Это не «Фисташка». Его специально сделали похожим,

но эта модель называется «Gurin Mnyama», что значит – «Оскал Зверя». Под безобидной оболочкой скрыто мощное вооружение, но с виду так не скажешь.

– Да, пока ты не сказал, я и не замечала, что эта «трещина» похожа на оскал, – охнула Мара, рассматривая корабль.

– Нам следует поторопиться. – Верон вновь заторопился, прибавив шаг. Сначала он подошел к одному из рабочих и что-то ему сказал, тот в ответ кивнул. Затем черноглазый направился в сторону корабля.

Корабль превосходил раза патрульную «тарелку» раза в три, а потому можно было не беспокоиться о наличие в нем спален и, хотя бы, душа.

«Заведя мотор», Верон плавно поднялся вверх. Крыша сначала приподнялась чуть выше, а потом разъехалась в четыре стороны, словно раскрывающийся изнутри бутон. Мы вылетели из ангара и устремились в открытый космос, стараясь не привлекать внимания. Далеко справа виднелся клубящийся черный дым, медленно поднимающийся над горячей виллой.

Глава 5

Улетев подальше от обитаемых планет и путей сообщения, наш корабль завис неподалеку от одной из умирающих звезд. Вряд ли кто-то мог пролетать мимо, чтобы нас заметит, тем более что различные волны, излучаемые космическим телом, не позволяли засечь столь малый объект ка-

кой-либо сканирующей аппаратурой. Хотя вряд ли кто-то так уж активно нас искал, особенно после того, как особняк, в котором мы все находились, взлетел на воздух. Тот, кто все это устроил, вероятно, был уверен, что мы все мертвы. Кроме меня, конечно. Наверняка он считает, что дальнейшее преследование меня не имеет смысла, так как я сам захочу его найти. И он прав.

– Итак, – начал Верон, оставив корабль на автопилоте и спустившись в общий зал, – теперь нам точно понятно, что от нас так просто не отстанут.

– Тогда и им должно быть это понятно, – твердо сказала Мара. – Мы тоже не будем сидеть сложа руки.

– Они сами вынуждают нас действовать, – подтвердил я. Конечно, я мог бы намекнуть им о том, что их, возможно, считают умершими и они могут просто где-нибудь затаиться, пока все не закончится (пока я не закончу), но они хотели меня кинуть, так что теперь я не могу позволить им вот так просто взять да вывернуться.

– И с чего нам начать?

– Это же очевидно: мы заявимся в местное правительство той зоны, в которой упал лайнер и пойдем напрямик к тому уроду, что оклеветал нас на весь мир, – заявил Иолай, шлепнув ладошкой по столу. У него всегда все просто.

– И что потом?

– Устроим допрос с пристрастием. Он точно должен что-то знать, даже если и является шестеркой.

– Ты думаешь, нам удастся это повернуть так просто? – усомнилась Мара.

– Почему бы и нет? – вмешался я. – Теперь у нас есть настоящее боевое судно...

– Оно пока на стадии тестирования, – перебил меня Верон.

– Но ведь все работает?

Верон неопределенно дернул головой. Хотя он и выглядел угрюмо, особо спорить не собирался. Он и сам размышлял, как поступить, но пока лишь Иолай предложил вариант, о котором и так думали все, ну или большинство. С чего-то нужно начать.

– Так вот, у нас есть боевой корабль и преимущество внезапной атаки – продолжил я, – вряд ли они предполагают, что мы вот так сразу перейдем в наступление.

– Прямо слова настоящего солдата, – усмехнулся Иолай.

– Опыт, мой юный друг, огромный жизненный опыт, – менторским тоном ответил я. Мой опыт действительно был больше, чем у всех остальные вместе взятых, помноженных на сто. Правда, я редко этим опытом пользуюсь во благо.

– А, да, совсем забыл, что ты дряхлый старик.

– Ну что за молодежь пошла, – подыграл я. – Но вернемся к делу. Мало того, что они не ожидают нашего нападения, так еще мы собираемся ворваться всего лишь в местный сенат, где охраны должно быть мало... относительно. Даже если они и запросят поддержку, то прибудет она после того,

как мы уже смоемся. Что скажете?

– Довольно рискованно, – подал голос Верон.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского!

– Что это значит? – выгнул брови Верон.

– Одна древняя пословица, означающее, что если не рискуешь, то и не выигрываешь. Так что нам необходимо рискнуть, пока еще наши враги не придумали стратегию, а они довольно умны, так что времени мало.

– Мало времени. Эта фраза за последние дни мелькает слишком часто, – подметила Мара. Еще чаще эта фраза мелькает в мыслях. С виду девушка была спокойна, но внутри в ней наверняка бурлило невероятно напряжение. Вряд ли она ожидала, что ее простое задание приведет к крутому обрыву, с которого она все еще не рухнула лишь по чистой случайности. А ведь ее первое же дело с треском провалилось, но это не редкость в подобной профессии. Слишком много давления для первого раза. Костун же выглядел так, словно находится в свободном падении с этого самого обрыва, не понимая, что происходит. Но прыгнул он туда сам.

– Так и есть, но это вполне обусловлено последними событиями.

– Согласна. – Девушка помолчала. – И что, начнем прямо сейчас? – Уверенности ей было не занимать, хотя она, наверняка, просто желала, чтобы все это закончилось как можно скорее. Я удивлюсь, если после всего случившегося она продолжит благородное ремесло воровки. При условии, конеч-

но, что она выживет.

– А у тебя есть дела поважнее?

– Нет...

– Вот и отлично! Верон, заводи машину!

– Что?

– Поехали, говорю.

– Это конечно, но вы, надеюсь, помните, что мы довольно далеко от нужной нам зоны?

– Метасалирование?

– Метасалирование.

Все обреченно вздохнули. Будто нас и так недостаточно жизнь пошвыряла.

– Не переживайте, у этого корабля мощности побольше, поэтому доберемся быстрее, чем в прошлый раз.

Когда все пристегнулись в более удобных креслах, чем в той «тарелке», Верон запустил систему, и мы влетели в первый черный круг межпространственных прыжков.

Возвращались мы обратно по тем же координатам, что и тогда, когда летели на виллу, но при этом перепрыгивая через каждую вторую точку, так как мощность корабля позволяла совершать более дальние прыжки. Вообще, можно было прыгнуть и через две точки, переместившись в первый раз в зону примерно между третьей и четвертой точками, что ускорило бы путь, но Верон не хотел прокладывать новый маршрут, хотя он прикрылся тем, что это отни-

мет еще больше времени. Произведя очередное метасалирование, мы оказали как раз в точке, являющейся предпоследней перед той, с какой мы начинали путь к зеленой планете.

– Думаю, перемещаться напрямиком туда не следует. Там вряд ли бывают торговые и грузовые корабли, поэтому мы будем слишком выделяться и привлечем ненужное внимание.

– Там наверняка полно народу, – сказала Мара. – Журналисты, патрульные, да и зевак хватает.

– Так и есть, – подтвердил Иолай, который уже успел взять портер и залезть в Юнинео. – Расследование все еще продолжается, хотя, полагаю, что это лишь для виду, ибо «виновные» уже всем известны.

Костун, и так всю дорогу сидевший молча, осунулся еще больше. Со времени нашей первой встречи, он сильно изменился, даже быстрее, чем я ожидал это от того, кто привык жить на широкую ногу и ни в чем себе не отказывать. Иногда в нем все же проявляется его чванливый и даже инфантильный характер, но чем дальше, тем меньше это бросается в глаза, а он становится все скромнее, словно смирившись с навязанным роком.

– Так куда теперь? – спросила Мара.

– Про здание местного сената ничего не пишут? Что там сейчас происходит?

– Там тоже полно журналистов, – через полминуты ответил Иолай, порыскав в новостях. Полезная это все-таки штука.

ка, можно узнать о чем угодно, даже не выходя из дома.

– Если заявимся прямо туда, то эти коршуны своими глазами убедятся, какие мы негодяи.

СМИтам лишь бы урвать сенсацию, а на истину им обычно плевать. Если о том, кто истинный виновник, сказал сам сенатор, то так оно и есть, а даже если и нет, их совесть останется чиста, ведь сам они ничего не придумали, им сказали другие, кому, как всем кажется, можно доверять.

– И что нам делать?

– Слушай, Мара, может прекратишь задавать глупые вопросы?

– А что я такого сказала? – обиделась девушка. – Это резонный вопрос.

– Этот вопрос с первого дня нашей общей встречи резонный, но это не значит, что его постоянно нужно задавать. Мы и так над ним все думаем... Ну или хотя бы некоторые из нас.

Девушка надулась еще сильнее, словно я это говорил о ней. Хотя, так оно и есть. В любом случае, нам нужны ответы, а не вопросы.

– Я, вообще-то, тоже над ним думаю.

– Так думай, кто тебе мешает? Просто поменьше горлань и говори по делу.

– Ну, хватит... – попытался вмешаться Иолай.

– Это ты сейчас тут горланишь! – Не услышала или не захотела услышать Иолая девушка. Она раскраснелась от негодования и явно не собиралась сдаваться, пусть это и не было

войной.

– Мы с Иолаем хотя бы дельный план предложили...

– Так себе план – переться в лоб!

Иолай утоп в своем портере, словно он тут и не при чем, и все это моя идея, хотя я просто поддержал его. Как и остальные, пусть и не высказали это вслух. Даже Мара, которая лишь сейчас почему-то усомнилась в его целесообразности.

– Есть получше? Мы тебя слушаем!

Костун что-то пробубнил, но его никто не услышал. Да и не хотел слушать.

– Планы вот так с потолка не берут, – холодно сказала Мара. – Нам всем нужно вместе подумать, что делать дальше, а не лезть на рожон.

– И сколько тебе времени нужно дать: достаточно, чтобы нас поймали? Пока ты вместо работы мозгом, работаешь одним лишь языком!

– Ну вы даете, – снова вставил слово Иолай, но его опять проигнорировали. – Ты тоже тут не занимаешься интеллектуальной деятельностью, – презрительно прошипела девушка.

– Мне почти три тысячи лет, детка! Я могу одновременно заниматься сексом, читать новости, курить сигару и решать в уме дробные уравнения.

– О, уверена, что твои девушки, с которыми ты трахался, очень это ценили, – выплюнула она.

– Тебе это узнать не суждено.

– И слава богу.

Теперь, я был уверен, она покраснелась не только от гнева. Она старалась не встречаться со мной взглядом, пряча это под вуалью пренебрежения.

– Ну хватит уже! – повысил голос Иолай, и его, наконец, услышали. Самое удивительное, что Верон даже пальцем не пошевелил, чтобы прекратить этот балаган, хотя обычно именно он представал в роли решателя конфликтов. Вероятно, он не желал рисковать, ведь, как говорил Иолай, Верон любит ощущение, что все под контролем, а если бы он не смог нас урезонить, это ударило бы по его самолюбию. Хотя Мара, полагаю, точно бы его послушала.

– Чего хватит? Она первая начала! – буркнул я.

– Тебе тысячи лет, а ведешь себя как ребенок, – ухмыльнулась Мара.

– Пожила бы с мое, так вообще бы головой тронулось, хотя, похоже, тебе не обязательно так долго жить.

На самом деле, у меня был период, когда я совсем не дружил с головой, и, похоже, это так слабо отличалось от моего нормального состояния, что мой исцеляющий фактор понял, что что-то не так, лишь где-то через месяц. По крайней мере, я надеюсь, что исцелен, а не продолжаю лежать в той психушке и видеть сны о моих фантастических приключениях в космосе, будучи обколотым мощными препаратами. Тогда, значит, и жизнь до психушки должна быть порождением воспаленного мозга? Надеюсь, что происходящее сей-

час – взаправду, а если нет... все равно продолжу жить на полную катушку. Нереальность мира – не повод поддаваться отчаянию.

– Мы, конечно, все на взводе, – заговорил Иолай, – но орать друга на друга не лучший выход.

– А что прикажешь делать?

– Придумывать план, – отрезал он, махнув он рукой, словно предыдущего плана и в помине не было.

– У тебя тоже машина времени в кармане?

– У меня... – внезапно громко сказал Костун, но тут же сжался в кресле.

– Что у тебя? Машина времени?

– Нет... План... Ну, то есть не план, а идея просто.

– У тебя? Идея? – фыркнула Мара.

– Пусть выскажется, раз уж у нас тут время высказываний мыслей невпопад, – махнул Иолай.

Все обратили взор на толстяка. Толстяк обратил взор в стол.

– Просто у меня есть связи... То есть были, пока все это...

– Мы поняли, продолжай.

Он прерывисто вздохнул и продолжил более уверенно:

– Так вот, в этой зоне у меня была пара корешей, которым я когда-то помог. Я могу попробовать договориться, чтобы нас пропустили. Мы сюда летали, когда перевозили некоторые грузы. Правда, у нас тогда была «Фисташка», а не... вот это вот, – он взмахом руки обвел комнату, в которой мы си-

дели. – Но, думаю, вряд ли кто заметит.

– Вот те на! – вскрикнул Иолай. – Пока вы тут выясняли, кто из вас умней, толстяк, то есть Костун, я имел в виду, придумал план! Кто бы мог подумать?

Толстяк, то есть Костун, даже выпрямился, выпятив грудь от гордости, хотя тут же ойкнул от пронзившей его боли в плече. Наконец-то ему удалось удачно воспользоваться своей суперсилой – деньгами и связями, ведь всем известно, что с помощью первого можно заручиться вторым.

– Это, конечно, хорошо, – наконец заговорил Верон, – но не надо забывать, что нас ищут по всей Вселенной...

– Не преувеличивай, – перебил черноглазого Иолай. – Нас пока не объявили во Вселенский розыск. Он зря времени в Юнинео не терял.

– Вот именно, что «пока». Это лишь вопрос времени, когда нас начнут искать во всех уголках мира; возможно, что неофициально как раз так и есть.

– Ладно-ладно, – поднял ладони Иолай, – ты прав.

– Поэтому, – продолжил Верон, – если Костун заявится вот так просто, его тут же схватят.

Толстяк снова слегка поник.

– Вот именно, – закивал Иолай. – Тем более, я до сих пор не доверяю этому толстосуму.

– Ты же его только что хвалил, – сказал Мара.

– Только из-за идеи, но не факт, что он это придумал не для того, чтобы нас сдать.

– Ты думаешь, он настолько умен?

Иолай призадумался, внимательно всматриваясь в Костуна. Не зная, подумал бы, что он его сканирует. Толстяк, естественно, это заметил:

– Не надо говорить так, что меня тут нет! – недовольно проговорил он.

– «Будто» меня тут нет, а не «что».

– Я так и сказал, – нахмурился толстяк. – Я ни кого не собираюсь предавать. Я понимаю, что в случае чего, мне тоже отбросят коньки.

Иолай открыл рот, чтобы что-то сказать, но Костун продолжил словесный поток:

– Я лишь хочу вернуть себе свою жизнь! У меня было все, а теперь я бегущий преступник!

– Беглый...

– Хотя особняка на той зеленой планете у меня не было, – чуть тише посетовал Косутн. – Но если все вернется в прежнее суло, я обязательно там что-нибудь прикуплю... Только без таких длинных коридоров.

Наступила тишина. Примерно через минуту ее прервал Верон:

– Ну что, – сказал он, – все согласны с идеей Костуна?

Никто не нашел доводов против.

Сенат местной зоны находился на одном из трех спутников довольно оживленной планеты, так как она считалась

центром этой зоны. Спутник был небольшим и находился ближе всех к планете; назывался он Кавитан. Чтобы на него попасть, необходимо было для начала пройти особый контроль.

Подлетев к одной из космических станций проверки, мы встали в очередь из желающих попасть на спутник. Помимо сената, на Кавитане располагались различные дома отдыха и развлекательные центры для среднего звена населения, а потому на спутник всегда пребывало много гостей, хотя они направлялись на другую сторону небесного тела, где и была развлекательная зона. Развлечение же для элиты находилось на самой планете, где было все, начиная с парков и заканчивая стриптиз-казино. Когда до нас дошла очередь, мы пристыковались к одной из контрольных станций, на которую нам указал сам Костун. Первым из корабля он и вышел, сразу направившийся в одно ему известное направление. Вместе с ним пошел один лишь Верон – единственный, кто выглядел наиболее презентабельно, да и имел за плечами большой опыт деловых переговоров. Чтобы его не узнали, он немного сменил прическу, что не особо изменило его образ, а черные с желтым глаза спрятал под линзами. Предстать перед работниками станции он решил под именем своего двоюродного брата, Эвриса.

Костун направился прямиком в отдел, отвечающий за контроль поставок товаров. Человека, который был его давнишним приятелем, он нашел в кабинете, который был под

стать сидящему там слушающему.

– О-о-о, – протянул тот, увидев на пороге старого знакомого. – Сколько лет, сколько зим!

– Яким! Чертяка!

Яким, как-то странно хихикая, вышел из-за стола, протирая его своим животом, и они по-дружески обнялись, от чего Костун чуть не взвыл, так как раненое плечо все еще давало о себе знать, затем начинающий сесть начальник станции вернулся в кресло, в котором ему было удобнее, чем стоя. Под его весом сидение опасно скрипнуло, но тот, явно к этому привычный, не обратил никакого внимания.

– Чего это с тобой? – поинтересовался он, указывая на перевязанную руку приятеля.

– Да вот, мышцу подтянул, – посетовал Костун, как всегда путая слова. – Мне посоветовали заняться спортом, а я, дурак, согласился. Вот и последствия.

– Спортом? – усмехнулся Яким, похлопав себя по выдающемуся мамону. – Наша жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на всякую несуразицу. – И снова захихикал. Смех его звучал противно и совсем не походил его образу. То есть дэ-бел, конечно, выглядел гадко, особенно если присмотреться к его сальной коже, но хихиканье противным было как-то по-своему.

– Да, ты прав.

– Перейдем к делу. Чем могу?

– Да вот, товар привез, – пояснил Костун.

– Привез? Сам? – удивился Яким. – Даже не помню, когда ты в последний раз тут бывал.

– Давненько, давненько, – согласился толстяк, покачивая головой. – Но тут особое дело, разреши представить. Эврис. Очень известный бизнесмен и политик в определенных кругах. – Костун показал на Верона. Толстяк, что удивительно, довольно хорошо выучил все, что ему нужно было знать об Эвресе. Хотя для этого пришлось немало потрудиться. Иногда медленная очередь может быть на руку.

– Как же, как же, слышал. – Яким встал из-за стола и пожал руку «Эврису». – Не очень много, конечно, но все же кое-что. Я Вас, если честно, представлял несколько иначе... Помельче, так сказать.

– Меня часто представляют несколько иначе, – с благоклонной улыбкой ответил Верон.

– И меня, знаете ли, тоже. – Яким хохотнул, отчего его толстый живот затрясся, как желе. – Тоже помельче. Но, как видите, работа у меня в основном сидячая, так что расту потихоньку, только не в том направлении. – Яким снова хохотнул и побарабанил по пузу. – Так что за товар и есть ли накладная?

– То-то и оно, – приуныл Костун. Актер из него был неважный, но и зритель вряд ли эстет. – Накладная наша куда-то запропастилась, потому мы к тебе и пришли. Господин Эврис привез несколько тонн деликатесов с дальних уголков Вселенной, а накладную делать времени нет, так как товар

скоропортящийся. Не сможешь, а? – заискивающе спросил толстяк, подобострастно скорчив физиономию. – Ты меня знаешь, в долгу не останусь.

– Так накладная потерялась или у вас ее и не было с самого начала из-за отсутствия времени ее сделать? – Яким, по всей видимости, умел подмечать детали, потому и сидел там, где сидел, пусть и выглядел пентюхом. Костун замялся, открывая и закрывая рот, не представляя, что сказать. Аж весь покраснел от волнения.

– И то и другое, – пришел на выручку Верон.

– Это как? – не понял Яким.

– Накладная была, но потерялась, а новую делать как раз времени и нет. Если Вы хорошо знакомы с Костуном, то знаете его манеру путать слова и перевирать предложения.

Способность выкручиваться из подобных ситуаций Верону позавидовал бы любой политик, однако самого Верона политика не интересовала вовсе, в отличие от его брата Эвриса, который как раз в этом неплохо преуспел, умело объединяя политическую карьеру и другие свои дела, зачастую незаконные.

– Знаю, знаю, – ответил Яким и слегка расслабился. Костун еще больше покраснел и покрылся испариной. – А что за товар хоть?

– Хороший товар, – наконец пересилил себя толстяк. – Качественный!

– Это-то понятно. А что именно везете?

Об этом тоже было заранее обговорено. Костун, не впервой занимающийся подобными перевозками, сам предложил то, в чем разбирался лучше всего. Верон же сначала был против, так как у Эвриса нет репутации торговца съестной продукцией, он другим занимается, однако Костун был непреклонен в своей узколобости, поэтому чему-то иному его научить было очень трудно, тем более за такой короткий срок. Поэтому использовали то, что было, надеясь, что этот приятель ничего не заподозрит.

– Колбасы всякие, из мерельского мяса, из коверна, поруги; мидии с Ферельского моря; хвостонogi из Мраньяны... Много чего. Если хочешь, мы покажем, побегаешь, посмотришь, проверишь, только там запах такой стоит, боже упasti, а духота такая, что свариться можно. Наша «Фисташка» к пятому отсеку пристыкована.

При словаx о запахе и духоте, Яким поежился в кресле, скривившись, и оттянул ворот рубахи.

– Не, бегать я там не хочу, мне и здесь неплохо, в просторном кабинете с кондиционером.

Немного помолчали.

– Так что, пропустишь? – подал наконец голос Костун. – А то ж там люди ждут.

– В долгу не останешься, говоришь? – прищурился Яким.

– Вот те зуб. – И Костун показал, будто этот зуб дает.

– Ну ладно, так уж и быть.

– Вот и договорились!

Яким быстренько что-то записал в компьютере, после чего распечатал бланк и отдал его гостям. На этот раз при прощании просто пожали руки.

– Ты зачем ему предложил проверить груз? – серьезно спросил Верон, когда они шли обратно по коридорам к кораблю. – А если бы он согласился?

– Не согласился бы, – ухмыльнулся Костун. – Я его давно знаю, он никогда не совершает лишних телодвижений, если это того не стоит. Он бы запыхался, не дойдя до корабля. А когда услышал, что там вонь и жара, так вообще выбросил эту мысль.

Костун был горд собой как никогда раньше, и выпятить грудь еще больше ему мешала лишь боль в плече. Вероятно, он считал, что отплатил сполна за тот звонок, из-за которого нас всех чуть не взорвали в особняке.

– Он мог усомниться, что весь наш товар не в холодильниках стынет, а на жаре греется.

– Но ведь не усомнился. Он, конечно, хитрый, но все равно глуповат.

– И он мог попросту вызвать охрану или патруль, – продолжал Верон. – Меня-то он не узнал, а вы с ним друзья.

– Во-первых, он не смотрит новости. Вообще. Слишком много негативных эмоций, как он говорит, хотя, я думаю, он просто не может... это, уследить за всем, о чем там говорят. Тормозит, в общем, поэтому предпочитает электронные га-

зеты, да и то почти все время уделяет кроссвордам. Во-вторых, не особо-то мы с ним и друзья, так, старые знакомые. И вообще, какие ко мне претензии? – сердито буркнул толстяк. – Вы же все сами согласились с этим рискованным планом.

– Да-да, ты прав. Извини, что накинулся.

Верон впервые вот так с чем-то согласился и извинился, и Костун даже притормозил, оторопев от услышанного, но потом ускорил шаг, вновь гордо выпятив грудь и безвольно улыбаясь сам себе.

Вернувшись на корабль, Верон и Костун коротко рассказали об итогах встречи, и мы, отстыковавшись, направились к Каветану, изображая безобидный грузовой корабль. Первый шаг пройден.

– Мы проникли на территорию сената, – сказала девушка, – дальше что? Просто ворвемся и схватим сенатора?

– Пока нас не раскусили, лучше действовать тихо и незаметно, – ответил Верон.

– Да-да, – подтвердил Костун, – все верно. На планете...

– Спутнике...

– ...есть специальная стоянка, недалеко от здания сената, где приземляются различные корабли, в том числе и грузовые. Допуск у нас есть, так что летим туда?

После такого успеха, Костун больше не казался зажатым и тихим, словно с него снялся весь груз вины за предыдущие проделки.

– А дальше что?

– Не знаю.

– Как не знаешь? Ты же говорил, что у тебя друзья в правительстве.

Костун вновь ссутулился, расстроенный, что его недавно хвалили, а теперь вновь ругают, и немного невнятно пробубнил:

– Ну... не совсем в правительстве... и не совсем прям уж друзья... В общем, это и был один из них.

– Приехали! – вскинул руками Иолай. – Мы-то думали, ты нас в здание сената проведешь.

– Я? – удивился толстяк. – Я же простой мелкий бизнесмен, у меня, конечно, есть связи, но это же правительство местной зоны! Откуда у меня тут друзья?

– Все летит коту под хвост! – всплеснул руками Иолай. Неужели он так сильно надеялся на Костуна? Даже сам Костун так на себя не надеется.

– Не горячись, – успокоил киборга Верон. – С самого начала было ясно, что ничего не будет идти так гладко, как бы нам того хотелось.

– Да? И что предлагаешь?

– Приземлимся на стоянку для кораблей, а дальше... Дальше нам придется немного задержаться. Снимем номер в гостинице, а лучше несколько номеров; разузнаем, что тут да как; выясним, можно ли найти сенатора где-либо, помимо здания правительства; а потом уже начнем действовать.

Чем больше времени мы теряем, тем больше все выходит из-под контроля. Даже будь у нас больше времени на подготовку, без информации нам бы все равно ничего не удалось придумать. Мы шли на ощупь, надеясь, что следующий шаг не станет для нас шагом в пропасть, а заодно и для всего человечества. Почва под ногами была неустойчивой, и надежда была лишь на удачу.

– Придется набраться терпения.

– Я знаю тут один прекрасный отель, – воодушевился Костун. – Вам точно там понравится! Зеленые луга, бассейн, джакузи в номерах, поля для гольфа...

– Нет, – тут же возразил Верон. – Там мы будет слишком заметны. Надо найти недорогой отель, а лучше – мотель, там и остановимся.

– Не получится, – возразил толстяк. – Я тут бывал не раз, и знаю, что таких тут нет. А если даже и есть, то они слишком далеко от центра.

– Это плохо, – вставил Иолай. – Если мы будем слишком далеко от сената, то у нас не будет шанса проследить за сенатором.

Верон помолчал, задумавшись, потом вздохнул и сказал:

– Что ж, господа... и дамы, раз уж у нас нет выбора, придется поселиться в дорогом отеле, как можно более близко к зданию сената, но для этого некоторым из нас придется одеться поприличней.

Все оглядели свою одежду. У Верона на вилле мы, кон-

чено, приоделись, но достаточно прилично выглядел лишь Верон, любящий строгий тип одежды, словно собрался жениться или идти на похороны, да Костун, который считал, что в пиджачке и брюках он выглядит выше, стройнее и просто привлекательнее, а главное – состоятельнее. Конечно, он был не прав.

– Не, ну а что? – пожал я плечами, оглядывая свои джинсы и рубашку с закатанными рукавами – самое подходящее, что я нашел в гардеробе. – Кто ж знал, что нам придется выходить в люди? Мы... большинство из нас, – поправился я, – одели удобную одежду.

– Никогда не находил джинсы удобными, – протянул Верон.

– На вкус и цвет все фломастеры разные.

– Опять ты говоришь непонятные вещи.

– Что поделать, – развел я руками.

Переодевшись в более подобающую одежду, не понятно как оказавшуюся в небольших шкафчиках, которые присутствовали в наших каютах, мы собрались в главной комнате, находящейся сразу за командной рубкой. Одежда подошла не всем: Йолаю пиджак был немного великоват, а брюки пришлось подогнуть снизу; мне же пиджак оказался немного мал, из-за чего приходилось ходить по стойке смирно, в противном случае, рукава лезли вверх, а ткань на спине опасно натягивалась, рискуя лопнуть, хотя брюки подошли почти идеально. На девушке же было черно-синее полуофициаль-

ное платье до колен с такого же цвета ремешком.

– Один вопрос, – поднял я палец. – Откуда у тебя на корабле женская одежда?

– Это не совсем мой корабль, им обычно пользовался мой брат.

– Опять все на брата сваливаешь.

– У нас есть проблема поважней, – перебил нас Иолай. – Что будем делать с внешностью? Нас же сразу узнают, как только мы спустимся по трапу с корабля. Ты-то замаскировался, – повернулся он к Верону. – И легенда у тебя хорошая. А мы?

Больше всего выделялся я, как самый разыскиваемый, Иолай, торчащие волосы которого ни с чем не спутаешь, и Мара, чья внешность так ил иначе привлекала внимание, особенно мужское. Верон мог притворяться своим братом, а Костун так вообще был дэбелом, которых одного от другого отличить можно было разве что по размеру пуза и залысине, да и то, если поставить одного к другому для сравнения.

– Я знаю дешевый вид маскировки, – подал я голос.

– И какой же?

– Удар с левой, удар с правой – и вместо лица сплошной фингал! Хрен кто узнает!

– Нашел время шутить, – сердито заговорила Мара. – Себе тоже фингал поставишь?

– На мне все быстро заживает, так что не прокатит, – театрально вздохнул я.

– Качество видео оставляло желать лучше, – вновь заговорил Иолай, – так что нас могут и не узнать, если не знакомы с нами лично. Представимся другими именами и все.

Если, конечно, у них нет наших фото в хорошем качестве. Опять же, из всех присутствующих самыми известными были я и, вероятно, Верон, который наверняка не раз засветился в газетах и на телевидении, как и любой другой человек с большим кошельком.

– Это тоже вариант, но что-нибудь изменить во внешности тоже не помешает.

– Например?

– Мара может сбрить волосы.

– Нет! – хором запротестовали девушка и я.

Девушка удивленно уставилась на меня:

– Тебе-то какое дело?

– Мне просто нравятся длинные волосы.

– А что ж себе такие не отрастишь?

– А как мне ими любоваться на себе? Зеркало что ли постоянно с собой таскать?

– Это уж как хочешь, – фыркнула она, поправляя волосы.

– Ладно, – вздохнул черноглазый. – Волосы можно и не отрезать, просто сделай какую-нибудь прическу, чтобы волосы были не прямыми, или лучше перекрасься.

– Сменю прическу, – согласилась Мара и грациозной походкой ушла к себе в каюту, пару раз тряхнув своей шевелюрой. Лично я обратил внимание не на это.

У остальных волосы были короткими, так что больше никому нельзя было обойтись малой жертвой. Хотя среди нас самые длинные волосы были у Июлая.

– Хорошо. Костуну можно ничего не менять: все дэбелы похожи друг на друга, так что вряд ли его кто-то узнает.

– Ничего мы не похожи, – буркнул толстяк.

– Ты... – обратился Верон к Июлаю.

– Могу приклеить усы! – отозвался тот.

– А они у тебя есть?

– Нет, но я могу с подмышек волосы сбрить.

– Хватит паясничать и... уложи волосы.

Я так и подумал, что он ему это предложит. Другой вариант – сбрить их полностью, но лысым он бы наоборот привлек больше внимания.

– Фу, ненавижу укладывать волосы, – недовольно проворчал киборг.

– Давай-давай.

Июлай недовольно побрел к себе в каюту, на ходу пытаюсь руками пригладить волосы, но они упорно продолжали торчать, словно иголки у ежа. Спутанные иголки.

– А тебе я даже не знаю, что посоветовать, – повернулся он ко мне. – У них наверняка есть твоя четкая фотография, так что простой сменой прически не обойдешься.

– Надо раздобыть трансфэйсер.

Удобная штука для смены внешности, но запрещена практически во всей Вселенной. Я пользовался им пару раз, но

куда удобнее носить маску. Тем более некоторая аппаратура способна распознать это устройство, да и просто руками можно нащупать, что лицо ненастоящее.

– И где мы его возьмем?

– Ты забыл? Мы находимся на космическом теле, куда ежедневно прилетают тысячи людей, и многие из них – торговцы.

– Официально трансфэйсеры запрещены, – покачал Верон головой. Нашел время говорить о законах. Поживи он хоть с месяц моей жизнью, ничему бы уже не стал удивляться. Иногда в подполье появляются такие игрушки, о каких никто и слыхом не слыхивал, а если и слышал, то считал выдумкой.

– Мы тоже не очень законны сейчас, – напомнил я ему, – но ведь проникли сюда без особых проблем.

– Да, наверно, ты прав. Можно найти контрабандистов, у них точно должно быть подобное устройство. Но где?..

– Если вам нужны контрабандисты, – перебил Верона Костун, – то я могу помочь. Я тут хоть и не часто бывал, да и то довольно давно, но помню, где их можно найти.

– Их давно могли уже разогнать, – усомнился гераклид.

– Это вряд ли, – усмехнулся толстяк. – Эти чинуши даже и думать не хотят, что прямо у них под боком сидят самые настоящие отпетые преступники.

Потому что они сами не далеко ушли.

– То есть они не знают о них?

– Знать-то знают, – заговорил я, не дав открыть рот Костуну, того и гляди, еще зазнается и командовать тут начнет, а я знаю о преступном мире куда больше, чем он, – но ничего не делают, потому что если начнут, то всплывет наружу, что эти контрабандисты и другие преступники сидели так долго прямо перед носом, а их поймали только сейчас.

– Получается довольно иронично, – задумчиво произнес Верон. – Чем дольше не ловят этих преступников, тем меньше резона их ловить. Но при этом правительство сидит на пороховой бочке, и если эти бандиты чего-нибудь натворят и их заметят, то правительству достанется еще больше. – Верон усмехнулся. Костун, судя по всему, почти ничего не понял, но ответил:

– Так и есть.

На этих словах вернулась Мара, превратив свои длинные черные волосы в причудливый пучок, закрепив его какой-то тонкой иглой. Еще через пол минуты вернулся Иолай, зачесавший свои обычно торчащие волосы набок и сделавший пробор, при этом обильно намазав их каким-то специально предназначенным для этого кремом, чтобы волосы вновь не встали шипами. Прическа ему совсем не шла, делая его каким-то смурным и как будто прибавляя годы.

– О чем болтаете? – поинтересовалась девушка.

– Хотим достать трансфэйсер, а то я слишком узнаваемая персона, – ответил я.

– А здесь такие бывают? – удивился Иолай. Ему тоже

показалось странным, что на спутнике, где находится сенат местного правительства, творится беззаконие. Пусть не в самой столице, но все же.

– Это мы и хотим выяснить. Костун обещал отвести нас к местным, которые этим заправляют.

– Я не обещал, – быстро проговорил тот.

– Но отведешь, – тоном, не терпящим возражений, отрезал Верон.

Костун лишь печально вздохнул, снова смиряясь со своей нелегкой долей. Похоже, его везение ограничивается лишь способностью выживать.

– Может, тогда и всем их возьмем? – оживился Иолай, невольно приглаживая челку, которую он уже успел возненавидеть. Удивительно, что он не возмещает свою злость на Вероне, который и приказал ему сменить прическу.

– Как получится, – отозвался Верон. – Но для начала надо решить, кто отправится с Костуном.

– А мы разве не все вместе пойдем? – удивилась девушка. Она, как и Иолай, то и дело тянула руку к своей новой прическе, словно не веря в новую форму своих волос. Прическе не то чтобы ей не шла, просто была непривычна глазу.

– Нам нужно еще найти комнаты в отеле, поближе к сенату.

– А, точно.

– С Костуном пойду я, – сказал я. – Я лучше всех тут присутствующих знаю подпольный мир.

Мара взглянула на меня так, словно собиралась это оспорить, но передумала. Возможно, она вспомнила о моем возрасте.

– Разумно, – согласился Верон.

– Ты, – обратился я к Верону, – пойдешь искать номера, так как у тебя есть более-менее достоверная легенда, и ты имеешь достаточно для этого денег. Остальные пусть идут с тобой.

– Лучше возьми с собой еще кого-нибудь.

– Зачем?

– Я, как ты и сказал, хорошо загримирован, а вот остальные не очень, поэтому их могут опознать, особенно если будет сразу двое.

Там, куда мы собирались, нужно было идти либо меньшей компанией, чтобы не привлекать внимание, либо очень большой, чтобы ни у кого не возникло мысли поживиться. Лучше всего мне было идти туда одному: и внимания меньше, и никто мне все равно ничего сделать не сможет, но тогда бы мне пришлось спрашивать дорогу у местных, которые как минимум заведут тебя в темный переулок. Мне так и недели не хватит, чтобы найти искомое. Одного Костуна я как-нибудь сумею защитить, а если нет, – не жалко. Но еще одного...

– Ладно. Тогда я возьму девушку, а ты оставайся с телохранителем. Так будет меньше подозрений.

– Согласен.

Мне было бы лучше взять Июлая, он как-никак киборг, но

тогда будет странно, что богатый бизнесмен снимает комнату в дорогой гостинице вместе с какой-то девушкой. Слишком много лишнего внимания.

– Я так понимаю, демократия у нас не в чести? – фыркнула Мара. – Распределяете, как рабов на рынке: этот тебе, а этот мне.

– Вот-вот, – кивнул Иолай.

Оба, судя по всему, не поняли, почему мы решили разделиться именно так.

– А вы что, хотите распределиться по-другому?

– Нет, – хором отозвались они. – Но могли бы и нас спросить, ради приличия, – добавил киборг.

– Не хотели тратить время, если и так все было понятно. И сейчас не будем.

Мне и Маре пришлось переодеться в более удобную одежду, хотя Костуна пришлось переубеждать сменить его дурацкий костюм на что-нибудь более невзрачное. Я накинул сверху грязно-серый плащ с капюшоном, который видел в шкафу раньше, и вернулся обратно, через несколько минут подошла и девушка. После этого мы молча выбрались из корабля и разошлись каждый по своим делам. День обещал быть долгим.

Место, в котором мы оказались, отъехав буквально пару десятков километров от города, в котором и располагался сенат, мало чем отличалось от подворотен Дородата – горо-

да, где меня и нанял тот волосатик вирус, – хотя иногда и казалось, что тут хуже, ибо отсутствовал даже местный аналог полиции, пытающийся хоть как-то поддерживать хрупкий порядок. Многие люди спали прямо на улице под стенами жутко обветшалых домов, некоторые из которых были без окон, а воняло так, что и бомжам Дородата и не снилось. Ирония заключалась в том, что этот злачный «городок» отбросов общества, как и несколько других подобных пристанищ по всему спутнику, был обнесен толстой десятиметровой стеной. На ней с внешней стороны было нарисовано яркое голубое небо и неестественно зеленая трава под ним, как на планете, где мы не так давно гостили на вилле брата Верона. Стена во многих местах была в заплатках из железа и даже дерева, на которых также располагался этот приторный рисунок, будто он сам собой проступал каждый раз, когда чинили очередную пробоину в стене. Заплатки выглядели уродливо, но с расстояния их рассмотреть было невозможно, а вряд ли кто из высшего класса, да и вообще из нормальных людей, приближался к поселению ближе, чем на километр. Верхний край стен давным-давно осыпался и разрушался от времени и погоды, открывая взору торчащие металлические прутья, что никак не мешало там находиться вооруженным людям бандитской наружности. Автобус, идущий по ближайшему маршруту, высадил нас в полутора километрах, и остаток пути нам пришлось идти пешком.

Главные ворота города были примерно пяти метров в вы-

соту и открывались вверх, хотя, судя по всему, они почти всегда были открыты, как бы завлекая всех желающих посетить внутренности. Торчащие над головой острые колья ворот, которые должны были вонзаться в землю при закрытии, были похожи на страшные гнилые зубы, напоминая всем входящим о том, что это не мирный городок, несмотря на рисунок на стене, а смертельно опасное место. Когда мы проходили мимо татуированной толпы на входе, нас внимательно осмотрели, но лишь глазами, особенно привлекательную девушку.

Чтобы никто не принял нас за богачей, Маре пришлось сменить свое строгое черное платье на простые шерстяные брюки и легкую куртку поверх кофты; Костун же поменял брюки и пиджак на светло-болотного цвета штаны и толстую рубашку в клеточку, – вкуса у него совсем не было, и это одна из причин, почему он постоянно ходил в неприятном костюме, который должен был говорить о его недостатке. Я же все еще был в плаще с капюшоном, который снял, лишь перейдя за стену, оставшись в короткой серой куртке из хлопка. На улице не было так уж прохладно, но к вечеру все могло измениться.

У нас с собой была большая сумка, заполненная оружием, найденном на корабле. Это было очень кстати, так как автоматы, что мы забрали у лже-патрульных на красной планете, остались в «тарелке». Верон не говорил, откуда оружие, да мы и не спрашивали, но его брат точно не какой-то там

простой бизнесмен.

В сумке было все, кроме моего любимого вакугана, который я все время носил с собой. Войдя в город, каждый взял по автомату, хотя Костуну из-за роста и телосложения пришлось взять компактный аналог ўзи, теперь болтавшийся у него на шее, словно детская погремушка. В городе за стеной царило беззаконие, так что на нас не обратили бы внимание, даже будь мы на танке; наоборот, мы бы больше бросались в глаза, оставшись с голыми руками.

– И куда нам теперь? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

– Не знаю, – пожал плечами Костун.

– Ты же здесь бывал.

– Бывал, но я обычно барыжил товаром с истекшим сроком годности, а не покупал высокотехнические приборы. Я еще на входе от товара избавлялся.

– Понятно, – скривился я. Опять.

Костун, судя по виду, за собой вины не чувствовал, даже был горд. Провез нас на спутник и привел в самый значный район всего Кавитана, судя по всему, для него это было настоящим достижением героя, а герои требуют почести и особого к себе отношения. Город не был таким уж тайным местом, мы бы и без него нашли эту помойку, зато на контрольной станции нам бы пришлось провозиться дольше, но мы бы все равно справились и без него. Только он сам так не считал.

– Опять ты указываешь нам направление, а остальное должны делать мы, – раздраженно сказала Мара.

– Без меня вы бы вообще этого места не нашли... Или бы долго искали, а я сразу вас сюда привел. Могли бы быть благодарны! – вспыхнул Костун.

– Я заметил, что ты часто такой смиренный и тихий, а бывает как начнешь рывкать ни с того ни с сего. Чего это ты?

– Ничего.

– Верона побаиваешься? Так я тебе скажу, что он не единственный, кого тебе стоит опасаться, – серьезно добавил я. Костун, все еще хмурясь, молча отвернулся.

Спорить было можно до бесконечности, но нам срочно нужно было раздобыть трансфэйсер.

– Но не ходить же по этим грязным улочкам и спрашивать у прохожих, где можно купить эту штуку? За такие расспросы можно и ножичком в печень получить. Не все здесь такие неуязвимые.

– Вот именно, Мара, потому и не ори об этом на всю улицу.

Чтобы не начинать очередной спор, я пошел вперед, следуя инстинкту.

Дома по обеим сторонам улицы вообще непонятно как стояли, ибо были стары как мир, а в некоторых местах даже отсутствовали части стен, открывая обзор на внутреннее убранство квартир. Зато было заметно, что чем дальше мы

углублялись, тем чище было вокруг, и начали даже появляться дома с застекленными окнами, хотя стекла на вид были бронированными, но даже при этом их покрывали трещины и следы от пуль. Стрельба, кстати, часто была слышна где-то вдалеке, особенно у окраины городка, откуда мы уходили.

Примерно через четверть часа в городском лабиринте мы заблудились окончательно. Прямая улица могла быть заставлена сгоревшими ржавыми машинами, поставленными друг на друга и смятыми, из-за чего эту стену приходилось обходить, но не успей мы зайти за очередной угол, как видели похожую картину: стояли автомобили, холодильники, телевизоры, кровати и даже рояли с медицинским оборудованием. Обычно возле таких преград дежурило не менее десятка вооруженных головорезов.

– Может, спросим у них? – предложил Костун, когда мы в очередной раз уткнулись в стену из мусора. – Я уже устал тут бегать.

– Я думаю об этом последние десять минут, но как-то не нахожу здесь никого с достаточно интеллигентной физиономией. Будь я один, давно бы уже прикопался к кому-нибудь.

Будь я здесь один, все в городе знали бы о моем присутствии.

– Волнуешься за наши жизни? – язвительно спросила Мара.

– Не хочу тащить на собственном горбу два трупа.

Проходив по лабиринту еще минут двадцать, мы наткну-

лись на подобие бара.

– О, бар! Люблю бары.

– Точно! Можно спросить у бармена.

– И я о том же! Нет ничего, чего бы ни знал бармен.

Бар оказался на удивление чистым и целым, видимо, бар в здешних местах почитался неприкосновенной святыней, а кто будет устраивать разборки и палить из оружия в святом-то месте? Оружие, правда, нам пришлось сдать на входе, что с одной стороны хорошо, – никто не пристрелит, а с другой – они забрали даже мой вакуган. Самый меньший из охранников, отличающийся тремя глазами (когда-то их было четыре) очень уж любовался моим оружием, что не сулило ничего хорошего.

– Вот скотина! – выпалила Мара, едва мы вошли внутрь, что стянуло все внимание завсегдатаев на нас. – Всю меня облапал.

– И меня, – поддержал девушку Костун. Взгляд Мары надо было видеть.

По проторенной дорожке мы направились напрямиком к барной стойке, за которой стоял очередной лысый бугай человеческого вида с татуировкой на черепе в виде... черепа. Что примечательно, на стене позади бармена, где обычно размещался весь имеющийся алкоголь, была пустая черная стена.

– Виски, – попросил я.

– Мартини, – заказала Мара.

– Водки, – сказал Костун.

– Виски и мартини нет, – ответил здоровяк бармен низким голосом. Смотрел он на нас с подозрением, словно пытаюсь вспомнить, видел ли он нашу троицу раньше, и не мог. Не считая меня, остальные совсем не походили на жителей этого города, из-за чего нашу компанию можно было принять за заблудившихся туристов, только фотоаппаратов не хватало на шее.

– А что есть?

– Водка, ром и бренди.

– Тогда мне ром, – согласился я.

– А сок у вас есть? – спросила Мара.

– Да.

– Тогда мне водки и томатный сок.

– Есть только апельсиновый.

– Ладно, давайте, – вздохнула девушка так, словно ей не оставили выбора, хотя могла бы вообще не пить.

Бармен удалился за бронированную дверь и вернулся через две минуты с подносом, на котором стояли стаканы, после чего сразу же удалился, но на этот раз за другую дверь, не менее крепкую, чем первая.

– Так себе бар-то.

– А ты чего хотела? Это же помойка.

Отпив каждый свой напиток, я и Мара скривились. Костун же выпил залпом водку и закусил орешком, только ах-

нув от наслаждения. Налей ему туда дешевых духов, он бы не заметил.

– И кто это ромом вообще называет? – Я поставил недопитый стакан на стойку. Мара последовала моему примеру. Ее апельсиновый сок оказался с мякотью.

– Вы на них только посмотрите! – С протертого барного стула встал, пошатываясь, один из посетителей с беззубым ртом, из которого адски воняло даже отсюда. – Кажется, этим цацам не нравится здешнее пойло! – прокричал он пьяный голосом, чтобы его слышали все в баре.

– А мне понравилось, – тут же начал оправдываться Костун, но на него, похоже, никто даже не обратил внимания.

Из-за столов встало еще несколько завсегдатаев недружелюбной наружности. Некоторые покинули бар вообще, да так быстро, что забыли допить то, что оставалось у них в мутных стаканах.

– Будто вас сюда кто-то силками затаскивал, – продолжал беззубый.

– Мы не говорим, что пойло здесь плохое, – начал я, – просто мы его еще не распробовали.

Аргумент оказался слабым. В данном случае любой аргумент не возымел бы эффекта. Ситуация накалялась.

– Ха! – выдохнул перегаром и гнильем беззубый. – Да кто вам после таких слов еще наливать-то будет, чтобы вы его распробовали?

– Что? Не нравится? – с издевкой спросил один из встав-

ших. – Вам мартины да текилы подавай?

– Вы вообще кто такие? – спросил детина с клыкастыми зубами и тупыми свинячьими глазками. – Я вас здесь раньше не видал.

Остальные поддакнули, словно свинорылый сказал что-то прям совсем заумное. Если бы они видели нас, точнее меня, здесь раньше, то вообще не вставали бы со своих мест, разве только чтобы убраться подальше, и сидели бы тише мертвеца.

– Мы здесь просто кое-что ищем. Мы не хотим неприятностей.

– Неприятностей? А кто говорил про неприятности? А вы хотите неприятностей?

Меня достала эта тупость. Я действительно не хотел неприятностей, но моего мнения никто не спрашивал. Точнее спрашивал, но вопрос, казалось, был риторическим, хотя вряд ли кто-то из присутствующих знал значение этого слова. Я мог бы попытаться решить все мирным путем, но иногда так бывает, что точка невозврата преодолевается раньше, чем ты о ней вспоминаешь.

– А вы? – спросил я, прищурившись.

Все даже на миг замолчали. Иногда я умею производить впечатление.

– Ты чего, парень? Ты чего борзый такой?

Но зачастую это впечатление оказывается паршивым.

– Кто? Я? Да не в жизнь! Я просто пытаюсь соответство-

вать местному микроклимату. Если тут все говорят, как отшибленные, то почему я так не могу?

– Это ты щас чо, нас оскорбил, типа?

– Типа соответствую обстановке, – ответил я. Я говорил спокойно и вкрадчиво, даже холодно, можно сказать, и если выключить звук, я бы походил на какого-нибудь заправского учителя, пытающегося разъяснить несмышленным детишкам, что не надо вести себя плохо.

– Не надо, – тихо прошипела сквозь зубы Мара, дергая меня за куртку. – Ты чего творишь?

– Все под контролем, – ответил я также тихо, не поворачивая головы.

– Вы чего там шушукаетесь со своей шалашовкой?

– Сам ты шала... – рявкнула Мара, словно и не пыталась меня самого образумить. – Как ты там сказал, вот ты он и есть.

Все громко рассмеялись. Кроме этого типá.

– Ты чего, сучка, давно не получала? – проорал он. Если бы он себя еще и в грудь ударил, был бы точной копией гориллы в брачный период.

– Да че мы с ними разговариваем? Валите уродов.

И толпа разъяренных пьяных мужиков ринулась на нас с кулаками. Стулья и столы были привинчены к полу.

Ожидая такого поворота, я, схватив левой рукой Костуна, а правой – Мару, перекинул их назад за стойку бара, после чего обеими руками перехватил летящий мне в лицо ку-

лак, заломал руку и нанес сильный удар открытой ладонью в грудь нападавшего. Он отлетел, сбивая остальных с ног, а затем началась настоящая куча-мала, причем дрались все и со всеми. В драке не было две или три стороны, как обычно бывает, – тут каждый был сам за себя. Полетели бутылки, стаканы, особо сильным даже удалось оторвать пару стульев, которые тоже пошли в дело. Бармен, по всей видимости, предвидел такой исход событий, потому и свалил заранее.

Будучи эпицентром потасовки, я, естественно, был главной целью разошедшихся не на шутку драчунов. Тот мужик с клыкастыми зубами и сероватой кожей, который раньше меня тут не видел, каким-то образом водрузил свое огромное тело на стойку и прыгнул оттуда на меня. Удар с разворота отправил его в обратный полет в жесткую стену, где, по идеи, должны были быть бутылки с алкоголем. Из-за стойки слышалось испуганное и удивленное «Эй!». Маре и Костуну не понравился подарок, а потому они не давали ему прийти в себя, добивая ножками от стула, прилетевшими к ним ранее.

Беззубого худосочного мужичка я заметил выбегающим за двойные двери бара. Вот сволочь, подумал я, но преследовать его не стал. Отбившись еще от пятерки драчунов, у двоих из которых оказались запрещенные тут ножи, я услышал голос за спиной. Обернувшись, чтобы отразить нападение, я увидел Мару, активными жестами зовущую меня за ту сторону стойки.

Подняв над головой ближайшего завсегдагая бара, я швырнул его в толпу, сбивая очередную порцию обидчиков, нацелившихся на меня, и под общую неразбериху быстро и незаметно юркнул за стойку.

– Я немного занят, если ты не заметила. А где Костун? – удивился я.

– Об этом и говорю. Пошли. – Она показала на дверь, за которой не так давно скрылся бармен, и которая была едва заметно приоткрыта. Добравшись до нее на четвереньках, Мара быстренько забежала внутрь; я последовал ее примеру.

– Быстро, быстро!

Дверь тихо закрылась.

– Ну, ничего так, – присвистнул я.

Мы оказались в удивительно ухоженной небольшой комнате. Посреди нее стоял маленький, практически журнальный столик, а по двум сторонам находилось два красных дивана, за спинкой одного из которых на стене висел телевизор, а за другим стояли компьютеры и три экрана, выводящие изображения с камер, установленных в самом баре и снаружи. Стены комнаты тоже были красными с золотом. На противоположной от двери стене находился декоративный камин, над которым висела картина в золотой раме с изображением странной человекоподобной красной птицы, голову которой покрывала довольно специфическая корона, выделяющаяся беспросветно-черным.

– Добро пожаловать, – проговорил бармен все тем же низ-

ким басом. – Меня зовут Машая.

– Неплохо обжился, – одобрительно кивнул я. – Не думал, что в подобном месте может быть такое.

– Мне необходимо это помещение. – Бармен говорил отрывисто и делал небольшие паузы между предложениями, словно обдумывая следующее. – У нас часто драки, так что мне приходится прятаться.

Несмотря на свои размеры, этот Машая понимал, что даже ему не справиться с толпой разъяренных выпивох. На входе стояло трое охранников, двое из которых были даже больше бармена, которые, может, и утихомирили бы толпу, но и самим им досталось бы не мало, поэтому такой вариант как спрятаться и просто переждать бурю не казался таким уж зазорным поступком, пусть бар и придется потом восстанавливать.

– А чего ж ты сразу не предупредил, – зло налетела на него девушка, – что затевается драка, а просто сбежал к себе в комнату?

– Я в чужие дела стараюсь не вмешиваться, – поднял бармен ладони, словно защищаясь. – Если бы я вас предупредил, мне бы весь бар разнесли.

– А сейчас, типа, не разносят?

На камерах драка все еще продолжалась, хотя из девяти камер работало лишь семь, три из которых освещали улицу вокруг бара. Дрались уже не так активно – судя по всему, сказывалось отсутствие главных виновников торжества, – но

некоторым просто хотелось почесать кулаки.

– Они там между собой дерутся – махнул рукой Машая, – а не целенаправленно рушат мой бар. Не впервой. У меня в подвале десятки запасных столов и стульев. А стены, пол и даже потолок обделаны толстым слоем железа, и только сверху дерево и немного пластмассы. Но если бы они захотели, взорвали бы все здание, а так не трогают.

Значит, все не так гладко, как я думал. Пусть бар и был святыней, прихожане святыми не являлись.

– Так вот почему у тебя так чисто: ты после каждой потасовки новую мебель ставишь.

– Да. И новые доски на стене и полу.

Должно быть, и цены у него соответствующие, чтобы хватало на ремонт, но мы так и не успели расплатиться, а напомянуть ему об этом никто не хотел. С деньгами у нас особых проблем не было, Верон использовал заначку из особняка и где-то раздобыл пару банковских карт на имя брата, но даже так, платить за то пойло совсем не хотелось.

– Понятно, – протянул я. – И все же эта комнатка не очень соответствует местному колориту.

– А мне нравится, – подал голос Костун, развалившийся на диване и любующийся на драку в баре через мониторы напротив, попивая какой-то коктейль через трубочку. Вот уж кто-то точно о деньгах не думает.

– Кто бы сомневался, – съязвила девушка. Костун лишь пожал плечами, он явно был пьян.

– Я думал, ты тут коктейли не подаешь.

– Для себя я делаю исключения, – улыбнулся Машая желтозубой улыбкой. – Ну и для гостей, естественно.

– Как раз об этом, — сказал я, – почему ты нам помог?

– Да сам не знаю, – пожал бармен могучими плечами. – Сначала думал не вмешиваться, но потом увидел, что ты раскидываешь этих бандитов, словно они котята слепые, решил выручить... их.

Девушка прыснула. А их и правда надо было выручать, лично я старался никого не убивать, но продолжись драка чуть дольше, и мне бы просто надоело награждать их одними лишь синяками да сломанными костями. Будь я один...

– Я ведь их знаю, – продолжил Машая, – девять из десяти состоят в какой-нибудь местной банде. Если ты их так будешь метелить, они же и подмогу позвать могут. Тогда моему бару точно кранты. А если тебя там не будем, они подерутся немного между собой да разойдутся.

– Логично. Тогда еще один вопрос: почему все красное?

Не то чтобы мне не нравилось, просто цвет слишком бросался в глаза и совсем не шел могучему образу Машаи, словно здесь приложил руку какой-нибудь сутенер.

– Да это не важно. – Бармен потупился. – Вас это не касается.

– В смысле? – спросила девушка, но Машая ее как будто не услышал.

– Я слышал, – начал он, сменив тему, – что вы что-то тут

ищите? Возможно, я смогу вам помочь.

– Нам нужен кое-какой прибор, – ответил я.

– Тогда я точно смогу помочь.

– Ты барыжишь техникой?

– Нет. Но я знаю, кто барыжит.

Посидев в небольшом кабинетике еще с полчаса и дождавшись полного окончания драки за бокалами непривычного для этого места вина (Костуну мы больше пить не давали), мы вышли наружу.

– Ты бы сделал, что ли, черный выход, – сказал я бармену, – а то так застрянешь внутри и не выберешься.

– Да я хотел, но все никак времени не найду.

– Понимаю, – сочувственно сказал я, оценивая последствия потасовки. – Все время уходит на починку зала. Маша вздохнул и понуро кивнул.

Все столы без исключения оказались поломаны, даже при условии, что были привинчены к – как оказалось – металлическому полу; от многих стульев вообще остались одни щепки; стекла от стаканов и бутылок снегом хрустели под ногами. Окна в баре отсутствовали, ибо были заварены давным-давно, потому о них можно было не волноваться. На полу валялось три тела, которых так сразу и не определишь – мертвы ли они или просто без сознания.

– Слушай, – сказал я задумчиво, – а ты не думал поставить железные столы и стулья?

– Не думал, – честно признался Машая после недолгого обдумывания. – И как я раньше не додумался. – Бармен ударил себя по лбу здоровенной ладошкой. – Вот я тупица!

– Не кори себя, – похлопал я его по плечу, – со всеми бывает.

Машая стоял, что-то бормоча о своей глупости и качая лысой головой с татуировкой черепа. Словно я ему целый невиданный ранее мир открыл.

– Так что, – невнятно пробубнил Костун, все еще не протрезвев, – валим?

– Да-да, – спохватился Машая, прекратив себя ругать. – Сейчас только тела пусть вынесут из бара.

– Кто вынесет?

Вместо ответа, Машая пронзительно свистнул, и в ту же секунду в двери появились два лысых охранника, стоявшие на входе и жутко друг на друга похожие. За ними появился трехглазый (бывший четырехглазый), выделяющийся на их фоне и ростом, и комплекцией, и, естественное внешностью. Выделялся он отрицательно.

– Задолбал постоянно свистеть, – проворчал он. – Как собаку зовешь.

– Я их зову, а ты вот сам приходишь.

– А куда я денусь? Я на улице один оставаться не хочу, я ж не робот какой-нибудь.

– Робот? – спросила девушка.

– Да, – ответил Машая. – Эти двое, – он указал на двоих

похожих охранников, – роботы. Выиграл их когда-то в карты у одного богатого лоха. Все вокруг знают, что это роботы, потому и не жалуются, когда их просят оставить оружие снаружи.

– Круто! – кивнул Костун. Он осматривал двух громил взглядом знатока, но явно таковым не являлся, потому что боялся подойти к ним ближе, чем на четыре метра. Если роботы не запрограммированы убивать всех подряд, то их хоть глубиной бей, они ничего не сделают.

– Выбросьте этих наружу, – указал бармен на трех валяющихся на полу.

Роботы взялись за работу.

– А ты чего стоишь?

– Я? – ткнул себя пальцем в грудь трехглазый. – А что я?

Пусть роботы работают.

– Может, тогда пусть роботы и зарплату твою будут получать? Давай-давай, тела три и вас трое – работай!

– Работай, – передразнил бармена трехглазый. – Работаю, работаю. – И он начал неспешно и неохотно выносить тело за ноги из бара, бубня что-то про маленькую зарплату, чертовых роботов и никчемных начальников. Тело он тащил, совершенно не заботясь, жив клиента или нет.

– Работничек, – покачал Маша головой, когда трехглазый вышел за двери.

– А зачем он тебе, если у тебя аж два робота?

– Так у роботов же мозгов нема, – стукнул себя по голове

бармен. – Вот Самта и присматривает, чтобы тех не перекоротило. Да и так, на всякий случай. Тут же и поговорить не с кем-то, а с роботами только на двоичном коде и о двоичном же коде говорить и можно.

– Так если тебе здесь так не нравится, почему не свалишь?

– Дела у меня кое-какие есть, – многозначительно ответил Машая, немного помолчав.

Через несколько минут вернулись роботы, а за ними и трехглазый, тяжело дыша, словно он лично вытащил всех троих.

– Чертовы роботы, – ругнулся он. – Оставили мне самого тяжелого.

– Так вместо того, чтобы стоять и смотреть, надо было первым выбрать, кого выносить.

– Отвали, а, – огрызнулся он.

По выражению лица Машаи ничего нельзя было понять, зол он или нет. Судя по всему, он уже привык к такому поведению своего работника, а потому практически не реагировал на его замечания. Я бы так не смог, я бы в первый день показал, кто тут главный, у меня бы этот трехглазый работал больше роботов. Таких нужно сразу ставить на место, а то потом присосутся как пиявки, не оторвешь.

– Так, ладно, – хлопнул Машая в ладоши, – мы идем к моему знакомому. А ты? – обратился он к Самте. – С нами пойдешь или охранять останешься? Одного робота я оставлю.

– Зачем тебе с нами-то идти? – спросил я. – Сказал бы

дорогу к барыге да и разбежались бы. Тебе еще бар восстанавливать.

– Тут такой лабиринт, что вы его и за неделю не найдете. Да мне и самому к нему надо наведаться. Вопрос один появился.

– Как скажешь.

Вопрос у него появился. Даже и гадать не нужно, что этот вопрос относится непосредственно к нам. Машая не так просто по доброте душевной решил нам помочь. Даже у захоластного бармена на нас свои виды.

– Ну так что, – снова обратился он к трехглазому, – идешь?

– Я здесь один с этой железякой не останусь.

Оставив одного робота в баре и поручив ему прибраться в меру своих возможностей, Машая отправился вместе с нами. На стальной двери, ведущей в бар, он, как обычно, оставил объявление, что бар закрыт, но внутри его охраняют боевые роботы. На мой вопрос, помогает ли это предупреждение от воров, Машая ответил: «Когда как. Попавшийся единожды и успевший унести ноги расскажет о злочлнении остальным. Остальные не полезут, коль головы лишиться не хотят. Есть и те, кто не слышал и бумажкам на дверях не верят, тогда они влезают (если достаточно проворны) и переносятся в первую категорию. Либо переносятся на тот свет».И рассмеялся.

А еще, не будь Машая таким дружелюбным, мне бы и

правда пришлось отвоевывать мой вакуган у Самты, а так – решили все шумными переговорами. С остальными вещами проблем не возникло.

Сам Самта обвешал себя оружием с ног до головы: за спину повесил винтовку, хотя в руке нес автомат, за поясом и на бедре было по пистолету, еще один небольшой он прикрепил на лодыжку, в оба кармана положил по мини-гранате, которые, правда, имели мощность двух полноценных, на грудь повесил специальные ножны для метательных ножей, подобие тесака он закрепил на бедре. Машая же взял с собой одну штурмовую винтовку, являющуюся модифицированной версией тех, что были у псевдо-патрульных, которые прилетели на ту пустынную планету, чтобы избавиться от нас. А еще у него был такой же тесак, как и у Самты. Робот же имел встроенное оружие, но также нес модифицированную штурмовую винтовку. Я, Мара и Костун остались при своем.

Путь оказался не близким: человек, что торгует нелегальной техникой, жил на другом конце городка. Всю дорогу Машая отрывочными фразами объяснял, как устроен местный быт и что жить тут не так уж и плохо, если забыть о слишком частых прогулках на свежем воздухе, особенно в темное время суток, и о нормальной связи, как мобильной и телевизионной, так и о Юнинео – Вселенском Интернете. В общем, жить можно, но осторожно. Такой расклад нравился далеко не всем. На мой вопрос о том, что в таком случае делают те, кому здесь жить не нравится, Машая как-то неловко ушел

от ответа, указав на груды разбитых автомобилей и техники, сказав, что нам туда, и быстро потопал к вооруженным стражникам.

Стражники поприветствовали его, но не очень бурно, и после небольшого диалога, который мы не слышали, ибо бармен сказал нам пока не подходить, один из стражников кивнул, и Машая махнул нам рукой, показывая, что мы можем пройти.

Холодильник, который поначалу казался простой частью мусорной стены, оказался дверью, причем бронированной с другой стороны (бронированным в этом городке было вообще почти все, что было хоть сколько-нибудь значимым, даже если таковым не выглядело). Холодильник хоть и был высоким, но довольно узким, из-за чего крупнотелому Машае и роботу пришлось протискиваться бочком, остальным, кроме Костуна, проем проблем не доставил. За дверью находился более широкий проход, стены и потолок которого состояли все из того же металлического мусора, который угрожающе нависал над головами. Стена, как оказалось, была не менее пяти метров шириной. В конце прохода виднелась такая же бронированная дверь, хоть и более широкая.

– Это для безопасности, – пояснил позже Машая. – Даже если противник и пройдет первую дверь, то вторую открыть намного сложнее. Когда в проходе будет достаточно людей, страж за дверью просто потянет за нужные веревки или рычажки и вся эта груды мусора обвалится, похоронив

непрощенных гостей под собой. Подобная система есть почти во всех таких проходах.

Когда мы все зашли в этот небольшой туннельчик, дверь за нами со скрежетом закрылась, но через пол минуты открылась вторая.

Я, попав сюда впервые, ожидал, что дверью все будет выглядеть иначе, чем по другую сторону стены, но пейзаж и на этой стороне не радовал глаз, разве что граффити стало поменьше, и то, большинство имеющихся были однотипными: какой-то волк ядовито-зеленого цвета с красными глазами и такого же цвета неестественно длинными клыками.

– Саблезубые койоты, – пояснил Машая, увидев на наших лицах немой вопрос. – Местная банда. Здесь таких больше, чем мух в навозной куче.

– Саблезубые койоты? – переспросила Мара. – А разве такие бывают? Или были.

– Я не знаю. Здесь вообще много группировок с подобными названиями: Красномордые тигры, Афро-креты, Безумные росوماхи, Мертвые дельфины, Лиловые каепарды, Культурные агресты, даже Безголовые гидры есть.

– Безногие осьминоги, – усмехнулся трехглазый, то и дело озираясь по сторонам и нервно сжимая автомат.

– Да, они тоже.

– А ты в какой банде состоишь? Ты же состоишь?

– Я... – Машая запнулся. – Да... то есть нет. Не совсем. Не совсем банда... Не важно, в общем.

Нам еще пришлось пройти не один такой мусорный форпост, и все в основном в молчании, мы издавали лишь звуки шагов, да Костун все пыхтел и охал. Современная медицина творит чудеса и его плечо почти полностью, но он чувствовал себя куда комфортней в роли извечного страдальца. Лишь бармен Машая периодически прерывал молчание, объясняя, на территории какой банды мы в данный момент пребываем. Спустя минут двадцать, когда мы уже преодолели четыре стены, Мара вновь заговорила, нарушая очередную игру в молчанку:

– А если ты ни в какой банде не состоишь, то почему тебя так легко всюду пропускают? Не из-за знакомства же, тем более что с тобой троица неизвестных вооруженных людей, которых они даже не знают.

Машая снова замаялся. Ему явно не хотелось поднимать этот вопрос, но язык Мары были длиннее ее мысли.

– Ну... знакомства... не совсем. Они меня, конечно, знают, как и я их, но мы... не совсем просто знакомы.

– Это как-то связано с тем, что ты состоишь «не совсем в банде»? – прямо спросил я. Раз уж пошла такая сеча...

Самта негромко рассмеялся:

– Машая, Машая, сам себе яму вырыл, – проговорил он. – Язык бы себе укоротил.

– Я тебе его сейчас сам укорочу, – рявкнул бармен. Самта выставил перед собой ладони, как бы показывая, что он тут ни при чем, хотя и не стер с лица самодовольную ухмылку.

– Больше не спрашивайте меня ни о чем таком, я вам не могу ответить и все, – сказал он серьезно. – Вы сами потом все узнаете, если они захотят.

«Они?», – подумала Мара, но вслух спрашивать не стала, чтобы вновь не разозлить бармена. Даже самого добродушного можно вывести из себя.

Остаток пути прошел во всеобщем молчании, не считая постоянных вопросов Костуна о том, когда они уже придут. Но вот Машая остановился.

– Мы на месте, – сказал он. – За этой стеной и живет тот, о котором я говорил. Банда, в которой он состоит, называется Могильные черви. Ведите себя тихо, но не зажимайтесь, они этого не любят.

– Как скажешь.

Как и все предыдущие разы, Машая подошел к охране и что-то им сказал, после чего махнул нам рукой и мы зашли в очередной коридор из переваренного железа.

– Я так и не поняла, – заговорила Мара, когда мы уже отошли от стены, – как ты их всех различаешь, если все эти стены из мусора одинаковые, а на них даже знаков банд нет, чьи владения начинаются за этой стеной. Хотя вот на этой стене символ был.

– Просто запомнил, – пожал бармен плечами. – Символов нет, потому что территории часто захватываются другими бандами, а постоянно закрашивать чужие символы и рисовать свои слишком хлопотно. – Машая, судя по всему,

приостыл, а может ему просто надоело молчать, когда рядом столько собеседников, которые вообще ничего не знают о месте, где находятся, а он знает много.

– А знаки, что внутри? – снова задала вопрос Мара, указывая на изрисованные граффити стены домов.

– Их приходится закрашивать, ничего не поделаешь. Символы снаружи не выставляются и еще по одной причине: чтобы потенциальному противнику было труднее узнать, какая банда теперь прячется за стенами. Как вы уже поняли, здесь настоящий лабиринт, поэтому всем приходится запоминать расположение той или иной банды, чтобы случайно не наткнуться на слишком большую и сильную. Но здесь постоянно ведутся войны за территорию, поэтому упомянуть все не представляется возможным. Этим и пользуются мелкие банды, скрывая себя за стенами, чтобы выиграть время набраться сил, пока противник пытается выяснить, что за группировка внутри.

Зоопарк в коробке. Целая страна на нескольких квадратных километрах. Свои законы, своя политика, свои интриги и заговоры. Наверняка существуют и заговоры между бандами по захвату и разделению территории противника. Интересно, что случается с бандой, которая была захвачена? Становится частью другой или просто уничтожается? Везде стоят камеры; передавайся все происходящее в реальном времени в сеть, это стало бы самым успешным реалити-шоу в истории, переплюнуло бы даже «Секс со звездами».

Вопросов у меня было много, но еще больше было времени, я обязательно сюда вернусь и поразвлекаюсь.

– А тогда почему у этих Могильных червей символ висит? – задал я единственный вопрос, опередив при этом Машу.

– А они достаточно сильны и многочисленны, чтобы почти никого здесь не бояться. Им скрываться не имеет смысла, тем более что они здесь одни из основных поставщиков оружия и всяких железяк. Кстати, мы пришли.

Мы остановились возле небольшого трехэтажного дома, зажатого с двух сторон пятиэтажками. Выглядел он также обшарпано, как и все другие здания в этом небольшом, но все же бесконечно огромном городе, из которого не так-то легко самостоятельно выбраться. Выделялся этот дом лишь своим размером, потому что все остальные здания были как минимум пятиэтажными. Еще он казался построенным несколько в другом стиле, но время уравнило его с остальным унылым пейзажем. Какая бы то ни было, табличка на нем отсутствовала – просто трехэтажка с окнами из бронированного стекла (на первом же окна и вовсе были заложены кирпичом) и тяжелой металлической дверью, когда-то давно покрашенной под цвет кирпича, но теперь с облупившейся краской и следами от пуль.

Уверенно поднявшись по короткой лестнице, Маша сильно постучал кулаком по двери и заорал своим низким голосом:

– Роул, открывай, Маша пришла!

Эта картина пробудила во мне какие-то воспоминания, но не успел я предаться ностальгии, как за дверью послышался какой-то шум, потом звук отпирающегося затвора, потом еще одного, и еще, и в дверь просунулся ствол самой обыкновенной на вид двустволки.

– Кто там ломится еще? – послышался хриплый недовольный голос.

– Да убери ты свою железку. Это я, Маша!

Дверь распахнулась настежь. На пороге стоял человек, по форме похожий на грушу с тонкими ножками, одетый в некогда белую майку-алкашку, которая теперь была заляпана оружейной смазкой и чем-то бурым, и в трусы-семейники, которые он, по-видимому, носил вместо шорт. Несмотря на форму тела и внешний вид, лицо у него казалось волевым, хотя и крайне недовольным, будто его отвлекли от чего-то очень важного. Почти всю правую сторону лица украшал уродливый след от не такого уж и давнего ожога, делающий его физиономию еще более волевой, но и более недовольной. Левый глаз, не прикрытый расплавившейся кожей, как правый, был на выкате и смотрел довольно хитро и пронизательно одновременно.

– А-а, – протянул обожженный своим хриплым голосом и будто даже тень улыбки скользнула по его опущенным вниз уголкам рта. – Так бы сразу и сказал.

– Да я и сказал. Боже, что у тебя с лицом? Мы полгода не

виделись, а ты уже успел инвалидом стать.

– Долгая история, – отмахнулся он. – Неудачный эксперимент, так сказать.

– Ладно, хрен с ним, иди сюда!

И они обнялись, но довольно вяло, особенно со стороны Роула, потом быстро отпрянули друг от друга. Обожженный наконец взглянул на нас, будто только сейчас заметил, отчего недовольство вернулось на его лицо с новой силой.

– У вас тут что, вечеринка? Столько народу, вам бы еще вилы да факелы дать.

– Хватит ворчать,пустишь ты нас или нет?

– Зачем? – поинтересовался он, наклонив голову набок.

– Люди у тебя кое-что купить хотят, если, конечно, у тебя это есть в наличии.

– И что же именно?

– Много чего, – встрял я. – Деньги есть, так что не переживайте.

– Я и не переживаю. Деньги, деньги, ох уж эта молодежь, все мысли об одном.

Мара хмыкнула, Костун тоже издал какой-то непонятный звук, похожий и на хмыканье, и на сопение. Они-то знали, сколько мне лет, хотя удивительно, что и толстяк запомнил.

– Мыслей у нас много, на самом деле, – вновь заговорил я, – просто мы, молодые, умеем быстро приспособливаться, думая о том, что важно и нужно в данный момент.

Так-то я был в разы старше него, но душа моя все еще

была молода, как и тело.

Роул как-то странно хмыкнул и сменил тему:

– Всех не пущу. Пусть только трое идут.

– Может, четверо?

– Трое!

– Тогда я пойду, – сказал Машая, – и... Я же даже не узнал ваших имен, – задумчиво произнес Машая, почесывая затылок. – Вот я растяпа.

– Ха! – вырвалось у Роула. – Мало того, что целую экспедицию ко мне притащил, так еще и сам не знаешь кого.

Он продолжал держать в руках ружье, положив его на сгиб руки, а второй то и дело проверял, на месте ли спусковой крючок. Он не доверял никому, даже старому другу, если, конечно, он считал таковым Машаю.

– Меня зовут Хорс, – представился я, используя старое подложное имя. – Это Мавра, – показал я на Мару, – а это... Судан, – представил я запыхавшегося Костуна.

– Я не... – начал лениво протестовать непонятливый толстяк, но я его быстро перебил.

– Не можешь? Да, он больше не может. Вы ведь видите, какой он... тучный, а шли мы долго, устали. Машая и я точно должны пойти, я же основной клиент, все-таки, а он Вас знает и доверяете вы друг другу, как я понимаю. Потом должна пойти девушка, ибо она знаток техники, а я в ней не особо, так что она точно сможет сказать, работает ли то, что я собираюсь у Вас купить или нет, и работает ли это правильно. Мы

же только познакомились, я Вас не знаю, а обмана я не люблю. Я ведь и с Машаей познакомился совсем недавно, поэтому доверие еще не выработалось. Судан тоже должен пойти, потому что если он здесь останется, то может и в обморок упасть, а кто отвечать за это будет? Кто-то же должен, ведь кто-то не доглядел и не предотвратил такой исход событий, а мог. Поэтому я считаю, что все очевидно, и войти должны непременно четверо. – Закончив тираду, я скрестил на груди руки. Я свое слово сказал, если и это не сработает, то придется угрожать. Мара так и так пойдет со мной, но Костуна одного лучше не оставлять, мало ли что ему в голову придет, еще и разболтает всему городу о цели нашего визита.

Роул прищурил свой выкатившийся глаз и снова недоверчиво склонил голову на бок, словно выискивая в моих словах тайный смысл.

– А язык у тебя без костей, я погляжу, – вздохнул он после долго молчания. – Так уж и быть, пушу вас четверых, но при условии, что ты больше не будешь пытаться вскипятить мои мозги своей трескотней.

– Договорились.

– Эй, эй! – оживился Самта. – А мне тут торчать, что ли?

– А почему нет? Ты же охранник, вот и охраняй. Тем более с тобой робот.

– Да в задницу работа! – зарычал он. – Я охранник бара твоего, а не тебя лично, так что телохранителем быть не должен.

– Ладно, можешь не охранять, просто погуляй.

– Гулять? Здесь? – Последнее он сказал шепотом, боясь, что его услышат; дальше он тоже проговорил, понизив голос: – Тут же и убить могут за раз. Я же не состою в их банде.

Он и так постоянно оглядывался, а теперь и вовсе вертел головой, словно боясь, что прямо перед ним появится какой-нибудь бандит и потребует всю наличность, а он даже со всем своим оружием не сможет ничего возразить.

– Слушай, – начал Машая, – во-первых, ты сам согласился идти сюда, а во-вторых... если не хочешь, чтобы тебя подстрелили, не уходи далеко и не выпендривайся. Оставайся с роботом.

– Так вы идете или еще поболтаем? – раздраженно подал голос Роул.

– Идем, идем.

Когда все зашли, обожженный закрыл тяжелую дверь и задвинул затворы. Прихожая выглядела совсем непримечательно, не считая следов бывшего шика: на потолке висела небольшая не горящая люстра с отсутствующими хрустальными подвесками, которые, очевидно, некогда висели там и служили ей украшением; справа и слева были проходы в комнаты, но дверей не было; такой же дверной прем был и чуть дальше по темному коридору слева, но там дверь присутствовала, хоть и хлипкая с виду; на стенах висело два пустых багета от картин; чуть впереди справа вдоль стены шла полусгнившая деревянная лестница с резными перилами, ве-

дущая на второй этаж; все это великолепие освещало лишь несколько тусклых светильников на стенах. В общем, место ну никак не походило на жилье известного торговца оружием и всякой техникой, хотя и сам торговец напоминал скорее какого-то пьяницу-соседа, вечно недовольного другими жильцами.

Роул, молча и не делая никаких пригласительных жестов, потопал вглубь коридора слева, вдоль лестницы, но вместо того, чтобы войти в единственный видимый проем с дверью, он свернул направо, под лестницу, где оказалась еще одна дверь, которая, правда, выглядела ничуть не хуже входной. Достав не пойми откуда небольшую связку ключей, он вставил один из них в замочную скважину и отворил дверь, за которой оказался спуск в подвал. Увидев спуск, Костун тяжело вздохнул, ожидая увидеть очередной подземный туннель, по которому придется может и не бежать, но очень долго идти, но его опасения не оправдались.

В самом конце лестницы оказалась еще одна дверь, вот только она была совсем не замшелой, а наоборот, просто светила современными технологиями. Она была бело-голубого цвета и очень не подходила к атмосфере подвального помещения. Роул попросил всех оставить оружие снаружи на специальном столе с бортиками, хотя свою двустволку из рук не выпускал. Когда он подошел к двери почти вплотную, на Роула полился голубоватый свет, буквально освещая его с ног до головы. Когда свет погас, послышался негромкий сиг-

нал, и дверь открылась.

После настолько футуристичной двери мы ожидали увидеть внутри целые лаборатории, с работающими там учеными в белых халатах, стоящими за множеством пробирок людей, записывающих в электронные блокноты какие-то данные, почувствовать запах лекарств и науки, но все оказалось куда более прозаично и противоположно тому, на что мы надеялись. Это оказалась самая обычная мастерская, в которой не было ни души, а пахло какой-то машинной смазкой, порохом и плесенью. На грязных столах валялись разобранные механизмы и железки, некоторые из которых были ржавыми и явно никогда больше не способными заработать. Возле одного из таких столов Роул остановился.

– Так что вам нужно? – спросил он своим хрипучим голосом.

– Трансфэйсеры.

– Редкая штука в наше время, – сказал он после недолгого раздумья, словно прикидывая, сколько сможет с нас содрать. Пусть Машая и был ему приятелем, на бизнес подобная чепуха влиять не должна.

– Поэтому и пришли сюда, а не в магазин хозтоваров, – усмехнулся я.

– Тоже верно. И сколько вы мне за него заплатите?

– Так они у вас есть? – приободрено спросила девушка.

Роул недовольно посмотрел на Мару, потом вновь перевел взгляд на меня. С девушками ему дела вести явно было не

по душе.

– Не они, а он. У меня лишь один экземпляр, и тот... – Обожженный не стал договаривать.

– Всего один?

– Я так и сказал. Так что насчет цены? – вновь заговорил он о деньгах, бессознательно поглаживая свою обожженную часть лица.

– А можно на него хоть посмотреть?

– Посмотреть? Зачем? – удивился Роул.

– Ну как...

– Погодите, – прервал меня Машая. – Мне сначала нужно немного переговорить с Роулом, а потом вы и о деле пообщаетесь.

Роул традиционно недоволен на него посмотрел, но все же согласился переговорить с барменом в другой комнате, перед этим предупредив, помахивая двустволкой, чтобы мы ничего не трогали своими кривыми грязными руками.

– И куда они? – недоволен буркнул Костун. – Даже стула не предложил гостю или хотя бы стакан воды. – Он тяжело рухнул на пол у стены, прислонившись к ней спиной.

– Странно, – заговорила Мара, не обращая внимания на Костуна, – что у человека, который торгует оружием, даже защиты никакой нет на входе, одна дверь, которую легко можно взорвать.

– А пулеметы?

– Какие пулеметы? – удивилась девушка.

– Которые на крыше этого и других домов вокруг установлены, – сказал я. Девушка удивленно вытаращила глаза:

– Там пулеметы стоят? Я даже внимания не обратила на крыши.

– А на людей?

– Каких людей? – снова удивилась девушка. – Нам только какие-то бомжеватые личности встречались, да пара укурешей.

И те и другие, кстати, имели оружие, и явно были готовы его применить, подумай они, что мы того заслуживаем. Как бы они не выглядели, но оставались бандитами, и состояли не просто в какой-то там банде, а в самой сильной, если верить Машае, а значит, были самыми отмороженными.

– Да, опыта у тебя совсем нет, – протянул я.

– Не все живут тысячелетия, – недовольно буркнула девушка.

– Нашла, в чем меня упрекнуть, конечно.

– Ладно-ладно, – подняла Мара (она же Мавра) руки, прекращая спор. – Так что за люди?

– Которые пасли нас с самого входа на эту территорию. Да и на других они были, только, естественно, из тех группировок, на чьих территориях мы находились. Они следили за нами в окна и с крыш, держа оружие наготове. Еще камеры...

– Камеры я видела, – громко перебила меня Мара, но потом тише добавила: – Парочку.

– Их было намного больше. Если честно, не совсем по-

нимаю, как тут ведутся войны за территорию, если каждый шаг противника отслеживается через камеры. Наверно, этот обожженный толкает какие-нибудь приборы, отключающие или обманывающие подобные устройства, как Факсимильный Куб, например. Продает и средства слежки и технику, их отключающую, – усмехнулся я. – Настоящий бизнесмен.

Пока я и Мара рассуждали о слежке за нами, местных разборках и бизнесе, в соседней комнате разговаривали Машая и Роул.

– Я тебе говорю, – махал руками бармен, – он классный боец. Одним ударом отбросил падающего на него грэйпера, представляешь?

– Ты мне третий раз уже это рассказываешь, – сердито отмахнулся Роул.

– Ну вот. Он похож на человека, но сила у него нечеловеческая. Он может быть нам очень полезен.

– Он может быть гераклидом, просто замаскировался.

Роул был недоверчивым даже к знакомым, чего уж говорить об остальных, кого он видел впервые в жизни и о ком ему уже все уши прожужжали, нахваливая почем зря.

–Он все равно может быть человеком. Да и какая разница?

– Какая? – зло прохрипел обожженный. – Он может быть не человеком, вот какая! Мы не можем рассказывать о наших планах всем, кому ни попадя. Если он не человек, то может нас сдать, и тогда все наши труды пойдут насмарку.

– Но если он и так замаскировался, тогда зачем ему нужен трансфэйсер? – развел руками Машая.

– Может, для дружков своих. Может, он хочет их обоих выдать за людей, а своих трансфэйсеров у них больше нет.

– Но зачем им это?

Машая от рождения был слишком доверчивым, хотя никто открыто ему об этом не говорил, потому что вокруг него всегда вились прихлебатели всех мастей, что не прочь пожить на наивности здоровяка. Бармен и сам часто замечал, что его водят вокруг пальца, но верить в то, что друг – с которым он познакомился пару часов назад – обманывает его ради своей выгоды, он не хотел. Самта же вразумлял начальника лишь когда ему это было выгодно или когда не ущемляло его интересов. Он уже должен Машае больше, чем смог заработать «честным трудом».

Роул же прекрасно знал о характере приятеля, но наивностью бармена не пользовался, однако не потому, что считал его близким другом, а именно из-за его деятельности. У обычного бармена торговцу оружием нечем было пожить. Машая обратился к Роулу с деловой просьбой лишь однажды, когда после первых двух потасовок, кончившихся сожжением бара, он решил обить здание внутри металлом.

Тогда торговец оружием и всяким барахлом сделал бармену скидку, которая была простой заманухой, за что Машая и прозвал Роула своим лучшим другом. Барыга до сих пор расплачивается за свою псевдо-доброту.

– Как зачем? – снова поразился обожженный наивностью приятеля. – А зачем мы все это затеяли? Не просто же для собственного развлечения. Возможно, они правительственные шпионы, подсланные сюда, чтобы нас разоблачить, или им нужен этот трансфэйсер, дабы притвориться людьми и сделать еще какую-нибудь гадость, чтобы нас очернить.

Машая постоянно хмурился, как и сам Роул, и то и дело мял свою рубаху, качая головой. Он не хотел верить, что Хорс и Мавра правительственные шпионы, но доводы обоженного были довольно разумными и выглядели правдоподобно. И все же лысому бармену очень хотелось, чтобы его новые знакомые оказались их сторонниками, хотя бы Хорс, ибо от остальных, по увиденному, было мало проку, особенно от толстого. Он высказал свои мысли Роулу, закончив их словами:

– Нужно посоветоваться с боссом.

– Делать ему больше нечего, кроме как решать такие мелочи.

– Это не мелочи, – громче нужного выпалил Машая. – Он одним ударом отправил в полет грэйпера, а остальных раскидал легче, чем Забористые ниграрумы Помойных кротов в прошлом году. Да и умом он не обделен. Он может быть

решающим фактором в нашей победе. Будь он обычным человеком, я бы и спорить не стал, но я знаю, что в нем что-то есть.

Машая пылал уверенностью, хотя обычно был кроток, несмотря на свой грозный вид. Если он был в чем-то уверен, то переубедить его было не так-то просто. В сочетании с наивностью, это была не самая лучшая черта характера.

– Много ты знаешь, – проворчал Роул, но как-то уже спокойнее, словно задумавшись над словами бармена. – Я хочу сам убедиться, – сказал он после долгого раздумья. – Мало ли ты преувеличиваешь.

– Убедиться? В чем? Как?

– Убедиться. В его силе. А как? На этот счет не волнуйся, есть у меня идея, – ослабилась обоженный.

– Что-то они долго, – вздохнул я.

– Может, Машая пытается убедить... этого, как там его зовут? Не важно, в общем, пытается выудить у него нам скидку небольшую.

– Что-то сомневаюсь, – покачал я головой.

Даже если и так, вряд ли этот брюзгливый старикашка собьет хотя бы полпроцента, скорее наоборот.

– Почему?

– Роул правильно сказал: Машая нас даже не знает, а привел сюда, как закадычных друзей.

И сказал ничего не трогать, хотя среди железок вряд ли и пары полезных вещей можно было сыскать. Несмотря на это, в помещении стояло несколько камер.

– И что, по-твоему, они там делают?

– Решают, как с нами поступить.

– Думаешь, этот бармен специально завел нас в ловушку? – испугано прошептала Мара. – Но зачем?

– Я не говорил, что он вел нас в ловушку, просто планы имеют свойство быстро изменяться.

Мара хотела вновь что-то сказать, но ей помешал громкий противный скрежет, исходящий из противоположной стены, в которой располагалась стальная дверь. Как только скрежет прекратился, дверь медленно стала отъезжать в сторону; за ней виднелась лишь непроглядная тьма.

Первое, что я сделал, когда дверь полностью ушла в стену, – оттолкнул девушку от себя к стене, прислонившись к которой стоял прочный и широкий стол со всяким хламом на нем; получилось так, что Мара, упав метрах в двух от этого стола, проехала еще немного по полу, оказавшись как раз под ним. Про Костуна я особо не думал; этот толстяк выпутывался и не из таких передраг, убегая быстрее, чем от него можно было ожидать.

Мара не успела еще даже упасть на пол, когда из тьмы от-

крывшейся комнаты, отбрасывая ближайший стол с инструментами, на меня побежал разъяренный монстр. Монстром он казался лишь на первый взгляд, но я прекрасно знал, что это боевой робот класса «Патэль». Не самая продвинутая модель, но и ее достаточно, чтобы разделаться с двадцатью такими, как Машая.

– Ты что творишь?! – неестественно для себя закричал Машая, видя ворвавшегося в комнату робота через мониторы.

– Проверяю, как ты и хотел, – спокойно ответил обожженный хриплым голосом.

– Я не хотел, ты сам так решил. И я не говорил, что они все так сильны, лишь Хорс. Они могут пострадать и даже погибнуть!

Чего-чего, а смертей Машая не любил, тем более лишних. Несмотря на это, он ввязался в авантюру, которая могла стоить жизни очень многим, в том числе и ему самому. Однако это все во благо высшей цели, которую он не до конца осознавал, однако понимал, что это необходимо. Так ему объяснили.

– Это дополнительный стимул для твоего нового друга, – криво усмехнулся Роул.

– Спардию это не понравится, – покачал головой бармен,

поджав губы.

– Если он так силен, как ты говоришь, то сможет продержаться против «Патэля» хотя бы минуту, потом я его отзову, не волнуйся. Спардию будет не достаточно твоих слов, чтобы считать этого дерзкого парня достаточно сильным, так что мы просто покажем ему запись, где твой новоиспеченный приятель показывает все, на что способен. Если, конечно, успеет показать, – добавил он в конце.

– У меня уже есть запись из бара...

– Ерунда, – махнул рукой Роул. – Пьяная драка в грязном кабаке никого впечатлить не сможет.

Машае оставалось лишь качать своей лысой головой, потому что в доме этого торговца оружием он ничего не мог ему сделать. Да и вне дома тоже. Роул имел большое влияние на весь преступный мир в городе и считался лучшим оружейных дел мастером. Его не трогали даже другие банды, хотя в Могильных червях он числился лишь номинально, так как именно на их территории оказался его дом, он же база. Он был вне досягаемости, к чему со временем привык, забыв об опасности.

Мне не раз приходилось сталкиваться с противником, в

первые минуты больше и сильнее меня физически, поэтому я не растерялся. На столах в комнате было полно всякого барахла, что можно было использовать в бою. Взяв какую-то замасленную грязную тряпку, я бросил ее в лицо (если это можно так назвать) роботу как раз в тот момент, когда он уже собирался схватить меня обеими руками. Тряпка, оказавшись на физиономии робота, закрыла ему обзор, и он, со всей скоростью, что бежал, влетел головой в стену, но тут же быстро вырвал ее из цепких лап бетона. Я не тратил время зря, а сразу же, как только кинул тряпку, взялся за замеченную мной паяльную лампу – скорость была на моей стороне – и тут же, включив на полную мощь, направил ее в рожу здоровому роботу. «Патэль» попытался закрыться от прожигающего огня лапами, закрыв тем самым сам себе обзор. Недолго думая, я ударил его со всей силой ногой в область колена, а когда тот осел, нанес еще один удар в область затылка, и тот рухнул грудью вперед на пол. Сев на громадину сверху, я занес руку и ударил кулаком в область шеи – главную уязвимую точку модели «Патэль». Что-то хрустнуло, послышался затухающий звук отключающегося механизма.

Дверь, в которой ранее скрылись Машая с Роулом, громко распахнулась, и из нее выбежал, спотыкаясь, владелец робота.

– Это было потрясающе, потрясающе! – заверещал он хриплым голосом. Это до боли напомнило мне поведение

Костуна, когда я раскидал его амбалов. – Но зачем ж ты моего робота так сильно? Знаешь, сколько он стоит?

Я решил не слушать грушевидного повелителя железяк, а просто схватил его за шею и поднял над землей на вытянутой руке. Его шея оказалась грязной и скользкой, что сослужило ему дурную службу, так как я сжал шею еще сильнее, чтобы обожженный не выскользнул. Его глаза навывкате вылезли еще сильнее, едва держась в глазницах, даже тот, что наполовину был прикрыт расплавленной кожей. Теперь он походил на козодоя.

– Это так вы приветствуете клиентов? – спокойно спросил я. — Обслуживание так себе, если честно. Скажи мне хоть одну причину не отправлять тебя вслед за твоей игрушкой.

– Не надо! – вскрикнул Машая. – Он не хотел! То есть хотел, но не... не так, то есть. Это проверка. Я все расскажу, только не убивай его. Вам же нужен трансфэйсер? Только он знает, где он у него лежит!

Обожженный уже начал терять сознание, дрыгая своими ножками-макаронинами. Из-под стола выбралась Мара, дую на ссадину на локте, которую она получила при падении, штаны, кстати, тоже были порваны на колене. Вслед за ней вылез и Костун, ошарашено озираясь по сторонам и что-то бормоча про то, что лучше бы он остался снаружи.

– Я и сам могу его найти.

Машая был в замешательстве и судорожно пытался подобрать слова:

– Я... Мы... Мы готовим восстание против Правительства! – выпалил он. – Вы же не из них, правда?

Слова он подобрал более-менее правильные, я разжал пальцы, и Роул грохнулся на своего робота, жадно хватая ртом воздух.

– А он живучее, чем я думал. Ладно, – обратился я к Машае, – надеюсь, тут есть что-нибудь похожее на твою каморку в баре?

– Да-да, у Роула есть кабинет. Не такой изысканный, как у меня, – бармен постарался скрыть улыбку, – но для разговора пойдет. Правда, только Роул знает пароль от комнаты.

– Сначала мы заберем наше оружие.

Бесцеремонно схватив за лодыжку грушевидного, который все еще пытался откашляться, я поволок его к двери, через которую мы вошли. Подняв его за ногу над полом, я подождал, пока его просветят лучи и отворится дверь, потом снова бросил.

Забрав все свое оружие, которое мирно дожидалось нас на столе за дверью, мы вернулись в мастерскую.

– Дальше сам его тащи, – сказал я Машае, указывая на обожженного.

– Не надо, – прохрипел Роул, когда бармен попытался его водрузить на плечо. – Я сам.

Кое-как поднявшись на ноги, он оперся рукой на один из чудом уцелевших столов, потирая шею и кашляя.

– Веди нас в свой кабинет, – сказал я, – если он, конечно,

не такой засранный. И если я хоть почувствую, что пытаешься натравить на нас очередного громилу, я сверну тебе шею и буду использовать твое тело в качестве оружия ближнего боя.

– Хорошо, – ответил он еще более хрипло, чем говорил обычно, и пошел к той двери, за которой разговаривал с Машаей и любовался на мою битву с роботом. За той дверью, как полагается, была еще одна, – с цифровым замком. Набрал довольно длинную серию из цифр и букв, он прошел внутрь. Вот это помещение выглядело уже более похоже на то, что можно было принять за оружейную мастера.

Это был длинный коридор, по обе стороны которого под стеклом покоилось разнообразное огнестрельное оружие: от простого пистолета до мальпленгана – автоматной версии моего вакугана, в котором хватит патронов, чтобы расстрелять целую армию. Этот автомат вообще было запрещено использовать в военных компаниях, не говоря уже об обычном ношении в мирное время в мирном месте. Вакуган и мальпленган вообще хотели полностью запретить, но закон так и не прошел даже с пятой попытки. В основном потому, что у него были довольно влиятельные и богатые противники со стороны. Кому-то это оружие нравилось даже больше, чем мне.

В конце коридора показалась опрятная массивная дверь из дорогого дерева, за которой и располагался кабинет Роула. Кабинет оказался весьма просторным и светлым,

несмотря на то, что находился под землей. Справа и слева на стенах висело холодное оружие различного вида. На противоположной от двери стене располагалась, сразу бросающаяся в глаза при входе, огромная пушка, явно спиленная с какого-то довольно старого боевого космического корабля. В правой части комнаты стоял массивный стол, тоже из очень дорогого дерева, и был тот стол завален какими-то мелкими деталями, над которыми возвышалось несколько луп и светильников, даже электронный микроскоп нашелся. Слева нашлась пара удобных диванов, стоящих друг напротив друга, какого-то бежевого цвета. На них мы и сели: на одном я, Мара и Костун, который, по-видимому, впервые увидел меня за «работой» и потому все еще не успокоился, сидя с выпученными глазами и старающийся держаться от меня подальше, потому даже специально сел так, чтобы девушка отгораживала меня от него; на втором кресле сидели подавленный Машая, постоянно почесывающий татуировку черепа на лысине, и Роул, который до сих пор гладил шею и пытался откашляться. На ногу, за которую я его подвесил, он тоже постоянно косился, высматривая быстро проявляющийся синяк.

– Я слушаю, – прервал я затянувшуюся тишину.

– Да. Вот... даже не знаю, с чего начать, – заговорил Машая.

– Начни с начала: кто вы и чего хотите.

– Ну, в общем, вы наверно видели картину в моей камор-

ке... – На этих словах Роул как-то нахмурился пуще прежнего и сердито зыркнул на бармена. – Там изображена одна птица, которая наполовину еще и человек, из древней мифологии наших предков... Человеческой расы то есть. Птица называется гаруда. На ней по мифологии летал верховный бог, самый главный, имя которого уже никто не помнит даже. В общем, наш босс, Спардий, говорил нам, что он олицетворяет эту птицу с нами – мятежниками, а бога – с людьми. Мол, этот верховный бог постоянно летал на этой самой птице, и она была ему очень близка, помогая во всех его делах. А еще эта птица пожирала змей, которые олицетворяли несправедливость и зло, или что-то в этом духе. Вот и получается, что мы как бы эта птица, борющаяся с властью, чтобы вновь возвысить бога – простой народ, чтобы выйти из-под гнета змей – власти. Вот. – Машая сильно выдохнул, словно все это время даже не дышал. Такие длинные речи были явно не по нему. – Спардий, конечно, намного красноречивей меня, но я рассказал все так, как понял сам. – Бармен говорил отрывочно, а потому рассказ затянулся.

– Довольно сложный символизм, – протянул я.

– Это да, сложно все понять с первого раза.

– Я вообще ничего не понял, – пожаловался Костун, весь рассказ сидевший с открытым ртом.

– Я-то все понял – махнул я рукой, – это не сложно, если знать, о чем идет речь. Вообще, гаруда не совсем боролась со злом и несправедливостью, но это мелочи. Мифы и легенды

неизбежно утрачивают детали со временем.

Мне ли не знать. За почти три тысячи лет моей жизни я видел, как религии полностью менялись, и то, что вчера было традицией, сегодня уже становилось смертельным грехом. Менялись не только религии и мифы, даже политика одной страны переворачивалась с ног на голову, если кто-то решал, что до него предшественники были глупы и делали все не так, а именно он знает, как сделать лучше. Каждый новый правитель считает себя умнее предыдущих и всячески пытается выставить это напоказ, пусть и уверяет, что чтит заветы предков. Каждая страна во вселенной меняла свой политический строй как минимум единожды.

– Так ты слышал про гаруду? – оживился Машая.

– Это не так важно. Важнее то, против чего вы восстаете-то. Против местной власти?

– Ну да! И не только. Если наша операция пройдет успешно, то к нам могут примкнуть и жители других спутников и планет, и тогда мы свергнем власть, которая хочет сослать все человечество не пойми куда, чуть ли не в рабов превратить.

– Да, это плохо, – покачал я головой.

О том, кто займет освободившиеся места, я спрашивать не стал, пусть пока верят в свои провальные идеалы. Это послужит им уроком. Хотя, если они погибнут, то погибнут невеждами, тогда это послужит уроком живым.

– А ты сам-то, – наконец подал голос Роул, – человек ли?

– А что, не похож?

– Внешне – похож, – хмыкнул обожженный, – но ни один человек не способен на то, на что способен ты.

– А может я под котиками-наркотиками? Сейчас чего только не варят.

– Будь ты под наркотиками, соображать бы нормально не смог, а сам разглагольствуешь, как политик какой, или правитель.

– Правитель? Был я как-то где-то когда-то правителем, но это было давно и неправда, – вздохнул я.

За свою долгую жизнь я кем только не побывал. Одно время меня даже богом считали, но когда я сказал, что мне не нравятся жертвоприношения, меня почему-то свергли с трона. Люди странные. Те верующие наверно до сих пор молятся тому богу, за которого меня приняли. Вот так снизойдет к ним настоящий их бог, а они ему не поверят и сожгут на костре или съедят, или и то и другое. Религия многогранна в глупости ее последователей.

– Неправда? – не понял обожженный.

– Это просто выражение такое, забей.

Даже люди забывают собственные выражения, идиомы и пословицы, чего уж говорить о других расах, которым на них плевать. Интеграция не проходит без потерь, пусть они и столь незначительны, как поговорки. Они, живущие из поколения в поколение, плавно перетекая, словно вода из стакана в стакан, теряя каждый раз по капле, этого не замечают,

но я, живущий тысячелетия, не могу не видеть, как испаряются эти капли, оставаясь лишь в моей памяти.

– Что забить?

Возведя очи горе и вздохнув, я продолжил:

– Как я понял, Машая рассказал тебе, – обратился я к Роулу, – что я показал в его баре, а ты не поверил и решил меня испытать, чтобы решить, предлагать мне присоединиться к вам или нет. Верно?

– Ну, – замялся обожженный, – в общих чертах...

– И как ты думаешь, что я отвечу?

Обожженный поджал губы и снова нахмурил и без того нахмуренное лицо, потом посмотрел на Машаю, будто ища поддержки, тот взгляд заметил и решил, что из его уст слова будут более убедительны.

– Он... Мы же не хотели. Просто у нас почти не осталось времени. Мы же давно уже планировали восстание, просто искали повод для начала мятежа. А тут эта история с падением корабля и обвинением не просто одного человека, а вообще всей человеческой расы. Это нормально? – негодуяще вскинул руки Машая.

Каждый человек во вселенной сейчас с содроганием следит за развитием событий, собирая всю возможную информацию по крупицам. Ничто так не объединяет, как общая беда.

– Падение корабля, говорите? А у вас хоть телевизор есть? – поинтересовался я.

– У меня есть, – подал голос Роул. – Только он барахлит сильно, помехи постоянно, я его и не смотрю практически, только слушаю.

– Оружейный и технический мастер, и не может починить какой-то телевизор? – недоверчиво проговорила Мара.

– У меня других дел навалом, а телевизор, как я сказал, я все равно не смотрю почти.

И кто вообще смотрит телевизор в эпоху Вселенского Интернета Юнинео? Несмотря на это, телевидение если и не процветает, но явно не тухнет, несмотря ни на что. Тупые реалити-шоу и телепередачи для любых слоев общества продолжают привлекать к себе внимание, пусть по большей части это и повторения сюжетов из прошлого. Только те, кто видел эти сюжеты, давно мертвы, кроме меня, но даже когда их крутили в первый раз, мне уже было скучно и неинтересно. Хотя «Секс со звездами» я иногда смотрю, отдельные выпуски.

– А что тебя так этот телевизор заинтересовал? – поинтересовался Машая.

– Да так, хотел узнать, откуда вы новости получаете. И что, – заговорил я, после недолго молчания, – вы решили начать свое восстание, используя тот случай, как повод?

– Лучшего повода и не найти, – оживился Машая. – Сейчас, после того заявления, которое вы, вероятно, слышали, все люди, да и другие расы, не на шутку обеспокоены.

– Все войны боятся, – перебил бармена Роул.

– Да-да, Спардий нам так и сказал: бояться войны.

Интересно, если бы этот Спардий сказал им прыгнуть в колодец, они бы прыгнули? Вряд ли, ведь маловероятно, что они знают, что такое колодец, но наверняка приложили бы все силы, чтобы найти подходящую дырку, в которую можно сигануть. Репутация у этого человека что надо, а слышу я о нем впервые.

– А вы, я смотрю, сильно этому Спардию доверяете? – спросила, не подумав, Мара о том, что я специально не затрагивал.

– Доверяем! – твердо сказал обожженный хриплым, но жестким голосом, выпучив не закрытый оплавившейся кожей глаз. – Почему нам ему не доверять? Он хочет помочь всем людям, чтобы нас принимали, как всех, а не как каких-то зеленых мальцов, умеющих только воевать да деньги зарабатывать. Мы только проходим акклиматизацию в этом новом для нас безграничном мире, а нас хотят утопить в помоях, словно мы слепые беззащитные котята, но мы не котята, и далеко не беззащитные! Мы – гаруда! Гордая птица, которая уже пробила стены сковывающего нас яйца, и мы можем клеваться нашим сильным клювом и царапаться нашими острыми когтями, уничтожая наших врагов.

Роул говорил с чувством и от души, хотя четко было видно, что это совсем не его слова, ибо они совсем не подходили человеку с его внешностью и комплекцией. Хотя с виду он и на торговца оружием не походил, скорее на уродливого,

хоть и с волевым лицом, торговца овощами на рынке, любящего иногда пропустить по рюмашке беленькой. Но все же там, в коридоре, по обе стороны прохода, находились всевозможные пистолеты и автоматы, а не морковки с дайконами. Внешность бывает обманчива, но слова все же были не его.

Мара вновь что-то хотела спросить или просто прокомментировать слова грушевидного торговца оружием, который все еще был в майке и семейных трусах, но мне совсем не хотелось продолжать этот разговор и усугублять ситуацию, поэтому я резко сменил тему:

– Так что насчет трансфэйсера? Мы сюда только за ним пришли, а не чтобы со всякими железяками бороться и вступить в демократические партии.

– Я отдам вам его бесплатно, – сказал Роул, – только при условии, что вы вступите в ряды «Гаруды». Вам же тоже Правительство не по нраву, я прав? Иначе зачем вы сюда пришли и ищите запрещенную технологию? Вы вступите в «Гаруду», а я вам отдам имеющийся у меня корректор внешности, плюс все, что сами пожелаете. Вы явно что-то планируете, а здесь могут найтись предметы, которые вам помогут в вашем деле. Мы даже вам людей выделить можем для поддержки, так сказать. А вы поможете нам свергнуть здешнюю власть.

Возможно, он не так глуп, как мне казалось. Догадался ведь, что мы замыслили что-то, да еще и про Правительство говорит. Лично мне плевать на Вселенское Правительство.

ство, мы здесь лишь за сенатором, а если выйдет так, что нам придется столкнуться со всем Правительством разом, то мне проще будет разобраться одному, чем с несмышлеными фанатиками за спиной. Не хочу винить себя за их гибель.

– Соглашайтесь, – поддакнул Машая Роулу. – Поможете нам свергнуть хотя бы только здешнее правительство, а дальше сами решайте.

Обожженный снова недовольно зыркнул на бармена, но ничего не сказал. Роул явно не привык, что ему мешают заключать сделки на наиболее выгодных условиях не сами клиенты, а его, если можно так выразиться, сторонник, но все же вновь промолчал, снова повернувшись к нам. Машая в очередной раз так ничего и не заметил.

– Я, может, повторюсь, – медленно проговорил я, – но мы пришли сюда *только* за трансфэйсером. И после того... испытания, которое нам устроили, думаю, что солидная скидка не будет чем-то слишком неестественным в данной ситуации.

– Но почему вы не соглашаетесь? – чуть ли не выкрикнул Машая. – Ты же человек, да? – обратился он ко мне. – А они хотят всех людей отправить в какие-нибудь трущобы, и нам еще повезет, если это будет не наша родная планета. Ты не хочешь им помешать?

– Кхм, – хмыкнул я после небольшой паузы. – Скажем так: мы идем немного разными путями. Вы не думайте, что мы сидим сложа руки, у нас есть свои планы, в которые ваша

гордая птица совсем не вписывается, даже наоборот, – вы нам слегка мешаете. Я не буду раскрывать вам то, что мы собираемся сделать, но и вас не сдадим.

– Но что вы можете сделать втроем? – поразился бармен.

– А кто сказал, что нас только трое? – поднял я брови. –

Вы про нас ничего не знаете, пусть так и остается.

Пусть про нас они ничего и не знают, но примерно представляют наши планы, пусть и не в полной мере. Мешать они вряд ли будут, а вот их помощь может даже навредить.

– Но мы же вам рассказали о нас, – пробормотал Машая.

– А кто вас заставлял? Мы сюда пришли лишь за одной запрещенной технологией, – очередной раз повторил я цель нашего визита, – а то, что вы решили, будто мы вдруг захотим примкнуть к вашему восстанию, – это уже ваши проблемы.

– Спардию не понравится, что мы все рассказали тем, кто не хочет к нам примкнуть, – тихо сказал Машая, не обращаясь ни к кому конкретно. Если бы я его не знал, то подумал бы, что это угроза.

– А вы ему и не говорите, – посоветовал я.

– А если он спросит?

– Что спросит?

– Ну, про вас. Мол, кто такие, чего хотели, о чем говорили... Тут же у него везде глаза. А я врать не умею.

Я почему-то ему верил. Из него врун, как из меня правдолюб.

– Тогда не ври, скажи правду.

– Он может захотеть вас убить, чтобы вы не сболтнули лишнего.

– А это, как говорится, уже наши проблемы.

Машая сидел, опустив плечи, Роул хмурился и не знал, что еще сказать, уставившись в пол. Будто переговоры не увенчались для них успехом, хотя ни на какие переговоры я не соглашался и в помине.

– Ладно, – заговорил я, – давайте решим вот как: вы дадите мне мой желаемый трансфэйсер – а если есть еще что-нибудь, чем можно изменить внешность, то тоже тащите, – я, если хотите, заплачú необходимую сумму, а если ваш босс поинтересуется, скажите ему, что вы предложили мне присоединиться, а я ответил, что обязательно подумаю.

– А ты подумаешь?

– Только чтобы тебе не пришлось врать, здоровяк: да! Я подумаю над вашим предложением. Мы все подумаем, только дайте нам уже то, за чем мы сюда явились, а то нас ждут, а мы и так задержались. – Я едва сдерживался, чтобы их обоих не схватить за ноги и хорошенько не встряхнуть.

Трансфэйсер, как и говорил Роул, оказался у него всего один, да и тот, по его словам, был не самым исправным, а так как эта технология была у него в единственном экземпляре, разбирать ее до основания, чтобы как следует изучить микросхемы и внутренности, он не решился. Каких либо ин-

струкций и чертежей у него тоже не было. На мой вопрос, почему он не смог раздобыть и как следует изучить какую-то технологию изменения внешности, когда у него в коридоре целый мальпленган висит, он ответил, что был занят более важными делами. Наверно, подобрал менее грязные трусы, и, судя по всему, дело провалил.

Трансфэйсер он все же отдал нам бесплатно, в надежде, что мы все-таки подумаем над их предложением вступить в повстанческое движение. Отказываться от халявы я не стал.

За небольшую цену он предложил воспользоваться другой технологией, которая была повсеместно разрешена. Небольшой ручной аппарат был похож на обычный сканер, однако обладал способностью выращивать волосы на любой части тела почти мгновенно, а также менять их цвет; нужно было просто задать команду. Костун хоть и не особо любил растительность на лице, а потому брившийся каждый раз, когда выдавался случай, все же согласился на небольшие усики, которые немного облагораживали его внешность, делая лицо менее похожим на детское. Так как большинство дэбелов имели проплешину на макушке, лысину, чтобы не вызывать подозрения, решено было не заделывать. Большинство представителей дэбельской расы были похожи: небольшой рост, округлый живот, пухлое потное лицо и, естественно, лысина, поэтому Костуна особо гримировать не имело смысла. Его узнает только разве что другой дэбел.

Единственную в нашей команде представительницу жен-

ского пола было по определению труднее изменить таким способом, так как из волос у ее были лишь волосы на голове да брови, а Мара сразу отказалась от пышных усов и бакенбард, которые я ей предложил. Сросшиеся брови ей тоже не льстили. Поэтому она лишь сменила цвет волос с густо-черного на блондинистый, а также подправила немного форму бровей. Несмотря на то, что мы всем скопом считали изменение формы бровей не особо действенным способом смены внешности, девушка нас не послушала и оказалась права. Более густые брови оказали необычный эффект, поэтому сменить форму бровей решили все, даже я, но только лишь чуть-чуть. Костуну сначала сделали брови просто огромными, даже больше, чем были у того джигударго, что хотел нас всех тихонько казнить на красной планете, но отсмеявшись, просто сделали их чуть более густыми, тем самым уравновесив его внешность: теперь он стал похож на маленького толстого мушкетера.

Вот и получилось так, что вышли мы из здания уже новыми людьми. Но все с той же компанией в виде лысого Машаи. Ему волосы иметь почему-то совсем не хотелось, наверно, не желал закрывать татуировку черепа.

– Эка вас там раскрасили, – воскликнул трехглазый, когда нас увидел. – А ты, – показал он на меня, – имя которого я уже забыл, так вообще другой человек.

Может, это и было немного подозрительно, но я сразу одел трансфэйсер и сменил внешность. Если он перестанет рабо-

тать раньше, чем мы выйдем из города, я вернусь и затолкаю его Роулу в ухо.

– На то и расчет, – хмыкнул я. Голос, к сожалению, трансфэйсер сменить не мог, но вряд ли кто-то из наших преследователей с ним знаком.

– А этого у вас вроде не было, когда вы входили, – показал он уже на длинный чехол у меня за спиной.

– Сувенирчик, – многозначительно протянул я.

– Дашь взглянуть? – прищурился Самта. – А то я слышал, у этого расплавленного игрушек много интересных где-то в подвалах, вот и вы, наверно, одну такую прикупили. Верно?

Самта фанател от оружия, судя по всему, это развилось вместе с паранойей, недаром он на себя столько орудий нацепил, словно на войну собрался. Если что случится, он и третью всего этого просто не успеет воспользоваться.

– Верно, но игрушка эта слишком хорошо запакована, чтобы сейчас ее тут разворачивать, тем более под таким пристальным вниманием.

– Так вы заметили? – хмыкнул он, оглядываясь по сторонам. – Или это вам Роул сказал? Да не важно. За нами и правда наблюдают. Прикинь, Маха, – повернулся он к Машае, – стоим, значит, никого не трогаем, тут к нам какие-то пацанчики подваливают, мол, чо стоим, кого ждем, а мы отвечаем, что стоим потому, что сесть не на что, а ждем людей, но не их, разумеется, а они бычить начали, представляешь?

– Они бычить начали? Ну ладно.

– Так вот, – пропустил Самта колкость мимо ушей, – мы им слово, они нам два. Я уже собирался на них нашего железного друга натравить, – он махнул на работа, – а тут их главному как прилетит какой-то камешек, да прям в макушку. Я еле сдержался, чтобы не заржать, уже готовился драться, а он ругнулся да свалил, чо-то бурча под нос, а за ним и его свора утопала. Прикинь! Ребята с крыши их одним камешком уделали. Я их так и не увидел даже, одни тени.

Даже странно, что в таком задрипанном городке находятся профессионалы, которых я смог заметить лишь из-за огромного опыта в вопросе слежки и сокрытия. Наверно, наемники, только трудно представить, чем им платят здешние помойные коты. Если кто-то из местных вдруг решил бы их на нас натравить, нам бы пришлось не сладко.

– У них и другие «камешки» есть, и те ребята это знают, потому и свалили, – сказал Машая. – А ты в следующий раз на рожон не лезь. А то тебя сначала пырнут, а потом спрашивать будут, и ни ребята с крыши, ни твое вооружение тебе не поможет.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся Самта.

– Ладно, пошлите, – повернулся бармен к нам, – а то и вам, и нам нужно спешить.

– А вам-то чего? – спросила Мара.

– Так бар восстанавливать.

– У вас же скоро заварушка планируется, разве ж потом до бара будет?.. – начала Мара. Язык без костей.

– Всегда есть дело до бара, – громко перебил Машая первым, что пришло на язык, и покосился на Самту, строя нам гримасы, намекая, что трехглазый ничего о революции не знает и в восстании не участвует. Узнай он правду, давно бы свалил, это точно.

– Что за заварушка? – не понял Самта.

– Да это... так... это...

– Обычная заварушка, – пришел я на помощь здоровяку. – У вас же постоянно в баре драки всякие, вот Мавра и говорит, что опять какая-нибудь кутерьма может приключиться, так какой смысл все снова отстраивать?

– А-а-а, – протянул Самта, задумавшись. Он явно отвлекся, когда Мара заговорила о «заварушке», а потому не все услышал, а тем более понял, так что вряд ли заметил подвоха. Хотя все равно как-то странно на нас посмотрел, словно мы что-то от него скрываем. Но пока это его лично не касается, ему было все равно.

– Бар нужен, – снова заговорил он. – Как же без бара? Мне ж тогда новую работу искать придется, где нужно будет работать. – Он поморщился.

– В каком это смысле?.. – начал Машая, но трехглазый его прервал:

– Мы же вроде спешили, нет? – И быстро потопал вперед. Такие работники и даром не нужны, но Машая все равно держал его при себе. Пусть он и говорил, что ему не хватает человеческого общения (хотя сам он был не особо болтлив),

но мог найти кого и получше. Хотя для работы в баре нужна выдержка, чтобы не испытать продукцию на себе, а Самта, судя по всему, не был любителем выпить, зато любил деньги. Отдавать Машае долги он не стремился, а потому вряд сильно расстроится, если бармен поляжет на этой своей войне за свободу.

– Вот поганец, – ругнулся бармен и зашагал за ним в сопровождении робота. Мы же специально немного отстали.

– Их босс уже знает о нас, – сказал я.

– Почему ты так решил?

– Не похож Роул на того, кто что-то скрывает от своего босса, так что не будет дожидаться, пока тот сам его спросит.

Говоря о Спардии, в глазах Роула читался благоговейный если и не страх, то как минимум мандраж. Страх бы он начал испытывать, узнай его босс, что тот скрыл от него подобную информацию, а этого торговцу оружием не хотелось. Машая же испытывал к нему большое почтение, и тоже не стал бы обманывать босса, если бы мы не попросили. А может, он знал, что Роул и без него все передаст.

– Да, ты прав, – согласилась Мара. – Они фанатики какие-то. Тот обожженный так точно больной на всю голову, как речь зашла об их движении, так его понесло, не остановишь.

– Вот и я о том же. Надеюсь, нам не помешают выйти из города.

Девушка нахмурилась, Костун стал беспокойно озирать-

ся, хотя, казалось бы, куда уж беспокойней.

– Напрягают меня эти парни на крышах, – сказал он. – Так и чудятся в каждом окне с винтовкой в руках.

– Они там и сидят.

Костун еще больше насторожился, не выпуская из липких ручонек свой пистолет-пулемет; пот так и лился водопадом по его испуганному лицу.

Машая проводил нас до собственного бара, предложив напоследок выпить, но мы отказались, хотя Костун и пытался уговорить пропустить по рюмашке чего-нибудь обжигающего, но нам надо было спешить. Бармен нарисовал подробную карту маршрута до городских ворот, благо путь не шел ни через одну стену хлама и чужую территорию. Некоторые территории являлись нейтральными, в основном это были пути от одних ворот до других. Иначе мы бы и до бара не добрались. Машая еще предложил приставить к нам одного из роботов для обеспечения безопасности, но и от этого мы отказались. Распрощались мы довольно тепло, но широкоплечий бармен, посматривая на Самту, добавил, чтобы мы все же подумали над предложением. Я обещал.

Карта Машая оказалась довольно точной, он даже написал несколько банд, мимо территорий которых мы будем проходить, и посоветовал поспешить, так как уже начинало темнеть, а «выйти из города куда труднее, чем в него попасть». Еще посоветовал не привлекать внимания, что было пробле-

матично. Невысокий бровастый и усатый толстяк, высокий человек с длинным и узким, практически лошадиным, лицом, да еще и с конским хвостом (это замаскированный я) и стройная блондинка с изящными густыми бровями, – такая компания явно привлекала внимание в темном злачном городишке, где каждый второй – здоровяк с автоматом в военной или около военной форме с бульдожьим лицом. Сопящие в грязи оборванцы без жилья с залитыми глазами тоже посматривали недружелюбно, даже больше, чем когда мы входили. Мы выглядели легкой добычей, так что оставалось уповать лишь на устрашение оружием.

Когда до ворот оставалось три-четыре поворота в этом огромном лабиринте, перед нами как из-под земли появились двое. Костун даже с испугу чуть не дал по ним очередь, но я все же перехватил его ўзи и опустил дуло вниз так, что если бы даже его оружие и не стояло на предохранителе, он бы все равно лишь взбороздил землю.

– Вот вы где шляетесь! – наигранно недовольно крикнул Июлай, укоризненно тыча в нас пальцем.

– Мы не шляемся, мы работаем, – протянул я.

– Работают они, как же! Мы уже хотели идти вас из переделки вытаскивать, когда увидели, что вы вроде бы возвращаетесь обратно к воротам. Мы бы вас и не узнали, если бы у меня не была встроена программа распознавания лиц; двоих – Мару и Костуна – я сразу узнал, а тебя вот нет. Хорошая штука, этот трансфэйсер.

Верон вздохнул и потер переносицу.

– Увидели? Это где это вы нас увидели? – прищурился я, не упустив оговорку киборга и реакцию черноглазого.

– Ну... это...

– Мы повесили на вас жучок, – перебил мычащего Иолая Верон. Он недовольно посматривал на своего приятеля, как не так давно я посматривал на Мару, не способную держать язык за зубами.

– Жучок? – возмутилась Мара. – Вы нам не доверяете?

– Да не в этом дело, – наконец вспомнил слова киборг, – просто не хотели вас... потерять.

– Потерять?

– Ну да. Мы бы вас вообще наверно не узнали в таком виде. Мы сначала подумали, что вы какие-то бродячие музыканты. Или циркачи, – усмехнулся он. – Толстяк у вас за место клоуна; ты, – показал он на меня, – какой-нибудь конферансье или наездник. Хотя с чехлом за спиной на музыканта как раз и похож; ну а девушка, – посмотрел он на Мару, – девушка для отвлечения внимания от фокусника, – ехидно оскалился Иолай.

– А фокусник, как я понимаю, у нас ты? – поняла Мара. – Эдакий прохиндей, достающий всякие дурацкие штуки из всяких неожиданных мест.

– Мне нравится эта игра, – радостно оскалился киборг, – хотя в словах про неожиданные места я вижу иронию и даже уязвление. Да и фиг с ним, я не обидчивый. Тогда кто у нас

Верон?

– Тот, кто не любит надоедливых фокусников, – ответил за себя черноглазый. Он с самого начала был не в духе, а Иолай то и дело гримасничал, как самый настоящий клоун. В общем, настроение у них было противоположным.

– Молчу, молчу, а то по шее получу!

– Кстати, ты чего снял свои линзы? – удивился я.

– Чтобы местные обитатели видели, что я не простой прохожий. Когда выйдем за черту этого... городка, я снова их вставлю.

В полусумраке черные склеры глаз Верона были еще более темными, придавая ему демонический облик, а желтые радужная оболочки вспыхивали блеском каждый раз, когда на них падал свет. О гераклидах знали практически все, но знание не могло защитить от страха, когда видишь одного такого перед собой. Некоторые считали гераклидов проклятыми Дьяволом, и помимо регенерации и более долгой жизни, приписывали им и другие способности, вроде превращения в волков, а то и в нетопырей, даже говорили, что они едят младенцев, зажаривая их на вертеле. И было плохой приметой, посмотреть гераклиду в глаза. Все это, конечно, было неправдой, но суеверные не хотели рисковать.

– Я тоже хотел снять псевдо-кожу с руки, – подал голос Иолай, – чтобы показать, что я киборг и лучше со мной не связываться, но Верон запретил.

– Ладно, хватит болтать. Пора отсюда убираться, пока нас

не подстрелили.

Бомжеватые личности у стен уже зашептались, глядя на нас, однако никто не хотел рисковать. Но чем больше темнело, тем, казалось, более храбрыми становились местные жители.

– Согласен! – чуть не выкрикнул Костун. – Как же я устал целый день ходить, – пожаловался он.

Мы пошли к воротам, выводящим наружу. Возле них, рядом с бойцами – ничего себе! – стоял тот самый беззубый урод, который первый выказал свое недовольство нами в баре, а потом одним из первых и свалил. Он всматривался в нас, выходящих из города, но сгущающиеся сумерки, видимо, подпортили и без того его слабое зрение. Он мог увидеть меня, совершенно незнакомого человека, мог увидеть блондинку, хотя «та баба» была жгучей черноволоской, мог увидеть еще двух людей, недавно вошедших в город, а теперь возвращающихся, но узнать нас ему было трудно. Лишь Костун вызывал опасение быть узнанным, но все обошлось. Возможно потому, что слух частично заменил ему зрение, а слышал он лишь угрожающее звяканье оружия.

Так мы и вышли всей группой из города, и никто нам дорогу не преградил и даже слова не сказал. Хотя в воздухе витало напряжение, будто они знают, кто мы, что тут делали, куда идем и что запланировали. И чувство это было гнетущим, но каким-то глубоким, как затишье перед бурей, в которой нам явно отведена своя роль. И не из последних.

Глава 6

– Интересная история, – протянул Верон, подперев рукой подбородок и всматриваясь в языки пламени горящего в номере камина. – Революционеры. Это и не удивительно, что они решились на открытые и масштабные действия после такого.

Мы все сидели в номере одной из самых дорогих гостиниц Каветана, расплывшись полукругом возле камина с порталом, по цвету напоминающим красное дерево, коим было отделано все, что только можно было украсить, поэтому комната выглядела даже немного жутко, но все же довольно красиво и стильно.

За окном давно стемнело, но спать особо не хотелось. По крайней мере, никто кроме Костуна не выказывал усталость, а сам толстяк, расположившись в удобном кресле, сидел с полуприкрытыми глазами, уперев лицо в кулак.

Верон снял всего три комнаты под разные имена, но только его, самая большая, выходила окнами прямоком на здание сената. Для непривычного глаза оно выглядело странно: огромная правильная пирамида, которая как будто слилась с другой такой же, но находящейся вверх дном. Однако при этом та, что вверх тормашками, словно частично ушла под землю, оставив снаружи лишь перевернутое основание, которое как бы примыкало со всех сторон к вершине первой пирамиды, возвышающейся над ним. Четыре уг-

ла этого основания служили посадочными площадками для различных летательных аппаратов, а широкие и длинные края с разных сторон были уставлены либо столами и стульями, либо небольшими хаотично расставленными палатками, ларьками и павильонами, продающими различные сувениры и вкусности. На самом краю со всех сторон стояло в ряд несколько обзорных труб. Именно это здания мы решили штурмовать. Наш корабль вполне подходил по размерам, чтобы уместиться на посадочной площадке, что не могло не радовать.

Две другие комнаты гостиницы находились напротив этой, но были относительно малы. Напротив – это значит, что для начала необходимо было спуститься на полпролета ниже по широкой лестнице, где располагались менее престижные и дорогие номера, но все еще шикарно обставленные. Верон записал себя и своего телохранителя в один номер класса люкс, меня и Мару он записал как женатую пару в полулюкс, а Костуну оставался самый маленький из всех номер повышенной комфортности. Толстяк, естественно, недоволен заворчал, что он мол, привык именно к таким номерам, какой себя взял «жадный гераклид с манией величия и транжирством». Верон вроде как хотел указать на нелогичность обвинения толстяка, но сказал лишь, что только его одного принимают за другого человека, брата Верона, в то время как остальным лучше не привлекать внимания. Костуну оставалось лишь согласиться и на дешевый по его

меркам номер, но ворчать меньше он не стал, лишь тише.

– Мы им, естественно, отказали, но чтобы отвязаться, пришлось пообещать, что мы подумаем над их предложением, – поставил я точку в своем кратком пересказе того, что с нами случилось.

Верон как-то неопределенно покачал головой и хмыкнул.

– А ты что же, сразу согласился бы присоединиться к фанатикам? – поинтересовался я.

– Вряд ли бы я с ходу согласился, конечно, но подумать бы подумал.

– Думаешь, с ними будет легче схватить сенатора? Да, это так, но есть несколько нюансов.

– Слушаю. – Он внимательно взглянул на меня.

– Во-первых, – начал я, – да, мы наведем необходимый шумок, под который можно легко спереть сенатора, но не факт, что эти... революционеры красноперые не подстрелят специально, а что более вероятно – случайно, нашу дорогую жертву похищения, что не есть хорошо. Во-вторых, чтобы устроить масштабную революцию, нужно много народа. А откуда он появится? Правильно – из того вонючего городка, а между нами двадцать – двадцать! – километров. Пока они сюда будут идти, их заметят все, кому не лень, и вызовут подкрепление, а сенатора вообще могут увезти куда-нибудь на другой спутник. Ну или на планету. Нам за ним бегать по всей системе? Нет, мы, конечно, можем его перехватить по дороге, но это лишняя геморрой и не нужные риски.

– Тут ты прав, конечно, но я думаю, что они не так глупы, чтобы переть сюда всем табуном двадцать километров по открытому пространству. Они явно не один день к этому готовились, да и не с того момента, когда услышали об упавшем лайнере. Как ты сам говорил, они лишь хотят использовать это событие и его последствия как отправную точку. Как призыв к действию. Воплощение давнишнего плана.

Да, их понедельник, с которого все грозятся что-то начать делать, наконец, настал, и они правда хотят что-то делать, а не снова пообещать себе начать в через неделю. Лучшего шанса у них не будет. И все же не хотелось, чтобы их планы порушили наши, тем более что они желают власть полностью свергнуть, а мы лишь немного направить в нужную нам сторону. К сожалению, они не понимают, что их план как раз и может привести к тому, что людей сошлют куда-нибудь в резервацию, а объяснять им это бессмысленно, они уже наметили маршрут.

– Это да, но как им в город-то незамеченными попасть? Туннель? Да там весь город распределен между бандами, даже если некоторые – большинство – бандитов из разных группировок и состоят в так называемой «Гаруде», от этого они не перестают быть бандитами. Вряд ли эти мордовороты даже ради «высшей цели» будут горбатиться, копая туннель *годами*. Им бы пострелять да выпить. А никаких других средств передвижения я у них не увидел.

– Да мы и людей почти не видели, – втесалась Мара, – но

это не значит, что их там нет. Если они сами умеют прятаться, то и какие-нибудь машины могут спрятать.

Ага, и космические корабли в придачу. Будет весело, если у них на орбите висит спутник с орбитальными ракетами, тогда им вообще ничего делать не нужно будет: нажал кнопку и любуйся алым закатом. Но вряд ли этот спутник до сих пор не заметили.

– Мара права, – кивнул Верон.

– Может и права, но даже если у них и есть средства передвижения, они все равно не смогут приблизиться к городу незамеченными.

– Да, это тупик, – согласился черноглазый после длинной паузы. – Но все же мы тут говорим об этом минут двадцать, а они планировали восстание не меньше года. Это как минимум.

– Я видел и участвовал в удачных операциях, которые продумывались за десять минут до начала ручкой в блокноте, так что я тоже в этом немного разбираюсь. Но те операции были либо намного менее крупные – простая разведка, либо настолько масштабные, что генералы двигали по полю маленькие фигурки солдат, которые служили для обозначения целых армий.

– Не сомневаюсь в твоём опыте, – вставил Верон.

– Но тут расстояние в двадцать километров, – продолжил я, – а силы нападающей стороны не такие уж большие, чтобы пробраться незаметно, как маленькая группа, или с разма-

хом и фанфарами, показывая бесстрашие огромной армии. На ум приходит лишь один вариант.

И этот вариант я уже видел не раз, даже участвовал в них, на обеих сторонах. Сейчас же я был на нейтральной стороне, но все же одним из основных действующих лиц. Все мы ими были.

– Я уже понял, к чему ты ведешь, – улыбнулся черноглазый уголком рта.

– А я нет, – не стал скрывать Костун.

– Восстание начнется не извне, а изнутри! – сказал я всем сразу и по-злодейски рассмеялся, вскинув голову.

– Как это? – испортила момент Мара.

– Женщина! Не прерывай мой злодейский смех!

– Да ну тебя. Так вы хотите сказать, – повернулась она к Верону, – что кто-то в городе собирается начать революцию, а те, из того городка за стеной, явятся позже?

А она схватывает на лету, хотя все же ей требуются явные подсказки, чтобы все понять.

– Это лишь предположение, – ответил черноглазый, – но, на мой взгляд, самое логичное. Будь у них необходимая техника, они могли бы, например, долететь до города ночью на каких-нибудь небольших и не шумящих летательных аппаратах, но даже если они у них и есть, то их явно не так много, чтобы перенести всю повстанческую армию за раз.

– Кстати, насчет техники и технологии, – перебил я Верона. – А вдруг у Роула, ихнего торговца оружием и техника

(и кто-то он там еще?), отыщется какой-нибудь портативный метасалир и он просто всех сюда перенесет?

Портативные метасалиры никогда не пользовались спросом.

– Это вряд ли, – оживился Иолай. Он разбирался в технических вопросах лучше нас всех, а потому не мог не подключиться к разговору. – Даже если у него и есть метасалир, что практически невозможно – их крайне редко используют, если можно так выразиться, в повседневности, а у простого торговца в гетто ему вообще неоткуда взяться, – то ему едва ли хватит и всей энергии города открыть и стабилизировать портал, дабы туда прошло хотя бы человек пятьдесят. Даже если войдет и один, не факт, что такой портал не глюкнет, и вошедшего не распилит пополам. Это в лучшем случае.

Иолай поведал, что попытки использования портативного метсалира не увенчались успехом. Точнее, все работало, но энергии для открытия необходимо было крайне много. Для одного портала солнечную энергию приходилось собирать месяцами, потому что мешала отдаленность планеты или спутника от звезды, а также атмосфера, которая не позволяла проникнуть всем тем излучениям, что исходят от Солнца. Хотя Иолай все же считал, что на некоторых правительственных базах есть подобные порталы, энергию в которых поддерживают постоянно, хотя если что-то пойдет не так, взрыв может быть способен снести небольшой город.

– Значит, как и предположил Амар, восстание может на-

чаться только изнутри. Остается только один вопрос – когда?

Восстанию всегда требуется кокой-то импульс, толчок, который заставит один камушек покатиться с горы, влеча за собой целую лавину. Проблема в том, что тот, кто ее создает, не обязательно этого желает. Благими намерениями, как говорится...

– Это проблема.

– Почему? – не понял Костун. Он вообще мало что понимал, но суть все же кое-как улавливал, несмотря на то, что глаза его слипались. Она ему не нравилась.

– Потому что, скорее всего, у нас не будет времени подготовиться, – ответил Верон. – Если не начнем действовать незамедлительно, мы можем упустить свой шанс схватить сенатора. Придется импровизировать.

– О! – оживился я. – Импровизация – это мой конек! Итак, начнем действовать незамедлительно?

– Лучше следующей ночью, – сказал Верон после небольшой паузы. – Многим из нас необходимо как следует отдохнуть, а завтрашний день потратим на подготовку. Действовать начнем, когда стемнеет.

– А если эти революционеры начнут раньше? – спросила Мара. Она не выказывала беспокойства, но, как и в прошлый раз, держала все в себе, накапливая напряжение, пока не взорвется. Оставалось лишь надеяться, что взрыв произойдет не в самый ответственный момент.

– Я в этом сильно сомневаюсь, – ответил я.

– Почему?

– Они решились действовать, используя катастрофу, как повод, но почему-то не напали на сенат сразу же, как только прозвучи обвинения сенатора. Думаю, они и теперь ждут повода для нападения.

Каждый ждет своего понедельника или свое завтра. Зачем делать сегодня то, что можно отложить на завтра? Мы был тем самым импульсом, который собирается сдвинуть маленький камушек с неудобного нам места, но кто-то уже приготовился, чтобы толкнуть нас в спину, дабы этот камушек выпал из наших рук, превратившись в катастрофу. И если мы не удержимся на ногах...

– А мы можем быть этим поводом, – поняла девушка. Схватывает на лету, как я и сказал.

– Верно. Полагаю, они начнут действовать сразу же, как только начнем действовать мы.

– Тогда мы можем и побольше отдохнуть, – вклинился Костун. Тема отдыха интересовала его больше всего. – Если они ждут нас, то пусть и дальше ждут, а мы отдохнем в номерах, понежмся в джакузах, насладимся здешними вкусностями. Я как-то был в одной гостинице, не в этой, конечно, здесь слишком дорого, но там подавали потрясающе вкусных мидий! Пальчики оближешь. Уверен, что тут-то точно должны они быть. – Костун говорил с воодушевлением, даже сонливость почти не засыпала ему глаза песком.

– Это, конечно, хорошо, – перебил его Верон. – Но все

это лишь предположения. Даже если они и верны, не факт, что уже готовые к атаке повстанцы будут спокойно сидеть и ждать, когда мы сподобимся действовать. Они могут подтолкнуть нас к этому, что сильно усложнит дело.

– Думаешь, они такие умные? – засомневался Иолай.

– Они, может, и нет, но вот их предводитель, Спардий, вполне может таковым оказаться. Если верить Амару и остальным, члены «Гаруды» довольно... фанатично относятся к своему боссу, а глупый человек не способен вести за собой такое количество людей, тем более самодовольных бандитов, которые вообще не любят подчиняться.

– Значит, решено: завтра вечером мы захватим сенатора и выудим из него всю информацию.

Мара спала всю ночь как убитая и проснулась лишь за полчаса до полудня. Я не спал всю ночь. Сначала пытался, но проворочавшись часа два, не выдержал и пошел к номеру Верона и Иолая. Как я и думал, они тоже не спали.

– Что, не спится? – усмехнулся Иолай, открыв дверь. Прямо дворецкий какой.

– Я вообще могу не спать, – откликнулся я, – но все же просто люблю иногда вздремнуть, когда время есть, а сейчас сон совсем не идет.

– Верон – гераклид, как ты знаешь, он тоже очень долго может обходиться без сна, а мне главное иметь полный заряд и целые детали.

– Я так и думал, что вы не спите.

– Ты очень необычный, – сказал Верон. Он сидел в мягком кресле возле окна, смотря на здание сената, и даже не повернулся, когда я вошел. Сидел он в пол оборота и единственный видимый мне глаз блестел золотом, ловля свет уличных фонарей.

– Я? Почему? Из-за неспособности умереть?

– И это тоже. – Он повернулся. – Ты не просто не можешь умереть, но еще и не чувствуешь усталости, и в добавок ко всему, ты не по-человечески силен. Простое бессмертие не дает такие возможности.

– А ты много знаешь о бессмертии? – усмехнулся я. Верон оставался серьезным. С того самого момента, как нас пытались убить лже-патрульные, он постоянно ходил смурным и практически не улыбался, а если улыбка и касалась его губ, то была какой-то натужной. Я считал, что это из-за ранений, из-за того, что он попал в потовую ситуацию, из которой не мог выбраться самостоятельно. Он любил держать все под контролем, а тут он был слишком беспомощным, пусть и не хотел этого признавать. Судя по всему, дело все же было во мне.

Так-то он вообще выказывал мало эмоций, но именно рядом со мной, после того, как он узнал о моей силе, Верон то хмурился, то старался на меня не смотреть, однако скрывал это, пусть и неумело.

– Нет. Я просто пытаюсь мыслить логически, – ответил он

после небольшой паузы.

– Логически? – я рассмеялся. – Я пытался узнать о своих способностях тысячи лет: ходил к экстрасенсам, ясновидящим, гадалкам, сам гадал на всем, чем можно. Надо мной было проведено опытов больше, чем на любом живом существе во Вселенной. А ты хочешь все понять, размышляя среди ночи у открытого окна?

– Почему ты скрываешь ото всех свой дар? – спросил он спокойно, но я чувствовал его напряжение. Он хочет узнать обо мне – а может, о моей способности – больше, чем пытается показать, оставаясь хладнокровным. Я ему не нравился, я был загадкой, которую он не мог разгадать самостоятельно, естественно, что ему неприятно просить об ответах.

– Почему? Это же элементарно! Меня начнут преследовать, чтобы очередной раз провести надо мной опыты, которые проводились уже сотни раз. – Вообще, меня и так преследуют очень многие, но их станет в разы больше, если я стану всемирно известным. – Все существа во Вселенной – абсолютно все! – считают себя умнее других. Каждый, проводя какой-либо опыт, который до него проводился множество раз, но другими расами, надеется, что те, другие, совершили какую-нибудь ошибку, может совсем крошечную, но она стала роковой. Но я-то не они, думает этот каждый, я-то не дурак, у меня-то все получится, я же умнее всех! Но у него не получается, как и у тех, других, но тут находится новый умник, который считает... В общем, это бесконечный

замкнутый круг. Ну или спираль, если хочешь, ибо каждое такое повторение делает этот опыт все более тупым и бессмысленным, а значит, все те новые, кто его проводят, оказываются не умнее предыдущих. И вот эта спираль уходит в бесконечность, доказывая и то, что идиотизм тоже бесконечен.

– Ты не ответил на вопрос.

– Почему я скрываю свой дар? Да потому что мне нечего уже скрывать. Меня, как я уже сказал, обследовали тысячи и тысячи раз, и ничего не нашли. Ни моя кровь, ни слюна, ни спинномозговая жидкость, ни любая другая жидкость не является эликсиром бессмертия. Ты ничего не заметил странного, когда мы захватили «тарелку»?

Верон призадумался. Он старался внимательно следить за всем, что происходит вокруг него, но именно из-за такого внимательного анализа можно упустить то, что на поверхности. За деревьями не видно леса.

– Нет, – ответил Верон неуверенно после долгой паузы.

– Ладно, поставлю вопрос по-другому: чего не хватало, когда ты поднимался и поднялся на борт? И у меня на одежде.

– На том покрывале?

– Да. – Пусть будет покрывало. – Только не говори, что не хватало штанов, это очевидно.

Верон снова задумался, не прошло и минуты, как он неожиданно для себя вскрикнул:

– Кровь! – но тут же успокоился, взяв себя в руки. Так ведет себя ребенок, считающий себя взрослым, найдя недостающую деталь от пазла.

– Вот именно! Тот рыжий здоровяк пустил мне пулю в затылок, выбив мозги на трап – хотя, вероятно, вы этого не заметили, так как были немного заняты, – а там было чисто, не считая крови солдат, но она была лишь на трапе. А на моих одеже и лице кровь была, но потом она тоже пропала, верно?

– Да, – нахмурился Верон, пытаясь вспомнить.

– Знаешь, как она исчезла?

Верон не ответил, ожидая, что это сделаю я сам.

– И я не знаю, – развел я руками.

Верон вскинул брови, Иолай, сидевший рядом со мной, хмыкнул. Ему было не менее интересно, но задавать вопросы он предоставил гераклиду, хотя обычно все было наоборот. Многие считают, что задавая вопросы, ты выставляешь себя глупцом, но лишь глупцы считают, что это так. Не задав вопроса, не узнаешь ответа, а значит, так и останешься пнем.

– Она просто исчезла и все. Могу показать. – Я взял нож, лежавший на журнальном столике вместе с некоторым другим оружием, и быстро полоснул себя по запястью. Из него хлынула кровь, забрызгав столик и оружие красным фонтаном. Через несколько секунд кровь бить перестала, и скоро порез полностью затянулся, не оставив и следа. Подобный фокус не раз меня выручал, если вокруг было полно врагов,

а убивать всех мне было лень; полоснул себя по горлу, враг сплюнул и ушел.

Кровь, заляпавшая все вокруг, казалось, так и будет расплываться густоватой лужице, капая со столика на ковер, но не прошло и десяти секунд, как она начала исчезать. Казалось, будто она обращается в еле заметный пепел, в хлопья, разлетающиеся от огня невидимого костра. Эти микроскопические хлопья едва отрывались от красной лужицы, как тут же превращались в ничто, растворяясь в пространстве, как будто и не было ничего. Через пару минут столик был чист и сух, не оставив и следа крови.

– Видите? Кровь, волосы, плоть, кости: любая часть моего тела, отделенная от этого самого тела, превращается в ничто.

– Но ведь если тебе отрубить руку, она исчезнет, а за место нее вырастит новая? – прервал звенящую тишину Иолай.

– Да.

– А волосы? Если волосы отрастают, то они у тебя уже должны по земле елозить.

Иолай способен довольно нестандартно мыслить, что я заметил за дни, проведенные вместе, но обычно он остается в тени Верона, что не есть для него хорошо. Когда-нибудь ему надоест держаться за чужой подол. Интересно, как тогда поведет себя гераклид?

– А это еще одна особенность моей способности, – ответил я Иолаю, – волосы и ногти, если я их отстригу, не отрастают тут же обратно. Если я плюну, кстати, слюна тоже не

исчезнет в полете. А вот если набрать мою кровь в шприц, она тут же превратится в ничто. Видимо, это все подсознательное. Лишаться руки я не хочу, а потому она вновь отрастает, если ее отрубить, а волосы и ноги я стригу намеренно, а потому они тут же и не отрастают. На плевки я вообще не обращаю внимания, так что и тут все как у людей. Хотя мне иногда кажется, что если я чего-то сильно захочу, например, отрастить волосы подлинней, то они как будто действительно начинают расти чуть быстрее.

И забеременеть от меня тоже возможно, семя не распалось на атомы, но эту подробность им знать не обязательно, а то еще начнут задавать вопросы про детей, а отвечать на них у меня желания нет.

– Тоже подсознательное?

– Ага. Ну, мне так кажется. Ученые, что меня изучали, вроде как тоже с этим согласны. Обычно все быстрее растет, когда я сплю, а значит, не могу нормально мыслить и контролировать себя. Просто перед сном желаю, чтобы волосы росли быстрее, они и растут. Но на самом деле по-настоящему я никогда не желал иметь длинные волосы, наверно поэтому и не имел. И еще я пытался перед сном представить, что у меня четыре руки, но тоже безуспешно.

Будь это возможно, я бы давно сменил скучное человеческое тело на что-нибудь более экстравагантное: красная кожа, черные глаза, рога и острые клыки, возможно даже небольшой заостренный хвост. Внешность Сатаны мне бы

пошла, только на копыта довольно трудно найти обувь, поэтому тут бы я остался при своем.

– Зачем тебе четыре руки?

– Не знаю, вдруг пригодятся? Да это так, просто эксперимент был. Безрезультатный.

Вновь наступило молчание, которое в последнее время наступало слишком часто. Вся наша компания была слишком разнообразной, и если какие-то темы для разговора и были, то они в основном заключались в попытке обелить наши имена и попутно спасти человечество от ссылки. По крайней мере, Верон больше всего желал именно первого, а Иолай второго. Я же в основном хотел найти виновника и наказать, как это могу только я. Оставались лишь Костун и Мара. Толстяк вообще ничего не желал, кроме как окончания своих мучений, ну а девушка... Похоже, ее привлекала сама мысль о приключениях, пусть она этого никогда и не выказывала, хотя как только становится жарко, она предпочитает оказаться где-нибудь подальше.

Верон опять уставился в окно. Иолай проверял оружие, но не очень старательно, просто пытался убить время. Я сходил до мини-бара и налил себе выпить, остальные тоже не отказались пропустить по одной, а потом и еще. Где-то через полчаса Верон вновь заговорил:

– Все это понятно, – сказал он как бы невзначай, словно его это не особо интересует, – но не объясняет твоей сверхчеловеческой силы.

– Тут тоже все просто, – ответил я. – Прикол в том, что у меня идеальное, по моему мнению, тело. Именно такое, какое я себе всегда хотел и до сих пор не расхотел. Но я-то хотел еще и становиться сильнее физически, а как это сделать, если не наращивать мышцы, как у йофира? Тут на помощь приходит моя способность адаптироваться. Если я долго буду под водой, то смогу под ней дышать; если на меня воздействовать сильным давлением, то через некоторое время я его даже чувствовать не буду; если меня долго и больно пытаться, я перестану чувствовать боль во всей ее красе. А вот если я буду долго качаться, я буду становиться сильнее. И при всем при этом я абсолютно никак не изменяюсь внешне. Мышцы как бы растут, и я становлюсь сильнее, но с виду я слабее, чем есть. Спросите: как? Отвечу: не знаю.

Правда, не все так просто. Иногда мне требуется несколько минут, чтобы приспособиться, а иногда и нескольких часов бывает мало. Все зависит от моего сознания, чем больше я чего-то желаю, тем быстрее достигаю результата, но дело в том, что я не всегда знаю, чего хочу, даже если для других ответ был бы очевидным.

– Круто, – кивнул Иолай. – Очень полезные все же у тебя способности.

– Только есть еще одна фишка: способность дышать под водой, не сгорать в огне и тому подобное – все это временное. Выйдя на сушу и вернувшись в воду минут через десять, мне снова придется адаптироваться. Так же, например, и с

давлением, и с огнем, и с болью, и тому подобным.

– Это уже минус.

– Не знаю, – пожал я плечами.

Если бы у меня оставались все те способности, что у меня когда-либо появлялись, я бы был слишком силен. А быть слишком сильным – скучно и не интересно. Меня бы никто и никогда не смог бы даже пальцем тронуть. За почти три тысячи лет моей жизни я не встречал более сверхъестественного существа, чем я сам. Наиболее близкий, как мне кажется, гераклиды, но у них сила не зависит от обстоятельств. Они сильнее любого обычного человека, но я могу вырасти до их уровня и даже стать в разы сильнее, а тогда у них и шанса против меня не будет. Но так как обычно я нахожусь в обычном состоянии, первое время любой гераклид будет превосходить меня по всем показателям. Прецеденты были.

– Интересно, а кто сильнее, – заговорил Иолай вновь после недолгого молчания, – ты или гераклид? Верон, как думаешь?

– Не думаю, что у меня есть шанс против того, у кого любые ранения затягиваются за секунды.

– Ну почему же, – возразил я, – ты себя недооцениваешь. За свою жизнь я встречался лишь с двумя из вашего племени, – один, кстати, был твоей же расы, – и с обоими у меня как-то не заладились отношения.

– И что было? – поинтересовался Иолай. Даже Верон оживился, сбросив маску безразличия.

– Ну, как ты, наверно, знаешь, Иолай, гераклиды, помимо своей живучести, обладают и незаурядным умом, а с этим – и хитростью. И часто используют это в битвах, предпочитая избегать прямых столкновений.

– Хм-м, я как-то об этом даже не задумывался. А ведь и правда, Верон, я редко видел, чтобы ты выходил против кого-то без подготовки.

– Подготовка и анализ противника – залог победы, – спокойно ответил он. – Так что произошло с теми двумя гераклидами? – вернул он тему разговора в прежнее русло.

– Тоже стало интересно? – хмыкнул я. – Ну, первого я убил в довольно тяжелой схватке. Мне повезло, что он думал, будто мои регенеративные способности лишь немногим превосходят исцеление гераклида. Твоя раса, – повернулся я к Верону, – не сочти за грубость, довольно эгоистична и горделива. А гераклиды еще зачастую и переоценивают себя. Камирутт и гераклид в одном лице – жгучая смесь.

Верон поморщился, но, видимо, решил, что я прав, а потому промолчал. Камирутты редко признают себя чересчур заносчивыми, а если и признают, то лишь просто не отрицая это вслух. Я продолжил:

– Первый гераклид, с которым я встретился, был так самоуверен, что вышел со мной драться, не подготовив ловушек и сюрпризов, хотя пару фокусов он все же в бою показал. Но всадив мне нож в сердце, он расслабился, думая, что мне пришел конец, это и было его роковой ошибкой. Вот так.

– А причины? Почему вы сражались?

– Пусть это будет загадкой, – ответил я, помолчав. – Скажу лишь то, что он был одержим властью и жадной вечной жизни.

Верон хмурился все время, пока я рассказывал о битве с гераклидом, да еще и с его соплеменником. Вероятно, ему не нравилось, что я рассказываю об убийстве ему подобного, а потому желваки у него на скулах то и дело проявляли себя. Хотя это казалось немного странным.

Гераклиды – это не раса. Это разумные расы, обладающие некой генетической мутацией, до сих пор плохо изученной наукой. Точнее, практически никак не изученной. Они, несмотря на любую комплекцию, обладают куда большей силой и скоростью, чем другие представители их расы, да и других тоже, а также обладают невероятной способностью к регенерации; чтобы наверняка убить гераклида – необходимо сильно повредить его сердце или мозг. Их интеллект практически всегда тоже выше среднего, даже если они ничему не обучаются специально. Также у всех представителей черные склеры глаз с желтой радужкой, и в отличие от красноглазых, внешне их можно отличить только благодаря ним. А так, Верон принадлежит к расе камирутт, как и Мара, кстати, которые мало чем отличаются от человека, не считая, пожалуй, наличия у всех поголовно иссиня-черных волос.

– Одержим властью? – уточнил Верон, вновь немного помолчав. – С чего ты взял?

– А почему тебя это так взволновало? Потому что он тоже был гераклидом и камируттом или есть еще какая-то причина?

– Нет никакой причины, – слишком резко зыкнул Верон, но тут же успокоился, хотя в голосе все еще звучало раздражение: – Просто ты так легко убиваешь людей, что мне стало интересно, чем ты руководишься.

– Хм... Чем руководствуюсь? Я и сам не знаю. Возможно, это чувство самосохранения, даже при условии, что я бессмертен. Если меня пытаются убить, я подсознательно пытаюсь защититься. Часто для противника это кончается не очень хорошо.

Верон что-то хотел ответить или спросить, но Иолай перебил его:

– А второй? Ты же говорил, что с двумя встречался, что стало со вторым?

– Без понятия, – пожал я плечами.

– Вот как? – холодно протянул Верон. – Даже не знаешь, что с ним сделал?

– Я знаю, что он со мной сделал. Этот второй оказался менее твердолобым, чем первый, полагаясь больше на хитрость, чем на силу. Не буду вдаваться в подробности, но, в конце концов, я оказался в жерле действующего вулкана. Правда, через полчаса началось извержение, и меня из него выбросило вместе с потоками лавы и валунами. На одном из островов далекой планеты до сих пор ходят легенды о вул-

канорожденном.

– Ого! – воскликнул Иолай. – Так это правда? Я слышал эту историю, только я думал, что это все байки местных врунов, а оно вона как. Потрясно!

– А что с тем гераклидом? – уже спокойнее спросил Верон.

– Говорю ж: без понятия. С той истории я его больше не видел и даже не слышал о нем.

Что-то я разговорился. Я редко кому рассказываю о себе, а тем более о своих способностях. Да еще и практически всю правду. Обычно это заканчивается плохо.

Однажды мне пришлось перебить целый мафиозный клан, потому что я доверился одному из их членов, а он все выболтал своему боссу. Босс решил, что он один из тех умников, что знает больше, чем все остальные вместе взятые, и захотел меня схватить, чтобы выведать путь к источнику вечной жизни. Когда он об это рассказал остальным лидерам клана, начались такие закулисные интриги, что мама не горюй. Некоторые даже додумались нанять людей со стороны, поведав им часть правды, а те решили, что бессмертие лучше любых денег. В общем, началась та еще кутерьма, а народу с каждым днем вовлекалось все больше, поэтому мне пришлось вмешаться.

Все обрели свое бессмертие на страницах газет и в криминальных сводках.

Ночь на спутнике подходила к концу. Так получилось, что мы разговаривали несколько часов, и не понятно, вышел ли разговор плодотворным или все же оказался пагубным для отношений в нашей маленькой случайной компании. Верон выглядел как всегда спокойным, не обремененным на вид эмоциями, хотя я чувствовал, что после этих разговоров его отношение ко мне несколько изменилось. Иолай же стал даже немного мной восхищаться, но особо этого не проявлял, особенно на виду у Верона.

Посидев еще около получаса, выпив вина и поговорив обо всем и не о чем, я пошел будить Мару, Иолай же отправился к номеру Костуна.

Когда я зашел в спальню с двумя, кстати, полутороспальными кроватями, то ее там не оказалось, как и на кухне, тогда я пошел в ванную комнату. Когда же я открывал дверь, Мара как раз закутывалась в халат. Как раз – это она только сняла его с крючка, а закутывалась она уже матюгнувшись и кинув в меня непонятно откуда взявшимся у нее в руке шампунем или гелем для душа. Сказать, что было неловко – ничего не сказать, но мои эмоции сильно отличались от эмоций Мары.

Когда же она, наконец, вышла из ванной комнаты, минут через десять, я сделал вид, что ничего не было, и я не видел ее прекрасного упругого тела, она же выглядела не так спокойно, хоть и старалась сдерживаться, но красное лицо и поджимание губ выдавало ее с головой. Видимо, решив не

усугублять, она уже успела переодеться в повседневную закрытую одежду. Я сказал, что мы собираемся в номере Верона для последней подготовки, и что как только она будет готова, пусть приходит. С этими словами я вышел, она же не проронила ни слова и старалась не встречаться со мной взглядом. В первый раз, почему-то, было не так неловко.

Я вернулся в номер к Верону и Иолаю.

– А где Костун? – поинтересовался я, заведя киборга.

– Я до него еле достучался, – пожаловался он. – Он, понимаете ли, не привык так рано вставать, король хренов. Но я его быстро в чувства привел, сейчас явится. А Мара?

– Она... тоже сейчас явится.

– Понятно.

На журнальном столике лежало оружие, которое перебирали Верон и Иолай, проверяя наличие патронов и работоспособность. Ночью, почему-то, никто этим особо не занимался, хотя и не спал, лишь Иолай иногда проверял оружие на вес, подбирая наиболее удобное. Верон, казалось, был полностью сосредоточен на этом действе, Иолай же вел себя более непринужденно. Кажется, сегодня я уже успел испортить отношения как минимум с двумя из нашей шайки. Не то чтобы это очень меня волновало, но перед общим ответственным делом все должно быть не так.

– Так что, – заговорил Иолай вновь, – кто будет впереди, а кто прикрывать? Не знаю как Мара, но Костуну мне вообще страшно оружие доверять. Кто его, толстяка, знает, нажмет

на крючок с испугу да спины нам продырявит, а если вперед послать, то его сразу же и снимут.

– Мы оставим его здесь. Будет следить за зданием, и если что, сразу же нам сообщит.

– Что-то я сомневаюсь в нем, – хмыкнул он.

– Немного доверия не помешает, – заметил Верон. – Если он увидит, что мы надеемся на него, а не просто смеемся, – Верон укоризненно посмотрел на Иолая, – то он, возможно, станет нам более полезен.

– Вот именно, что возможно, – возразил киборг. – Он сбежит при первой же возможности. Тем более что его рана практически полностью зажила. Может, с ним Мару оставить?

– Нет, она пойдет с нами.

– Почему?

– От нее пользы больше будет там, а не здесь, сидя у окна, да она и сама не согласится.

– Не соглашусь, – подтвердила Мара, неслышно заходя в комнату. – Я хочу быть на передовой, а не отсиживаться в тылу да еще и присматривая за потными толстяками.

Мара, не глядя на меня, прошла мимо и села на противоположный диван рядом с Вероном, рассматривая разложенное оружие.

– Может, все-таки подумаешь? Здесь безопасней.

– Нет, я хочу идти, – настырно повторила она, даже не замечая, как надула губы. Суший ребенок, желающий во что

бы то ни стало заполучить конфетку, даже зная, что она горькая, как касторка.

– Ну, как знаешь.

Даже если она и не хотела раньше, теперь пойдет чисто на зло. Правда, не очень понятно, чего она этим хочет добиться.

– Думаете, нам хватит оружия? – спросила она чудь погодя, поворачиваясь к своему соплеменнику камирутту.

– Это все, что есть.

В дверь постучали. Иолай тут же вскочил и отворил дверь; это был Костун, чистый, довольный и гладко выбритый.

– Ты нафига усы сбрил? – воскликнул Иолай. Костун сначала впал в ступор, потом изменился в лице и шлепнул себя ладошкой по лбу:

– Вот я дурак! Я ж совсем забыл, что они нужны. Я почему-то решил, что они сами выросли за ночь, удивился, конечно, а потом пошел и сбрил.

Лицо его вновь приобрело внешность толстого ребенка с проплешиной на голове.

– Это уже не важно, – прервал их Верон. – Костун все равно останется здесь, так что его никто не увидит, а когда начнется суматоха, мы его заберем и свалим отсюда.

– Здесь – это где?

– Иолай, объясни ему все.

– Лады.

Киборг усадил толстяка в кресло, а сам сел на край дивана, и строго наказал Костуну слушать внимательно, запоми-

ная все, что он должен делать, хотя делать-то особо было и нечего.

– А почему мы вообще в том городе за стеной не закупились как следует? – вернулась Мара к начатой ею теме. – Там наверняка можно было купить все, что угодно.

– Потому что это привлекло бы лишнее к нам внимание, – ответил я. – Мы пришли со своим оружием, со своим и ушли.

– Но ты же прикупил себе этот автомат, – грубо заметила она.

– Потому что он мне понравился. Один автомат – это не целый арсенал. – Хотя, если так подумать, малыпенган легко заменял десяток обычных автоматов. – Мы купили трансфэйсер и слегка подправили внешность. Обычно такие изменения делают, чтобы тебя не узнали, а зачем тебе это надо, – могут быть сотни причин. Если бы мы набрали целый склад этого оружия, то тут сразу бы стало понятно, что мы намереваемся идти на крупное и шумное дело.

Хотя, если Роул действительно все разболтал – а так и есть, – сейчас о нас знают все члены «Гаруды» и просто выжидают наших первых шагов. Даже не зная наших планов, они могут просто задействовать свои, пока мы невольно отвлекаем внимание на себя.

Мы говорили об этом вчера, но Мара хотела узнать больше, даже если мы сами ничего не знали. Мы можем лишь предполагать.

– Значит, мы не купили больше оружия, потому что скры-

ваем наши планы? – спросила она.

– Вроде того. Правда, это не особо сработало.

– В смысле?

– В прямом. За нами следили, как только мы прошли контроль на подлете к спутнику. В городе тоже, естественно, следили, как следят и сейчас.

– С чего ты взял? – удивилась девушка.

– Шестое чувство.

Иногда у меня возникает такое ощущение, что я под прицелом, и кто-то готов вот-вот спустить курок. Обычно так и бывает, только вместо простого оружия у этого кого-то бывает что-нибудь похуже, например, бомба, информационная. Камеры в лайнере записывали каждый мой шаг, как я и предполагал. В отеле тоже были камеры, но с полной уверенностью я сказать не могу, наблюдает ли кто-то через них за мной или нет. Возможно, наблюдающий находится в этой же комнате.

– Разве у людей шесть чувств? – приподнял бровь Верон, оторвавшись от своих крайне важных занятий.

– У обычных – да. Верон молча кивнул, показывая, что понял.

Иолай объяснил Костуну его задачу в сегодняшней заварушке и откинулся на спинку дивана; то же сделал и Костун в кресле. Он выглядел немного растерянным и даже слегка напуганным. Даже он понимал, что скоро будет, и не мог скрывать свои чувства. Ему очень не нравилось, во что он вля-

пался, затесавшись в нашу компанию.

– Слушай, Костун, – обратилась к нему Мара, – а твой друг не мог нас сдать?

– Яким? Да не друг он мне, я ж говорил уже, так, старый знакомый. Раньше он меня никогда не сдавал. Не знаю.

– Он мог услышать, что тебя разыскивают, вот и сдал. Дэбелы охочи до денег.

– Ничего мы не охочи – вскинулся Костун, – просто... если представляется случай, мы стараемся им воспользоваться.

– Вот и я о том же. Он мог счесть это хорошим вариантом заработать.

– Не думаю, – усомнился я. – За нами следили, как только мы подлетали к станции. Хотя, возможно, там за всеми прибывающими следят, на спутнике ведь государственные учреждения, но вряд ли они стали и вообще смогли бы следить за всеми даже после приземления. Может, этот Яким и сдал своего «старого знакомого», но мы и без него были под колпаком.

Кому-то очень нравится подглядывать за нами, особенно за мной. Может, мой противник какая-нибудь женщина, которой я не перезвонил?

– Это может осложнить дело.

– Сомневаюсь, – заговорил Верон, прочищая дуло автомата. – Если бы они хотели нас схватить, то уже попытались бы это сделать.

Верно, мы были особенно уязвимы, когда пристыковались к станции, и нас могли легко схватить, но не схватили, а это значит, что кто-то хотел, чтобы мы попали на спутник. Скоро мы возьмем в руки камушек, а кто-то только этого и ждет.

Я не стал говорить это вслух, чтобы не вызывать еще больше волнений, чем есть, но был уверен, что и Верон все это понял. Мара же своими расспросами могла прийти к такому же выводу.

– Может, они хотят поймать нас с поличным, во время штурма?

– Они бы не стали так рисковать жизнью сенатора и простых граждан, схватили бы нас прямо здесь, тем более, что тут и так хватит улик, чтобы вынести нам смертный приговор. – Черноглазый кивнул на лежащее на столике оружие.

– Да кто их знает.

Если сенатора не будет в сенате, то мы точно попали. Инда действия повстанцев могут сыграть на руку, и мы сможем скрыться под шумок. Только тогда все придется начинать сначала, но все будет сложнее, потому что пусть мы и будем знать нашу цель, ее местонахождение будет для нас тайной.

Весь день прошел в подготовке к штурму. Мару и Костуна – особенно Костуна – пришлось обучать обращению с некоторыми видами оружия, которые были в наличие. Как оказалось, вакуганом девушка практически не умела пользоваться, несмотря на то, что он мало отличался от обычного пистолета, не считая способа зарядки, а мальпленган она рань-

ше даже в глаза не видела. Костун, как оказалось, знал об оружии лишь одно – оно стреляет. Хотя и где-то слышал, что для стрельбы необходимо нажать на курок.

– Но ты же таскался с úзи!

– А, точно, вот как он называется, а я все вспомнить не мог.

– Зачем вообще его в руки взял, если пользоваться не умел?

– А что там уметь? Берешь и стреляешь. Я же не дурак, фильмы смотрю.

Разубеждать его в его же интеллектуальных способностях никто не стал, а просто несколько раз показали, как стрелять и перезаряжать оружие. Когда он попытался повторить, нам очень повезло, что мы заранее вытащили обойму.

– Вы же сами сказали, что я здесь сидеть буду, так на кой ляд мне стрелять учиться? – недовольно пробурчал Костун.

– На будущее, если оно у тебя будет, обязательно пригодится. Уж поверь.

Он не поверил, а потому все время, что его пытались обучить, ворчал и недовольно кривил губы. Мара училась охотней и куда плодотворней, задав лишь единственный вопрос не по теме о том, зачем ей обучаться владению всеми видами оружия, что у нас есть, если она будет пользоваться лишь одним. Я объяснил, что в бою может случиться все, что угодно, и может стать так, что ей придется сменить вооружение, и не единожды. Она спорить не стала. Возможно, помня о мо-

ем огромном опыте, но, вероятней, просто не хотела лишний раз со мной разговаривать.

Попутно разъясняя о функциях оружия и его возможностях, Иолай и поправляющий его Верон повторяли незамысловатый план действий, постоянно внося в него мелкие поправки и прорабатывая непредвиденные обстоятельства. Я сказал, что раз мы прорабатываем непредвиденные обстоятельства, то они уже не являются непредвиденными. Это просо противоречит понятию. Ответом на мою реплику было молчание и укоризненные взгляды.

За весь день мы прерывались лишь на трапезы. Пять раз. Нам бы хватило и двух, но Костун вечно был голоден и критиковал слишком мелкие порции, которые нам приносили в номер, а также заверял, что чаевые его будут равны этим ничтожным порциям, хотя денег у него и не было, а платил за все Верон. Вообще, все были согласны с мнением толстяка, но молча, дабы не тешить его самолюбие.

Так наступил вечер.

Верон и Иолай закончили проверять и чистить оружие, раздав его всем присутствующим. Костун, как оказалась, не очень понял свою задачу, поэтому ему пришлось все повторять с самого начала. Верон и Иолай шли в авангарде, Мара была в середине и служила поддержкой, а я прикрывал тыл. Хотя я и был в самом конце, но помимо простой защиты спины, мы решили, что я буду ответственен за все, ибо мое бессмертие было большим плюсом в сражении с противни-

ком. Однако для осуществления плана все должно было идти идеально, чего никогда не бывает.

Упаковав оружие и соответствующую экипировку в две сумки, по типу спортивных, мы вчетвером вышли из гостиной, заперев Костуна в номере с удобным для него узи и мощным электронным биноклем. Правда, для начала нам пришлось заказать в номер еще еды на трех человек, ибо он боялся проголодаться во время дежурства.

Всего было две сумки, и их первым вынес Иолай, потом через холл вышли мы с Вероном, а еще минут через пять за нами направилась и Мара. Таким образом мы старались не привлекать внимания, хотя я понимал, что тех, кто за нами следит, этим не провести. Да мы и не пытались, хотя старались быть настороже.

Я и Мара, взяв одну из сумок, направилась непосредственно в здание сената, открытого для посетителей почти до полуночи, мы же вышли за час до закрытия, чтобы спрятаться в здании, когда входы перекроют. Верон и Иолай отправились на стоянку кораблей за «Gurin Mnyama», так похожий на «Фисташку».

После закрытия сената от посетителей, происходила традиционная смена караула из тридцати человек, окружающих здание, поэтому мы решили действовать ровно через десять минут после этого мероприятия, когда уставшие стоять гвардейцы вернутся в казармы, сдадут оружие, снимут свои камзолы и расслабятся. Это вряд ли бы облегчило нам задачу,

но мы надеялись на небольшую суматоху.

И мы ее вызвали.

За сорок пять лет до описываемых событий.

Планета Сурусув.

Планета Сурусув ничем не отличалась от среднестатистических планет во Вселенной. Довольно развитая инфраструктура со своими минусами и плюсами. Планета по размеру была довольно небольшая, но имела множество достопримечательностей, в основном в виде гор и разливающихся между ними рек, всегда полных рыбы. Сурусув также, в отличие от восьмидесяти пяти процентов всех существующих обитаемых планет, был естественного происхождения, а не терраформированным.

Сурусусы – коренные жители планеты – обладали большими глазами светлых оттенков и небольшим гребнем на лысой голове, как бы делившим череп пополам; еще у них были относительно длинные, но крепкие и цепкие пальцы, с чуть ли не костяными ногтями; в зависимости от места жительства, цвет кожи у аборигенов разнился от темно-персикового до светлых тонов желтовато-коричневого; тела сурусусов бы-

ли крепкими, а рост не превышал метра и шестидесяти пяти сантиметров от пят до гребня. Несмотря на довольно грубое телосложение, их безволосые лица с большими выраженными глазами делали их немного похожими на детей. Даже взрослые сурусы практически не имели морщин на толстой коже. Во всем остальном они мало отличались от людей, в том числе и воинственностью, хотя крупных войн у них не было давно – эволюция взяла свое.

Большинство самых крупных городов располагалось между горами, как раз так, чтобы река проходила по центру города. Но такие города строились только там, где междугорье выходило как раз на встававшее солнце, чтобы его лучи согревали город и освещали улицы. Если встававшее солнце пряталось за горой, то обязательно одна из двух гор, окружающих город, была вулканом. Сурусы давно овладели технологиями, позволяющими усмирить вулкан, не позволяя вырывающейся лаве уничтожить все вокруг, а все тепло, излучаемое огненной горой, использовалось для выработки энергии и согревания города.

В один из таких городов меня и пригласили, прислав электронное сообщение, что, мол, есть прибыльное дельце, хотя подробностей предоставлено не было, только общие фразы: кое-что кое-откуда взять и кое-куда переправить, и все тихо и быстро, естественно. Лететь было далековато, но на той планете я еще ни разу не кутил, а потому быстро согласил-

ся, тем более, что остальные заказы были мелкими и неинтересными.

Я прибыл за два дня до срока назначенной встречи, которая должна была состояться как раз в том городе, что находился между горой и вулканом. Грунт был каменистым, но некоторые участки специально засыпали высоким слоем земли под деревья и кустарники. Участки были расположены по всему городу и были примерно десять на десять метров по площади, а возвышались над остальной каменистой землей не менее чем на два метра, давая корням простор для роста, а жителям и приезжим – прекрасный вид. Земля в таком прямоугольнике поддерживалась специальным ограждением, декорированным камнем, создавая образ, будто лес поднимается прямиком из каменистой земли.

Я остановился в гостинице, окна которой выходили на центральную площадь, разделенную, как и весь город, пополам не особо широкой в этой области рекой, через которую было перекинуто множество каменных арочных мостов. На каждой из сторон располагался небольшой памятник: на стороне вулкана – раскинувший руки сурус, который как будто весь потрескался, из-за чего его внутренний свет сочился изнутри огненно-красным цветом; на противоположной стороне, где была обычная гора, стояла зеркальная копия этой статуи, только из трещин светился уже мягкое голубоватое свечение, отдающее холодком.

Город являлся довольно крупным, но дома не превышали шести этажей. Я стоял у окна гостиницы на пятом этаже и пытался понять, зачем меня вообще сюда вытащили. Он хоть и был большим и шумным, но даже близко не равнялся с по-настоящему огромными мегаполисами, которые, несмотря на отсутствие выхлопных и других вредных газов и испарений, все равно воняли чем-то, что свойственно только большим, вечно куда-то спешащим городам. Этот город был как глоток свежего воздуха, если, конечно, сравнивать именно с большими городищами. И все же, он казался таким умиротворенным и тихим. Что тут можно было украсть? Эти статуи?

Настал день, когда мне нужно было явиться на место встречи. Мое шестое чувство подсказывало мне еще по прилету на планету, что что-то не так, но я любил риск, чувство опасности, а потому намеренно направлялся в паутину, желая в нее попасться, а потом разорвать в клочья, как делал всегда. Как я привык делать.

Встреча проходила на заброшенном складе, на который я отправился, как только записался в гостинице, а потому все там осмотрел, заранее продумав несколько путей отхода. Предчувствуя, что мне придется оттуда драпать, я также подготовил несколько автомобилей, взятых напрокат, расставив их по предполагаемым маршрутам отступления. На саму встречу я тоже явился на машине с пуленепробиваемы-

ми колесами. В амбаре с нужным мне номером меня встретили две машины с тонированными стеклами. У каждой машины стояло по два человека охраны, создавая ложное впечатление, будто в автомобилях никого не осталось – старый трюк. Перед машинами стоял еще один. Заказчик, решил я. Только когда фары стоявших за ним автомобилей приглушили, я понял, что это вирусус. Телохранители тоже были представителями этой расы.

– Я думал, наша встреча должна остаться в секрете, – заговорил я, выйдя из машины и подходя к заказчику.

– Так и есть, – холодно ответил вирусус.

– А зачем столько глаз?

– Я им доверяю.

– Как скажете.

Мы пожали руки, и тут же у меня закружилась голова, а ноги начали подкашиваться. «Вот этого я не ожидал», – сказал я.

И темнота.

Очнулся я сразу, рывком попытался сесть, и только потом осознал, что связан. Железный стол, к которому меня приковали, приятно охлаждал кожу, но фиксаторы оказались стянуты так сильно, что у обычного человека давно бы началась гипоксия. Бьющий в глаза свет слепил. Я решил не мудрствовать и спросил:

– Где я?

– Какая разница? – послышался знакомый голос вирусуса.

– Действительно. Зачем меня сюда притащили?

– Узнаешь.

– Ты всегда так односложно отвечаешь?

– Да, – ответил он спустя короткую паузу.

– Ладно. Так все-таки, чего тебе от меня надо? Денег? Органы? Может, хотите принести меня в жертву богу? Так я атеист, он подавится.

– Хватит острить, – повысил он голос. – Не придуривайся, ты знаешь, чего мы от тебя хотим.

Мы? Значит, он не один. Ну конечно не один. Один бы не стал так рисковать. Всегда нужен тот, на кого можно переложить вину за собственные промахи. А промахнулся он с самого начала, пусть пока и не знает об этом. Все они промахиваются, и осознают это, лишь когда я ломаю им шеи.

– Оу, так вы знаете, что я бессмертный?

– Конечно, знаем, идиот, иначе бы не стали тебя травить.

– Вот оно что было.

Интересно, они знают, что на меня не действуют практически никакие яды и отравляющие вещества? Если да, то им пришлось повозиться, чтобы найти нечто, на что у меня нет – не было! – иммунитета. А если нет, то им сильно повезло. В везение я верю, но волосатик, как и остальные его соучастники, им явно не обладают.

– Если ты не заткнешься, – начал вскипать волосатый, – я...

– Убьешь меня? – перебил я его. – Я бы посмотрел. Только

развяжи сначала, а то мне отсюда ничего не видно.

Виросус, я услышал, уже что-то схватил, однако его одернул другой голос, более спокойный, но твердый:

– Успокойся, Гонсал. Разве ты не видишь, что он пытается тебя вывести из себя? Не поддавайся на провокации, я постоянно тебе об этом напоминаю.

Этот говорил так же спокойно, как и виросус в начале, но голос его звучал сильнее.

– О, кажется, пришел кто-то поболтливей, – усмехнулся я.

– Смейся, сколько влезет. Ты сейчас только и можешь, что беспомощно твякать.

– Ой-ёй, кажется, кто-то не знает правил игры. Должен быть злой полицейский и добрый, а вы оба просто тупые.

– Нерос, дай я ему глотку перережу, – прошипел Гонсал.

– Ты его этим вряд ли убьешь, но все же. Он нам нужен живым.

– Я знаю, но моральное удовлетворение я точно получу.

Не доверяйте тем, кто получает моральное удовлетворение от перерезания глоток. Многие считают, что мне тоже нравится убивать, но это не так, просто у меня зачастую нет выбора, но совесть за убийство ублюдков меня не мучает.

– Да ты ходячий шаблон, – вновь заговорил я, – прям анекдоты сочинять можно; мало того, что тупой, так еще и псих – опасное сочетание.

– Заткнись, – рявкнул виросус.

– Хах, если бы вы хотели, чтобы я заткнулся, давно бы

заткнули. Нет, вам нужно, чтобы я говорил.

А я люблю поговорить, особенно если не просят. Выведа человека из себя, можно увидеть его истинное лицо, точнее рожу, а в рожу грех не дать разочек-другой.

– Тут ты прав, но говорить ты будешь только тогда, когда мы позволим.

– Ладно-ладно, не сердитесь. Можно, милсдари, мне слово молвить да спросить, аки разумный смерд?

– Говори, – спокойно ответил второй, который не волосатый. Шуток он не любил, а может просто не понимал, что я шучу, даже издеваюсь, и не скрывая этого.

– Чем вы меня таким накачали? – поинтересовался я. – На меня почти никакой яд не действует, а тут свалил, что слона гранатомет. А если яд и действует, то обычно не так долго, чтобы меня успели куда-то перевезти и заковать.

– Понравилось? – в голосе Нероса послышалось ехидство. – Это очень сложный коктейль, созданный Гонсалом, он в этом деле разбирается. Яд был на его руке, которую ты имел неосторожность пожать, хотя, надо отдать тебе должное, ты вырубился не сразу, как обычно бывало, когда мы проводили эксперименты на других. Потом, когда мы везли тебя сюда, каждые несколько минут вводили тебе инъекции уже других ядов, чтобы не проснулся ненароком.

Значит, мы либо где-то недалеко от того места, где была назначена встреча, либо у них очень много сильных ядов, воздействию которых я никогда не подвергался. Радуют ме-

ня такие моменты, когда в своей очень длинной жизни я наткнулась на что-то новое и неизведанное, хотя, казалось бы, за почти три тысячи лет можно было пережить все, что только можно. Вселенная не бесконечна, но невероятно огромна, как и фантазии разумных существ, которые продолжают придумывать и открывать что-то новое, ранее неизведанное. Интересно, что закончится первым: существование мира или фантазия?

– Очень умно, только кое-чего вы не учли.

– Я знал, что ты так скажешь.

– Я тоже.

– Что тоже?

– Я тоже знал, что я так скажу.

Нерос тяжело и нетерпеливо вздохнул. Любого можно вывести из себя, нужно лишь подобрать верный ключик.

– Мы знаем, что ты просто прикидываешься дурачком, – сказал он.

– Кто вам сказал?

– Можешь острить, сколько хочешь, но ты все равно все расскажешь. Очень скоро.

– Да я прямо сейчас все расскажу: крупные деньги я прячу под матрасом, а мелочь – в трусах... Ой, нет, последняя фраза какая-то двусмысленная вышла. Вырежьте это, пожалуйста.

Оба, и Гонсал, и Нерос, усмехнулись. Наверно, они уже успели убедиться, что это неправда.

– Отдохни пока, новых шуток понапридумай, а мы зайдем, когда... Когда время будет.

– Эй, стойте, не уходите, мне не надо ничего придумывать, у меня их и так полно. Вот слушайте: «Охотник собрался на охоту в тайгу...» Ушли. Какие невоспитанные. Они, наверно, даже не знают, что такое тайга.

Их не было две недели. За это время я успел подумать о смысле жизни, но, как и обычно, ни к чему конкретному не пришел. Для меня смыслом жизни стало бесконечное развлечение. Убивать я не люблю, но время является исключением.

– Занятые же вы люди, – подал я голос, услышав, как открылась дверь, – я уже хотел идти вас искать. Боялся, что-то случилось. Так вот: «Охотник собрался на охоту в тайгу...» Эй, чем вам тайга не нравится?

Их не было еще месяц. Я в голове сочинил пару тысяч песен, но ни бумаги, ни ручки у меня не было, так что я не смог их записать.

Войдя в лабораторию (или как они это называли?), они сразу же заговорили, тем самым не дав говорить мне:

– Как мы понимаем, ты можешь сколь угодно долго находиться без еды. – Это было утверждение.

– Ну, от пиццы я бы не отказался.

– А еще, – продолжил Нерос, не обращая внимания на

мои колкости, – тебе нет необходимости ходить в туалет.

– Я сходил перед тем, как вы меня схватили.

– Просто интересно, – подал голос Гонсал, – сколько тебе лет?

– Я видел зарождение Вселенной, – чуть ли не пропел я.

– Не слушай его. Он горазд врать.

Не, ну тут не поспоришь. Но зачастую я говорю полуправдой. Я видел зарождение Вселенной, но лишь в документальных фильмах. Зато правда в том, что увижу ее смерть. Все умрут, а я останусь. И кто знает, может, мое заявление не будет уже столь надуманным, может, когда умрет эта Вселенная, зародится новая, со мною во главе.

– Если вы мои слова принимаете за ложь, то зачем вообще спрашиваете?

– О-о, – протянул Нерос, – мы пока даже и не пытались что-либо у тебя спрашивать. Ты почувствуешь, когда мы начнем.

– Жду с нетерпением.

– Не сомневаюсь. Это ты сейчас такой веселый, ведешь себя, словно ничего не случилось, но посмотрим, как ты запоешь...

– У меня слуха нет. Что печально, ибо я так и не смогу спеть сочиненные мною песни.

– ... когда мы будем отрезать от тебя по кусочку и наблюдать, как это все отрастает обратно.

Я сам так делал множество раз, и это ну очень скучно.

– Как жестоко, – протянул я. Возможно, эти угрозы осуществлю я.

– Такова жизнь.

– Так что же, вы просто хотите меня помучить и все? На этой планете кончились все собаки и кошки?

Нерос, впервые за все время, подошел ко мне так, чтобы я его увидел. На нем был строгий костюм, хотя и без галстука; волосы иссиня-черные, чуть длинные, прикрывающие уши; волосы подчеркивали его благородное на вид немного вытянутое лицо; губы и нос тонкие, а брови чуть нахмурены, но это, судя по всему, его нормальное выражение лица. А вот глаза его отличались черными склерами и желтыми радужками. Это был гераклид.

– Огогошеньки! – воскликнул я. – Вот это глазищи! Никогда раньше не видел гераклида вживую.

– Ты знал, – заговорил он, – что гераклиды одни из самых живучих существ во Вселенной? Мы способны пережить почти любые ранения, кроме серьезных повреждений мозга и сердца. Конечности же мы можем отрастить в лучшем случае за год. Но ты, – посмотрел он на меня как-то дико, – ты другой. Я не уверен, что смог бы выжить, если бы в меня влили такое количество яда, а у тебя даже побочных эффектов нет. Пока ты был в отключке после отравления, мы нанесли тебе несколько глубоких порезов и уколов, которые ты регенерировал за минуты, а то и секунды. Ни один обычный гераклид на такое не способен. Так кто же ты такой? *Что* ты такое?

Хороший вопрос. Даже философский, можно сказать. Но философские вопросы зачастую не имеют ответов.

– Я просто человек, – пожал я плечами настолько, насколько это позволяли стягивающие меня металлические фиксаторы.

– Мы пытались взять кровь на анализ, но она просто бесследно исчезла. Тогда мы отрезали клочок волос...

– Моя прическа!

– ... но и он растворился в воздухе раньше, чем мы успели изучить его под микроскопом. Благо снимки от сканирования никуда не делись, и по ним – ты самый обычный представитель чертовой человеческой расы.

– Я же говорю.

И каждый новый считает себя умнее предыдущих. Да меня столько раз сканировали, что не будь я тем, кем являюсь, давно бы умер от какой-нибудь лучевой болезни.

– Гераклиды на рентгене тоже никак не выделяются. Но это не так важно. Не важно, кто или что ты, главное, что ты в наших руках, и мы выясним твой секрет.

– Зачем?

– Зачем?! – поразился черноглазый, теряя терпение. – А разве не ясно? Гераклиды живут около шестисот-семисот лет, но о некоем Амарталисе, он же Амар, он же Феникс, он же Болванчик, он же Wazzar, – слухи ходят давно. Первое упоминание о наемнике появилось примерно полторы тысячи лет назад, когда человечество только-только начало рас-

ползаться по Вселенной. Это только из того, что мы смогли найти. Наверняка, ты намного старше. Хотя, кто знает.

Мое прозвище менялось из поколения в поколение, хотя зачастую их придумывали мне другие, из-за чего мне даже не приходилось утруждать себя скрывать свои способности. Наемников, подобных мне, вообще не запоминают, поэтому мало кто сравнивал меня с какими-нибудь известными криминальными личностями из прошлого, о которых где-то когда-то кто-то слышал; обычно этими личностями прошлого я сам и являлся.

– Как лестно, что меня изучают, как историческую личность.

– Знаешь, к какой расе я принадлежу? – спросил Нерос, не обращая внимания на мои слова.

– Эм... Лысый вирусус? Волосатый вирусус зарычал.

– Успокойся, Гонсал. Нет, – вновь повернулся он ко мне, – не угадал. Я – камирутт. Слышал?

– Не уверен, – засомневался я. Конечно, я слышал. Он меня за идиота принимает?

– Мы довольно похожи на людей. Внешне. Ну и почти все органы совпадают с вашими. Вот я и думаю, а вдруг ты не человек? Вдруг ты камирутт? Возможно ли такое, что ты плод...

– Любви? – подсказал я.

– ...связи, – подобрал он слово, – камирутта и человека? Камирутта, который, подобно мне, был гераклидом. Новая

раса, которая более живучая и долговечная, чем любой другой представитель нашей расы, более сильная. Камирутт-гераклид и человек. А если и человек был гераклидом?

В его черных глазах горел настоящее пламя, и было оно больше похоже на огонь, что виден в глазах сумасшедшего, но не ученого, близкого к разгадке многовековой тайны. К слову, в истории человечества, прошлой и настоящей, о появлениях гераклидов нет ни слова, однако подобное вряд ли может остановить кого-то вроде Нероса.

– Камирутты гордые, чтобы ты знал, – продолжил он, чуть успокоившись, – поэтому предпочитают иметь потомство только от себе подобных. Нам известно только два случая... связи моей расы с людской, повлекшей за собой рождение ребенка, но оба камирутта были самыми обычными. Оба ребенка, кстати, имели внешность и строение камирутта, что не удивительно – мы даже на генетическом уровне лучше людей.

Ни один нормальный ученый никогда бы не воспринял всего два случая за аксиому. Но гордыня гераклидов зачастую выше здравого смысла.

– Ну, значит я не плод этих двух рас.

– Или хочешь, чтобы мы так думали, поэтому и опровергаешь это.

– Или опровергаю, желая, чтобы вы решили, будто я так делаю, чтобы обмануть вас.

Я сам не понял, что сказал.

– Да, ты хитер, почти так же, как камирутт, что опять приводит меня к мысли, что ты, возможно, метис.

Глупец, сам себе противоречащий. Нерос считал, что камирутты намного более могущественная и совершенная раса, чем человек, но при этом сам предполагает, что я метис этих двух племен. В обоих прецедентах связи камирутта и человека, о которых он говорил, гены первого полностью преобладали над вторым, а будь камирутт вдобавок и гераклидом, этот перевес являлся бы еще бóльшим. А с его слов получается, что связь между гордым камируттом, да к тому же и гераклидом, и грязным вонючим человеком может привести к появлению меня, превосходящего все расы во Вселенной существа.

Естественно, я хотел попридержать это заявление до лучших времен, чтобы он, если сам к этому не придет, в конечном итоге осознал, что довольно продолжительное время не просто неосознанно считал людей равными камируттам, а единственными, способными позволить его расе эволюционировать. Да, это не правда, но он-то об этом не знает, да и вряд ли когда-либо узнает.

– Может, я хочу, чтобы вы так думали, – ответил я.

– Может. Мы выясним, рано или поздно.

– И как же вы намерены это сделать? – поинтересовался я.

– У нас есть методы.

Эти двое снова молча вышли. И как только за ними закрылась дверь, я сразу же вспомнил, что забыл рассказать

им анекдот.

Дверь распахнулась раньше, чем я предполагал: всего через несколько часов. Но вошли не те двое, а другая парочка, в спецкостюмах и хирургических шлемах. Завезли несколько столов с инструментами. Стол, на котором я лежал, поставили почти вертикально, давая мне большой обзор, чем один потолок и лампа.

– О, – заговорил я, – какая ностальгия. Сколько знакомого. Вижу элеватор, диссектор, ранорасширитель (а как же без него?), даже трепан (зачем он вам?), а скальпелей-то сколько, неужто в меня будете метать? А у вас дипломы циркачей есть или что там надо? Почему вы не отвечаете?

Помещение было оборудовано, как самая настоящая хирургическая комната с высокими потолками, только пока я там лежал, она пустовала, не считая светильника, светящего мне в глаза все эти недели, однако теперь мастера дела завозили в нее всевозможную аппаратуру, названий которой я либо не помнил, либо не знал. Наверху находилась смотровая площадка, выходящая на комнату обширным окном, за которым стояли вирусус с камируттом, наблюдая за происходящим.

Один из «врачей» взял чистый и сверкающий скальпель, повертел его в руках, присматриваясь, хорошо ли он заточен, хотя, на самом деле, таким способом он пытался напугать меня, что у него явно не получилось.

– Больно, наверно, будет, – сказал я, оценивая острие.

– О, да, – ехидно ответил мой будущий истязатель. – Уж поверь.

– Да не, я не про себя. Я про тебя. Наверно, будет больно, когда я всажу этот скальпель тебе в глаз.

Мучитель слегка вздрогнул, но ничего не ответил. Вместо этого он подошел и совершенно непрофессионально воткнул скальпель мне в живот. Вероятно, ему сказали, чтобы он был со мной построже, но старался не наносить слишком серьезных ран, от которых, по их мнению, я бы мог умереть.

– А-а-а, моя печенка! – взревел я. Было и правда больно.

– Это селезенка, придурок.

– Ну хоть врач мне попался образованный. Только забывчивый. Эй, вынь вилку из розетки... То есть скальпель из... селезенки. Эй, стой! А-а-а! Вот это было больнее. Ну, теперь-то это была печень? А-а-а! Мой пресс так даже после качалки никогда не болел. А-а-а! Ох... Нет, беру свои слова назад... ты глупый, глупый доктор... А-а-а! Меня как будто индейцы из лука расстреляли... скальпелями. Да сколько ж у вас их? А-а-а! Да что б тебя лицензии лишили!

Мое тело было утыкано скальпелями, которые для этого предназначены явно не были. Но втыкали их все же не наобум, а вполне профессионально, стараясь не задевать особо нужные для жизни органы, но от этого было не менее больно.

– Хватит, – послышался голос из динамиков, установленных в «операционной». – Такими методами вы ничего от

него не добьетесь. Действуйте тоньше.

– Сделай свою ротовую щелку тоньше, умник. Как там тебе? Некроз? А слабо самому спуститься и потыкать в меня иголками, тонкими, как ты и любишь? Или тебе нравится только наблюдать? Что-то я не вижу твоего верного лохматого песика. Ему такое зрелище не по нраву?

– Пес здесь – только ты, – ответил черноглазый, не изменившись в лице. – Не надоело без конца твякать? Этим ты ничего не добьешься. А вы что стоите? Не видите, что его тело уже вытесняет скальпели? Хватит с ним играть.

– Слушаемся, – подал голос тот, кто нашпиговал меня скальпелями, которые, кстати, уже начали по одному сыпаться на пол.

– Забыл сказать – «хозяин». Вы тут все его собачки.

– Заткнись! – рявкнул док. Его вывести оказалось проще, чем черноглазого. Если повезет, он решит истыкать меня по новой, хотя вряд ли послушается приказа.

– Или вы овечки, а он пастух? Да, это больше подходит. Вы овечки, а тот лохматый – пастушья собачка. А кто же я? – пристально посмотрел я в глаза мучителя. – Волк? О, да, я волк, который загрызет все стадо овец, пастушьего пса и самого пастуха! – Я ослабилась настолько безумно, насколько только мог, опыта мне хватало.

«Доктор» снова отпрянул и сглотнул. Замер на месте, словно решая, что делать дальше.

– Не слушайте его и не бойтесь его пустых угроз, – сно-

ва зазвучали динамики. – Если вы хотите кого-то бояться, то бойтесь меня.

– Да... Да, слушаемся.

– Бееее...

– Иди сюда, – «доктор» подозвал ассистента. – Вот, – передал он ему скальпель, – начинай.

– Я? – вытаращил ассистент глаза.

– Начинай, я сказал.

– Слушайся старшего в стаде.

Ассистент взял скальпель и подошел ко мне. Сглотнул. Потом сделал удивительно точные для неумехи на вид порезы, исполосовав мою грудь квадратом, потом взял специальные щипцы начал сдирать с меня кожу. И все это время его лицо под прозрачным шлемом искажала гримаса отвращения и даже страха. Я решил, что его смерть будет быстрой.

Наконец, он отодрал прямоугольник почти идеальной квадратной формы. О, это было больно, но уже не так, как в начале, когда в меня вонзали острые лезвия скальпелей. Новая кожа выросла примерно за минуту, не оставив и следа. Содранная же испарилась пеплом прямо на руках ассистента. Он посмотрел на старшего, тот кивнул. Снова уверенно зажав скальпель в руке, он нанес идентичные порезы и точно также снял кожу во второй раз, краснея от натуги. На этот раз для регенерации потребовалось чуть меньше времени, хотя это можно было заметить только с секундомером в руках. И он был у «доктора», который, дождавшись полного

восстановления кожного покрова, сделал соответствующие пометки.

– Переходим к следующему этапу, – сказал он, беря в руки инструмент, похожий на кусачки, и подходя ко мне. – Записывай.

– У меня руки связаны, – съязвил я. Он даже не улыбнулся, стараясь не смотреть мне в глаза, подошел ко мне слева.

– Готов?

– Нет, – ответил я.

– Да, – тихо ответил ассистент и прокашлялся.

«Доктор» поднес кусачки к моим заранее скованным пальцам и одним сильным нажатием «откусил» мне мизинец. Это было больно, но не так, чтобы я не смог сдержать крик, однако закричал, чтобы не вызывать подозрений. Нужно больше боли!

– Второй.

Мучитель пристроил кусачки к пальцу безымянному и надавил, но на этот раз ему потребовалось больше сил. Спустя минуту он снова повернулся к ассистенту:

– Первый отрос.

– Записал.

– Второй отрос, – сказал он, когда регенерировал безымянный палец.

– Записал.

– Нравится? – спросил я, нарочито громко и тяжело дыша.

– А тебе?

– О, я в восторге. Немного топорно работаете, но бывало и хуже.

– Не волнуйся, мы только начали.

Все начинают с малого, а заканчивают быстро. Сам придумал!

– Это не мне нужно волноваться, – хмыкнул я. – Даю вам последний шанс. Если вы сейчас же меня освободите, я дарю вам жизнь. Жизнь инвалидов, конечно, но это вы сами виноваты. Что скажете? Последний шанс.

«Доктор» посмотрел на стоящего наверху Нероса и вернувшегося Гонсала, ассистент посмотрел на «доктора». Может, у него и было, что сказать, но его все равно никто бы не стал слушать.

– У нас нет вариантов, – ответил «доктор» после долго молчания.

– Варианты есть всегда.

– Не в этом случае.

– Варианты есть всегда, – повторил я, – нужно лишь не струсить, когда у тебя появляется шанс выбрать. И не сглотить. Еще один порез и ты сделаешь неверный выбор.

– Я так не думаю.

– «Так» здесь лишнее.

Молча вернувшись к столу, он что-то записал, потом сменил перчатки, хотя на них не осталось и следа моей крови, и взял наполненный мутной жидкостью шприц, вернулся ко мне, немного помялся, сглотнул и ввел содержимое мне пря-

мо в артерию. Я практически ничего не почувствовал.

– Вы оба сделали свой выбор.

– Да.

– Я, кстати, ничего не чувствую, если интересно.

– И не должен.

Будущий труп-старший вновь взял скальпель и сделал глубокий надрез на груди. У меня из раны сильнее, чем нужно, хлынула кровь. Сильнее, но намного меньше, чем должна была бы у нормального человека.

– Разжижили мне кровь, негодяи? Ответа не последовало.

Довольно быстро кровь остановилась, превратившись в ничто, а рана затянулась. Ассистент остановил таймер и вновь что-то записал.

Разжижить кровь. Мало кто до этого додумывался, да еще так быстро. Только это все равно бессмысленная затея.

Прошел еще примерно час.

Меня резали, рубили, кололи, отрезали конечности, даже стреляли и жгли плоть, и все это за какой-то час. Бывало и хуже, конечно, но это не значит, что мне понравилось.

– Черт! Не получается!

– В чем дело? – прошипели динамики.

– Я не могу «откусить» ему палец! Кусачки просто застревают, словно затупленные в дереве.

– Нажимай сильнее.

– Я стараюсь! – гаркнул «доктор».

– Еще чуть-чуть, – подбодрил я. – Поднажми, дед.

– Заткнись!

– Я просто пытаюсь помочь.

«Доктор» перехватил кусачки поудобней и, используя обе руки, сжал изо всех сил, сомкнув, наконец, режущие кромки.

– Застряло!

– Что?

– Я не могу их вынуть из пальца, они словно срослись с ним. Плоть регенерирует слишком быстро. Это словно пытаться разрезать невероятно плотную смолу.

– Ну наконец-то, – оскалился я. – Мне повезло с моими мучителями. Вы либо неопытные, либо просто спешили. Знаете, сколько пыток я пережил? Сотни! Некоторые из них длились месяцы, некоторые недели, дни, часы, но вы побили рекорд, поздравляю. А знаете, чем обычно заканчивались такие пытки? Смертью. И вы сильно ошибаетесь, если думаете, что я говорю о своей смерти.

Когда на меня воздействует большое давление, я адаптируюсь, подстраиваюсь под него. Когда на тебя давит какой-нибудь тяжелый предмет – это ведь тоже давление. Я приспособливаюсь и к нему. Если на мне будет лежать муляжная наковальня, весом в сто тон, то меня, естественно, раздавит, но я тут же начну регенерировать. Но как я смогу это сделать, будучи под таким весом? Я просто начну восстанавливаться: кости и мышцы будут срастаться, вены и ка-

пилляры вновь начнут разливать мою кровь по телу, кожа станет как новой. И все независимо от того, что происходит вокруг. Я просто восстановлюсь и буду чувствовать себя так, точно только-только родился, а окружающая среда, что вокруг меня, будет мне словно родной. Будто я был рожден, чтобы спокойно жить под этой наковальней, а потому она не будет причинять мне никаких неудобств.

Как только я очнулся в этой лаборатории, я не стал паниковать – не впервой. Я знал, что делать. С самого первого дня я напрягался и пытался разорвать путы, что сдерживали меня мертвой хваткой, я делал все, чтобы мне было неудобно и некомфортно, чтобы тело пыталось подстроиться, адаптироваться к этому неудобству. Мне было тесно – я адаптировался; я был слаб – я адаптировался; потом мне было больно, а мое хрупкое тело резали и протыкали, – но я адаптировался. Мне стало удобно, я стал сильнее, перестал чувствовать боль, а мое тело стало крепким, как темир-агач.

Я напряг мышцы и со смачным звуком разорвал оковы сначала на правой руке, а потом на левой. Свободными уже руками вырвал обруч, сдерживающий голову. Наклонившись всем телом, вырвал с корнем вериги, сковывающие торс. Поднял одну ногу, потом другую, освобождая их с протяжным скрежетом. Не прошло и двадцати секунд, как я уже был свободен.

Мои истязатели смотрели на меня с ужасом, не в состоя-

нии даже пошевелиться, забывшие, что им следовало бы бежать, а может, уже понявшие, что это бессмысленно.

– Я... Я... – «Доктор» смотрел на меня, выпучив глаза и не моргая. – Я... не хотел... Меня заставили! Этот гераклид угрожал мне смертью...

– Я тоже угрожал, – ответил я спокойно. – А еще я не заметил, чтобы ты так уж неохотно отрезал мне пальцы и другие части тела. – Я взялся за кусачки, все еще торчащие у меня из мизинца, и резко дернул. Кровь забрызгала хирургический шлем «доктора» с прозрачным забралом, но тут же начала исчезать; палец также мгновенно зажил. Я нарочито медленно взял со стола самый длинный скальпель и с силой вонзил его в глаз мучителю прямо сквозь пластмассовое стекло, разбив его, но даже не поцарапавшись. «Доктор» издал короткий вскрик и упал замертво, заполняя шлем фонтанирующей из глаза кровью и корчась в судорогах. Тут, наконец, пришел в себя ассистент. Он развернулся и попытался выбежать за дверь, но та не поддалась, что было ожидаемо: меня не хотели выпускать из комнаты. Подойдя к долбящему в дверь и кричащему о помощи сурусу, которому так и не суждено было стать выдающимся врачом, я схватил его сзади за шею, поднял на вытянутой руке и одним движением сломал позвоночник.

Все это время я краем глаза наблюдал за верхним этажом. Вирусус, который во время пыток то и дело куда-то уходил, снова вернулся, застав мои... действия. Он что-то кричал ге-

раклиду, а тот отделялся лишь короткими фразами, но его хмурый взгляд говорил о многом. Лишь теперь, взглянув на них открыто, я смог прочесть по губам, что они говорят. Виросус кричал, что они должны это сделать, что у них нет выбора, а гераклид коротко отвечал, что еще рано.

Я злобно оскалился и подошел к двери, постучал по ней: она была сделана из жесткого и толстого металла, но петли в дверях всегда слабее их самих. Я сделал несколько шагов назад и с разбега врезался в дверь плечом. Она, естественно, не поддалась, но стены пошатнулись. Я отошел еще раз и взглянул наверх. Нерос скорчил гримасу и сказал: «Давай». Гонсал поспешил вглубь комнаты, куда я уже не мог заглянуть. Спустя секунду оттуда, где были расположены динамики, повалил густой дым зеленоватого оттенка.

Когда дым коснулся моей кожи, я почувствовал сильное жжение, которое на миг заставило меня даже скривиться от боли, кожа словно горела. Взглянув на трупы моих мучителей, я увидел, как исчезают под одеждой их тела, растворяясь от этого едкого дыма. Из-под них начала сочиться густая жижа зеленовато-красного оттенка. Этот газ разъедал тела. По-видимому, Нерос и Гонсал заранее подготовили такую систему зачистки, позволяющую им бесследно избавиться от всего органического, превращая людей в аморфную массу. Не удивлюсь, если из этих луж невозможно будет выделить ДНК, доказывающую, что они некогда были живыми существами.

К счастью, мои похитители не предполагали, что после получения такого урона мое тело будет куда сильнее, чем у любого из людей, из-за чего этот дым не сможет меня растворить, а лишь слегка проплавить кожу, которая тут же регенерирует и адаптируется, став еще крепче.

Недолго думая, я схватил одр, к которому минуту назад был прикован, и рванул что есть силы, сорвав его с подвижной опоры. Схватившись поудобней, я раскрутил это подобие хирургического стола и бросил в огромное стекло обзорного окна. Нероса и Гонсала, естественно, там уже не было. Дым сразу же заполнил верхнее помещение.

Разбежавшись и оттолкнувшись от стены ногой, я запрыгнул наверх. Это было ничем не примечательное большое помещение с несколькими столами и компьютерами. Слева в углу находилась дверь, ведущая в длинный коридор с различными комнатами по обе стороны. Я бежал, открывая пинком каждую дверь, пока не наткнулся на подобие небольшой спальни с экраном, заменяющим окно. Я почувствовал чье-то присутствие. Страх. В комнате повсюду были разбросаны игрушки, в основном в виде мечей, пистолетов и автоматов, и разрисованные листы, но с более позитивными картинками мира. Из мебели стояли широкая двухъярусная кровать без постельного белья на нижней койке, письменный стол, над которым как раз и был экран, отражающий океан и небольшую полоску песка внизу, и большой шкаф. Я рывком открыл дверцы, тут же услышав глухой вскрик. Отодвинув

висящую на вешалках одежду, я увидел маленького мальчика, дрожащего в углу, с игрушкой, в виде пистолета. Он весь трясся от страха, а глаза его были плотно зажмурены.

– Эй, ты кто? – спросил я. Он вздрогнул, но не ответил. – Ты кто? Отвечай!

– Мне... Мне... Папа запретил выходить из шкафа... и открывать глаза. И говорить.

– Но ты сейчас говоришь. – Он не ответил. – Кто твой папа? – спросил я после паузы. Он вновь не ответил. – Как хочешь.

Картина была довольно... странной: маленький мальчик и я – голый. Благо, одежды был полон шкаф. В основном строгие пиджаки, брюки и рубашки. Хотя особняком висели черные штаны с четырьмя кожаными пряжками по бокам штанин из ткани, похожей на жесткий хлопок. Верха под стать штанам не нашлось, а пиджаки и рубашки я не признавал, одевая их лишь при крайней необходимости, поэтому решил пойти прямо так.

Потратив слишком много времени на безрезультатный допрос мальчика и поиски одежды, я полагал, что мои похитители уже сбежали, но ошибся.

Выбежав из здания, я попал во внутренний двор, как я предположил, давно заброшенного завода, где меня уже ждали. Передо мной стояло около двадцати вооруженных сурусов, а также несколько вирусусов, которые, похоже, были теми же самыми, что сопровождали Гонсала на складе. За ни-

ми стоял все еще нахмуренный гераклид-камирутт и виросус-ученый, нервно дергающий себя за шерсть в том месте, где обычно растет борода. Нерос, увидев меня, несколько переменялся в лице, и хоть было далеко, готов поклясться, что он как-то странно посмотрел на мои новые штаны, а потом быстро перевел взгляд на двери, из которых я только что убежал.

Никто не стал дожидаться, пока я начну что-то предпринимать, первая же пуля попала мне в область груди, но не в сердце. Боли почти не было, лишь фантомные отзвуки. Я адаптировался, став сильнее и прочнее, но не достаточно, чтобы пуля отлетела от меня, словно от стали, а скорость развита не была вообще. Я, конечно, мог бы чуть отстраниться, чтобы пуля попала куда-нибудь в плечо, но это было незачем: я люблю производить впечатление.

Сурусы явно не были предупреждены о моей силе, а потому даже растерялись, когда я после выстрела даже не поморщился, зато на лицах многих словно появилось понимание причины, зачем их так много собрали ради меня одного.

Я не стал дожидаться, когда они придут в себя и попытаются наспиговать меня свинцом, а рванул прямо в толпу. Послышались выстрелы и ругань, хаотично отраженные эхом от заводских построек. Я уклонялся и наносил удары, даже не пытаясь сдержать силу, льющуюся из меня через край. Ножи, что вонзались мне в руки, живот и спину, застревали, едва достигнув внутренних органов. Я тут же их

вырывал и использовал в бою, нещадно перерубая ими шеи врагов и втыкая в головы по самую рукоять.

Сурусы обладали собственным боевым искусством, в котором они использовали свои длинные пальцы и крайне твердые ногти, заранее заточенные до состояния бритвы. Они просто атаковали ладонью, словно это был острый нож, нанося режущие плоть и колющие удары, а согнув пальцы, они могли вцепиться ими в тело и даже вырвать кусок мяса. Но меня они уже пробить не могли, лишь изредка нанося мне ничего не значащие царапины, которые тут же затягивались, а их ногти ломались.

Когда натиск немного стих, послышался голос Нероса, кричащего о том, что им заплачено, и что они должны биться до конца, прикрывая их отход. Я понял, что у меня больше нет времени на детские игры. Я схватил два ножа – один поднял с земли, другой вытащил из спины мертвого суруса. Держа их обратным хватом, я ринулся за убегающими вглубь завода Неросом и Гонсалом. Как я и ожидал, дорогу мне тут же перегородили сурусы-наемники. Не сбавляя темпа, я врзался прямо в них, раскидывая в разные стороны, и побежал дальше. Но тут мне дорогу перегородили вновь. В меня полетели пули, а затем показались и ножи. Потратив не слишком много времени на преодоление преграды, я все-таки потерял убегающих из вида, но все же помчался в ту сторону, куда они убежали. Со стороны, наверно, это выглядело устрашающе: бегущий по мрачному заброшенному заводу человек

с большими ножами в руках, без верхней одежды, в готических штанах, да еще весь залитый кровью, и явно не своей.

Даже в стандартной форме я умел очень резво бегать, поэтому довольно быстро настиг вирусуса. Он, было видно, бежал изо всех сил, но был слишком медленным. Он услышал меня и развернулся на бегу, остановившись.

– Ты быстрый, – заговорил он, тяжело дыша. – И сильный. Слишком сильный. Кто ты такой?! – крикнул он.

– Человек.

– Человек? Ты Дьявол! Тот газ способен разьесть любую органическую материю, а ты всего лишь поморщился. Поморщился!! Я понял, что нам конец, когда ты освободился от пут, а этот чертов гераклид, который бросил меня тут, осознал это, когда на тебя не подействовал газ, но даже тогда он не хотел признавать, что ты настолько силен. Нет, ты не человек. Так кто ты?

– Тебе не суждено узнать, – сказал я, придавая своему голосу таинственности.

– Да? Но я так просто не сдамся!

Без всякого церемониала вирусус вдруг начал расти. Легкая куртка порвалась на спине, матерчатая обувь разошлась по швам, от штанов и рубашки отлетело несколько пуговиц. За считанные секунды хрупкий на вид Гонсал, знаток ядов, гик, превратился в здорового злобного бугая, больше двух метров ростом.

Закончив трансформацию, он, рыкнув, рванул ко мне. Я

не шевелился до тех пор, пока он не подбежал на нужное мне расстояние. Развернувшись на месте, я ударил его со всей силы ногой, из-за чего он отлетел метров на пять, рухнув на спину, но тут же попытался подняться, однако тело его не слушалось, я как минимум сломал ему несколько ребер и сильно повредил внутренние органы. Не став дожидаться его ответа, я подскочил и сильным ударом всадил один из ножей ему прямо в макушку. Он издал короткий звук, словно икнул, глаза его закатились, из глаз, рта и ушей потекла кровь.

Нож я оставил в голове.

Бежать пришлось быстро и долго, я уже думал было, что упустил Нероса, но опять ошибся. Он оказался в огромном здании, напоминающем некогда процветающий сталеплавильный цех. Повсюду стояли большие котлы, а один, находящийся выше других, так вообще был просто огромен. На заржавевших рельсах стояли железные тележки, некоторые были перевернуты. Давно остывший конвейер тянулся далеко вглубь высокого помещения. Метрах в двадцати от нас помещение как будто было расколото огромной трещиной, обломков обеих стен и потолка видно не было.

– Я думал, ты уже сбежал, поджав хвост, – сказал я.

– Я так и планировал, но вскоре понял, что ты все равно догонишь. Рано или поздно. Ты не из тех, кто так просто сдается.

Нерос стоял спокойно, в своем черном костюме, которые так любят почти все камирутты. Настроен он был серьезно,

а во взгляде горела решимость гордеца.

– Ты умней, чем мне до этого казалось.

– А ты сильнее, чем я себе мог даже представить. Кто ты на самом деле?

– Ты уже спрашивал. И твой друг, которого ты бросил, тоже.

– Он мне не друг, просто компаньон, – покачал головой камирутт. – Мне были нужны лишь его наработки. Несмотря на его вид, он умен.

– Был.

– Был? Как жаль. Что же, ты прям так взял и безжалостно убил беззащитного ученого?

И это мне говорит тот, кто целый час любовался моей пыткой.

– Ты прекрасно знаешь, что он не был беззащитным...

– По сравнению с тобой, – закончил он за меня предложение.

– А ты, значит, не беззащитен?

– Я – гераклид, а это о многом говорит.

– Как и ты. Болтаешь без умолку и заткнуться не можешь.

Весь такой гордый, а минуту назад убежал, аки хорек.

– Тогда, может, уже приступим? – закипая, предложил Нерос.

Вместо ответа я рванул вперед, ибо он явно не собирался начинать первым. Он был прямо передо мной, я смотрел прямо ему в глаза, а потом миг – и его нет. И тут же я по-

чувствовал сильнейший удар в затылок и слабую боль в области спины. Сразу поднялся и получил удар в лицо ногой и сделал сальто назад, упав обратно на живот. На этот раз мне потребовалось время, чтобы восстановиться. Поднялся я прыжком, проведя ножом по тому месту, где чувствовал присутствие, но Нерос оказался в десяти шагах позади, спокойно крутя в руке нож, словно играясь. Мой нож был при мне.

– Откуда у тебя нож взялся?

– Вынул у тебя из спины. Да, ты действительно необычайно силен, даже нож в спине не почувствовал, да и не многие поднимались после моих ударов.

– Ты быстрый. И сильный.

Но не сильнее меня. Зато он компенсирует это скоростью, которой я в данный момент не обладаю.

– Никогда не слышал о боевом искусстве Харака Идо? Нет? Он основан на мгновенном перемещении на короткие дистанции. Отнимает много сил и в основном служит для избегания атаки, контратаки и дальнейшего побега с поля боя, пока противник, если он выжил, не успел прийти в себя. А вот сила – это уже особенность физиологии гераклида. Но зная тебя, хоть и не так хорошо, я и не планирую сбегать.

– Так чего же ты хочешь? – поинтересовался я.

– Убить тебя! – осклабился Нерос, даже еще более кровожадно, чем я тому доку, но это, вероятно, казалось потому, что он, в отличие от меня, действительно не дружил с голо-

вой.

– А как же мечта о вечной жизни?

– Думаю, твое мертвое тело будет более... податливым. Будет легче тебя вскрыть и основательно изучить.

– Изучать мертвое тело бессмертного? – вскинул я брови. – Это как пытаться понять, каким образом может ездить автомобиль, когда он разобран на винтики.

– О, я с детства любил собирать пазлы.

– А если все-таки ты ничего не найдешь?

– Не попробуешь – не узнаешь, – пожал он плечами.

Мы стояли друг напротив друга с ножами в руках. Он думал о том, как убить меня, я – как убить его. Меня-то он убить не мог, хоть и не знал об этом, а я его мог. Мне лишь мешала его скорость. К сожалению, чтобы я стал быстрее, мне нужна мотивация, похлещи простого противника. Вот так просто по желанию я подстроиться не могу. Я бы смог, если бы меня заставили бежать, подгоняя, например, ударами тока, чтобы я бежал быстрее, и то неизвестно, что случилось бы раньше: достиг бы я невероятной скорости или адаптировался к электричеству.

Нынешняя ситуация не давала моему организму причин становиться быстрее слишком быстро. Забавно. Был лишь один верный шанс его победить – открыться. Но это слишком просто, он мог бы что-нибудь заподозрить и стать осторожней, так что я решил, что буду драться на полную. У меня была сила, у него – скорость, посему наши шансы были

примерно равны, не считая моей неуязвимости, конечно.

На этот раз действовать начал он, переместившись мне за спину и пытаясь нанести удар ножом. При его исчезновении с поля зрения я интуитивно развернулся на сто восемьдесят градусов и отразил выпад, но он тут же вновь забежал за спину и нанес удар в сухожилие на ноге, но я не упал. Резко развернувшись на месте, я снова разрезал воздух. Он стоял в нескольких метрах от меня, и я, недолго думая, рванул к нему, отчего он, естественно, вновь исчез с пути, но я на это и рассчитывал. Прямо за ним вдоль стены тянулась лестница, ведущая на верхний этаж, на который я и побежал, остановившись лишь на самом верху. Я забрался туда лишь для того, чтобы ограничить ему зону перемещения: этаж состоял из нескольких не крупных, но длинных помещений с правой стороны коридора, в которых, вероятно, когда-то сидели руководители предприятия и несколько офисных работников, формировавших заказы. Слева коридора были толстые тонированные окна, выходящие на сам цех, хотя из целых там было лишь одно единственное окно.

Нерос стоял у лестницы внизу, догадавшись, чего я добивался.

– Не хочешь подняться? – ехидно спросил я.

– Может, лучше ты спустишься? А то получается, что это теперь ты бегаешь, поджав хвост.

– Это тактическое отступление, а то было просто бегство. Не путай понятия.

Нерос в ответ лишь злобно поморщился, постоял немного, обдумывая дальнейшие шаги, и все же ступил на крутую лестницу, медленно поднимаясь наверх. Добравшись примерно до двух трети лестницы, он вдруг перехватил державший в руке нож, взявшись за лезвие, и метнул в меня, из-за чего мне пришлось уворачиваться и резко отступить. Когда я вновь взглянул на проем, гераклид уже был передо мной. Я почувствовал сильный удар в грудь, отбросивший меня назад. Тут же встав на ноги, я увидел у него в вытянутой в сторону руке нож, но не такой же, как тот, что он в меня метнул.

– Интересная игрушка, – сказал я, смотря на раскалившийся добела клинок. – Так у тебя был козырь в рукаве?

– Технология Игненсис, слышал о такой?

– Еще бы! Позволяет раскалить любой материал до максимальной для него температуры, но так, чтобы он не расплавился и не пострадал. И почему ты не использовал этот нож с самого начала?

– Зачем? У меня был тот, что я вынул у тебя из спины.

– Разумно, – покачал я головой. Чертовы хитрые камирунты.

– Ты думал, что в замкнутом пространстве у тебя будет преимущество, но я покажу тебе, что это не так.

– Опять языком треплешь.

Нерос вновь набросился на меня, но в этот раз не используя скорость Харака Идо. Я почти без труда увернулся от размашистого удара ножа и вбежал в одну из комнат. И только

там понял, что он меня задел. На правом плече высветился прожженный порез. Вокруг пореза медленно исчезала краснота с небольшими пупырышками, знаменующими только что полученный ожог второй степени.

– Сразу на максимум врубил? И сам можешь пострадать, – напомнил я ему, если он забыл.

– Я в специальных перчатках, если ты не заметил, они защищают меня от ожогов, – самодовольно усмехнулся Нерос, словно он единственный кто до этого додумался.

– Но не лицо, поэтому ты и стараешься держать нож подальше от себя.

– Эти издержки ничто, в сравнении с тем, какое я получу удовольствие, когда вскрыю тебя.

– Да ты никак маньяк. Не боишься, что твой ножичек повредит мое тело так, что оно станет бесполезным в твоих экспериментах? Для ученого ты слишком неосторожен.

– Я далеко не ученый. Я – боец. И я сражаюсь до конца, используя любые методы, чтобы победить противника.

– Один из твоих методов – это усыпление? Потому что я сейчас засну.

Гераклид снова соорудил гневную гримасу, перехватил нож поудобней и исчез. Я тут же развернулся, чтобы отбить атаку сзади, но вместо этого получил удар в спину, которую и пытался защитить. Удар был нанесен наискосок справа налево, как раз над лопатками. В этот момент я был рад, что на мне не было верхней одежды, которая бы могла загореться

и приплавиться к коже.

Нерос же, не давая мне восстановиться, попытался вновь ударить ножом, но на этот раз прямым выпадом. Я инстинктивно заслонился правой рукой, в которой был мой, обыкновенный, нож. Его огненный клинок прорезал – прожег! – мою руку, словно масло. Камирутт попытался то ли вынуть нож, то ли отрезать мою обгорающую до черноты руку, но я ему не позволил. Схватив его за держащую нож руку своей свободной левой, я надавил как можно сильнее. Он, стараясь держаться от пышущего жаром клинка подальше, попятился назад, совсем забыв, что повсюду стены. К одной из стен я его и прижал, надавив еще сильнее.

Он пронзительно закричал от адской боли, которую доставлял его же раскаленный клинок. Моя рука, прогорев в месте удара дотла, с хрустом отвалилась, а нож с лязгом ударился о голый бетон, но я вся еще держал Нероса своей левой. Его правая часть лица, повернутая к ножу, покрывалась волдырями и обугливалась, ухо горело, словно факел. Клинок жег и меня, но я старался держаться подальше, хотя и знал, что все быстро заживет. Несмотря на адаптацию к боли, она плохо помогала от такого огня, при условии, что огнем-то меня как раз почти и не пытали. Я тоже рычал от боли, стиснув зубы, которые проступали из-под прожженных губ. Здесь простой сгоревшей бровью не отделаешься.

Нерос, наконец, вспомнив о левой руке, схватил держащую его мою и сильно толкнул меня, сделал полукруг и те-

перь прижал к стене меня. Он все еще кричал от боли, ухо и волосы на правой стороне почти полностью сгорели, но сдаваться явно не собирался. На его лице одновременно отразились боль и страх, отчаяние и ненависть. Ненависть ко мне. Теперь не было похоже, что он пытался убить меня аккуратно, дабы позже исследовать, теперь он просто хотел меня уничтожить, сжечь и развеять прах по ветру. Мое лицо горело.

Когда, наконец, моя правая рука вновь отросла достаточно, чтобы хватать, я сделал то же, что и он только что. Схватив его правой рукой, я завертелся, чтобы вновь прибить его к стене, но стены не оказалось. Вместо этого там находился проем от некогда красовавшейся в нем двери. Мы вылетели сначала в коридор, а потом и в единственное целое до этого момента тонированное окно, рухнув с верхотуры прямо в огромный висячий котел.

Недолго думая, я попытался ударить его правой рукой в лицо, пока Нерос не пришел в себя, но он оказался крепче, чем я думал. Он убрал голову в последний момент и моя рука, только-только отросшая заново, с размаху врезалась в дно металлического котла, сломав пару пальцев. Я лишь выругался.

Преимущество все еще было у меня, так как я был сверху, не считая еще и физического превосходства, хотя гераклид не далеко ушел. Нож в правой руке камирутта все еще пылал жаром, хотя казалось, что уже не так сильно, но в ограничен-

ном узком пространстве эта разница была несущественна. Нерос попытался сначала высвободить руку, но поняв, что это ему непосильно, решил столкнуть меня, поменяв наши положения на диаметрально противоположные, но и это ему не удалось, так как стенки котла не давали свободы действий. Моя рука полностью восстановилась за несколько секунд, и я вновь ей замахнулся, чтобы нанести удар, однако гераклид тоже был очень опытным.

Как только я отвел руку, он со всей своей гераклидовой силой ударил мне по ребрам свободной левой, да так сильно, что я невольно отпрянул. В этот же момент он переменял положение сначала одной ноги – обе которые были до этого согнуты в коленях, так как котел не позволял выпрямиться, – поставив ее мне на грудь, а потом тоже сделал и со второй, тем самым приподняв меня над собой и не позволяя приблизиться, хотя я все еще держал его руку с ножом, но и с этим он справился. Еще переставляя первую ногу, он взял нож обратным хватом и согнул запястье так, чтобы длинный клинок впился мне в руку. Жар и правда спал, но не слишком сильно, так как моя кожа и плоть быстро прогорали, рискуя вновь превратиться в пепел. Мне пришлось его отпустить. В этот же момент Нерос с рыком и рычанием резко выпрямил ноги, подбросив меня высоко вверх, тут же приготовившись атаковать, когда я начну падать обратно, но падать я не собирался.

Вместо этого я схватился за край котла. Давно заржавев-

шие крепежи закрипели, на что я и рассчитывал. Повиснув на краю, я перепрыгнул через него, перехватив руки, и рванул изо всех накопленных мною силы. Подшипники пришли в движение и котел со скрипом накренился и перевернулся вверх дном. Мои руки соскользнули, и я упал на землю, рядом со мной рухнул и Нерос. Я тут же, в положении лежа, оттолкнувшись от земли руками, попытался ударить его ногой сверху вниз, но он ловко ушел из-под удара, вскочил и кинул в меня нож. Я уклонился и бросился на него, но он опять исчез, объявившись у меня за спиной. На этот раз, как мне показалось, он был медленнее. Я этого ожидал, а потому сразу же принял нижнюю стойку, и как только он объявился, обхватил его ноги и рывком перекинул через себя.

Не успев коснуться земли, он вскочил, схватив лежащий неподалеку недавно брошенный им в меня нож. Я притворился, что собираюсь вновь атаковать его в лоб, но вместо этого сильным взмахом ноги пнул в него кучу песка и пыли. Не очень спортивно, но на войне все средства хороши. Он заслонил глаза руками. Быстро разбежавшись, я подпрыгнул и ударил его в голову и корпус ногами, обрасывая на несколько метров, но он тут же вскочил вновь. Из разбитого носа текла кровь, однако он не особо обращал на это внимание. Как и на то, что вся его правая сторона головы превратилась в подгорелую котлету.

- Нечестно играешь, – проговорил он и сплюнул кровью.
- В этом весь я. Я безоружен, так что ты должен простить

мне такую маленькую шалость.

– Ты и есть оружие.

– Пусть будет по-твоему.

Я снова рванулся вперед, предполагая, что он окажется за моей спиной, и тогда бы я резким разворотом ударил его ногой, но он меня провел. Гераклид меркнул перед глазами, словно собрался исчезнуть, тем самым заставив меня думать, будто он окажется за спиной, но вместо этого он остался на месте, а затем я почувствовал сильный удар в лицо. Быстро придя в себя и вскочив, я увидел, как он делает резкий выпад раскаленным ножом, который уже заметно ослаб в силе жара. Почти незаметным движением я перехватил его руку своей левой, отводя в сторону, а правой нанес сокрушительный удар по ребрам. Нерос согнулся пополам, но мгновенно выпрямился, держа в руке второй огненный нож, новый, полный силы, и всадил его мне прямо в сердце.

Главной его ошибкой по отношению ко мне было то, что он считал меня всего лишь каким-то метисом, помесью гераклида-камирутта и обычного человека, или человека-гераклида, а потому лишь немногим превосходящим обычного гераклида. Он считал, что от него я отличаюсь лишь скоростью регенерации и, как он недавно понял, быстрой адаптацией к негативным воздействиям. И все. А потому, поразив мое сердце, да еще и клинком, раскаленным почти до полутора тысяч градусов, он расслабился. Лишь на миг. Но этого хватило.

Я рванул его руку с первым огненным ножом, выхватил его правой рукой и попытался всадить ему в левую часть груди, но Нерос в последнюю секунду успел его перехватить обеими руками, и потому в плоть вошло лишь самое раскаленное острие. Я стал давить, а он начал быстро отступать назад, перебирая все менее послушными ногами.

Как оказалось, завод закрыли из-за землетрясения. Отвечающие за сдерживание вулкана что-то напутали, забыв вовремя и в должном количестве выпустить по специальным каналам из огненной горы рвущееся из нее давление, а потому гора сама сделала себе выход, тем самым спровоцировав небольшое локальное землетрясение в одиннадцать баллов. Замысловатая по форме трещина прошла почти через весь завод, уничтожив инфраструктуру. Тот самый раскол, разделявший цех на две неравномерные половины и знаменовал этот самый раскол в земле, уходящий далеко вглубь.

Нерос отступал к трещине.

Когда я ее заметил, то не стал долго раздумывать. Нажав сильнее на нож, который гераклид изо всех сил пытался сдержать двумя руками, чтобы тот не вошел глубже – в чем ему немало помогали огнестойкие печатки, – я остановился только в тот момент, когда до обрыва оставалось пара шагов. Надавив в последний раз уже двумя руками, я все же вонзил нож чуть глубже, а потом рывком дернул его вниз, оставляя разрез до самого живота.

Он так и падал в расщелину, все еще крепко держась за

лезвие ножа, на котором слабо кипела кровь, но так и не про-
ронил ни звука.

Я же вырвал, наконец, торчащий из груди огненный кли-
нок, отключил его и выкинул. Грудь была прожжена до чер-
ноты. Я даже успел полюбоваться на быстро заживающие
сердце, легкое и мышцы. Глубоко вздохнув новым легким,
я засунул руки в карманы своих модных штанов и, посви-
стывая, вышел из разрушенного сталеплавильного цеха, но в
противоположном направлении. Потом вышел с завода, по-
путно тщательно смыв чужую кровь с тела в стоящем по пу-
ти бочонке с дождевой водой, вернулся в номер в гостини-
це, в котором прожил еще три дня, а затем улетел куда глаза
глядят. Подпорченные штаны, естественно, выбросил. А они
мне так нравились.

Глава 7

План штурма сената и захвата сенатора был предельно
прост, хотя все понимали, что он не может пройти гладко.
Заранее продуманные планы никогда не идут гладко, а если
все же идут, то самое время запаниковать, ибо это затишье
перед бурей.

Из-за отсутствия времени, мы не смогли все детально про-
думать, подгоняемые возможным включением в игру рево-
люционеров. Все, что мы знали – сенатор в здании, на самом
верху пирамиды. По крайней мере, должен быть там.

Я и Мара легко проникли в здание, несмотря на то, что у

нас была целая сумка оружия. Непонятно откуда, но Верон достал блокиратор сканеров, не позволяющий сканирующим устройствам, даже самым лучшим, уловить следы металла, взрывчатых веществ и некоторых других опасных предметов. От просвечивания это не спасало, но на входе в здание сената, где, хоть оно и имело такое название, располагались еще и суд, адвокатские конторы, кредитные организации и иже с ними, таких устройств не было, а потому мы прошли довольно просто, открыв сумку и показав, что внутри у нас лишь толстые тома уголовного дела, которые нам просто необходимо отнести в судебную канцелярию именно сейчас, когда уже скоро полночь. Вынимать папки из сумки не стали, доверившись не сработавшему металлодетектору, а потому оружие, спрятанное под двойным дном, осталось в сохранности. Нас гвардейцы осматривать вообще не стали, явно даже и не предполагая, что у кого-то хватит ума штурмовать здание сената, ибо раньше на подобное никто не отваживался. Гвардейцы были на расслабоне. Это вселяло надежду.

Еще возле здания ютилась толпа журналистов, надеясь узнать от первого лица все подробности заявления сенатора. Хоть он и расписал все подробно, журналистам никогда не бывает много. Они надеялись на очередную сенсацию, но и подозревать не могли, что она очень скоро у них появится, но немного не та, на которую они рассчитывали.

Зайдя в лифт, мы нажали на этаж, где и располагался суд.

В самом лифте и холле стояли камеры, но мы это предусмотрели. Остановившись и перекинувшись парой фраз, при этом очевидно жестикулируя, мы направились в туалет. В разные, естественно, туалеты. Открыв сумку, я достал Факсимильный Куб и установил на нем таймер. Выйдя из туалета, я деликатно кашлянул, дав знак Маре, что все готово. Она вышла, и мы направились к канцелярии. Несмотря на полное незнание схемы здания, мы шли в нужном направлении, так как коридоры и холлы были забиты всевозможными указателями и надписями, позволяя делать вид, будто мы и так знаем, куда идем. Достигнув примерно середины холла, я как можно незаметней вынул из кармана Куб и бросил на пол.

Дверь в канцелярию оказалась открытой, но внутри находилось два работника.

– Вы кто такие? – сразу же накинулась на нас сердобольная женщина тяжелого веса. – Сюда посторонним нельзя.

– А... Мы это, ищем хранилище, – выкрутился я. – Судебное. Заплутали что-то.

– На двери написано «Канцелярия», вы что, слепые?

– Нет-нет, мы видели, просто думали уточнить...

– Хранилище дальше по коридору, – махнула тетка рукой.

– Ой, спасибо большое...

– Ну что вам еще? – спросила недовольно она, когда мы не двинулись с места.

– Мы просто хотели узнать...

В это время послышался короткий тонкий писк, знаменующий срабатывание Куба.

– А, нет, ничего, мы все поняли. До свидания.

– Ага-ага, скатертью дорожка.

Выйдя из помещения, мы направились в обратную сторону, откуда пришли. Факсимильный Куб я переместил с центра прохода в угол небольшой углубленной в стене колонны, коих в коридоре стояло с двух сторон через каждый три метра около дюжины. Те, кто следил за камерами, теперь были убеждены, что мы мирно сидим в канцелярии, в которой камер быть не должно, а сами видели пустой коридор.

Так как в лифте тоже были камеры, мы направились вверх уже по лестнице, потому что хоть мы и могли обмануть камеру, но движение лифта отражалось на пульте дежурного, а движение пустого по камерам лифта вызвало бы подозрения. Лестница, ведущая наверх, оказалась пустующей, даже не было видно следов пепла и бычков сигарет, которые в таких зданиях всегда бывают между лестничными пролетами. Тут, видимо, с этим строго.

Мы поднялись на этаж, который находился на несколько пролетов ниже того, что был нам нужен. Я приоткрыл дверь, выходящую в очередной холл-коридор, и бросил второй Куб. Через несколько секунд мы вошли следом. Я вновь спрятал Куб за колонной. Мы быстро прошли в туалет, располагающийся на этаже – уже в один, – и стали ждать полуночи.

Все шло гладко, но в атмосфере висело что-то такое, что

не давало покоя. Затишье перед бурей. За весь путь, с момента выхода из лифта, мы не встретили ни одного человека, не считая двоих в канцелярии. Это можно было считать за удачу и ссылаться на то, что время уже позднее, и почти все работники либо ушли, либо сидят в своих кабинетах, дописывая последние отчеты и сдавая документацию, но эта легкость, с которой мы попали внутрь, вызывала беспокойство и настороженность. Поделившись мыслями с Марой, я не нашел поддержки: «Да все в норме, – сказала она. – Нам просто везет. Они явно не ожидают, что кто-то может напасть на сенат, потому здесь охрана и не бродит, а лишь сонно пялится в мониторы. А почти все работники давно уже свалили домой. Я бы свалила». Ее слова меня не успокоили.

Времени было еще почти час, мы ждали, сидя в туалете. Мне было нормально, а вот Мара через десять минут ожидания вдруг начала слегка, еле заметно кривить лицо и неспокойно ерничать.

– Что с тобой? – спросил я.

– Нет... ничего. – Она слегка покраснела.

– Я же вижу.

– Ну, просто... захотелось.

– Ссать?

– Ну зачем же так грубо? – Мара покраснела еще больше.

– А чего софизмами и метафорами раскидываться? В этом нет ничего предосудительного.

Когда я сидел в засадах, давным-давно, напарники то и дело бегали в кусты, хотя до этого почти и не пили ничего. Нервы на всех действуют по разному: кому курить хочется, кого в туалет тянет, и еще повезет, если по-маленькому. У одного от волнения, например, начинало пучить живот, да так громко, что его старались оставлять в лагере, чтобы он не смог нас ненароком выдать. Один я ничем подобным не страдал, хотя мне не раз говорили, что в такие моменты я постоянно облизываю языком губы, но даже если так и было, с тех пор я избавился от этой дурной привычки.

– Можно и помягче, я же девушка, – возмутилась Мара.

– Сейчас ты бандитка, хулиганка и тунеядка, сидящая и ждущая, когда начнется облава с целью похищения. А если в нужный момент тебя вдруг приспичит, это тебя будет отвлекать от цели, и ты можешь подставить под удар и себя, и нас. Нехорошо.

Наверно, я был слишком груб, но я привык работать с профессионалами, предусматривающими все, а не с дилетантами, считающими себя мастерами дела. Сейчас следовало взять с собой Июлая, но к девушкам окружающие обычно относятся менее подозрительно, да и в том городке она проявила себя пусть и не профессионалом, но, по крайней мере, не напортачила. Я надеялся, что и в данном случае она хотя бы постарается вести себя здравомысляще.

– Ну а что я сделаю?

– Мы, блин, в туалете! Или ты только в горшок привыкла

ходить?

– Никуда я не привыкла. Я просто... стесняюсь. – Прячься мы в джунглях или в любых других лесах, нас бы давно обнаружили по ярко-красному лицу Мары.

– Я тебе два раза голой видел, – ляпнул я, – так что стесняться нечего. Мара покраснела еще сильнее, словно вареный рак в томатном соке.

– Я... Ты... То было случайностью, а тут...

– А тут я даже тебя видеть не буду, – перебил я ее.

– Зато будешь слышать.

– Я уши заткну, – сказал я.

– Все равно, – уперлась она рогом. Будь она мужчиной, я бы ей уже заехал оплеухой, хотя я все равно к этому близок.

– Даже поверить не могу, что мы об этом спорим, – всплеснул я руками.

– А может, я в соседний туалет сбегаяю? Куб же еще работает?

– Работает, но, – я посмотрел на часы, – отключится через три минуты.

– Я успею!

– Нет.

– Но...

– Слушай, Мара, ты сама напросилась сюда, в самое пекло, я предлагал тебе остаться с Костуном, но ты настояла, а теперь лапками дрыгаешь, мол, ты невинная беленькая овечка, которой чужды грязь и вонь свинарника. Я даю тебе вы-

бор: либо ты сейчас мирно и без разглагольствований сделаешь свое дело, либо я тебе кулаком в пузо так стукну, что одна небольшая проблема превратится для тебя в позорный ужас. Выбирай.

– Почему... – изменившимся голосом тихо заговорила Мара после небольшой паузы. – Почему ты так со мной? Что ты тебе сделала? – Еще чуть-чуть и она расплачется.

– В том-то и дело, что ничего. Ты пока из всех нас меньше всего сделала. Даже тупой Костун, и тот принес пользу, протаскив нас на этот спутник. Ты даже на той красной пустынной планете, кода все сражались, отсиживалась за машиной и хныкала. Мы все в одной лодке, и если тебе не хватило весла, гребь руками или выпрыгивай за борт, чтобы не мешаться и не тянуть нас на дно.

Возможно, я несколько перестарался, но только так можно хоть что-нибудь вбить в пустую голову взрослого человека, который ведет себя, как ребенок, и желает, чтобы все к нему так и относились, но не всегда, а лишь когда ему удобно. Пить, курить, трахаться со всеми подряд, принимать решения – это мы достаточно взрослые, а как нести ответственность, так «я просто ребенок в теле взрослого, я ни в чем не виноват».

– Ну, извини, – уже гневно заговорила Мара, – что я не привыкла убивать людей пачками! Я уверена, что для тебя это проще, чем... в туалет сходить, но я вообще не убийца. Я воровка и аферистка! Может и не самая умелая и опытная,

но это именно ты запорол мне мое первое дело...

– Если помнишь, это тебя наняли, чтобы ты помогла мне твое же дело с Костуном и запороть.

– Да, спасибо, что напомнил! Но я хотела ускорить твое дело, как мне и заказали, а потом уже вернуться к окучиванию этого потного толстяка. Даже если дело должно было прогореть с самого начала, его все равно первым испортил ты, – ткнула она меня пальцем.

– Что за логика такая?

– Да пошел ты! – выпалила она и, оттолкнув меня, выбежала из туалета мужского и перебежала в соседний, женский. До отключения Факсимильного Куба оставалось десять секунд. Повезло, подумал я.

Туалеты разделяла толстая стена. Мару слышно не было, и я очень надеялся, что ей не хватит дурости выйти раньше времени, так как Куб больше не работал, и камеры получали картинку в реальном времени.

Мы ждали. Время подходило. Я закинул за спину мальпленган, вакуган убрал в кобуру, а сам взял в руки обычный автомат: вакуумное оружие издавало мало звука при стрельбе, а нам нужна была шумиха.

Через несколько минут до меня донесся далекий гам, и я понял, что пора. Выбежав из туалета, я сразу же уничтожил две камеры, расположенные в коридоре в противоположных концах, тем самым не позволяя дежурным увидеть, куда я

направлюсь (может, я собрался банк грабить, а не сенатора похищать!), а также давая знак Маре, что пора выходить, если она не услышала, что уже началось. Не став ее дожидаться, я побежал сначала к лифту и нажал кнопку вызова, потом к лестнице, к условленному месту. По лестнице вверх уже бежали два гвардейца, находящихся, по-видимому, неподалеку и услышавших выстрелы, и которых я подстрелил, но не смертельно, и побежал вниз, к противоположной двери, ведущей в еще один, но уже меньший коридор, который выходил на посадочную площадку. Открыв дверь в коридор, я тут же уничтожил висящую надо мной камеру, а потом услышал еще пару выстрелов. В дверь в конце коридора забежал Иолай, который и расстрелял систему слежения, вслед за ним спокойно вошел Верон, держа в обеих руках по пистолету.

– Все нормально? – спросил Иолай.

– Да, все по плану. Идем.

– А где Мара?

– Не знаю, догонит.

– Лады.

Выйдя обратно на лестничную площадку и начав подниматься, я выстрелил еще в двоих, один из которых уже поднимался выше, а второй склонился над телами предыдущих раненых. Иолай и Верон медленно, внимательно прислушиваясь и присматриваясь, стали подниматься по лестнице вверх, к этажу, где располагался кабинет сенатора, я же вновь выбежал в длинный коридор. Лифт уже подъехал

и стоял, раззявив дверцы. Я, стоя снаружи, выпустил почти всю оставшуюся обойму в крышу лифта, пока не добился желаемого результата: канаты, держащие лифт, лопнули, и кабина со скрежетом полетела вниз, ударяясь о стены шахты и высекая искру, пока с сокрушительной силой не рухнула на самое дно, поднимая облако пыли. Но этого я уже не увидел, так как вместе с Вероном и Иолаем стоял у двери, ведущей с лестницы в очередной коридор, который заканчивался личным кабинетом сенатора. Сменил обойму. Они все еще стояли, так как за дверью отчетливо слышались шепотки, топанье, щелчки затворов и бряцанье оружия. Нас ждали.

Я снял со спины мальпленган, привел его в боевую готовность, направил на дверь и нажал на спусковой крючок. Верон и Иолай даже не успели опомниться, когда я закончил.

Ответных выстрелов почти не было.

– Ты что творишь?

– А что?

– Что за резню ты устраиваешь? Мы не договаривались убивать всех подряд на нашем пути, – гневно выпалил камиррут.

– А ты знаешь другой способ расчистить путь, Верон? Может, надо было вежливо попросить их уйти с дороги? Если ты забыл, они убили десятки тысяч, чтобы потом отправить куда-нибудь в резервацию миллиарды людей, а может, и вообще истребить.

Конечно, они не заслуживали того, что я с ними сделал,

потому что я поступил с ними слишком мягко, просто убив, но нам следовало торопиться.

– Но это были просто гвардейцы. Они тут не при чем.

– Уверен?

– Что они не при чем?

– Что это гвардейцы.

Верон вопросительно поднял брови. Я открыл металлическую дверь, за которой оказалось около двадцати трупов, насквозь пробитых мальпленганом. И это были не гвардейцы. На всех была точно такая же одежда, как у солдат, которые прилетели за нами на пустынную планету: форма патрульных, но без опознавательных знаков, хотя на плечах у них был привязан красный платок.

– Как ты узнал?

– Я и не знал, просто догадался, – пожал я плечами. – Гвардейцы, по идее, должны стоять лишь на улице, еще несколько могут бродить по холлам этажей, но никак не возле личного кабинета сенатора, тем более в таком количестве. На лестнице мы, лифт я уничтожил, значит, они никак не могли попасть сюда раньше.

А это значит, что нас ждали. И ждали давно. Эх, а мы ведь планировали эффект неожиданности.

– Получается, ты точно не знал, были ли это лишь наемники или гвардейцы, а действовал по наитию? – сухо заметил Верон.

– Я всегда действую по наитию. Странно, что ты до сих

пор не заметил. Ну ладно, у нас нет времени, скоро сюда прибегут эти хреновы революционеры – слышите шум снаружи? – а воевать с ними у меня особого желания нет.

Они не были нам врагами, в равной степени как и друзьями, но могли принять нас за противников, а нам ничего не оставалось бы, кроме как отстреливаться. Машая, этот наивный здоровяк, точно бы сильно расстроился, узнай, что мы обещали подумать о присоединении, а сами убиваем повстанцев. Однако, похоже, все может выйти так, что у нас не останется выбора.

– Кстати, – тихо заговорил Иолай, пока мы медленно крались по заваленному трупами коридору, – какая пробивная мощь у твоего автомата?

– Бетонную стену почти в полметра пробьет без проблем, а что?

– Просто дверь в кабинет сенатора вся в дырках, а там тишина, – спокойно сказал он.

– Хм... Об этом я не подумал.

– Удивительно у тебя работает мозг, – заговорил Верон, – то ты анализируешь ситуацию, словно семечки грызешь, а то не можешь понять элементарные вещи.

Да, это одна из моих фишек, благодаря которой я зачастую выгляжу невинным дурачком, что вводит моих врагов в заблуждение относительно угрозы с моей стороны. Иолаю, например, для этого даже притворятся не нужно, его внешность сама по себе выглядит безобидно.

– Эй, умник, ты и сам об этом не подумал, а вот Иолай додумался.

– Что значит «даже»? Вы меня за дурака, что ли, считаете?

– Все, тихо, мы у двери.

Я уже сменил свой вакуумный автомат на обычный, и теперь стоял возле двери, к которой мы крались зря, ибо из-за дыр, проделанных мальпленганом, мы были как на ладони. Я ногой ударил по двери так, что она сорвалась с петель, одну из которых слегка задела пуля, а потому она еле держалась.

Опасения подтвердились. За столом сидел сенатор. Глаза закрыты, голова набок, изо рта стекала струйка крови, а тело в нескольких местах оказалось пробито насквозь. Огромное во всю стену стекло под естественным для пирамиды наклоном за его спиной тоже было все в дырках и трещинах. Верон выругался так, как я и не ожидал от прилично одетого камирутта.

– Кто бы мог подумать, – первым прервал неловкую тишину я, – что у него стол прямо напротив двери? Это же не по фэн-шую!

– И что нам теперь делать? – поинтересовался Иолай.

– Найдем другого чинаря, завязанного в этом деле, – пожал я плечами. Одним служакой больше, одним меньше, кто считает? Особенно, если они те еще ублюдки.

– Зачем же принимать такие поспешные решения, – слышался незнакомый голос. Говорил труп сенатора. То есть, как оказалось, уже не труп.

– Сюрприз! – взмахнул он руками.

– Вот те нате, зомби в сенате! – воскликнул Иолай.

– О, – потряс пальцем сенатор, – мне нравится это выражение.

Кожа сенатора была бледно-фиолетовой, а на голове, где обычно начинался край волосяного покрова, торчала пара рожек, буквально дюйм в длину, за этими рогами в ряд шло еще рожек пять-шесть, но поменьше, почти сантиметровые. Уши были чуть заострены. Все указывало на то, что ему изменяет жена. Ладно, это не смешно.

– Не иначе сам черт, – сказал я. Надеюсь, это было смешно.

– О, нет-нет, хуже. Поверьте.

Сенатор встал, потянулся всем телом, причмокнул и подошел к треснутому стеклу окна, посмотрел вниз.

– Не хилую вы шумиху подняли, – снова сказал он.

– Это не мы.

– О, я-то знаю, – поднял он указательный палец, – но вот остальные считают иначе. Как и считают они, что это именно вы взорвали лайнер «Infortissimo». Весело, правда? За вами уже гоняются все, кому не лень, а скоро и те, кому лень, поднимут свои задницы и направят против вас свои силы. Кто ради славы, а кто и ради денег. Интересно будет понаблюдать, чем же все это кончится.

Говорил он все это игриво-насмешливо, даже издевательски, и главное, его совсем не заботило, что у него в кабине-

те стоят три вооруженных человека, только что расстрелявших всю его охрану. Он не боясь поворачивался к нам спиной, хотя, если учесть, что ему нипочем сквозные выстрелы из малыпленгана, то и по поводу всего остального он мог не волноваться.

– Уверен, что тебе удастся увидеть? – сказал я, стараясь придать своему голосу грозности. Даже я не бываю столь самоуверенным. Хотя нет, вру, именно таким я и бываю, поэтому меня особенно сильно бесит, если кто-то ведет себя так же. – Хотя дам тебе такой шанс. Скажи, кто за всем этим стоит, кто главный, а мы, может быть, отпустим тебя с миром.

Сенатор громко рассмеялся, прям как истинный злодей. Мне даже стало немного завидно.

– Вы все еще не поняли? – заговорил он вновь, отсмеявшись. – Я стою за всем этим! Я – главный! И это именно я буду решать, отпустить ли вас с миром или уничтожить на месте.

– Ты? – поднял бровь Иолай. – Ты главный? Ты же просто шестерка в Правительстве. Не носи чепухи.

– Чепухи?! – громко воскликнул он, но уже не своим голосом, хрипло. – Никакой чепухи!

Лицо сенатора, то, что с рогами, расплылось, и на его месте появилось обожженное лицо Роула, – торговца оружием и механика. Вместе с ним изменилось и мое лицо: трансфэйсер перестал действовать. До этого момента я о нем даже

и не вспоминал, свыкшись с новой личной.

– Роул?!

– А вы кого ожидали, Императора Человечества? Ну на-те! – Лицо вновь расплылось, и теперь перед нами предстал сам Император Человечества во всей своей красе.

– Нравится? – спросил он тяжелым басом.

– Не знал, что трансфэйсеры еще и голос меняют. – Я снял свой с уха и положи на всякий случай во внутренний карман. Вдруг пригодится. Было бы неплохо еще и его прихватить, если получится.

– Мой – меняет, – горделиво сказал он. – Я не в пустую потратил все эти годы, Амарталис де Восаф, человек с планеты, которую и не на каждой карте Вселенной можно найти. После нашей встречи я совершенствовался и изучал все, что связано с продлением жизни, регенерацией и бессмертием. Все эти годы. И знаешь что? Я не нашел ни один труд во всей Вселенной, который бы описывал твои способности даже близко. Только глупые мифы и легенды, больше похожие на детские сказки. Ты индивид, ты особенный. Единственный и неповторимый. Истинно бессмертный!

– Да-да, ты молодец и все такое, – отмахнулся я от его назойливой тирады, – потратил кучу времени, изучая меня, что, конечно, лестно и... немного жутко, если честно, но я без понятия, кто ты такой. Если, конечно, лицо Императора – не твое настоящее лицо.

На самом деле, я уже понял, кто это. Мало кто во Все-

ленной был столь многословен, да еще чтобы вся эта болтовня была столь же напыщенной, сколь и бессмысленной. Безумный огонек в глазах не мог скрыть даже трансфэйсер. Но грех было его не побесить.

– Не помнишь? – рыкнул он. – А вот это ты помнишь? – Сенатор резким движением задрал окровавленную рубашку. На теле, от груди до живота, резко выделялся уродливый шрам..

– Оу!

– «Оу!»? И это все, что ты можешь сказать? – Сенатор так же резко сорвал с уха трансфэйсер, отчего его лицо уже без расплывания мгновенно изменилось.

Перед нами предстал Нерос. Вся правая часть лица у него была сильно обожжена, вместо уха зияла темная дыра. Было удивительно, как во всем этом кошмаре у него остался цел глаз, слегка прикрытый у виска обгорелой кожей, но намного меньше, чем у Роула.

– Удивлен? – оскалился он в безумной ухмылке, довольный произведенным эффектом, точнее тем, что он счел за эффект, так как на меня все это практически не произвело никакого впечатления – подарок не так приятно раскрывать, если знаешь, что внутри, – но в глазах безумца сияло торжество, он видел то, что хотел увидеть.

– Гераклид?! – громко воскликнул Иолай. – Верон! Ты видишь тоже, что...

– Заткнись! – рявкнул Верон. Впервые за все время у него

на лице отразилась настолько яркая эмоция, и этой эмоцией было – потрясение.

Нерос недовольно поморщился, достал из кармана какой-то прибор, направил в нашу сторону, и прежде, чем мы что-то успели предпринять, нас всех отбросило назад, к зияющему дверному проему.

Очухался я буквально через несколько секунд. Верон и Иолай продолжали лежать без сознания.

– Так-то лучше, – спокойно произнес Нерос. – А то стало слишком шумно. Теперь нам не помешают. Не бойся, они не мертвы, просто без сознания. Я знал, что ты быстро придешь в себя.

– Теперь ясно, почему ко мне подослали Мару. Ты знал, что я зачастую действую не особо спешно, а потому решил подстраховаться.

– Именно. Я ждал очень долго, а теперь просто сгораю от нетерпения.

Сорок пять лет прошло. За это время проходит любая ненависть, но некоторые просто не знают, чем себя еще занять, кроме мести.

– И что же тебе нужно? – поинтересовался я. – Снова хочешь заполучить мое бессмертие? Я думал, первый раз тебя грабли огрели как следует, а ты, оказывается, еще хочешь, чтоб наверняка.

– О, нет-нет, – поднял руки Нерос, – твое бессмертие мне уже не нужно. Неужели не видишь, что я стал сильнее? Я

был о тебе лучшего мнения. Те ранения, что ты мне тогда нанес, смертельны даже для гераклида, а я, как видишь, жив и здоров.

– Вижу.

Насчет здоровья я бы поспорил. Головой он точно не был в порядке, став еще безумнее, чем при первой нашей встрече. Только тогда все его естество было направлено на поимку и изучение меня, а теперь в нем кипела первобытная месть. Он стал опаснее, но не умнее, явно не умнее.

– Я готовился к этому почти пятьдесят лет, – продолжил черноглазый. – Когда ты сбросил меня в трещину в земле, я еще был жив. Мне повезло, что ты оказался невеждой и ничего не знал о камируттах. Я сказал тебе тогда, сорок пять лет назад, что камирутты почти не отличаются физически от людей, и это правда, но я забыл сказать, что наши органы распложены зеркально к вашим. Ты не поразил мое сердце, ибо оно было справа!

Когда я упал на дно, я подумал, что умру. Это так меня взбесило! – Нерос сжал кулаки. – Что за несправедливость? Ты, живущий так, словно жизнь – это бесконечная череда веселья и безделья, – бессмертный. А я, посвятивший свою жизнь науке и попытке сделать мир лучше и чище, – должен прожить каких-то лет шестьсот-семьсот, если повезет. Один миг. Это несправедливо! Как же я тогда был зол. Я вынул из живота раскаленный нож, что ты оставил во мне, и прижег им себе рану. О, ты даже не представляешь, как это бы-

ло больно. Но вот в чем ирония: если бы ты вонзил в меня другой нож, практически полностью заряженный, я бы умер, мое сердце просто сгорело бы, но с более горячим клинком я бы быстрее и менее болезненно прижег рану, не стал бы так мучиться. Даже не знаю, благодарить тебя или хулить.

– Одно другому не мешает, – заметил я. Мне уже стал наскучивать этот монолог, но я понимал, что он тянет время, хотя и не без удовольствия для себя.

На улицах становилось все более шумно, и в окно можно было увидеть, как становится светлее из-за разрастающихся в городе пожаров. То там, то тут звучали выстрелы и громы-хали взрывы. Революция была в самом разгаре, и победитель был очевиден, но не для всех.

– Да, наверно, ты прав, – согласился Нерос и, после короткой паузы, продолжил: – Так вот, когда я уже мысленно готовился к смерти, так же мысленно тебя проклиная, меня спасли. Те, кого ты не добил, когда погнался за мной и Гонсалом, сурусы и пара вирусусов, они нашли меня и вытащили из той вонючей дыры. Я целый год восстанавливался. Не мог нормально есть и пить, не говоря обо всем остальном. Но в конечном итоге я все же пришел в норму и решил тебе отомстить. На самом деле, я это решил еще тогда, валясь в яме, – однако я знал, что мне не следует спешить, как в первый раз, поэтому это заняло столько времени. Я учусь на своих ошибках.

Я в этом сильно сомневался. Нерос второй раз связывает-

ся со мной, хотя после первой встречи он чудом выжил. Такие люди тоже бывают. Не все умеют мстить правильно, как следует выбирая противника.

– Гонсал действительно был очень умным в области химии, – продолжал Нерос так, словно я сам на этом настаивал, – хотя по жизни и был тем еще идиотом и паникером. Он оставил множество записей о своих исследованиях, большинство из которых зашифровал, и даже кое-какие экспериментальные образцы. И я начал их изучать. Я узнал все, что знал он, прибавь к этому еще и мои знания, плюс труды сотен других ученых Вселенной. Все это было частью пазла, который я собирал больше тридцати лет. А потом я создал вот это. – Нерос достал из кармана брюк небольшой цилиндрический иньектор с мутной зеленой жидкостью внутри.

– Смотри! – торжественно воскликнул он. – Это будущее! Мое персональное будущее. Этот... эликсир позволяет мне быть неуязвимым. Не настолько, как ты, конечно, но достаточно, чтобы не умереть даже от очень серьезных ран. Можно даже сказать, что я самый неуязвимый после тебя человек в мире. Но зато я умнее тебя. Мне не нужно тебя ни убивать, ни держать взаперти, тем более что теперь-то я знаю, что это бесполезно. Я не буду, как ты минуту назад выразился, наступать на те же грабли, я пройду другим, безопасным и единственно верным путем, в котором сокрушу тебя.

Стремился к бессмертию, добился бессмертия, прыгнул в жерло вулкана. Сиди он мирно где-нибудь на отшибе цивили-

лизации, я бы даже о нем и не вспомнил, даже будучи уверенным, что он тогда остался жив, но он решил иначе. Даже понимая, что слабее меня, Нерос решил отомстить мне за все, даже за собственные ошибки и просчеты, о чем вскорости и пожалеет. Он желает справедливости, но она не на его стороне, и даже не на моей, здесь все решает сила, и в этом случае я далеко впереди.

– Да, ты изменился, – сказал я, – хотя страсть к бессмысленной и скучной болтовне никуда не делась.

– А вот ты ничуть не изменился, все еще самоуверен и глуп. Это благодаря мне тебя, даже не проверив, пустили на Кавитан. Ваши рожи уже больше дня показывают по всем возможным экранам во Вселенной, неужели ты думал, что тебя бы никто не узнал, прилети ты на такой серьезный объект, как спутник, на котором расположен сенат? Я лично приказал за день до вашего прилета всем работникам пропускных станций, чтобы они вас пропустили без вопросов, только поэтому вы смогли сюда проникнуть. Я на этом чертовом спутнике уже больше года кантуюсь. Всех здесь знаю. И Роула. Видел у него ожег? Почти как у меня, правда? Это я ему его устроил, месяцев пять назад, хотя он уверен, что это была просто случайность. Просто аппарат, который не должен был взорваться, – взорвался. Это было мое послание тебе, чтобы ты вспомнил, что сотворил со мной. Вспомнил, нет? Да, вспомнил, как же иначе, ты ничего не забываешь. Вспомнил, но просто не предал этому значение. Совпадение,

подумал ты. А еще там на столе, на самом видном месте, должен был лежать нож с технологией Игненсис. Огненный клинок. Заметил? Заметил. Но мое первое тебе послание было живым. Тот вирусус, что нанял тебя. Считай, что это была небольшая дань в память о Гонсале.

Честно говоря, клинок Игненсис я не увидел, а иначе не преминул бы им воспользоваться против робота, но и паяльная лампа оказалась не так плоха.

– Любишь оставлять знаки и подсказки? Значит, тот газ на лайнере...

– Да, – перебило он меня. – Все верно. Это был эксперимент. И, я тебе скажу, вполне успешный. Гонсал начал его создавать, но не успел, а я закончил и даже улучшил. Правда, я надеялся, что лишь один ты останешься в живых, но так даже лучше, правдоподобней. Неминуемая смерть твоих новых друзей доставит тебе дополнительные страдания. А как ты убил того полицейского – это была ягодка на вершине испеченного мною торта, под названием Мечь. Теперь все уверены, что ты просто убийца и террорист. Но поверь, этот торт не главное холодное блюдо, которое я подам тебе в скором времени.

– Да ты, никак, в философы заделался, – усмехнулся я.

– Опять язвись? Опять недооцениваешь?

– И не без оснований, – заметил я.

– И правда. В прошлый раз я тебя недооценил, то теперь...

Теперь я готов и настороже. Теперь уже ты недооцениваешь

меня.

Когда я прибыл сюда год назад, то первым делом убил настоящего сенатора, перед этим, конечно, изучив его как следует, чтобы никто ничего не заподозрил, а потом «заморозил» его тело до лучших времен. И вот они наступили! Все сочтут, что это ты убил сенатора этой зоны, который так нелестно отзывался о людях и даже предлагал их изолировать от общества.

– Никто на это не поведется. В Правительстве, может, и сидят идиоты, но даже они не рискнут начинать войну против людей.

– Нет, конечно, нет, – поморщился Нерос. – Им и не надо начинать. Все начнут сами люди. Тебе объяснил тот бугай, бармен, забыл его имя... В общем, он же тебе объяснил, что такое «Гаруда»? Революционная армия! Я уже примерно лет семь-восемь летаю по всей Вселенной и науськиваю людей и тех, кто им симпатизирует, чтобы они восстали против гнета и дискриминации вселенского Правительства. И многие ведутся. Человека так легко заставить поверит во всю эту чушь. Заставить поверить, что сейчас, несмотря ни на что, они живут намного хуже, чем могли бы, чем заслуживают. Заставить поверить, что даже маленькая незаметная кучка никчемных отбросов может восстать и изменить существующий порядок, сохраняющийся веками и даже тысячелетиями. А они настолько самоуверенны, что готовы пойти на все, чтобы это осуществить. Такие наивные, такие глупые, такие

внушаемые. Только-только вылезшие на свет из лона эволюции. Не существа, но твари.

Хотя, если говорить начистоту, почти все расы во Вселенной подвержены влиянию. Собственные эмоции и чувства это или мнение большинства – нет никого, кто принимал бы по-настоящему верные, взвешенные, а главное – собственные «чистые» решения.

– А ты, значит, влияешь на чужие решения? – поинтересовался я, чувствую себя психологом, который выслушивает бредни пациента. На первый взгляд его мысли кажутся логичными и вполне продуманными, наверняка, он считает их своим гением, но если приглядеться, можно угледеть множество нюансов. Складывается такое ощущение, что он говорил с одним лишь Машаей, которого решил взять за образец, спроецировав его наивность и податливость на всех людей, но, наверняка, больше половины из тех, кого Нерос, как он высказался, науськивал, не повелись на его разговоры, а если и повелись, по прошествии нескольких лет давно уже передумали, решив выбрать более мирную жизнь.

– Да, – с готовностью ответил гераклид. – И благодаря этому сейчас все уверены, что ты убийца и террорист. Из-за инцидента с лайнером Правительство уверено, что тебя нужно уничтожить, а твои соплеменники – люди – уверены, что из-за тебя на них пал гнев всей Вселенной. У тебя нет союзников, только враги. Представители человеческой расы сейчас по всему огромному миру подняли восстание под знаме-

нами «Гаруды». Они уверены, что убийство десятков тысяч Людей на лайнере – это провокация со стороны Правительства, а виноват *ты!* Правительство же уверено, что уничтожение лайнера – это как бы знак всем людям, точка отсчета, с которого и должно начаться восстание, а предводитель восстания – *ты!*

И, кстати, те Факсимильные Кубы, что ты тут разбросал, не сработали, – у камер стояли специальные защитные системы, установленные мной еще пару месяцев назад. Видеозаписи твоего гуляния по зданию сената во всеоружии я вскоре выложу в сеть, как и сопровождающие их видео погромов, кои устроили революционеры. И еще кое-что... – Нерос вернулся на ухо трансфэйсер, его лицо снова расплылось и передо мной предстало его лицо, но уже без ожога, глаза стали обычными, голубоватого цвета, волосы сделались коричневыми.

– Ну как? – заговорил Нерос со свежим лицом, голос тоже перестал хрипеть. – Нравится? Я буду командовать войсками, притворяясь человеком. Возьму командование на себя, а потом... Потом я провозглашу себя новым Императором Человечества, хотя для этого нынешнего придется свергнуть. Но на фоне происходящего это не будет такой уж проблемой. Вот будет потеха. Даже если кто-то и захочет вернуть людей из резервации, я буду этому всячески мешать.

– Если люди будут в резервации, им без надобности будет правитель.

– Стаду всегда нужен пастух.

Нерос излучал безумную самоуверенность. Часть его слов казалась вполне разумной, но если посмотреть на все в целом трезвым взглядом, то становится видна вся абсурдность его мыслей и желаний. Хотя, возможно, он специально заговаривает мне зубы; ну какой злодей будет раскрывать свои планы врагу, тем более зная, что тот непобедим?

– Вижу, мой больной на голову друг, ты все продумал, – сказал я, притворяясь, будто повелся, – но кое-что упустил. Очень важную деталь.

– И какую же?

– Ты не учел меня. Недооценил. Тебе и тысячи лет не хватит, чтобы меня перехитрить и перебороть. В любой из схваток.

– Ты слишком высокого о себе мнения, – выплюнул он.

– А ты – о себе. Только я однажды уже тебя победил, так что мне мешает сделать это вновь?

– Ха-ха-ха! Что помешает? Вот что! – Нерос достал из очередного кармана очередной прибор и нажал кнопку. Я ожидал взрыва или что-то в этом духе, но ничего не произошло. Гераклид открыл верхний ящик стола и достал оттуда пистолет, но направил не его в мою сторону, а в окно, и несколько раз выстрелил, из-за чего стекло потрескалось еще больше, обвалившись в некоторых местах.

– Кажется, твой друг уже приходит в себя, и скоро здесь станет шумно и жарко, а я не люблю ни того, ни другого.

Бывай! – Он резко обернулся и побежал к окну, разбил его с разбега, не замедляя темпа, вылетел наружу и заскользил вниз по наклонной вершине здания в виде пирамиды из стекла. Когда я выглянул через разбитое окно наружу, Нерос уже находился на основании второй – перевернутой – пирамиды. Он достал из одного из своих бесконечных карманов на брюках и пиджаке ярко-красный платок и повязал им руку, попутно сменив внешность на нейтральную, чтобы затеряться в толпе. После чего помахал мне и скрылся в прозрачной двери, ведущей обратно в здание, но на несколько этажей ниже. Я смачно плюнул на расстояние, но не попал, ибо Нерос уже скрылся внутри.

– Вот скотина обгорелая.

– Что произошло? – Верон начал приходит в себя, сидя на полу и держась за голову.

– Нерос вас вырубил, потом разразился тирадой о том, какой он крутой и сильный, и какой я всмятку и слабый, а затем и вовсе выпрыгнул в окно в стиле героев дешевых боевиков.

– Что?

– Неважно. Надо сваливать. Я уже слышу топот множества ног по лестнице. Так вот что там нажимал этот урод. Может, я ошибся, и он не пытался выиграть время, заговаривая мне зубы всей этой брехней, а просто решил повыпендриваться? Думаю, это вполне в его стиле.

– Черт! – прорычал Верон.

– Что случилось?

– Иолай! Он полностью разряжен. Даже очнуться энергии не хватит, не то что самостоятельно идти.

Как сказал бы сам Иолай: еще один минус быть киборгом. Хотя шансов мгновенно лишиться всей энергии довольно мало, и еще меньше, что у кого-то в кармане может случайно затесаться подобное устройство.

– Сколько ему нужно времени на зарядку? – спросил я.

– Это уже не важно, – тихо сказал Верон, всматриваясь в коридор. С лестницы выбегали люди с оружием. Первые ворвавшиеся в коридор резко остановились, увидев следы бойни, которую я учинил. Те, что бежали за ними, толкались, не понимая причину затора.

Все молча уставились на окровавленные трупы солдат, а потом заметили и нас. И тут я понял, что мы попали.

– Знаешь, кажется, ты был прав, не надо было мне такую резню устраивать.

Проблема была в том, что у мертвых солдат на плече были повязаны красные платки. Как и у тех, что ворвались на этаж. Их даже не смутило то, что все павшие были в военной форме патрулей.

– Быстро, – тихо, чтобы только Верон услышал, проговорил я, – убери Иолая от двери.

Верон сначала медленно, осторожно, словно перед диким зверем, присел поудобней, затем привстал и резким движением оттащил Иолая с линии огня. Это послужило знаком для восставших. Они побежали прямо по трупам, поднимая

карминовые брызги. Те, что бежали первыми, уже подняли оружие, собираясь начать стрельбу, но я их опередил. Я все еще держал в руках автомат, простой, не мальпленган, а потому мне не составило труда с моей молниеносной скоростью поднять его и нажать на спусковой крючок. Я стрелял по ногам, и бежавшие впереди рухнули, словно спотыкнувшиеся, прямо в лужи крови. Те, что бежал за ними, на миг замешкались. Я для пущего эффекта выстрелил над ними в потолок, осыпав их штукатуркой и кусками перекрытия. В ответ послышались неуверенные одиночные выстрелы.

– Быстро! – крикнул я. – В окно.

Верон, не раздумывая, забросил безжизненное тело Июлая на плечо и выпрыгнул в окно, пока я его прикрывал. Следом за ним, сделав еще несколько выстрелов, сиганул и я.

Не успел я перепрыгнуть через край окна, с торчащими снизу и сверху зубьями стекла, как услышал топот ног, – повстанцы очень быстро оправались от потери комрадов. Как только я приземлился задницей на стеклянную поверхность пологого здания, сверху послышались выстрелы, а потом я увидел мини-гранату, ту, что в три раза мощнее обычной, которая пролетала мимо меня. Верон уже был внизу и со всех ног бежал по широкому краю, который являлся основанием перевернутой пирамиды, при этом огибая столы и стулья местного кафе или ресторана; за ним из входа-выхода, где минуту назад скрылся Нерос, выбежала толпа вооруженных людей с красными повязками на плечах.

Не переживая за гераклида, я резко ударил обеими ногами по стеклу, тем самым затормозив, из-за чего, благодаря инерции тела, меня развернуло и я подлетел, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов. Сзади прогремел мощный взрыв, от которого в меня полетели осколки, больно впиваясь в спину, а падение немного замедлилось из-за ударной волны. И тут я увидел перед собой летящие в меня еще две гранаты. Чисто инстинктивно я выстрелил в них из автомата, который все еще держал в руках; попал только в одну, но и этого было достаточно, взрыв первой мини-гранаты спровоцировал и вторую. Взрывная волна, так как я все еще находился в свободном падении, на этот раз заставила меня уже ускориться. И я со всей силы влетел спиной в разделитель между стеклянными плитками, созданный из какой-то особой модификации углерода. Как оказалось, мини-граната, что пролетела вначале мимо меня, взрывом выбила и потрескала несколько плит стекла внизу, оставив лишь сверхпрочный каркас. Врезавшись спиной в балку и переломав себе позвоночник в нескольких местах, я рухнул на пол внутри здания.

За Вероном погналось много народу, но еще больше оставалось внутри здания. Большое и почти пустое просторное помещение с высоким потолком, откуда я и упал, разбив лицо, оказалось заполнено людьми. Что они делали внутри – было непонятно. Скорее всего, ждали дальнейших приказов. Они, естественно, слышали и даже почувствовали взрыв и

видели, как я упал, а потому заранее расступились, и теперь, окружив мое окровавленное тело, подозрительно переговаривались. Многие сами поднимались с пола, вытряхивая из волос и одежды стекло, все еще пригибаясь и жмурясь в ожидании очередных взрывов и дождей из стекла.

– Кто это? – удивленно спросил родин из них.

– Откуда я знаю? У него все лицо в крови.

– У него нет повязки на руке, а гранаты явно наши кидали, так что это точно враг. Какой-нибудь гвардеец или что-то вроде.

– Какой к чертям гвардеец? У него нет формы. А оружие ты видел? У него на спине этот, как его... мальпеган. Такое оружие запрещено использовать, тем более гвардейцам.

– Да-да, точно, это мальпленган! Крутая штука, жаль только, что сломанная. Почти пополам переломился.

Я лежал неподвижно, притворяясь мертвым и ожидая, пока восстановится мое тело. Услышав о переломанном мальпленгане, я в сердцах выругался. Я ведь даже толком не успел им попользоваться, а сумму отдал не маленькую.

– А он точно мертв? – подозрительно спросил один из повстанцев.

– После такого – точно. Сам посмотри, он весь в крови, словно купался в ней.

– Мне кажется, – осторожно заговорил другой голос, – или крови стало меньше?

– Вомпер выпил, ага, – саркастически заметил другой и рассмеялся. – Среди нас затесался, наверно.

– Кто? – не понял кто-то из солдат.

– Ну, вомпер. Такое чудовище, пьющее кровь невинных девиц.

– Не похож он на невинную девицу, – заметил другой.

– Откуда ты знаешь? Много невинных девиц видел? – хмыкнул тот, что заговорил о вомперах.

– Нет, но...

– То-то и оно, что нет. Сейчас к какой не подойди, все винны сызмальства. А ты знаешь, что сделай? Подойди и спусти ему штаны.

– Штаны?

– Штаны, штаны, – подтвердил он. – Посмотри, есть там что или нет.

– Ну, это как-то... Он же мертвый.

– Так не остыл еще. Давай, давай.

Я услышал, как ко мне кто-то неуверенно подошел, громко сглотнул, присел. И не успел он опорочить мою честь, как я подскочил и ударом в лицо отправил наивного идиота в толпу, а то и на тот свет. Поднявшись на ноги, я взглянул на автомат, лежавший все это время подо мной, покореженный от взрыва гранат. Потом снял ремень с мальпленганом. Как и говорил мужик, он был переломан почти пополам; вероятно, сломался, когда я врезался спиной в балку. Я тяжело вздохнул, отбросил оружие в сторону и хрустнул шейей, подвигал

плечами, будто разминаясь, и смачно сплюнул красной слюной. Только сейчас я заметил, что внутри также были столы и стулья, но, видимо, специально отодвинутые повстанцами к стенам, чтобы не мешались.

Революционеры все это время ошеломленно за мной наблюдали, разинув рты.

– Ты, – наконец заговорил один из повстанцев, усатый дядька в камуфляже и с автоматом в руках, хотя автоматы были у всех, – ты кто такой?

– Я? Просто мимо проходил, – ответил я.

– Почему... Как... Почему ты все еще жив? – ошеломленно спросил он, держась за автомат, как за последнюю соломинку. Остальные тоже перехватили оружие поудобней, готовые воспользоваться им в любой момент. У меня самого из вооружения почти ничего не осталось, так что выглядел я безобидно. Вот только не каждый день с потолка падают мертвецы, а затем встают как ни в чем не бывало. Да и о том парне, что я отправил в полет, забывать не стоит.

– Может, он тоже под крагом? – предложил один из повстанцев.

– Даже под крагом нельзя вот так встать после такого. Тем более, что... Посмотрите, почти вся кровь куда-то исчезла.

– Может, ты был и прав, – заговорил знакомый уже голос, – насчет этого твоего вомпера? Только он не среди нас, а... а перед нами...

Все загомонили и сильнее стиснули автоматы, нервно во-

дя пальцем по спусковому крючку. Так ведь и выстрелить случайно можно, поранить кого-нибудь.

– Блин, зачем же так сразу? – послышался голос справа. Это оказался тот парень, который хотел проверить, какого я пола. А ведь я был уверен, что как минимум сломал ему нос и вызвал сотрясение мозга, а он стоял, как ни в чем не бывало, лишь отплеываясь кровью и пытаюсь вставить нос на место.

– Живой?

– У меня нос сломан, – проговорил он гнусавым голосом, – а так нормально. Зачем ты меня ударил так сильно?

– Хотел тебя вырубить, – просто ответил я., – но ты неестественно крепок.

– Это все краг.

– Краг?

– Это такой наркотик...

– Заткнись! – рявкнул на него усатый. – Разболтался тут. А ты, – повернулся он ко мне, – чего такой любопытный? Ты кто такой, я тебя спрашиваю?

– Это не имеет значения. Судя по всему, ваши люди побежали за моим... приятелем. Я не хочу лишних смертей, поэтому прошу меня как можно быстрее отпустить, чтобы я успел до них добежать и спасти жизни.

– Беспкоишься за своих дружков? – усмехнулся он.

– За ваших. Мой... приятель, тот, что в костюме, не такой добрый, как я, а потому не будет тратить время на перегово-

ры, а просто убьет ваших товарищей.

Хотя Верон обычно предпочитает избегать ненужных смертей, но явно не будет сидеть на месте, если его попытаются убить, и тем более, если у него за плечами будет беспомощный Иолай. Гераклидов в ярости я видел, но не многие могут этим похвастаться, чтобы знать, что от них в таких ситуациях лучше держаться подальше, а не лезть на рожон.

– Ты за них не переживай, они тертые калачи, лучше о себе побеспокойся. У нас приказ: уничтожать всех, у кого нет красной повязки, а у тебя ее нет.

– Так дайте.

– Эка какой умный. Дайте! – фыркнул он. – А больше тебе ничего не дать?

– Ладно, поступим так: я сейчас развернусь и медленно выйду наружу, а потом постараюсь догнать приятеля. Если вы попытаетесь помешать, мне придется применить силу. – С этими словами я развернулся и успел сделать лишь четыре шага, прежде чем пуля продырявила мою многострадальную спину.

Верон не успел доскользить до конца пологой части застекленного здания, когда увидел под прозрачным стеклом

толпу людей. Доехав до горизонтальной поверхности, он тут же рванул за кораблем, который находился на углу перевернутого основания пирамиды, но не на ближнем, а на следующем. Буквально через пару секунд он услышал прогремевший взрыв, обернулся и увидел, как Амар подлетел в воздух, а за ним самим мчится вооруженная толпа. Как он понял, они все были людьми, а он, будучи гераклидом, бегал куда быстрее, но Иолай, являющийся в свою очередь киборгом, весил довольно прилично, чтобы Верон мог реализовать весь свой потенциал. Да и после того, как его вырубил другой гераклид, он все еще не достаточно пришел в себя. Голова раскалывалась, а в глазах слегка плыло, словно от многодневной голодовки.

Верон все еще держал в свободной руке пистолет, тогда как второй он оставил в кабинете сенатора, чтобы закинуть Иолая на плечо, а потому, не снижая темпа, начал отстреливаться, стреляя через плечо за спину не глядя.

Еще не успев сделать первый выстрел, он услышал два взрыва подряд, которые слились в один протяжный бабах. Бегущие за Вероном инстинктивно прикрылись руками, а кто-то и вовсе кинулся на землю, когда как гераклид продолжил бег. И теперь он бежал от них на расстоянии метров сорока, лавируя между столами с закрытыми большими зонтами, стульями и скамейками, не позволяя преследователям прицелиться. Но это не мешало им продолжать погоню и стрелять, даже если и в молоко.

Забежав за первый поворот и уже нацелившись на корабль, Верон вдруг осознал, что не добежит и до середины подобия очень широкой террасы, где располагалась еще одна дверь, ведущая из и в здание, из которой неожиданно выбежала группа вооруженных до зубов Людей. Но, вопреки первоначальному впечатлению Верона, это оказались не повстанцы, а солдаты правительственного военизированного патруля, которые носили ту же форму, что и солдаты, которых убил на этаже кабинета сенатора Амар. В точно такой же черной форме были и убитые в пустыне на красной планете.

У явившихся же солдат существенным отличием было наличие личного номера и государственного символа на груди и плечах: словно двое песочных часов, стоящих неподалеку друг с другом, которые сверху соединялись наклонными линиями, будто наугольником, линейное продолжение которого и являлось диагональными основаниями обоих «песочных часов». Сам символ был темно-красного цвета, а фон – черного. Сам значок являлся символом Правительства Вселенной, но у патруля, в том числе и военного, на заднем фоне красовались перекрещенные двуручный меч и известная модификация очень популярного во Вселенной автомата, который, что интересно, даже не стоял на вооружении, так как давно устарел.

Верон остановился, за ним остановились и преследователи. Каждая из сторон бесспорно считала гераклида членом

противоположной стороны, а потому они, не особо задумываясь, наставили друг на друга оружие. Верон, быстро проанализировав ситуацию, развернулся и выстрелил в преследователей, громко крикнув: «Огонь!». Правительственная армия от неожиданности послушалась приказа. Революционеры не заставили себя долго ждать. Началась ожесточенная перестрелка. Верон в начавшейся суматохе вовремя успел спрятаться за одним из киосков, стоящих посреди кромки перевернутой пирамиды.

Ночь полностью поглотила охваченный огнем город. Верон даже не понимал, зачем революционерам потребовалось крушить все в городе, если они просто хотели свергнуть Правительство, или хотя бы уровнять человеческую расу в правах с остальными. Но вместо свержения неугодных правителей зон в различных частях Вселенной, которые вроде как выступают за геноцид людей, повстанцы устраивают самую настоящую резню и разрушают собственные дома.

Верон не мог знать, что Нерос, приняв облик сенатора, приказал военным патрулям уничтожить всех повстанцев, а приняв облик своего человеческого альтер-эго – Спардия, – он приказал и революционерам устроить погромы, якобы для привлечения внимания властей к существующей проблеме.

У Верона был лишь один пистолет, в обойме которого оставалось всего три патрона, но он все же захватил с собой

пару дополнительных обойм, однако нашел в кармане лишь одну. Вытащив из почти пустой обоймы оставшиеся патроны, он вставил в пистолет новую и перезарядил, а три патрона положил в карман. Пригодятся.

Рядом послышался легкий стон.

– Очнулся, наконец?

– Что случилось? Что происходит? – тихо спросил Иолай.

– Нас с тобой вырубили каким-то импульсом, а когда я очнулся, за нами уже началась погоня. Сейчас идет перестрелка между повстанцами и армией. А мы как бы между.

Не будучи ни на одной из сторон, они были третьей, но отнюдь не той, которая выступала для урегулирования конфликта, а скорее наоборот, была его зачинщиком и целью.

– Хех, долго я спал.

– Вряд ли больше десяти минут. Как системы?

– В норме, но энергии чуть меньше одного процента.

Только и хватает, что языком чесать.

– Значит, мне опять придется тебя тащить.

Из-за угла выбежало двое повстанцев, Верон убил их точным выстрелом в голову. Он хотел заменить две потраченные пули на те, что в кармане, но не стал, так как опасался, что в самый неподходящий момент на них может нарваться неприятель.

– Опять, – усмехнулся Иолай. – Как в тот раз, помнишь? Когда мы впервые встретились. Ты снова меня вытаскиваешь из переделки, а я опять просто обуза. Даже оружия в

руке удержать не могу.

– Ты достаточно мне отплатил, – серьезно сказал Верон. – Поверь. Тем более, в том, что тогда случилось, виноват и я.

– Спасение жизни – это такая вещь, у которой нет лимита по выплате. Даже если я спасу тебе жизнь в ответ, этого все равно будет недостаточно. А ты меня уже второй раз спасешь. А насчет того, что ты виноват... Ну, ты же изменился.

– По поводу второго раза... – сказал Верон, помолчав, – Пока не спеши, мы еще не выбрались.

Выстрелы и крики доносились с обеих сторон, но очевидного победителя в противостоянии на слух определить было невозможно. Верон хотел бы, чтобы они перестреляли друг друга, но на это надеяться было нельзя; наверняка, они просто спрятались за палатками и магазинчиками, как это сделал сам гераклид, и ждут подкрепления, и будут ждать хоть до следующей ночи. А это слишком долго.

– Эй, а где Амар? – спросил Иолай, помолчав.

– Понятия не имею. Когда я видел его в последний раз, его пытались взорвать гранатами.

– Посмотрим, как у них это получится, – усмехнулся Иолай. – А Мара где?

– Не знаю, – ответил Верон после небольшой паузы. – Кажется, у нас больше проблем, чем я думал.

– А Костун? Костун пытался с нами связаться?

– Черт! Надо выбираться отсюда. Бой затихает, но я не уверен, что они друг друга перебили. Придется им помочь.

Верон еще раз проверил пистолет и медленно выглянул из-за угла, но увидеть всю площадку мешали беспорядочно расставленные киоски. Были видны лишь некоторые тени, откидываемые людьми, прячущимися за ними, а также вспышки от выстрелов. Он спрятал пистолет в кобуру под мышкой и взял автомат одного из только что убитых.

– Лежи здесь, я сейчас.

– Очень смешно.

Верон посчитал, что с солдатами военного патруля проблем будет больше, плюс они стояли как раз на пути к кораблю, поэтому он решил в первую очередь заняться ими. Он выбежал из-за угла ларька с той стороны, где должны были быть солдаты правительства, спрятавшись от повстанцев этим самым ларьком, оказавшись позади них, и первым же выстрелом убил одного из вояк, не очень умело выглянувшего из-за продуктовой защиты. Ответ не заставил себя ждать. Сразу двое выбежало из-за разных павильонов, тут же начав стрельбу практически вслепую, но реакция Верона оказалась выше, а потому противник не успел закончить и одну очередь, как упал с пробитым шлемом. Гераклид быстро перебежал к другой палатке и заглянул за угол, сняв еще одного солдата.

Революционеры, видимо считая, что стреляют по ним, начали стрелять в ответ чуть активней. Верон заглянул за еще один угол и увидел троих, двое из которых выглядывали за противоположный угол, а один стоял позади них. Просто

стоял, даже не делая вида, что защищает тылы. Верон воспользовался этим и тихо и абсолютно неслышно вышел, наставив автомат на спины противников. А через секунду пожалел о нерасторопности.

Хватая оружие убитого им повстанца, он не проверил обойму, а патронов там оставалось очень мало. Выходя из-за угла, Верон выпустил лишь две пули, прежде чем понял, что патроны кончились, – убил он лишь одного из тройки, – того, что был ближе, обязанный прикрывать спину, – а достать свой пистолет из кобуры времени не оставалось.

Двое солдат развернулись моментально. Развернувшись вправо на триста шестьдесят, Верон ударил прикладом автомата в голову того, что был слева от него, одновременно закрывшись им и от того, что справа, при этом этого левого повалив на того второго. Ударом ноги он выбил обоих солдат из-за прикрывающего их ларька, повалив их наземь. Не успели они опомниться, как революционеры нашпиговали их свинцом, не помогла даже хваленая броня.

Верон, вопреки всему своему опыту, расслабился на долю секунды и даже не подумал вынуть из кобуры пистолет. Выстрелы застали его врасплох, но секундное ослабление прошло, и гераклид успел среагировать прежде, чем его пробил насквозь автоматная очередь. Сделав резкий и сильный прыжок назад, Верон, еще пребывая в состоянии полета вверх ногами, схватил лежащий на земле автомат первого из тройки убитых им солдат. И не успел он принять вертикальное

положение, как выстрелил в ответ, пробив противнику грудь кучной автоматной очередью.

Только удостоверившись, что в поле зрения больше нет противников, Верон, наконец, обратил внимание на дырку в пиджаке в районе груди слева, из которой сочилась кровь. Пуля прошла навывлет. Верон разбирался в строении многих разумных существ, тем более в своем собственном, а потому быстро диагностировал, что жизненно важных органов задето не было, но пуля пробила лопатку. Кости, даже для гераклида, регенерировать было проблематично. Верон обругал себя за невнимательность и юношескую безалаберность. Прото, что он все еще не пришел в себя после атаки импульсом, он и не подумал.

Он отбросил неудобный для одной руки автомат и достал из кобуры пистолет. Тихо подбежав к еще одному ларьку, он быстро заглянул за угол и встретился лицом к шлему с солдатом. Тут же отпрянув, он несколько раз выстрелил прямо сквозь тонкие стены киоска через угол. Выглянул вновь лишь после того, как услышал падение противника с характерным ударом шлема о землю. Пробежав еще несколько ларьков и закрытых на ночь павильончиков, он не обнаружил ни одного солдата, тогда он выглянул из-за угла с левой стороны одного из ларьков и сделал несколько выстрелов в сторону повстанцев. В ответ тоже слышались выстрелы.

Верон решил не тратить время еще и на уничтожение повстанцев, надеясь, что они так и будут прятаться и иногда

постреливать для проверки реакции противника. Он быстро вернулся обратно к Иолаю.

– Как с энергией?

– А как ты думаешь? Сейчас ночь, даже энергией солнца не воспользуешься, а луна, мало того, что крайне неэффективна, так ее еще и не видно за облаками и дымом. Ну или новолуние сегодня.

– Понятно, – вздохнул Верон. – Нам надо как можно скорее добраться до корабля, чтобы помочь Амару, так что тебе снова придется потрястись у меня на плече.

– Ты ранен? – только сейчас заметил кровь Иолай.

– Ничего. – Верон подбежал к углу ларька, за которым он был с Иолаем, и сделал пару выстрелов, потом еще. Засунул пистолет в кобуру под мышкой и вернулся к Иолаю.

– Надеюсь, они не рискнут идти в атаку. – С этим словами он не очень ловко забросил Иолая на плечо и, стараясь ускориться, насколько возможно, побежал к кораблю.

Революционеры, словно заподозрив неладное, пришли в движение. Сделав несколько выстрелов и не услышав ответа, они начали пробираться вперед. Сначала медленно и осторожно, слепо стреляя из-за угла у каждого ларька и павильона, потом быстрее. Верон слышал голоса, явно указывающие на то, что они недосчитались пару трупов (первоначально же они гнались за Вероном и Иолаем), а те, что нашли у стен ларьков, были убиты не ими. Вновь началась погоня. Толпа, хоть и поредела, все еще начитывала около десяти голов и

автоматов, а Верону не улыбалось противостоять им в его положении.

Сзади послышались выстрелы. Повстанцы, видимо, заметили бегущего среди ларьков Верона с Иолаем на плече. Ответить он не мог, так как здоровой рукой придерживал киборга, а вторая нещадно болела, давая о себе знать при каждом шаге. Выстрелы стали звучать чаще, и Верон мысленно благодарил местных дизайнеров (или кто там этим занимается?) за столь нелепую и хаотичную расстановку продуктовых и сувенирных лавок и вагончиков.

За несколько метров до посадочной площадки на углу перевернутого основания пирамиды палатки кончились, прятаться больше было невозможно. Верон сжал челюсти до треска и использовал последние силы на то, чтобы добежать до корабля. Над головой начали свистеть пули. Он почувствовал пару еле заметных толчков в спину и услышал отборную ругань Иолая. Оббежав корабль «Gurin Mnyama» с другой стороны, направляясь к задней части, он по инерции приложил к нему левую, больную, но свободную руку, однако ничего не произошло. Он посмотрел на ладонь и выругался – она была вся в крови, стекающей через рукав, из-за чего сканер не смог распознать отпечатки. «Прости», – сказал он Иолаю, бесцеремонно скидывая его с плеча на землю. Он уже слышал осторожно приближающиеся шаги с двух сторон. Верон приложил к сканеру правую руку и снова выругался, ведь он все еще был в крови. Достав пистолет и на-

деясь, что там еще остались патроны, он выстрелил в обе стороны от корабля. Приближающиеся шаги резко остановились, потом вновь послышались выстрелы из автомата и звон попадающих в обшивку корабля пуль. Верон быстро и небрежно протер сканер полый пиджака и вновь приложил руку. На этот раз механизм сработал. Задний малый люк стал медленно открываться. Слишком медленно.

Верон из последних сил поднял Июлая и перекинул его через крышку люка. Послышался удар и новые ругательства. Когда Верон сам перелазил через люк, подтянувшись одной рукой, повстанцы, наконец, рискнули выбежать из-за корабля и тут же начали стрелять. Гераклид почувствовал острую боль в обеих ногах, скатился по люку и свалился прямо на лежащего Июлая. Теперь ругательства выкрикивались дуэтом. Превозмогая боль, Верон дотянулся до внутренней панели и нажал на закрытие как раз в тот момент, когда за край люка начали цепляться руки, а между створкой люка и стеной протиснулся автомат. Закрывающийся люк переломил дуло автомата, словно тростинку, но руки все еще цеплялись за край. Когда сверху показалась голова подтягивающегося, Верон выстрелил последней пулей, попав прямо в лоб. Остальные руки исчезли вслед за первыми двумя. Люк закрылся с глухим ударом.

– Надо придумать дверь попроще, – сказал он.

– Это уж точно. Ты ранен.

– Я заметил. Ты тоже, судя по всему.

– Две пули в спине, но они не глубоко прошли. Жить буду. Киборги по большей части куда прочнее людей, хотя, если знать, куда целиться, его можно обезвредить всего одним-двумя выстрелами. Пули, которые попали в Июлая, были остановлены крепкими пластинами из углеродных волокон, которые располагались везде, где только не могли мешать нормальному движению киборга. Для такого материала выстрелы из пистолета или автомата, что укусы комара, но и цена соответствующая.

– Надо поднимать корабль в воздух, – вздохнул Верон. Внутри им уже ничто не могло угрожать. У повстанцев были лишь автоматы и, может быть, гранаты, но чтобы повредить этому кораблю, надо что-то помощнее.

– Легко сказать, панель управления на другом конце, хрен мы туда доползем по-быстрому.

– Тогда подключись отсюда. Слева от тебя щиток. Сними крышку и подключись.

– Я?

Еще одна из способностей киборгов, позволяющая им напрямую подключаться к компьютеру, но это малоэффективно, так как человеческий мозг не способен обрабатывать все те данные быстрее, чем хотелось бы, а голова потом болит неимоверно. Конечно, гибридный мозг мог бы сильно помочь, но у Июлая такого не было, он хотел, чтобы у него хоть что-то осталось от него прежнего, даже если это всего лишь его глупое серое вещество.

– Ну не я же. Давай, ты же умеешь.

– Такой большой корабль я никогда не брал под контроль, слишком много деталей и схем, я же все здания поручу.

– Пусть будет так. Это лучше, чем сидеть... лежать сложа руки.

– Но...

– Давай! – гаркнул Верон.

– Ладно, ладно, но потом не жалуйся. – Иолай медленно протянул еле двигающуюся руку к щитку и оторвал привинченную крышку.

– Заодно и подзарядишься, – сказал Верон.

Иолай коснулся ладонью щитка. Почувствовал слабое покалывание, потом сильнее. Закрыв глаза и сосредоточился.

Это было резко, словно сидишь на носу скоростного поезда и неожиданно въезжаешь в туннель, вход в который молниеносно начинает удаляться, остается позади, превращаясь в маленькую точку света, а потом и вовсе исчезает. Впереди лишь схемы и цифры, прозрачные, почти невидимые линии, словно бесконечный трубопровод, изменяющий направление под резкими углами. Он несется по ним на огромной скорости, растягивая сознание и подчиняя себе всю систему. Иолай был внутри корабля. Он был кораблем.

Судя по всему, стрелял не очень опытный стрелок, так как пуля угодила ниже лопатки и правее позвоночника. В зависимости от расположения органов, такое ранение могло доставить жертве массу мучений перед смертью, которая могла наступить даже через несколько минут. Профессионал стреляет либо в голову, либо в сердце. Сравнивая с недавно полученными ранениями, это не могло причинить особых проблем и болезненных ощущений.

Не очень глубоко в душе я надеялся, что они меня не послушают, ведь любители разбоя и насилия из принципа и подсознательно стараются нарушить все писанные и неписанные законы, правила и догмы, доказывая свою особенность, часто вопреки логике и здравому смыслу. Эти повстанцы были более чем шаблонны.

Я медленно развернулся с внешним спокойствием и внутренним превосходством, наблюдая за реакцией. Повстанцы, несмотря на то, что видели, как я очутился среди них, все равно были, мягко говоря, удивлены. Они переглядывались широко открытыми от изумления глазами. Кто-то, кто не поверил глазам, сделал еще один выстрел. Косо. Попал куда-то в живот.

– Вы либо очень глупые, либо очень тупые. Я же предупреждал.

– Кто... Кто ты такой?!

– Скоро вам станет все равно.

Я резким и почти незаметным движением вытащил вакуган и начал стрелять, одним выстрелом пробивая одновременно пять-семь человек. Они начали стрелять в ответ. Я побежал по спирали внутри образованного повстанцами вокруг меня круга. Глупые или тупые повстанцы продолжали стрелять, убивая собственных товарищей. Кто-то протяжно крикнул не стрелять. Все послушались, хоть и не сразу. Я тоже. Вернув пистолет на место, я решил не тратить попусту патроны, а разобраться старомодным классическим мордобоем.

Продолжая бежать по кругу, я ударил ближайшего ко мне противника. Тот, отлетев, повалил еще двух. Другого я ударил ногой с разворота, он сбил больше. Игра мне понравилась, остальным же не очень. Увернувшись от удара, я сам ударил кулаком в челюсть, изрядно ее поломав, но на этом не остановился. Схватив повстанца за ноги, я начал размахивать им, словно дубиной. Кровь, фонтаном бьющая из человека-дубины, брызгала во все стороны, заливая все вокруг кровавым дождем. Отбросив поломанную органическую палицу, я очередным разворотом ударил кому-то в грудь так, что послышался хруст. Все кричали и ревели, подбадривая остальных и самих себя. Кто-то вновь попытался стрелять,

но безуспешно. Выхватив из рук автомат, я расстрелял в него всю оставшуюся обойму, а потом, взявшись поудобней, стал использовать его как новую дубину.

В меня летели ножи и подручные средства. Кто-то додумался использовать для сдерживания и нападения отесненные к стенам столы и стулья, но, вырывая из рук, я делал их своим оружием, отбиваясь ими и бросая в ответ. Это явно было больно, хотя я начинал сомневаться.

По собственным ощущениям, я уложил как минимум две трети, но остановившись, я с удивлением заметил, что на ногах больше половины. Я увидел, как они, окровавленные и не способные поднять сломанные руки, все еще были готовы драться. Заметил, как кто-то что-то кладет в рот и проглатывает, тут же воспрянув духом.

– Чего это вы там кушаете, – поинтересовался я.

– А тебе не все равно?

– А, это краг (или как его там?), о котором вы упоминали?

– Не твое дело.

Я остановился, придумывая новый план действий, они делали то же самое. А ожидание лучше всего заполнять простым человеческим общением.

– Может и не мое, но точно ваше. Вы даже с наркотиком не можете до меня достать, так может, хватит попусту тратить свое и мое время? Я вам не враг, пока вы сами того не пожелаете.

– У нас приказ – и мы его выполним во что бы то ни сто-

ило.

– Приказ? Не от Спардия ли?

Вояки переглянулись. Для них он был абсолютным авторитетом, но будь я смертен, ни один человек не заставил бы меня отдать свою жизнь не пойми за что.

– А если и так?

– Вы все ему так преданы. Почему? Что он вам пообещал? Свободу? А ее у вас разве не было? Власти и денег? А откуда у него все это? Неужели вы не замечаете, что вас просто используют?

– Спардий не такой! – взревел один из повстанцев, прижимая к телу сломанную руку. – Многих из нас он вытащил из вонючих клоак и дал смысл жить.

– И теперь вы за него умираете? – поднял я удивленно брови. Смысл жизни в том, чтобы лишиться ее? Трудно придумать что-то глупее.

– Правительство и так нас бросило, – убежденно заявил усатый, – оставив умирать в грязи и нечистотах, а теперь еще хочет спровадить нас с наших законных мест, сделать нашу жизнь еще хуже. Мы лучше умрем за правое дело, чем позволим так над нами изгаляться.

Со всех сторон слышались одобрителный гул. Да и как тут не поддержать, если правда во все это веришь, а иного способа, кроме как отвоевать справедливость силой, не видишь. Чувство ложной безысходности часто толкает людей на безумства.

– Это вам все Спардий сказал? Весь этот хаос начался лишь из-за самого Спардия. Я даже не уверен, что Правительство вообще планировало что-то в этом духе. Он лишь желает власти...

– Это неправда! – хором закричало сразу несколько человек, впериw в меня ненавистные взгляды.

– Да что мы его слушаем? Он заговаривает нам зубы и очерняет нашего лидера! Не позволим!

Со всех сторон вновь послышались крики поддержки, перерастающие в сплошной оглушительный гул. И все началось сначала.

– Я пытался вас вразумить, – тихо сказал я даже не им, а сам себе. – У меня не осталось выбора.

Избитые и покалеченные вновь рванули на меня, не жалея собственных тел. Некоторые, кого я пожалел вначале, с новой силой накинулись на меня. У одних не закрывался рот из-за сломанной челюсти, безвольно болтающейся на коже и мышцах; кто-то прыгал на одной ноге, держа вторую, сломанную в нескольких местах, за спиной рукой, чтобы не мешалась; у одного не было части головы, а из разверзнутой зияющей дыры лился настоящий кровопад, заливающий пол лица; кто-то пытался удержать свои кишки и даже запихнуть их обратно. Лежащие на полу, те, кто должен был давно умереть, все еще стонали и дергали конечностями, но не от боли – так называемый краг блокировал почти все болевые ощущения, – а от бессилия. Неспособные подняться и продол-

жить схватку, они беспомощно булькали в своей и чужой крови, поддерживая товарищей и даже не думая о неминуемой смерти.

Краг, судя по всему, не действовал на разум, а лишь на силу, выносливость и живучесть. Ни один наркотик не способен так повлиять на человека, как это может другой человек.

Я продолжал бессмысленную бойню, incapable прорваться к заблокированному выходу, старался убивать особо рьяных противников одним точным ударом, остальным же старался ломать ноги, чтобы они не смогли подняться. Все вокруг было в крови. Повстанцы, как и я, поскользывались на красных лужах, то и дело падая. Отнимая автоматы, я простреливал ноги. Люди, поднявшие над головой металлические столы и стулья, падали как подкошенные, обрушивая на себя предметы мебели.

Я и сам не знал, сколько длилась эта бессмысленная битва, как и не знал, сколько человек было убито, но когда, при очередном ударе, я не почувствовал под кулаком препятствия, то остановился, тяжело – даже несмотря на сверхчеловеческую выносливость – дыша и оглядываясь.

Весь пол был усеян мертвыми и полумертвыми телами. Там, куда может и могло упасть яблоко, была кровь. Сверху, словно специально дожидаясь окончания бойни, упал кусок стекла, который треснул, вероятно, когда взорвались гранаты. Я смотрел на дело своих рук и думал о том, как там

остальные.

– Черт! Мара! Я про нее и забыл. Неужели она все еще в туалете? – С этими словами я направился не к Верону, как хотел вначале, а к выходу из помещения слева от стойки кафе-бара, переступая через тела, некоторые из которых norовили схватить меня за ногу и даже укусить, из-за чего приходилось их пинать, и стараясь не поскользнуться на лужах крови. Когда я дошел до крепкой двустворчатой двери, то услышал где-то вдалеке выстрелы из крупнокалиберного пулемета, но не придавал этому значения. Сейчас стреляли везде и все, у кого было хоть какое-то оружие. Зато предал значение странным звукам за дверью, словно кто-то отбегал. Я почувствовал неладное. И не зря.

Мощный взрыв снес к чертям двери, а двери снесли к чертям меня, отбросив на несколько метров так, что я своей злощастной спиной врезался в крепкое стекло напротив, заставив его пойти трещинами. Упал на пол лицом в лужу крови.

В помещении слышались быстрые шаги множества ног, потом бас:

– Что здесь, черт возьми, произошло? Сколько трупов.

– Некоторые еще живы, сэр. Что с ними делать?

– Как я вижу, – вновь слышался деловитый бас, – это все повстанцы. А у нас есть приказ их уничтожить. Я не вижу здесь других тел, так что, наверно, они перебили сами себя. Это облегчает нам задачу.

Мысли о том, что они не сами себя перебили, а это сделал

кто-то другой, у него, судя по всему, даже не возникло, а если и возникло, то кто мог это сделать? По его мнению, стороны было только две, так что ответ был очевиден.

– Так что делать-то... сэр? – послышался другой, более дерзкий голос.

– Какие-то они непонятные. То лидохлые, то ли живые еще, так сразу и не разберешь. Ладно, слушайте мой приказ. Каждому пулю в затылок. Сотилас, мать твою, ты там что, фигурным плаваньем занялся?

– Никак нет, сэр. Просто поскользнулся, – с готовностью ответил солдат, поднимаясь из лужи крови и пытаясь хоть как-то отряхнуться, чего явно у него не получалось. Но этот хотя бы не блевал, как некоторые другие, которые, вероятно, впервые увидели столь ужасную картину побоища. Даже опытных вояк зачастую подташнивает от вида окровавленных трупов. Командир этих солдат, судя по всему, был далеко не из таких.

– Ступай по телам, на них не поскользнешься. Только вначале убедись, что у тела есть лишняя дыра в затылке, а то укусить может, – сказал этот самый командир и басисто засмеялся собственной шутке.

– Так точно, сэр.

То тут, то там послышались одиночные выстрелы. Один из солдат подошел ко мне, и я почувствовал выстрел в спину, в районе грудного отдела. Мне это, естественно, не понравилось. Я начал медленно вставать.

– Не, ну кто так стреляет? – возмутился я. – Даже в голову в упор попасть не можете. – На солдатах были стандартные шлемы, но забрала, обычно непроницаемые, почти у всех были прозрачные – степень тонировки легко регулировалась. Лица у многих были вытянутые и их выражения практически никак не отличались от тех, что недавно демонстрировали повстанцы, валяющиеся теперь вокруг в луже собственной крови.

– Ты... Ты кто такой?

– И почему все об этом спрашивают?

– В чем дело, Ягун, – гаркнул командир, – не можешь пристрелить одного ублюдка?

– Я... Я пристрелил, сэр, но он...

– Никаких «но», пристрели его уже, наконец, – нетерпеливо махнул рукой командир.

– Я бы не советовал. Я очень спешу, мне нужно помочь товарищам. Эти, – я обвел рукой помещение, – уже пытались мне помешать, не повторяйте их ошибки, а лучше отпустите меня. Я вам не враг, пока вы сами того не пожелаете.

Где-то над головой послышался шум, напоминающий взрывы, и звук разбивающихся стекол, пол затрясся под ногами. Сверху вновь посыпалось стекло. Все опасно начали оглядывать и смотреть вверх, но шум и вибрации прекратились.

– Мы – военные патруль Правительства Вселенной! – заговорил чуть погодя командир, повысив свой и так громкий

голос. – Думаешь, мы испугаемся одного грязного отброса? Не дожدهшься! И можешь не бахвалиться, что замочил этих ублюдков, тебе все равно никто не поверит. Ягун, хватит стоять как истукан с палкой в одном месте, пристрели его уже, наконец!

– Слушаюсь, сэр. – Солдат направил на меня оружие.

– Не советую, – сказал я за секунду до выстрела. Пуля попала в грудь.

– Что за черт? На нем бронежилет? Стреляй в голову, Ягун, черт тебя дери, недотепа.

Ягун-недотепа не успел даже открыть рот, чтобы ответить «Да, сэр», хотя он все же непроизвольно открылся, когда я свернул ему шею, развернув голову на сто восемьдесят градусов. После хруста позвончика воцарилась тишина, не считая звука беспорядков, творящихся снаружи на улице. Первым опомнился командир, сняв со спины висевший там до этого автомат и заорав матом так, что сверху опять посыпались осколки стекла, а потом начал стрелять. Его тут же поддержали остальные. Буквально шквальный огонь изрешетил тело Ягуна, которым я невольно защитился, но который даже в защитном обмундировании был слишком мелок и тощ, чтобы за ним можно было нормально скрыться. Некоторые пули, пробивая тело солдата насквозь, застревают в моем.

Я уже было собирался отбросить мертвого солдата, дыр в котором было больше, чем в самом дырявом сыре, изъеден-

ным мышами, когда огонь внезапно прекратился. Но вместо звенящей от предшествующих выстрелов тишины, я услышал слабое гудение. Не обращая на меня никого внимания, абсолютно все уставились мне за спину; те, у кого на забралах все еще красовалась темная тонировка, медленно ее убрали, выставляя напоказ свое изумленное лицо. Я медленно оглянулся. В воздухе, неровно, словно на волнах, висел и раскачивался «Gurin Mnyama», то и дело грозя задеть громадным носом край перевернутого основания пирамиды.

Корабль так и висел в воздухе, а все лишь молча наблюдали, что же будет дальше, и лишь минуты через две началось движение. С обоих боков корабля, который только внешне напоминал грузовой, в стороны разъехались внешние стенки, и оттуда появились многоствольные роторные пулеметы. Глаза и рты солдат, явно не ожидавших такого вооружения на «грузовом судне», превратились в практически идеальные геометрические круги, при этом размер глаз лишь немногим уступал раззявленным ртам их владельцев. Стволы пулеметов начали вращаться.

Первым дал деру командир, даже не отдав приказ солдатам отступить. Он не успел сделать и пяти шагов, как поскользнулся на луже крови, подлетев так, что ноги оказались выше головы. Саму голову от падения затылком о плитку пола спасло мертвое тело, которое на проверку оказалось не таким уж и мертвым, тут же обхватив шею жертвы мертвой хваткой. Но я этого уже не видел. Я бежал к кораблю, чтобы

оказаться ближе к носу, как раз между торчащими с боков пулеметов, и чтобы меня не задело, но просчитался.

Пулемет застрочил так, что в голове загудело, а перепонки едва не лопнули от шума. Корабль начало трясти из стороны в сторону. Пулеметные очереди пробивали солдат, словно те были сделаны из низкокачественного картона. Кровь фонтаном била во все стороны из тщетно пытающихся спастись людей, заливая пол вторым слоем красного дождя. Кто-то даже додумался спрятаться за стойкой кафе-бара, но для пуль она ничем не отличалась от таких же картонных стен, в которых дыр стало даже больше, чем недавно появилось в теле Ягуна.

Я рухнул на пол у самого корабля. Это же, но уже в самом помещении сделали и многие солдаты, понявшие, что иного выхода, кроме как зарыться под трупами, – нет. Это спасло не всех. Корабль трясло, будто он и правда был посреди моря в сильный шторм. Пулеметные очереди то направлялись куда-то вверх, словно стреляя по воробьям, то опускались вниз, оставляя в полу глубокие рваные борозды, разрывающие всех, кто был на пути, на части. При этом корабль не забывал мотаться и из стороны в сторону, не позволяя определить, где в следующую секунду не стбит находиться.

Вдруг выстрелы прекратились. Теперь все же в ушах стало звенеть, перебивая даже гудящий звук двигателей корабля. Я встал. Услышал шум с двух боков корабля. С надеждой я выглянул из-за носа и увидел совсем не то, чего ожидал.

Как минимум с одной стороны пулеметы все же пропали, но сменившись орудием побольше. Дуло ракетного отсека было такого размера, что туда легко поместилась бы моя голова вместе с ушами. И я побежал, надеясь, что успею хотя бы добежать до угла пирамиды, но не проделал и пятнадцати шагов, как услышал очередной оглушающий рев, знаменующий выпуск ракеты.

Взрыв оказался настолько мощным, что от всей выступающей над перевернутым основанием части пирамиды практически ничего не осталось. Балки из модификации углерода разбросало во все стороны, словно спичечный домик, под которым взорвалась граната. Прочное стекло превратилось в дождь из мельчайших осколков. И это не считая внутреннего убранства: столы, кресла, диваны, унитаза, шкафы и даже холодильники с продаваемыми в них напитками. Все это в горящем виде перевалило через прямоугольное основание перевернутой пирамиды и полетело вниз, на головы воюющим между собой солдат правительства и революционеров. Я, естественно, полетел тоже. В разобранном виде.

– Есть! Я вошел! – воскликнул Йолай.

– Отлично, взлетай.

– Постараюсь. Все же корабль слишком большой, я никогда к такому не подключался, – посетовал киборг. Голова у него уже во всю раскалывалась.

– У тебя получится, – подбодрил его бесцветным голосом Верон.

– Получиться-то получится, но вот насколько хорошо...

– Не ной. В нас стреляют эти идиоты. Взлетай уже, наконец.

– Сам лежишь ноешь... – недовольно пробубнил киборг.

– Что?

– Взлетаю, говорю, уже взлетаю.

И он взлетел, если это можно так назвать. Корабль оторвался от поверхности так, словно очень этого не хотел. Сам того не зная, Июлая сбил с ног нескольких повстанцев, преследовавших их, и если бы не наркотик краг, они бы точно не смогли подняться. Виляя из стороны в сторону, киборг, полностью взяв под контроль системы корабля, поднял железяку в воздух. И не успел он вылететь с посадочной площадки, как резко полетел вниз, но тут же выровнял машину и поднялся на прежнюю высоту.

– Кто тебя водить учил?

– В том-то и дело, что никто не учил. Почему ты мне его раньше не показывал.

– Я ж говорил, это корабль моего брата, – пояснил Верон. – Обычно он на нем летал, а я сам бывал в нем от силы два раза. Не отвлекайся, нам надо помочь Амару.

Несмотря на то, что они практически не расставались, Верон иногда оставлял Иолая одного, особенно, когда встречался с братом для личных дел. Из-за дел прошлого, Эврис не питал к киборгу особой любви, и каждый раз, когда тот оказывался рядом, буквально кипел от негодования, хотя и всячески пытался это скрывать. В любом случае, когда рядом был Иолай, Эврис с большим трудом шел на контакт, поэтому Верон, предпочитал встречу с братом один на один. На одной из таких встреч, он и показал гераклиду этот корабль, научив им управлять; во второй раз он уже и сам управлялся с «Gurin Мпуата» так, словно всю жизнь летал на этом корабле.

– Думаешь, он не справится?

– Думаю, что справится, но с нашей помощью будет быстрее.

– Опять куда-то все спешишь... – пробубнил Иолай.

– Не отвлекайся, пока мы не рухнули.

– Ладно, ладно. Ух, сколько здесь оружия, не терпится опробовать.

И он опробовал. Первым он использовал пулеметы, результаты превзошли все его ожидания. Пулеметные очереди оставляли от противников лишь аморфные куски плоти и одежды, пробивали стены, словно бумагу. В общем, Иолаю корабль нравился, несмотря на сложность контроля и постоянный шатания из стороны в сторону.

– Противников перед нами на тепловизоре не вижу, зато в

помещении за углом их целая орда. Вижу еще не особо теплые точки, лежащие на полу.

– Наверно, это из тех, что гнались за мной. Амар к этому времени их, вероятно, уже перебил, но раз ты говоришь, что там еще толпа...

– Значит, пришло подкрепление, – закончил мысль Иолай.

– Давай туда.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Иолай повел корабль вверх, попытался дать задний ход, но что-то перепутал и, слегка ускорившись, подался вперед, врезавшись носом корабля прямо в пирамиду, легко подминая под собой балки и обрушивая вниз стеклянный дождь.

– Ой-ёй, – только и сказал киборг. Верон промолчал, за него сказал его взгляд, который, впрочем, Иолай не видел, так как глазами был внутри корабля.

Все же сумев отлететь назад, корабль чересчур высоко задрал нос, опять чуть не рухнув камнем вниз. Ситуация быстро стабилизировалась усилием киборга.

– Я даже на месте его удержать не могу, как мне на нем летать?

– Как только достаточно подзарядишься, отнесешь меня к пульту управления. Кстати, долго там еще?

– А ты как думаешь? Я только начал подзаряжаться, тем более заряжаюсь не напрямую, да еще и кораблем управляю. Минут тридцать, не меньше.

– Черт! Надо найти Амара.

– Уже лечу.

Иолай наконец направил корабль в нужное направление, напрягая все свои нервы и схемы, чтобы не терять концентрацию. Обогнув угол, очередной раз чуть не потеряв управление, он остановил корабль прямо напротив толпы людей, стараясь удержать его в равновесии.

– Я на месте, но убей меня на месте, если я знаю, есть ли тут Амар. Я лишь через тепловизор могу наблюдать. Вот почему бы не поставить на этот корабль нормальную камеру с распознаем лиц? – недовольно вздохнул Иолай.

– Потому что это, если можно так сказать, прототип, – пояснил Верон. – Здесь не все предусмотрено.

– Так что делать? – спросил киборг.

– Не знаю.

– Может, замочить их просто? Больно мне понравилось стрелять из этих мощных пулеметов. Амару все равно ничего не будет.

– Ладно, – ответил Верон после минутной думы. – Стреляй. Только не переусердствуй.

Верон не особо понимал, что делать дальше. Для начала он рассчитывал расчистить сектор, а затем искать Амара, но ни Иолай, ни сам Верон не могли сейчас даже ходить, не говоря уже о полноценной спасательной миссии. Гераклид надеялся, что Амар как-нибудь сам догадается подать знак, и тогда он уже что-нибудь да придумает.

Иолай вновь открыл пулеметный отсек, неведомо когда закрывшийся, запустил кручение стволов пулеметов и открыл огонь, упиваясь силой и мощью, но быстро понял, что из-за постоянного шатания машины никак не может нормально сфокусировать огонь на противнике.

– Так, попробуем что-нибудь новенькое, – сказал Иолай, прекращая стрельбу.

Он еще при первом использовании пулеметов обнаружил список всего оружия корабля, а потому быстро нашел то, что искал. «Повелитель мух» – так называлась эта ракета класса «воздух-земля» Иолай и предположить не мог, насколько это оружие разрушительное.

– Ой-ёй, – повторил он вновь, когда корабль сильно потрянуло, а на тепловизоре все стало красным-красно. Толчок оказался настолько сильным, что Верона и Иолая подбросило в воздух, а рука Иолая при этом перестала касаться схем корабля. «Gurin Mnyama» потерял управление и начал падать.

Было больно. От здания меня – а точнее то, что от меня осталось – отбросило метров на сто, и я аккурат упал на схлестнувшихся в рукопашном бою солдата и повстанца, как

минимум их при этом вырубив. Куда упали обе мои руки и нога – я не видел, зато почувствовал, как отрастают новые. Кости, мышцы, нервы, кожа – мое тело медленно восстанавливалось. Верхняя одежда, что еще осталась на мне, тлела, обжигая тело языками пламени, которое я практически не чувствовал. Рядом упало несколько балок, из которых преимущественно и состояло здание, наружная ее часть, по крайней мере. Еще не хватало, чтобы мне такая балка в голову прилетела.

Я смотрел вверх, так как не мог даже перевернуться. Небо застилал дым пожаров, в том числе и нового, а стрекотание насекомых перекрывали выстрелы, взрывы и патрульные мигалки, лишь изредка виднелись в воздухе стеклянная пыль, отражающая свет от пожаров множеством цветов.

Увидел «Gurin Mnyama». Наклонившись носом вперед, корабль разрушил часть платформы, являющуюся перевернутым основанием пирамиды. С колоссальным шумом, грохотом и треском посыпались новые балки и стекла, падая и пробивая стекла прямо стоящей пирамиды, погребая под завалами всех, кто находился внутри, если там вообще остался хоть кто-то. После такого удара корабль выровнялся, но лишь на миг, тут же, приняв почти вертикальное положение и идя на резкое снижение. Корабль падал медленно, словно тонув в тягучем веществе, но удар такой махины о поверхность был настолько сильным, что земля содрогнулась, словно от шагов Колосса. Меня, как и все, вокруг, слегка подбро-

сило вверх.

Корабль встал вертикально и, казалось, так и будет стоять, словно огромный монумент фисташке. Но так казалось лишь несколько секунд, корабль начал давать крен, падая прямо на (или в?) пирамиду. Балки, стены и полы-потолки явно не были предназначены на то, чтобы на них давил настолько огромный вес. Корабль, казалось, даже не замечает под собой преграды, легко подминая под себя все, что стояло у него на пути. Наконец, он прекратил разрушительное падение и замер, встав, как ни в чем не бывало. Тишину нарушали все еще падающие балки и звук бьющихся об обшивку стекол.

Я с облегчением вздохнул, как только увидел, что корабль падает не в мою сторону, так как мне тогда пришлось бы несладко. На восстановление под тяжеловесной машиной ушло бы слишком много времени.

Лишь минут через пять, когда почти полностью отросла первая рука, я смог, наконец, потушить уже затухающие искры огня, прыгающего у меня на груди и сжигающего остатки моей истерзанной одежды. На полное восстановление мне потребовалось минут десять.

Встав, я решил раздобыть себе новую одежду, ибо от старой практически ничего не осталось. Далеко идти мне не пришлось: я просто раздел вырубленных мною солдата и повстанца. Черная форма солдата нравилась мне больше, но хоть штаны и подошли, верх был слишком узким и стеснял

движения, поэтому я одел серую футболку и рубашку с квадратами революционера, закатав для удобства рукава.

Сорвав с себя остатки верха, я вспомнил, что во внутреннем кармане у меня был трансфэйсер. Обшарив ключья одежды, я все же его нашел. Аппарат чудом уцелел во взрыве, хотя слегка оплавился, но проверив его на месте, я убедился, что он вполне работоспособен.

Продолжая переодеваться, я примерил обувь обоих и понял, что она мне не подходит, поэтому пришлось остаться босиком. Ничего, не впервой. Бронежилет повстанца и защитную броню патрульного я одевать не собирался. Полностью собравшись, я инстинктивно потянулся за вакуганом, тут же поняв, что, вероятно, потерял его, когда падал. Кружение на месте, естественно, не дало результатов. Да, так бывает, раз! – и потерял в один момент все, что имел.

Теперь мне пришлось снимать оружие с тех, с кого только что снял одежду. Более современную и мощную автоматическую винтовку солдата я взял в руки, а более древний, но все еще неплохо работающий автомат повстанца закинул на ремне за спину. Вот что интересно: многие повстанцы используют автомат, изображенный на символе патруля, где с ним еще изображен меч, а сами патрульные используют оружие более современное. Зачастую символ не значит ничего, кроме просто символа.

У солдата еще оказался пистолет, который я также реквизировал.

Мой дальнейший путь четко проступал на фоне полуразрушенной пирамиды здания. Я бегом направился к кораблю, увидел, что сканер отпечатков ладоней в крови; недолго думая, я приложил свою ладонь, малый задний люк начал медленно опускаться.

То, что предстало перед моим взором, казалось, вылезло напрямиком из какого-нибудь триллера. Повсюду была кровь, даже на потолке, а внизу на полу лежало два тела. Как оказалось, источником крови был Верон, который, на первый взгляд, имел ранения везде, где было можно. Чуть ближе к люку лежал Иолай, который и подал голос:

– А, вот ты где, а мы тебя искали.

– Это заметно, – усмехнулся я, оглядывая внутренность корабля. – Что здесь произошло? Что вообще произошло, когда Верон выпрыгнул с тобой из окна?

– Это долгая история, лучше приведи в чувство Верона, нужно отсюда убираться.

– А Мара и Костун?

– А где они? – спросил Иолай.

– Про Костуна не знаю, а Мара... Есть вероятность, что вы ее взорвали к чертовой матери.

Повисла неловкая пауза. Иолай открывал и закрывал рот, словно забыв, как говорить.

– Я... – заговорил все же он изменившимся голосом спустя минуту. – Я не хотел. Я не знал, что взрыв будет таким мощным. Я...

– Хватит. Будешь себя жалеть, когда мы точно выясним, мертва ли она, и по твоей ли причине.

– Да... – поник киборг.

Я нажал на внутренней панели на кнопку и закрыл люк.

Верон, как оказалось, ударился головой, когда корабль задом рухнул на землю, из-за чего и потерял сознание, что для гераклида было достижением. Кровь быстро начала сворачиваться, из-за чего сильной потери крови вроде бы не было, хотя еще было ранение в район груди – не опасное, по заверению Июлая, – а также были перебиты обе ноги в нескольких местах.

– Что у тебя с зарядкой? – спросил я.

– Не особо, максимум могу рукой пошевелить.

– Плохо, – поджал я губы. – Ты не знаешь, насколько прочен это корабль?

– Без понятия, я на таком раньше не летал, но материал вроде как один из самых крепких, из таких военные корабли особого назначения делают.

Вероятно, у модели «Фисташка», по образу которого был создан «Gurin Mnyama», обшивка была из куда менее дорого материала.

– Это хорошо, значит, нас тут никто не побеспокоит. Тогда я сначала лучше тебя отнесу, чтобы ты встал на зарядку, а потом вернусь за Вероном.

– Нет, лучше сначала его.

– Ты не в том состоянии, чтобы спорить.

Взвалив Иолая на плечо, я отнес его в командную рубку и поместил в специальную капсулу, предназначенную для подзарядки киборгов, андроидов, роботов и им подобных. По желанию, в такой капсуле можно было подзарядить все, что вообще можно зарядить, и провода не нужны, для ныне живущих это было в порядке вещей, но я жил еще в то время, когда у нас на планете общий вес проводов превышал вес устройства, к которому они подключались. Затем я вернулся за Вероном и взял его на руки, а не положил на плечо, так как не очень-то хотел запачкать мои новоприобретенные одежды, особенно штаны, напоминающие те, что я раздобыл, когда выбирался из лаборатории Нероса при нашей первой встрече, только без ремешков.

Ощущение было странным. Я никогда не видел гераклида таким... беспомощным и безобидным. Верон безвольно висел у меня на руках, свесив руки, словно сосиски, и откинув назад голову, болтающуюся из стороны в сторону при каждом моем шаге. Я даже не смог сдержать смешок. Это как Красавица, несущая на своих тонких белоснежных ручках могучее волосатое Чудовище. Хотя сравнение не очень, так как я красавец, а не красавица. Задумавшись о своей роли в сказке, я случайно ударил Верона головой о косяк двери в комнату, куда я нес его, чтобы положить в стеклянный гроб и завалить яблоками, но план рухнул, так как он пришел в себя.

– Где я?

– Почему все, кто приходит в себя, задают такой этот во-

прос? – Я положил его на кровать.

– Может, потому, что они и правда не знают и не понимают?

– Стоит лишь оглянуться и все станет ясно, – сказал я.

– Ладно, прекращаем словесную перепалку. Какова ситуация?

– Прекращаем, прекращаем. Ситуация, говоришь? Все плохо. Корабль лежит в порушенном им здании сената, а вокруг него чуть ли не война. Хотя, почему чуть ли? Война и есть. Мы внутри корабля, – сказал я, чуть помолчав, – что очевидно по интерьеру. Ты серьезно ранен, даже для гераклида: плечо, ноги, голова, так что придешь в норму где-то через час. Хотя тебе лучше знать. Иолай почти пуст, но ему для полной подзарядки потребуется примерно чуть меньше времени. Я после ваших выкрутасов еле выжил, чесслово. Так бабахнуло, что у меня чуть душа из тела не вылетела.

Что было правдой. Будь я ближе к эпицентру взрыва, от тела бы вообще мало что осталось, и я бы воспарил. Тогда бы, кстати, мое тело восстановилось бы намного быстрее. Наверно, не надо было бежать; инстинкт самосохранения даже спустя тысячи лет у меня так и не стал рудиментом.

– Это все Иолай. Не знаю, что он там такого натворил, но корабль чудом не развалился на части. Он ведь не развалился?

– Ну, несмотря на взрыв и падение, он, насколько я мог видеть, не особо пострадал, только все, что не было привин-

чено, теперь валяется. В коридорах в некоторых местах висят какие-то провода и кабели, но вроде целые.

Корабль был прочным как снаружи, так и внутри, вот если бы все люди были такими же...

– С кораблем понятно, а остальные?

– Со мной Костун на связь не выходил. А Мара... Когда я видел ее в последний раз, она убежала в туалет, находящийся на этаже, где посадочная площадка. Хочу напомнить, что вы с Иолаем все там разнесли.

– Она... мертва? – пораженно спросил Верон, едва выговаривая слова.

– Я не знаю. За это время она могла уже куда-нибудь и уйти. Может, она вообще сейчас лежит под этим кораблем...

– Не верю, – перебил он меня, потрянув головой. – Она не могла умереть. А ты куда смотрел?! – вдруг закричал Верон. – Это ты был с ней, ты за нее отвечал!

С нашей первой встречи Верон все больше проявлял эмоции. Возможно, это из-за того, что он узнал всех нас получше, а может, он всегда был таким, сдерживаясь лишь в компании незнакомых людей, нагоняя на себя какую-то таинственность. В сочетании с его благородными чертами и черными глазами это работало. Надо будет узнать у Иолая.

– Она сама за себя отвечала и явно не нуждалась в чьей-либо поддержке, – ответил я спокойно. – Когда все началось, я окрикнул ее, но перед этим я задел ее гордость, так что она обиделась и не вышла. – Это похоже на оправдание? Навер-

но, да. Пусть так.

– И ты просто ее бросил?

– А мы не на увеселительную прогулку вышли погулять! – закричал я, сам от себя не ожидая. А ведь я тоже привык скрывать истинные чувства. – Я ей сказал то же самое. Она сама напросилась с нами, а потом начала плакаться, что боится запачкать ручки и испортить репутацию хорошей девочки. У меня не было времени за ней бегать.

– Больше и не будет... – тихо обронил Верон.

– Если она мертва.

– А если жива?

– Значит, и еще немного проживет. Надо переправить корабль куда-нибудь подальше, а потом уже заняться поисками. Чем раньше, тем лучше.

– И чего ты тогда стоишь? Взлетай.

– Я без понятия, как этой штукой управлять. Никогда у меня не получалось нормально летать на всяком космическом мусоре.

– И что, ты будешь ждать, когда я смогу ходить?

– Выбор-то не велик. Если сяду за штурвал я, то окончательно разрушу это чертову пирамиду, а вместе с ней и корабль. Ладно, я в командную рубку, посмотрю, как там Йолай.

Я ушел, потому что Верон явно не был доволен нашим разговором и всем, что только что услышал. Он мог раздражаться целой тирадой о том, какой я безалаберный и невни-

мательный, играя роль моей мамаша, а ведь я старше него на несколько тысяч лет. Мне было не до этого.

А ведь именно Верон решил нас так распределить, оставив меня с Марой, а сам будучи со своим дружкой Иолаем, которого, судя по всему, он считал чуть ли не сыном, а так как он не был похож на любителя больших и дружных компаний, то, вероятно, большую часть времени проводил именно с Иолаем, которого привык поучать. Теперь же, находясь в обществе других людей, неосознанно взял на себя роль если не родителя, то старшего брата. Надо будет ему сказать об этом как-нибудь невзначай. Но позже. Сейчас ему сто́ит немного отдохнуть, и кто знает, может он сам до всего додумается.

Иолай лежал в капсуле и выглядел довольно бодро. Когда я подходил, он помахал мне рукой.

– Уже могу шевелить руками, – сказал он, – но лучше подзарядиться как следует, мало ли что.

– Ходить сможешь?

– Только если в раскорячку, а что?

– Нам надо улетать отсюда, пока не прибыла тяжелая артиллерия, – пояснил я. Как и в случае с той красной планетой, нам опять нужно бежать, не дожидаясь новых неприятностей. На этой планете больше делать нечего, Нерос, наверняка, давно сбежал, а Правительство, судя по всему, никакого отношения к заявлению о геноциде людей не имеет, так

что их пока можно оставить в покое, придумывая, как остановить моего старого врага. Хотя, если Правительство вдруг решит воспользоваться ситуацией и воплотить больные фантазии Нероса, то придется разбираться еще и с этим. Будто у нас и так проблем мало.

– Блин, а Верон как?

– Уже пришел в себя, но сможет сесть за штурвал не раньше, чем ты.

– Все плохо! – воскликнул Иолай, вяло всплеснув руками. – Оставаться на месте нельзя, а улететь – невозможно. Временно. Да еще Костун и Мара... На Костуна, в общем-то, наплевать, он, наверно, уже на полпути с этого спутника или забился где-нибудь в угол и сидит, трясется. А вот Мара... Не прощу себя, если с ней что-нибудь случилось. Ты был прав: не надо было ее брать с собой.

– А-а, черт! – прорычал я и пнул ногой стену.

– Ты чего?

– Я возвращаюсь!

– Куда?

– Наружу. Я буду искать Мару, а вы... Как только зарядишься сам или когда придет Верон, улетайте отсюда. Код связи с кораблем я знаю, так что свяжусь с вами, как только выберусь отсюда. Как только сможешь, зайди в Юнинео и узнай, разыскивается ли наш корабль. Если нет – летите на планету этого спутника, если же разыскивается... улетайте на какую-нибудь заброшенную планету, только туда, где я

смогу с вами связаться.

– Ты собираешься идти один? Не глупи! Подожди, пока я и Верон придем в себя, мы отправимся вместе.

– Нет времени. У нас всегда нет времени. Возможно, если ей нужна помощь, и если с ней что-то случилось по моей вине, то мне и расхлебывать. Все, я пошел.

Иолай еще кричал мне что-то в спину, но я не слушал. Как оказалось, оружие, что я снял с солдата и повстанца, было без патронов, потому они и сошлись в ближнем бою. Пистолет был полностью заряжен – патрульный, видимо, не успел им воспользоваться в пылу сражения, – но этого было мало. В оружейной я взял еще автомат, набор метательных ножей, которые незнамо как тут оказались, и обычный длинный армейский нож с серрейтором у рукояти.

Выйдя вновь наружу через задний люк, я подумал, что надо сделать нормальную дверь, которую, почему-то, не предусмотрели конструкторы этой посуды. Я побежал вдоль корабля, который больше чем наполовину находился внутри пирамиды. В здании было темно, так как на улице царилась ночь, а проводку, видимо, повредило упавшим кораблем. А может и раньше, когда взорвалась верхушка пирамиды. Но мои глаза быстро приспособивались к темноте. Я нашел и начал подниматься по уцелевшей лестнице наверх. Я шел, то и дело натываясь на мертвые тела как солдат правительства, так и повстанцев, распластанные на лестничных пролетах и капающие кровью в щель между лестницами.

Я забрался на этаж – точнее то, что от него осталось, – который был основанием перевернутой пирамиды. Этаж, на котором я... бросил Мару, должен был быть чуть выше, но его практически уничтожило взрывом. Повсюду валялись балки (что удивительно: почти целые, не считая облупившейся и оплавленной сероватой краски – материал, из которого они были сделаны, крайне крепок), осколки стекол, все еще дымящиеся и даже горящие куски мебели и обгоревшие до неузнаваемости тела: от некоторых остались лишь кости, а то и части скелета, расплавленная одежда и обугленное оружие. По скелету можно было узнать пол, а ни у солдат, ни у повстанцев я не заметил ни одной женщины. «Cherchez la femme», – сказал я себе и начал искать женские останки.

Иногда казалось, что я, к своему сожалению, находил уцелевшие скелеты, принадлежащие женщинам, но при более детальном рассмотрении убеждался, что это были мужчины с довольно женской конституцией. Часто мне помогало то, что в череп был вплавлен шлем, а, как известно, у Мары шлема не было. Я потратил на обшаривание этажа минут двадцать, часто разгребая завалы, чтобы добраться до тела, но того, что искал, не нашел, и с облегчением не вздохнул. Однако тело могло выбросить взрывом из здания, как и меня. Если взрыв произошел справа, то ее должно было отбросить влево, подумал я. Зная направление взрыва, я мог рассчитать, куда могло улететь ее тело.

Я собирался уже спуститься вниз, чтобы приступить к но-

вым поисками, когда почувствовал толчок и шум внизу. Через минуту я увидел зависший в воздухе наш корабль. В отличие от прошлого раза, он держался в воздухе ровно, будто стоял на земле. Окно кабины, до этого бывшее тускло-зеленоватым, вдруг стало прозрачным. На меня смотрели Верон и Иолай. Я по-дурацки помахал им рукой. Иолай ответил.

– Нашел? – послышался голос Верона.

– Не ори. Ее здесь нет. Уже оправился?

– Ноги еще не слушаются, – поморщился камирутт. Он не любил признавать свою беспомощность, и ведь даже не поблагодарил меня за то, что я донес его до кровати.

– Мне пришлось его сюда тащить, – посетовал Иолай. Он и сам, вероятно, не до конца зарядился, но, видимо, не желал тратить времени.

– Потом поговорим о нашем состоянии, сначала надо найти Мару. Ее могло отбросить взрывом.

– Я тоже так подумал, поэтому собираюсь спуститься вниз и поискать ее там, а вам лучше улетать. Иолай должен был передать тебе мои слова.

– Он передал, но мы пока не можем улететь, – покачал головой Верон.

– Из-за меня? Не волнуйтесь, как только я отыщу Мару... или ее тело, то найду, как отсюда убраться, так что вам лучше...

– Нет, – перебил меня Верон, – мы остаемся не из-за тебя, я уверен, что ты выберешься откуда угодно. Нам еще надо

найти Костуна.

– Костуна?! На кой черт нам сдался этот жирный боягуз!

– Я сказал то же самое, – закивал Иолай, – только не сдерживался в выражениях.

– Мы не можем его просто взять и бросить, его могли схватить, – сказал Верон.

Опять этот его комплекс спасителя. Где он был, когда он взрывал это здание? Да, это сделал Иолай, но Верон тоже находился там и мог остановить киборга, а вместо этого подверг опасности свою жизнь и жизнь Мары, не говоря уже о том, что от меня осталась лишь одна треть. Всякому идиотизму есть предел. И он меня обвинял, что я ее бросил, да если бы я потащил ее с собой, от нее осталось бы еще меньше, чем от меня, но вот регенерировать бы она уже не смогла.

Верону я высказал лишь о его комплексе спасителя и взрыве здания. Взаимные обвинения ни к чему не приведут, лишь к потере времени.

– Это была самозащита, – ответил Верон. – И вообще, мы прилетели помочь тебе...

– И эта бессмысленная помощь, возможно, была причиной смерти Мары, – грубо перебил его я. Похоже, спора не избежать.

– Это ты ее оставил одну...

– А если бы не оставил, она все равно бы не пережила этот взрыв, даже находясь рядом со мной.

– Хватит!! – вдруг взревел в динамиках Иолай так, что

показалось, будто прогремел еще один взрыв. – Сейчас не время спорить! – сказал он спокойней. – Если кого-то и стоит винить, так это меня! Это я пустил ракету. Если вы решите меня наказать, хоть лишением жизни, то сделайте это потом, когда мы найдем наших пропавших товарищей. Живыми или мертвыми, – добавил он приглушенно.

– Ты прав, – сказал Верон после долгого молчания. – У нас есть заботы посерьезней, чем выяснять, кто виноват.

– Согласен, – кивнул я. Тем более что виновные и так ясны.

– Сейчас мы с Иолаем отлетим обратно на стоянку, – вновь заговорил Верон, – и оставим корабль там – вряд ли кто-то в этой неразберихе с восстанием будет нас активно искать, а даже если корабль и найдут, они все равно не смогут его вскрыть, а для уничтожения у них не хватит оружия, да и ущерб от такой атаки будет слишком велик, – а потом мы отправимся в гостиницу и поищем Костуна там.

– А если его там нет?

– Не знаю, – ответил Верон после паузы, потом, снова помолчав, добавил: – Встречаемся на стоянке кораблей, мы будем ждать до последнего. Если вдруг на нас будут направлены более серьезные силы, мы сделаем так, как ты и сказал, и будем ждать связи.

– Хорошо.

Широкое окно начало мутнеть и через секунду вновь слилось по цвету с кораблем, став неразличимым на общем фо-

не. Корабль плавно взлетел высоко вверх и так же плавно полетел в сторону стоянки, практически невидимый в затянутом дымкой от пожаров небе. Я как можно быстрее спустился вниз, спотыкаясь о тела и несколько раз пожалев, что уничтожил лифт. На месте улетевшего корабля осталась огромная зияющая дыра; было непонятно, как здание все еще стоит после стольких измываний над ним. Некоторые умеют строить, но тех, кто умеет разрушать – больше.

К моему разочарованию, в той стороне, куда по поим подсчетам могло улететь тело, отброшенное взрывом, находился вход в здание сената, а значит, и широкая, под стать основанию пирамиды, центральная площадь. У самой кромки площади, где начиналась узкая дорога для подъезда машин к зданию, отделяющая саму площадь от пирамиды, толпился отряд гвардейцев, кучно расположившихся по периметру. Те, что были впереди, – сидели, полностью закрываясь щитами, а позади – стояли, закрыв щитом лишь верхнюю часть тела, так как нижнюю прикрывали сидящие. У всех в руках были не простые прозрачные щиты, а со встроенной технологией Дхоруба, создающей небольшое силовое поле, которое способно отразить как материю, так и энергию.

Не думал, что у них есть такие щиты, да еще в таком количестве; гвардейцы на то и гвардейцы, чтобы просто стоять по стойке смирно, дабы туристы не слишком расслабились и не пытались совершить глупость.

Напротив гвардейцев находилась намного превосходящая их толпа, занимающая практически всю площадь. Многие были с оружием, одетые в бронежилеты, каски и другую довольно скудную защиту, но больше было тех, кто находился в простой одежде с ножами и дубинами наперевес. Отличить противников друг от друга было легче легкого.

Все журналисты почему-то куда-то подевались.

Солдаты стояли как вкопанные, абсолютно никак не реагируя на провокации со стороны повстанцев, сами же повстанцы, за неимением альтернативы, обсыпали патрульных оскорблениями вплоть до седьмого колена, бутылками и иногда очередями из автоматов. На солдат это, естественно, впечатление не производило. Судя по всему, такая ситуация была во всем городе, так как стало значительно тише. Все это было довольно странно.

Было непонятно, на кой черт солдатам защищать полуразрушенное здание сената, а повстанцам – желать его атаковать. Но главный вопрос: почему все бездействуют? Солдаты просто стоят, повстанцы просто убивают время. Был лишь единственный логический вывод – Нерос, он же Спардий, он же сенатор – просто свалил, бросив все и забыв раздать своим людям по обе стороны баррикад новые указания.

Но меня это мало заботило. По всей площади, где можно было увидеть, лежали все те же пресловутые балки, под ногами топтавшихся людей хрустело стекло, словно сугробы снега. Тела были свалены в кучу недалеко от дальнего угла

площади, хотя и не так много, как можно было ожидать – тела убитых мной повстанцев и солдат, коих я убить не успел, взрывом отбросило в другую сторону. Мне нужно было добраться до этой кучи тел, мимо патруля незамеченным этого бы не удалось, тогда я решил устроить диверсию. Я вернулся обратно к пожарному выходу сбоку, который вел к широкому коридору, ведущему в свою очередь к большому открытому помещению с креслами, расставленными полукругом вокруг нескольких трибун – здесь заседал сенат. Пройдя к двери в другой стене, я очутился в очередных широких коридорах и пошел дальше, к главному входу в здание. Проверив автомат, я незамеченным пробежал через вестибюль и раскрыл одну из прозрачных створок чудом уцелевших дверей, через которые недавно, но очень давно проходил, прицелился и сплошной очередью начал стрелять в открытые спины гвардейцев.

План был прост и придуман на скорую руку, а потому, в отличие от сложных и досконально заученных, сработал. Патрульные, совсем не ожидавшие атаки со спины, запаниковали и плотный сомкнутый строй распался. Убитые падали, пока живые вскакивали и судорожно оборачивались, направляя в мою сторону оружие и щиты-Дхоруба. Кто упал, кто-то от неожиданности забыл, что у него есть щит, и поднял руки вместе с ним над головой, словно пытаюсь защититься от дождя. Повстанцы же, как я и ожидал, восприняли мою диверсию, как побуждение к действию. Они начали

стрелять, а кто-то даже прыгнул на толпу солдат, но, попадая на щит, отлетали назад. Солдаты, подскочив, открыли ноги, чем непременно воспользовался противник. Началась суматоха и хаос, крики, выстрелы, удары. Про меня быстро забыли.

Я побежал вдоль внутренней стены здания к углу пирамиды, но там не было двери, так что я просто расстрелял квадрат окна, на что ушло довольно много патронов, потому что стекло здесь было таким же крепкими, как и везде. «Вот будь у меня мой мальпленган или хотя бы вакуган, – с сожалением подумал я, – я бы уложил и больше людей, и стекло бы быстрее выбил». Но вот стекло поддалось и превратилось в решето и я смог выбить его прикладом. Оказавшись снаружи, я побежал, стараясь находиться под тенью редких деревьев и кустарников, окаймляющих площадь по периметру, что было не сложно, так как царила ночь, а редкие все еще горящие фонари освещали лишь бойню на площади.

Всего в куче убитых оказалось не больше дюжины тел, некоторые из которых были лишены конечностей и сильно обгорели. Значит, несколько человек все же отбросило взрывом в эту сторону.

Хватило отбросить четыре трупа, чтобы убедиться в том, что Мары среди них нет. Я ощутил странное чувство, смесь облегчения и разочарования. С одной стороны, есть шанс, что она еще жива, но с другой, – ее еще нужно найти, и не факт, что она чувствует себя лучше, чем любой из этих тел.

Или из тех, что в данный момент копят на площади. Бой велся ожесточенно, повстанцев, конечно, было в разы больше, но солдаты более оснащены и опытны. Если революционеры не отступят, то победят, но с большими потерями, если же решат убежать, то рано или поздно их догонят, найдут и убьют абсолютно всех. Я не был ни на какой из сторон, но где-то в подсознании болел за народ. Почему-то вспомнилась родная планета и тамошние революции и гражданские войны. Были ли они менее бессмысленными и беспощадными? Едва ли.

Из дум меня вывела шальная пуля, угодившая в плечо. Я резко прыгнул за ближайший куст, готовясь отразить натиск противника, но тут же осознал, что на меня никто не несется, а война вообще не моя, хотя и касается меня напрямую, хочу я того или нет. Я опять уплыл в облака, представляя, как разделяваю Нероса на кусочки, а он все регенерирует и регенерирует. Тогда-то и пожалеем о своей мнимой неспособности умереть. Он будет мучиться, не в состоянии освободиться от пут, которые его держат. Ведь сильнее, как это могу я, он стать не сможет, потому что его бессмертие отличается от моего. Я надеюсь.

Я стряхнул с себя наваждение, удивляясь, что впал в прощрацию два раза подряд. Поднявшись на ноги, я добежал до края площади, быстрой тенью перебежал дорогу и затерялся в переулках. Нужно было добраться до стоянки кораблей и скоординировать действия с Вероном и Иолаем... И Косту-

ном, если они его нашли и еще не прибили.

Глава 8

За 18 лет до описываемых событий.

Терраформированная планета Уусмаа.

На окончательное терраформирование планеты или спутника обычно уходит от семи до двадцати лет. Это не считая непредвиденных обстоятельств: падение на терра-машину метеорита или космического мусора, которые не могли сгореть в атмосфере в связи с ее пока еще отсутствием; технические проблемы; человеческий фактор; ограничение финансирования...

Давным-давно, когда большинство рас во Вселенной были сами по себе, такое понятие как терраформирование существовало лишь в головах у энтузиастов. В мире было полно планет, на которых, может, и не так комфортно, как на родной, но жить можно. Некоторые проектировали даже огромные прозрачные купола, под которыми работали специальные станции по выработке кислорода, но эта технология долго не продержалась, так как требовала больших затрат, и не только на возведение, но еще и на защиту от космических тел и мусора. Одна трещина в куполе, пусть даже и в многослойном, могла повлечь за собой огромную катастрофу.

Позже, когда на пригодных для жизни планетах началось перенаселение, был создан первый полноценный Все-

ленский альянс, на первом собрании которого затронули вопросы относительно дальнейшего развития всех разумных рас. Чтобы выжить, было решено объединить усилия и создать технологию, позволяющую превратить безжизненные пейзажи непригодных для существования планет в райские кущи, а так как для осуществления плана использовались ресурсы всех, кто принял вступление в альянс, то и планеты должны были быть общим владением, независимой зоной. Споры велись очень долго, так как каждая раса считала главной себя, пусть и не официально, а свои наработки самыми перспективными и важными, посему все желали самый большой и лакомый кусок нового мира отхватить именно себе. В конечно итоге даже самые гордые расы уже не могли отрицать, что если так и продолжат артачиться, то либо альянс распадется, так ничего и не добившись, либо их попросту из него выгонят.

Объединив все наработки, собранные за десятилетия исследований, первый прототип был собран довольно быстро, хотя и не достиг желаемых результатов. Потребовались еще десятки лет, прежде чем первый космический объект был полностью терраформирован и обрел более-менее благоприятную атмосферу, которая, по заверению ученых, со временем должна была достаточно стабилизироваться, чтобы на ней можно было жить, что и произошло спустя еще лет эдак пятнадцать.

Строительные технологии уже тогда были на высоте, а по-

тому на возведение первого города ушло не так уж много времени. На небесное тело были завезены первые беженцы. Нужно упомянуть, что данный космический объект в нынешнем ее состоянии является памятником жестокой дискриминации. Не прошло и года, как живущие на одной территории десятки рас возненавидели друг друга так, что начали самую настоящую войну за права на территорию. Альянс и наполовину не достроил второй город, когда первый был практически выжжен огнем и затоплен кровью. Нынешнее Правительство Вселенной до сих пор скорбит по всем погибшим в те дни людям, а также крайне осуждает действия, а точнее – бездействия своих далеких предшественников: увидев то, к чему привела первая попытка сплотить населения разных планет, разных рас, тогдашнее правительство просто бросило людей умирать.

После того инцидента было принято решение вначале строить на терраформированных планетах (или терра-планетах) сразу несколько городов, но намного меньших размеров, и обносить их высокими стенами, а лишь потом в каждый из городов завозить беженцев, распределяя их по расовым критериям. Прошли сотни лет, прежде чем все поняли, что с соседями лучше дружить, чем враждовать. Символ Правительства Вселенной как раз и отражает эту самую «дружбу»: два похожих на песочные часы знака символизируют разные города, а значит, и разные расы, которые в них проживали, а соединенные выше косые линии, образующие

острый угол, – символ их взаимосвязи, вроде как тянущиеся друг к другу руки. По поводу символа было много споров: скрещенные линии словно все перечеркивают, «песочные часы» слишком далеко друг от друга, да и песок рано или поздно в таких часах пересыпается, линии вверху слишком тонкие, а значит и хрупкие, и площадь их соприкосновения мизерна, но знак так сменить и не надумали, а потом все привыкли.

Через несколько поколений города один за другим начали открывать свои врата нараспашку, приглашая всех желающих; желающие медленно и неуверенно, но все же пользовались гостеприимством. В конце концов, уже никто и не помнил, какой расе первоначально принадлежал тот или иной город. Многие стены были снесены, но не все. Первое небесное тело, которое оказалось успешно терраформированно, а затем так же успешно и заселено, был спутник Кавитан, хотя с тех пор он претерпел немало изменений.

Планета Уусмаа подверглась терраформированию примерно три тысячи лет назад, однако что-то пошло не так, и одна из терра-машин попросту взорвалась. Это было частым явлением в те времена, лишь совсем недавно технологию усовершенствовали до такой степени, что нужда следить за процессом практически отпала.

Уусмаа была как раз последней планетой, на которой применялись старые технологии, а потому было решено не воз-

обновлять ее терраформирование, так как было дешевле изменить атмосферу какой-нибудь другой планеты, чем демонтировать устаревшие терра-машины на Уусмаа и устанавливать новые, после чего устранить последствия неудачного терраформирования, а затем повторить процедуру.

Про планету никто не вспоминал ровно до того момента, когда на совете Правительства Вселенной поднялся вопрос о посвящении расы, называющей себя – человечество, в знания о том, что они не одиноки во Вселенной, и что мир не вращается вокруг них. Конечно, поднимались вопросы и о других расах, все еще живших в неведении о жизни за пределами их планеты, но все же среди них именно люди интересовали верхá больше всего: медицина, культура, оружие, технологи – все это у людей было более-менее развито высоко, а некоторые открытия и достижения даже превосходили более развитую часть Вселенной, хотя все еще и оставались сыры и недоработаны.

Но, несмотря на это, очень многие были против интеграции человечества в общество и раскрытия им секретов Вселенной. Основным доводом было то, что люди слишком воинственны и невежественны, часто идут против собственных же принципов и писаных законов, а еще любят переписывать и попросту забывать собственную историю, наступая, как любят говорить люди, на те же грабли вновь и вновь. Так как они могут соблюдать нормы в другом, чуждом им обществе? Человечество, и с этим были согласны все, очень

странная раса: с одной стороны они невежественны и аморальны, а с другой – развиты и цивилизованы достаточно, чтобы это осознать, но все равно ничего не предпринимая для искоренения собственных недостатков. Однако, в том или ином смысле, таковыми были почти все расы во Вселенной, но – за собой не замечаешь.

И все же те, что были за интеграцию, заявляли, что человечество развилось до такой степени, что через пару сотен лет начнет легко летать в космос, и остальным расам уже не удастся скрывать факт своего существования, а люди, из-за своих невежественности и вечных поисков врага в отражении, могут принять инопланетян за угрозу и попытаться нанести превентивный удар. У них это, естественно, не выйдет, но себя погубить они смогут, вместе с высоким потенциалом к развитию.

Спор затянулся на много лет, но в вопросе была поставлена точка, когда у людей началась Третья мировая война. Война была очень кровопролитной, и каждая из сторон стремилась уничтожить противника во что бы то ни стало, даже в ущерб себе. Правительству Вселенной пришлось в срочном порядке решать, как поступать с человеческой расой: бросить на погибель или спасти. Выбрали второе. Война прекратилась в тот же день, как небо заполонили космические корабли почти всех рас Правительства Вселенной. Правительство знало, что у планеты людей нет своего общего правителя, а потому на встречу были приглашены двадцать пра-

вителей наиболее социально и экономически развитых государств. Правительство Вселенной рассказало людям о себе и сделало предложение: либо присоединение к союзу и открытие человечеству «пути к звездам» без терний, либо право оставить все так, как есть, и самостоятельное развитие человеческой цивилизации до тех пор, пока оно не будет готово. Выбрали первое.

Естественно, что человечество было в глубочайшем шоке, даже несмотря на то, что стремилось отыскать внеземную жизнь очень много лет. Не трудно догадаться, что почти все люди захотели посетить другие планеты, посмотреть на другие расы, узнать культуру и историю всей Вселенной. Но глубочайший шок сменился глубочайшим разочарованием: расы не были лысыми зелеными и серыми человечками с большими черными глазами и ростом около метра, как не были они и рептилоидами, с зеленой чешуей, зубастой пастью и когтистыми лапами, хотя похожие и существуют. Технологии так же разочаровали людей: «в кино все было по-другому», «а где трехгрудая женщина?», «почему бластеры нельзя купить в свободной продаже?», «здесь никто не слышал о Споке» и «где вход в гиперпространство?» Люди, однако, довольно быстро приспособились к новой жизни: «Как тараканы», – пошутил кто-то. А вот остальные расы...

Планету Уусмаа было решено терраформировать почти сразу, как только люди дали добро на присоединение к Правительству Вселенной, хоть и без права голоса, так как она была крайне похожа по размеру и отдаленности от Солнца на родную планету людей. Планета располагалась относительно близко к «центру» Вселенной, где кипела жизнь, а люди очень хотели кипеть тоже, учитывая еще и то, что их родная планета была сильно загрязнена после войны, в том числе во многих местах и радиацией (хотя и до этого она была не эталоном безупречности). В качестве упредительной меры, людям поставили условие, строго-настрого запретив устраивать новые войны, особенно без ведома Правительства и попытки договориться полюбовно, а все оружие массового поражения было уничтожено. Официально.

В общем, люди разбежались по всей Вселенной, словно тараканы, хотя большинство оставалось на Уусмаа, старясь привыкнуть к новому дому и переварить все случившееся, в одночасье переменившее привычный ход вещей у всей расы.

Тогда-то все и началось. Камирутты, будучи расой гордой и тщеславной, запротестовали (многие сочли, что причиной тому стало то, что люди по строению и генетическому ко-

ду очень похожи на черноволосых, но при этом ведут себя как животные, что, по мнению камируттов, бросает тень и на них, – их самолюбие было задето): они заявили, что даже если планета людей и стала помойкой, то это только их вина, а по поводу терраформированных планет есть устоявшийся древний закон, говорящий о том, что они принадлежат всем расам Правительства, а не только одной, так что людям придется потесниться. После долгих разбирательств все же было решено, что действительно, – для одной довольно малочисленной расы целой планеты будет многовато, при условии, что у них есть родная, хоть ими же и загрязненная, а потому из коллективной собственности ее перевели в раздел собственности государственной, делая ее свободным для беспрепятственного посещения местом кем угодно, хотя людей все же было решено считать основным населением планеты и большая часть управленческих обязанностей таки осталась под их контролем. Полуофициально считалось, что планета все еще формально принадлежит человеческой расе, однако люди не имели право распоряжаться ею в полной мере, в том числе и запрещать проживание на ней кого бы то ни было.

Самим людям, естественно, не очень понравилось, что все их договоренности по поводу владения планетой просто взяли и выбросили на ветер, но так как они все еще чувствовали себя слепыми котятками в таком огромном новом мире, то все свое возмущение выражали лишь гневными взглядами на другие расы, неприличными жестами и иногда мелки-

ми потасовками. Петиции либо оставались без ответа, либо имели чисто формальный ответ, в котором мягко намекали на то, что Правительство дало людям бесплатный сыр, так что не стоит жаловаться на то, что этим сыром хотят полакомиться и другие. В воздухе витало напряжение, словно где-то неподалеку находится готовая захлопнуться мышеловка, существование которой Правительство усердно отрицало.

Напряжение росло по мере того, как развивалась планета. Спустя несколько сот лет, когда планета стала более-менее обжитой, было обнаружено, что в ее недрах скрывается множество полезных ископаемых, большая часть которых располагалась под поселениями людей, и они нисколько не желали делиться своими добычами, что, естественно, не нравилось всем остальным. Планета принадлежала всем, а значит, и ее ископаемые не исключение, но человечество считало иначе. Правительство Вселенной деликатно отмалчивалось, оставляя решение на усмотрение правительства местной зоны, которое тоже не особо желало вмешиваться. Все были на взводе. Правительство лишь позже поняло, что, как говорят люди, опять наступило на те же грабли.

Никто уже не помнит, что послужило началом гражданской войны на территории почти всей планеты, хотя каждый винит друг друга, но никто не желает признавать своих ошибок, пусть и официальный виновник всем известен. Как всегда. Просто на планете, которая относительно мирно развивалась почти две тысячи лет, начался ад.

Верон считал себя особенным. Еще бы: гераклидов во всей Вселенной можно по пальцам пересчитать. Он быстр, силен, вынослив и практически непобедим в битве один на один. Ну и что, что на него испугано косятся и расходятся, завидев его черные с желтым глаза: когда от возбуждения зрачок заполняет всю радужку, глаза становятся полностью черными, отчего у каждого внутри сжимается гадкий ком неподдельного страха. Да, Верон считал себя особенным, он считал себя неуязвимым, и когда узнал, что на Уусмаа намечается знатная заварушка, да и не какая-то там, а стычка гордых камируттов с их бледными тенями, называющими себя людьми, то не смог устоять перед соблазном в ней поучаствовать. Дикий и глупый народ эти люди, думал он.

Несмотря на приличное состояние, оставленное ему отцом, он не очень любил вертеться в высших слоях общества, предпочитая размеренным танцам добротную яростную драку. Его боялись, ему это нравилось. Жажда силы и власти была у него в крови.

Услышав о предстоящем противостоянии от осведомленных знакомых, он незамедлительно все бросил и улетел на Уусмаа. Его двоюродный брат, Эврис, который на семь лет

старше самого Верона, завидовал кузену. Ему не досталась такая сила, как брату, а денег и репутации он добился в основном своим умом и упорным трудом, хотя его отец, тоже не бедный, время от времени и помогал ему в сложных ситуациях. Эврису все считали серой мышкой, что так, в общем-то, и было, но он при любом подвернувшемся случае пытался доказать, что не хуже брата. Он был умным, но среди камируттов сила и храбрость ценилась выше. Ну, еще и хитрость. И когда он услышал, что Нерос отправляется на войну (что было запрещено Правительством Вселенной, так как считалось подмогой извне, хотя официально войны еще не было, да и быть не могло), то решил непременно последовать за ним, дабы доказать себе и другим, что он тоже силен и храбр.

К тому времени серьезных проверок на полете к планете не было, а потому братья проникли на нее, подкупив пилота грузового корабля и спрятавшись в отсеке для консервированных продуктов.

– Корабль что надо, – ослабилась Верон. – Как, ты говоришь, он называется?

– Официально: межгалактический грузовой корабль средней вместительности класса «Apterix», – ответил Эврис. – Но в последнее время его все чаще называют просто «Фишашка».

– «Филашка»? – поморщился Верон, пытаясь произнести непривычное для него слово. – Что за название такое?

– «Фисташка», – повторил Эврис. – Его так прозвали люди, мол, на их планете когда-то росло растение, чьи плоды очень похожи по форме на этот корабль.

– Грязные люди! – выплюнул Верон. – Все переиначивают на свой лад. Ну, ничего, скоро мы им зададим жару! Да, брат?

– Да... брат, – согласился Эврис. На людей ему было плевать, летел он не для того, чтобы повоевать и развлечься, а лишь чтобы улучшить свою репутацию среди соплеменников. Он, будучи далеко не глупым, понимал, что это выглядит смешно, как-то по-ребячьи, и мнение других его вообще не должно волновать, но горделивая кровь камирутта брала свое, и даже разум не мог ей противостоять. Эврис, конечно, не чурался своей расы, но, в отличие от большинства, признавал все ее недостатки.

– А корабль хорош, – продолжал Верон. – Для грузового. Вот бы такой боевой отгрохать, и ведь никому и в голову не придет, что внутри вместо консервов смертоносное оружие. Представь: летит такой корабль, ему навстречу выходят эти ленивые людишки, радуются такие, предвкушают вкусно поесть за чужой счет, а им, вместо зажаренных кретов, – ракеты «воздух-земля». Вот будет потеха! Эврис не ответил.

Когда они прибыли на планету, тамошние камирутты были несказанно рады. Вместе с собой Верон и Эврис привезли немного оружия, в основном пробивные вакуганы и мальпленганы, но все же жители были больше рады гераклиду, чья

репутация давно его обогнала. В тот день пировали, как в последний раз. Для некоторых так и было.

Никто уже не помнит, из-за чего все началось, но в один день мирный до того город вдруг охватило пожарище. Горело все: дома, машины, люди... За считанные часы от города почти ничего не осталось, кроме языков пламени, достигающих неба, на тех местах, где когда-то стояли высокие дома. Люди бежали, покидая ставший им родной город, убегали от разгневанных камируттов и рас, разделяющих их мнение по поводу людей. Второй город, узнав, что случилось, предпринял все меры, а потому смог недолго выстоять под натиском противника. Лишь недолго. Третий город был крепок, как скала, так как и находился у скалы, а люди там с самого начала не питали иллюзий, что они в полной безопасности. Они ждали этого дня сотни лет, опасаясь того, чего опасались их предки: попытки отнять их новый дом, а потому заранее подготовились к вооруженному конфликту, нелегально завозя в город запрещенное оружие. И когда камирутты вместе с несколькими другими расами напали на город, то впервые получили достойный отпор.

– Папа, что происходит?

– Все хорошо, дочка, не волнуйся. Просто папе нужно ненадолго уйти, а ты должна вместе с мамой спрятаться в подвале. Ты меня понимаешь?

– Я не хочу, чтобы ты уходил, – заплакала девочка. – Останься!

– Я не могу. Папе нужно вместе с остальными защитить тебя и маму, а потом я вернусь.

– Ты обещаешь?

– Да, я обещаю. – Мужчина обнял девочку, потом поцеловал в лоб и сказал женщине, стоящей за ней: – Все, Марена, уводи ее.

– Мара, нам пора, – сказала женщина. – Папа должен идти. И мы тоже.

– Папа ведь скоро вернется, да? – спросила черноволосая девочка, когда они уже спустились в подвал их дома.

– Да, Марочка, скоро.

Девочка не видела в полутьме, как по щекам матери текут слезы.

Верон чувствовал себя превосходно. Несколько дней назад его серьезно ранили в спину из ружья, был задет позво-

ночник, и никто не давал гарантий, что он, даже будучи гераклидом, сможет полностью поправиться. Но вот он снова может ходить и шевелить всеми конечностями, и о случившемся напоминает лишь едва заметный след, словно от полученной в далеком детстве легкой раны, кои есть, наверно, у любого в изобилии. Верон по этой части был рекордсменом, хотя от большинства свидетельств его бурного детства не осталось и следа.

– Чертовы свиньи! – закричал он. – Только и могут, что исподтишка да в спину бить! Никому из них не хватает храбрости выйти один на один. Ты ведь убил того гада?

– Да, не сомневайся в моих навыках, – ответил Эврис. Он надеялся, что Верон не сможет оправиться от полученной раны, но его брат пришел в себя довольно быстро. Эврис Трег с самого появления на свет Верона желал гераклиду только смерти, желательно позорной, но убить его сам он не мог; для камирутта убить соплеменника, тем более брата, было величайшим из грехов, вечным, несмываемым позором, поэтому, если представлялась возможность, он не особо спешил брату на выручку, а выжидал в стороне. Так случилось и на этот раз. Эврис, будучи в тени между домами на другой стороне дороги, видел, как за спиной Верона из-за угла вышел человек с ружьем; он дождался выстрела, а лишь потом метнул нож в противника, попав точно в шею. Эврис не любил шуметь, в противоположность своему брату.

– Да я и не сомневаюсь, – осклабился Верон. – Это един-

ственное, в чем ты меня превосходишь, хоть и не намного. («Не считая знания Харака Идо, – зло подумал про себя Эврис. – И еще, может быть, умом».) Все же тебе надо было воткнуть нож ему куда-нибудь под ребра, чтобы он еще помучился, а я бы сам продырявил ему башку.

– Ты, если помнишь, не мог пошевелиться...

– Я помню, что я мог, а что не мог, – рыкнул гераклид, – но тебе все же надо было оставить его мне.

Эврис отвернулся, чтобы скрыть гримасу. Несмотря на сдержанность, иногда он просто не мог скрыть эмоции в присутствии брата.

– Ладно, хрен с ним, какой там дальше город по расписанию? – поинтересовался Верон, разминая затекшие долгим лежанием мышцы.

– Ива. Он хорошо укреплен и там больше людей, чем в предыдущем, не говоря уже о том, что они более чем готовы к нашему визиту. За эти месяцы не осталось никого, кто бы не знал...

– Понял я, понял, – отмахнулся Верон. – Я буду очень осторожен, не волнуйся, мамочка. Эврис вновь поморщился.

– Я не волнуюсь, просто если тебя убьют, моральный дух наших людей сильно упадет.

– Ты заставляешь меня краснеть. У нас, камируттов, моральный дух всегда на высоте, хотя мне очень лестно, что я поднимаю его еще выше.

«Да ты, наверно, сейчас самый гордый камирутт в ми-

ре», – недовольно подумал Эврис, хотя внешне не шевельнул и мускулом на лице. Он не хотел этого признавать даже самому себе, но понимал, что Верон действительно для многих является символом будущей победы, хотя и не совсем ясно над чем, когда как его самого зачастую даже не замечают, особенно когда он открывает рот, чтобы предложить конструктивную критику относительно следующих шагов. Камирутты не собирались полноценно воевать, они, как сами выражались, просто травили крыс, не желая даже думать о том, что крыса, загнанная в угол, опасней любого кота, что прекрасно показал предыдущий город, где потерь было в разы больше, чем в первом. Эврис был уверен, что у остальных групп, отправившихся в другие стороны, где располагались города людей, дела обстоят еще хуже, чем у них.

– Тебе следует немного отдохнуть на заднем сидении, мы отправляемся через час и планируем добраться до города как раз к темноте.

– К темноте? Это хорошо. Для меня что светло, что темно, – все едино. Круто быть гераклидом!

Эврис терпеть не мог, когда брат так говорил. А говорил он так часто. Он, как и его отец, ненавидел гераклидов.

– Твоему отцу, как помнишь, это не особо помогло, так что постарайся...

– Не смей упоминать моего отца, Эврис! – повысил голос Верон. – Его предательски убили враги, когда он был на Сурусуве. Навалились всей толпой, оруды, и разорвали на мел-

кие кусочки. А я сюда пришел не для того, чтобы мирно беседовать и гулять под звездами, а чтобы убивать. Я знаю, что я делаю и зачем, так что ты либо будешь со мной здесь, либо проваливай туда, где потише и почище, и снова берись за свои книженции.

– Камирутты не бегут с поля боя! – гордо произнес Эврис. Чертова кровь опять взяла свое.

– Вот, теперь я узнаю своего собрата, так держать, – осклабился он. – А насчет отдохнуть... У меня полно сил, энергия так и бьет через край, так что даже если бы я и захотел отдохнуть и поспать, то попросту бы не смог.

– Как скажешь. Отправляемся менее чем через час, будь готов.

– Я всегда готов.

Мара уже не первый час сидела в подвале своего дома вместе с еще двумя десятками женщин и детей и слышала наверху шум, словно отрывистое стрекотание множества кузнечиков, а иногда доносился и короткий рев неведомого разъяренного животного. Она прижималась к матери и старалась не плакать, хотя слезы так и лились из ее глаз. Тусклая свеча, находящаяся в круге сидящих людей, тускло освещала

их лица. Все смотрели в пол или на огонь. Из-за слез, застилающих глаза, Мара видела все вокруг немного размыто, а свет свечи ей казался множеством огоньков, нервно дрожащих в темном подземелье. Когда она сильно моргала, чтобы выжать слезы из глаз, то на мгновение видела понурые лица взрослых и такие же, как у нее, заплаканные глаза других детей, большинство из которых она знала и с которыми дружила. Иногда кто-то из ребят что-то пытался сказать, но их матери или бабушки прикладывали палец к губам и тихо шипели, прося не нарушать тишину, хотя ее все равно нарушали шмыганья носов детей, тщетно старающихся плакать тихо. Лишь один мальчик с взъерошенными волосами, выглядящий лет на десять, не издавал ни звука. Мара никогда его раньше не видела.

Шум снаружи начал нарастать. «Рев зверя» становился ближе и сильнее, «стрекот кузнечиков» больше не казался отрывистым, а стал похож на белый шум, тоже ставший ближе. Время от времени стены и сырая земля под ногами слегка вздрагивали, а с потолка осыпалась пыль, покрывая головы тонким слоем. Среди общего шума стали слышны голоса. Все в подвале, казалось, напряглись еще сильнее и даже перестали дышать, со страхом всматриваясь вверх, туда, где был небольшой железный люк, закрытый изнутри массивным замком.

Когда показалось, что голоса исчезли, сверху послышались шаги и звуки разбивающейся мебели. Спустя минуту

крышка люка дернулась, потом еще раз, но замок был слишком крепким. Вновь стало тихо, потом послышались быстрые удаляющиеся шаги, и когда все уже вздохнуло с облегчением, прогремел взрыв. Земля под ногами вздрогнула, с толчка посыпалась целая масса пыли и песка, а единственная свеча погасла. Взрослые бросились на землю, заслоняя рвущих детей и свои головы. Больше взрывов не было и все взглянули на то место, где когда-то находился железный люк. Теперь там зияла неровная дыра, а железная дверца валялась сбоку от лестницы. Несмотря на то, что снаружи должна была быть ночная темнота, яркий свет проник в темное помещение сквозь облако пыли, заставляя невольно жмуриться. Кто-то начал спускаться по ступенькам.

Верона пьянила его сила. Он знал это, но ничего не мог с собой поделать. Он стремился попасть в самое пекло, туда, где сможет почувствовать себя живым. Его боялись, но при этом уважали: сила и храбрость – вот что ценилось у камируттов, а у Верона было не занимать ни того, ни другого.

В качестве оружия он использовал ножи и мечи, хотя в мире, где предпочитают убивать на расстоянии, не запачкав рук, ценилось оружие огнестрельное. В этом случае Верон

выбирал пистолет: он не громоздкий, легок в обращении, а если кончались патроны, им можно было и бить.

Город Ива был заставлен домами, малое число которых имело максимум десять этажей, между которыми были обычные деревянные застройки с небольшими огородиками. Город был обнесен несколькими стенами, первая из которых, окаймляющая его, была метров пять в высоту, остальные же несколько поменьше, что давало хорошую защиту от пыльных ветров, часто дующих в сторону скал. Между каждым полукругом стен обязательно находилось небольшое озерцо, окруженное кудрявыми висячими ветлами.

Ворота внешней стены были метра три или чуть выше и открывались вовнутрь, и на фоне стены, построенной из темного почти неотшлифованного камня под цвет скал, выглядели хлипкими, хотя на деле все же были довольно мощными; чтобы их открыть, нужно было усилие двух хорошо тренированных людей, хотя они были почти всегда распахнуты. Но сейчас ворота были наглухо закрыты на три огромных толстых засова. Потребовалось всего два точных выстрела из гранатомета, чтобы разнести их в щепки.

Одним из первых в город вбежал Верон. На входе их поджидала целая вооруженная толпа, но среди орды ворвавшихся его трудно было заметить, и он тут же побежал вдоль округлой стены, чтобы зайти противнику за спину.

Послышались первые выстрелы очередями и раскаты от

взрывов гранат. На пути у Верона встало трое, и не успели они и пикнуть, как рухнули со сломанными шеями и разбитыми головами; Верону нравился звук ломающихся костей, только если это не его собственные кости. Он побежал дальше, иногда по пути встречая двух-трех человек, с которыми легко справлялся даже без оружия. Завернув за угол очередного дома, он вылетел на открытое пространство, где его поджидала толпа. Одна из пуль чиркнула по ноге, но Верон даже не почувствовал.

– Чертовы свиньи, – выругался он и побежал обратно. Он не любил автоматы и другие мощные пушки, но не хотел тратить время на разборки, не добравшись даже до последней стены, за которой находился центр города. Хотя он и назывался центром, но географически таким не являлся: он находился в самом конце и упирался в возвышающиеся над головами скалы. К скалам было примкнуто несколько частично утопающих в камне величественных зданий, в которых располагался главный административный центр города: мэрия, банк, суд и тому подобное. А еще, как поговаривали, убежище. Туда-то и стремился попасть Верон.

Он вернулся назад, туда, где лежало два трупа последних убитых им людей, взял их автоматы и торопливо пошел обратно. Заметив бегущих в его сторону людей, он открыл огонь с двух рук. Бегущие впереди упали как подкошенные, выпустив из легких последний воздух в истошном крике. Остальные спрятались за двухэтажным домом и нача-

ли отстреливаться. Верон как будто их не замечал, продолжая стрелять во все стороны, смеясь, свистя и обзывая противников трусами и свиньями.

Наконец, патроны кончились, но вместо того, чтобы вновь убежать, он ринулся на оставшихся противников, и лишь добежал до ближнего угла дома, когда люди вновь открыли огонь. Ему тоже пришлось спрятаться за стеной и присесть. Судя по всему, к ним подоспела подмога. Он затаил дыхание, вслушиваясь и стараясь понять, что делает его враг. Он услышал шаги. Вновь вставая во весь рост, чтобы схватить и убить первого, кто покажется из-за угла, он заметил, что над ним окно, при этом не запертое. Верон медленно распахнул створки и залез в дом. Внутри было темно, так как солнце уже заходило за горизонт, а последние лучи прятались за наружной стеной. Свет в доме тоже не горел.

Гераклид прислонился к стене возле окна справа и осторожно выглянул во двор. Он увидел, как вдоль дома цепочкой идут люди, чуть согнув колени и держа автоматы на уровне глаз. Они его не видели, спрятавшегося в темноте комнаты и закрытого вуалью белой занавески. Верон уже потянулся за пистолетом, чтобы перестрелять всех по одному, как вдруг его голова взорвалась болью. Спустя секунду он осознал, что лежит на полу, попытался вскочить, но тут же вновь получил по лицу, да при том не в какую-то конкретную его часть, а по всему сразу. Услышал, как кто-то что-то кричит, однако слова тонули в каком-то шуме; ему потребо-

валось несколько секунд, чтобы понять, что это шум в его голове.

В глазах плыло, и, казалось, что ночное зрение неожиданно отказало. Верон вновь вскочил на ноги, закрывая голову рукой, и правильно сделал: третий удар снова целил в голову, но пришлось по закрывающей ее левой руке. Моментаально среагировав, он выхватил то, чем его били, этой же рукой, а второй нанес удар вслепую. Послышался непонятный звук, похожий на всхлип. Верон увидел силуэт того, кто его бил, не долго думая, он прыгнул на распластавшееся на полу тело и со всей силы несколько раз ударил по голове тем, чем только что били его.

Наконец встав и тяжело дыша, он смог осмотреться. В своей руке он держал окровавленную сковороду с длинной железной ручкой, а тело, лежащее теперь бездыханным на полу, оказалось телом пухлой женщины, – он понял это лишь по форме тела, так как от лица и головы осталась лишь кровавая каша, в которую их превратил сам Верон.

Он бы так и продолжил стоять, тяжело дыша и переводя глаза с мертвого тела на сковороду и обратно, если бы не услышал выстрелы и крики. Со всех сторон, где были окна, слышался звон стекла и стрекот автоматных очередей. В комнате стало светлей. Отбросив в сторону сковородку, он рванул с места в противоположную часть дома, но и там уже были окружившие дом люди. Он побежал обратно и увидел лестницу, ведущую на второй этаж. Поискав выход на кры-

шу и ничего не найдя, он решил прыгать со второго этажа. С одной стороны был еще один такой же дом, а с другой – стена. Он бы, конечно, мог до нее допрыгнуть, если возьмет нормальный разбег, но убежать было не в его привычке, а по-сему он решил перепрыгнуть на соседнее здание.

Верон услышал, как снизу уже кто-то крадется по лестнице, тогда он выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов прямо сквозь дверь. Ему ответили очередями. Шаги больше не слышались. Заняв сторону у противоположной стены, он несколькими выстрелами разбил стекло, потом еще сделал несколько выстрелов через дверь, чтобы показать, что он все еще здесь, спрятал пистолет обратно в кобуру, разогнался и выпрыгнул в окно.

Дома располагались не очень далеко друг от друга, поэтому Верон легко перепрыгнул это расстояние и со звоном влетел на второй этаж соседнего дома, срывая занавески. Шум явно услышали, а может, просто увидели, как он перепрыгивает, потому что когда он встал с пола, отряхивая осколки и ругая себя за то, что не додумался проверить, полностью ли он разбил стекло у окна этого дома, то увидел, как в комнату, откуда он только что выпрыгнул, уже вбегают. Ему вновь пришлось упасть на усыпанный осколками пол, чтобы избежать автоматных очередей. Сделав вслепую еще пару выстрелов в сторону противников, он, не вставая, заменил пустой магазин и вернул пистолет в кобуру.

Среди нескончаемых выстрелов, грозящихся прострелить

насквозь стены и достать его, он услышал и шум снизу. Нужно было решаться. Дождавшись, когда большая часть стрелявших прекратит огонь, чтобы перезарядиться, он рванул с места и побежал к противоположному окну. Лишь уже на бегу он понял, что забыл про застекленные окна, но выбора не было. Верон на полной скорости влетел в окно, закрыв лицо руками, и перелетел в соседний дом, но не остановился, а, сделав кувырок, побежал дальше, однако кувырок замедлил его скорость, а расстояние до окна было слишком мало, что не дало ему шанса как следует разогнаться. Разбив вдребезги очередное стекло, он уже в прыжке понял, что не долетит; Верон попал в створки окна лишь верхней половиной тела, в районе груди, а нижней врезался в стену, выбив из легких весь воздух. Так как руками он все еще закрывал голову и лицо, то не успел ухватиться за подоконник и мешком рухнул вниз вместе с разбитым головой стеклом.

Тут же вскочив и пошатнувшись, он понял, что ушел от стены чуть вглубь города, а потому побежал, в надежде затеряться в переулках. Пробежав около квартала, он плечом высадил одну из дверей трехэтажного дома и оказался внутри. Оглядевшись, он убедился, что поблизости нет никого с домашней утварью, и медленно начал вытаскивать осколки стекла из тела. Лишь прислонившись к стене, Верон понял, что у него в спине засел один из осколков. Он аккуратно снял тонкую куртку цвета хаки и рубашку, пропитавшиеся кровью, уцепился за осколок и дернул. В его руке оказался

кусок стекла, формой напоминающий вытянутый треугольник, и не менее десяти сантиметров в длину. Больше чем на половину он был красным от крови.

– Глубоко засело, – сам себе сказал Верон. – Черт.

Остальные осколки оказались меньше, но это было даже большей проблемой, так как их труднее извлечь. Пару он вытащил из лица, намного больше из рук, которыми он это лицо и прикрывал, еще штуки три из правой ноги, остальные были либо слишком мелкими, либо у них обломилась наружная кромка, оставив приличный кусок в теле, но слишком глубоко, чтобы его можно было зацепить пальцами. «И ведь мне еще повезло, – подумал он, – несмотря ни на что, в меня не попала ни одна пуля этих грязных свиней. Стрелки из них никудышные». Он ухмыльнулся сам себе.

Ему потребовалось около двадцати пяти минут, чтобы более-менее прийти в норму. Большие осколки, медленно отвергаемые телом инородные объекты, он вытащил, как только они показались из раны, более мелкие вылезли сами, неприятно царапая кожу. Он слышал выстрелы и взрывы, но уже как будто вдалеке. Достав пистолет, он осторожно выглянул в окно, но ничего не увидел, так как обзор закрывали другие дома. Верон вышел наружу и медленно побрел к центру города, на этот раз стараясь по возможности заглядывать за углы прежде, чем выйти; второй такой задержки он себе позволить не мог. Дойдя до открытой местности возле озера,

он посмотрел в сторону скал, стоящих над центром города. На фоне ночного неба их очертания вырисовывались лишь под сполохами выстрелов и взрывов, но Верон видел, что до центра его товарищи еще не добрались. Выстрелов поблизости он не слышал, а потому почти без опаски помчался к ближайшей стене.

Всего у города было семь стен, и расстояние между ними на широком участке было примерно от пятисот метров до, может быть, километра. Верон, будучи гераклидом, мог развивать вполне приличную скорость, при этом его выносливость тоже превосходила нормальную. На то, чтобы пробежать от внешней стены до центра, при условии, что ничто мешать не будет, ему бы потребовалось менее двадцати минут. Но сейчас ему мешали хаотично понаставленные дома, среди которых он старался бежать, чтобы не быть замеченным противником, а также слабая зудящая боль в ноге от осколка, хотя боли как таковой практически не было, но Верону почему-то все равно слегка прихрамывал. Иногда ему попадался редкий противник, из-за которого если он и сбавлял скорость, то несущественно. Не считая внешней стены, он пробежал еще четыре, когда наткнулся на своих, стоявших вплотную к очередной преграде.

- А, вот ты где! А мы уж думали, тебя прибили где-нибудь.
- Не дождетесь, – проговорил Верон, слегка запыхавшись.
- Решил заняться бегом? – усмехнулся его собеседник.
- Не твое дело, командир, чем я решил заняться и чем

занимался. Чего вы тут встали?

Он надеялся, что остальной отряд уже в плотную к последней стене и пытается через нее перебраться, встретив активное сопротивление, о котором предупреждал Эврис, но врагов он даже не видел, а стена всего лишь предпоследняя. Верона бесило, что он несся во всю прыть, чтобы прийти на подмогу своим, хотя, если быть откровенным, он больше хотел отплатить этим чертовым людишкам за ранения, а тут, оказывается, его поджила толпа идиотов, которую остановила глухая стена.

«— Сколько нужно камируттов, чтобы перелезть через стену?» – Пять сотен и еще один. Пятьсот камируттов гоняют балду и ждут одного, который пинком под зад переправит их на ту сторону!» Верон готов был снести эти стены к чертовой матери.

– Да вот, не можем шестую стену преодолеть. На крышах впереди, где стоят более высокие здания, засели снайперы и палят по всему, что движется. А так как остальные наши противники убежали за стену, мы здесь одни. Мы стоим сразу за стеной, так что нас они не видят и подстрелить не могут, иногда кидаем через нее гранаты, чтобы люди не подходили близко и не обстреливали нас сверху. Так что тебе еще повезло, что тебя самого не подстрелили, когда ты к нам подбегал.

– Да, я вообще везучий по жизни, – язвительно отозвался Верон. – Я не вижу здесь особой проблемы, у нас что, нет

снайперов?

– Есть-то они есть, – почесал затылок командир, – но сейчас ночь, если ты не заметил, так что они ни черта не видят.

Иногда Верон забывал, что только он один может видеть в темноте не хуже кошки, хотя ему больше нравилось сравнение с волком. Когда он об этом вспоминал, тот тут же начинал кичиться еще больше обычного.

– Кто вас учил? Стреляете, стреляют в ответ, видите вспышку, открываете по той точке огонь. Проще не бывает.

– Верон, там тоже не дураки сидят, – слышался голос сзади. Это был Эврис. Вид у него был такой же сдержанно надменный, но, в отличие от гераклида, выглядел он почти невредимым. – Они делают ответный выстрел и тут же меняют позицию. Можно стрелять сколько угодно по той точке, но там уже никого не будет, а другие наши снайперы, открывшие огонь, попросту обнаружат себя, тогда по тем местам люди снова произведутся выстрелы, а противник сменит позицию. В итоге мы будем видеть множество огневых точек, но все они будут уже пусты, а стрелять будет некому, так как всех...

– Хорош! – прервал брата Верон. – Задолбал уже. Откуда ты столько знаешь об их тактике?

– Если бы ты имел больше терпения, я бы сказал, что точно это случилось минут двадцать назад.

– Это надо было сразу говорить, а не высказывать свои никому не нужные мысли. Ладно, – заговорил он вновь после

короткой паузы, – что дальше планируете делать, кроме как слюни пускать?

У него чесались кулаки подраться, но даже Верон понимал, когда не следует лезть на рожон и как следует все обдумать. Не будь снайперов, он бы сам давно перебрался через стену, пусть даже и один. Если остальные считают его символом победы, то последуют за ним не задумываясь.

– Я подумал, – сказал Эврис, – что снайперов можно ослепить. Для этого я предложил командиру сбегать за машинами, оставленными около стен, и привести их сюда. Яркие фары...

– Херня! Ослепить – это хорошо, но вот все остальное... Ты может и ботан, но по части военного искусства, ты полный ноль.

Эврис никогда не отрицал, что военное дело его не особо-то и интересует, а в плане ведения боевых действий, он полный профан, хотя старался не распространяться об этом. Он умел обращаться с оружием, драться и следовать приказам, этого для него было более чем достаточно. Если бы не его отец, он бы не умел и этого, пусть и был камируттом.

– И что ты предлагаешь? – вновь вмешался в разговор командир.

– У нас есть зажигательные смеси? – спросил Верон после небольшого раздумья.

– Да, мы их практически не использовали.

– Вот и отлично. Мы можем подпалить ближайšie к сте-

нам дома, тем самым закрыв обзор стрелкам.

– А это мысль, – задумчиво почесал заросший подбородок командир. – Сейчас же отдам приказ. – Он развернулся и ушел в толпу.

– Вот как надо, – нравоучительно сказал Верон Эврису, подняв палец к небу. Эврис ничего не ответил, а лишь отвернулся, чтобы очередной раз сгримасничать. План и правда был лучше, чем у него, но говорить об этом он не намеревался, самолюбие брата, слишком сильно раздувшись, может и взорваться, и он не хотел бы находиться в этот момент поблизости.

Дома вдоль стены пылали, хотя и не так сильно, как предполагал Верон. Они были преимущественно из камня, так что гореть оставалось лишь внутреннему убранству и деревянной крыше. Достаточный для прикрытия пожар явно не продержался бы долго, так что камирутты и другие союзные расы, в равной степени ненавидящие людей, как можно быстрее перебирались через стену. Во взорванные вначале наступления ворота никто не рисковал соваться, так как через них проходила широкая дорога, слишком открытая, чтобы можно было спрятаться от снайперов, поэтому перебирались через стены. Прислонившись к стене спиной и сложив ладони лодочкой, несколько бойцов перебрасывали через стену остальных. Они не церемонились, поэтому за стеной слышались удары об землю и громкие ругательства тех,

кто упал, и тех, на кого упали.

Послышались выстрелы. Люди, судя по всему, разрабатывали очередной план действий, как достать противника, но не успели. Теперь им приходилось лишь беспорядочно палить из пистолетов и автоматов, ожидая хоть какого-то дельного приказа, кроме как пытаться удержать позицию.

Верон перебрался через стену самостоятельно, оттолкнувшись от нее с разбега ногой. Оказавшись на той стороне, он удивился. Его никто не встречал. На земле лежали группы людей, но меньше, чем можно было ожидать. Камирутты быстро с ними разделались и теперь группками разбредались в разные стороны.

Где-то неподалеку послышался хруст, хруст, так ему знакомый – ломание шеи. Он бы счел, что ему показалось, но вновь услышал такой же звук уже в другом месте, где-то ближе, потом он сменился на другой, – словно кому-то вонзили нож в тело. Ему стало не по себе, хотя он не боялся, а, скорее... предвкушал.

Не будь он гераклидом, то вряд ли бы его услышал. Еле слышный шорох позади, почти неразличимый на фоне шипящего там же за спиной, метрах в сорока, пламени. Верон резко развернулся и ударил, но увидел лишь тень. Она скользнула куда-то за большие коробки, стоящие тут повсюду, прислоненные к домам. Он не стал преследовать противника, зная, что тот сам ищет с ним встречи. Он двинулся дальше, медленно, стараясь не шуметь, переставляя ноги.

Подумал, что нужно достать оружие, но вместо неэффективного в ближнем бою пистолета, выбрал нож. Вынимая его из ножен на ноге, он создал незначительный шум, чем и воспользовался враг. Он вновь оказался у него за спиной, но на этот раз, когда Верон обернулся, не скрылся в тени, а сразу же напал. У него в руке тоже был клинок, но не такой, как у Верона, а с более тонким и длинным клинком. Гераклид заблокировал удар сверху рукой, однако он не сразу понял, что нож длиннее, так как его отвлекли удивительно голубые глаза противника, в то время, как его лицо было закрыто черной матерчатой маской. Кончик клинка порезал Верону лицо.

Он оттолкнул противника и сразу прыгнул в его сторону, однако тот подпрыгнул высоко вверх и камирутт распластался на земле. Когда противник начал падать назад, он резко выпрямил ноги, впечатав Верона в землю. В то время как из его легких выходил весь воздух, он сожалел, что отказался в свое время учить традиционное боевое искусство камируттов – Харака Идо. С силой гераклида, Верон был уверен, что будет в группе лучшим, однако прозанимавшись меньше двух месяцев, он бросил это занятие, посчитав его бессмысленным, ведь он гераклид – сильнейший во Вселенной, и даже без всяких боевых искусств его никто не одолеет.

Сейчас он сожалел, но не сильно. Противник, «втоптал» его в землю, замер у Верона на спине, уверенный, что после такого не поднимаются, но камирутт считал иначе. Он резко развернул тело, и противник, не ожидавший такого,

упал. Пока он падал, Верон нанес ему удар ножом по ноге, а теперь, набросившись сверху, изо всех сил бил его в грудь, каждый раз вонзая нож по самую рукоять. Наконец он остановился и вспомнил, что так и не дышал с тех пор, как его прибили к земле. Он глубоко вздохнул и, продолжая тяжело дышать, посмотрел на тело. «Черт, опять потерял контроль. Я так тяжело не дышу, даже когда пробегаю несколько километров». Верон встал, вздохнул еще раз, наклонился и снял с человека маску. Его голубые глаза были открыты и смотрели в темное небо, затянутое легким дымом от горящих домов; волосы были короткими и светлыми, желтыми, словно солома; лицо молодое, но как будто неестественно огрубевшее. «Профессионал, – подумал Верон, – тут таких, наверное, десятки, потому и тихо. Надо быть настороже».

Повсюду слышались одиночные выстрелы. Верон был уверен, что сегодня умрет много его товарищей, ведь даже если ему, гераклиду, пришлось приложить усилия, чтобы убить одного человека в маске, остальным с ними точно поодиночке не справиться. Он шел осторожно, реагируя на каждый шорох. Наверно, этого они и добиваются, – паранойи.

Он прошел половину пути до следующей стены, когда натолкнулся на второго, но на этот раз он был готов. Краем глаза он уловил слабое движение, еще более слабое, чем у предыдущего убийцы, и если бы Верон был любым другим, он бы не заметил его, не задумался бы о том, что это враг, даже будучи внимательным и ожидая нападения. Но он был

гераклидом, считал себя сильнейшим и никак не мог позволить какому-то грязному человеку себя одурачить и победить. До этого он шел осторожно, но довольно небрежно, стараясь не показывать, как он напряжен, но заметив движение, он даже не шелохнулся и не сбавил темп, но лишь настоящий профессионал заметил бы, что его шаги стали более плавными и бесшумными. Верон шел, слегка опустив голову и вслушиваясь, стараясь игнорировать все лишние шумы, – доходящие до него со всех сторон звуки смерти. Смерти его товарищей, с которыми, правда, он был практически не знаком, если не считать его брата, так что они не особо его волновали, а брат был прилежным учеником школы Харака Идо, хотя так и не смог преодолеть восьмую ступень из десяти существующих, но все равно мог о себе позаботиться.

Верон чувствовал, что его противник сильнее предыдущего, особенно потому, что не чувствовал и не видел его. Но еще и потому, что этот человек смог заметить, как изменились шаги Верона, когда тот почуял убийцу, и решил больше не скрываться. Верон услышал шорох его ног и резко обернулся, готовясь отразить удар, но противник в маске даже не шелохнулся, стоя шагах в десяти от него. «Он мог бы напасть, а я бы не заметил его до последнего момента». Противник как будто прочитал его мысли:

- Я решил, что предпочтительней будет честный бой, – сказал он чуть приглушенно из-за маски.
- Предыдущий так не считал.

– У каждого свой кодекс чести, – пожал он плечами, никак не выказав беспокойство о том, что Верон уже убил одного из них. – Бывают такие моменты в жизни, когда приходится забыть все, чему ты следовал, – сказал человек в маске немного менторским тоном.

– Например?

– Ты пытаешься казаться глупее, чем ты есть, – вздохнул человек.

– Ты это понял по двум моим коротким ответам?

– Я знаю тебя, Верон Трег, по крайней мере то, что о тебе говорят: варвар, живодер, чудовище, безмозглый мутант... Но для дикаря ты действуешь слишком осторожно и рассудительно. Или ты ведешь себя безрассудно только на публике?

Казалось, что этот человек, даже зная, кто такой Верон, ничуть этого не страшился. Самого Верона это бесило. Любой, заметив черные глаза, блестящие желтой радужкой на свету, подумает дважды, прежде чем решится с ним связываться, а этот грязный человек не просто видел его глаза, но и знал, кто он, и все равно вел себя так, словно тот просто мальчишка, заблудившийся в лесу.

– Ты вылез мне нравоучения почитать или драться? – гаркнул он.

– Одно другому не мешает. Ты можешь измениться, точнее, перестать скрывать свою сущность...

– Свою сущность? – громко перебил убийцу Верон. – Моя

сущность хочет лишь воевать и убивать!

– А справедливость? – поинтересовался человек, даже не изменившись в голосе. Он и правда считал Верона всего лишь глупым мальчишкой.

– К черту справедливость! – взревел гераклид.

– Значит, тебе плевать за кого воевать и кого убивать?

– Вот именно.

– Тогда воюй за нас. Верон аж опешил от такой... наглости.

– Ты сдурел, человек? – фыркнул он. – Сам только что говорил, что я не такое животное, как обо мне говорят, а теперь предлагаешь мне перейти на вашу, свиной, сторону, и убивать своих братьев по расе? Да пошел ты!

– Это тот ответ, на который я рассчитывал, – удовлетворенно кивнул убийца в маске. Верон в конец запутался. Он гадал, не сошел ли этот мужик с ума, раз несет такую чушь. Если люди все такие, то убивать их будет только больше удовольствия.

– Что? – только и смог он вымолвить.

– Ты говоришь, что тебе плевать, кого убивать, убийца в маске сделал шаг вперед, – но даже животные не убивают себе подобных, лишь разумные существа идут на это, и, к сожалению, слишком часто. Однако есть и те, кто ни за что не убьет своих соплеменников, и ты – один из них, – указал он ладонью на Верона.

– И что с того? К чему ты ведешь, мужик?

– Иногда бывают такие моменты в жизни, когда приходится забыть все, чему ты следовал.

– Да о чем ты, мать твою, там бормочешь?! – вновь закричал Верон.

– Ты скоро поймешь, камирутт, скоро поймешь.

Верону надоел этот бред. Он был почти уверен, что этот человек сумасшедший или под наркотиками, или пытается выиграть время, или даже запугивает его, а может, все сразу. Верон знал, что этот убийца в маске даже сильнее предыдущего, а рисковать своей репутацией очень не хотелось, поэтому он одним плавным движением достал пистолет и выстрелил, но попал в пустоту. Мгновенье спустя пистолет вылетел у него из рук и улетел куда-то за деревянные ящики. Гераклид взмахнул перед собой ножом, держащим в другой руке, но опять ни во что не попал.

Он побежал к ящикам, надеясь разыскать пистолет, но убийца преградил ему дорогу и полоснул ножом снизу вверх. Нож был почти таким же длинным, как у предыдущего, но вместо стандартного острия, конец загибался, превращаясь в тонкий острый крюк. Верон подумал, что если такой вонзится в тело, то просто так вырваться не получится. Он посмотрел вниз и увидел, что все пуговицы отрезаны, оставляя его куртку распахнутой. Сняв ее легким движением, он взмахнул рукой, чтобы ее отбросить, но в последний момент передумал: ей можно неплохо защищаться и закрываться, чтобы противник не видел движения твоих рук.

– Об этом я и говорю, – тихо сказал убийца, – ты умнее, чем пытаешься казаться. Верон лишь фыркнул в ответ.

Держа куртку правой рукой, он взмахнул ею перед лицом противника, закрывая обзор, а левой попытался пырнуть его, однако вместо тела человека, он проткнул ящик и тут же почувствовал спиной жгучую боль от глубокого пореза. Он взревел и широко взмахнул ножом, разворачиваясь на месте, однако противник вновь легко уклонился. Верон налетел еще раз, наседая на маску и хаотично размахивая ножом; в один момент он попытался вновь закрыться курткой и нанести скрытый удар, но даже не успел занести руку с ножом, как прямо сквозь куртку получил сильнейший удар в грудь. Он отлетел и ударился спиной о ящики, съезжая по ним на землю, он оставил на них кровавый след от раны на спине.

– Это тот случай, когда твое же оружие действует против тебя.

– Заткнись.

– Что, неужели это все, на что способен знаменитый гераклид? Ты слабак! Не можешь побить даже простую свинью, вроде меня.

– Заткнись! – рявкнул Верон, вставая на ноги. – Я убью тебя!

– Вот так, правильно, разозлился как следует и стань для меня легкой добычей.

Верон вновь рванулся к противнику, но вместо того, что-

бы ударить, он бросил в него куртку, а сам в этот момент присел, разворачиваясь на ходу на триста шестьдесят градусов, и полоснул ножом широкой дугой по тому месту, где стоял противник. Тот отпрыгнул, но Верон почувствовал, что попал; на его ноже осталась кровь.

– Уже лучше, – проговорил убийца, – но ты слишком самоуверен. – Он молниеносно оказался возле все еще сидящего на корточках Верон и с размаху ударил его ногой в лицо. Гераклид снова оказался возле ящиков, но на этот раз приложился головой.

Он резко вскочил и увидел, как на него несется маска. Он подпрыгнул в тот момент, когда противник был так близко, что можно было учуять запах из его рта. Подпрыгнув, Верон ударил человека ногой в лицо, а сам запрыгнул на большой деревянный ящик. Противник упал, и Верон рефлексивно потянулся за пистолетом, однако нащупал пустоту, тут же вспомнив, что он отлетел за ящики. Камирутт только развернулся, чтобы перебраться на соседний ящик, как почувствовал в ноге острую боль, закричав, он упал: убийца в маске вонзил крюк своего странного ножа ему в икру и теперь пытался стащить с коробки. Верон видел, как у него из-под маски идет кровь, но тот, казалось, этого даже не замечает. Гераклид дернул ногой, но от этого стало только хуже, острие вошло глубже. Тогда он ухватил свой нож за лезвие и кинул маске прямо в голову.

Нож блеснул в темноте, но вместо того, чтобы вонзиться

в череп, полетел дальше и упал на землю, однако и убийца выпустил свое оружие, когда уклонялся. Верона больше никто не тянул и он, подтянув ноги, снова полностью оказался на ящике, а потом, сжав до скрежета челюсти, выдернул нож. Убийца вновь оказался у ящика и попытался дотянуться до своего противника, однако тот полоснул ножом, едва не попав по рукам, и аккуратно встал, опираясь на здоровую ногу.

– Теперь ты без оружия, – с ухмылкой сказал он.

– Ошибаешься. Верон не видел откуда, но у убийцы в руках оказался еще один, точно такой же клинок.

Он попытался ударить по ногам, но Верон отпрыгнул назад, на соседний ящик, но из-за боли в проткнутой ноге чуть не упал, прислонившись спиной на еще один деревянный куб, стоявший сверху на нижнем. Убийца воспользовался тем, что гераклид на секунду потерял бдительность, и мгновенно оказался на ящиках, хотя Верон видел, что тот тоже немного прихрамывает: камирутт помнил, как задел ногу убийце в маске.

Убийца видел, что Верону некуда отступать, ведь за его спиной ящик, а потому накиннулся на него, целясь крючковатым ножом в лицо, но Верон это видел, а потому закрылся отнятым, если можно так сказать, таким же ножом. Их клинки сошлись с глухим звоном. Человек давил, зная, что Верону некуда отступать, но гераклид был сильнее, а потому оттолкнул противника, тот отскочил назад и чуть не спо-

тыкнулся на стыке между двумя ящиками, тогда-то Верон и понял, что тот почти не видит. На открытой площадке перед ящиками убийце помогал свет от тусклого фонаря, светящего неподалеку, а также блики еще более далеко пожара, плюс он явно привык сражаться в полутьме, однако на коробках, стоящих между высокими домами, почти не было света, а потому ему приходилось ориентироваться лишь на расплывчатые тени и звук, атакуя практически вслепую. Верон же мог видеть в темноте.

Он быстро осознал свое преимущество, а потому не накинулся на противника, как только тот отскочил назад, понимая, что тот попытается повести его за собой и спрыгнуть с коробок обратно на открытое и лучше освещенное пространство. Верон стоял на месте и гадал, понял ли противник, что он догадался о его незамысловатом плане. Видимо, он все понял, подумал камирутт, но у него нет выбора: либо он будет стоять и ждать чуда, пока у гераклида потихоньку восстанавливается тело, либо нападет и попытается помочь чуду свершиться. Так и произошло.

В первом ряду стояло сразу пять ящиков, дальше, втискиваясь между двумя домами, стоял ряд уже из трех, за ним еще один такой же. На первом ящике в первом ряду и на всех трех в третьем громоздились точно такие же большие деревянные ящики, представляющие собой кубы со сторонами примерно полтора метра. Убийца стоял на первом ряду, слева от него находился ящик, Верон же стоял на втором, а путь

за спиной ему закрывали еще три ящика, являющиеся третьем рядом. Он думал перепрыгнуть эти ящики и добратся до улетевшего в ту сторону пистолета, но понимал, что с порезанной ногой это будет не так просто, а его противник не позволит ему это сделать. Верон был быстр, но сейчас он снова ранен, а его противник, стоящий перед ним, вероятно, самый сильный из всех, с кем он когда-либо сталкивался. Но у него был план.

Он не стал накидываться на противника, а просто медленно пошел на него, держа в руке нож с гнутым острием. Убийца в маске сначала попятился, ожидая выпада, но лишь почувствовав под ногой край ящика понял, чего добивался его противник. Но понял он неверно. Маска полагал, что Верон хочет, чтобы он спрыгнул с коробок, и тогда в прыжке, в воздухе, или при приземлении, камирутт прыгнет и поразит его, особенно если учесть, что у убийцы ранена нога, так что приземление будет не из элегантных. Однако у Верона даже не возникло такой мысли – вероятно, потому, что это было слишком просто. Убийца, осторожно ступая спиной вперед, завернул за угол дома и пошел вдоль него, ступая по ряду из пяти ящиков, невольно воплощая план камирутта в действие.

Убийца достиг края и остановился. Верон продолжил медленно идти, и когда между ними оставалось около полутора метров, ударил. Убийца в маске отразил удар, взмахнув ножом, а потом, уже обратным ударом, полоснул Верона по

плечу. Тот вскрикнул, развернулся и побежал, маска последовал за ним, считая, что уже победил, однако так Верон и планировал.

Он сделал три широких шага и прыгнул, упираясь ногой в стоящий сверху на первом ряду ящик. Убийца понял свою ошибку, но было уже поздно, он по инерции продолжил движение. Верон, прыгнув и оттолкнувшись от ящика, сделал в воздухе оборот и в полете ударил ножом в область шеи маски, а затем рухнул на коробки за его спиной, не способный устоять на раненой ноге. Убийца стоял к нему спиной, опустив руки. Нож глухо упал на дерево. Маска пошатнулся, послышался как будто булькающий звук, его ноги подкосились и он рухнул с ящиков на землю. Под ним быстро росла красная лужа, перемешиваясь с грязным песком.

Верон лежал на ящиках и терпел острую ноющую боль в ноге и по всему телу. Все время, пока он бежал от убийцы и совершал прыжок, оттолкнувшись от ящика, он сжимал челюсти так сильно, что теперь чувствовал во рту привкус железа, теперь же он, наконец, мог немного отдохнуть. Не расслабиться, нет, ведь вокруг могут быть еще убийцы, такие же невидимые и бесшумные в темноте, такие же искусные, и если Верону вновь придется драться, он не был уверен, что сможет победить. А ведь буквально чуть больше часа назад он считал себя чуть ли не неуязвимым, и даже ранение в спину в предыдущем городе не заставило его поменять этого о себе мнения. Но теперь он лежал и смотрел на разодранную

штанину, всю запачканную кровью, и уже не так был уверен в своих силах.

Он полежал еще минут десять, кровь остановилась, и боль практически прошла. Он осторожно спрыгнул с ящиков, стараясь наступать на здоровую ногу, подошел к телу, снял маску и резко отпрянул. У мертвеца практически отсутствовал кадык, вырванный Вероном, но, главное, – он был камируттом. Камирутты всегда могли отличить своих от людей, чем тоже не мало гордились. Теперь Верон вспомнил, что этот убийца тоже орудовал в основном левой рукой, но во время боя не предал этому никакого значения, как не предал он значения и тому, что ни разу не видел, чтобы люди так двигались. Этот камирутт был намного старше Верона, и казался даже еще взрослее, так как выглядел каким-то больным, хотя в бою он никак не проявлял свою слабость.

Верон, сам того не желая, нарушил негласный кодекс камируттов – убил соплеменника. Он защищался и даже не подозревал, кто его противник, но это не умоляло его позора. Он стоял и тяжело дышал, широко раскрыв глаза и рот. Он не знал, что делать. «Меня никто не видел, – судорожно подумал он и оглянулся, – и никто не узнает, что я сделал, если сам не сознаюсь. А я не сознаюсь». Он еще раз посмотрел по сторонам и даже наверх, ожидая увидеть в небе осуждающие глаза его товарищей, но их, разумеется, там не было. Сейчас они тоже сражаются с другими убийцами и умирают, и кто знает, может среди них даже больше камируттов, чем людей,

так что не один он мог совершить сегодня этот грех.

Верон подхватил тело мертвого, забыв о раненой ноге, и положил на ящики, потом забрался сам, снова взял тело и проделал то же снова, взобравшись на верхние коробки в третьем ряду. Как оказалось, другая сторона переулка тоже была заставлена ящиками. Верон аккуратно, словно стараясь не навредить уже мертвому телу, сбросил убийцу вниз. «Когда его найдут, я буду уже далеко, никто и не подумает, что его убил я. А может, его вообще примут за одного из нападавших, маски-то на нем больше нет, а мало ли, кто какую одежду носит».

Верон сел на один из ящичков, свесив ноги, и начал разглядывать странной формы клинок, вспоровший ему ногу и порезавший спину. «Войди он чуть глубже, мог бы переломить мне позвоночник, а от этого даже я вряд ли смог бы оправиться. А ведь у него было много возможностей меня убить, но он почему-то медлил. Это об этом он говорил, что иногда бывают такие моменты в жизни, когда приходится забыть все, чему ты следовал? Похоже, ему самому забыть не получилось, потому он и не смог убить меня, своего соплеменника». Верон слез с ящика и, припадая на больную ногу и подняв с земли свою куртку, побрел в сторону стены, отделяющей эту часть города от центра. Он не знал, что делать дальше, но понимал, что ему нужно завершить начатое, а потом он свалит с этой чертовой планеты и больше сюда никогда не вернется, только сначала нужно сказать об этом

брату. Он шел, слегка прихрамывая, и даже не вспомнил об утерянном пистолете, лежащим в трех шагах от трупа убитого им камирутта.

Верон уже видел стену и шел к ней, практически не хромая, поворачивая голову лишь при звуке очередного взрыва. Вдруг он услышал какой-то шум справа в нескольких метрах от себя, который исходил из-за дома, как раз примерно в том месте, где горело одно из деревянных строений, поднимая высоко в небо столб дыма. Когда гераклид добежал до открытого пространства возле четырехэтажного дома, то перед ним предстала ужаснувшая его картина.

Мара плакала, стоя на коленях, и даже не пыталась унять слезы. Ее мать лежала перед ней в лужи крови и не дышала. На ее животе расцвел красный цветок. В нескольких метрах от нее лежал тот самый мальчик с взъерошенными волосами, который не плакал в подвале, и которые не плакал и сейчас, но не потому, что храбрился, а потому, что из-за боли просто забыл, как плакать.

Их было трое, и они были вооружены. Спустившись в под-

вал, они начали смеяться, потом приказали всем вылезти. Две женщины преклонного возраста крикнули, чтобы они убирались, что тут только мирные женщины и дети, и направили в сторону камируттов лопаты, давно хранящиеся в подвале. Их убили без церемоний, каждую одним точным выстрелом в грудь. Остальных, под угрозой смерти, вывели наружу.

Напротив подъезда загорался один из двухэтажных деревянных домов с небольшим огородиком подле него.

Людей поставили в один ряд. Дети плакали, камирутты смеялись, перекидываясь шуточками.

– А у нас тут есть пара красавиц, – заговорил один из них противным голосом, – моя чур вон та чернявая, больно она на наших баб похожа. Женщина зло сплюнула им под ноги.

– Смотри-ка, – заговорил другой насмешливо, – еще и брыкается. Ну точь-в-точь, как наши. Чур я тогда второй.

– Да пошли вы! – выкрикнула Марена. – Я лучше себе язык откушу, чем позволю кому-то из вас до меня дотронуться!

Марена не была камируттом, но долгая жизнь с представителем этой расы и совместный ребенок сильно изменили ее характер. Она переняла тяжелый темперамент камируттов, хотя проявляла его крайне редко, лишь в случаях, когда ее охватывали сильные эмоции. Она никогда не испытывала столь сильных негативных чувств, как сейчас: ненависть и страх, страх не за себя, а за дочь.

– Ну и нрав, – заговорил другой. Голос его был холодный и устрашающий, как и вид помятого лица. – Нет, до камирутток ей, как до Куроврахоса вплавь. – Он молниеносно выхватил длинный нож и вонзил женщине в живот. Она открыла рот, из которого полилась струйка крови, захрипела, согнувшись пополам, и упала на спину, опрокинув за собой свою дочь, все еще держа ее за руку. Девочка закричала, дети вокруг заплакали еще сильнее, а взрослые ошеломленно прижали ко рту ладони, подавляя крик.

– Да что же вы делаете, ироды! – пронзительно закричала одна из бабулек.

– А ну заткнулись! – рявкнул главный. – Хотите разделить с ней судьбу?

– Только и можете, что женщин и детей бить, импотенты, – выкрикнул из толпы детский голос, который и слов-то таких не должен был знать.

– Кто... кто это сказал? – Тот, что с противным голосом, просто закипел от гнева. Для камирутта сомнение в его силе, неважно какой, было очень сильным оскорблением.

– Не надо, – зашептал старушечий голос. – Июлай, они же тебя убьют.

– Они всех убьют, – по-детски бесстрашно сказал мальчик, выходя из толпы позади тела убитой. – Так зачем доставлять им удовольствие и самим подставлять шеи?

– Ах ты мелкий ублюдок...

– Ты свою висюльку между ног так же называешь? –

усмехнулся светловолосый мальчик. Он всегда сначала делал, а потому уже задумывался о последствиях, и то, лишь в тех случаях, когда они наступали.

– Иолай, перестань! Прошу, – обратилась бабушка к подходящему камирутту, – он всего лишь ребенок, он не хотел. Он не понимает, что говорит.

Сильный удар кулаком в лицо отбросил старушку, и она притихла, распластавшись на земле. Иолай хотел подбежать к ней, но не успел, удар ногой выбил у него из легких воздух, он упал и скрючился, хватаясь за живот. Глаза тут же защипало, но он заставил слезы высохнуть прежде, чем их кто-то увидит.

– Я... – еле заговорил он. – Я был прав... Вы даже ребенка... кха-кха... не можете победить в честном бою.

– Выродок! – вновь взревел противный голос. – Да как ты смеешь, человечье отродье! Весь такой крутой? Я покажу тебе, с кем ты связался.

– Я и так вижу, с кучкой трусов, что сбежали с поля боя, поджав свои горделивые хвосты.

Нож вонзился в ногу мальчика и вышел с другой стороны. Он закричал, что есть мочи. Одна из женщин набросилась на камирутта сверху, колотя его по спине и голове руками и истошно вопя. Выстрел в голову успокоил ее навечно. Девочка рядом с ней закричала писклявым голосом, но крик тут же оборвался звуком выстрела.

– Чуть перепонки не лопнули, – сказал один из троих на-

смешливо.

– Я бы и сам ее уделал, – сказал тот, кто пронзил ногу Иолая ножом.

– Кто знает. Если ты с мальчишкой справиться не можешь, то взрослая баба тебя и вовсе могла забить до смерти, так что, считай, я спас тебе жизнь, – он засмеялся.

– Чо ты там вякнул?

– Все, харе, – тихо вмешался третий, явно главный. – Что ты там собираешься делать с этим мальчишкой?

– О, кое-что особенное.

– Тогда мы посмотрим. Все, – повернулся он к народу, – посмотрим. Может это покажет вам, грязным людям, где ваше место. Продолжай.

Тому, что с противным голосом, не нужно было повторять дважды. Вынув из кармана небольшой иньектор, он что-то впрыснул в шею Иолаю. Потом достал откуда-то из-за пазухи один жгут, явно предназначенный не для медицинских целей, придавил мальчику ногой ладонь, чтобы не рыпался, и сильно затянул жгут на руке, почти у самой подмышки. «Не хочу, чтобы ты быстро умер, – проговорил он со страшной улыбкой, – ни от боли, ни от потери крови». Он убрал короткий нож и достал другой, который держал за спиной под верхней одеждой, длиннее и массивнее. Иолай видел, как клинок вздымается высоко вверх, на металле играли огни, отражаемые от горящего дома, потом меч со свистом опустился. Послышался звук, похожий на разрубание мяса и ко-

стей, – так и было. Рука отделилась от тела, из нее и короткой культяпки ручьем полилась кровь, хотя жгут и передавливал артерии.

Сначала был шок. Иолай видел свою руку, непривычно далекую от его тела, и не мог вздохнуть, смотря на вытекающую из нее кровь. Потом пришла боль. Даже наркотик, который ему дал камирутт с противным голосом, не мог подавить всю боль. Иолай кричал, срывая голос, кто-то кричал вместе с ним, или ему просто казалось? Он открыл глаза, в надежде, что это сон, но глаза застилали слезы, которые он уже не имел сил сдерживать, и он ничего не видел, кроме бессмысленной размытости. Отрубленная рука пульсировала от боли, он потянулся, чтобы унять боль, но на том месте, где должна была быть рука, было пусто, Иолай опустил вторую руку ниже и что-то нащупал. Он хотел было обрадоваться, но его ладонь схватила влажный от крови песок.

Кто-то схватил его за запястье, отвел назад и придавил к земле, больно наступая на ладонь пока еще целой руки. Он почувствовал, как что-то сжимается на его плече, больно впиваясь в руку. Мальчику показалось, что от этого места и вниз все покрылось инеем от холода. Через мгновение он почувствовал удар и боль. Теперь стало горячо. Или нет. Он кричал. Или нет. Кто-то кричал. Или нет. Он хотел потерять ушибленное место, но его рука не поднималась, как бы он не напрягался. Кто-то дернул его за ногу. Или нет. Он почувствовал, как ногу что-то сковало. Сильно. Потом удар. Он не

чувствовал боли, это было что-то большее, что-то за гранью. Гранью между адской болью и райским наслаждением, когда не знаешь, где окажешься через миг, и вернешься ли назад. Ему казалось, что он летит, но в то же время не движется, а движется то, что находится вокруг, кружа мысли в бесконечном потоке Ничего.

Прошла секунда, минута, час или вечность, прежде чем он вновь смог что-то почувствовать. И, кажется, его куда-то несли. Наверное, ко входу. Вот только куда: в ад или место похуже?

– Что вы творите? – На голос Верона отреагировали абсолютно все: и камирутты, и толпа. Один из черноволосых стоял над телом мальчика, у которого отсутствовали обе руки и нога, на второй ноге был туго намотан жгут. Второй душил ребенка и каждый раз, когда одна из женщин, рыдая и моля о пощаде, пыталась вырвать ребенка из его рук, он резал по ней ножом, оставляя глубокие порезы. Третий, самый крупный из них, стоял на коленях и насиловал женщину, придавливая ею голову к земле. Тот, что душил ребенка, отбросил его, одним движением достал из нагрудных ножен небольшой нож и не глядя метнул его в сторону Веро-

на. Гераклид небрежным взмахом руки отразил нож своим, с крючком вместо прямого острия.

– О, Верон, блин, извини, не узнал тебя по голосу. – Судя по усмешке на лице метнувшего нож, он все же узнал.

– Что вы творите? – повторил он вопрос.

– А разве не видно? – ответил за усмехающегося самый крупный, даже не приостановившись заниматься своим делом. – Развлекаемся.

– Развлекаетесь?! – Верон не мог поверить своим ушам. – Развлекаетесь, убивая и насилуя женщин и детей? И это когда рядом с вами убивают ваших же товарищей?

– Верон, – заговорил противным голосом тот, что стоял возле изувеченного мальчика с коротким, но широким мечом, – ну ты чего? Не любишь развлекаться?

– Вот так? – Он показал на живых и полуживых людей. Гераклид убивал, и много убивал, но все же не видел смысла в убийстве тех, кто даже не сопротивлялся. В лучшем случае, их можно было использовать, чтобы выманить настоящего противника.

– А как еще развлекаться на войне? В этом городе даже борделя нет. Иди сюда и попробуй. – Тот, что с противным голосом указал на мальчика. Верон медленно направился к нему, огибая самого крупного, насилующего женщину, по которой было не понятно: жива она или уже нет, да и была ли жива на момент начала изнасилования.

Верон приблизился к мальчику. Он видел, что тот еще

жив, но его трясло так, словно к нему подключили электрические провода.

– Это ты сделал? – тихо спросил Верон, не поднимая головы.

– Здорово, правда? Как только я начал его кромсать, толпа почти сразу замолкла, боясь разделить его участь. Держи, – он протянул Верону меч. – Последняя нога прям как для тебя осталась. Давай, живодер, я же знаю, как тебе нравится резать, бить и колоть.

– Живодер? – еле слышно проговорил Верон, изо всех сил сжимая меч так, что можно было услышать, как скрипит рукоять.

– Что? – не расслышал тот, что с противным голосом. И это было последнее его слово в жизни.

– Ты прав: я очень люблю резать, бить и колоть.

Камирутты знали негласный кодекс, а потому не боялись вставать к соплеменнику спиной, даже если у того в руках оружие, а потому никто не было готов к тому, что произошло дальше. Верон с силой вонзил меч в живот камирутта по самую рукоять, клинок вышел с обратной стороны, пробив позвоночник. Тот, что с противным голосом, издал последний вздох и его тело обмякло. Гераклид бросил его на землю, словно тряпичную куклу, и ему тут же в плечо прилетел метательный нож.

– Ты чего творишь? – закричал второй камирутт, невольно повторяя первый вопрос Верона и прекратив ухмылять-

ся. Верон не ответил. Он с силой метнул в него меч, пробив грудь и заставив его отлететь. Самый крупный оказался быстрее, чем можно было о нем сказать. Он выхватил из спущенных штанов пистолет и выстрелил, Верон прыгнул и сделал кувырок, очередная пуля чуть не снесла ему голову. Гераклид побежал по кругу, главный встал, вытащив член из тела женщины, и попытался повернуться, но спущенные штаны мешали ему свободно двигаться. Верон воспользовался его замешательством, одним прыжком оказался возле камирутта и ногой выбил направленный на него пистолет. Следующим движением Верон вонзил крюк ножа противнику вниз живота и вспорол почти до самого горла. Внутренности главного из тройки вывалились наружу, и он упал на колени, хрипя и пуская кровавые слюни. Верон выдернул из плеча торчащий метательный нож и с размаху всадил его в затылок головорезу.

Только теперь Верон понял смысл слов того камирутта, убийцы в маске, который умер, так и не нарушив кодекс. Верон же не просто его нарушил, но и предал своих же соплеменников и спас ненавистных ему людей. Намеренно.

Толпа почти не издавала звуков, были слышны лишь тихий плач, среди которых громче всех выделялась девочка с черными волосами, стоящая на коленях возле мертвого тела женщины. Верон был почти уверен, что девочка – камирутт. Люди смотрели на него и на их лицах отображался страх, и гераклид не знал, из-за того это, что он тоже камирутт, или

из-за того, что так легко убил эту троицу, или же они боялись его черных глаз. Но, скорее всего, – все вместе.

– Чего встали? – закричал он так, что толпа аж подскочила. – Убирайтесь отсюда, и лучше подальше. Но никто не пошевелился.

– Куда? – тихо спросила одна из женщин.

– А я откуда знаю? Куда хотите, если жизнь дорога.

Все сначала медленно, потом быстрее, на всякий случай оглядываясь, двинулись к соседнему дому, кто-то забрал с собой громче всех плачущую девочку с черными волосами, она пыталась сопротивляться и вернуться к телу лежащей на земле женщины, вокруг которой образовалась лужа крови, снедаемая пылью и песком, но одна из женщин подняла девочку на руки и сильно прижав к груди, побежала в общей толпе. Одна из пожилых людей остановилась возле тела истекающего кровью мальчика.

– Прошу вас, – плача, заговорила она, – вы же не такой плохой. Пожалуйста, помогите этому мальчику. Он сирота, жил с бабушкой, но ее... – Она посмотрела на одно из тел старушки неподалеку. – Ее убили. Он остался один, прошу вас...

– Он не выживет, – холодно проговорил Верон. – С такими ранами не выживают, тем более дети.

– Вы лучше, чем вы думаете, прошу, вы должны хотя бы попытаться. Я верю в вас и буду молиться, – сказала старушка и быстро поспешила догнать остальных, держа за руку ма-

ленького ревущего мальчика.

Верон посмотрел на того, кто лежал на земле и пытался обдумать ситуацию. И вдруг сзади раздался громкий звук, он оглянулся и взглянул в небо, в котором медленно, один за другим появлялись огни. Военные патрули Правительства Вселенной. Верон должен был разозлиться, что они вообще решили вмешаться, но его злость была направлена на то, что они прилетели слишком поздно. Будь это час назад, он бы не убил ни одного своего соплеменника, не нарушил бы негласный кодекс, не совершил бы грех. И все эти люди не пострадали бы.

Мальчик был бы цел.

Камирутт с трудом подавил в себе желание поскорее убежать отсюда, чтобы не попасться на глаза Правительства, но снова взглянув на лежащего в крови мальчика, он с рычанием переменял свое решение. Подбежав к мальчику, он удостоверился, что тот все еще жив, быстро снял с единственной оставшейся ноги жгут, чтобы возобновить кровообращение, и перетянул им обрубок второй ноги, так как там была самая большая кровопотеря. Верон легко поднял на руки тело, которое почти ничего не весило, и побежал в сторону опускающихся огоньков. Ему казалось, что он бежит быстрее, чем когда-либо, а силу ему предавала медленно уходящая из тела мальчика жизнь.

Он не знал, сколько бежал, но казалось, что быстрее было бы добежать до внешней стены и обратно, чем до кораблей

Правительства.

– А ну стой! – закричал один из солдат, когда увидел несущегося в его сторону неизвестного, и сделал выстрел в воздух. «Лучше в воздух, чем в голову», – подумал Верон, замедляя шаг.

– Мальчику нужна помощь! – закричал он.

– Стой на месте или я буду стрелять! – крикнул один из окружающих Верона солдат, направляя на него оружие.

– Что происходит? – Из корабля в форме тарелки вышел человек, явно один из главных.

– Сэр, тут камирутт, – отрапортовал первый солдат, не сводя с Верона глаз, словно несколько десятков остальных солдат не справились бы с нарушителем, реши тот напасть, когда солдат отвернется. Нет, Верон был уверен, что перебил бы их всех, будь у него на то желание, но сейчас оно было несколько иное.

– О, сам пришел? Ну-ка, ну-ка, – прищурился командир, почесывая рыжую бородку, – это же гераклид. Ворон, что ли?

– Верон, сэр, – поправил его один из солдат.

– А, ну точно, Верон, – усмехнулся он.

Верон Трег был известен в узких кругах, и репутация его была не самой лучшей, но бесспорно выдающейся. Многие знали, что он участвовал в военных компаниях, зачастую появляясь там, где не должен, но доказать это было сложно, а если у кого-то и возникало желание упереться рогом из принципа, проблему решали колоссальные средства на счету

Верона, которые ему оставил его отец. Из-за этого слишком многие пытались выдать свою жажду наживы за принципы и чувство справедливости. Преступник должен сидеть в тюрьме, а если не хочет, то можно что-нибудь придумать.

– Поздравляю, – съязвил Верон, – вы определили мою расу и мое имя, а теперь, может, поможете?

– Тебе?

– Да не мне, идиоты, этому мальчику. Он тяжело ранен, ему нужна немедленная помощь.

– Это ты его так?

– Нет... – запнулся камирутт. Все зависит от точки зрения. – Какая разница? Можете меня арестовать, только помогите ему. Вы же за этим прибыли?

– Мы прибыли, чтобы остановить бунтующих людей и всех, кто им потворствует, – заученным текстом протянул командир солдат.

– Людей? – удивленно переспросил Верон. – Но ведь гражданскую войну начали камирутты.

– Как интересно, – деланно удивился патрульный, – а у нас другая информация. И ее источник явно заслуживает больше доверия.

– Черт, на это нет времени. Спасите пацана.

Кровь залила уже практически всю одежду Верона, которая и до этого не являлась эталоном чистоты. Он уже даже не был уверен, то парнишка жив, а если и жив, что он продержится еще хотя бы пять минут. Для начала было бы неплохо

хо заново перетянуть жгуты, пока в теле остается хоть капля крови.

– Мы не врачевать сюда прибыли, – отмахнулся вояка.

– Я заплачу! Вы же знаете, кто я такой. У меня много денег. Если вы его спасете, я дам вам денег. Много денег.

– Хм, – нахмурился командир, задумавшись над предложением. Верон четко для себя решил, что если парень умрет из-за тормознутости этого солдафона, то он перебьет всех здешних солдат до единого. – Заманчивое предложение, очень даже. Я бы согласился, но, – он внимательно посмотрел на мальчика, – как я уже сказал, мы не врачи, а солдаты, у нас нет оборудования, тем более такого сложного, чтобы приставить ему руки и ноги обратно.

– И не надо приставлять, на ваших кораблях до ближайшего ЦМК [Центр Медицинской Кибернетики] два прыжка. Отвезите его туда, и я щедро заплачу. Пусть ему поставят киберпротезы. Скажите, что я оплачу операцию.

– Слишком много мороки. – Командир помолчал. – У меня другое предложение. Ты камирутт, а нам приказано лишь подавить бунт и задержать нескольких людей для дачи показаний, так что ты, по сути, нам не нужен. Ты бы уже был убит... – официально – людьми, но твое предложение все изменило. Предлагаю так: ты покупаешь один из наших патрульных кораблей за цену... ну, пусть будет в двадцать раз больше реальной, и летишь куда хочешь сам. Что скажешь?

Во все времена все решали деньги. Главный патрульный с самого начала решил подчистить город, собрав как можно больше ценного, но предложение Верона слегка подправило его планы. Ничего не надо было искать, рыская по всему городу, деньги сами текли в руки рекой. И теперь все, чего желал патрульный, – увеличить русло этой реки.

Его солдаты, судя по тому, как открыто он говорит в их присутствии, тоже были при деле, и теперь ослабли, жадно блестя прищуренными глазенками; не будь у них в руках оружия, направленного на камирутта, они бы еще и ладошки потирали, а может, и вовсе пустились бы в пляс. Вместо ладошек, Верон хотел почесать свои кулаки об их зубы.

– Но я... не очень хорошо управляюсь с космическими кораблями, – признался он, стараясь придать голосу холуйства.

– А мы не таксисты, – развел руками его собеседник.

– Я заплачу в тридцать раз больше стоимости корабля, а вы дадите мне того, кто может летать. У вас же все равно без одного корабля остается лишний пилот.

– Разумно, – согласился главный, немного подумав, хотя казалось, что делает он это чисто для виду, так как думать было не его коньком, если не считать мыслей о наживе. Поток и правда стал шире. – Ладно, так уж и быть. А знаешь, – заговорил вновь командир, когда Верон уже забирался на корабль по трапу, – я отправлю с тобой еще пять солдат, чтобы ты, как только отдашь своего пацана в ЦМК, не забыл о

нашем договоре. А, и еще, корабль все же потом придется вернуть, а то не охота придумывать объяснение, куда делся один из наших транспортов.

Верон не мог спорить.

Пока они летели, Верон обдумывал ситуацию. Конечно, он мог бы заплатить необходимую сумму, при условии, что не очень-то и обеднел бы, но ему не хотелось, чтобы тот урод нажился на нем. Он же пытается спасти ребенка. Спасти ребенка? А почему? Верон вдруг понял, что понятия не имеет, зачем он все это делает. Убил трех своих соплеменников, опозорив себя еще сильнее; вместо того, чтобы убежать, сам пришел в руки патруля, рискуя жизнью; потом пообещал огромные деньги, чтобы ему позволили полететь в ЦМК, где ставят такие же дорогие киберпротезы. И все это ради одного незнакомого ребенка ненавистной ему расы, так похожей на его. Он не знал, зачем это делает, однако осознавал, что солдатам, полетевшим с ним, жить осталось недолго.

С больницей связались заранее, а потому там уже ждали тяжелого пациента. Не успел корабль приземлиться, как мальчика на носилках бегом унесли в здание. Он все еще был жив, и Верон полагал, что это только из-за того, что на корабле оказался небольшой медицинский кабинет, в котором нашлось несколько жгутов, получше перетянувшие культяпки, с которых то и дело капали густые капли крови, даже слишком густые.

Верон собрался отправиться следом, но его сразу же придержали.

– У нас приказ сначала доставить тебя к ближайшему банку, где ты сможешь перечислить деньги на нужный счет.

– Для начала мне надо оплатить операцию.

– Но приказ ясно...

– Я поставил условие, – грубо перебил солдата Верон, – что перечислю деньги, если мальчишку спасут, а если я не оплачу его операцию, его никто лечить не будет, тогда он умрет и денег ваш командир не получит. И кто будет в этом виноват? Точно не я.

Солдаты переглянулись. Как и рассчитывал Верон, они оказались тупицами.

С ним отправили двоих, чтобы те присмотрели за его поведением. Будто они могли его остановить в случае чего. Верон быстро узнал у женщины за стойкой информации, куда отправили мальчика – сопровождение внушало, – направился туда и нашел доктора.

– А, так это вы привезли мальчика? – сказал врач, хмуро оглядывая Верона и его свиту.

– Да, как он?

– Ну, он потерял много крови, не говоря об обеих руках и ноге, и сейчас в критическом состоянии. Если бы не жгуты и какой-то загуститель крови, долго бы он не продержался. Что с ним случилось?

– Сейчас это не важно, главное, чтобы его спасли. – Верон

говорил быстро, не желая терять драгоценное время на пустые разговоры, однако врач, судя по всему, не разделял его волнения.

– Да, наверно, вы правы. Мне передали, что вы попросили поставить ему киберпротезы.

– Да, вы уже приступили?

Доктор покачал головой, поджав губы.

– К сожалению, сейчас он в критическом состоянии и у него и так мало шансов выжить, а такая сложна операция очень рискованна, даже если пациент в стабильном состоянии.

– Черт! – крикнул Верон. Возможно, если бы тот командир не был таким тугодумом, то все было бы не столь плохо.

– Ну-ну, не кричите, вы все же в больнице, а не на птичьем рынке. Можно поинтересоваться, это ваши друзья тут в полной амуниции и при оружии?

– Друзья? – Верон даже забыл, что его сопровождают солдаты, а потому не сразу сообразил. – Нет, не совсем.

– Тогда я бы попросил вас удалиться, – обратился врач к патрульным, но те и пальцем не пошевелили.

– Доктор, скажите сначала, что я могу сделать, чтобы помочь?

Нехотя, но лекарь все же перевел внимание с молчаливых вояк обратно на Верона, понимая, что его слова для них ничего не значат, а вызывать охрану себе дороже, лишних пациентов ему не надо.

– Ну, у него редкая группа крови: пятая положительная. У людей она встречается редко, зато чаще у камируттов и танэков. К сожалению, того количества, что у нас есть, слишком мало.

– Хах, у меня такая же группа крови, – усмехнулся один из солдат, камирутт.

– Тогда ты должен сдать кровь, – сказал Верон, поворачиваясь к нему.

– Вот еще, мне делать больше нечего, только кровь для людей сдавать.

– Доктор, сколько нужно крови?

– Ну, по-хорошему, не менее литра, – ответил он, призадумавшись.

– Отлично. – Верон почти незаметным движением выхватил нож, тот самый, с крючком, и резким движением полоснул им по шее солдата, в воздух брызнул фонтан крови, потом с силой ударил второго в нос, того, что с пятой группой крови, повалив его на пол. Затем прыгнул сверху и ударил его два раза, пока тот не вырубился. Доктор стоял, машинально подняв руки и широко открыв рот и глаза от ужаса.

– Что... что вы наделали? – наконец промямлил он.

– Добыл необходимую кровь, – спокойно ответил Верон и водрузил солдата в отключке на плечо.

– Но, вы убили...

– Зато вы пока живы. Быстро, идем в палату к мальчику, теперь у вас есть все, что нужно, а деньги я скоро перечис-

лю. Живо! – прикрикнул в конце Верон, заставляя доктора выйти из прострации. – Будто крови никогда не видели.

Идти, а точнее бежать – доктор для своего возраста неплохо бегал, – пришлось недалеко. Мальчик лежал в огромной белоснежно-белой палате с высоким потолком на светлых простынях, но все портила лишь разномастная аппаратура, окружающая постель. Всевозможные датчики следили за его состояние, а кровотечение из того, что осталось у него от обеих рук и ноги, судя по всему, остановили. Спасти жизнь было первостепенным и обязательным для любого работника больницы, а вот насчет всего остального... Ставить дорожные протезы за бесплатно никто не собирался.

– Что нужно делать? – спросил Верон.

– Эм, положите его на соседнюю койку, только снимите хотя бы верхнюю одежду.

Верон сначала положил тело на пол и стянул с того автомат, затем и остальную амуницию, а только потом переложил на жесткую кровать.

– Я правильно понял, – замямлил доктор, – вы хотите, чтобы я взял кровь у него?

– Все верно.

– Но нужно около литра, а это может его убить.

– Он в любом случае труп, так не лучше ли, чтобы его жертва не была напрасной, док? Спасите мальчика. Операцию я оплачу, как и вам отдельно... за причинение неудобств, так сказать.

– Эм, ладно. У нас, в общем-то все готово, но я должен кое-что уточнить. Оставляя ли ему уцелевшую ногу?

– Что вы имеете в виду? – не понял Верон.

– Понимаете ли, быть киборгом не так уж просто. Они, конечно, живут намного дольше других представителей своей расы, если, разумеется, ухаживают за своими новыми биомеханическими частями тела, но их родные органы продолжают стареть, как обычно, и могут причинять неудобства по этому поводу, из-за чего некоторые предпочитают заменить и их. Не говоря уже о том, что дети быстро растут, поэтому протезы придется периодически менять.

Верон только сейчас об этом задумался. Что делать после того, как мальчику поставят протезы? Отдать в детдом? Но там ему точно никто не будет заменять искусственные органы по мере взросления. Оставить при себе? Ни отцом, ни старшим братом он становиться не собирался, ему хватало и Эвриса. Так далеко он не заглядывал, но понимал, что если оставить паренька на произвол судьбы, то все его нынешние потуги не будут иметь никакого смысла. Он решил подумать об этом позже.

– Я в этом не силен, док, – ответил Верон, – сделайте ему самую дорогую операцию из всех возможных, замените и улучшите все, что только можно. Главное, чтобы он жил.

– Самая дорогая операция не даром считается таковой, – усмехнулся врач.

– Деньги не проблема, я достаточно богат.

Но цена, которую он может заплатить за свои действия, может оказаться куда выше, чем все его состояние. Сейчас Верон старался об этом не думать, он жил сегодняшним днем, а завтра для него может и не наступить.

– Хорошо, – кивнул доктор, – тогда поступим так: сейчас вы отсюда уйдете. Не спорьте. Вас наверняка уже ищут за убийство, а по камерам не составит проблем проследить маршрут передвижения. Вы уйдете, и я позову всех врачей, так как операция делается при присутствии как минимум десяти хирургов и им подобных, и это не считая медсестер. Вы уйдете, и мы приступим к операции, а потом я скажу, что вы угрожали взорвать больницу, если я не выполню условия, так что у меня не было выбора. – Доктор взял со стола ручку и блокнот, что-то записал, вырвал страницу и отдал Верону. – Вот, это мой счет в банке. Можете считать меня плохим человеком, но докторам в наше время нещадно мало платят, тем более что я рискую карьерой. Вы похожи на того, кто сдержит обещание.

– Вы не плохой, – сказал Верон, беря у доктора бумажку, – вы лучше, чем большинство из тех, кого я знаю.

– Все, идите, идите, пока вас не нашли, – поторопил Верона доктор, чуть ли не выталкивая его за дверь.

– А если солдат придет в себя?

– Я его сейчас так накачаю, что его отход в мир иной будет самым приятным событием из всех, что случались у него в жизни.

Когда Верон выходил из просторной комнаты, доктор набирал на стационарном телефоне номер, видимо, вызывая остальных врачей. По крайней мере, он надеялся, что это так.

Он увидел в коридоре вооруженных пистолетами на бедре людей, но не солдат. Местная охрана, подумал Верон. Он забежал в дверь с надписью «Для служебного пользования» и закрыл ее изнутри. Внутри было не так просторно, как в палате, зато на стене висело зеркало. Заглянув в него, Верон увидел, что его лицо все в крови того солдата, которому он перерезал глотку. Он подошел к находящейся там раковине и судорожно оттер лицо, потом увидел, что много крови попало и на одежду, причем он не знал, какая его, какая солдата, а какая ребенка. Осмотревшись, камирутт понял, что это помещение что-то вроде временного склада, куда приносят использованную одежду врачей на стирку. Он открыл один из стоящих у стены пластмассовых баков и увидел, что внутри скомканные халаты, в другом оказались такие же бывшие брюки.

Верон шел по коридору как ни в чем не бывало. Он выбрал из всей груды самую на вид чистую форму и заменил ею свои окровавленные тряпки. Его лицо прикрывала медицинская маска, а черные волосы – дурацкий на вид колпак. В таком виде он легко прошел мимо снующей повсюду охраны, выискивающей его, и выбрался из здания. Колпак, маску

и халат он сбросил, зайдя за угол здания, оставшись лишь в белых штанах и своей рубашке, совсем забыв, что на спине внизу она порвана и запачкана его кровью еще с того момента, когда там засел осколок оконного стекла, и быстрым шагом направился к стоянке кораблей, куда должен был улететь корабль, на котором он прилетел. Трап, судя по всему, так и оставался открытым все это время. Верон уже выходя из здания знал, что нужно делать. Он побежал к кораблю.

– Быстрее, – закричал он, махая руками и подбегая к «тарелке», – поднимайте трап!

– Что случилось? – В проем выглянул один из солдат. – Что это за одежда? Где остальные?

– Все потом! – продолжал испуганно кричать Верон, уже забегая внутрь. – За нами гонятся. Да поднимите вы этот чертов трап! – Как и рассчитывал гераклид, его новые «друзья» все без исключения были дураками либо просто еще пороха не нюхали. В любом случае, опыта они уже больше никогда не наберутся.

Верон молниеносно выхватил нож, торчащий сзади из штанов и ближайшему из солдат, стоящему к нему спиной, глубоко резанул по шеи, заливая свою чистую – спереди – рубашку и новые почти белоснежные штаны. Второму он перерезал артерию, когда только тот начал оборачиваться. Один стоял к нему лицом, причем с автоматом в руках, но, видимо, забыл о том, что держит стреляющую палку, а потому, как только опомнился, поднял оружие, будто пытаясь им защи-

титься, но это не очень-то ему помогло. Трап только поднялся, слившись со стеной, когда на полу уже лежало три трупа. Последним на шум вышел из небольшой кабины пилота сам пилот, держа пистолет наготове. До него от Верона было несколько метров, а потому камирутт решил договориться.

– Не делай глупостей, – сказал Верон. – Мы оба знаем, что против меня твоя игрушка не особо поможет, а ты мне нужен, так как я не особо хорошо летаю на таких штуках.

– Ты... ты убил их всех, – не веря глазам и самому себе проговорил пилот.

– У меня не было выбора, так как я убил и тех, что пошли со мной, а вы бы меня за это не простили, и убили бы сразу, как только я перечислил бы деньги.

– Там с тобой был камирутт, и тут тоже два камирутта. Ты убил своих! Это же для вас грех и позор.

– О, поверь, я в грехах по самые уши, мне уже не поможет раскаяние. Так что скажешь, поможешь мне? – Верон говорил спокойно, но внутри у него все пылало. Нынешний бесконечный день был него худшим в жизни. Иногда он ловил себя на мысли, что его как будто подменили, а может, просто кто-то контролирует его извне, потому что он понятия не имел, что вообще делает, и зачем. Из-за слов того камирутта, который сражался и умер за людей? Его часто пытались образумить, но слова для него ничего не значили, а вот действия...

Так или иначе, Верон принимал свои грехи, но все еще не

знал, может ли их искупить, а потому действовал по наитию. Когда... если у него появится лишнее время, первое, что он сделает, – хорошенько все обдумает. Опыта в этом у него было не очень много, а потому времени понадобится прилично.

– В чем?– Пилот все еще держался настороже, но дуло пистолета медленно и обреченно опускалось.

– Мне надо вернуться и узнать, как долго продлится операция мальчика и когда я смогу его забрать, а потом мы все вместе улетим отсюда. Отвезешь меня в одно место, я тебе неплохо заплачу, и можешь лететь на все четыре стороны.

– Командир тебя найдет. И меня. Он выходит на связь каждые полчаса, причем просит, чтобы ему ответили все без исключения. А ты их убил. Он пошлет сюда отряды и тебя найдут. Даже если ты улетишь, на корабле установлены маяки. Он найдет тебя.

– Да ты задрал уже: найдет, найдет! Пусть ищет, мы сменим корабль.

– Нет, – замотал пилот головой.– Ты его не знаешь, если он что-то вобьет в голову, его уже не остановишь. Даже если все пройдет гладко, он все равно найдет трупы и увидит, что меня среди них нет, и поднимет всю армию Правительства, чтобы найти меня. У меня больше шансов против тебя.

Верон среагировал быстрее, чем пилот успел поднять пистолет и сделать первый выстрел. Он отпрыгнул в сторону, чуть не поскользнувшись на луже крови, схватил одно из тел и поднял перед собой. Пилот продолжал бездумно стре-

лять, решета собственного товарища. Верон побежал на него и сбил с ног, придавив мертвым телом солдата, потом навалился сверху и дважды ударил в лицо. Тот обмяк. «И зачем я это делаю?», – продолжал задавать себе вопрос Верон. Ответ вертелся на языке, но никак не мог обрести четкие контуры, чтобы его можно было сформировать. Так бывает, когда забываешь все, чему до этого следовал.

Глава 9

Верон проверил пульс пилота; тот был жив. Он снял с пояса одного из мертвых солдат наручники и приковал пилота к железной решетке, в которой было множество круглых отверстий. С другой стороны стена выглядела точно так же, но между этими дырявыми панелями была настоящая крепкая стена. Приковав пилота, Верон стащил с одного из менее забрызганных – особенно по сравнению с ним – солдат форму и переделался, не забыв одеть шлем. Свою выдавшую виды рубашку он решил тоже оставить. Кровь на одежде была только на воротнике, но на черном ее практически не было видно, если, конечно, специально не акцентировать на этом месте взгляд. Сослуживший ему добрую службу нож с крючком на конце он решил оставить на корабле, так как в обмундировании предусматривалось наличие двух обычных армейских ножей с зазубринами у рукояти. Взяв еще на всякий случай автомат, Верон поставил у шлема достаточную тонировку, чтобы не было видно его лица, и уже собирался нажать кноп-

ку, открывающую одну из стен, превращая ее в трап, как трап начал опускаться сам. Гераклид выругался очень тихо, но достаточно умело, чтобы любая монашка грохнулась от этих слов в обморок, а то и вовсе впала в кому.

Верон бесшумно лег между тремя телами, снял шлем, промокнул два пальца разлитой вокруг кровью и размазал ее по лицу, выхватил нож и быстрым, но осторожным движением прочертил неглубокую линию на шее, отбросил нож как можно дальше и тише, и замер в позе покойника, как он ее видел.

Трап не успел опуститься полностью на землю, кода на него уже забежали новоприбывшие солдаты. «А ведь я даже не услышал, как приземлился еще один корабль». Верон старался не дышать и молился бы, если бы верил в бога, чтобы никто не узнал его запачканное кровью лицо и не попытался проверить реакцию его узнаваемых во всей Вселенной черных глаз. Но еще он очень надеялся, что это не тот командир с Уусмаа, ведь он убьет не только Верона, но и мальчика. «Какое мне до него дело?»

– Все проверить, – послышался звучный командирский бас, но это был другой человек. Верон чуть не вздохнул от облегчения. Послышался тихий шепот нескольких солдат, ужасающихся кровавой картиной.

– Есть живой, – послышался голос солдата слева. Верон почувствовал пальцы у себя на шее и пожалел, что затаил дыхание, так как теперь хотелось вздохнуть полной грудью

как никогда. Видимо тот, кто проверял пульс Верона, крикнул через плечо:

– Этот тоже живой, но пульс слабый. «Всегда знал, что у меня давление пониженное, но не до такой же степени».

– Как хорошо, что мы возле больницы, – вновь слышался голос командира. – Несите их туда. Верон был готов поверить в бога.

– Это же ЦМК, – неуверенно заговорил один из патрульных, – тут протезы ставят, а не лечат такие ранения.

– Больница, она и в Дородате больница. Тащите, я сказал, а то вам самим придется протезы ставить.

– Слушаемся!

Верон почувствовал, как его тело взяли за руки, за ноги и поволокли как бревно ногами вперед, заставляя раскачиваться на весу. Слышался тяжелый вздох, видимо, командира, в очередной раз убедившегося, что его подчиненные еще неотесанней, чем он думал после предыдущего инцидента. Кстати, суеверие о том, что живого выносить ногами вперед – плохая примета, была привнесена в быт Вселенной именно людьми. Ни Верон, ни командир этого не знали.

Пока его тащили, как мешок картошки, успели уронить дважды, и Верон чуть вновь не вздохнул с облегчением, когда почувствовал спиной мягкую каталку. Его тут же повезли, попутно что-то крича, проверяя пульс и – о черт! – пытаясь проверить реакцию зрачков. Верон сопротивлялся как мог, но, в конце концов, все же сдался, заранее обморочно

закатив глаза.

– О боже! – воскликнул писклявый женский голос.

– В чем дело? – послышался уже спокойный мужской голос.

– Я просто испугалась, извините. Это вроде гераклид.

– Действительно. Странно. Насколько я знаю, такие раны для гераклидов не страшны, а он без сознания.

– Может, яд? – предположила медсестра. Яды на гераклидов действовали так же, как и на других, хотя все-таки далеко не все и не всегда с такой же силой.

– Да, возможно, или болевой шок. Везем его сначала на общее сканирование, проверим внутренние повреждения и лишние примеси в организме.

– Хорошо, доктор.

Верон почувствовал, как каталка остановилась, а потом начался плавный подъем. Он понял, что находится в лифте.

– Здесь есть камеры? – спросил он еле слышно, не открывая глаз и стараясь как можно меньше шевелить губами.

– Доктор, он что-то говорит.

– Что? Не может быть. Верон почувствовал, как кто-то к нему наклонился.

– Здесь есть камеры? – повторил он вопрос так же тихо.

– Камеры? Э-э... Нет, в лифте нет камер.

Верон резко открыл глаза и сел. Доктор и медсестра испуганно отпрянули, ударившись спиной о стены вместительного лифта. Камирутт спрыгнул с каталки, подбежал к кнопкам

и, быстро найдя кнопку экстренной остановки лифта, нажал ее.

– Уф, – вздохнул он.

– Что вы делаете? – испуганно спросил усатый доктор, все еще держа руки поднятыми.

– Лифт останавливаю, это очевидно.

– Но... зачем?

– Мне надо подумать.

– О чем?

– Для напуганного вы задаете слишком много вопросов, – грубо ответил Верон. Сейчас он желал задавать вопросы, а не отвечать на них.

– Простите...

– Так, сколько в больнице этажей? – спросил Верон после минутного раздумья. Ему нужно было торопиться. Если кто-нибудь решит узнать его состояние и узнает, что он пропал, это вызовет подозрения. Охрана больницы старается не вызывать у пациентов и других врачей паники, разыскивая его, но когда за дело возьмутся солдаты патруля, то перевернут всю клинику с ног на голову, не заботясь о пациентах. Пока, судя по всему, этого не произошло, но он был готов поставить на кон свои черные волосы, что больница уже окружена, и теперь все ждут прибытия того командира-тугодума. Когда он прибудет, вот тогда-то и начнется свистопляска.

– Э-э... Десять, – ответил доктор неуверенно, словно сам здесь в первый раз.

– А мы на каком?

– Ехали на шестой.

– Вы что-нибудь знаете о мальчике, которого привезли минут двадцать назад? Ему должны ставить киберпротезы на все конечности и заменить несколько внутренних органов.

– Э-э... Нет. – Усатый доктор был явно очень удивлен всему происходящему, в том числе и странным вопросам, а еще явно боялся, что Верон ему что-нибудь сделает, если он не сможет дать ответа, который его устроит. Если бы камирутт действительно так поступал, у него не осталось бы даже знакомых.

– А об убийстве двух патрульных?

– Я слышала, – подала голос девушка и съежилась, когда ее взгляд пересекся с Вероном.

– Отлично. Так вот, я ищу убийцу, – соврал убийца, не моргнув и глазом. – Я проник сюда, чтобы действовать изнутри. Вы меня поняли?

– Э-э... Да, – неуверенно ответил доктор, надеясь, что ответ верный.

– Убийца все еще в больнице? – испуганно спросила медсестра.

– Есть такая вероятность.

– Ужасно. – Она прижали руки ко рту. Казалось, что эта мысль пугала ее больше, чем черноглазый гераклид в метре от нее, который только что считался полуживым.

– Так вот, мне понадобится ваша помощь. Вы готовы по-

мочь?

– Да, конечно. Если можем.

– Сейчас я лягу обратно в каталку, вы отвезете меня в какую-нибудь палату или кабинет, где нет камер, а потом дадите мне одежду врача, в которую я переоденусь, чтобы я смог смешаться с другими докторами и выследить преступника. Поняли?

– Э-э... Да.

Так и сделали. Верон боялся, что ему не поверят, ведь он страшный и ужасающий гераклид, да еще и форма ему немного жмет, но доктор и медсестра легко уверовали во все его сказки, хотя, видимо, они просто не видели выбора.

Он очередной раз переоделся в дурацкую, как ему казалось, одежду, смыл кровь и вышел из кабинета. Доктор с медсестрой даже выдали ему какие-то странные очки с подобием закрылок, почти полностью скрывающие его глаза. Верон спросил о линзах, но так как это был центр по протезированию, то глазного с его линзами здесь никогда не видели, хотя был хирург, способный за пару часов сменить человеку глаза. Пришлось ходить в идиотских очках. Усатый доктор, как оказалось, не имел почти никакого отношения к протезам, а занимался исключительно проверкой состояния пациентов и наличия у оных отклонений, а потому даже представления не имел, сколько длится операция, подобная той, что должна проводиться на мальчике. Верон еще раз строго-настрого запретил доктору и медсестре говорить о нем кому-либо, да-

же другим солдатам, ведь кто-то из них может невольно его выдать, а тогда преступник сбежит и совершит еще больше преступлений, чего никак нельзя допустить.

Верон вернулся обратно в лифт и спустился на первый этаж, пытаясь найти в лабиринтах коридоров ту самую операционную, где оставил мальчика. На это ушло минут пятнадцать, с учетом того, что больница кишела солдатами, контрастируя черной униформой на белых стенах. Они то и дело останавливали докторов и вглядывались в лица, иногда это были одни и те же лица, ведь у некоторых, как и у Верона, рот и нос закрывала маска. Верон думал, что будет хуже, но еще не вечер, еще не прибыл тот командир, который явно прикажет действовать жестче.

Камирутт быстро нашел способы избегать проверки: он либо забегал в какую-нибудь палату или кабинет, либо делал трюк, который видел в кино – закатав рукава, держал руки перед лицом, а когда его пытались остановить и проверить, он раздраженно заявлял, что его ждут на срочной операции и уходил. Проблема была лишь в том, что различить между собой солдат в одинаковой форме в лабиринте коридоров было еще труднее, чем докторов.

Когда Верон все же нашел нужную ему дверь, она оказалась закрытой. Проходящий мимо доктор, которого он спросил об этом, с подозрением его оглядел и довольно высокопарно заявил, что чтобы увидеть операцию, ему необходимо подняться на второй этаж, где находится смотровая пло-

щадка. Верону предстояло пройти лабиринт заново, попутно стараясь избегать солдат патруля.

Было очевидно, что операция не из простых, но все же Верон надеялся, что современная медицина работает намного быстрее, чем можно было представить, но надежды не оправдались. Из широкого окна смотровой площадки было видно тело мальчика, точнее то, что от него осталось. Не было ни рук, ни ног, причем отсутствовали даже намеки на них; места, откуда должны были начинаться конечности, выглядели как простые красноватые круги, к которым были прикреплены прозрачные пластмассовые чуть сплюснутые полусферы с торчащими из них трубками, будто конечностей там никогда и не было. Однако легкость повреждений портила другая картина: живот мальчика был разрезан посередине, ребра стояли торчком, открывая внутренности, которые быстро, но аккуратно вынимали из тела, тут же заменяя их другими, выглядящими довольно натурально с того места, где стоял Верон, но он знал, что они искусственные. Вынимаемые органы по одному перекладывали в небольшие тары, тоже сделанные как будто из пластмассы, которые тут же закрывались, после чего одним из докторов на панели вводилась некая комбинация цифр, ящичек запечатывался и уносился в другую комнату. Со стороны казалось, будто мальчика попросту нещадно раздирают на органы, но будь это так, столько бы персонала не потребовалось.

Прямо под окном Верона на столе в прозрачных ящиках,

похожих на те, куда клали органы, были видны две пары конечностей. С виду их было невозможно отличить от настоящих, выдавал лишь металл на месте суставов. Солдата, которого использовали как донора крови, как и кровати, на которой он лежал, в операционной уже не было, зато над столом висело два пакета с явно свежей кровью, хотя рядом была другая пара с уже какой-то желтоватой жидкостью. Докторов, медсестер и даже медбратов было столько, что Верон никак не мог их сосчитать. И работали они так слаженно, что трудно было поверить, что они не муравьи, переодевшиеся в белые халаты. Гераклид твердо решил, что все равно перечислит на счет больницы всю необходимую для операции сумму, не помешало бы еще заполнить «левые» документы, чтобы у доктора не было проблем и его не уволили.

Верон так увлекся разглядыванием операции, что не заметил, как в комнате оказался еще один посетитель.

– Интересное зрелище?

Верон от неожиданности подскочил на месте, оглядываясь, но тут же повернулся обратно, чтобы человек сзади не разглядел его глаза.

– Да, очень познавательно, – ответил камирутт, неосознанно пытаясь говорить не своим голосом. Как успел заметить Верон, это был солдат, но не рядовой, принадлежащий к расе джигударго. Некоторые из них довольно умелые бойцы.

– Какое интересное у вас приспособление, что это? – поинтересовался он, указывая на его очки.

– Эм... У меня не очень хорошее зрение, поэтому я его и ношу.

– Понятно, но я спросил не зачем вы его носите, а как оно называется.

– Глазоскоп, – ответил Верон, абсолютно не представляя, есть ли такая штука на самом деле, а если есть, то она ли это у него на носу. И надеясь, что его собеседник и правда не знает, что это. Патрульные вообще редко разбираются в чем-то, кроме своего солдатского дела. В этом плане Верон не сильно их опережал.

– Глазоскоп? Да, в медицине редко встретишь название, которое сразу понятно простому обывателю. – Джигударго подошел ближе, как будто даже не обращая на камирутта внимания, полностью сосредоточившись на операции. – И с его помощью действительно можно лучше видеть? – вновь спросил он, поравнявшись с Вероном по левую руку.

– Ну, для меня да.

Если бы не «глазоскоп», Верон смог бы увернуться, но эта штука слишком ограничивала обзор. Удар пришелся в левый глаз, да с такой силой, что гераклида отбросило назад, он упал на пол и еще проехался на спине до самой стены, ударившись об нее темечком.

– Не пристало врачу не знать названия медицинских приборов, – слышался спокойный голос джигударго. – Думается мне, купили вы свой диплом... «доктор».

Верон сорвал неудобную штуку с головы вместе с колпа-

ком и почувствовал, как его левый глаз заливае­те кровью. Прислонив ладонь к лицу, он нащупал в надбров­ной дуге и под глазом осколки, впившиеся в кожу. Он встал, держа­сь одной рукой за стену, а второй за лицо, голова слег­ка кружи­лась. Верон не успел поднять головы, как его со всей силы впечатали в стену, ломая ребра.

– Хм, а я думал, гераклиды более выносливые и сильные.

– Если бы ты решил драться честно... – тихо прохрипел Верон, отплеывая кровь. Незнакомец отпустил его, и он грузно рухнул ничком на пол.

– То-то и оно, что мне наговорили, будто ваше племя настолько сильное, что драться честно – прямой путь на тот свет, вот я и решил, что если ударю исподтишка, то у меня будет хоть какой-то шанс, но, как оказалось, шансов у меня куда больше, чем я мог мечтать. Даже остальных солдат на помощь звать не пришлось. Верон поднялся на четвереньки, тяжело опираясь на руки.

– Так может, дашь мне небольшую передышку?

– О, нет-нет, я слишком боюсь, что слухи о тебе окажутся правдой, и ты меня растерзаешь. Предпочту действовать не честно, зато эффективно, ведь у меня есть приказ, и я должен его выполнить. Может, как-нибудь в другой раз. Если он у нас будет.

Мощная нога обрушилась Верону на голову и впечатала в пол. Перед тем, как отключиться, он услышал хруст, но не смог понять, была это плитка пола или его череп.

Верон очнулся прикованным обеими руками к дырявой стенке корабля, к такой же, к какой недавно приковал пилота. Он не знал, в том же корабле он находится, в каком устроил побоище – они все одинаковые, – или нет, но ни крови, ни тел вокруг не было. Голова слегка болела и кружилась, во рту чувствовался привкус крови, ребра ныли.

– Я как чувствовал, – слышался знакомый голос командира, которого он встретил на Уусмаа, – как чувствовал. Не зря я отправил один из отрядов за тобой вслед, знал ведь, что тебе нельзя доверять. Правда, я все же не ожидал, что ты устроишь бойню и жестоко убьешь моих подчиненных, думал, просто сбежишь или, в крайнем случае, вырубешь их. А ты взял и убил, весь корабль кровью залил. Видать, это правда, что о тебя говорят. – Он цокнул языком и укоризненно покачал головой, словно отец, недовольный поведением своего ребенка. На погибших солдат ему явно было плевать.

– И что именно? – поинтересовался Верон, с трудом шевеля языком и чувствуя металлический привкус во рту.

– Да много чего: что ты любишь убивать, любишь вид крови, а особенно любишь рисковать, причем все чаще чужими жизнями. Лезешь, мол, во все заварушки, что кажутся тебе наиболее опасными. Мои люди сказали, что отправили тебя в больницу, сразу не узнав твое заляпанное кровью лицо, сказали, что у тебя на шее был приличный порез. Не сам ли ты его себе нарисовал острым ножичком, а? Неужели у тебя

еще и склонность к суициду? – усмехнулся он. – Знаешь, люди с суицидальными наклонностями чаще кончают с собой.

– Что тебе от меня нужно?

– А разве не ясно? – развел он руками. – То, что ты нам пообещал, плюс проценты за каждого убитого.

– А с чего мне соглашаться?

Верон пытался тянуть время, пока полностью не восстановится, в чем ему сильно помогала словоохотливость командира отряда патрульных. Если бы он перевел деньги заранее, его бы давно убили, причем это сделал бы лично этот военачальник, конечно, заранее себя обезопасив, и прилюдно, чтобы его подчиненные видели, как он поступает с врагами, убивающими его товарищей. Это точно подняло бы его авторитет.

– Ну, во-первых, у нас в руках твоя жизнь, – ответил он, – а во-вторых, твоему пацанчику в данный момент делают очень серьезную операцию, она, вроде как, уже на середине, знаешь, что будет, если ее вдруг прекратить? Он не проживет и пяти минут. Ты меня, надеюсь, понял?

Верон кивнул. Все шло по наихудшему из возможных сценариев. Время он еще тянул и для того, чтобы операция успела закончиться, хотя все осложняло его незнание даже примерных сроков.

– Вот и отлично, – самодовольно продолжил командир. – Кстати, на кой черт он тебе сдался? Судя по слухам, ты просто машина для убийства, а тут вдруг решил спасти како-

го-то человеческого мальчишку, прибежал к нам, чуть не плача, умоляя дать тебе корабль для его спасения, жизнью, можно сказать, рисковал. Зачем?

Верон сжал кулаки и челюсти. «Я бы и сам хотел знать». Он дернул обе руки, прикованные наручниками. Будь он в своей лучшей форме и будь у него время, то смог бы их сломать, но сейчас он избит и окружен. Скоро он исцелится, если его не решат проучить как следует, но остается еще проблема со временем и окружающими его солдатами. Нужно придумать что-нибудь еще.

– Что ты молчишь? Акаину тебя так приложил, что ты время от времени забываешь, как говорить?

– Просто придумывал, как изошренней тебя прикончить, – оскалился Верон. Вывести противника из себя не лучший вариант, но если его вновь вырубят, это может сыграть на руку. Однако он сомневался, что сможет эти выиграть слишком много времени, а состояние от этого у него явно не улучшится. Но ничего другого пока в голову не приходило.

– И как, придумал?

– Еще нет, во всех моих представлениях ты умираешь слишком быстро от страха, наделявая в штаны приличную гору.

Удар в солнечное сплетение выбил из легких весь воздух, заставляя по-рыбьи открывать и закрывать рот, пытаясь вздохнуть. Судя по всему, не только он беспокоился о вре-

мени, а потому вырубать его и не собрались.

– Мой помощник, Акаину, не очень любит пустых угроз, – спокойно проговорил командир. – Ты пока отдышись и подумай над ответом. Если запомнил вопрос, он звучит так: ты заплатишь долг плюс проценты или нет? Не забывай, что стоит на кону.

– Как я понимаю, – заговорил Верон, откашлявшись кровью и впустив, наконец, в легкие воздух, – вы меня не отпустите отсюда, чтобы я по-быстренькому сгонял в банк?

– Более того, мы даже наручники с тебя не снимем.

– Тогда как я должен перечислить вам денег? – поинтересовался Верон.

– А вот это уже твоя проблема.

Будто их и так ему не хватало. Зато можно было выиграть немного времени, придумывая решения, однако никто не собирался ждать слишком долго. Командир патрульных был тугодумом, но что касается наживы, он предпочитал действовать без проволочек.

– Эврис, – сказал Верон чуть погодя.

– Что?

– Эврис, мой брат, он может перечислить необходимую сумму.

– Отлично, котелок варит. Тогда, позвоним ему?

– Боюсь, он сейчас не при телефоне. Он остался на Уусмаа.

Верон только сейчас о нем вспомнил, а ведь пытался най-

ти именно его, когда неожиданно натолкнулся на трех камируттов, творящих бесчинства. Не вспомнил о нем и когда бежал с мальчиком на руках, чтобы увезти его с планеты. И теперь, по иронии судьбы, Эврис ему очень понадобился. Точнее, необходимо было время, которое уйдет на его поиски, если он вообще все еще на планете и жив.

– И как ты намерен с ним связаться?

– Я? Нет, вот это *уже* ваша проблема.

Новый удар повторил процесс подражания рыбе и отхаркивания кровью. Такими темпами Верон боялся остаться без легких.

– Знаете, – вновь заговорил Верон, отдышавшись, – если вы будете меня вот так постоянно быть, у нас может не сложиться конструктивный диалог.

– Да ты что?

– Это вам нужны деньги, а не мне. Вы можете убить того мальчика и меня, но тогда не получите денег, и получится, что все это вы делали зря. – Верон вообще сомневался, что они не блефуют убийством мальчика. Вокруг него крутится человек двадцать, плюс по всей больнице куча камер, если они убьют его, то этим могут заинтересоваться соответствующие органы, и тогда всем этим солдатам не поздоровится. Однако камирутт не особо верил в правовую систему (видеозаписи могут изъять, людей запугать или того хуже), а потому не хотел рисковать. – Неужели ради таких денег вы не готовы по-быстрому сгонять обратно на ту планету и найти моего

брата? Или связаться с кем-нибудь, кто там остался. Сидя на заднице, денег не зарабатываешь.

– Стой, – остановил командир джигударго, уже отведшего назад руку для удара.

– Командир, он же просто тянет время, не слушайте его.

– И зачем ему это делать? Вряд ли кто-то придет его спасать, а вот он кое-кого, судя по всему, спасти хочет. Ладно, – повернулся он обратно к Верону, – мы найдем твоего брата. Но а что, если он уже мертв?

– Это вряд ли, он, скажем так, не такой рискованный, знает, когда нужно отступить. Ну а если он мертв, можешь лично трахнуть его бездыханное тело в задницу, ему бы это понравилось.

На этот раз кулак джигударго не остановил бы даже приказ командира.

Эврису привели через несколько часов, когда над больницей уже начали появляться первые звезды, которых, правда, Верон не видел, прикованный наручниками в корабле. Зато за это время он смог как следует восстановиться, и восстановился бы полностью, если бы не его бескостный язык, который то и дело заставлял обидчивых солдат отвечать на колкости грубой силой, особенно когда их командир куда-нибудь ненадолго отлучался.

Брат Верона выглядел паршиво: одежда помята и изодрана, под глазом фингал, из носа до самого подбородка уже за-

сохшие следы крови, легкая хромота. Эврис явно не сдался без боя, однако его гордой осанке позавидовал бы любой из этих солдат, имей хоть толику мозгов.

– О, а вот и мой братец. Выглядишь так, будто этот урод принял тебя за мертвеца, – рассмеялся Верон.

– А ты выглядишь как врач-изувер.

– Ты о моей форме доктора? Много чего случилось, – отмахнулся Верон. На белом одеянии уже засохшая и свежая кровь выделялась не менее ярко, чем его черные глаза. Он уже убедился, что если его взгляд как-то и действует устрашающе на солдат патруля, то наручники, крепко сковывающие его запястья, сводят эффект на нет. Пока.

– Я заметил.

– Поболтали? – вмешался командир. – Вот и славно. Теперь к делу.

– Как я понял, – перебил его Эврис таким тоном, словно он не окружен солдатами, каждый из которых по указке готов снести ему голову, а находится на деловых переговорах, и главный в этих переговорах бесспорно именно он, – мне нужно перечислить определенную сумму на некий счет?

– Все верно, – кивнул командир.

– И зачем?

– Хах, чтобы спасти жизнь своему черноглазому братцу и его мальчишке.

– Мальчишке? – переспросил Эврис, нахмурившись. Верон и забыл, что его брат ни о чем не знает, хотя сомневался,

что узнай он о мальчике, что-то бы изменилось.

– Это долгая история, просто перечисли деньги и все, – сказал Верон.

– Ты бросил меня на той планете и теперь хочешь, чтобы я тебя выкупал?

«Черт, я надеялся, он не заметит и не узнает». Конечно Эврис был недоволен таким поворотом, хотя узнал об этом лишь когда один из офицеров выкрикнул его имя в толпе захваченных патрулем камируттов. Хотя захваченных – слишком громкое слово. Их просто окружили и приказали сдать все оружие, а затем уже более вежливо попросили не уstraивать потасовок, ибо потом их всех все равно отпустят. Эврис категорически не понимал, что происходит, однако его сопротивление уже привело к побитому лицу, помятым бокам и легкой хромоте, а потому он не собирался усугублять.

Поначалу он не реагировал, проклиная брата за то, что тот его во все это втянул, и надеялся, что Верон уже отбросил коньки, не желая сдаваться в руки властей, однако остальные выдали его «незаметными» поглядываниями в его сторону. А он-то считал, что на фоне брата его никто и не замечает, и даже имени его не знает, а тут вон оно как вышло. Так или иначе, он не смог отказаться от полета, как он надеялся, не в один конец, однако теперь надежд у него оставалось мало.

– Эй, ну ты чего? Я тебя не бросал, я собирался вернуться, но, как видишь, – Верон подергал закованными в наручники руками, – я был слегка занят. Но даже в такой ситуации я о

тебе не забыл.

– Да, и втянул меня в эту ситуацию. В еще одну, раздраженно подумал Эврис, но вслух решил этого не говорить.

– Тебе не угодишь.

– Хватит! – рывкнул командир так, что вздрогнули все, кроме Верона и Эвриса, разумеется. – Препираетесь, будто вашим жизням ничего не угрожает. Мне плевать, парень, хочешь ты выкупать своего братца или нет, выкупи свою жизнь.

– Ладно, ладно, давайте счет.

– Так, есть у кого-нибудь бумажка записать? – Командир рассеяно пошарил по карманам и осмотрелся вокруг. Никто не ответил. – На всем чертовом корабле нет ни куска бумажки?

– Я запомню, – успокоил его Эврис.

– Нет, не запомнишь! – быстро перебил брата Верон. Он знал, что это правда, память Эвриса была выдающейся, особенно хорошо он запоминал все плохое, что с ним случалось. Однако не знал, что в большей части этого плохого он винил именно Верона. – То есть, я имел в виду, лучше записать, на всякий случай, ведь никто не хочет, чтобы мы погибли из-за ошибки в одной циферке. У меня в кармане есть бумажка. Не хочешь пошарить у меня в штанах своей ручкой? – обратился он командиру, нарочито откровенно подмигнув.

– Эфрис, – сморщился командир, – или как там тебя, достань у него из кармана бумажку, карандаш я уже нашел.

Только без резких движений.

Эврис то ли играл, то ли ему и правда было противно, но он подошел и достал страницу записной книжки из кармана Верона с выражением крайней неприязни. Взглянул на бумажку, увидел цифры – записанные доктором для Верона его счет в банке, – перевел ничего не выражающий для обывателя взгляд на Верона и подал ее командиру записью вниз. Тот, не рассматривая клочок бумаги, размашистым почерком намалевал уже свои цифры и отдал его Эврису.

– Ты ж не гераклид? – недоверчиво спросил у него командир.

– Нет.

– Очень хорошо, тогда с тобой на всякий случай отправятся всего лишь трое. – Командир, ничего не говоря, указал пальцем на троих солдат, потом выбрал пилота.

Да, Эврис не любил Верона, завидовал ему и мечтал о его скоротечной смерти, но сам убить он его не мог, как не мог он и подставить его, бросив на верную гибель. Именно поэтому в таких заварушках, как война на планете Уусмаа, он старался держаться от брата подальше, чтобы, в случае чего, у него было оправдание, почему он не смог прийти ему на помощь. «Я был слишком далеко и не знал, что он в смертельной опасности», – сказал бы он в случае смерти Верона. По той же причине он уговорил брата не брать с собой на подобные операции телефоны, мотивируя это тем, что он мо-

жет в ненужный момент зазвонить и выдать их или попросту может быть отслежен противником. Да, Эврис не любил Верона, но не мог позволить ему умереть, когда его жизнь напрямую зависела от него.

Несмотря на то, что банк был не так уж и далеко от злополучной больницы, и туда можно было добраться даже пешком минут за двадцать, почему-то было решено, что лететь на «тарелке» патруля удобнее, быстрее и, главное, безопаснее. Эврису, в общем-то, было все равно, глубоко в душе он надеялся, что пока будет перечислять деньги на указанный счет, Верона убьют за ненужностью. Было абсолютно очевидно, что ни Эвриса, ни его брата не оставят в живых, дабы не оставлять свидетелей откровенно противоправных действий правительственных патрульных. Даже если Верона убьют, думал Эврис, было бы забавно увидеть лицо ублюдка-командира, который так и не получит обещанные деньги. Может, Эврис и не любил брата, но это не значит, что он должен доставлять удовольствие тем, кто его схватил и, может даже, камирутт надеялся, пытал. Кровь на одежде Верона могла принадлежать кому угодно.

Банк охранялся как нельзя лучше. Полукругом вход ограживало прозрачное стекло, одно из наиболее прочных и дорогих во всей Вселенной. За стеклом стояла дюжина вооруженных людей, наблюдая за всеми, кто входил в банк. Зайдя в полукруг, слева и справа можно было увидеть такие

же крепкие стекла с защищенными окошками и запертыми дверьми, за которыми и сидели охранники. На входе сопровождению Эврису, даже при условии, что они были официальными органами власти, что им было велено доказать сопутствующими документами, пришлось сдать все имеющееся оружие, даже шлемы сняли, хотя остальную броню оставили.

Зал внутри оказался длинным, широким и очень высоким, заканчивающимся сводом с висящими под ним стилизованными под старье плафонами, свет от которых, правда, едва освещал помещение. И все же было светло – специальные светильники были вставлены прямо в стены, создавая иллюзию, будто они и светятся изнутри. Помещение походило бы на туннель метро или широкого шоссе, если бы не всепоглощающая белизна: стены, потолок, даже кресла и диваны, разделяющие помещение надвое. С обеих сторон в светящихся стенах красовались высокие арки, не меньше четырех метров в высоту, помещения за которыми были закрыты от взора посетителей тяжелыми на вид, словно свинцовыми шторами двух цветов: те, что были красными, означали, что внутри занято, зеленые же приглашали клиентов пройти внутрь и выполнить необходимые процедуры. Цвет менялся каждый раз, как кто-то выходил или заходил внутрь.

Эврису все это напоминало кабинки туалетов, а судя по размеру арок – для великанов. Данный банк был ему прекрасно знаком, а потому, не замедляя шага на входе, он на-

правился вглубь. Свободные помещения были и ближе, но Эврис собирался пошуметь, однако не желал привлечь шумом ненужных свидетелей.

Внутри здания тоже стояли охранники: двое по обе стороны от входа, и еще по одному с двух сторон через каждые пять арок. Эврис остановился возле одной из арок с зелеными шторами, по обе стороны от которой никого не было, так как и там занавес был зеленым, а значит, шансы быть услышанным сводились к минимуму.

Он подошел к тяжелому пологу и прикоснулся к нему ладонью. Секунду спустя шторы почти бесшумно разъехались в стороны. Мало кто знал, что между плотным занавесом находились прочные металлические створки. Внутри оказалось просторно, у стен стояло несколько кресел и диванов, журнальный столик, автоматы с бесплатными напитками и легкой закуской, будто кто-то из богатеев вдруг решит здесь перекусить. Как только компания прошла внутрь, шторы за их спинами сомкнулись вновь. Камер внутри видно не было, как и людей. Вместо них в стене красовался широкий сенсорный экран, обладающий подобием искусственного интеллекта и способный помочь с возникшими у клиентов вопросами.

Эврис не спеша подошел к экрану и достал листок, гадая, знают ли солдаты, сопровождающие его, номер счета своего командира. Он решил действовать в лоб. «Не знаешь, что делать – действуй в лоб и надейся на удачу», – иногда пого-

варивал его братец.

– А вы знаете номер счета своего командира?

– Что? Нет, а что?

– Нет, ничего, просто хотел узнать, можно ли вам видеть эти заветные цифры.

– Раз тебе можно, то и нам тоже, – фыркнул солдат. – Ты лучше не болтай, а делай, что велено.

«Может, мне можно, – подумал Эврис, – потому что я все равно не смогу его кому-нибудь поведать».

Он подошел к экрану и начал операцию передачи денег. Свой личный номер и номер брата, считая пароли, он знал наизусть, а потому решил перечислить деньги именно со счета Верона. «Я трачу время и силы, не хватало мне еще и деньги свои тратить, при условии, что я, в отличие от него, зарабатывал их своим трудом».

Вообще, Эврис легко мог уже уложить свое сопровождение и попросту забить на перевод платежа, но с его помощью Верон мог лишиться приличных для многих денег, причем и сам был не против, а это не могло не принести ему морального удовлетворения. Эврис понимал, что это мелочно, но ничего не мог с собой поделать.

Операция заняла не более трех минут, за которые троица солдат успела обчистить наполовину один из автоматов с едой. И тем самым отвлеклась. Ударом с разворота, Эврис поразил одного из них в спину и тот влетел в автомат, разбив головой стекло. Второй среагировал довольно быстро и вы-

кинул вперед кулак, но Эврис, перехватив руку, кинул противника через плечо прямо на монитор, тут же защитив ребра рукой от удара ногой третьего. Перехватив ногу, ударил кулаком в колено, отпустил поврежденную конечность, ударил в корпус, а потом в лицо. Солдат отлетел к стене. В это время из автомата, перепачканный пирожными и собственной кровью, вылез первый, с криком бросился к Эврису, который присел и развернулся, подставляя подножку. Солдат подлетел и упал на спину. Камирутт, резко вскочив, сделал переворот в воздухе и обрушил ногу на живот лежащего противника, тот сжался от боли, выблевывая только что съеденные бесплатные лакомства. Вновь вскочил второй и сделал то же самое, что и в первый раз. Эврис, дабы преподать урок и указать на ошибку, перехватил руку, зажав своей, и сломал. Солдат завыл от боли, но несколько прямых ударов в лицо ладонью свободной руки заставили его замолчать.

Эврис, поправив одежду, которая и так была вся в грязи, вернулся к пологу, подставил ладонь, створки разъехались. Снаружи уже ждали вооруженные охранники. Камирутт прошел мимо них, даже не взглянув, и, слегка прихрамывая, направился к выходу.

Банк принадлежал ему. И, несмотря на клятвенные заверения клиентам, в помещениях за арками тоже стояли камеры. Естественно, скрытые. Эврис умел подбирать персонал, который, в свою очередь, тоже умел подбирать сотрудников, а потому ему не было нужды объяснять, что делать с неудоб-

НЫМИ КЛИЕНТАМИ.

– Денег все еще нет, – очередной раз повторил командир, проверяя счет.

– Сожалею, – очередной раз ответил Верон. Ему нравилось наблюдать, как бесится солдафон.

– Мне твои сожаления до лампочки, – рявкнул он. – Чего твой братец так долго возится?

– Может, там очередь, – пожал камирутт плечами. Честно говоря, он знал, что будет делать дальше. Эврис, наверняка, уже перечислил деньги доктору, но что теперь? Верон надеялся, что брат не бросит его на погибель, он ведь не такой, как сам Верон, на чьих руках уже много крови его соплеменников. Эврис не один раз спасал ему жизнь, хотя Верон никогда его за это не благодарил. Но при всем при этом, он все равно не видел выхода из данной ситуации.

– Надо было сказать ему, что каждые пять-десять минут буду отрезать тебе по пальцу, может, тогда бы он все делал быстрее.

– Я в этом сомневаюсь, – ухмыльнулся Верон.

– Что, отношения у вас с братом не такие уж и теплые? – ухмыльнулся в ответ командир.

– Нет, просто скорость очереди вряд ли зависит от количества пальцев у меня на руках.

– Может, проверить? – спросил джигударго по имени Акаину. Верон ненавидел этого парня, потому что тот не просто его победил, а использовал для этого грязные приемы. Однако сам Акаину, несмотря на то, что периодически сбивал ему дыхание ударом в живот, казалось, не испытывает к нему вообще никаких эмоций, что еще больше выбешивало.

– В смысле? – нахмурился командир. Тугодум он и есть тугодум.

– Ну, отрезать ему палец и посмотреть, что будет.

– Хм, – командир почесал подбородок, задумавшись, – а это мысль. Что скажешь, Верон? Сможешь ли ты заново отрастить палец?

Снаружи послышался какой-то шум, в основном голоса, переходящие на крик. Потом раздался оглушительный удар, словно рухнула груда металлического мусора, корабль задрожал, от чего все находящиеся внутри еле устояли на ногах.

– А ты, – ухмыляясь, заговорил Верон, – сможешь отрастить голову?

– Что происходит?!

Верон изо всех сил дернул наручники, ободрав до крови запястья, однако сломались лишь те, что сковывали левую руку. До командира он мог дотянуться лишь ногой, что и сделал, ударив того в грудь. Тот отлетел и сбил с ног Акаи-

ну. Верон закричал и дернул правую руку еще раз, раздирая ее до мяса; наручники поддались и сломались так же, как и первые – посередине, оставив болтаться на запястьях по одному металлическому «браслету». Камирутт вовремя повернулся, чтобы перехватить первого опомнившегося солдата, несущегося на него, и, перебросив того через плечо, бросить в остальных. Он развернулся и бегом направился к выходу, но вдруг что-то вцепилось в его ногу, и он с грохотом упал, едва не разбив нос.

Акаину резко вскочил на ноги и бросился сверху, но Верон, подставив ноги, перекинул его через себя и тот влетел в стену спиной и упал, ударившись головой о пол. Вскочив, гераклид увернулся от удара ножом, перехватил руку и попытался вонзить этот нож в шею нападавшему, однако тот был в плотно сидящем шлеме, защищающим по крайней мере от слабых колюще-режущих ударов, тогда Верон выхватил нож и нанес несколько ударов в область подмышки, где броня не такая жесткая. Солдат протяжно закричал, потом захрипел и обмяк.

Кто-то из поднявшихся на ноги солдат выстрелил, но лишь попал в собственного товарища. Верон, прикрываясь истекающим кровью телом, попятился назад, но не успел преодолеть и половины пути, как его вновь сбили с ног вместе с бездыханным телом. Упав, он тут же убрал голову, в последнюю секунду увернувшись от несущегося на него тяжелого сапога джигударго. Верон уперся руками в грудь ле-

жащего на нем тела, напрягся и со всей силой распрямил руки, тут же перекатившись в сторону. Тело солдата влетело в Акаину, вновь сбив того с ног. Верон вскочил и, под аккомпанемент выстрелов, звучащих у него за спиной, выпрыгнул в открытый проем корабля, упал на трап, перекатился, рухнув с него, и оказался под кораблем. Ни одна выпущенная в него пуля не попала в цель, лишь поцарапала левую ногу и руку в двух местах, но из-за белых одежд, которые тут же окрасились в красное, казалось, что ранения серьезней.

Только теперь Верон смог осмотреться и увидеть, что это был за шум. Всего на стоянке при ЦМК патрульных кораблей было четыре: один, из которого и «вышел» Верон, и еще три, валявшихся недалеко друг от друга, при этом два из них были покорежены с одного бока, а третий, лежал чуть дальше и пострадал с обеих сторон. Было понятно, что третий прямо на ходу врезался в другие два корабля, опрокинув их с «лап», на которых они стояли. С двух сторон – видимо, экипаж этих кораблей – в третий корабль стреляли из всего, чего можно, однако никакого ответа не было. Верон никак не могу узнать, цел ли Эврис, и в корабле ли тот вообще. Он услышал, как кто-то аккуратно спускается по трапу, хотел дождаться противника, но вспомнил, что у него с собой нет ни одного оружия, если не считать «браслеты» на руках. Резко выдохнул сквозь зубы и под «тарелкой» побежал в другую сторону, туда, где на стоянке находилось множество кораблей, за которыми можно было спрятаться.

Некоторые корабли имели стандартные «лапы», которые, правда, все больше теряли популярность, так как при попадании хотя бы одной такой в небольшую яму или на возвышенность, корабль кренился, несмотря на специальную систему устойчивости. Все чаще у кораблей начали делать подобие ступеней, которые выдвигаются из днища, при этом их форму можно было немного менять, а также передвигать из стороны в сторону, что обычно делается автоматически, корабль самостоятельно определяет, как лучше ему разместить эти платформы. Они были довольно широкие и благодаря им Верон мог прятаться за кораблями, не выдавая себя снизу ногами.

Он слышал легкий шорох и бряцанье оружия, знал, что его ищут, но еще он знал, что должен вытащить брата из покореженного корабля и забрать из больницы мальчика, которому, вероятно, все еще делают операцию. И все это нужно было сделать в одиночку и без оружия, в окружении вооруженных солдат. Особенно Верона волновал Акаину, в первый раз он ему проиграл, потому что не ожидал такой быстрой и сильной атаки, и хотя гераклид до последних событий считал себя практически непобедимым, сейчас его вера в себя улетучилась, оставив за собой лишь сомнения. Сначала он чуть не проиграл человеку, потом, можно сказать, проиграл такому соплеменнику камирутту, который, если бы хотел, мог бы убить Верона несколько раз. А теперь еще и джигударго, которые, правда, считаются далеко не самыми сла-

быми во Вселенной. Сила противников идет по возрастанию, и, несмотря на то, что на вершине стоит сам гераклид, Верону от этого было не легче. Сила не всегда является решающим фактором, часто побеждает мастерство. И ум. И если первого у Верона было маловато, то вторым он пользовался редко. «Ты умнее, чем пытаешься казаться», – так сказал тот камирутт, убийца в маске, и Верону хотелось ему поверить.

Шаги были совсем близко, обостренным слухом он уже мог слышать тяжелое, напряженное дыхание одного из солдат, обходящего корабль, за которым прятался Верон, прижавшись к нему, словно пытаясь слиться с фюзеляжем. Он взглянул вверх в поисках спасения и нашел его. Ни один корабль не был гладким, как стекло, всегда имелись выемки и выступы, функции которых не ясны до тех пор, пока не случится нечто такое, что не оставит выхода, кроме как ими воспользоваться. Небольшие горизонтальные выступы, идущие по всему корпусу почти от дна и до самого верха, явно были предназначены не для этого, но грех было ими не воспользоваться, чтобы скрыться от преследователей. Верон почти бесшумно взобрался по подобию лесенки на самую крышу небольшого прямоугольного корабля и замер. Его могли увидеть, но темнота уже постепенно заволакивала небо, увеличивая его шансы оставаться незамеченным. «Темнеет, – подумал Верон, – опять темнеет. Куда не прилечу, в скором времени начинается ночь. Будь я человеком, заснул бы прямо на этой крыше».

Солдат аккуратно, как учили, прижался к углу корабля сзади, направив оружие вертикально вверх. Он был уверен, что только что слышал прямо за углом какой-то шорох, хоть шум стрельбы неподалеку сильно мешал что-либо распознать. Он медленно и тихо вздохнул, прижимаясь спиной к кораблю, потом еще раз, готовясь выпрыгнуть из-за укрытия и, если понадобится, открыть огонь. Он был новичком в рядах военных патрульных, но уже понял, что это не его, хотел бы уйти, но никто его просто так не переведет на более спокойную работу, это надо заслужить. А он хотел бы, например, служить на каком-нибудь большом круизном лайнере или что-то в этом роде, охраняя больших шишек и важных персон. Да, на таких кораблях никогда не происходит ничего серьезного.

Верон подполз к самому краю корабля сзади и тут же отпрянул, чуть не ухнув от неожиданности – прямо на него смотрело дуло автомата солдата, прижавшегося к стенке спиной. Камирутт как можно аккуратнее протянул руку к оружию, так как до самого солдата он достать был не в состоянии. Просто выхватить оружие было бы глупо, так как палец лежал на курке, и если потянуть автомат вверх, он выстрелит.

Верон молниеносно схватился за дуло и дернул вниз. Солдат от неожиданности расслабил руки, и оружие вырвалось

из его вспотевших ладоней. Теперь Верон потянул автомат вверх, а потом снова вниз, с размаху вдарив по шлему прикладом; солдат повалился наземь. Камирутт потянулся вперед, съезжая с крыши корабля и, оттолкнувшись свободной рукой от стенки, сделал кувырок вперед, ударив коленом в сочленение между шлемом и защитой на спине, вырубив противника окончательно. Силе удара помешала трубка, идущая из шлема к спине, предназначенная для подачи фильтрованного воздуха в случае пребывания в некомфортной для жизни атмосфере. Все это действие не заняло и пяти секунд, при этом породив минимум шума. Тело солдата обмякло, но Верон не стал проверять, жив ли он, а просто снял автомат, вытащил из кобуры пистолет, а из ножен на поясе выхватил армейский нож. Теперь он был при оружии, но все еще в меньшинстве.

Выстрелы, обозначающие обстрел корабля, на котором должен был находиться Эврис, утикли. Возможно, они добились желаемой цели, какой бы она ни была, а может, просто кончились патроны. Верон сомневался, что они прекратили стрелять, потому что наконец поняли, что это бессмысленное занятие. С тем же успехом они могли обстреливать этот бронированный корабль синим горохом из трубок. Или пинать ногами.

С одной стороны, прекращение обстрела было хорошей новостью – возможно, солдаты временно оставили корабль, чтобы отойти за патронами, давая Верону шанс что-то пред-

принять, но с другой – стало так тихо, что теперь и его могли легко услышать противники в тишине неумолимо надвигающейся ночи. Хотя и слух гераклида не спал, а темнота оставалась его союзником. Он услышал очередные шаги, причем с двух сторон. Выхода не было, либо ввязаться в бессмысленную перестрелку, либо так же бессмысленно прорываться к кораблю. Второе выглядело рискованней, потому Верон и выбрал этот вариант.

Он вновь забрался на корабль, несколько раз вздохнул, как минуту назад это делал солдат, и побежал по крыше корабля. Перепрыгнул на второй, потом, не сбавляя темпа, перескочил на третий, который был выше предыдущего раза в полтора, но для гераклида это была не проблема. Перепрыгивая на третий, он краем глаза заметил одного из солдат, хотел развернуться и выстрелить, но понял, что это вызовет лишний шум, на который сбегутся все в радиусе ста метров, а потому побежал дальше. Сзади послышался крик, возвещающий о том, что Верона все же заметили. Надо было стрелять.

Запрыгнув на очередной корабль, он сверху увидел все те же три покореженные «тарелки». Людей было намного меньше, хотя трапы оказались спущены, и было понятно, что остальные солдаты внутри, перезаряжают оружие, чтобы опять тупо стрелять по непробиваемому объекту. Верон повернул направо и побежал дальше, чтобы обогнуть ближайший к нему корабль патрульных и выйти непосредственно на

тот, где отсиживается его брат. Сзади послышались одиночные выстрелы, но больше предупредительные, нежели нацеленные, ведь Верон довольно быстро перебирался с корабля на корабль, а преследователям приходилось их обегать. Выстрелы слышали и те, что находились у «тарелок», обернулись и, естественно, увидели бегущего по крышам кораблей человека.

Хоть на улице и темнело, но уже начинали разгораться особые фонари, становящиеся ярче в зависимости от окружения. В Верона теперь уже стреляли направленно, из-за чего ему пришлось упасть на крыше одного из кораблей, больно приложившись ребрами об один из выступов. Ситуация была не из приятных: с одной стороны стреляют, а с другой приближаются остальные солдаты. Ничего не оставалось, кроме как продолжить бег по земле, благо скорость гераклида давала ощутимое превосходство. Сделав несколько выстрелов вслепую в сторону тарелок, Верон спрыгнул и помчался по запутанному лабиринту между кораблями. Он уже был не так далеко, так что бежать особо долго не пришлось, и, завернув еще за пару кораблей, он оказался возле разбитой «тарелки». Вот только что делать дальше, он не знал.

Верон находился с противоположной от стрелков стороны корабля и судорожно искал выход. Стучать не имело смысла, так как такие удары вряд ли будут слышны внутри из-за толстой и прочной обшивки. Еще можно было добежать до здания больницы, но между кораблем и ним было слиш-

ком большое открытое пространство. Совсем близко Верон услышал уже не такое осторожное топание ног преследователей. Выбора не было, и гераклид, положив неудобный автомат на землю, встал в стойку, чтобы как можно быстрее пробежать открытый участок. Он уже заметил окно, в которое собрался запрыгнуть, как слева послышался механический звук. Трап медленно опускался. Верон перепрыгнул через край еще до того, как тот коснулся поверхности, и трап начал закрываться обратно. После жуткого шума снаружи, внутренняя тишина ударила по ушам. Выстрелы из автоматов лишь слегка постукивали о крепкий корпус.

– Долго ты, – сказал Эврис.

– У меня к тебе та же претензия. Как все прошло?

– Не так хорошо, как я рассчитывал, – хмыкнул он.

– А как ты узнал, что я снаружи? – спросил Верон.

– В корпус встроены тепловизоры, так что я тебя видел. – «Хотя и повременил с опусканием трапа». – Они каждые лет пять выпускают новые модели «тарелок».

На чем фирма-производитель зарабатывает огромные деньги. Являясь монополистом в сфере создания «тарелок», она не имеет конкурентов, обладая тысячами заводов по всей Вселенной и выпуская новые модели когда захочет, а Правительству Вселенной не остается ничего другого, кроме как их покупать, потому что контрабандисты и другие преступники тоже не сидят на месте, примерно с такой же периодичностью откуда-то доставая более современные моде-

ли своих кораблей.

– Это да. А почему ты сразу не отлетел подальше?

– Корабль не слабо потрепало, когда я «приземлялся», так что на нем уже далеко не улетишь.

– Я и не планировал сейчас улетать, – бросил Верон. Он должен спасти мальчика.

– Как это? – удивился Эврис. – Понравилось времяпровождение с новыми друзьями?

– Не без этого, конечно, но я должен забрать мальчика.

– Опять я о нем слышу, – нахмурился Эврис. – Что за мальчик вообще?

– Долгая история.

– Ты куда-то торопишься?

Лично Эврис желал как можно быстрее свалить подальше от патруля и затаиться где-нибудь на пару месяцев, ведь произошедшее на планете Уусмаа было серьезным инцидентом, и на кого-то нужно все это повесить. Эврис не собирался быть этим кем-то. Конечно, он мог бы легко откупиться, но репутация его все равно бы серьезно пошатнулась, из-за чего он мог потерять важных и богатых клиентов, тем более у него были далеко идущие планы. Эврис не знал, что вину в инциденте на Уусмаа уже заочно повесили на живущих там людей.

– Во-первых, – ответил Верон, – этот ублюдок, их командир, может в любую секунду приказать убить мальчишку, а во-вторых, сюда может выдвигаться подкрепление. И у них

уже будут не пистолеты-автоматы, а что-нибудь взрывающееся. Я не хочу здесь запечься. Либо прорываемся сейчас, либо ждем еще бóльшую толпу.

Эврис по привычке не хотел соглашаться с братом:

– Они же прилетели сюда только для того, чтобы выбить из тебя денег. Если об это узнает начальство – их попрут со службы. Думаешь, они будут рисковать своим теплым местом и вызывать подкрепление к мирной больнице, только чтобы тебя выкурить?

– Ну... – замялся Верон, поджав губы. – Эта больничка была мирной лишь до моего прилета. Я имел неосторожность убить нескольких солдат.

Эврис от удивления чуть не подскочил на месте. «И он не придумал ничего лучше, чем втянуть меня во все это? И сколько мне еще убирать за своим тупым младшим братом? Да, теперь нам просто так не смыться. Патрульные не простят нам смерть своих товарищей просто так». Эврис, в отличие от брата, своих противников не убил, а лишь устроил им серьезную трепку, да и то, об этом пока никто не знает, кому не нужно. Верон же совершил убийство, и об этом знает командир, который это просто так не оставит. Теперь у него есть вполне обоснованная причина стянуть сюда хоть целую армию для подкрепления.

– Сейчас мы должны действовать вместе, – продолжил Верон. – Я не собираюсь оставлять мальчика на погибель, поэтому мне нужна твоя помощь. И нам следует поторопиться. Ты

со мной?

– Да, – нехотя согласился Эврис, едва сдержавшись, чтобы не поморщиться. – Тогда он нам тоже понадобится. – Эврис зашел в кабину пилота и вытащил оттуда, естественно, самого пилота.

– Оставил его в живых? Ты же и сам летать умеешь.

– Он мог пригодиться и пригодился, – пожал он плечами.

– Далеко смотришь. И что с ним делать?

– Прикрываться.

В корабле была небольшая оружейная комната, в которой от бывших владельцев осталось все необходимое. Под мольбы пилота о пощаде, Верон и Эврис забрали все, что могли унести, навесив это на себя. Судя по тепловизору, преследователи Верона находились прямо возле корабля, где не так давно сидел и он сам. Эврис вернулся в кабину, не забыв прихватить с собой пилота, чтобы не убег.

– Ты же говорил, что корабль далеко не улетит, – заметил Верон, когда его брат сажился за штурвал.

– А нам далеко и не надо. – С этими словами Эврис завел машину и корабль дернулся. Верон еле удержался на ногах, а пилот и вовсе отлетел к стене.

– Предупреждать надо! – крикнул Верон, садясь во второе кресло.

– Я сам не ожидал такой реакции.

– Ну, конечно.

Эврис ничего не ответил, продолжая нажимать разные

кнопки перед собой и менять положение рычажков. Он был настоящим экспертом в управлении любым транспортом, зачастую ему не нужно было даже видеть, как кто-то управляет, чтобы научиться самому, он просто садился за штурвал и вел себя так, словно всю жизнь только этим и занимался. У Верона же от всех этих кнопок и датчиков на панели кружилась голова.

– Предупреждаю, – сказал Эврис и потянул находящийся перед ним штурвал. Корабль тряхнуло еще раз, ощутимей, потом он плавно, как автомобиль с квадратными колесами, полетел вперед и во что-то врезался так, что Верон, не посчитав нужным пристегнуться, вылетел из кресла и полетел головой в экраны, заменяющие панорамное окно.

– Тут ты уже сам виноват, – проворчал Эврис на гневный взгляд Верона, поднимающегося с пола.

– Я, конечно, не часто летаю на различных кораблях, – сдерживая себя, сказал Верон, – но никогда еще подобного не было.

– Это потому что отключена искусственная гравитация. И не смотри на меня так, она пострадала, когда я прилетел тебя спасать и протаранил собой другие два корабля, – буркнул Эврис, он до сих пор не до конца верил, что сделал это.

– Да, – заговорил Верон уже спокойно и даже виновато, – точно. Прости и спасибо.

– Мы же братья и все такое, – отмахнулся старший, пусть и двоюродный брат.

– Ты прав, я бы сделал то же самое. – На самом деле, он и сам не знал, сделал бы. Хотя, если бы это было действительно экстремально, то он не стал бы долго раздумывать, чтобы отправиться в самое пекло.

– Ладно, хватит брататься. Пора отсюда выбираться, правда, я не очень представляю, как это сделать.

– Есть у меня один план, – поднял Верон палец, словно указывая на горящую лампочку, появившуюся у него над головой.

– Твои планы никогда не отличались изыском и редко срабатывали, – заметил Эврис, стараясь не думать о том, как в Иве он додумался перебраться через стену, которую обстреливали снайперы. – Ладно, выкладывай.

Верон вернулся обратно в кресло, надеясь избежать очередного падения, если брату вдруг придет в голову еще раз полетать на этом ведре с гвоздями.

– Мы сейчас вообще где?

– Обзорные камеры не работают, но я направил корабль по тепловизорам в сторону скопления людей. – Теперь-то он уже мог не волноваться, что кого-то ненароком убьет, хотя и падение было довольно опасным, однако Эврис сделал все, дабы избежать жертв, о чем теперь жалел. – Судя по последнему удару, мы врезались в тот корабль, что ближе к зданию, потом нас еще немного развернуло.

– Можно покороче, пожалуйста?

– Конечно, – вздохнул Эврис. – Сейчас мы ближе к боль-

нице, носом к кораблю, в который врезались, а наш трап примерно напротив самого здания.

– О, это отлично, – оживился Верон. – Короче, мой план. Мы с тобой и заложником, который... – Верон повернулся туда, где был пилот, – ...лежит без сознания, прорываемся в здание. Солдаты, естественно, бегут за нами. Потом мы разделяемся, и я отвлекаю внимание на себя, а ты в это время должен добраться до корабля, который еще не успел угробить, и дожждаться меня.

– А пацан твой?

– Если его жизни ничего не угрожает, я забираю его с собой. Если операция все еще продолжается... то план придется несколько менять. Если не останется выбора, то просто улетай, я что-нибудь придумаю.

«Мог бы и не просить», – подумал Эврис. Но все же слишком много в этом плане было «если», даже для плана на скорую руку. Необходимо было слишком много совпадений, чтобы все прошло как надо, особенно непредсказуемыми казались солдаты, которые не принимали никаких особо активных действий, но в любой момент им мог поступить приказ, и тогда все изменится.

– Ну что, – вздохнул Верон, – начинаем?

Корабль слегка накренился и в том месте, где был подъем, сначала появились очертания, а потом трап, отделяясь от корпуса, начал медленно, но уверенно опускаться. Верон встал с краю, держа в руке более удобный для поспешных

действий пистолет, пытаясь выглянуть наружу, поверх трапа.

– Стой! – крикнул он Эврису. – Останови трап! Трап остановился.

– Что там?

– Посмотри, до стен больницы метра четыре.

– Да, около того, и что?

– Можно ведь допрыгнуть, – предложил Верон. Он-то легко мог преодолеть это расстояние.

– Допрыгнуть? – Эврис призадумался. Его физические характеристики, конечно, не дотягивали до гераклида, поэтому он не был уверен, что у него получится даже с разбега преодолеть все расстояние, но брату он уступать не собирался. – Да, это может сработать. Но там стекло.

– Я пойду первым и разобью его собой. У меня это начинает входить в привычку, – усмехнулся Верон. – А ты за мной, я прикрою.

– А пилот? Он уже приходит в себя.

– Возьму с собой.

Эврис не успел даже ответить, как Верон уже подбежал к пилоту и, схватив за шкурку, поволок его, почти не осознающего происходящее, к полуопущенному трапу.

– Что ты?..

– Эй! – громкой крикнул Верон наружу. – Хватит стрелять!

Выстрелы как будто слегка поредели, но лишь немногие.

– Идиоты! – снова закричал гераклид. – У нас ваш чело-

век! Если не хотите сами его прикончить, прекратите стрелять.

В этот раз стрельба практически прекратилась, но самые бестолковые продолжали обстрел, хотя их быстро приструнил командирский голос, который затем крикнул громче, явно адресуя послание самому Верону:

– Докажите!

Верон осторожно, держа за руку, выпихнул пилота в проем между трапом и стенкой, через секунду втащив обратно.

– Какой-то он вялый, – крикнул вновь командир.

– Ты о пилоте или о своих личных проблемах? – засмеялся Верон и услышал в ответ сдержанные смешки солдат.

– Тебе еще хватает наглости шутки шутить? Ты со своим братцем в безвыходной ситуации, сюда уже летит подкрепление.

Верон взглянул на Эврису, словно говоря: «Я же тебе говорил». Во взгляде самого же Эвриса читалось: «Это ты во всем виноват».

– Вызвал подкрепление, пытаюсь поймать всего лишь двоих? Тебе погоны за громкий голос дали, что ли?

– Мне дали погоны за заслуги, а тебе скоро за твои дадут срок или пулю в лоб, зависит от тебя. Так что лучше сдавайся.

Верон, естественно, не верил ни слову. За убийство их товарищей, патрульные даже без приказа разорвут его на части, как только он попадет к ним в руки. Живым он даваться

не собирался.

– Боюсь, если я сдамся тебе, – крикнул он в ответ, – то меня уже точно ждет второе. Вряд ли ты станешь рисковать своей карьерой, оставляя меня, которому продался за деньги, в живых.

– Я все надеюсь, – спокойно заговорил командир после небольшой паузы, наверно, пытаюсь успокоиться, чтобы голос не дрожал от гнева, – что тебе хватит ума не болтать лишнего. Если не у тебя, то у твоего братца точно. Он влиятельное лицо в некоторых кругах, так что у меня нет никакого резона его трогать. А если я трону тебя, он может воспользоваться связями, чтобы мне... отомстить. Так что даю слово, что не трону вас обоих, если вы сейчас же сдадитесь.

– Дадите нам пять минут на обдумывание? – спросил Верон для виду чуть погодя.

– Они твои.

– Хрена лысого он нас отпустить, – обратился он к брату так, чтобы не было слышно снаружи.

– Я тоже так думаю.

– В нас пока не стреляют, так что действуем по моему плану.

Верон ударил в живот уже практически пришедшего в себя пилота, чтобы тот не вопил, схватил его поудобней, отошел на середину корабля для разбега и побежал как можно быстрее. Ноги как будто сами его несли, и даже подъем на трап никак не сбил его с темпа. Еще секунда и он полетел,

оттолкнувшись сильными ногами от края. В следующую секунду он влетел спиной в окно, больно оцарапав руку, и упал прямо на койку. В палате, не считая кроватей и низких тумбочек, было пусто, видимо, всех пациентов уже успели вывести, увидев разворачивающуюся за окном драму со стрельбой и погонями.

Верон отбросил мешающегося пилота, снял со спины автомат и начал стрелять в сторону прячущихся за одним из кораблей солдат. Стрелял он не в то окно, в которое влетел, а в соседнее, оставив первое для Эвриса, который не заставил себя ждать и влетел в него, как только Верон открыл огонь. Влетев, он наткнулся на ту же кровать и, перевернувшись через нее, сбил с ног несчастного пилота, который в этот момент пытался встать.

– Мог бы предупредить о кровати, – укоризненно пробормотал Эврис, хотя в душе торжествовал, что не хуже брата преодолел такое расстояние, используя при этом минимальный разгон.

– Я думал, она смягчит твоё падение, – усмехнулся Верон, хотя, на самом деле, даже не задумывался о кровати или чем-то подобном.

– Смягчила бы, если бы не была вся в стеклах.

– Прыгал бы первым, о стеклах на кровати думал бы в последнюю очередь.

– Опять ты начинаешь...

– Ничего я не начинаю. Потом поговорим. Действуем по

плану.

Верон сделал еще несколько выстрелов и побежал за бра- том, уже стоящим у двери, не забыв прихватить для прикры- тия пилота. Он только сейчас понял, что поранил еще и ногу, но отвлекаться на боль было некогда. У пилота кровь была на голове, хотя не ясно, был ли это порез от разбитого окна или уже следствие столкновения с Эврисом.

В коридоре оказалось пусто. Так как Эврис в здании был впервой, то вел Верон, который хоть и шел уверенно, поня- тия не имел, куда двигаться. Подсказкой ему было размы- тое когда-то красное пятно на полу, в том месте, где он убил солдата, перерезав тому горло, а второго вырубил. Народу не было вообще, ни врачей, которые обычно всегда тут шны- ряют, словно выискивая новых пациентов, ни даже охраны, которую, видимо, известили о поимке преступника. Скорее всего, почти всех уже успели эвакуировать с первыми вы- стрелами.

– О, узнаю эту дверь, – крикнул Верон, останавливаясь, – тут идет операция мальчика.

– Так открой ее и убираемся.

– Нет, мне нужно на второй этаж.

Сзади послышался шум. Верон оглянулся и сделал несколько выстрелов из автомата свободной рукой; другой он держал пилота.

– Следуем плану, – крикнул он.

И они побежали. Один поворот, потом другой, от белых

стен, потолка и пола кружилась голова. Верон очень надеялся, что следующий поворот не выведет его на толпу солдат, ибо тогда бы он точно не знал, что делать и куда бежать. Но еще поворот и перед ним показались два лифта и распахнутые двери, ведущие на лестницу.

– Все, я наверх, а ты спрячься в каком-нибудь кабинете, и как только они помчатся за мной, беги обратно к кораблям. Будем надеяться, что там осталось мало народу. Эврис ответил кивком и скрылся за поворотом.

Надежда. Это все, что им оставалось. Надеяться, что мальчика можно будет забрать, что их обоих не подстрелят, что возле единственного уцелевшего корабля будет по минимуму охраны и что они закончат все до прибытия подкрепления. Никогда раньше Верон так не полагался на удачу и надежду, обычно их заменяла самоуверенность.

Он не стал сразу подниматься по лестнице на второй этаж, а дождался преследователей на лестничной площадке между этажами, чтобы обозначить свою позицию. Не хватало еще, чтобы эти болваны пробежали мимо него. Как только первый оказался у проема широкой лестницы, Верон открыл огонь из автомата, расстреляв бедолагу. «И зачем нужна эта форма, – думал камирутт, – если она кое-как защищает от прямого попадания пули. Только мешает свободно двигаться». На лестнице оказалось еще двое. Верон крикнул, что у него заложник, но слова не достигли адресата, и в ответ послышались лишь выстрелы. «Скорее всего, командир приказал

стрелять на поражение. Жертвы ведь потом можно повесить на двух мятежных братьев-убийц».

Верон продолжал стрелять, но не чтобы убить как можно больше, а чтобы вызвать на себя весь огонь, пока Эврис пытается пробраться к кораблю. Ему тоже явно потребуется время, чтобы разобраться с оставленными там солдатами. Патроны у автомата кончились, но доставать новую обойму времени не было, поэтому Верон его отбросил и достал из чехла за спиной подобие лупары, но с подвижным цевьем. Оружие не очень подходило для точных выстрелов, но выглядело круто, и Верон не удержался его прихватить. Стреляла такая лупара картечью, что, естественно, ограничивало дальность и точность, зато звук выстрела был такой, что и бывалого заставит трястись поджилками, тем более в замкнутом помещении, усиливающим звуки. Верон уже даже не слышал ответных выстрелов спрятавшихся за углами солдат.

Он схватил под руку пилота, который почему-то не убежал, хотя возможность была, и побежал наверх. Уже забегая в открытые двери, он услышал сзади осторожные шаги. Теперь Верон был на втором этаже и вновь надеялся, на этот раз на то, что оставшиеся солдаты не будут спешить. Он вновь побежал по запутанным коридорам и даже пару раз наткнулся на людей, при виде его разбегающихся по кабинам. Видимо, не до всех дошел призыв к эвакуации, если он вообще был.

Верон полагал, что он все же выглядел несколько комично. Устрашающе, но комично. На нем все еще была одета обычная светлая рубашка, которую он так и не сменил еще с прилета на Уусмаа, износившаяся, порванная и в некоторых местах запачканная кровью, а поверх нее висело смертоносное оружие. Но главное – он был в белых докторских штанах. На героя он точно не походил, скорее, на вконец съехавшего с катушек маньяка.

Нужную обзорную комнату он нашел так же быстро, как и в прошлый раз. Бросил взгляд сбоку на пол, где на плите виднелась подсыхающая чернеющая кровь, а одна из плиток была расколота. «Все же это был хруст не моей головы».

Операция все еще велась. Торчащих ребер и органов уже видно не было, однако и стальные конечности все еще лежали в вакуумных контейнерах, но уже возле пациента и открытые, не считая прозрачных пакетов, оберегающие сложные механизмы от пыли и грязи. Верон нажал кнопку переговорного устройства на панели справа.

– Сколько еще будет идти операция? – спросил он. Множество глаз устремились к окну.

– Вы кто? – озадачено спросил один из докторов.

– Все нормально, – успокоил его тот, с кем говорил Верон и кому уже перечислил деньги, и повернулся к Верону: – Нам еще надо проверить работоспособность всех органов и присобачить конечности.

– А его можно забрать уже сейчас?

– Сейчас? – удивился другой доктор. – Молодой человек, вы с ума сошли?

– Мне нужно точно знать. Отвечайте.

– Теоретически, его жизни ничего не угрожает, если не подвергать его нагрузкам, но нам необходимо провести тесты.

– Отлично.

Верон отбежал обратно к двери, где уже слышал шаги. Вероятно, солдаты услышали голоса. Он повернул безвольного пилота спиной и ударил его ребром ладони сзади в область шеи; тело обмякло. Подхватив под руки, камирутт аккуратно уложил его под дверь – возможно, это даст лишнюю секунду времени. Он направил лупару на окно и выстрелил, побежал, выстрелил еще раз. Окно с треском обрушилось, послышались крики. Верон на ходу спрыгнул вниз, приземлившись шагах в пяти от операционного стола. Некоторые доктора и медсестры уже выбегали в дверь, другие же прижимались к стенам подальше от маньяка, словно надеясь, что он их не заметит.

Он прямо со стола схватил мальчика и поднял, желая поскорее убраться оттуда.

– Стойте! – закричал тот самый доктор. – Я помогу!

Спорить времени не было. Доктор отсоединил некоторые трубки и провода, схватил один из мешочков с густой желтоватой жидкостью, которая через тонкую трубочку все еще

поставлялась в тело мальчика, но за неимением рук, игла была вколота в шею, и положил его на живот ребенка, потом схватил тело из рук Верона и побежал к двери, крикнув на ходу, чтобы тот прикрывал. Прикрытие понадобилось тут же. Солдаты, вбежавшие в обзорную комнату, открыли огонь, не обращая внимания на кричащих врачей и медсестер с медбратьями. Верон ответил одним выстрелом картечью и выбежал в дверь вслед за доктором, который оказался прямо за проемом, держа на руках мальчика и сдавливая мешочек, чтобы жидкость продолжала поступать.

– Нам нужны конечности, – крикнул доктор, словно только сейчас о них вспомнил, или надеялся, что Верон сам додумается их прихватить.

– Конечности?

– Вы же хотели ему новые руки и ноги?

– Черт! Эй, ты, – крикнул он ближайшему врачу, прижимавшемуся к стене прямо под окном, при этом не прекращая периодически стрелять вверх в солдат, – тащи сюда эти железки!

– Кто, я?! – выпучил глаза хирург.

– Да, ты! Я прикрою.

– Я... я не могу!

– Я тебе сейчас башку снесу и найду другого посыльного, – рявкнул Верон так, что и остальные подскочили.

Врач судорожно закивал, чуть не сломав себе шею. Ве-

рон вновь спрятался за угол, вздохнул, выбежал, крикнул: «Давай!», и, как можно быстрее перезаряжая оружие, продолжил стрелять в преследователей. Доктор оказался проворнее, чем можно было предположить. Он рванул так быстро, что Верону сначала подумалось, что тот сейчас просто влетит в оборудование и раскидает его во все стороны, но доктор, почти не сбавляя скорости, выхватил из контейнеров железки, с виду напоминающие настоящие конечности, и рванул к двери. Не добежав шагов десяти, он спотыкнулся о собственные ноги и остаток пути проехал на животе. Верон отступил и с силой вытянул его наружу.

– Только две?

– Что... успел... – прохрипел доктор, пытаясь отдышаться.

– Ладно, уходи отсюда. Спасибо. И доктор как можно быстрее заковылял в сторону выхода, как его помнил Верон. Слева из-за угла, метрах в десяти, показалась черная форма.

– Черт! – выругался камирутт и сделал выстрел, но солдат успел отпрянуть обратно за угол. Все осложнилось. – Быстро бегите на стоянку, там вас должен ждать корабль. Если я не явлюсь через три минуты – улетайте.

– Улетать? Куда?

– Куда полетит мой брат. Он знает, что делать. Надеюсь.

– Положите конечности сверху. Все четыре вам будет трудно утащить, при этом еще отстреливаясь от преследователей.

– Унесете?

– Унесу!

Верон сделал, как просили, положив киберпротезы, которые оказались легче, чем он думал, но все же прилично тяжелые, прямо на мальчика, но чтобы не придавить пакет с маслянистой жидкостью. Доктор поспешно, но осторожно побежал туда же, куда минуту назад умчался доктор предыдущий. Даже если там будут солдаты, вряд ли они откроют стрельбу по безобидному на вид доктору с маленьким мальчиком на руках, если, конечно, тот командир не отдал соответствующий приказ. Но даже у него должно хватить благоразумности не убивать каждого, кого он встретит на пути, не забываясь о том, что с ним за это сделают.

Камирутт сделал очередной выстрел, но ничего не произошло; кончились патроны. – А я все ждал, когда же это случится. – Он отбросил лупару и вынул два пистолета, очередной раз вздохнул и встал в проеме двери, направив дуло одного пистолета на угол коридора, а второе – наверх, на обзорное окно, и начал стрелять. Верон уже собирался рвануть в помещение за остальными двумя протезами, полагаясь на удачу, так как понятия не имел, как ему убежать, если руки будут заняты... рукой и ногой, но тут у него за спиной кто-то протиснулся в дверь и женский голос крикнул: «Бежим!» Он оглянулся и увидел, как одна из медсестер бежит по коридору, еле удерживая в руках протезы, и побежал следом, вслепую стреляя назад через плечо.

Девушка, явно услышав бегущего за ней Верона, снова крикнула: «Хватай!» и бросила ногу, точнее, протез ноги на пол. Верон на бегу подхватил конечность, отбросив один из пистолетов, чтобы освободить руку, при этом продолжая стрелять вторым, однако следующий выстрел, как будто на зло, оказался пустой; опять кончились патроны. Он схватил первое, что попало под руку, и метнул нож в сторону противника. Но коридор был пуст. Верон чуть не упал от досады, что стрелял по призракам.

Он бежал за девушкой, которая, казалось, совсем не уставала. Поворот, потом еще один, и снова; она прекрасно ориентировалась в этом лабиринте. Верон все же умудрился на ходу вытащить из кобуры на ноге небольшой пистолет, и как раз вовремя.

При входе в больницу можно было увидеть в центре стойку и два коридора, ведущие налево и направо. Тот, по которому бежал Верон с медсестрой, был правым, а тот, откуда выбежали солдаты, – левым. «Вот почему нас не преследовали, они хотели зайти с тыла». Первым выстрелом гераклид пробил забрало шлема, вторым попал туда же, только уже другому солдату – патроны следовало экономить, так как в обойме этого пистолета их было всего семь, а еще нужно добежать до стоянки, и будет чудом, если там не осталось никого из противников. Верон крикнул через плечо, чтобы медсестра бежала на стоянку. Посылать вперед беззащитную девушку, конечно, было неучтиво, но пока опасней было имен-

но здесь.

Солдаты, увидев, что стало с их товарищами, спрятались за углом, Верон сделал то же самое, но уже у выхода, однако просто стоять было нельзя, ведь девушка побежала вперед, при этом беззащитная. Сделав еще один выстрел в сторону противника, он рванул с места. Добежав до угла, он увидел сидящую на корточках медсестру.

– Что случилось?

– Я не знаю, куда бежать дальше.

Верон выругался, за что удостоился укоризненного взгляда, и выглянул за угол. Было относительно тихо. Четыре корабля, в том числе разбитые, все еще стояли на своих местах, причем трап единственного целого был поднят, поэтому невозможно было сказать, кто внутри. Сзади слышался топот ног. Верон жестом приказал медсестре спрятаться за углом и отдал ей на всякий случай пистолет, а сам, положив пока киберпротез на землю, начал доставать метательные ножи. Так как почти все камирутты были левшами, а угол относительно Верона был справа, ему ничто не мешало свободно метать смертоносное оружие.

Первый же нож полетел в шлем ближайшего солдата, но отскочил от него, едва поцарапав, даже несмотря на то, что сила броска гераклида превосходила по силе любого человека. Хоть он и не нанес противнику урона, все же заставил их остановиться и прижаться к стене. Слышались ответные выстрелы, но так как все были прижаты к стене, стрелять им

было довольно неудобно. Верон вновь бросил нож, метя в сочленение брони на колене, но промахнулся. Впервые ему не хватало рядом Эвриса. Но следующий бросок оказался успешней; камирутт хоть и целился в шею, но на этот раз попал в сочленение на плече, вонзив нож куда-то под мышку. Солдат истошно завопил и упал, его тут же подхватили и поспешно оттащили назад.

Верон воспользовался заминкой.

– Быстро, беги к тому кораблю, там должен быть мой брат.

– А если там не он?

– Ну, возможно, успеешь воспользоваться пистолетом и пожалеть, что решила мне помочь.

Девушка неловко улыбнулась, поудобней схватила протез руки и, пригнувшись, побежала мимо покореженного корабля, перепрыгнув через ближайший труп, убитый Вероном, когда тот стрелял из окна.

Оглянувшись за угол, он увидел, что солдаты уже ближе и подступают мелкими шажками, все еще прижимаясь к стене, покрытой плющом. Не успел он выглянуть, как угол здания начал крошиться от автоматной очереди. Он метнул еще один нож, даже не смотря, куда кидает, и оглянулся. Трап уже открывался, а девушка, стоящая перед ним, машет в сторону Верона. Значит, план сработал. Он кинул еще три оставшихся ножа, опять же не глядя, и рванул к кораблю. Уже подбегая, он увидел стоящего в двери Эвриса с пулеметом в руках, направившего оружие в его сторону. Гераклид

упал за секунду до того, как послышались стрекотания очередей, разрезающих ночь.

– Ты чего, уснул там? – услышал он крик Эвриса, когда тот на секунду прекратил стрельбу. – Поторопись!

Верон привстал и оглянулся назад: солдаты спасались бегством, поражаемые в спины очередями мощного пулемета. Кто-то пытался стрелять в ответ, но быстро жалел об этом. Камирутт вскочил и под градом свистящих над ухом пуль вбежал в «тарелку», спотыкнувшись и растянувшись на полу.

– Закрывайте! – крикнул Эврис, продолжая стрелять. Верон поднялся, чтобы это сделать, но его опередил доктор, нажав на панели сбоку необходимую кнопку. Трап начал подниматься, а Эврис стрелял до тех пор, пока между дверью и стеной не остался лишь небольшой зазор, потом бросил пулемет и побежал в кабину. Через несколько секунд корабль взмыл в воздух. Верон вошел в кабину.

– Я думал, ты меня пристрелить там собрался! – неожиданно для себя громко сказал он. В ушах все еще звенело.

– Была такая мысль, – спокойно ответил Эврис. – Вы не очень-то торопились, а я бываю нетерпелив.

Верон не понял, говорит он правду или просто так шутит. Он не помнил, когда брат шутил последний раз, как, вероятно, и сам Эврис, а потому его чувство юмора несколько заржавело.

– Мы вообще-то были под обстрелом и понятия не имели,

кто заперся в корабле: ты или солдаты.

– Ты думал, что я не смогу справиться с какими-то болванами в дурацких шлемах? – фыркнул Эврис.

– Если бы они заперлись, то ты бы их отсюда не выковырял.

– Но, как видишь, они выковырились сами.

– И откуда нам было это знать? – опять повысил голос Верон. Его всегда бесило, что Эврис не очень-то торопился в подобных ситуациях, словно обдумывая каждый свой последующий шаг, даже если он очевиден. Кто знает, как бы все обернулось, если бы он в тот раз все же дождался, пока Верон не помчится к окну больницы, чтобы попасть внутрь, а не опустил трап за секунду до этого.

– Чуть-чуть веры в меня не помешает, – ответил Эврис напряженным голосом.

– Куда мы летим? – В кабину вошла медсестра и перебила их спор. – Доктор интересуется.

– Хороший вопрос, – откликнулся Верон.

– Сначала мы летим подальше отсюда, – ответил Эврис спокойнее, чем намеревался. Девушка все же ни в чем не виновата. – Сканер засек несколько приближающихся к планете кораблей, и нам повезет, если мне удастся их перехитрить. А потом... Я тут недавно прикупил одну знатную виллу на Зеленой планете. Она оформлена на ложное имя, так что там нас вряд ли будут искать.

– Вилла? А мне почему не сказал?

– Сейчас говорю.

– Я тебе всегда говорю, когда приобретаю что-то новое, – заметил Верон.

– Понятия не имею, зачем ты это делаешь.

– Мальчики, – вновь перебила их девушка, – мальчики, прекратите. Сейчас не время ссориться. Сколько туда лететь?

– Если я отверчусь от патруля, то на этом корыте доберемся прыжка за четыре.

– Хорошо, – сказала она и ушла обратно. Верон, чтобы не оставаться с братом наедине и не продолжать пререканий, направился следом.

Хоть патрульный корабль и был совсем не большим, в нем имелось практически все необходимое. Помещение с четырех сторон было обнесено чуть выгнутыми стенками, за которыми находились различные небольшие помещения: кабина пилота, оружейная, медицинский кабинет (самое большое помещение) и ванная комната. Между стенами оружейной и медицинским кабинетом находился трап, который в закрытом положении представлял собой голую стену, обычно самую грязную и побитую из-за постоянного хождения по ней. Внутри открывалось довольно просторное помещение с круглым не очень большим «столбом» посередине, будто вырастающим из пола цилиндром, вокруг которого к полу привинчены кресла сиденьями наружу. Такие же кресла стояли и вдоль стен, хотя не везде. Они были предназначены

для размещения солдат и выглядели не очень удобными, хотя вряд ли на них засиживались слишком долго.

Выйдя из кабины пилота, Верон, обогнув столб с креслами, направился напрямиком в медицинский кабинет. Вдоль дальней стены размещались больничные койки, на одной из которых лежал мальчик с капельницей над ним, с бултыхающейся желтоватой жидкостью, напоминающей масло. Доктор и медсестра сидели на соседней койке.

– Как он? – спросил Верон.

– Не очень, – ответил доктор не сразу, словно пытаясь сбросить думы. – Ему нужна профессиональная медицинская помощь. Если бы мы не ушли...

– Он бы уже был мертв, – закончил за него Верон.

– Они хотели убить мальчика? – удивленно спросила медсестра.

– Они хотели убить меня, а я спас мальчика, так что мне назло они хотели убить и его.

– Почему? – пораженно спросила девушка. Она даже и помыслить не могла, что кому-то может прийти в голову мысль убить и без того едва живого мальчика, которому от силы лет десять. Хотя ей так же трудно было осмыслить, кто превратил его в инвалида, лишив конечностей. В чем он провинился.

Верон ненадолго призадумался.

– Ну, скажем так, до сего дня я поступал неправильно, но решил исправиться, однако то, что я захотел стать лучше, не

значит, что и другие захотят последовать моему примеру.

– У людей есть одна крылатая фраза, – заговорил доктор, чуть помолчав, – Хотел как лучше, а получилось как всегда.

– Да, фраза действительно идеально подходит к моей ситуации, – кивнул Верон. Он всегда поступал неверно, но решив в одночасье измениться, встретил на пути преград больше, чем когда-либо. Тот камирутт ни о чем подобном не упоминал.

– Меня, кстати, Арст зовут, – сказал доктор, протягивая Верону руку. – А вот эта юная леди – Энага. Девушка скромно кивнула. Только сейчас, при ярком освещении и без стрельбы, камирутт разглядел, что девушка очень даже привлекательна: белые, как и ее одежда, растрепанные волосы едва прикрывали уши, кожа казалась нежной и тоже являлась довольно бледной, из-за чего черные глаза ярко контрастировали на чуть пухленьком личике.

– Я... Верон. Верон Трег.

– А второй?

– Второй? А, это Эврис, мой брат. Двоюродный, – добавил он невпопад, словно оправдывая, хотя и сам не знал, себя или его. Они были похожи лишь внешне, но каждый, кто знал их хотя бы минут десять, легко мог отличить одного от другого, даже если не брать в расчет черные глаза гераклида.

– А мальчик?

– Его имени я не знаю.

– Не знаете даже его имени, а решили спасти, рискуя жиз-

нью?

Верон не решился рассказать, что, по сути, в нынешнем состоянии мальчика есть и его вина. Верон вообще не привык испытывать чувство вины, а тем более выставлять его напоказ. Обычно все считали его бесчувственным, а он и не стремился этого отрицать, да и сам зачастую так думал. Одна ночь изменила его жизнь навсегда, однако те, кто его знает, вряд ли примут эти изменения так просто. Люди не меняются, независимо от расы, они лишь... мимикрируют.

– Ну, я не один здесь такой. – Он посмотрел на Арста, потом на Энагу. Кажется, или ее кожа стала чуть розовой?

– Да, тут вы правы, – ухмыльнулся доктор, покачав головой.

– Кстати, я так и не спросил, почему вы решили нам помочь?

– Хм, – призадумался старик, – даже не знаю. Я просто увидел, как вы хотите стащить его прямо посреди операции, даже не заботясь о подключенной к нему аппаратуре, что его попросту убило бы, и решил исполнить свой долг врача и спасти мальчика. Тем более, столько сил и времени ушло на его спасение.

– Вас могли убить.

– Все мы когда-нибудь умрем, – снова усмехнулся Арст, но как-то грустно. – Я ведь и на войне был, много всякого повидал, какими-то автоматами-пулеметами меня не напугаешь. А вот насчет Энаги сказать не могу, – покачал он го-

ловой. Было видно, что он удивлен ее поведением не меньше Верона.

– А ты что скажешь? – обратился он к ней.

– Не знаю, – сказала она, не поднимая глаз. – Просто порыв. У меня такое иногда бывает.

– Бегаешь под пулями?

– Нет, просто делаю противоположное от того, что следует.

– О, я тебя понимаю, – усмехнулся Верон, – у меня вся жизнь на этом построена. Ладно, если вам пока ничего не надо, я вернусь к брату, узнаю, как обстоят дела.

Верон выходил из каюты со странным чувством, которое у него обычно бывает перед боем или каким другим важным событием. Словно что-то в животе пытается перевернуться, при этом накаляясь и остывая одновременно. И чувство это возникало каждый раз, когда в его мыслях появлялась Энага.

– Как дела? – спросил он у Эвриса, заходя в кабину пилота.

– Нас таки засекли, но я отвертелся, – ответил он сухо. Все это походило на то, словно он отчитывается перед Вероном, что, естественно, ему не нравилось. Он и второй помощник, и спасатель, и личный пилот, в общем, кто угодно, отодвинутый на второй план и с чьим мнением практически не считаются, максимум делают вид, что оно их интересует. В его голосе, однако, все эти эмоции услышать было невозможно, у него был большой опыт в сокрытии своих истин-

ных мыслей и чувств. – Сказал, что мы летим как раз с поля боя, везем раненых и убитых на базу.

– А они что?

– Повелись, – пожал плечами Эврис. Если бы не повелись, они бы не летели так мирно, как сейчас. Объяснять очевидное он тоже не любил. – Правда, требовали еще назвать им свои позывные и прочую лабуду, но я сказал, что тороплюсь, так как у нас много тяжело раненых, и им советовал того же, так что они сейчас на всех парах мчатся к месту... происшествия.

– Хорошая работа! – Верон похлопал брата по плечу.

– А ты опять во мне сомневался?

– Не начинай, – скорчил гримасу гераклид. – Я просто похвалил своего брата. Если бы я сомневался, я бы не оставил тебя здесь одного.

Эврис ничего не ответил. Похвала брата для него была не лучше его безразличия.

– Так что, – заговорил вновь Верон, – когда там прыгаем?

– Ты остальных-то предупредил?

– А, черт, точно! Пока не прыгай, я сейчас вернусь.

Мальчика аккуратно привязали к кровати специальными мягкими ремнями, чтобы не свалился. В его состоянии метасалироваться было рискованно, но еще рискованней было бы сидеть и ничего не делать. Арст и Энага заняли кресла возле каюты, чтобы по прибытию сразу же вернуться к пациенту и проверить его состояние.

– Все, – сказал Верон, садясь рядом с Эврисом и пристегиваясь, – полетели. И они полетели. Перед носом корабля образовался чернильно-черный круг, медленно, но уверенно расплываясь в стороны, расширяясь, словно стремясь поглотить всю Вселенную. «Тарелка» влетела в круг, и стало никак. Все проблемы перестали существовать, словно их никогда и не было. Но из-за этого стало еще паршивей, когда они вылетели обратно в серый мир. Бремя жизни навалилось еще бóльшим скопом, заставляя невольно вздохнуть. Хотя любая жизнь лучше, чем то, что чувствуешь, проходя сквозь эту дыру. А не чувствуешь ты ничего. Верон ненавидел метасалирование. Его ненавидели все, но альтернативы не было. Вселенная слишком большая, и чем больше ты об этом думаешь, тем больше она становится.

Верон вернулся в каюту к мальчику, где уже на том же месте сидели доктор и медсестра, словно и не уходили никуда.

– Ненавижу метасалирование, – поморщившись, покачал головой Арст.

– Как и все, – откликнулся Верон. – Если верить Эврису, еще три прыжка.

– Интересно, – чуть погодя заговорил доктор, смотря на мальчика, – что при прыжке чувствует человек в бессознательном состоянии?

– Понятия не имею. – Верон никогда об этом не задумывался, как и о большинстве других вещей в мире. Ему хватало того, что было перед носом.

– Я слышал, что подобный эксперимент проводили, – заговорил вновь доктор. – Подопытные говорили, будто за ту долю секунды, в которой они находились в переходе, хотя в спящем состоянии об этом невозможно было узнать, они видели картину космоса. Никакая аппаратура не может записать, что происходит внутри, а человеческий мозг может. – Арст кивнул, словно в подтверждении собственным словам, будто он и был тем, кто участвовал в эксперименте.

– Космос? Это же смешно, – фыркнул Верон. Он по жизни был скептиком. – Они, наверно, просто видели ничто, как и любой бодрствующий человек.

– Нет, они уверяли, что видели звезды и даже планеты, и как будто даже эти космические объекты были не из нашего мира.

– Это мог быть просто сон. Вы же сами говорили, что они, будучи в спящем состоянии, не знали, когда происходил переход, а потому могли увидеть сон либо до, либо после перехода.

На самом деле Верону вообще безразлична была эта тема, но не поддержать разговора он не мог. Это лучше, чем просто сидеть в неловкой тишине и пялиться в никуда либо на мальчика, состояние которого все равно никак не изменится, сколько не смотри. В чудотворные молитвы, естественно, он тоже не верил. По крайней мере, чудес он никогда не видел, а то, что некоторые принимали за божий знак, оказывалось какой-нибудь легко объяснимой ерундой; сам объяснить это

не мог, потому что не разбирался в подобных вопросах, но какой-нибудь ученый, вроде его брата, точно нашел бы разумное объяснение.

– Может, и так, но я все же верю, что существуют иные миры, и те люди их видели, – твердо сказал врач.

– Пусть в следующий раз захватят сувениров.

– Эх, молодежь, ни во что вы не верите.

– Я верю в самого себя и собственные силы, мне этого достаточно.

Арст ничего не ответил, лишь пожал плечами. Энага за все это время не проронила ни слова, так что ее мнение осталось неизвестно. Послышался голос Эвриса и все вернулись на прежние места, морально готовясь к прыжку, хотя это и было бессмысленно. К метасалированию невозможно привыкнуть, даже гераклиду.

Использование метасалирования, что поездка на сверхзвуковом поезде с пересадками, ждать следующего бывает довольно долго, и даже зная, что доберешься до пункта назначения очень быстро, все равно во время ожидания такое чувство, что быстрее было бы вообще пешком. Следующие два прыжка, казалось, приходилось ждать по вечности, и вот, последний метасалир. Эврис попросил Верона позвать доктора и медсестру.

– Мы на месте, – сказал он, когда все вошли в кабину пилота.

Планета, как и ее название, и правда была почти пол-

ностью зеленой, хотя в некоторых местах виднелась синева двух океанов и нескольких более мелких водоемов, а также проплешины грязно-желтого цвета.

– Планета все еще в процессе обустройства, – пояснил Эврис. – Через несколько лет практически не останется свободных участков, сверху будет видна лишь зелень и синева. Уже сейчас многие пустующие участки скуплены известными бизнесменами, шоуменами и политиками.

– Ты тоже не смог удержаться, – догадался Верон.

– Верно. Хотя это место я купил не только для того, чтобы восстанавливать душевное спокойствие.

Эврису, как и Верона, никогда особо не интересовала роскошь, хотя в той среде, в которой он крутился, эта была чуть ли не визитная карточка. Если у тебя нет огромного особняка, дорогой яхты, престижного автомобиля и вуматного космического корабля последней модели, то смотреть на тебя будут как минимум косо, а то и вовсе делать вид, что тебя нет. Эврису было плевать на всех этих толстосумов, но он должен был поддерживать репутацию ради своего бизнеса. Иногда ему казалось, что притворяется не только он, но и все вокруг, однако при тесном контакте все же осознавал, что это далеко не так.

– Зачем же еще? – спросил Верон. Эврис недоверчиво покосился него, будто решая, говорить или нет, потом оглянулся на Арста и Энагу и ответил:

– Потом расскажу, когда приземлимся. Корабль шел на

автопилоте.

– Как скажешь. А тебе не кажется, – спросил Верон, чуть позже, – что мы несколько приметны?

– Сейчас здесь в основном грузовые корабли, привозящие материалы длястроек, их пилотам все равно, кто летает вокруг. Мало ли зачем тут патруль. Как приземлимся, я спрячу корабль, так что его не будет видно с высоты. Кстати, мы через тридцать секунд войдем в атмосферу, я бы порекомендовал всем пристегнуться.

Доктор и медсестра спешно вернулись к своим креслам. Не то чтобы вхождение в атмосферу было проблемой, но лучше не рисковать.

Особняк оказался огромен. Было трудно сказать, сколько же в нем этажей, тем более что над ним все еще высились строительные леса. Строительные леса были видны и по бокам дома. Сам особняк напоминал какую-то абстракцию, словно кто-то взял обычное здание и как следует встряхнул, из-за чего окна и балконы теперь располагались в хаотичном порядке. За особняком можно было разглядеть огромный котлован: либо создавался фундамент для еще одного здания, либо для большого бассейна. На некотором расстоянии перед домом, чуть правее, располагались две круглые площадки для кораблей, и еще как минимум одна достраивалась. Верон был уверен, что когда все будет доделано, это будет райское местечко.

Когда корабль приземлился, из дома вышло трое: два камирутта: женщина средних лет и молодой парниша, едва ли старше самого Верона, а также джигударго массивных размеров, больше даже Акаину. Они подходили к кораблю довольно осторожно, явно не понимая, на кой черт к ним на двор приземлилась «тарелка» патрульных.

– Не успел купить недвижимость, а уже обзавелся прислугой? – хмыкнул Верон.

– Пыль ведь нужно кому-то протирать, да и охрана не помешает. Даже на этой планете при всем желании не будет утопии.

– Тоже верно.

Когда по трапу спустился Эврис, в глазах прислуги читалось облегчение. Он небрежно махнул им рукой, что-то сказал двум дворецким (или кто бы они ни были) и те поспешно пошли обратно в дом. Потом обратился к охраннику-джигударго, тот посмотрел на корабль, кивнул и также поспешно ретировался. Эврис вернулся к кораблю.

– Что вы там застряли? Тащите мальчика в дом, там есть медицинский кабинет.

Кабинет и правда был, хотя по размеру больше походил на холл. Метра два от пола стены были покрашены в спокойный голубой цвет, дальше вверх цвет был уже стандартный белый. Также стояло множество коек и аппаратуры, хотя большая часть была будто свалена в дальнем углу за ненадобностью. Мальчика положила на одну из кроватей. Арст

тут же вытащил из кучи некоторое медицинское оборудование и подсоединил к пациенту, благо электричество в доме было уже подведено везде.

На немой вопрос Верона Эврис ответил, что хочет, чтобы у него в доме было все необходимое на все случаи жизни, даже если случаи крайне неординарные.

– У вас есть олейхор? – спросил доктор, закончив подсоединять и настраивать аппаратуру.

– Что есть? – не понял Верон.

– Это заменитель крови у киборгов, – пояснил Эврис, показывая на капельницу. И откуда он все знает? – Точнее, нечто среднее между кровью и машинным маслом. Нет, нету.

– Это плохо, – нахмурился доктор. – Чтобы спасти мальчика, мне нужно еще хотя бы пять пакетов, да и дополнительные руки не помешают.

– За всем необходимым я могу послать Флава, охранника, но насчет рук не уверен.

Эврис вообще не собирался сюда наведываться до завершения стройки, а потому в доме находилось всего три человека, и никто из них не разобрался в медицине достаточно, чтобы хотя бы сменить капельницу или наложить шину.

– А вы один, – заговорил Верон, – точнее вдвоем не справитесь?

– Ну, даже не знаю, – почесал Арст макушку, поглядывая на Энагу. – Вообще, осталось лишь еще раз как следует проверить работоспособность новых органов и приделать ки-

берпротезы. Последнее обычно делается одновременно, то есть все конечности за раз. Все из-за того, что подсоединяются нервы, а это довольно сложно даже для опытного хирурга, но хуже всего то, что организм при этом переживает очень серьезный стресс, который может убить пациента.

– И как этого избежать? Доктор снова замялся, словно подбирая слова, которые были бы понятны всем, а не только знакомым с терминологией хирургов.

– Нужно ввести специальный раствор, – заговорил он вновь, – который вводит пациента в глубокую искусственную кому, после чего присоединяются конечности. Человек, я имею в виду человеческую расу, довольно слаб физически и духовно, поэтому очень частая кома может его убить, посему все конечности и присобачиваются за раз, чтобы не вводить пациента в кому повторно. В одиночку это просто невозможно.

– А с Энагой?

– Она не доктор, а медсестра, – буркнул он, словно извиняясь. – При всем моем уважении, – он повернулся к девушке, – я не могу позволить проводить столь сложную операцию такому неопытному человеку.

Верон не хотел рисковать, а потому не собирался настаивать. Если врач говорит нет, значит, нет. Совсем недавно он докторов вообще посылал куда подальше, если был в состоянии посылать. Он больше доверял своей регенерации, чем медицине, и если кто-то говорил, что ему нельзя двигаться,

он оспаривал это заявление на примере.

– Я не обижаюсь, – сказала Энага. – Я и правда не имею в этом опыта, и даже если бы захотела, не смогла бы сделать все как надо.

– Неужели повторное погружение в кому так опасно? И ничего нельзя сделать? – поинтересовался Верон.

– Ну, есть кое-что, – ответил доктор после минутного раздумья. – Вам мальчика нужно срочно подлатать?

– Эм, я даже не знаю. Главное – вообще подлатать.

Верон не знал, что делать, когда мальчик придет в себя, а потому он был не против, если у него будет больше времени на раздумья. Его можно было отдать в детдом, и по необходимости выделять средства на замену киберпротезов, а можно было оставить при себе, хотя Верон никогда не хотел детей или младшего брата, а потому даже не знал, как вести себя в его присутствии. В любом случае, он решил узнать мнение пацана, когда тот придет в себя, пусть сам решает.

– В общем, если подумать, мальчик уже ведь не совсем человек. Не на сто процентов. Когда искусственные органы полностью синхронизируются с организмом, он будет в разы сильнее. Если нам будет сопутствовать удача, можно провести всю операцию несколькими подходами. Если одну из конечностей присоединить прямо сейчас, то для каждого последующего потребуется приблизительно... два месяца ожидания, прежде чем повторное введение в искусственную кому будет наименее опасно.

– Два месяца?! – поразился Верон, он-то надеялся все решить до конца недели, ну максимум через две, а тут на каждую – каждую! – конечность придется потратить два месяца, и это в лучшем случае.

– Как минимум, – подтвердил опасения гераклида доктор.

– Брат, – обратился Верон к Эврису, – что скажешь?

– А я тут при чем?

– Можно воспользоваться твоей виллой? Временно, пока мальчик не поправится.

Эврис едва сдержался, чтобы не скорчить гримасу. Со временем у него это выходило все лучше. Ему была важна не столько вила, сколько подземная база в нескольких километрах отсюда, куда вел подземный туннель, но даже в этом случае ему не хотелось оставлять здесь на такой срок совершенно незнакомых ему людей, которым он не мог доверять.

– А потом? – спросил он.

– Что «потом»?

– Когда он поправится, что ты будешь с ним делать? – уточнил Эврис, подавив вздох. – Зачем ты его вообще спас?

– Не знаю, – подумав, ответил Верон. – Это был... порыв, – он улыбнулся Энаге. Та, кажется, опять чуть порозовела. – Предпочитаю решать проблемы по мере их поступления.

– Хорошо, – вздохнул Эврис, он-то знал об этой стороне характера брата, – можете располагаться, только не забывайте, что тут сейчас идет стройка, так что советую быть по-

осторожней и не забредать, куда не следует. И – Арст, да? – составьте список всего необходимого. Можете не скупиться.

– О, спасибо, что соглашаетесь нас приютить на время и даже готовы оплатить все расходы.

– Оплатить? – вопросительно поднял Эврис бровь. – Я такого не говорил. Вы сами все оплатите.

– Я? – удивился доктор. – Но извольте, я не обладаю такими большими средствами.

– Если я все правильно понял, – Эврис многозначительно посмотрел на Верона, – то уже обладаете. И даже очень большими. Но вам это лучше обсудить с моим нерадивым младшим братцем, а мне нужно еще кое-что уладить.

Вот так Верон встретил Июлая. И Мару, хотя ни она, ни он об этом никогда не узнают. Июлай все же пережил четыре операции по присоединению новых конечностей, все это время, для его же блага, прибывая в бессознательном состоянии, но даже когда он пришел в себя, Верон все еще оставался на вилле почти полгода, чтобы дать время вновь явленному киборгу привыкнуть к новому телу. Думаю, не стоит говорить, насколько он был шокирован тем, что с ним случилось. В конечном итоге, не зная, что теперь делать, он решил принять предложение Верона и остаться с ним в качестве его сподручного, хотя ему предстояло для начала пройти жесточайшую подготовку.

Верон решил по возможности больше не встречать в се-

рьзные переделки и стать более серьезным и сдержанным. Попытался заняться бизнесом, но оказалось, что это не его, поэтому все свои дела он доверил брату. Все время, пока он был на вилле, Эврис обучал его управлению различными летательными аппаратами, а также попытался обучить его Харака Идо, но он едва улавливал суть искусства и снова забросил занятия. Верон даже одно время имел отношения с Энагой, но когда он покинул виллу, все прекратилось.

Эврис, как оказалось, купил виллу для того, чтобы заниматься контрабандой оружия и переделыванием старых кораблей под боевые, а также созданием новых, более совершенных, и, как полагается, незаконных. Он вырыл под землей огромный туннель, который шел от посадочных площадок у виллы, чтобы корабли, приземляющиеся на них, можно было переправить в специальный ангар под лесом. Он и до сих пор этим занимается. Прознав про то, что его виллу взорвали, он лишь тяжело вздохнул, сразу поняв, кто виновник, но расстроился не сильно – у него было много баз по всей освоенной Вселенной.

Арст и Энага приняли предложение Эвриса остаться жить на вилле, найдя работу по профессии неподалеку, благо вакансий было много, а врач оказался первоклассным специалистом. У Арста было достаточно денег, чтобы купить свой особняк, может, размером по меньше, но все-таки большую часть денег он решил потратить на благотворительность, оставив себе лишь ту незначительную часть, на которую смог

бы припеваючи дожить до конца своих дней.

С правительством все оказалось куда сложнее. Эврису пришлось задействовать все имеющиеся связи и положить на лапу стольким людям, что под конец он натер себе мозоли на обеих руках. Все видеозаписи с камер наблюдения в больнице были стерты, все свидетели извещены о секретности того, что произошло в стенах здания и за их пределами, были подписаны бумаги о неразглашении. С трупами и поломанными кораблями дело обстояло несколько проблематичней, но и тут нашлось решение. Мертвых «расфасовали» по этим самым кораблям и вывезли на Уусмаа, а позже заявили, что храбрые бойцы военного патруля пали смертью храбрых, прибыв на планету для подавления бунта людей и встретив ожесточенное сопротивление с их стороны.

На людей же и было повешено все, что на самом деле сотворили камирутты и те, кто разделял их стремления. И, что удивительно, все допрошенные люди подтвердили эту версию, хоть им и было трудно разговаривать. Помимо этого, в Иве и некоторых других городах обнаружили огромное количество незаконно приобретенного оружия, которое, по заверению людей, покупалось на всякий случай для защиты, и, как оказалось, не зря. Все, кто так утверждал, вскоре почему-то изменили свои показания.

Планету Уусмаа же официально объявили общей зоной, в которой люди не имели никаких особых полномочий, будучи официально наравне со всеми остальными расами. С тех пор

на людей начали не просто косо поглядывать, а в открытую пялиться и выражать свою неприязнь. Люди же надеялись и верили, что когда-нибудь это прекратится. Спустя двенадцать лет на планету прилетел человек, назвавшийся Спардием, и попытался убедить людей, что их никогда не прекратят притеснять, если они так и будут сидеть сложа руки. Призывал к восстанию, но не сейчас. Потом. Совсем скоро. Нужно лишь было дождаться момента.

Глава 10

Стоянка оказалась дальше, чем я думал, а машину было угнать легко, как я и предполагал, тем более, что в городе происходят куда более серьезные происшествя. Труднее всего было найти нужный корабль. Хоть он и был довольно большой, здесь стояли корабли и больше, закрывая обзор. Бродя в лабиринте дурацких кораблей, я наткнулся на «Фишашек» пять раз, пока не нашел наш «Gurin Mnyama». Действительно мастерски скопирован.

За открывающимся люком меня встретило дуло автомата, направленное мне в лицо.

– И я рад тебя видеть, Иолай, – сказал я.

– А, это ты.

– А ты кого ожидал увидеть? Опустить этот трап можем только мы четверо, ну, может, еще брат Верона.

– Любую систему можно взломать, – пожал плечами Иолай. Ему ли не знать. Можно сказать, что это его основная

деятельность, которая, правда, в нашей компании сводится к поиску информации в открытом доступе в Юнинео. Пока ему так и не удалось блеснуть своим мастерством, если не считать взлома системы и отключения самоуничтожения на «тарелке» Адарака в красной пустыне, но для него это было не сложнее, чем зайти в тот же Юнинео.

– Наши противники не так терпеливы, – ответил я, – они сначала попытались бы взорвать корабль, а только потом, если не получится, попробовали бы действовать аккуратней. Ладно, хватить базарить, что там с Костуном? – поинтересовался я, когда мы уже шли по одному из коридоров корабля.

– Пошли к Верону, там все расскажу. И ты нам.

Верон свободно сидел в кресле пилота и смотрел в одну точку, словно над чем-то раздумывая, и даже не взглянул на нас, когда мы вошли. Мы с Иолаем сели на соседние кресла.

– Как ноги? – осведомился я. Верон вздрогнул от неожиданности.

– Ходить буду, – немного рассеяно ответил он.

– А где Костун?

– А вот это уже интересней, – вмешался Иолай, хотя Верона он тем самым не перебил, потому что тот, судя по всему, даже не подумал ответить. – Его забрали.

– Кто забрал? Куда?

– Да вроде как патрульные, – повел Иолай рукой. – При чем еще до того, как началась вся эта заварушка. В гостинице нас ждали, так что вернуться мы не можем.

Оно и не удивительно. После того, как Нерос улизнул, я перестал чувствовать на себе невидимые взгляды. Он сделал, что хотел, подставил меня и, будучи личностью самодовольной, не удержался показать мне на глаза, чтобы как следует позлорадствовать, мол, он меня обыграл в своей игре. В игре, которую придумывал почти пятьдесят лет. Я бы таким гордиться не стал.

– Не очень-то и надо. А как вы все узнали, если не могли зайти внутрь?

– Да в городе же такой беспредел творится, – вновь подал голос Иолай, – что можно хоть банк пойти грабить, никто не заметит. Поймали мы, короче, одного солдафона, вышедшего отлить, ну и допросили с пристрастием, а он нам все на блюдечке и выложил. Сказал, что, мол, кто-то анонимно стукнул, будто в одном из номеров той гостинице засел террорист или вроде того. Туда сразу же приехал наряд и все дела. Сказал, что застали Костуна, поедающим куриные крылышки, а на груди у него висел ўзи, весь заляпанный соусом. Увезли его, в общем, а куда – мы не знаем.

– Большого от него и не ждали, – буркнул я.

– Что с Марой? – наконец подал голос Верон, выйдя из прострации. Вероятно, он ждал, пока я сам об этом заговорою, но все же не выдержал.

– Не знаю. Среди тел я ее не нашел. Ни в здании, ни снаружи. Либо она превратилась в пепел после вашего фейерверка, либо успела убежать раньше.

– Или ее схватили, – добавил Верон.

– Это самый оптимистичный из вариантов. Есть только один вопрос: кто? – сказал Иолай. В отличие от Верона, он не выглядел таким расстроенным пропажей Мары, хотя, вероятно, волновался не меньше, но свое волнение скрывал за беззаботным поведением, иногда граничащим с дуракавалянием, когда как камирутт просто подавлял эмоции, что делало его лицо похожим на камень. Однако вибрирующее напряжение это скрыть не могло.

– Солдаты, кто же еще? Революционеры не стали бы с ней возиться.

– Не факт, – помотал я головой. – Нерос мог приказать схватить ее целой и невредимой.

– Нерос?! – неожиданно воскликнули в голос Верон и Иолай.

– Ну да, это его настоящее имя, насколько я знаю. А что?

Иолай, выпучив глаза, посмотрел на Верона так, словно впервые того видел, а каменное лицо гераклида, казалось, просто взорвалось от разрывающего его резонанса.

– Но это же...

– Я знаю! – отрывисто перебил киборга Верон.

– А я вот не знаю, мне кто-нибудь объяснит? – спросил я, переводя взгляд с одного на другого.

– Откуда ты знаешь Нероса? – спросил спустя пару минут Верон, немного успокоившись, хотя в голосе все еще слышались нотки тревоги, граничащей с плохо скрываемым потрясением.

сением.

– Помните, я говорил, что встречался в жизни лишь с двумя гераклидами, не считая Верона?

– Да.

– Так вот, Нерос и был первым.

– Но ты ведь говорил, что убил его, – сказал Иолай, нахмурившись, будто уловил меня в неправде. Если бы он только знал...

– Я тоже думал, что убил, но он оказался живучее, чем я думал.

Верон и Иолай снова замолчали. Иолай то и дело посматривал на гераклида, словно ожидая его реакции. Когда якобы погиб отец Верона, Иолая еще и на свете не было, поэтому он его не знал, однако, судя по всему, камирутт рассказывал своему другу больше, чем от него можно было ожидать. Верон не то чтобы скрытный, просто в большинстве случаев предпочитает слушать, а не говорить, даже если и хочет вставить слово-два. По крайней мере, именно такое у меня сложилось о нем впечатление. Видимо, наедине с киборгом он ведет себя иначе, а может, он просто раньше был поговорчивее.

Тишину все же прервал Верон:

– Так что все же случилось между вами?

– Ну, скажем так, как-то раз они с его дружкой поймали меня, чтобы провести эксперименты. Он, видите ли, решил, что умнее всех тех, кто пытался разгадать тайну моего бес-

смертия до него. Даже умнее меня. Но ошибся.

– Что случилось потом?

Конечно, я мог рассказать им все в подробностях, что со мной делали, и какой Нерос на самом деле больной на голову, стремящийся в вечной жизни, но Верон это должен был понимать и так, видя, на что тот пошел только ради одной мести. Если это не показатель, тогда я не знаю что.

– Я его убил, – коротко сказал я. – То есть, как я уже сказал, думал, что убил, а он все это время желал мне отомстить. Как я, понял, вы его оба знаете?

– Я не совсем... – протянул Иолай.

– Дайте-ка угадаю. Он отец Верона? – прозвучало, как утверждение.

– Ты знал?!

– Нет, – слукавил я. – Просто сложил два и два. Он камирутт, да и вдобавок гераклид. Хотя я никогда до этого не слышал, чтобы в одной семье было два черноглазых, – заметил я. – Редчайшая редкость.

Гераклид – это, можно сказать, случайное изменение гена, то есть родиться черноглазым может любой, хотя все же у некоторых рас подобных случаев в истории зарегистрировано не было, например, у людей, хотя подобным могут похвастаться даже дэбелы и танэки.

– Что верно, то верно, – подтвердил Иолай. – Не могу поверить, что это был Нерос, его уже лет сорок считают погибшим.

– И как же он официально умер? – поинтересовался я.

– Думаю, будет лучше, если Верон сам все расскажет.

Верон все еще сидел с задумчивым и немного ошеломленным видом. Не удивительно, на него столько всего навалилось за такой короткий период времени. Оказалось, что его отец жив, а в его исчезновении косвенно был виноват я. Почему косвенно? Потому что Нерос был жив и свободен, но сам решил оборвать все контакты с сыном.

– Считается, – заговорил Верон, чуть помолчав, – что он был на Сурусуде по каким-то делам и серьезно повздорил с неизвестным человеком. Этот человек вроде как не захотел в чем-то уступать. Через несколько дней он позвал отца на заброшенную фабрику, якобы чтобы вновь попробовать договориться без посредников и лишних глаз. Отец, Нерос, как и я был гераклидом, и довольно умным, поэтому сразу понял, что это ловушка, поэтому с собой на встречу в качестве охраны он взял нескольких вирусусов. Естественно, отец не ошибся. Была довольно серьезная стычка, в которой, по официальным данным, и погиб Нерос. Потом сурусуды, чтобы скрыть факт преступления, якобы сбросили его тело в один из боковых кратеров вулкана, на котором стоял другой, действующий завод, то ли металлургический, то ли еще какой.

– В этой истории полно нестыковок, – сказал Йолай, когда Верон замолчал и явно не собирался продолжать. – Например, если они хотели скрыть свои преступления, поче-

му уничтожили только тело Нероса, при этом бросив всех остальных посреди двора? И еще: кто был тот мистический человек? Хотя этот вопрос, думаю, уже отпал.

– Неплохо историю перекрутили, – прокомментировал я. – Все было совсем не так.

И я все же решил рассказать, как было на самом деле. Почти. Я не соврал, просто утаил детали. Я рассказал про то, как меня поймали, как несколько недель держали взаперти, как пытались пытать и изучать, слишком поспешно и нетерпеливо, как я нашел в шкафу мальчика, как была драка, убийство вирусуса Гонсала, а также «убийство» самого Нероса. Иолай слушал с интересом в глазах, Верон же будто вновь ушел в себя, хотя было видно, как он напрягается и шевелит скулами, когда я упоминаю его отца.

– Да, все совсем по-другому, – сказал Иолай, когда я окончил. – А тот мальчик, которого ты упомянул...

– Как я понимаю, это был сам Верон. Глаза у него были зажмурены, так что я не знал, что он тоже был гераклидом, как и его отец.

– А ты знал, что это сын Нероса?

– Нет, – соврал я. Я это понял, как только увидел его черные волосы. – Откуда?

– Верон, а ты что-нибудь помнишь из этого?

Верон нахмурился. Ему явно вся эта тема было не по нутру, но он хотел знать правду, какой бы она ни была. Вряд ли он решит присоединиться к своему отцу, но если это про-

изойдет, как, интересно, поведет себя Иолай? Останется с давнишним другом или встанет на защиту людей? А если Нерос будет шантажировать сына Марой и Костуном? Так или иначе, количество противников мне было не важно, сам не знаю почему, но больше всего мне хотелось спасти Мару.

– Лишь отрывками. Я помню завод. Помню, как отец постоянно дарил мне игрушечное оружие, которое я ненави- дел. Вроде даже помню белую палату с телевизором, но, воз- можно, тут я путаю воспоминания. Шкафа тоже не помню, как и разговор с тобой. Хотя... Помню, как меня несли по заводу, я вроде как проснулся на чьих-то руках и позвал па- пу. Потом все обрывается. Мне тогда было лет пять-шесть, поэтому я почти ничего не помню. Или просто не хочу вспо- минать.

Обычно у камируттов очень хорошая память, некоторые уверяют, что помнят даже момент, когда они произносили первое осознанное слово, и неточные воспоминания Верона, относящиеся аж к возрасту пяти-шести лет, были странно- стью.

– Он же оставил тебе наследство? – спросил я.

– Да, но лишь пятьдесят процентов от всего капитала. Остальную половину он завещал какой-то там благотвори- тельной организации или вроде того.

– Что за организация? – живо осведомился я.

– Я никогда особо не интересовался, – пожал Верон пле- чами. – А что?

– Полагаю, та организация была придумана для отмывания денег. Он ведь выжил, но при этом подстроил свою смерть. Оставив себе половину своего огромного состояния, Нерос мог жить припеваючи и использовать деньги, чтобы продолжать эксперименты и готовиться к настоящей войне.

Самое главное, что он должен был написать завещание заранее. Предусмотрительный, гад. Хотя если бы он умер на самом деле, чтобы случилось с деньгами? А еще была вероятность, что завещание появилось уже после того, как я довел его до комы, но тут тоже было много нюансов; его должен был составить кто-то другой, поставить дату задним числом, подделать подпись. Трудно было представить себе кого-то, кому Нерос мог бы так сильно доверять, при условии, что он не доверился даже собственному сыну, подстроив свою смерть, точнее, это опять же сделал кто-то другой, ведь если верить Трегу-старшему, он в то время находился в коме.

– Эксперименты? – удивился Иолай. – Я думал, он хотел ставить их на тебе.

– Даже провалившись со мной, он не оставил попыток найти способ стать бессмертным. Его друг, которого я упоминал, Гонсал, был очень умен в области химии. Нерос использовал его разработки, чтобы создать эликсир бессмертия. И добился кое-каких успехов, как вы могли лицезреть лично.

Все это было со слов самого Нероса, но я сомневаюсь, что он врал, потому что его себялюбие было слишком высоко,

чтобы он решил похвастаться, при этом солгав о собственных достижениях, ведь поймай я его на подобной лжи, это бы слишком сильно ударило по его гордости.

– Значит, его теперь невозможно убить? – сокрушенно спросил Иолай.

– Любого можно убить, если знать как, – сказал я.

– Даже тебя?

– У каждого правила есть свое исключение. Что скажешь, Верон? – повернулся я к камирутту.

– Насчет чего?

– Насчет всего этого. Твой отец, которого ты считал мертвым, устроил настоящий пожар войны, и все ради какой-то мести. По его вине уже погибли сотни, если не тысячи. Вся Вселенная стоит на ушах. Готов ли ты убить своего отца? – напрямую спросил я. Верон весь напрягся и сильнее сжал челюсти. Он с раннего детства не видел своего отца, и даже забыл, как тот выглядит, но Нерос все равно был его родителем, пусть и сумасшедшим. Мало кому в жизни приходится делать выбор между жизнью родного человека и тысяч незнакомцев. И не каждый может этот выбор сделать. Нерос же свой выбор сделал без толики сомнения, но сможет ли его сын с этим согласиться?

– Сначала, – заговорил он, немного подумав, – я хочу с ним поговорить. Я хочу знать, зачем он все это устроил. Хочу понять, почему он бросил меня ради мести. Если все было так, как ты и сказал, Амар, то во всем виноват только он

Один.

– Я рад, что ты это понимаешь, – кивнул я. Если Верон все же получит ответ, который удовлетворит его, останется ли он на нашей стороне?

– Но сначала, – продолжил Верон, – нам надо найти и спасти Мару и Костуна.

– Костуна? – удивился Иолай. – Ты все еще хочешь его спасти?

– Он тоже был втянут во все это против воли, как и мы. Я и раньше не желал ему смерти, а теперь, зная, что за всем этим стоит мой отец, я не могу все это так оставить.

Когда-нибудь его комплекс спасителя доведет Верона до беды, если этого уже не случилось. Надеюсь, ему не придет в голову вместо убийства Нероса просто поймать его и сдать властям.

– Это может быть ловушкой, – сказал я.

– Так и есть.

– Ловушкой? – не понял Иолай.

– За нами следили с самого нашего прилета на Кавитан, – напомнил я свои же слова, пусть и единственным доказательством было мое ощущение. – Как думаешь, кто был тот аноним, что вывел патрульных на Костуна?

– Неужели Нерос? Он так тебе сказал?

– Он не говорил, – покачал я головой, – но это и так понятно. Он контролирует как патрульных, так и повстанцев, так что ему ничего не стоило приказать его людям захватить

кого-то из нас, желательно, самых слабых. Он хочет, чтобы мы разделились ради спасения Костуна и Мары. Все сходится.

– Ты это прямо сейчас понял?

– У меня бывает, – усмехнулся я.

– Я ведь говорил, что у тебя удивительно работает мозг? – подал голос Верон. Его настроение все еще было ниже плинтуса, но мысль о том, что Костун и, главное, Мара все еще живы, явно придало ему новых сил и желание сражаться. Однако трудно сражаться с невидимым противником, его нужно еще найти.

– Не помню, – улыбнулся я.

– Ладно, – вновь заговорил Иолай, – с Костуном понятно, его забрал патруль, а Мара, она тоже у них?

– Сомневаюсь, – покачал я головой. – Думаю, она у повстанцев.

– Почему?

– Ну так ж Нерос хочет нас разделить, а если заложники буду в одном месте, это не получится.

Только не ясно, почему он оставил в живых Верона и Иолая? Проснулись отеческие чувства или он решил их использовать в дальнейшем? Он не двусмысленно намекнул, что собирается их всех убить, чтобы причинить мне еще больше страданий, но я знаком со всеми этими людьми всего несколько дней, и он должен понимать, что их смерть не заставит меня особо горевать. Или не должен? Кто знает, что

в голове у психов?

– А, точно! Так значит, нам как раз таки разделяться и не нужно.

– Ошибаешься, – сказал Верон. – Есть вероятность, что если мы все пойдем за кем-то одним, второй ему будет без надобности, и он его убьет.

– А ты не можешь этого допустить, – вздохнул Иолай. Спорить с Вероном все равно, что спорить со стеной, и киборг это понимал.

– Не могу. И не допущу.

– Но ведь именно этого он и добивается.

– Если мы знаем о ловушке, – сказал я, – то это уже никакая не ловушка. Мы будем к ней готовы.

Правда, я не совсем понимал, как можно подготовиться. «Знал бы куда упаду – соломку бы подстелил», – говорит народная молва. А если падать придется в самое пекло? Солома просто сгорит, а за ней и ты сам, так что там понадобится что-нибудь посущественней. Удача нам не помешает.

– Я должен встретиться с отцом, – твердо сказал Верон, – он точно будет либо с Марой, либо с Костуном. Но где?

– Лично я иду за Марой, – сказал я. – На Костуна мне так-то плевать.

– Мне тоже, – подал голос Иолай, – но я буду с Вероном, что бы он ни выбрал.

– Значит, решено, – протянул я.

– Решено, – согласился Верон, – но мы все еще не знаем,

где их держат.

– Хм, – задумался я. – Мне кажется, ваш метод добычи информации более чем действенный. Будем ловить на улице участников всей этой канители и допрашивать с пристрастием.

– Звучит как план.

– Только желательно все это проделать до наступления утра. Когда рассветет, скрываться будет сложнее.

– Так чего мы сидим? – воскликнул Иолай. – Вперед!

– Сначала надо запастись оружием.

– А, ну да, куда уж без этого.

Не то чтобы план был особо хорош, но другого не было. Наша шальная команда вновь распалась, ныне на еще более мелкие части. При этом одни части оказались вынуждены спасать другие. С каждый днем, да что там – с каждым часом дела у нас шли все хуже и хуже.

Ловушка была более чем очевидна, и несмотря на то, что мы о ней знали и вроде как даже были готовы, нам это особо ничего не давало. Если ты знаешь, что следующий шаг заведет тебя в глубокую пещеру с ядовитыми змеями, что ты сделаешь, при условии, что отступить нельзя? Научишься гипнотизировать змей? Оденешь непрокусываемую одежду? Намажешься чем-то, чтобы оттолкнуть змей запахом? А если нет времени? Его всегда не хватает, когда оно нужно. Остается лишь один вариант: самому притвориться змеей.

План выбивания из противников признания был, конечно, действенным, но слишком грязным и оставлял следы. Если оставлять допрашиваемого в живых, он может все рассказать, кто и что у него допытывал, а если убивать, то тела рано или поздно обнаружат, и тогда все станут осторожней. Хотя бои на улицах уже не были столь активными, то там, то тут слышались выстрелы и даже взрывы. Практически все боевые действия перекочевали к границе города, а потому исчезновение одного-двух людей может привлечь внимание.

Так или иначе, этот вариант был прозапас, а пока было решено найти подходящую одежду и замаскироваться. Мне было легче: нацепил красную повязку и готово, Верону и Иолаю нужно было раздобыть свою одежду. Сначала я хотел кого-нибудь вырубить и забрать желаемое, но все же решил, что нужно обождать с насилием, так что платок я раздобыл, просто подойдя к одному из повстанцев и посетовав на то, что попал в передрагу, где потерял отличительный знак. Этим же я объяснил и надетые на мне штаны патрульного, ведь в своих драных ходить как-то не комильфо. Мне поверили.

Я щеголял по улицам города с дурацкой красной повязкой на плече, словно громко горланя: «Эй, правительственные псы! Я здесь! Смотрите, у меня яркая повязка на руке, означающая, что я революционер! Убейте меня, я слишком глуп, чтобы пытаться маскироваться!» Я бродил от одной группы дебилов к другой, пытаюсь выяснить, что стало с Марой. Де-

лал я это как можно более непринужденно, так, чтобы поддержать разговор. Нужную компанию я нашел с четвертой попытки.

– Что-то давно не поступало приказов от босса, – сказал один гнусаво, словно у него нос был забит ватой.

– Занят, наверно, – пожал плечами второй, постоянно пребывая в каком-то отрешенном состоянии.

– Это чем же он занят? Что может быть важнее того, что мы делаем?

– А что мы делаем? – спросил второй, словно ему это даже не было интересно, как и вообще все вокруг.

– Как что? Революцию! – ответил с пылом гнусавый.

– А что такое – революция?

– Как что, Философ? Борьба за свободу, – так же уверенно ответил второй.

– А что есть свобода? – продолжал спокойно спрашивать Философ словно в пустоту. Вопросы он задавал правильные, но только не в том месте и не в то время.

– Опять ты своими дурацкими вопросами мне голову забиваешь, – поморщился гнусавый.

– Чем-то же нужно.

Вся братия зычно засмеялась. Гнусавый вместе с ними.

– Не знай я тебя, Философ, я бы тебе сейчас так засандалил, – сказал он, хрустя пальцами рук.

– Не сомневаюсь.

– Так все же, чем босс занимается? – не унимался гнуса-

вый.

– Я слышал, – вклинился третий, здоровый, как шкаф, – что он девчонку какую-то искал. Приказал искать ее всем, кто был близко к сенату. Сказал, чтобы привели ее ему в целости и сохранности.

А вот это уже было интересно. Нерос приказал найти девушку, но когда? Явно не тогда, когда мы все были вместе в гостинице, да и если он знал, что в сенате мы находимся все вместе, то тоже на стал бы отдавать такой приказ, потому что поблизости находились остальные, в том числе и я, и без боя мы бы не сдались, а тогда Мару могли как минимум случайно ранить, когда как Неросу она была нужна в «целости и сохранности». Значит, это случилось уже после того, как мы разделились, как я «бросил» ее одну. На лестнице в сенате, насколько я видел, камер не было... Так или иначе, все это было более чем иронично: если девушку все же схватили и доставили к Неросу, то она жива только благодаря нему.

Но успели ли они до взрыва? Куда именно ее доставили, если Нерос во время предполагаемой отдачи приказа был в здании сената, на самом последнем этаже? Что он собирается с ней делать? Вопросов было много, но пока я получаю на них ответы, даже не открывая собственного рта, что только на руку, ведь будет подозрительно, если я вдруг начну спрашивать совершенно незнакомых мне людей.

– Да, я тоже слышал, – сказал другой боец.

– И я.

– И что, нашли? – поинтересовался гнусавый, смычно сморкнувшись. Ваты в носу не оказалось, он был просто полон соплей.

– Чего не знаю, того не знаю. Знаю только, что награду обещал.

– И какую же? – У него в глазах зажегся алчный огонек.

– Не знаю, – пожал плечами здоровяк.

– А что ты вообще знаешь?

– Интересно все же, – подал опять гнусавый голос, когда все вновь замолчали, – а что за награда такая? Деньги?

– Может, эта девка и есть награда?

Все снова рассмеялись, да и я за компанию. Таковую награду им всем скопом не осилить, каждому либо глаза выцарапает, либо так по шарам заедет, что подобные мысли им больше никогда в голову не придут. Было лишь печально, что об этом так спокойно рассуждают те самые люди, которые борются «за свои права и свободы». Да, не все такие, но о большинстве зачастую судят по отдельно взятому меньшинству, обычно неосознанно избирая самых паршивых овец из стада.

– Да не, он же сказал притащить ее в сохранности.

– Так может, ему только поверхностная сохранность нужна. Про нутро-то он ничто не говорил. Ух, я бы ее нутро...

Я понял, что полилог ушел несколько в иную от нужной мне степь и все же решил вмешаться, пока они не перешли от слов к действию, отыскивая по всему городу всех деву-

шек, что попадутся им в руки, и пожиная свою заслуженную награду:

– А куда ее тащить-то? – спросил я. Как и в предыдущих компаниях, в этой мое присутствие сочли самим собой разумеющимся. Красная тряпка на плече была для так называемых революционеров идентификационным отличием получше отпечатков пальцев и сетчатки глаза.

– Кого?

– Ну, девку эту. Награда – это, конечно, хорошо, но какой смысл о ней говорить, если у нас нет искомого? А вдруг она попадется к нам в руки? Так куда ее тащить-то?

– Ведомо куда, к Спардию, – усмехнулся боец.

– А он где?

– Да все там же, в гостинице. Все знают, почему ты не знаешь? – подозрительно уставился на меня гнусавый. Видимо, красный платок не для всех является абсолютным доказательством принадлежности к повстанцам.

– Я? – Несостыковочка. – Я... э-э...

– Да он, наверно, из Гомишарана, – вмешался один из повстанцев, невольно спасая меня от разъяренной толпы. Или, лучше сказать, толпу от меня. – Они же сейчас как раз на границе города воюют с армией Правительства.

– Так то граница, а мы почти в самом центре, – не унимался гнусавый.

– Я из Гомишарана, – ухватился я за предоставленную возможность. – Просто смог проскользнуть через заслон. И

не один, но остальные разбежались по всему городу, грабят и все такое.

– Спардий же дал четкий указ особо не бесчинствовать, – закричал один из бойцов. – Никаких грабежей, изнасилований и убийств простых граждан! – А минуту назад они размышляли о получении награды в виде девушки. Если это был такой юмор, то тут явно не все это так восприняли. – Мы же сами все жители этого города. В Гомишаране, конечно, живут одни преступники, но даже если они тоже члены «Гаруды», мы не позволим им творить все, что вздумается. Почему вы нарушаете приказ Спардия?

– Я не нарушаю, – поднял я усмирительно руки. Не хватало еще, чтобы меня тут прибить решили, и это после того, как я выкрутился в первый раз. – Я за всех не в ответе. Я не пошел с ними, поэтому и торчу здесь. Машая, – решил я блеснуть знакомым именем, – лично дал мне четкое указание не распоясываться.

– Машая? Кто это?

– Это? Да так, не важно, – отмахнулся я. Наверно, надо было упомянуть Роула, но его тоже вряд ли кто знал, а если и знал, то у того явно не было репутации человека, способного отдавать указы и распоряжения.

– Ладно, мы тебе верим. Но передай своим, что если кого поймаем, они пожалеют, что их патрульные раньше не схватили.

– Обязательно передам, если встречу. Так все же, что за

гостиница?

Да-да, это была та самая гостиница, в которой мы остановились. Нерос, он же Спардий, он же сенатор, занял самый верхний номер, супер-люкс, пентхаус с выходом на широкую крышу. Номер, под которым были наши комнаты. Интересно, он это все заранее спланировал?

Наличие в том номере Мары было не так уж очевидно. Нерос вполне мог засесть там, поджидая меня, а Мару спрятать в более надежном месте. Его могло там вообще не оказаться, он мог оставить там своих людей или иную ловушку. Но это маловероятно, за эти годы он, судя по всему, стал терпеливее и сдержанней, а значит должен понимать, что меня невозможно победить. Он это даже подтвердил, когда мы встретились в кабинете сенатора. Значит, это не попытка заманить меня в смертельную ловушку, но что-то он удумал точно. Он не мог не знать, что я найду его. Достойный противник.

Было кое-что еще любопытное. Если верить Верону и Иолаю, в гостинице якобы поджидают нас солдаты Правительства, значит, он там в качестве сенатора, но ведь он сам приказал доставить девушку туда, и не кому-нибудь, а повстанцам, хотя не факт, что патрульные не получили идентичный приказ. Солдаты войти в здание смогут беспрепятственно, а что же с революционерами?

Даже если бы я раздобыл форму патрульного, в здании,

несомненно, дежурит серьезная охрана, которая любого во-
яку пробивает по базе данных. Я, конечно же, есть в базе,
только совсем не в роли служителя правопорядка. Силой
пробиваться тоже не вариант. Слишком шумно. Только один
выход: пробраться тайно. Очевидно, что Нерос этого и до-
бивается, но альтернатив немного. Интересно, как там дела
у Верона с Иолаем?

Найти форму не составило проблем. Хотя патрульных в
городе почему-то оказалось не так много, как можно было
предположить, но достаточно, чтобы Верон нашел себе под-
ходящего размера форму со второй попытки, а Иолай с чет-
вертой. Пусть они и договорились действовать как можно ти-
ше, но для достижения этого им пришлось перебить полто-
ра десятка солдат. До того, как они очнутся, не менее двух
часов, если, конечно, их не найдут раньше. Но камирутт и
киборг постарались спрятать их понадежней. Теперь на них
была форма патрульных, а все, что оставалось – найти Ко-
стуна. И спасти его. И бежать незамеченными. Найти Ама-
ра, который должен был найти Мару. Снова бежать. Сесть
на корабль и улететь. Незамеченными. А вокруг планеты на-
верняка полно патрульных кораблей. План казался проваль-

ным с самого начала, но другого не было.

Форма сидела как влитая, то есть слегка поджимала, а шлем был крайне неудобным дополнением к одежде, непривычно отяжеляя голову и мешая нормальному обзору, не говоря уже о поворачивании головы. Хотя имелись функции ночного видения и даже видения ультразвукового, позволяющего наблюдать за тем, что находится за стеной, но лишь в виде силуэтов, да и стена не должна сильно отличаться от картона. Еще можно было слегка приблизить дальние объекты, хотя даже у Верона зрение было лучше. Судя по всему, этими функциями пользовались редко, в реальном бою от них практически никакого толку. Теперь понятно, почему высшие чины имеют другую форму, более удобную для ношения, и при этом шлем одевается ими редко, лишь в компании еще бóльших чинов. Видимо, уже наносились, когда были рядовыми, и то, что они дослужились до более высоких должностей, делает им честь, ведь чтобы в этом костюмчике получилось достигнуть чего-то действительно стоящего, при этом глупо не погибнув в процессе, нужно прилагать массу усилий. Зато костюм неплохо защищал от комаров.

Верон и Иолай были во всеоружии, осталось лишь узнать, где держат Костуна. Патрульные ходили группкой от трех человек, довольно фривольно для тех, кто находится в городе, заполненном потенциальным противником. Нужную компанию из пяти человек они нашли с четвертой попытки. Двое стояли, облокотившись на капот машины, один также при-

встал сбоку, еще двое находились напротив.

– Что-то давно не поступало приказов от шефа, – сказал один, слегка картавя.

– Занят, наверно, – пожал плечами второй с безразличным видом.

– А мы вот отдыхаем, – вновь забрызжал картавый.

– А тебе охота под пули лезть, что ли?

– Просто чувствую себя некомфортно. Я слышал, наши на границе города сражаются с этими... из Шарана или как его там.

– Из Гомишарана, – поправил его другой.

Как и предполагал Верон. Но, видимо, сами революционеры подобного отпора не ожидали, а иначе весь этот город уже был бы забит гомишаранцами. Камирутт и не ожидал от них каких-то особых свершений, но все же предполагал, что за то время, что они готовились к взятию города и свержению сенатора, у них выстроился более-менее дельный план, лучше, чем просто дожидаться восстания сподвижников внутри города, а затем напасть самим, прорывая баррикады грубой силой. В любом случае, без всей этой толпы найти Костуна или Мару должно быть проще.

– Во-во! А мы тут отсиживаемся, словно крысы тыловые.

– Тут тоже полно противников, – вновь вклинился тот, что с безразличным выражением лица. Судя по выражению физиономии, он этих противников даже в глаза не видел, и надеялся не видеть и дальше.

– Противников? Это городские, что ли? Не смейся мои портки. Они оружие-то в руках еле держат, а когда стреляют, из-под них течет от страха. А вот там, – он показал в сторону границы, откуда доносились частые выстрелы и взрывы, – там настоящие противники. Бандиты всякие и шваль подзаборная, зато привычная к оружию.

– Вот и иди туда, повеселись, – огрызнулся другой. Выглядел он недовольно, зато хорохорился, словно выдавший виды вояка, который ничего не боится, что было противоречием, однако сам бежать воевать не торопился.

– Не, не могу. У меня приказ оставаться здесь, хоть он и был отдан хрен знает когда. Я приказы выполняю.

– Вот и выполняй молча, – подал голос безразличный, стоя немного особняком от остальных.

– Я просто говорю...

Верон и Иолай медленно и раскованно, словно так и надо, подошли к солдатам. На обоих надеты шлемы, но у Верона стекла слегка затемнены, чтобы не выдали черные глаза. Хотя кто там будет разглядывать в темноте? Среди солдат были разные расы, так что и черноглазому камирутту вряд ли сильно удивятся, но лучше не рисковать, если Нерос вдруг приказал схватить такого.

– О, а вы откуда выползли?

Легенда была придумана заранее.

– Мы с границы, у нас послание для сенатора, – чересчур официально ответил Иолай.

– Для самого сенатора? Зачем это?

– Не можем знать, – резко и громко гаркнул киборг голо- сом чуть жестче, чем его. Еще одно в девяносто девяти про- центах случаях бесполезное преимущество киборга. Хотя он обычно предпочитал использовать собственный чуть хрипо- ватый голос.

– Странно это...

– Да ладно тебе, – отмахнулся второй. – Вы лучше скажи- те, что там на границе?

– И так слышно, – на этот раз ответил Верон, решив урав- новесить официоз чересчур ретивого друга. – Воюют.

– Это-то понятно, а кто побеждает?

Не говорить же им, что повстанцы, а то не поверят и при- стрелят.

– Наши, естественно, – без запинки ответил Верон. – Только если мы не передадим послание, все может измениться. Вы бы нам сказали, куда идти.

– А, ну да. Насколько я слышал, сенатор отдыхает в гости- нице. Ему вроде как предлагали свалить со спутника, так он отказался. Герой.

– Герои – это те, кто сейчас на границе держится, – пере- бил его один из солдат. – А этот сенатор просто позер. За- перся в гостинице в своем номере, в самом дорогом, между прочим, окружил себя лучшими солдатами и пьет сейчас, на- верно, самое дорогое вино, покуривает сигару да порнушку по платному каналу смотрит. – И рассмеялся, однако осталь-

ные его не поддержали.

– Ты бы так и поступил.

– Да я и не спорю.

– Что за гостиница-то? – вмешался Верон.

Да-да, это была та самая гостиница, в которой они оставались. Иолай, услышав про это, крикнул, Верон же с виду остался спокоен.

– Что такое? – спросил один из солдат, увидев реакцию Иолая.

– Да нет, ничего. Просто я слышал про эту гостиницу. Вроде как она самая близкая к зданию сената и сама дорогая.

– Точно, так и есть. А этот хмырь сидит там, как барин, да икрой икру закусывает. Только вы это, – спохватился патрульный, – не говорите ему, что я тут такое болтаю. А то точно головы не сносить.

Верон и Иолай клятвенно заверили, что думают о сенаторе ничуть не лучше, а потому будут молчать, и ушли в туман. То есть в дым, медленно заволакивающий город, от чего в горле начинало першить, но только не у них. Иолай обнаружил второе после защиты от комаров полезное свойство костюма – фильтрация дыма. Запах гари чувствовался, но очень слабо, словно неподалеку зажгли спичку.

– Не, ну ты представляешь? – негодовал Иолай. – Какая сволочь, залечь прямо у нас под носом. Точнее фактически над. Он там сидел все время, что мы были в гостинице?

– Если бы он был там, его бы не было в сенате.

– А, ну да, точно, – потряс Иолая головой. – Но он мог быть там ровно до того времени, пока мы не договорились о времени штурма, – предположил он.

– Это слишком рискованно. Скорее всего, в номере был его человек. Он вернулся туда, как только сбежал от нас.

– Ну, теперь не сбежит, теперь мы готовы.

Иолай был настроен решительно и не сомневался в их победе, даже не вспомнив, чем окончилась их предыдущая довольно короткая встреча. Верон, однако, помнил, и не преминул напомнить и киборгу. Иолай в ответ повесил плечи и поджал губы, признавая правоту слов Верона. Он не хотел вновь стать бесполезной ношей на горбу друга.

– На этот раз будем действовать осторожней, – продолжил Верон, – продумывая каждый шаг. Сейчас с нами нет Амара, так что если нас опять вырубят – мы покойники. Но с другой стороны, без его выходов все должно пройти лучше, чем в прошлый раз.

– Не доверяешь ему? – спросил Иолай как бы невзначай. Верон призадумался, но ненадолго.

– Не особо, – ответил он. – А ты? Киборг пожал плечами.

– Даже не знаю, он вытащил нас уже из многих передряг.

– А вспомни, кто нас в них втянул.

– Тут не поспоришь, – вздохнул он.

Хотел Амар того или нет, но вся честная компания пошла за ним не по своему желанию, а от безвыходности. Бес-

смертного подставили, а вместе с ним и тех, кто был вокруг него. Иногда не ты выбираешь компанию, а она тебя. В любом случае, ни у кого из них не было выбора, что особенно бесило Верона, который любил все держать под контролем, особенно свои эмоции, которые в последнее время слишком часто подвергались серьезным испытаниям.

– Он ведет себя слишком непринужденно, будто все, что происходит вокруг, всего лишь игра. Его неспособность умереть сделала его слишком жестоким и циничным, хочет он того или нет.

– Может, в тебе говорит ненависть?

– Ненависть? – вопросительно поднял брови камирутт. Это чувство это не испытывал особенно давно, еще со времен бойни у больницы, когда он пытался спасти Иолая, тогда еще ребенка. Он хотел забыть это чувство навсегда, оно не принесло ему ничего хорошего.

– Ну, он вроде как убил твоего отца, – неуверенно ответил киборг. – Фактически он жив, но все эти годы ты жил с мыслью, что это не так. И теперь ты подсознательно его ненавидишь за это.

– Не знаю, – ответил Верон минуту спустя. – Отец начал целую войну, чтобы отомстить одному человеку, не важно, что тот ему сделал. Я мог стать таким же, если бы он меня воспитывал.

– Одно время ты...

– Я знаю, – отрывисто перебил киборга Верон, но тут же

попытался вновь взять себя в руки. – Но я изменился. Мне помогли... Но если бы меня воспитывал отец, в тот день, возможно, именно я был бы тем, кто... стоял над тобой.

– Ты верно говоришь, что изменился, вот и продолжай идти по тому пути, который выбрал.

– Да, ты как всегда прав, – вздохнул Верон, но отнюдь не от того, что ему приходилось признавать чужую правоту; Иолай был единственным, чьи советы он по-настоящему слушал, хотя тот редко их давал, по крайней мере, действительно дельные. – Обычно я тебя поучаю, а сегодня все шиворот-навыворот.

– Просто я еще молод, а ты уже дряхлеешь, – засмеялся Иолай. – Сколько тебе? Уже за пятьдесят? Для человека это середина жизненного цикла, когда все функции организма идут на спад.

– Хорошо, что я не человек.

– Да я тоже не очень.

И они вместе рассмеялись, впервые за очень долгое время. И впервые за очень долгое время Верон даже не думал обуздывать свои эмоции.

Здание было таким же, каким мы его покинули, за исклю-

чением того, что его окружали толпы солдат. В основном они бесцельно толкались возле входа, периодически сменяясь с теми, кто внутри, выходили курить, как будто в воздухе и без того не хватало дыма. Непонятно, на кой черт Неросу потребовалось столько народу. Может, он все же не собирается подпускать меня к себе?

Здание состояло из двадцати этажей плюс пентхаус, хотя из-за высоких потолков в номерах казалось, что здание намного выше. По форме оно напоминало прямоугольную вазу, расширяясь кверху, из-за чего самый верхний этаж как бы нависал над улицей, пугая своей мнимой хрупкостью. Туда-то мне и стоило забраться. Эх, так и знал, что надо было прихватить с собой альпинистское снаряжение!

Само здание фасадом выходило на широкую улицу, а правой стороной на здание сената и площадь перед ним. Но две остальные скрывались во мраке, теснясь рядом с другими домами, которые сами едва достигали двадцати этажей, однако были обычными, без высоких потолков. Гостиница накрывала все позади себя своей огромное тенью, что в темноте ночного неба выглядело еще более жутко, чем днем. Фонарей в таких узких переулках не было, что с одной стороны нагнетало атмосферу, но с другой позволяло оставаться незамеченным.

Пройдя назад по улице, я пересек широкую дорогу, что не осталось бы незамеченным, если бы тамошние фонари оставались целыми. Зайдя в один из злачных переулков, где, как

и полагается переулкам, пованивало, я направился направо, в сторону гостиницы, точнее, к зданию позади нее. У здания некстати оказался домофон: небольшая вмятина в виде ладони, отсвечивающая зеленоватым, рядом небольшая панель с цифрами. Жильцам дома, для того, чтобы попасть внутрь, необходимо было просто приложить ладонь, но с посетителями было сложнее: сначала им нужно было также приложить ладонь, а затем набрать номер нужной квартиры, дозваниваясь до жильцов. Таким образом, никто из посетителей не оставался неизвестным. Была поздняя ночь, так что вряд ли кто-то на радостях от полуночного пробуждения соблаговолит впустить меня, да и сигнал тут же поступит оператору, который узнает по отпечаткам мою личность. Не удивлюсь, если этот оператор сидит в двух метрах от Нероса.

Еще у двери висела камера, а зная пристрастие этого чертова гераклида к камерам, он точно наблюдает за всем, что творится снаружи. Очевидно, что он ждет меня, но все равно хотелось бы сделать ему сюрприз. С одной стороны, если я оставлю камеру в покое, она меня засечет, но с другой, если я ее сломаю, это тоже сделает очевидным мое присутствие. Нерос не глуп. Я вспомнил, что забыл подобрать Факсимильные Кубы, и теперь жалел об этом, хотя вряд ли они бы уцелели во взрыве.

Благо, камера, как я видел, была всего одна, а располагалась она ко мне задом, к двери передом. Еще она была не звукозаписывающей. В этом я разобрался.

На окнах первого этажа висели решетки, ставшие для меня удобным подспорьем, чтобы забраться на небольшой козырек над подъездом, оставаясь незамеченным. Подъездное окно, в связи с теплом, было открыто, так что я беспрепятственно оказался внутри. Личина вора-домушника была мне знакома в связи с деятельностью.

Выход на крышу оказался закрытым; было бы быстрее выбить хлипкую дверцу, но соседи могли услышать странный шум и выйти проверить, так что я две минуты ковырялся в ней метательным ножом, дважды неприятно обрезавшись. Была бы здесь Мара, я бы взял у нее более удобную для этого дела шпильку. Она ведь носит шпильки? Если нет, она просто была бы обузой. Я вспомнил, что ее нет, потому что она похищена. Если бы не это обстоятельство, меня бы здесь не было. Сидел бы в корабле и ждал, пока Верон и Иолай спасают своего толстозадого приятеля.

Замок наконец поддался и я выбрался на крышу. Нависающая над головой громада гостиницы с такого ракурса казалась еще больше. С верхотуры было видно, как медленно где-то на востоке начинает проступать рыжая заря, заменяющая ныне песочные часы, отмеряющие быстро утекающее время.

Расстояние между этим жилым зданием и гостиницей было метров пять. Я вдруг подумал, что проще было забраться сразу на пожарную лестницу гостиницы на первом этаже, а потом уже взбираться наверх. Я тяжело вздохнул. Как там

Верон говорил? У меня странно работает мозг? Он оказался прав. Но я уже находился на крыше здания, а спускаться обратно лень, так что выбора не было. Ну, так-то он был, я просто сделал неверный, а теперь приходилось расплачиваться. Ненавижу делать одно и то же дважды, например, вновь с самого низа лезть наверх, когда я и так уже наверху, хоть и не на том. На родной планете я всего однажды забирался на гору, самую высокую в том мире, а на другие не захотел. Я ведь уже был на тех же высотах, зачем туда обратно лезть, если еще выше все равно не заберусь?

Отойдя к другому краю крыши, я встал в стойку бегуна, глубоко вздохнул, сосредоточился на цели, рванул с места, поскользнулся и упал. Ну еще бы. Вторая попытка оказалась чуть лучше. На самом деле – нет. Уже в полете я вспомнил, что забыл продумать приземление. Ударившись грудью о перила пожарной лестницы, я чуть не сорвался вниз, едва успев ухватиться за поручни. Во время прыжка у меня с плеча сорвался автомат и полетел вниз. Отлично.

Забравшись на площадку, я услышал внизу какую-то возню, похожую на драку, но из-за развешанной на веревках, тянущихся от здания к зданию, одежды, я ничего не мог разглядеть. Наверно, если бы я действительно сорвался, то как в кино, в самом низу оказался бы одетым в какие-нибудь платье, панталоны и стринги поверх всего этого. Не исключено, что на голове были бы точно такие же трусы. Но я не упал.

За окнами, которые выходили на пожарную лестницу, тя-

нулись длинные светлые коридоры, но людей видно не было. Может, было бы разумнее забраться в здание и забираться вверх по внутренней лестнице, но там тоже могли быть камеры. Я осторожно направился вверх, не забывая всматриваться в окна.

Пентхаус занимал два последних этажа в гостинице, а само здание сильнее всего расширялось с восемнадцатого, где и оканчивалась пожарная лестница. При пожаре или другом бедствии, видимо, те, кто занимает самые высокие этажи, как и самые высокие положения в обществе, должны были спасаться каким-то иным способом. Чем выше поднимаешься, тем дольше и больнее падать, как говорится.

Коридор семнадцатого этажа был пуст. Я осторожно влез в окно и огляделся в поисках камер. Их не было. Я даже расстроился; возможно, мог бы залезть внутрь и раньше. Коридор был широким, при этом пересекался с еще несколькими, более узкими, по обе стороны которых и располагались номера, а судя по удаленности дверей друг от друга, комнаты были довольно большими. Сразу за окном, в которое я влез, тоже находился перпендикулярный коридор, ведущий к лестницам и лифтам. Я пошел к ближайшим.

Те лифты, по одному из которых мы с остальными поднимались в первый раз, находились в передней части гостиницы, и там же находились камеры, теперь же я был в самой... дальней части, и здешние лифты могли и не обладать средствами слежения, но рисковать не стоило. Я пошел к лестни-

це, где обычно видеокамеры не устанавливались. В сенате, по крайней мере, их не было, либо я просто не заметил, что было маловероятно, а это ведь просто гостиница. Я ошибался. Едва открыв дверь, я заметил блеск стекла в углу и красную горящую точку, означающую работу устройства. Надеюсь, я остался незамеченным, хотя чувство, что за мной наблюдают, вновь появилось не так давно, однако я мог просто ощущать, что меня ждут и пытаются найти. Надо отыскать другой путь.

Мысль пришла стремительно, как если бы она специально выжидала момента, чтобы возникнуть у меня в сознании в самый подходящий момент.

Дверцы лифта оказались плотнее, чем я думал, и чтобы раздвинуть их достаточно для того, чтобы уцепиться пальцами, пришлось вставить в щель два метательных ножа, которые все еще висели у меня на груди, существенно их погнув. Дверцы поддались, и я оказался в шахте лифта, кабина которого виднелась этажей на десять ниже. Уцепившись за трос, я медленно полез вверх, стараясь при этом не шуметь, хотя отчего-то хотелось свистеть.

На лифте любой желающий мог доехать лишь до двадцатого этажа, а чтобы попасть в пентхаус, необходима была специальная карточка. В этом случае лифт вел непосредственно в вестибюль номера, открываясь, так сказать, прямо на пороге. Я добрался уже почти до самого верха, когда лифт неожиданно заработал.

Я держался как раз за тот трос, что сейчас начал опускаться, и я вместе с ним, но схватившись за соседний, я оказался в еще более худшей ситуации; этот трос направлялся вверх и переваливался через шкив, грозя втянуть мою руку и превратить ее в фарш. Я перелез обратно, снова поехав вниз, потом обратно, поехал вверх, затем снова... Мимо меня промчался противовес, чуть не задев, потом все остановилось. Лифт встал на первом этаже, что не сулило ничего хорошего. И точно, спустя несколько секунд он поехал вверх, заставляя меня вновь перелезть с троса на трос, как обезьяну по лианам. Противовес вновь промчался мимо меня, на этот раз больно ударив локоть; задело локтевой нерв, и по телу как будто пробежал электрический ток. Но я удержался.

Лифт надвигался. Неумолимо. Все ближе и ближе. Слишком близко. Лифт остановился на двадцать первом этаже, этаже, что для пентахуса из двух был нижним. Кто-то воспользовался карточкой. Это был мой шанс. Я аккуратно спустился на крышу кабины лифта, дождался, когда двери закроются, влез через люк внутрь, заметив, что камера внутри уничтожена, и нажал на кнопку экстренной остановки. Теперь снаружи этот лифт вызвать было нельзя. Я прислонился ухом к дверям и прислушался.

Верон с Иолаем расстались с Амаром на стоянке кораблей, разойдясь в разные стороны, при этом бессмертный пошел в сторону сената, площади и гостиницы, куда и нужно было дуэту, а камирутт и киборг отправились в сторону противоположную, неосознанно отдаляясь от нужной цели. Теперь же они шли – бежали! – уже в нужную сторону. Броня патрульной формы действительно была жутко неудобной, а потому они отколупали от нее все, что мешало в дороге: выкинули шлемы, бронированные нагрудники, защиту на руках и ногах. Защита на спине была неотделимой частью куртки, поэтому ее оставили, и теперь при каждом шаге она шлепала по спине, будучи свободной от креплений, плотно соединяющих ее с выброшенным ныне нагрудником. Автоматы, взятые с собой из корабля, они спрятали еще когда нашли подходящую форму, потому что оно было другого типа и вызвало бы подозрения. Автоматы же патрульных оказались примерно на девять десятых пустые, а запасные обоймы никто проверить не удосужился, поэтому Верон и Иолай избавились и от них, при условии, что патронов мало, а в гостиницу было необходимо проникнуть тихо, поэтому огнестрельное оружие по всем статьям было лишним, хотя у них оставалось по паре пистолетов.

Добравшись до гостиницы, они увидели всю ту же картину, что видели в прошлый раз: здание внутри и снаружи кишело патрульными, казалось даже, что их стало больше. Стояло несколько патрульных автомобилей. Как мотыльки на огонь собрались все, кому надоело бродить по городу в поисках восставших и рисковать жизнью, лучше переждать худшие времена, сгруппировавшись, словно замерзающие пингины.

Ничего не оставалось, Верон и Иолай свернули в узкие злачные переулки, отображающие всю суть сверкающего с виду города. Подбегая к одному из углов, Верон вдруг резко остановился, придерживав Иолая.

– В чем дело? – спросил тот на всякий случай шепотом, что его голосом с хрипотой это прозвучало довольно необычно, словно наждачной бумагой провели по асфальту. Киборг сам себе удивился. Верон, казалось, не обратил на это никакого внимания.

– Кажется, я слышал шаги, – сказал он.

– Да, я тоже. Наши.

– Не ерничай. За углом нас поджидают.

– Кто?

– Откуда я знаю? – вырвалось у Верона громче, чем он планировал. За углом теперь послышалось явное движение. Еще секунда и перед ними предстали личности хулиганской наружности с различным оружием в руках, если оружием можно назвать биты с вбитыми гвоздями и обвешанные це-

почками, цепи уже отдельно, арматуры, кастеты и, как полагається, ножи всех форм и размеров. Вели они себя при этом, по общему мнению Верона и Иолая, довольно уверенно, при условии, что вокруг было мягко говоря темно. Всего их было человек пятнадцать.

– Ну-ка, ну-ка, – заговорил один из них, большой дядька в татуировках по всем рукам, вертя в руках загвоздеванную битку. – Не вас ли мы ждем?

– Эй, – пискнул второй, похожий то ли на крысу, то ли на ящерицу, – а он нам вроде сказал одного ждать.

Верон и Иолай переглянулись. Кто этот «он» гадать было не нужно.

– Одним меньше, одним больше, – пожал плечами большой дядька, – какая разница? Похоже, он просто нашел себе подружку.

Вся братия залилась смехом, словно это была самая смешная шутка из всех, что они слышали. Видимо, они не слышали не одной шутки, решил Иолай. Особенно сильно смеялся тот, что был похож на помесь крысы и ящерицы, что говорило о том, что он был тем еще подхалимом, готовый на все, чтобы угодить боссу, даже на унижение.

– Молодые люди, – обратился к ним Верон с видимой вежливостью; смех тут же затих, словно это были волшебные слова, отключающие звук, – не могли бы вы посторониться? Мы спешим.

– О, не беспокойтесь, сударь, – театрально поклонился

большой дядька, не опуская взгляда, – мы вас надолго не задержим. Точнее, это вы нас надолго не задержите. И если вы нас не задержите, то и мы вас... Что-то я запутался. – Здоровяк почесал затылок.

– Такое бывает, когда пытаешься выразиться умнее, чем на то способен, – съязвил Иолай.

– Чего? – протянул здоровяк, выпучив нижнюю челюсть.

– Вот-вот. Об этом я и говорю.

– Эй, – снова встрял крысо-ящерица, – он, походу, тебя тупым назвал.

– Нет-нет, вы не совсем верно поняли. Я назвал тупыми вас всех.

Хулиганы зашевелились, как тараканы, когда включаешь свет. Самое главное, Верон даже не пытался попридержать Иолая от столь очевидной провокации.

– Ну все, уроды, вам крышка.

Первый вылетевший из толпы с арматурой от арматуры и погиб. Второго Верон отправил в полет ударом с разворота еще когда тот только поднимал свое импровизированное оружие над головой. Иолай прямым ударом кулака в лицо сломал нос третьему, его нож отлетел куда-то в темноту. Группа бандитов начала невольюно пятиться, отступая обратно за угол, в чуть более широкий проулок, над которым реяло чужое белье, сушащееся на множестве веревок, из-за чего не было видно даже неба.

Верон перехватил сразу двоих, пытавшихся пырнуть его

ножами с двух сторон. Каирутт заломил им руки с хрустом, потом схватил за головы и сильно ударил их лицом друг об друга. Иолай в это время увернулся от шипастой биты и перехватил удар бандита, на кулаке которого красовался массивный кастет. Следующим ударом он сломал ему челюсть, во все стороны полетели зубы. Ожидая нападения спереди, он вдруг почувствовал удар в спину и резко развернулся. Перед ним стоял тот самый человек, которому он в самом начале сломал нос, а за ним стоял второй, которому Верон должен был как минимум сломать несколько ребер. Обычные люди с таким уроном даже двигаться не могут, а эти ходили и собирались продолжить драку.

– А они крепче, чем кажутся, – проговорил за спиной Верон. Иолай обернулся и увидел, что некоторые из тех, кого он лично вырубил секунду назад, уже на ногах, хоть и заливаются кровью, пытаются вернуть на место челюсть и вытаскивают изо рта шатающиеся зубы.

– Вы тоже сильнее, чем нам говорили, – послышался голос большого дядьки, который все это время лишь наблюдал со стороны, стоя позади всех и вертя в руках биту.

– Кто вам говорил?

– Вас это не касается. Эх, если бы он не приказал не шуметь, вы бы уже валялись в лужах собственной крови. А так, ножи и дубинки, как я понимаю, особого эффекта не дают. Если бы у нас был огнестрел...

И тут, как по мановению волшебной палочки, сверху пря-

мо на голову здоровяку упал автомат, точно прикладом по темечку. Все как сговорившись взглянули наверх, явно ожидая продолжения оружейного дождика, но Верон вместо этого рванул вперед, используя всю силу гераклида и раскидывая всех, кто стоял на пути. Первым опомнился большой дядька, заметив взлетающих вверх людей; он, откинув дубину и падая на четвереньки, бросился к автомату, лежавшему у его ног, и успел даже его схватить, но только поднявшись на колени, получил мощнейший удар ногой в лицо. Все его массивное тело подлетело в воздух, руки разжались, и автомат оказался у Верона раньше, чем здоровяк, пролетев несколько метров, рухнул с неестественно выгнутой шеей.

– Еще есть желающие продолжать вечеринку? – спросил Верон, направляя оружие на толпу. Бандиты бросали свое грязное оружие и поднимали руки, пораженно выпучив глаза. – Вот и отлично. А теперь пошли нахрен отсюда, пока не понаделал в вас лишних дырок.

Толпа заторопилась восвояси, убегая как можно дальше и подбирая раненых, при этом огибая Иолая чуть ли не за два метра, словно это у него в руках было смертоносное оружие. Стало опять тихо.

– С каких пор с неба падают автоматы? – прервал тишину Иолай, поднимая взгляд к заволоченному бельем небу.

– Наверно, с тех, когда по крышам начали бегать бес- смертные.

– Думаешь, это Амар?

– Автомат точно такой, какой был у нас. Наши спрятаны далеко отсюда, значит, это его.

Будь там сейчас Амар, он бы наверняка пошутил на тему Шерлока и Ватсона.

– И что он здесь делает?

– Это мы и должны выяснить, – сказал Верон, проверяя оружие. Как он и думал, в нем тоже было не так уж и много патронов.

– Кстати, ты заметил, какие они оказались живучие? Попробуй меня, если они не люди.

– В том-то и дело, что люди, – кивнул Верон, нахмурившись. – Я бил так, чтобы не убить, но достаточно, чтобы вырубить, причем надолго, а они вставали, словно вообще не чувствовали боли.

– Странно все это.

Верон подошел к телу большого дядьки и расстегнул кожаную куртку с оторванными рукавами, оголяющими его покрытые татуировками руки. Он явно был не новичком в подобных делах, однако это дело стало для него последним, чего он явно не ожидал.

– Что-нибудь нашел? – спросил Иолай, подходя.

– Посмотри. – Верон держал на ладони три капсулы красного цвета.

– Что это? Наркотик?

– Очень похоже, только я не знаю ни одного наркотика, который давал бы такой эффект.

Верон был уверен, что стойкость этих людей обусловлена именно наркотиками, и именно теми, что он держал в руке, иначе это объяснить было нельзя. Для гераклида они проблем не составляли, но если таких будет не десять-пятнадцать, а, например, пара сотен, они могут стать серьезной угрозой, особенно если им в руки дать оружие посерьезней, чем ножи и кастеты. Армия не чувствующих боли наркоманов, даже страшно представить. А если эта армия будет принадлежать Неросу...

– Я тоже, – хмыкнул Иолай. – Думаешь, это дал им всем Нерос?

– Очевидно. Если бы такой наркотик был повсеместно распространен, о нем бы стало широко известно.

– И стоил бы он больше, чем могли заплатить эти оборванцы. Есть что-нибудь еще?

– Да, вот эта карточка. – Верон показал черный прямоугольник. – Сдается мне, она может нам пригодиться.

Черный выход, как это обычно бывает, был намертво заделан, и Верону с Иолаем пришлось приложить усилия, чтобы выбить железную дверь. Несмотря на шум, за дверью никого не оказалось, лишь небольшое затхлое помещение, заваленное хламом. Противоположная дверь оказалась тоже закрытой, но хорошенько нажав на ручку, Верон практически бесшумно выломал замок. Теперь они находились в хорошо освещаемом коридоре, ведущем в обе стороны. Пройдя несколько метров влево, они наткнулись на дверцы лифта и

выход на лестницу. Выбор пал на лифт.

– А если в лифте камера? – спросил Иолай, пока лифт еще был в пути.

– Уверен, что она там есть. Просто разобьем, хотя можно и без этого.

– Тогда Нерос узнает, что мы в здании и идем за ним.

– По-твоему, он еще не знает? Кто-то из тех бандитов наверняка уже позвонил ему и сообщил о нас.

– Ты прав, но все же...

– Здание напичкано камерами и сенсорами, я уверен. Нерос хитрее и умнее меня, – сказал Верон, поморщившись, словно произнося это через силу, – и тем более тебя. Он бы никому не позволил подобраться к нему незамеченным.

Иолай лишь пожал плечами и поджал губы, уже входя в открывшийся лифт. Верон ударом ножа разбил висящую в углу камеру.

Карточка и правда понадобилась, так как без нее кнопка двадцать первого этажа, ведущего в пентхаус, попросту не нажималась. Верон и Иолай взяли в каждую из рук по пистолету и прижались к противоположным стенкам лифта, вжимаясь в угол. Кабина остановилась, и двери разъехались в стороны, но вместо недоуменных криков или даже выстрелов их встретила тишина. Они выскочили из-за углов, держа перед собой оружие, но в комнате было пусто, что особенно бросалось в глаза в белом просторном помещении. Широкий телевизор, тоже белый, даже экран, закрывал слева по-

что всю стену, по обе стороны телевизора располагались закрытые двери. Справа находилось широкое окно под углом, на котором, по желанию, можно было даже полулежать. Посреди комнаты находилась широкая винтовая лестница на второй этаж с резными перилами. Вот и все, чем мог похвастаться самый дорогой номер в гостинице, хотя за дверьми наверняка их могла ждать шикарная спальня, но проверять не было времени.

Стояла тишина, что и констатировал Иолай.

– Не вижу камер, – ответил Верон.

– Я тоже. Они могут быть скрытыми. Наверно, со стороны мы выглядим полными идиотами, – усмехнулся киборг.

– И не только выглядим.

Сзади послышался слишком резкий для царящей внутри тишины звук и Верон с Иолаем от неожиданности чуть не подскочили, развернувшись и готовясь стрелять, но это оказался всего лишь лифт, закрывающий свою металлическую пасть, словно отрезая все пути к отступлению. Только вперед.

Лестница была не крутой, а снизу (а значит и сверху) нельзя было увидеть другой этаж, что было только на руку. Верон и Иолай медленно стали подниматься. Камирутт шел впереди и смотрел только вперед и вверх, киборг же прикрывал тылы на случай, если это ловушка и из-за спины кто-то мог выпрыгнуть. В общем, это и была ловушка, и они это знали, вопрос был лишь в том, в чем она заключается и когда за-

хлопнется, поглотив нерадивых спасителей.

Верхний этаж был еще шире и выше потолком, хотя казался темнее из-за стеллажей книг, закрывающих всю стену впереди, позади и часть стены слева, оставляя место для пары дверей. Лишь взглянув направо, они увидели его. И их.

Нерос свободно раскинулся на дорогушем кресле, держа в пальцах еще более дорогую сигару, рядом стоял небольшой прозрачный столик, на котором находилась открытая бутылка вина, которое, наверняка, дороже кресла и сигары вместе взятых, и два бокала.

По его левую руку, но практически у самого края крыши, на менее дорогих креслах сидели Костун и Мара. Руки у них были завязаны за спиной, ноги тоже связаны, во рту кляп. Вид у них был очень измученным, особенно у Костуна, обычно красное лицо которого вдруг посерело.

– Честно признаться, – первым заговорил Нерос, – я ждал Амарталиса. Нет, вас, конечно, тоже, но рассчитывал все же на то, что он пребудет первым. Даже не могу предложить вам присесть.

– Да мы и не собирались, – сказал Иолай, у которого вдруг во рту все пересохло.

– Ты знаешь, кто я? – с места в карьер начал Верон.

– Я...

Сзади прозвучал выстрел и голова Нероса резко запрокинулась назад, изливая фонтан крови.

Немного обождав в лифте, я нажал кнопку, открывая двери. Створки бесшумно раскрылись, и я заметил какое-то движение; чья-то нога ускользала из поля зрения, скрываясь вверху за углом закрученной лестницы, стремясь на следующий этаж. Я медленно направился вперед, высматривая камеры, хотя уже было все равно, ибо тут незамеченным оставаться было просто невозможно. Помимо ноги с темной кроссовкой, в комнате было пусто и светло, чуть ли не стерильно.

Если стоять снизу у лестницы, верхний этаж нельзя было увидеть, но я все же рискнул подняться вверх, держа пистолет наготове. Я уже собирался поднять голову и осмотреть верхний этаж, как услышал голоса. Это точно был голос Нероса, говорящий о том, что тот ждал меня, потом ему ответил второй голос с легкой хрипотой, выдающей Июлая. Раз он ждал меня, а пришли они, и, судя по всему, на лифте, а не как я, идиот, значит, он не знает, что я здесь. Верон что-то сказал, но я уже не слушал; рывком выпрыгнув на лестнице вверх, я на слух выбрал направление, откуда доносились голоса, и выстрелил прямо между Вероном и Июлаем, пробив Неросу голову.

– Твою мать! – выругался Верон, что необычно для него, когда он, обернувшись, понял, что это я. – Я сначала хотел с ним поговорить.

– Я помешал? Ну, извини. Еще успеешь.

– А если он не сможет восстановиться? Повреждение мозга даже для гераклида смертельно.

Если бы я не знал, то подумал бы, что он не хочет убивать Нерос. Да я, в общем-то, и не знал.

– Ну, значит, мы достигнем желаемого, – отозвался я. – Если помнишь, первоначально мы хотели убить того, кто нас подставил.

Я поднялся на этаж, оказавшись в еще более просторном помещении, чем предыдущее. Почти у всех стен стояли полки с книгами, создавая атмосферу некой загадочности старины. Можно было подумать, их кто-то читал, хотя я как минимум прочел половину из всей этой коллекции, причем в печатной форме, впитывая в себя запахи свежей бумаги и чернил.

– Разве? А мне помнится, мы хотели очистить наши имена.

– У нас, видимо, разное представление о способах это сделать.

– Ребята, – вмешался Июлай, – вы ничего не забыли? Зачем мы сюда пришли?

– Спасти Мару, – отозвался я.

– И Костуна, – добавил Верон. Конечно, Мару, как и я,

он желал спасти в первую очередь, но и о толстяке не желал забывать, не преминув и нам о нем напомнить.

– Это уж как получится.

– Так спасайте! – воскликнул Иолай, указывая куда-то правее. Только сейчас я заметил похищенных, привязанных к креслам почти у самого края широкого балкона мансарды.

– Опять мне все делать. – Я подошел к Маре и начал развязывать ноги, она что-то мычала через кляп во рту, дергаясь, как на электрическом стуле. Я его вытащил.

– Бобма! – тут же крикнула она.

– Да, мы тоже рады тебя видеть.

– Да нет, болван, под нами бомба. Она реагирует на вес, если мы слезем с кресел, прогремит взрыв.

– Она права, – слышался спокойный голос Нероса. Он потерял лоб в том месте, где пару минут назад была сквозная дырка, растирая кровь, вновь затянулся сигарой, которая не выпала у него из рук, даже когда он был «мертв», но зато прожгла дорогое кресло. – Я бы это сразу сказал, если бы ты не вышиб мне мозги.

– Я смотрю, ты и без них неплохо справляешься.

– Как всегда остроумен, – оскалился он. – В прошлый раз ты тоже вот так шутил, недооценивая меня, хотя, готов признать, и я тебя недооценил. Но теперь все изменилось, теперь проигравшая сторона здесь – ты!

Для камирутта Нерос был даже слишком горделив, и праздновал свою победу еще до того, как победил. Чрезмер-

ное чувство собственного величия его когда-нибудь убьет. Моими, конечно же, руками.

– Как всегда болтлив. А я, кстати, и не знал, что мы играем. Нерос усмехнулся своей кривой усмешкой, не спеша затянулся своей сигарой и пригубил вина.

– Играем, играем, – покачал он головой. – И это моя игра, в которой ты обязан принять участие. В начале я такого не планировал, но узнав, что в катастрофе выжил не только ты, я переменял свои планы. Я специально дал тебе время, чтобы ты к ним привязался и прибежал спасать, если с ними что-нибудь случится. И вот – ты здесь, как я и планировал. Кстати, тебе понравился мой сюрприз? Война! И все только ради тебя.

– Понравилось – не то слово, – отозвался я. Не самый экстравагантный подарок из всех, что я получал, но все же. Главное ведь старание и вложенные чувства, а Нерос вложил столько ненависти, что хватит на целый легион.

– Я рад. Он снова пыхнул сигарой, выпустив густой дым.

– Ты знаешь, кто я? – прервал молчание Верон, который явно не желал продолжение нашей перебранки.

– Ну еще бы, – повернулся к нему Нерос. – Ты вырос. Но на этом все. Ты и в детстве был хлюпиком, Верон, постоянно ныл, что тебе не нравятся игрушки, которые я тебе дарил. Требовал машинки и кораблики, даже кукол. – Он вновь ухмыльнулся.

– Мне было шесть лет! – выкрикнул Верон, больше не в

состоянии оставаться спокойным.

– Как я и сказал, – спокойным голосом продолжал Нерос, – ты практически не изменился. Было время, когда ты убивал налево и направо, ненавидел людей и презирал законы, даже убил своих же, камируттов, – да-да, не удивляйся, я присматривал за тобой, – но потом ты изменился. Превратился обратно в слюнтяя. Да и своих соплеменников ты убил только ради спасения человеческого мальчишки. Ты даже не представляешь, как я себя чувствовал, когда узнал, как ты унижался перед другими, чуть ли не молил, только ради спасения грязной обезьяны. Мой сын, плоть от плоти, жалкое ничтожество! Позор расы! Я не раз пожалел, что оставил тебе столько денег, но иначе никто бы не поверил, что я действительно погиб.

Верон стоял как громом пораженный. Вряд ли найдется много людей, которые могут сказать, что видели его в таком ключе, а может, и вовсе никто, может, он никогда и не испытывал ранее таких чувств. Но и не у каждого родной отец после нескольких десятков лет расставания вот так высказывал в лицо свое недовольство сыном, да еще и в том, что тот не такой же маньяк, как он сам.

– Я? – вымолвил Верон наконец. – Я позор расы? Ты имитировал свою смерть, почти пятьдесят лет бегая и прячась. Ты бросил меня, своего сына, на произвол судьбы. Ты думал, что деньги все могут компенсировать? Мне плевать на твои деньги! Ты начал бойню по всей Вселенной, и ради чего?

Ради мести за собственную ошибку, которую ты совершил, поддавшись алчности и жадности, жажды обрести вечную жизнь? Может, я и опозорил свою расу, но только лишь тем, что убил своих соплеменников, но всю дальнейшую жизнь я пытался вершить лишь справедливость. Ты же опозорил себя гораздо – гораздо! – сильнее, и продолжаешь позориться.

– Детский лепет, – презрительно фыркнул Нерос, затягиваясь сигарой. – Отец тебя бросил, все тебя предали, посмотрите на него, бедное дитяtko. Первые лет тридцать ты об этом не задумывался, развлекаясь на честно халявные деньги и в ус не дул. Справедливость? – усмехнулся он. – Посмотри направо. Видишь этого... человека? Он бессмертен просто потому что. А что полезного он сделал для мира? Он вор и убийца, преступник, живущий только ради наживы и собственной выгоды. Он может перевернуть Вселенную с головы на ноги, сделать ее лучше, но вместо этого лишь ведет праздную жизнь, ни о чем не заботясь.

– Мир легко перевернуть и поставить на ноги, но кто сможет людям не упасть? – вклинился в разговор я. – Даже если бы я изменил Вселенную, не все приняли бы изменения. Лучше жить тише и изменять понемногу, незаметно, чем все и сразу.

И зачем я это говорю? Он псих, а психу важно только собственное мнение и ничье больше, даже сунуть истину ему под нос, он лишь презрительно фыркнет и отвернется. Он слишком упертый, чтобы его можно было убедить, хоть сло-

вами, хоть действиями. Злокачественную опухоль удаляют насильно, а не пытаются переубедить уйти восвояси.

– Слова труса, – небрежно бросил Нерос.

– Не я здесь ради собственной безопасности держу заложников.

– Это не относится к делу, – отмахнулся он. – Они здесь лишь для того, чтобы выманить тебя.

– И зачем же?

– Открой мне свой секрет, и я их отпущу. Только я знаю, как обезвредить бомбы.

Опять двадцать пять. Некоторым просто плевать на правду, если они считают ее ложью, и переубедить их бывает просто невозможно. Хотя его все же можно было понять: ну кто поверить сильному человеку, что тот не знает, как стал таким? Я бессметный сам по себе, и это все, что я знаю, но даже знай я подобный секрет, то не выболтал бы его, пусть людям, которых я знал всего несколько дней, будет грозить опасность. Нерос, однако, так не считал.

– Секрет? У меня их много... – отозвался я.

– Бессмертие! Расскажи мне про свое бессмертие!

Бокал в руке Нероса лопнул. Обожженное его лицо кипело от гнева, та часть лица, которая еще могла отображать эмоции, отображала маску ненависти и злости. Зубы сжимались и скрипели, но при этом он так и оставался сидеть в кресле. Вот истинное лицо человека, который собирается изменить мир к лучшему.

– Хорошо, – ответил я. – Я бессмертен. Доволен?

– Мелкий ублюдок! – взвизгнул Нерос, но тут же взял себя в руки. – Не играй с судьбой. Ты бессмертен, но не твои приятели. Под моим креслом точно такая же бомба, а в ней, помимо взрывчатки, тот же газ, что был на лайнере. Помнишь? Потрясающая вещь, делает из человека бездумного зомби, пускающего слюнки, будь то дэбел, человек, камирутт или даже гераклид. У меня, как вы могли догадаться, иммунитет. Мне лишь интересно, как это вещество повлияет на бессмертного. Я хотел проверить еще на лайнере, но ты удачно успел смыться.

Вряд ли подобный яд мог причинить мне хоть какой-то вред. Даже если я и стану пускать слюни и биться головой о стену, то продлится это совсем недолго. Если бы меня можно было победить подобными вещами, я бы до сих пор валялся в какой-нибудь лаборатории на родной планете. Возможно, это уберегло бы ее от очень многих бед. Но история не имеет сослагательного наклонения, *factum est factum*, как говорится. Я так и заявил Неросу, только без части про планету.

– Помнится, я тебя поймал, вырубив как раз ядом, – ответил он чуть ли не самодовольно.

– Не присуждай все заслуги только себе. С тобой еще был волосатик. Нерос усмехнулся.

– О, я помню, не переживай. Его труды очень мне помогли.

– Ладно, вот мы и поболтали, выяснили отношения, даль-

ше что? – поинтересовался я. Мне это стало немного надо-
едасть.

– Продолжим игру. – Нерос откинулся на спинку кресла и затянулся сигарой. – Три стула, шесть человек. Если один из стульев окажется пуст, произойдет взрыв. О, забыл предупредить – это место не единственное, где заложены бомбы. Они по всему городу. – Он махнул рукой с зажатой в пальцах сигарой себе за спину, где как раз и располагался город. – Я хочу провести тот же эксперимент, что и на лайнере, только масштабнее, и хочу увидеть, чем все закончится, потому что в первый раз все погибли во взрыве, а я не знаю, как будет вести себя газ со временем. Я, кстати, его подправил, так что теперь «зомби» будут, как бы это сказать... порасторопней. Так что, Амарталис, расскажешь мне о своей силе?

– Зачем? – тихо сказал Верон, даже холодно, можно сказать.

– Зачем? – переспросил Нерос, подняв вопросительно брови.

– Зачем ты все это делаешь? Неужели ты готов убить даже... родного сына? И даже не удосужился это сам сделать, подослал головорезов.

Нерос рассмеялся Верону в лицо, еще раз затянулся сигарой и выпустил дым длинным белым шлейфом. Потянулся было за бокалом, но вспомнил, что минуту назад разбил его, сжав в кулаке.

– Такого, как ты? – сказал он, наконец. – Да. Сын из тебя

получился не очень. Я оставил тебя одного, чтобы ты стал сильнее, так и было до поры до времени, но потом... Потом я в тебе разочаровался, так что я больше не считаю тебя своим сыном. – Он сплюнул под ноги. – А насчет головорезов – я хотел, чтобы с ними подрался Амарталис. Если я правильно все понял, – повернулся он ко мне, – чем больше ты получаешь урона, тем сильнее становишься, вот я и решил нас немного уравнивать. Я удивился, когда мне сообщили, что противников было двое, но все же надеялся, что одним из них был ты. Жаль.

Так вот что это был за шум внизу, и вот почему у Верона автомат, точно такой же, который я уронил, вероятно, это он и есть. Я вдруг почувствовал себя таким глупым; пока я бегал по крышам, лазил по пожарным лестницам и прыгал по тросам лифта, как какая-нибудь макака, Верон с Иолаем просто вошли в здание и поднялись наверх на лифте. Но я, по крайней мере, пытался остаться незамеченным, не действуя в лоб, как обычно привык, но, видимо, лучше не стоит менять свои привычки, если и с ними неплохо.

– Не волнуйся, мне не нужна разминка, чтобы навалить тебе, – отозвался я, демонстративно разминая плечи.

– Думаю, это будет сложнее, чем в прошлый раз.

Нерос залез во внутренний карман пиджака, достал небольшой иньектор и не глядя прижал его к шее с той стороны, где не было ожога, послышался звук впрыскивания.

– Про этот наркотик говорили повстанцы? Как его там,

крат?

Верон достал из кармана три капсулы красного цвета.

– Краготт, если быть точным. Нет-нет, это кое-что получше. Краготт лишь увеличивает выносливость организма и позволяет оставаться в сознании даже со смертельными ранами. А это, – он взглянул на инъектор, – я назвал это Амризией. Этот препарат – венец моего гения. Именно из-за него меня невозможно убить.

– Но, похоже, тебе приходится время от времени делать себе инъекции, – заметил я. Слишком серьезный недостаток, чтобы считать это препарат гениальным изобретением, хотя, все же, это было опасно. Дай его, например, тысяче человек, и у тебя будет практически непобедимая армия, по крайней мере пока действует препарат.

– Твоя правда. И это не единственный его минус. Я хотел его доработать, но я ждал почти сорок пять лет, и у меня не осталось терпения. Сначала я отомщу тебе, а потом займусь улучшением препарата. Ты мог бы мне в этом сильно помочь.

– Повторяю для глухо-тупых: я не знаю, почему я бессмертен. Я говорил это тебе сорок пять лет назад и говорю сейчас. Ты можешь спрашивать до тех пор, пока у тебя язык не отсохнет, но мой ответ не изменится.

– Значит, не хочешь говорить? – вздохнул Нерос.

– Я же тебе...

– Тогда сделаем по-другому. Если встать с кресла, есть

пять секунд, прежде чем произойдет взрыв, если кто-то займет место, таймер сбросится и взрыва не произойдет.

С этими словами Нерос поднялся из кресла. Иолай и Верон, стоявшие ближе, рванули к креслу, но Верон оказался быстрее и успел усесться раньше, чуть не сбив киборга с ног.

– Все продолжаешь строить из себя героя, – сказал Нерос. Он взял второй бокал, стоявший на стеклянном столике, и налили себе вина.

– А ты – злодея.

– Кто-то должен, – пожал он плечами и залпом выпил, затем вновь наполнил бокал.

– У меня вопрос, – поднял я вверх палец. – Ты хотел повесить на меня убийство сенатора, но после взрыва от него ничего не осталось.

– Да? Печально, – вздохнул он театрально. – Думаю, для обвинения хватит и простых слов.

– И кто же меня обвинит? Ты же не можешь использовать личину сенатора.

– Зато могу использовать любую другую. В мой продвинутый трансфэйсер загружено много лиц и голосов высоких чинов из Правительства, место которых легко занять, особенно в это время хаоса и неразберихи.

– И откуда другое должностное лицо узнает о смерти сенатора?

Нерос слегка замешкался с ответом. Видимо, он не до конца все продумал, но все же импровизатор из него был по-

что таким же хорошим, как я. Почти.

– Я... что-нибудь придумаю. Не волнуйся обо мне, лучше подумай о том, как самому выбраться из сложившейся ситуации.

– О, я уже все придумал. – Подняв пистолет, я выстрелил в голову Нероса. Опять. Сигара и бокал с вином выпали у него из руки. Расплескавшееся красное вино смешалось с алой кровью.

– Это же бесполезно, – сказал Иолай.

– Это даст нам время. Сколько потребуется времени, чтобы добраться до корабля?

– Хочешь улететь и оставить все как есть? – спросил Верон ледяным тоном. Еще чуть-чуть и он начнет кричать на меня, чтобы я прекратил стрелять в его отца, а потом еще и меня обвинит во всем, что происходит.

– Нет, я-то как раз остаюсь, и еще двое. Остальные же убираются как можно дальше от спутника.

– И кто будет решать, кому остаться?

– Предлагаю свою кандидатуру. Остаюсь я – потому что взрыв и газ на меня не подействуют, и Костун – потому что он бесполезен и его не жалко.

Толстяк, несмотря на удручающее свое состояние, вытирает глаза и замычал, явно протестуя. Верону идея тоже не понравилась, но он промолчал.

– А третий? – спросил Иолай. – Нужно три человека.

– А разве не очевидно?

Нерос зашевелился, и я выпустил ему в голову еще одну пулю. Верон от неожиданности чуть не выпрыгнул из кресла, но вовремя опомнился.

– Нет, остаюсь я, – сказал Верон. – Увозите Костуна.

– Мы не знаем силу взрыва, а газ влияет и на гераклидов, если верить Неросу.

Возможно, он это сказал только из-за присутствия Верона, но лучше не рисковать. Если под «расторопней» Трегстарший имел в виду, что зомби будут намного активней и не только начнут бегать, но еще и нападать на всех подряд, то гераклида в этой роли я точно увидеть не хочу, с силой черноглазого от него точно никто не сможет убежать.

– Я не позволю, чтобы кто-нибудь еще погиб по моей вине, – твердо заявил он. – На мне и так много крови, от которой никогда не отмыться.

– Заканчивай уже с этим пафосом, – махнул я рукой. – Твоя смерть тоже ничего не даст, а если останешься здесь, крови на руках будет еще больше.

– О чем ты? – не понял Верон.

– Как думаешь, зачем я отправляю всех с планеты? Я собираюсь позволить бомбе взорваться.

– Что?! – крикнула Мара. Это первое, что она сказала после слов о бомбе. – Ты с ума сошел?

Лично я не видел других альтернатив. Если бомба взорвется, ему больше нечем будет нам угрожать, даже если он и выживет. После этого из него можно будет сделать грушу

для битья, вот тогда бы я и посмотрел на его хваленое бессмертие.

– Его можно допросить и узнать, как обезвредить бомбу, – ответила Мара на мое заявление.

– По-твоему, человек, готовящий больше сорока лет мечь, просто возьмет и все расскажет? Ему плевать на пули в голове, так что пытками тут ничего не добьешься.

Но это было бы довольно приятно, хотя я никогда особо подобным не увлекался.

– Но... должен быть другой выход.

Все замолкли, думая о том, как выбраться из ситуации. Костун так и так молчал – у него все еще был заклеен рот, но никто и не подумал, чтобы отодрать скотч, а то ведь еще ныть и причитать начнет, хотя вид у него был такой, словно он вообще забыл как говорить.

– Я остаюсь, – выступил Иолай.

– Нет...

– Да, Верон! Я должен был умереть еще тогда, но прожил больше, чем мне было суждено, а теперь я могу еще спасти чьи-то жизни. Может, я выжил лишь для этого момента.

– Но...

– Верон, позволь мне. – Иолай подбежал к креслу, стянул с него мычащего Костуна, сбросив наземь, и уселся сам.

– Что ж, – пожал я плечами, – выбор твой.

Я подошел к Неросу и выпустил в него еще одну пулю, потом поднял и подошел к его прежнему креслу. Верон встал,

и я бросил тело Трега-старшего в кресло. Достал метательный нож, погнутый после того, как я им раздвигал дверцы лифта, и воткнул в лоб Нероса по самую рукоять.

– Возможно, это не даст ему восстановиться, – пояснил я. – Иолай, – подошел я к киборгу, – не мог бы ты сесть на соседнее кресло? Отсюда мне легче дырять голову Неросу.

Так он и сделал. В итоге, Мара, Костун и Верон оказались свободны, а я, Иолай и Нерос сидели на бомбах, способных весь город превратить в зомбиленд.

– И дальше что? – спросила Мара, растирая запястья. Костуна тоже все же развязали, но тот стоял, как столб, словно действительно язык проглотил.

– Верон, у тебя ведь есть краг, верно?

– Да. – Верон снова достал из кармана наркотик.

– Дай по одной Маре и, так уж и быть, Костуну. Они, как я понял, увеличивают жизненную силу и выносливость, а до стоянки путь не близкий, возможно, вы не найдете рабочий транспорт, а вам лучше поторопиться, что может отнять много сил, особенно у толстого.

– Я не толстый, – кое-как промямлил Костун, и даже сам удивился, что все еще способен говорить; даже в своем состоянии он не мог позволить издеваться над ним.

– Уверен, что это хорошая идея?

Я всегда уверен, что мои идеи ужасны, но обычно никто не может предложить ничего лучше.

– Да, – ответил я вместо этого.

– Я и без наркотиков справлюсь, – сказала Мара.

– Ну что мне нужно вас постоянно уговаривать, как детей малых? Вы не слышите возню снизу? Солдаты слышали выстрелы и могут явиться сюда в любую секунду. Жрите уже эти гребаные колеса!

– Ладно-ладно, – подняла Мара руки, потом взяла одну из капсул и проглотила, поморщившись, словно съела жука. То же самое сделал и Костун, чуть не подавившись.

– Вот и отлично, теперь идите к лифту, ведущему к черному ходу, я нажал кнопку экстренной остановки, так что он не должен никуда уехать.

– Иолай...

– Уходите, Верон. Как только солдаты отыщут карточку, они поднимутся в пентахус, нет времени на сентиментальные прощания. Если повезет, еще увидимся.

– Простите, – прошептала Мара и они заторопились к винтовой лестнице.

Мы отвлеклись. Мы забыли о Неросе. Я совершил ошибку. Я недооценил его, как он и говорил.

Выстрел прогремел в тот момент, когда до лестницы оставалось несколько шагов. Мара, идущая посередине, вдруг дернулась вперед и упала бы на пол, не успевай Верон ее подхватить. Иолай встрепенулся, собираясь броситься на подмогу, но тут же сел обратно, вспомнив, что под ним бомба. Нерос не успел – а может и не хотел – сделать второй выстрел, как я пробил ему висок, заметив перед этим, как он

улыбается. Голова дернулась на бок, тело безвольно распласталось в кресле, из правой руки выпал дымящийся пистолет, такой маленький, что его можно было спрятать в носке или внутреннем кармане, но достаточно большой, чтобы отнять жизнь.

Верон сидел, держа Мару на руках, Костун стоял рядом, явно не понимая, что произошло и откуда появляется красная лужа у него под ногами. Верон пытался зажать рану на спине рукой, но это было бесполезно, Иолай что-то кричал о помощи и пытался докричаться до Костуна, чтобы тот заменил его в кресле.

Нерос сидел на кресле, а кровь, запачкавшая лицо, придавала ему ухмыляющийся вид. Он специально выстрелил именно в Мару. Я пришел в его ловушку именно за ней, а не за Костуном, и он должен был это понимать. А ведь он и правда мне отомстил. Не то чтобы я питал к Маре какие-то чувства, я их отринул много столетий назад, когда понял, что переживу всех ныне живущих. Но все же к Маре я кое-что испытывал, только не знал, что именно это за чувства. Теперь знаю.

Она была очень похожа на меня. Она соврала мне о своих родителях, это я понял, но также я понял, что они действительно мертвы, как и мои. Она пыталась казаться стойкой, сильной и независимой, но в ее глазах я видел грусть, которая проходила лишь тогда, когда она была окружена людьми, которым была не безразлична и которые были не безразлич-

ны ей. Она искренне улыбалась и была счастлива, когда я вступился за нее перед телохранителями Костуна, а теперь она умирает. Только если...

– Верон! – крикнул я. – Верон!! – Мне пришлось выстрелить, чтобы привлечь его внимание, благо мишень была неподалеку. – Верон, мать твою, иди сюда!

– Но Мара...

– Быстрее, если хочешь ее спасти!

Он аккуратно положил ее на пол и подбежал ко мне с ошарашенным видом.

– Посмотри во внутреннем кармане Нероса.

– Что?

– Соберись уже! Давай!

Сначала он вырвал из пальцев и отбросил пистолет Нероса, затем запихнул руку под пиджак своего отца и достал из внутреннего кармана инъектор.

– Ты хочешь...

– Да, давай!

– А если препарат не действует ни на кого, кроме гераклидов или камируттов?

– Нерос сам наполовину человек.

– Что?..

– Если ты сейчас же не сделаешь, как я тебе велю, я встану с кресла и сделаю все сам.

Слова возымели эффект и Верон побежал к Маре, на ходу бросаясь на колени и по инерции подъезжая по полу к телу.

Повернув голову девушки на бок, он приставил иньектор к шее, запуская препарат в кровь.

– Сколько нужно ждать? – внимательно следя за девушкой, спросил Иолай.

– Я откуда знаю?

Снизу послышался шум. Топот множества ног.

– Черт, солдаты уже здесь. – Верон подобрал свой автомат и направил на лестницу вниз. Нерос зашевелился, но вместо того, чтобы вновь вынести ему мозги, я просто направил на него пистолет, держа под прицелом. С меня хватит его фокусов.

– Шевельнешься и лишишься последних мозгов, – сказал я, когда он полностью пришел в себя.

– У тебя еще патроны не кончились? – язвительно спросил он, разминая шею.

– А у тебя мозги? На тебя у меня всегда найдется пара лишних пуль.

– Приятно, что ты обо мне не забываешь.

Послышался выстрел, это Верон снес голову, показавшуюся из-за угла лестницы солдату. Насколько я помню, в автомате оставалось не так уж много патронов, поэтому войнушка сейчас была бы совсем некстати. Благо, вход на этаж всего один, и его сейчас охранял гераклид, если у патрульных хватит мозгов, они не ринутся в атаку сломя голову. Хотя после выстрела Верона, мозгов у них стало на один меньше. Как бы я ни хотел произнести эту шутку вслух, атмосфера

не располагала.

– Советую вам пока побыть на низу, мы здесь немного заняты, – прокричал Верон. Ответа не последовало.

– Нашли новое развлечение? – усмехнулся Нерос. Вряд ли солдаты посчитают, что он не с нами, хотя если у него где-то в его безмерных карманах затерялся один трансфэйсер, он мог претвориться сенатором, но это маловероятно, пока у меня в руках пистолет, направленный ему в голову.

– Да, выносить мозги только тебе немного наскучило. – Не совсем та шутка, но тоже сойдет.

Нерос ухмыльнулся и прислонил ладонь к груди, потом начал шарить по ней, явно придя в замешательство.

– Что-то потерял? – осклабился я.

– Где мой...

– Это ищешь? – спросил Верон, держа в руке пустой иньектор.

– Вы...

– Да-да, мы использовали твой чудо-эликсир на Маре. Сам виноват.

– Вы не могли... – прорычал он.

– Ты не оставил нам выбора. Кстати, ты все еще с целой головой только потому, что у нас к тебе пара вопросов. Первый – как часто надо делать инъекции, и второй – где можно еще найти этот препарат?

– Прямо я вам так и сказал. – Нерос снова сплюнул, но его поведение не могло скрыть тревогу в глазах и голосе. Он бук-

важно испугался, что остался без своего препарата, а ведь каких-то сорок пять лет назад он полагался лишь на себя, на свою гордость камирутта. Теперь же ему нужны внешние стимуляторы, чтобы чувствовать себя по-настоящему уверенным. Нерос изобрел наркотик, вызывающий очень сильное привыкание, ведь в мире нет никого, кто бы ни возжелал стать неуязвимым, пусть и на время. Почувствовать себя богом, способным на все.

– Сначала ты нам не оставил выбора, а теперь его нет у тебя. Если препарат действует ограниченное время, то оно есть и у тебя. Тебе тоже он нужен, если хочешь жить, так что ты покажешь, где спрячешь его.

– У меня в заложниках все еще полгорода, – напомнил Нерос.

– Хорошо, что ты об этом упомянул. Обезвредь бомбы.

– Боюсь, я не в силах, – усмехнулся он, хотя в голосе не слышалось веселья. – У всех бомб стоит свой таймер, так что даже если я обезврежу те, что под нами, взрыва не избежать.

– Значит, ты попал в свою же паутину, глупый паук.

– И все же, я все еще паук и смогу выкрутиться, а вы как были мухами, так ими и останетесь.

– Мара! – крикнул Иолай.

Девушка зашевелилась, потом закашлялась, отхаркивая кровь, застонала, пытаясь перевернуться на бок.

– Лежи, – сказал Верон. – Пока лучше не двигаться.

– Что... случилось?

– Тебя ранили, но уже все в порядке, не волнуйся.

– Где?..

– Мы все еще в гостинице, а проблем у нас стало еще больше.

– Да... теперь я не буду волноваться.

Все усмехнулись, даже Нерос, хотя это у него вышло довольно злорадно. Костун выдохнул так, словно все это время не дышал. Он все еще выглядел неважно, но наркотик явно придал ему сил. Он грузно опустился на пол возле Мары, но как можно дальше от лужи крови.

– Кстати, – вдруг сказал Верон, обращаясь ко мне, – откуда ты знаешь, что Нерос наполовину человек?

– Что? – пришло время поражаться Неросу.

– Да я и не знаю. Просто ляпнул, что первое в голову пришло. Правда, пришло оно еще лет сорок пять назад.

– Я чистокровный камирутт! – выкрикнул Нерос. Легендарная гордость камируттов взыграла в его крови.

– Но ты правша.

– Среди камируттов есть правши, как и левши среди людей, – чуть ли не выплюнул он, особенно произнося последнее слово.

– Но праворукие камирутты встречаются в разы реже.

– Я чистокровный камирутт! – снова закричал Нерос, словно громкость его слов подтверждала их истинность.

– Слышали уже.

Нерос ерзал в кресле, явно желая вцепиться мне в глотку,

но все же не решался встать с бомбы. Вероятно, у препарата и правда был ограниченный срок действия, либо слишком большие и частые повреждения ослабляли эффект, и если периодически не принимать новые дозы препарата, то можно умереть. Если произойдет взрыв, когда Нерос будет поблизости, то он получит обширные повреждения, а если другие дозы препарата находятся не поблизости, есть большая вероятность, что он до туда просто не успеет добраться, тем более прорываясь через толпы разъяренных зомби, им же и созданных.

– Так что, Нерос, где препарат? – спросил я, все еще направляя на него пистолет. Понятия не имею, остался ли там хоть один патрон.

– На моей базе. Я могу вас туда отвезти, но для начала нужно обезвредить эти бомбы. Кто займет мое место? – заинтересовался он.

– Ну, Верон охраняет подступы, Мара все еще слишком слаба, так что... Костун! – крикнул я. Тот дернулся, словно только что понял, что он в комнате не один. Хоть на что-то он мог сгодиться.

– А? Что? – рассеянно отозвался толстяк.

– Не устал сидеть на холодном и жестком полу? Иди посиди.

Он встал и даже сделал шаг в нашу сторону, потом вдруг замер, словно осознав, о чем его просят. Даже эти волшебные таблетки не могли вывести его из прострации, в которую

он угодил от ужаса быть не просто убитым, а взорванным.

– Что-то... Я лучше постою.

– Нерос, что ты с ним сотворил? Он сам на себя не похож. Даже под наркотиком.

– Он оказался чувствительней, чем я думал, – пожал плечами гераклид. – Потерял сознание, когда я сказал, на чем он сидит.

– Это на него похоже. Костун, – крикнул я уже ему, – это не предложение, это приказ. Если не подойдешь, Верон прострелит тебе затылок, и ты так и так усядешься в кресло.

Костун вопросительно посмотрел на Верона, тот кивнул, подтверждая мои слова. Толстяк тяжело вздохнул, протер лицо ладонью, стирая капли пота, и все же занял кресло Нероса, бросившись на него так, словно там не пять секунд форы было, а пять миллисекунд. Он так рухнул в кресло, что я даже испугался, как бы бомба не сработала от такой нагрузки. Верону теперь приходилось следить одновременно за лестницей, куда он иногда делал одиночные выстрелы, чтобы напомнить о себе, и за Неросом, который стоял на коленях возле бомбы под креслом Июлая. Хотя у меня и Июлая тоже были пистолеты.

– Под каждым креслом по бомбе? – спросил я.

– Ага.

– И зачем надо было так усложнять?

– Ну, вдруг одну или две смогли бы обезвредить, – отозвался он. Нынче он стал более предусмотрительным, чем в

прошлом, но все еще не видел дальше собственного носа, а иначе не попался бы в свою же ловушку, пусть и до сих пор делал хорошую мину при плохой игре.

– И теперь их обезвреживаешь ты. Иронично, не правда ли? Попал в собственную ловушку, а теперь пытаешься вытащить из нее не только себя, но и тех, кого пытался в нее загнать.

– Это не конец, Амарталис, – с вызовом промолвил Нерос, словно не он, а я стою перед ним на коленях.

– Но он наступит очень скоро.

– Для тебя

– Знаешь, в чем наша разница? – спросил я, наклонившись к Неросу, когда тот подполз к моему креслу, стоя на коленях, словно раб, а я, сидя в кресле, словно король. – Ты боишься умереть, – ответил я на собственный вопрос. – Да, да, не смотри так на меня. Ты боишься смерти, а я в принципе не могу умереть. Тебя обуял страх, и именно поэтому ты сейчас пресмыкаешься тут, стоя на коленях, чтобы спасти собственную задницу.

– У тебя есть все, чего бы ты ни пожелал, – сказал Нерос, вставая и отряхивая колени, – но ты этим не пользуешься. Твоя сила – это божий дар, а я работал десятилетиями, чтобы добиться того, что у меня есть, и все равно не достиг вершины. – Он говорил спокойно, хотя давалась ему это явно не просто. Выводить противников из себя – мое хобби, а Нерос очень интересный экземпляр.

- Может, ты идешь по неверному пути? – предположил я.
- Поздно менять направление.
- Даже если в конце тебя ждет только смерть?
- Это мы еще посмотрим.

Костун кашлянул, то ли привлекая внимание, то ли от пересохшего горла. Нерос продолжал с вызовом смотреть мне в глаза, но оружие было у меня, да я и так был намного сильнее, и он это знал, нравилось ему это или... Конечно, ему не нравилось, но для того, кто загнан в угол, он вел себя чересчур самоуверенно. Это один из психологических приемов, который я тоже часто применяю: что бы ни случилось, веди себя так, словно все идет по плану. По крайней мере, я надеялся, что он просто притворяется, ибо даже я не смог бы так все продумать, тут нужен не только ум, но и огромная толика удачи.

– Ты забыл еще одну бомбу, – обратился я к Неросу.

– Нет, я помню, просто не хочу ее обезвреживать. Пора начать переговоры.

Я ждал этого с самого начала.

– Да? И чего же ты хочешь?

– Это очевидно, я хочу убраться отсюда подальше. Я оставлю вам инструкцию, как обезвредить бомбу, а сам смоюсь; на крыше стоит небольшой корабль.

– И ты думаешь, мы вот так возьмем и поверим тебе?

Если он и правда так считал, то я в нем ошибался, но что бы сделал я, оказавшись на его месте? Потянул бы время. И

пока у него это неплохо получалось.

– Тогда предлагайте свои варианты, – развел Нерос руками.

– Твой препарат, как долго он работает? – спросил я после недолгого раздумья.

– Беспокоишься о своей подружке? Помнишь, я говорил о минусах? Один из них – это привыкание. От одной дозы особого вреда не будет, лишь голова поболит, да потошнит. Но проблема в том, что вы использовали инъекцию уже после смертельного ранения, так что когда действие препарата закончится, рана вновь откроется. Именно поэтому у меня все еще обожжено лицо и уродливый шрам на груди. Моя Амризия не всесильна, она не способна насовсем залечить раны, полученные до ее приема. Так что, если вы хотите, чтобы она прожила долгую и счастливую жизнь, вам необходимо запастись препаратом под завязку. И только я знаю все его ингредиенты.

На востоке уже во всю светало, ночь отступала за горизонт, даря новый день, отчетливо отображающий на голубом небосводе черные и белые столбы дыма от пожарищ. Никто не спал всю ночь, но это особенно четко отображалось на Костуне, ставшем похожим на рыбу-каплю, растекшуюся на кресле. Мара уже смогла сесть и теперь безрезультатно пыталась оттереть кровь с одежды и дотянется рукой до того места, куда вошла пуля. Она слышала слова Нероса и теперь пыталась их переварить, не веря, что ей до конца жизни, ес-

ли она ей дорога, придется принимать наркотики.

– Сколько длится эффект? – повторил я вопрос. Нужно было побольше узнать все об этом препарате, и если то, как его создать, знает только Нерос, это совсем даже не плохо, не нужно будет волноваться, что он попадет на черный рынок, а из гераклида всю необходимую информацию можно просто выбить, используя в качестве шантажа созданный им же препарат и его страх перед смертью.

Нерос помялся, не хотя говорить, но все же ответил:

– В течение дней десяти после приема можно будет залечить смертельные ранения, в других случаях препарат действует не менее месяца. Если постоянно получать тяжелый урон, то препарат следует принимать чаще. Сегодня я получил слишком много смертельных ранений, так что больше не стремлюсь помирать; каждый последующий раз может стать последним. Довольны? Теперь я слушаю ваши предложения по спасению, только чтобы я не остался внакладе, конечно же.

– И вы ему верите? – крикнул Иолай. – Да он вас просто за нос водит.

– Может и так, – пожал плечами Нерос. – Но что, если я говорю правду? Тогда ваша подружка умрет еще до конца месяца. Решайте быстрее.

Верон привлек мое внимание взмахом руки (на выстрелы я уже не обращал внимания) и сделал жест, говорящий о том, что у него кончаются патроны в автомате. Военный патруль

мог ворваться в любую секунду, и не сделал это только потому, что верх гостиницы был отвесным, не дающим забраться по стене, а единственный вход на двадцать второй этаж защищался Вероном. Было только не понятно, почему над нами не парят «тарелки» патрульных, но они могли появиться в любую минуту. Опять это дурацкое время, точнее, его отсутствие.

– Кстати, – вновь подал голос Нерос, – чего это вы до сих пор сидите?

– А, точно, – спохватился я и аккуратно слез с кресла, а за мной и Иолай. Взрыва не последовало, мы даже специально отсчитали пять секунд.

– О, и еще, я сказал вам решать быстрее потому, что до детонации бомб осталось чуть меньше двух часов.

– За это время их все можно обезвредить, – высказал я мысли вслух.

– Вряд ли, да я и не помню, где они все находятся, если честно. – Вновь развел Нерос руками. Ему явно было все равно, если весь город взлетит на воздух, он почему-то считал, что это меня как-то расстроит. Конечно, подобный инцидент обязательно повесят на людей, потому что кто еще мог такое сотворить? Но умные люди все же в конце концов должны увидеть все несоответствия произошедшего, однако Нерос всегда считал себя умнее остальных, и вряд ли даже предполагал, что его замысел может пойти прахом из-за чьих-то сомнений.

– Ты не меняешься, как и твои ошибки, – вздохнул я. – При прошлой нашей встрече ты тоже не особо парился над запасными планами, за что и поплатился. Сегодня же ты угодил в собственный капкан, и вместо того, чтобы нас убить, тебе приходится просить нас о помощи.

– Как вы, люди, говорите? На те же грабли? – хмыкнул он. Обычно я вывожу всех из себя, но еще немного, и мы с ним поменяемся местами.

– Именно.

– Не особо представляю, что такое грабли, но, видимо, я физически не могу обойти их стороной, лишь послать вперед кого-то, кого они ударят сильнее.

– Нам лучше поторопиться, – вмешался Верон. Он стоял на одном колене, направляя оружие в сторону лестницы, однако больше не стрелял, не желая тратить драгоценные патроны. У него еще были пистолеты, но я сомневался, что в них достаточно много патронов, однако они могли пригодиться для другого.

– Мы как раз пытаемся договориться. Обезвредь бомбу под Костуном, – вновь обратился я к Неросу.

– Нет. Мне нужны гарантии. Мы слетаем на базу, и я приму очередную дозу Амризии, потом мы вернемся, и я обезврежу бомбу.

– Если мы оставим Костуна здесь, сюда ворвутся солдаты, которые могут его невзначай прикончить и стянуть с кресла.

– Думаю, он уже вернул себе способность говорить.

– Вопрос в другом: способны ли солдаты слушать. Не думаю, что они послушают Костуна, а вот сенатора... – Идея пришла мне только сейчас.

Нерос для приличия поломался, но все же сделал так, как я ему велел. Используя трансфэйсер, который все же оказался у него в одном из карманов, он сменил внешность, снова превратившись в сенатора, и мы с ним спустились вниз: я – похититель, он – заложник. Благо, при мне все еще оставался другой чудом уцелевший трансфэйсер, и я сменил внешность на ту, что была прежде. Я обхватил Нероса сзади левой рукой, а правой приставил к его голове пистолет, в таком виде мы и спустились вниз.

Нерос, притворяясь сенатором, говорил сам, приказав всем солдатам покинуть здание, так как оно заминировано. Также он приказал не поднимать в воздух патрульные корабли, ибо террористы пригрозили, что в таком случае подорвут здание. Солдаты вроде как нехотя, но послушались. Мы вернулись обратно наверх.

– А потом? – спросил Нерос.

– Потом... как пойдет. Не думай, что после всего этого мы станем лучшими друзьями, мы лишь временно объединяемся, чтобы помочь друг другу.

Я и сам еще не придумал, как поступить с гераклидом. С одной стороны – я желал его убить, и чем жестче, тем лучше, а с другой – он единственный, кто знает, как создавать

Амризию, жизненно необходимую Мару. Выбить из него состав рано или поздно получится, но кто знает этих психов, созданный эликсир может оказаться настоящей отравой. Конечно, сперва мы бы проверили его на нем; а если он решит унести секрет с собой в могилу, только ради того, чтобы мне отомстить? Он сумасшедший, а такие могут пойти на все даже ради мнимого превосходства.

– Да у меня и в мыслях подобного не было.

– Эй, Костун, – подошел я к толстяку, – ты как?

– Пить хочу, – проямлил он.

– Вино пойдет? Тут почти целая бутылка.

– Эй! – запротестовал Нерос. – Знаешь, сколько она стоит?

– Мне пофиг. Костун, пей свое вино, мы скоро вернемся.

– Не оставляйте меня на бомбе! – заныл он. Если он уже может ныть, то ему явно стало намного лучше.

– Она не взорвется, если ты не встанешь. И не ной, если не будешь нас задерживать, мы вернемся до того, как она детонирует.

Он что-то попытался проямлить в ответ, но я его уже не слышал. Верон сделал еще несколько предупредительных выстрелов и начал отступать спиной вперед, следя за лестницей, хотя там уже никого не должно было оставаться. Иолай подхватил все еще обессиленную Мару, ухватив за талию и закинув ее руку себе на шею, и как можно быстрее пошел за нами.

Глава 11

На крышу вела лестница, проходящая вдоль стены. Корабль был похож на черную каплю из как будто плохо отесанного обсидиана. Он был небольшим, способным перевезти одновременно лишь пятерых, считая пилота, и не мог летать в космосе, о чем я узнал от Нероса.

– Думаешь, у меня нет нормального корабля, чтобы отсюда слинять? Он на стоянке, где и ваш.

– Ты знаешь о нашем корабле? – спросил Иолай. И зачем я воздух сотрясал, говоря, что за нами следили с самого нашего прилета на станцию проверки?

– Я все знаю о ваших похождениях. Все, что необходимо.

Мы забрались в корабль, рассевшись по довольно тесным местам. Намного проще было бы отправиться на автомобиле по земле, но внизу нас сейчас ждет целая толпа патрульных, которым больше нечем заняться, кроме как следить за гостиницей, как бы она не сбежала. Хотя, если у них хватит мозгов, то после рассказа о том, что здание заминировано, они тут же смоются куда подальше.

– Куда мы летим? – жестко спросил Верон.

– В Гомишаран.

– К Роулу, – догадался я.

– Именно, – осклабился Нерос.

– А нас там не собьют? – заволновалась Мара. – Городок-то воинственный.

– Нет, они знают мой корабль.

Мы пролетали над границей города, которая стала еще более очевидна из-за устроенной там бойни. Многие дома стояли без окон, и из них валил дым. У повстанцев оказалась даже пара танков, догоравших теперь недалеко от границы города. Даже с высоты было видно горы трупов с каждой из сторон, разбросанные как попало. Все еще слышались выстрелы и даже взрывы, но они звучали куда реже, чем ночью. Повстанцы так и не смогли пробиться через линию обороны, созданную патрульными солдатами, и теперь, видимо, пытаются придумать новый план.

– И зачем надо было все это устраивать? – покачала Мара головой, вглядываясь вниз.

Нерос усмехнулся.

– Они сами это выбрали, не я виноват, что они такие глупые и наивные.

– Каждый будет выглядеть глупо и наивно, если им навешать лапши на уши.

– Не сильно я и привирал. Вдруг у людей и правда получится отвоевать свою «свободу»? Будет забавно на это взглянуть.

Никто ему не ответил, мы уже были над городом и снижались. Посадочная площадка была как раз на крыше, где жил и работал Роул, зажатый с двух сторон пятиэтажками. Точнее, это была просто крыша, но весь город был так захламлен, что лучшего места для посадки найти было невозможно.

Приземляясь, Нерос, используя трансфэйсер, слегка подправил внешность, скрыв ожог и черные склеры глаз, а также сделав волосы посветлей, что ему совсем не шло, пояснив это тем, что тут его знают как Спардия, а не Нероса, и если мы не хотим вызывать ненужных подозрений, нам лучше следовать легенде.

Когда крыша корабля разъехалась в четыре стороны, нас уже окружили люди с оружием, те же, что были здесь и при первом нашем посещении. Увидев Нероса, они отступили, но не забывая на всякий случай держать оружие наготове. По углам здания и правда стояли пулеметы, которые Мара не заметила в прошлый раз; они были на рельсах и при необходимости отодвигались либо назад, прячась подальше от глаз, либо вперед, способные даже стрелять вертикально вниз. В здание с крыши вел люк, через который мы и попали внутрь, при этом Мару пришлось придерживать, так как она все еще была слаба после ранения и чудесного исцеления.

Здание имело три этажа и, несмотря на то, что в прошлый раз мы видели лишь мрачный первый этаж, два других оказались куда более роскошными. Я заметил лишь гостиную и часть кухни, но был уверен, что мерзкого вида Роул спит в большой спальне с чуть ли не атласными простынями. Все было отделано в старинном стиле. Лишь на первом этаже все выглядело так, будто в доме жили какие-то бомжи. По лестнице вдоль стены приходилось идти аккуратно, чтобы скрипучая гниющая конструкция ненароком не развалилась под

ногами.

– Какой резкий контраст, – заметил Иолай, отодрав от стены кусочек отслоившейся штукатурки.

Внизу нас встретил Роул, которому, вероятно, сообщили о нашем прилете. Он был все такой же грушевидный, но на этот раз поверх майки и трусов надел грязный серый халат. С Неросом, то есть со Спардием, он вел себя сдержанно, точнее, пытался вести, а увидев меня, чуть не поперхнулся. Выразить свое недовольство он не успел, потому что из-за лестницы вышел здоровяк Машая.

– Хорс! – радостно воскликнул он, вскидывая руки, и лишь потом заметил Нероса. – Ой, господин Спардий, извините, так сразу вас и не приметил.

– Ничего, – небрежно махнул он в ответ рукой, потом обернулся ко мне и тихо спросил: – Хорс?

– Не у одного тебя несколько имен и личностей, – ответил я так же тихо. Рано или поздно Роул и Машая все равно узнают, кто он на самом деле, но для начала нам было необходимо добраться до чудотворного препарата, а еще лучше, узнать его состав

– Хорс, дружище, так значит, ты все же решил вступить в «Гаруду»? – продолжал радоваться встрече Машая.

– Не совсем...

– И Мавра здесь, – продолжил он радостно, словно и не ждал ответов. Нерос на этот раз промолчал, вероятно, он даже и не запомнил ее настоящее имя. – Выглядишь не очень,

что-то случилось?

– Много чего, не волнуйся, – махнула Мара рукой, стараясь выглядеть бодрее.

– Как скажешь. А этот, как его... дэбел который, он-то где?

– Он ждет нас в другом месте, и нам лучше не заставлять его ждать слишком долго.

– Да-да, конечно, – спохватился здоровяк.

– Так зачем пожаловали? – недовольно вмешался Роул. Ему явно не нравилось то, что у него в доме столько народа, а особенно то, что здесь я. Он постоянно поглядывал наверх, хмурясь, будто недовольный тем, что мы видели его апартаменты, рушащие его репутацию, или ждал новых гостей. Но больше всего, как мне показалось, ему не нравилась мысль о том, что к нему пришел Спардий, рядом с которым ему приходилось вести себя как можно кротче; он даже ни на что не пожаловался и не выразил недовольства, хотя выглядел так, словно вот-вот сорвется.

– Хочу забрать некоторые свои вещи, что оставлял здесь, – ответил Нерос.

– А, да-да, конечно, я так и подумал, – закивал обожженный.

Он, как и в прошлый раз, развернулся, направляясь к двери за лестницей, никого не приглашая даже жестом. Нерос пошел следом, я и Машая замыкали процессию.

– А где Самта? – поинтересовался у Машаи.

– Остался сторожить бар. Сказал, что там самое безопасное место, когда происходит такая кутерьма, тем более что сюда его опять не пустят. Я и не был против, он же понятия не имеет, что я из «Гаруды», а узнай, давно бы свалил. Обещал продолжить ремонт, но от него дождешься. А ты? Все же присоединился? – с надеждой в голос спросил он. Не хотелось рушить их настолько наивному человеку.

– Не совсем, – повторил я прошлый ответ. Теперь, когда радость встречи прошла, он успокоился и стал слушать. Мы уже были у двери. – Просто нас объединили кое-какие общие дела.

– Дела?

– Лучше тебе не знать. Машая непонимающе пожал своими могучими плечами.

Подвал-мастерская почти не изменилась с прошлого нашего прихода, только все было более менее прибрано, если это можно так назвать, после моей стычки с роботом Роула. Обожженный вел нас напрямиком к той двери, откуда в прошлый раз вылетел «Патэль». Внутри было пусто, не считая робота, прислоненного к стене и явно не дееспособного, и трех дверей, ведущих в разные стороны. Настоящий лабиринт. Роул повел нас к той, что была в противоположной стене. За дверью оказалась еще одна лестница вниз, но уже не деревянная, а каменная, в конце которой находилась железная дверь, не такая впечатляющая, как та, что сканирует хозяина дома, но, как казалось, не менее надежная. На панели

Роул набрал цифры, стараясь прикрыться, чтобы никто не увидел, потом уступил место Неросу, дописавшему код.

Еще более глубокое подземелье подразумевало, что там будет еще грязнее, темнее и сырее, но все оказалось наоборот. Здесь была самая настоящая лаборатория, та, которую мы ожидали увидеть, первый раз проходя через футуристическую дверь. Здесь было все: мензурки с непонятными жидкостями, химические приборы самого разнообразного назначения, столы, усеянные колбами, шкафчики с препаратами внутри и многое другое, от чего веяло наукой. При этом в помещении было светло и свежо, словно там каждый день тщательно убирали, хотя, если судить по кодовому замку, даже Роул не мог войти туда один.

– Неожиданно, – присвистнул Иолай.

– Где препарат? – спросил Верон. На него лаборатория не произвела никакого впечатления.

– Сюда. – Нерос повел нас к еще одной двери с окном, за которым виднелись прозрачные холодильники, не менее десятка, в которых хранились одинаковые инъекторы. Внутрь вошли лишь Нерос, Верон и я, а Иолай остался снаружи, присматривая за Марой.

– Не мало. Хватит на несколько десятков лет, если на поверхности вдруг случится ядерный катаклизм, – заметил я, разглядывая холодильники. Нерос потрудился на славу, наделав себе такой запас. У него явно было еще много подобных баз, в которых находилось не меньше препарата, и это

мы у него тоже должны выбить.

– Я собирался их продавать.

– А если бы кто-то разгадал формулу?

– Поверьте, главный компонент, даже если бы они его выявили, им вряд ли удалось бы просто так достать, – заверил Нерос, ухмыляясь. После нашей прошлой встречи сорок пять лет назад, он стал намного чаще ухмыляться, пусть я и не так хорошо его тогда знал. Возможно, это был признак его сумасшествия, а может, он просто считал все это игрой. Сейчас на нем был трансфэйсер, но будучи в своем настоящем облике с обожженным лицом, такая ухмылка выглядела еще более зловеще.

– И что это?

– Вы же сюда не за рецептом вечной молодости пришли, верно?

– Вообще-то, именно за ним, – сказал я. – Если Маре потребуются постоянные вливания, нам нужно знать, как изготовить препарат.

– Ты сам сказал, что здесь препарата хватит на несколько десятков лет, этого более чем достаточно.

– Я в этом не уверен.

– А у вас есть выбор? – неожиданно резко спросил он. Вот теперь он решил поторговаться серьезно. – Конечно, у меня есть и другие базы, где еще больше препарата, но они очень далеко отсюда, а я не стремлюсь устраивать вам экскурсию. И если вы не забыли, ваш толстый друг все еще сидит на

бомбе замедленного действия. В прямом смысле. Если вы не поторопитесь, будет большой бум. Так что выбираете: улететь, оставив толстяка на страшную смерть, или спасти его, но при этом срок жизни камируттки будет чуть меньше, чем положено, примерно на уровне человека?

– Верон? – повернулся я к Трегу-младшему.

– Оставляешь решение мне?

– Я уверен, что ты считаешь меня циником. Так и есть. Июлая тоже не особо волнует судьба Костуна, а Мара – заинтересованное лицо, хотя, мне почему-то кажется, она проголосует за спасение толстяка – она сострадательней и чувствительней, чем пытается казаться. Так что выбор за тобой, ты ведь у нас спаситель нуждающихся.

Выбор был сложным, хотя и очевидным. Да, так тоже бывает. Даже если он бросит Костуна на произвол судьбы, шансы на то, что Нерос приведет нас к своему другому тайнику, практически равен нулю. Сейчас мы даже не можем забрать весь находящийся здесь препарат, а если улетим, Роул может его попросту уничтожить, так как Нерос мог дать инструкцию на такой случай, – он предусмотрительный.

Верон, подумав с минуту, все же решил идти спасать Костуна. По идеи, можно было сделать и то, и это, ведь Нерос в наших руках, но наше спокойствие было напускным, каждый понимал, что гераклиду нельзя верить, он явно что-то задумал. Я спросил его об этом напрямую.

– Что я замышляю? У меня в планах было убить всю ва-

шу компанию, – спокойно сказал он, – то есть тех, кого можно убить. Но я немного просчитался, однако это только подогрело мой азарт. Нет смысла скрывать моих намерений, мы все здесь не глупые люди. Я завершу начатое, рано или поздно, а пока у вас нет выбора, давайте поиграем, – вновь усмехнулся он.

– Я поиграю с твоими кишками, когда придет время.

– Когда придет время, с твоими захотят поиграть все во Вселенной. Уже сейчас все считают тебя преступником, а твоих дружков... твоими друзьями. Даже если я умру, вам не остановить волну, что я создал. Так что, – продолжил он, не дожидаясь ответа, – забираете препарат-то?

Все случилось так быстро, естественно и нелепо, что впопугу смеяться. Нерос открыл ближайший к нему холодильник, схватил два инъектора и, когда мы, наконец, поняли, что происходит, он воткнул себе в шею сразу две дозы препарата. Ударил ногой прямо сквозь открытую стеклянную дверцу холодильника, разбив ее вдребезги. Удар пришелся по мне, и я полетел спиной вперед, прихватив за собой и Верона. Нерос впрыснул еще две дозы и отбросил пустые капсулы, потом схватил двумя руками столько, сколько мог унести и засунул в карманы.

Мы уже стояли на ногах, когда он, рыча, бросился на нас. Я ударил его в лицо со всей силы, но цель моя была словно из камня, Верон же даже не смог достать до него. Секунда, и мы влетаем в холодильники. Нерос выскочил за дверь, и

оттуда послышались крики и звук разбивающегося стекла, я рванул следом.

– Оставайтесь здесь! – крикнул я, пробегая мимо поднимающихся с пола у одной стены Мары и Иолая, и Машаи возле другой. Роул стоял, подняв от неожиданности руки, открыв рот и выпучив единственный выпучиваемый совиный глаз. Один из столов с мензурками и колбами был перевернут, а жидкости, что были в них, смешавшись, булькали и дымили.

– Что это было? – выкрикнул Машая, но у меня не было времени объяснять.

Нерос побежал по лестнице вверх, и я за ним, потом по другой, затем по следующей, той самой, что едва не разваливалась, а оттуда по очередной на крышу. У него была фора и скорость от наркотика, а у меня еще более разбитые после его беготни гнилые ступени, поэтому в тот момент, когда я оказался на крыше, верх корабля уже практически закрылся. Я рванул вперед.

Вооруженные люди на крыше не понимали, что происходит, а потому просто смотрели на происходящее и выжидали, целясь в нас из всех орудий. Корабль взлетел, и все, что мне оставалось, ухватиться за его «ноги». Нерос резко развернулся и полетел обратно в сторону города. Он попытался закрыть «ноги», но я, преодолевая боль, вцепился в одну из них мертвой хваткой. Нерос попытался скинуть меня, вертя корабль из стороны в сторону, но и это оказалось бесполез-

но, что он понял уже через минуту, выровняв машину.

Он летел на стоянку, что было практически очевидно с самого начала, ведь он говорил, что там у него корабль. Было удивительно, что он не попытался нас обмануть. Стоянка была уже не так заставлена, но кораблей все еще стояло много. Кому повезло, давно убрались из города, остальные же заперлись по домам, боясь даже выглянуть в окно. Этой ночью бодрствовали не мы одни.

Нерос сделал последнюю попытку избавиться от меня. Он прямо на ходу открыл верх своего небольшого корабля и... выпрыгнул. Я не увидел, где он упал, зато знал, куда он направлялся. Неподалеку стоял большой и очень дорогой с виду корабль, похожий на подобие огромной бело-голубой яхты, отдаленно напоминающее мини-версию «Infortissimo», только крытую, хотя все дорогие средства космического передвижения выглядят похоже, а Нерос, судя по всему, любитель дороговизны и шика.

Я пролетел чуть дальше в основном из-за того, что руку зажало в так и не закрывшейся «ноге». Наконец высвободившись, я упал на один из кораблей, скатился по крутой стене вниз и шлепнулся на землю, но тут же вскочил и побежал в сторону корабля-яхты. Через несколько секунд раздался шум упавшего аппарата.

Я должен был во что бы то ни стало попасть внутрь корабля Нероса, в ином случае мне снова придется лететь снаружи, на этот раз в космосе, и, самое ужасное, Нерос может –

так оно и будет – метасалироваться, а еще никто не проходил через портал, будучи вне корабля.

Я успел. Мне повезло, что корабль стоял как раз задом ко мне, где обычно и располагался основной вход. В отличие от «Gurin Mnyama», который был замаскирован под грузовой корабль, здесь двери не опускались, подобно трапу, а разъезжались в стороны, как в лифте, а трап уже при необходимости выдвигался отдельно. На всякий случай было установлено две пары дверей. Я успел запрыгнуть только во внешние, когда как внутренние закрывались быстрее. Расстояние между ними составляло всего полметра, так что меня не зажало. Очевидного выхода из этой ситуации не было, кроме одного.

Я решил подождать, пока корабль взлетит, что произошло довольно скоро – Нерос торопился удрать поскорее. Я подождал еще минуту и достал оставшуюся пару метательных ножей, один из которых оказался погнут, когда я еще открывал лифт, как консервную банку. Посмотрев на побитый нож, я сильно усомнился, что он сможет раскрыть створки такого корабля, как тот, на котором я летел, но попытка не пытка, хотя я мог лишиться части своего скудного оружия. У меня еще был боевой нож, который ломать уже жалко, так как второй я где-то посеял, и пистолет, про который я вообще забыл, и который чудом не потерял вместе с ножом.

Я начал ковыряться своими игрушками в плотно сомкнутых дверях и уже на первой минуте понял, что у меня ни-

чего не получится, так как ножи даже на миллиметр не желали протиснуться между створками. Когда я уже отчаялся выбраться из западни, двери, издав протяжный звук, разъехались в стороны. За дверьми стояло несколько вооруженных человек.

– Вот, кто там скребался, – сказал один из них таким тоном, будто разгадал величайшую тайну в мире, да еще и не правильно произнося слово.

– Эм... Я это... Прохладно снаружи, как думаете? – усмехнулся я.

– Ты кто такой? Ты как тут оказался?

– Я? Это вы тут как оказались?

– Что? – Они явно растерялись, а я судорожно соображал. – В смысле?

– Короче, вы из «Гаруды»? – спросил я, хотя ответ был очевиден, так как на плечах у них был повязан красный платок.

– Э, да.

– Ну и я из «Гаруды»! Когда Нер... Спардий побежал, я побежал за ним, но не успел. В первые двери протиснулся, а вторые уже закрылись. – Полуправда. Люблю полуправду. Надеюсь, их не насторожит, что у меня нет красной повязки.

– Нам Спардий ничего такого не говорил. Как тебя зовут?

Ну вот как с такими людьми вообще общаться?

– Не говорил, потому что он меня не видел, – пояснил я. –

Он так улепетывал, что у него в ушах один ветер шумел, ну,

у меня уж точно. А зовут меня... Нерос. Родители меня так называли, потому что я до десяти лет мелким был, то есть не рос совсем, а потом вымахал будь здоров. А родители мои были прекраснейшие люди...

– Все, хватит! – остановил меня один из бойцов. – Нам тут еще твоей биографии не хватало. Лучше скажи, почему на тебе штаны патрульного?

Я глянул вниз. И правда, я совсем забыл, что стащил штаны с одного из солдат Правительства, когда мои сгорели. Вместе с ногами. Полуправда, нужна полуправда.

– А они сгорели. Тогда я уколошил солдата и стащил штаны с него. Вообще-то, я уколошил много солдат, пока нашел подходящий мне размер, так что... – Я развел руками, мол, и так все понятно – я герой!

– Пусть будет так. А где твоя повязка?

Вот черт, заметили. А ведь у меня даже трусы сегодня другого цвета.

– Повязка? Какая повязка? А, повязка! – У меня ведь была та повязка, что мне дал один из революционеров взамен якобы утерянной, но я ее, похоже, тоже потерял. Что-то я много чего в последнее время теряю: пистолет, повязка, штаны, ноги, нервы – с этим надо что-то делать. – Она тоже сгорела. Я хотел уколошить повстанца, чтобы ее добыть, но решил, что это чересчур. У солдата, правда, были красные трусы, но я не решился.

– Хватит болтовни, – вмешался другой боец. – Отведем

его к Спардию, пусть он сам решает. Как, говоришь, тебя зовут? Понос? Остальные бойцы засмеялись.

– Меня так ласково родители называли. Ностальгия.

Мне не дали ностальгировать слишком долго, а поторопили к Неросу, считая, что это меня зовут Нерос. Оружие, что удивительно, не забрали, лишь посмеявшись над моими гнутыми метельными ножами. Видимо, прониклись доверием, так как сопровождать меня последовало лишь трое, а оружие они держали опущенным. Это был великолепный шанс, чтобы избавиться от них и остаться для Нероса приятной неожиданностью, но куда интереснее посмотреть на его реакцию, когда он услышит, что ему привели кого-то с его именем.

Нерос сам сидел за панелью, управляя кораблем. Даже со спины было видно, как он возбужден; эффект четырех подряд вколотых инъекторов препарата был на лицо. Я даже сомневался, что не будь он гераклидом, не откинул бы копыта еще в первую минуту.

– Босс, – обратился к нему один из тех, кто меня привел.

– Ну что там? – недовольно рявкнул Нерос не своим голосом, не оборачиваясь.

– Тут у нас человек, говорит, что он тоже из «Гаруды». Говорит, что он бежал за вами, но не успел запрыгнуть в корабль, а застрял между внешними и внутренними дверьми. Назвался Неросом.

– Что?! – закричал настоящий Нерос, оборачиваясь. Лицо его было напряженным и красным, словно он еле сдерживался, хотя трансфэйсер явно не передавал всей палитры его эмоций.

– Приветик, – дружелюбно махнул я ему рукой.

– Схватить его!! – взревел Нерос.

Первое, что я сделал, это выхватил из ножен на груди два метательных ножа и вонзил их в шею стоящим по обе стороны от меня бойцам, которые меня привели. Слепым ударом ноги назад, я повалил третьего сопровождающего, после чего метнул ножи в двух других солдат из тех, что находились в просторной рубке, но цели достиг лишь тот, что был менее погнут. Все случилось так быстро, что первые мной пораженные не успели упасть, хватаясь за разорванные шеи, поэтому выпущенные пули как раз попали в них и в стены, а я в это время на всей скорости выбежал вон. За спиной слышался крик разъяренного Нероса, о том, что меня нужно немедленно поймать, и чтобы эти идиоты прекратили пальбу внутри корабля.

Нероса, конечно, можно было вывести из себя, хотя обычно он выглядел хладнокровным и спокойным, но в этот раз он был вне себя от гнева и переполняющей его ярости. Возможно, со времени нашей последней встречи он все же изменился, но что-то мне подсказывало, что виной всему четырехкратная доза его божественного эликсира, из-за которого он оказался не в состоянии себя сдерживать.

Коридоры корабля петляли, иногда выводя на открытые участки, по типу приемных залов, и почти везде были люди. Немного, всего я насчитал человек десять, считая троих, что были в командной рубке, но их явно было больше, рассредоточившихся по всему кораблю. Я спустился на ярус ниже, так как выше было некуда, и спрятался в одной из кают, чтобы перевести дух. Я не запыхался, просто надо было придумать, что делать. Я уже знал, как все закончить, но трудность была в достижении этой цели. Так всегда бывает в жизни.

Я решил использовать грубую силу, которая обычно меня и выручала, потому что попытка решить все мирным путем зачастую бывает последним, что пытается сделать человек в жизни. В тот момент, когда я достал нож и уже схватился за ручку двери, чтобы выйти, я услышал шипение из динамиков, установленных по всему кораблю.

– Слушать всем! – раздался голос Нероса, который явно не собирался успокаиваться. – На борту предатель. На нем нет формы, но штаны патрульного. Тот, кто сумеет доставить его ко мне живым или мертвым, получит большую награду. – Будто кто-то сможет мне что-то сделать. – Он очень опасен, поэтому разрешаю использовать Амризию.

А вот это уже нехорошо. Или нет? Это может быть хорошим плацдармом для репетиции. У меня будет целая толпа подопытных, на которых я могу выяснить предел препарата. Посмотрим, кто из нас будет охотником, а кто дичью. Хотя я уже и придумал концовку, никогда не поздно ее переосмыс-

лить в свою пользу.

Первого бойца я поймал недалеко от той каюты, где прятался. Я подкрался сзади и вонзил нож в голову. Он был один, как и другие, и наверняка полагал, что препарат делает его неуязвимым. Оттащив тело в комнату, я вынул нож и всадил его в сердце, после чего вновь вытащил. Крови оказалось не так много, как должно было бы быть, и она была густой. Через пару минут тело зашевелилось, тогда я нанес еще несколько ударов в голову и в грудь, буквально превращая содержимое в фарш. Кровавенько, но ничего не поделаешь. На этот раз для восстановления потребовалось почти в два раза больше времени.

Мне пришлось отделить его голову от тела, чтобы убить окончательно. Или нет. После пяти минут сидения возле обезглавленного тела, мне наскучило. Никаких признаков восстановления я не заметил, а потому пошел искать новую жертву.

Вероятно, отделение головы от тела и правда приводит к смерти, но проблема была в том, что Нерос является гераклидом, и явно сильнее и осторожнее, чем в прошлую нашу встречу. А еще, когда я выстрелил Трегу-старшему в голову, там, в пентхаусе, он пришел в себя меньше, чем через минуту, как и после ранений в здании сената, а солдат всего лишь через две, хотя я еще ему и сердце повредил... Скорее всего, думал я, сила регенерации зависит от продолжительности приема препарата; Нерос мог его принимать годами и вос-

становиваться за секунды, специально претворяясь бессознательным. Четырехкратная же доза могла увеличить силу еще больше. Или же просто у него была другая, более совершенная форма препарата. Или все зависит от расы. Факторов может быть очень много. Нерос хитер. Надо будет спросить у него.

Повстанцы, которые выглядели как солдаты, а не бедные отчаявшиеся граждане, но при этом все равно ведущие себя как деревенщины, и правда ходили по одиночке, то ли будучи слишком уверенными, то ли не желая делить награду с кем-то еще, то ли и то и другое. Отрезанием головы я занимался и раньше, но сейчас это выглядело особенно отвратительно. Противник был слишком слаб и глуп, складывалось ощущение, что я убивал несмышленных слепых котят, хотя некоторые все же пытались дать мне отпор, но без должного умения даже самое продвинутое оружие в руках невежды будет не эффективней мотыги.

Лишь после десятого трупа мне вспомнились слова Верона о том, что в подворотне они с Иолаем повстречали бандитов, а Нерос ответил, что это он их нанял, чтобы они заставили меня стать сильнее перед тем, как я предстану перед его ликом. Зачем, если он не собирался со мной драться? Сейчас ситуация была похожей. Дает мне фору? Горделивый болван.

Я направился обратно к командной рубке. В коридорах слышались шаги и бряцанье оружия неосторожных вояк, но

они мне были не нужны, зато им был нужен я. На пути я повстречал еще троих, но так как огнестрельное оружие им применять было запрещено, а в рукопашной я был намного сильнее них, встречи проходили быстро. Кроме одной.

– Какая встреча! – воскликнул я.

– Давно не виделись. Хотя и не особо давно, если подумать.

– Так значит, ты выжил?

– У меня был с собой передатчик и за мной прилетели, а ведь меня чуть не сожрали те пустынные зверюги.

– Да ты везунчик, рыжий.

С одним патроном в автомате спастись от монстров, которые обычного человека должны разорвать на части, – это сильно. Наверняка, у него с собой был краготт, а то и эта пресловутая Амризия, вот только тогда мы о подобном даже и не слышали, а потому никому и в голову не пришло его как следует обыскать.

– Меня зовут Адарак Симкое Лаксит, – прогремел он. Этот джигударго был не менее гордым, чем любой камирутт, а то и более.

– Как раз хотел спросить, ага. Я смотрю, ты сменил личину псевдо-патрульного на повстанца, хотя форма не сильно отличается.

– Я всегда служил лишь Спардию, – вскинулся он. – Одежда не важна, важно то, к чему стремится твое сердце.

– И к чему же, поэт?

– Правительству плевать на нас, – со всей серьезностью начал он; с Роулом он бы подружился, – им важны лишь собственные набитые карманы и наша покорность. Не то чтобы меня особо волновали люди, но кто возьмется утверждать, что покончив с вами, они не возьмутся и за других? Я – джигударго. Мы сильны и выносливы, но другими особыми талантами не обладаем.

– Самокритично, – покачал я одобрительно головой. Неросу есть, чему у него поучиться.

– Наша раса не входит в состав правительства, – продолжил он. – Для них мы слишком глупые. Слишком бестолковые, чтобы решать нашу же судьбу. Я не могу это терпеть.

– Не слабо тебе мозги промыли. Я тоже люблю полуправду.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, но раз ты пытаешься помешать великому делу Спардия – я тебя остановлю!

Адарак встал в боевую стойку, при этом не достав даже оружия. Он был уверен, что справится со мной голыми руками, хотя, судя по расширенным зрачкам, он принял Амризию, а то и краг сверху. Интересно, влияет ли наркотик на разум, позволяя Неросу манипулировать всеми, как своими марионетками, заставляя поверить даже в самую откровенную чушь? Наверняка.

Джигударго рванул на меня, словно машина, его массивное тело заполняло собой весь узкий коридор. Узкий лишь для него, но даже так он чувствовал себя уверенно. Я укло-

нился от первого удара, который пробил стену, второй последовал незамедлительно, но лишь прочертил воздух, потому что рыжий был повернут ко мне боком и не мог как следует развернуться. Я воспользовался этим и с силой ударил его по ребрам свободной левой рукой, что не особо-то его потревожило.

Он вырвал из стены кулак, с которого стекала густая кровь, даже слишком густая, но Адарак не обращал ни на что внимания. Теперь я увидел его с другой стороны, в прошлый раз я вырубил его одним точным ударом, и то не до конца, хотя должен был убить, а теперь он был еще сильнее, под завязку напичканный наркотиками.

На этот раз я решил действовать первым. Я сделал ложный выпад и скользнул вниз, чтобы подрезать ему ноги, но его реакция оказалась отменной. Он перехватил мою руку с ножом в момент занесения и дернул вниз, потом схватил и вторую руку, растянув меня перед собой, словно мочалку или пружинный эспандер. Адарак отвел голову назад и с размаху вдарил мне лбом по носу. Моя голова дернулась назад, как от удара наковальней, такой удар любого человека убил бы на месте.

– А ты тоже крепче, чем я думал.

– Ты даже не представляешь, – сказал я чуть гнусаво из-за сломанного носа и проделал тот же трюк, что и он.

Я решил не превращать все в спарринг удар за удар, так как победитель был очевиден. Я нанес ему столько ударов,

что, казалось, я больше вреда причинил себе, чем ему, но все же он не смог меня удержать и невольно отпустил, хватаясь за лицо. Вряд ли он чувствовал настоящую боль, лишь фантомную, но он заревел. В порыве внезапной злобы он бездумно прыгнул на меня, желая подмять под себя, за что и поплатился. Я нанес удар прямым в грудь, но дело завершил он сам, упав на клинок собственным весом, протолкнув его до самой рукояти.

Весил он целую тонну, но я все же сбросил его с себя и вынул из груди нож. Хоть его кровь была густая, словно мед, заляпала она меня прилично, делая похожим на какого-то маньяка с ножом. Хотя, наверно, это не далеко от истины. Попытавшись стереть кровь, я лишь сильнее размазал ее по рубашке и штанам. Постоянно делаю эту ошибку. Я хотел было отрезать ему голову, но не желал тратить времени – не так уж и просто отрезать голову, вы уж мне поверьте, а тем более такому здоровяку. Я лишь нанес еще несколько ударов в область груди, шеи и головы, чтобы он поспал подольше, потом плюнул на тело рыжего и направился туда, где меня очевидно ждали.

В рубке, вопреки моим ожиданиям, было не так людно. Один лишь Нерос с ножом в руке. Игненсис. И без трансфэйсера.

– Долго ты, – сказал он, едва сдерживаясь, чтобы не зарычать.

– Знаешь, твой сынок сказал мне одну интересную фразу:

«Удивительно у тебя работает мозг, – сказал он мне, – то ты анализируешь ситуацию, словно семечки грызешь, а то не можешь понять элементарные вещи». Вот и сейчас также. Ты подслала в проулок хулиганов, чтобы я на них разогрелся, значит и этих тоже? Я не понимаю: зачем?

– Чтобы ты стал сильнее, у тебя же так сила работает? Чем больше приложено силы к тебе, тем больше у тебя самого силы. Сила воздействия равна силе противодействия. Я просто хотел, чтобы ты обрел огромную силу, а ворвавшись ко мне, понял, что она бессмысленна. Что не важно, как ты силен, сила не всегда все решает.

Слишком много тавтологии. Похоже, его волнует только сила и ничего более.

– Значит, ты знал, что я проникну на борт, потому и собрал здесь своих шавок?

– Нет, этого я не планировал, – покачал он головой так, словно она была свинцовой. – Все получилось спонтанно. Ты переиграл меня в тот момент, когда превратил мою голову в решето, а потом забрал мою Амризию. Хотя в этом есть и моя вина, я слишком хотел тебе досадить, убив девушку. У меня в голове возникли десятки планов, как выкрутиться, но ты оказался прав – я слишком боюсь умереть, а почти во всех моих планах предусматривалась моя смерть, а действие препарата слишком ослабло. Не хотелось рисковать. Я хотел сбежать, мне хватило бы и того, что я уже сделал. На тебя ополчилась вся Вселенная.

Он был очень доволен собой, даже несмотря на то, что его план сработал не на все сто процентов. Главное, что он отомстил мне – вот что его волновало. Хотя очевидно, что он опять изображал хорошую мину при плохой игре. Он в замкнутом помещении, один на один со мной, и даже со своим квази-бессмертием он не стал сильнее меня. Все повторяется, только сейчас я не собираюсь оставлять его в живых.

– И что ты теперь собираешь делать? – поинтересовался я.

– Теперь? Во мне четыре дозы. Я никогда раньше не вводил даже две, а теперь четыре! И знаешь что? Я чувствую огромную силу. Даже у тебя есть предел, и я решил сегодня его узнать.

Несмотря на весь свой интеллект, Нерос продолжал витать в облаках. Мечтать все же иногда вредно.

– А как же долгосрочная месть? – спросил я. – Если я умру, на меня уже не будут охотиться. Слишком просто, не кажется?

– Плевать! У меня не осталось выбора. Я разделаюсь с тобой, а потом вернусь за твоими друзьями. Тебе уже будет плевать, а мне приятно. – Он вновь осклабился своей половинчатой улыбкой.

– Ты слишком много болтаешь.

Нерос засмеялся и рванул ко мне, используя Харака Идо и ударом отбрасывая меня в стену. От следующего удара я уклонился, и когда нога гераклида, пробив стену, застряла в ней, я ударом в лицо помог ему выбраться. Он, тут же вско-

чив на ноги, бросился на меня и взмахнул ножом, хотя и не используя его способность раскаляться, оставив поперек моей груди тонкую полоску крови, которая быстро начала затягиваться прямо на глазах. Я попытался ударить его с разворота, но он увернулся и, схватив меня за вытянутую ногу, бросил в другую часть комнаты, в стену, возле которой валялся один из убитых мною. У него был автомат, но он казался слишком громоздким, и его слишком долго пришлось бы снимать. Зато я вспомнил о своем пистолете.

Он увернулся от двух выстрелов, используя Харака Идо прежде, чем я нажал на курок, третья пуля прошла мимо, четвертая попала ему куда-то в область живота. Он выбежал в двери, явно желая сменить локацию, а я... Я побежал к панели управления и быстро ввел точку перехода. Одну из тех, что давно засели у меня в памяти.

Нерос через несколько секунд понял, что я не побежал за ним, а остался на мостике. Он вбежал в рубку и увидел меня возле панели.

– Что ты делаешь? – закричал он, когда прямо перед кораблем начал возникать черный круг метасалирования. Он бросился ко мне, но из-за ранения не использовал Харака Идо, а потому не успел преодолеть и десяти шагов, как нас затянуло в гиперпространство.

О, это прекрасно и ненавистное чувство ничего. Все ушло, чтобы вернуться. Все кончилось, чтобы начаться с того же самого момента. Из-под ног выбило землю, а по-

том земля ударила снизу, опрокинув всем весов и заставляя упасть на колени. Я вскочил первый, включил полный вперед и истратил последние патроны пистолета, чтобы уничтожить панель.

– Что ты делаешь? – вновь закричал Нерос с ужасом, поднявшись на ноги и увидев за окном черный круг, но теперь это был не переход. Черная дыра.

– Как тебе вид?

– Ты с ума сошел! – заревел Нерос, трясаясь то ли от страха, то ли от переполняющей его энергии. Его лицо, та сторона, что не обожжена, была красной, как зачастую бывает у Костуна, особенно после долгого бега. Вены на лбу вздулись, а глаза наливались кровью. Похоже, четыре дозы даже для него слишком много.

– Не правда, – спокойно ответил я. – Нет, у меня был такой период, когда я два месяца лежал в психушке, но с тех пор рецидивов не замечалось. Наверно, мой организм излечил эту рану насовсем.

Или принял это за норму...

– В черной дыре даже тебе не выжить.

– Знаешь, в чем твоя проблема? Ты ничего обо мне не знаешь. Ты не знаешь даже десятую часть о моих способностях. Иронично, но твой сын знает обо мне больше, чем ты сам. Стоило его спросить.

– Хочешь сказать, что ты выживешь в черной дыре? – фыркнул Нерос.

Я этого не знал. Я давно выяснил и запомнил координаты множества черных дыр, и даже приближался к ним на максимально допустимое расстояние, но даже у меня не хватало смелости проверить, что будет, если одна из них меня пожрет. Несмотря на то, что многие считают вечную жизнь мучкой, для меня все было наоборот. Я люблю жизнь, и это взаимно, а потому мне совсем не хотелось умирать, пусть я и гадал часто, лежа в постели, что по ту сторону жизни.

– Давно хотел это проверить, – отозвался я. – Знаешь, я не моюсь. Я просто врезаюсь в звезду, и вся грязь сгорает! Нет, я не шучу, я действительно делал так несколько раз.

– Ты не можешь быть так силен, – сказал Нерос таким голосом, словно сам уже не до конца верил своим словам.

– Эх ты, голова два уха, посередине глухо. Мы уже не сможем избежать нашей участи, так что я могу раскрыть тебе парочку своих секретов, что обычно делают злодеи перед тем, как убить главного героя, но при этом погибают сами. А тут главный злодей, если это я, и так собирается устроить суицид, только не факт, что он сработает, ну да ладно. В общем, я водил тебя за нос.

И не только его.

– О чем ты? – Нерос, только что теряющий терпение, все еще таким и выглядел, однако все же слушал.

– С чего бы начать?.. Я люблю приключения. Как только я увидел твоего дружка, вирусуса, то сразу понял, что это ловушка. Это было слишком очевидно, вы не мастера кон-

спирации.

– Если знал, то как ты в нее попал?

– Я же говорю: я люблю приключения! Мне почти три тысячи лет, и чтобы не скучать, я подстраиваю всякого рода события, в которых принимаю непосредственное участие, якобы случайно вовлеченный, – развел я руками. Прямо груз с плеч.

– Это чушь, – снова фыркнул Нерос.

– Неужели? Как думаешь, почему я бесил вас с вирусосом, когда вы ко мне приходили? Я набирался сил. Я мог обратиться гораздо раньше, но ждал, что вы предпримете. Что-то, а времени у меня полно. Потом вы начали меня пытаться; довольно неумело и слишком нетерпеливо. Эти попытки к силе прибавили еще и регенерацию.

– Ты убил вирусоса и пытался убить меня. Не очень подходит на долгосрочный план.

А он все же бывает умен, когда не пытается выставить свою гордость напоказ.

– Ты кое-что упустил. Я специально поразил тебе левую грудь, зная, что сердце у камируттов находится справа. Хотя шансов на твоё выживание действительно было мало. Но у меня был запасной план, появившийся в тот момент, когда я увидел в шкафу сжавшегося в комок твоего сына. Ну, знаешь, распространенное клише: сын мстит за смерть своего отца. Но ты выжил; я понял это, услышав историю о том, как тебя якобы жестоко убили сурусы, сбросив в боковой кратер

вулкана. Серьезно? Ты сам придумал эту чушь?

– Я был в коме...

– А, ну, конечно, – закивал я. Удобная отговорка. – Ты бы придумал что-нибудь поинтересней. А еще этот твой волосатик. Знаешь, я планировал и ему оставить жизнь, но он оказался слишком предан тебе и бросился на меня не раздумывая. Я боялся затратить на выведение его из игры слишком много времени и потерять тебя, поэтому пришлось его убить. Жаль.

А сам Нерос просто бросил его, а когда узнал, что тот мертв, не особо-то и расстроился. Ну и кто тут лицемер?

– Я тебе не верю. Ты все это придумал.

– Придумал. Сорок пять лет назад. И зачем мне тебе врать перед лицом смерти? – Я кивнул на приближающуюся черную дыру. Всепожирающий монстр выглядел как огромный глаз, вполне ощутимо рассматривающий твою душу, лапая ее своими невидимыми липкими пальцами. Даже на том расстоянии, что мы были, продолжая неминуемо приближаться, казалось, будто мы на самом краю круга метасалирования, и вот-вот нас поглотит эта тьма. А что же будет, когда это случится?

– Возможно, ты все еще играешь, – ответил он, тяжело дыша. Нерос тоже видел черную дыру, а потому пытался ухватиться за любую возможность спастись, в том числе и обвинив меня в блефе.

– Насчет игры ты прав. Ты думал, что это все твоя игра, но

оказалось, что она часть моей. Паук, чья путина находится в центре паука больше и опасней. Что чувствуешь?

– Что я чувствую? А что чувствуешь ты? – ткнул он в меня пальцем. – Да, я начал войну, но ведь из-за тебя. Из-за твоей игры. Тебе плевать на все эти жизни?

– Это не первая война, которую я развязал. Знаешь, я бессмертен. По-настоящему бессмертен. Я могу стереть Вселенную с лица... Мироздания? Но она вновь оживет. Всегда оживает. Может, в другом виде и с другими убеждениями, но она тоже бессмертна. Лет через сто обо мне никто и не вспомнит. Ты сорок пять лет пыжился, чтобы мне отомстить, не думая ни о чем другом, но все твой потуги тщетны. Я буду жить, несмотря ни на что. Сменятся сотни поколений, и история будет переписываться с каждым новым. Одни детали будут забыты, а другие всплывут, как по мановению волшебной палочки. Все, чего ты добился, – сделал мир для меня чуть веселее.

Корабль трясло уже минут десять, и с каждой минутой все сильнее. Техника начала сходить с ума, лампы мигали, на целых участках панели, где отображалось состояние корабля и окружающего пространства, измерительные приборы выдавали невозможные результаты. Кажется, мы перешли горизонт событий.

– Ты еще более больной, чем считаешь меня! Тут только один истинный злодей, и это – ты! – на этот раз Нерос ткнул в меня уже ножом.

– Возможно, но что поделать? – развел я руками.

Нерос рванул на меня, используя Харка Идо; его огнестрельное ранение в животе практически зажило еще тогда, когда он вернулся в рубку. На этот раз он использовал у ножа технологию «Игненсис».

От первого замаха я уклонился, второй задел рубашку, которая тут же вспыхнула, но я контратаковал, отбросив Нероса. И он полетел сначала нормально, но потом как-то неестественно, врезавшись в стену спиной и так и зависнув. Перестала работать искусственная гравитация. Некоторые лампы то ли перегорели, то ли просто не хотели работать. Уже было не понять, летим ли мы к дыре на собственной тяге или нас притягивает черная дыра. Уже неважно.

Нерос оттолкнулся от стены ногами и полетел ко мне. Я сделал то же самое. Мы столкнулись на середине, и я оттолкнул его обеими ногами, при этом отлетев и сам. Мы вернулись по местам.

– Ты правда думаешь, что твоя горящая зубочистка действенной черной дыры?

– Я не уверен, что черная дыра принесет тебе боль, а вот нож – да. Ты же чувствуешь боль?

– Пока ее не становится слишком много.

– Вот и отлично, – злобно осклабился он.

Он вновь настырно оттолкнулся от стены. Я остался на месте, расставив руки в стороны.

– Я весь твой! – крикнул я, улыбаясь.

Нож вошел прямо в центр груди. Это и правда было очень больно. Больнее, чем сгорание заживо, может быть только разбитое из-за любви сердце. Шучу. Ничего подобного. Горящее сердце – вот самая ужасная боль.

Было глупо со стороны Нероса бросаться в бой самому, он мог просто кинуть нож. А теперь он в моих объятиях. Я сомкнул руки, прижав его к себе и разделяя с ним жар горящего клинка, обугливающий плоть. Он закричал, я засмеялся. Он ревел, плевался и до крови прокусил мою щеку, грозясь откусить ее вовсе. В воздух взмыло десяток дрожащих шариков крови и слюны.

Почувствовать было нельзя, так как мы были в воздухе, но можно было увидеть, как трясется корабль, словно от страха. Может, черная дыра для корабля то же самое, что и метасалирование для человека? Может, он тоже испытывает такие же чувства перед входом в неизвестность, и не испытывает ничего, находясь внутри? Странно, но я ничего такого не ощущал. Может, мои чувства атрофировались, приспособиваясь к обстоятельствам, осознавая весь ужас того, что меня ждет?

А что меня ждет? Скоро я это узнаю. Или больше не узнаю ничего.

Раз. И мир потух.

Раз. И мир вспыхнул.

Но глаза все так же были слепы. Просто чернота сменилась ослепительной белизной.

Вокруг царил белый мрак. Казалось, что я даже стою на свете, да и сам являюсь светом, однако, взглянув на руки, я понял, что остался сам собой, даже одежда осталась прежней, но все следы недавнего боя бесследно исчезли.

Я оглянулся, посмотрел вверх, вниз, но всюду было пусто. Но вдруг, обернувшись очередной раз, я увидел в бескрайнем свете темную точку; секунду назад ее там не было. Я направился туда, сначала осторожно, боясь потерять ее из виду, даже не моргал, потом быстрее, побежал.

Это оказались два обшарпанных кресла, между которыми стоял небольшой книжный столик. В ближайшем кресле спиной ко мне кто-то сидел. Я видел только его белобрысую голову. Все это мне что-то напоминало.

– Садись, – сказал он совсем незапоминающимся голосом, который словно возник у меня в голове, но в то же время отразился от невидимых стен едва ощутимым эхом. Я послушался и выполнил... просьбу?

Передо мной сидел статный дед в гиматии с такими же белыми волосами и бородой, как все вокруг, не считая, конечно, небольшого уголка реальности. Реальность, надо сказать, выглядела потрепанной.

– Ты кто? – задал я глупый вопрос.

– А ты как думаешь? – наклонил он голову.

– Дед Мороз?

– Нет.

– Гендальф?

– Последняя попытка.

– Мой дедушка?

– Ты все испортил, – махнул он досадливо рукой и снял бутафорскую бороду, хотя секунду назад она казалась более чем реальной.

– Что я испортил?

– Я тут из кожи вон лезу, чтобы постебаться над тобой, а ты даже подыграть не удосужился.

– Я подыгрывал, – возразил я.

– Нет, ты пытался меня переиграть, завязав свою игру. Ладно, хрен с ним, конфетку будешь? – Он достал из карманов две конфеты: синюю и красную. Я взял красную. Ее вкус отдавал ушной серой.

– Что за черт? – возмутился я, выплевывая конфетку на пол.

– Не бойсь, не отравишься, – ухмыльнулся белобрысый, посасывая вторую конфетку. Очевидно, у него она была вкусней.

– Так все же, – вновь заговорил я, – ты кто?

– А ты не догадался?

– Догадался, но хочу услышать это из твоих уст.

– Азь есмь Гадь! – произнес он на этот раз басистым голосом, который зазвучал со всех сторон. Только фанфар не

хватало. Позер.

– Я в тебя не верю, – сказал я. Он изобразил обиженную мину, поджав губы и опустив их уголки вниз нарочито сильно, становясь похожим на рыбку-каплю.

– Ты злой, – сказал он.

– А ты?

– Я? Я... ни то, ни другое.

– А какой ты тогда? Это ты создал Вселенную? А почему здесь так светло? Почему у тебя такая обшарпанная мебель? Ты директор конфетной фабрики?

– Стой, стой, стой, – остановил он меня. – Я не говорил, что буду отвечать на твои вопросы.

– А что я тогда здесь делаю?

– Ты умер.

– Ага! – ткнул я в него пальцем. – Ты сказал, что не будешь отвечать на мои вопросы, а сам ответил!

Надеюсь, после всего этого он меня отпустит. Если это рай, то он мне явно не нравится, а если ад, это слишком жестоко, даже для меня. Нет, я люблю поболтать, но предпочитаю периодически менять слушателей, а то случится так, как в том баре в Дородате, где мои истории уже всем давно приелись. Но это только потому, что они избирательные, ибо в большинстве из них я бы не выжил, не будучи бессмертным, а орать о своих способностях на каждом углу – прямой путь в лабораторию к сумасшедшему ученому, вроде Нероса. Я и так имею репутацию неубиваемого, но многие принимают

это за невероятную удачу, а другие просто не верят моим и чужим историям о моих похождениях.

– Слушай, не умничай, а, – нахмурился Гадь.– Я здесь решаю, когда отвечать на вопросы, а когда нет.

– Что теперь? – спросил я после пятиминутки тишины.

– Думаю, что с тобой делать.

– Отправишь в ад? Если я уже не там.

– Почему ты так решил?

Я пожал плечами. В жизни я сотворил больше зла, чем добра. Много больше, при этом иногда одно оканчивалось другим. Так я ему и заявил.

– Я говорил: я ни то, ни другое. Ни добрый, ни злой. Так что не мне решать, какой ты. Значит так, – хлопнул Бог себя по ляжкам, – я знаю, что с тобой делать. Точнее, не знаю, но кое-что все же образовалось. Задай мне три любые вопроса – вообще любые! – а я отвечу.

Я задумался. Какие вопросы можно было задать Богу? Наверняка, у многих людей возникали такие вопросы в голове, и даже составлялся список на сотню вопросов. Но что делать, если можно задать лишь три, а у тебя нет ни одного? Будь это желания, я бы загадал тысячу желаний, и стал бы желать стать смертным, а потому снова бессмертным, и так истратил бы все желания. Главное, не сбиться и не остаться в конце смертным.

– Ладно, пусть будет так: как устроено мироздание?

– Я знал, что ты так спросишь.

– Правда?

– Нет. – Он засмеялся. – Я понимаю, что тебе это не особо интересно, но я все же отвечу. Я всегда держу свои обещания. Итак, – начал он, а мне уже стало скучно, – на самом деле существует бесконечное множество Миров, то есть Вселенных, и все вместе они составляют единое пространство – Фантасферу. Представь, что это прозрачные шарики, находящиеся в бесконечной емкости. Они сталкиваются, сближаются и отдаляются, изменяются в размерах, но все это происходит о-о-очень медленно. Так вот, в каждом таком мире есть свой Бог. Это что-то вроде должности. Бог может делать с Вселенной все, что пожелает, но не уничтожить ее полностью, то есть он не может разбить этот самый шарик, за который отвечает. Он может перекраивать ее по собственному желанию, создавать и отменять законы физики, химии и вообще любые законы, может создавать все, что угодно в любом месте и времени. В общем, в своем мире Бог всемогущ. Он также может перемещаться в другие Вселенные, где обладает такой же точно силой, за исключением того, что как бы он не пыжился, он ничего не может сделать тамошнему Богу, а вот тамошний Бог может прихлопнуть незваного гостя, хотя ему придется постараться.

И зачем вообще перемещаться в другие Вселенные, если ты всемогущ в своей, подумал я. Наверно, из-за скуки. Скучно обладать всемогуществом. Хотя, если специально себя ограничивать, то все не так уж и плохо. Или, например, про-

чел книгу, стрел память и прочел заново, и всего новые впечатления. Хотя не, это тупо.

– Если Бог умирает – продолжал тем временем белобрысый, – его Вселенная тоже медленно начинает угасать: перестают появляться новые звезды, галактики и туманности, а старые... стареют. Чтобы ты не истратил лишний вопрос, отвечу превентивно и бесплатно на другой: никто не знает, откуда появились Миры и кто их создал, хотя многие Боги верят в Творца – создателя всея, ведь новые миры продолжают появляться ежесекундно.

А значит и новые Боги. А что, если я здесь, чтобы стать новым Богом в новой Вселенной? Лучше не надо.

– Как я и сказал: Бог может перестраивать Вселенные по собственному желанию, поэтому в каждом мире свои силы и законы. Однако девяносто пять процентов всех Миров Боги делают по шаблону, который не пойми когда и кем был создан. В таком шаблоне живешь и ты сам. Самая популярная форма космических объектов – круглая, и лишь пять процентов Вселенных имеют другие формы планет и Солнц. На втором месте по популярности стоят плоские миры, если интересно.

Плоская планета. Наверно, еще и на трех китах, черепахе и других животных, которых я уже не помню. Я бы взглянул на такое. Будь я Богом, мои планеты были бы в форме ленты Мебиуса или геликоида. Девяносто пять процентов. Боги такие узколобые.

– Как-то так, – подытожил Бог. – Вроде все сказал, если вкратце. Следующий вопрос.

– Что ж, есть кое-что, что меня интересует, – сказал я. – Кто я такой? Почему я не могу умереть?

– Тут я бы тебе ответил, даже если бы ты не спросил, но, думаю, ты и так это знал и специально задал этот вопрос, чтобы сократить их число. Хитрюга, – погрозил он мне пальчиком, прищурившись. – Ладно, отвечаю. Это случайность. Я ведь говорил, что Бог в своей Вселенной всемогущ. Так вот, Бог может даровать способности кому угодно. Он может даже наградить силой, равной его собственной, хотя обладатель такой силы все равно бессильен против самого Бога. Так вот, мне было скучно и я даровал силу паре людей, что ее просили, а даровал я ее не просто давая, мол, пожми мне руку и она твоя, а бросая, как бейсбольный мяч. И когда я кинул одну такую силу, я слегка промазал. Даже Боги иногда промахиваются, ничего особенного, – пожал он беспечно плечами. – Хотя очень и очень малая часть пролетела мимо, стремясь куда-то во Вселенную. Сначала я хотел ее вернуть, но потом решил оставить все так, как есть. И не ошибся. Она угодила в тебя, и ты изрядно меня развлек. Наблюдать за тобой было сущим удовольствием.

Бог засмеялся, хлопая себя по выпирающему животу; клянусь богом, секунду назад он был подтянут не хуже меня. В этот момент он был похож на обычного добродушного дедушку, рассказывающего внучку старую байку.

– Значит, я получил силу потому, что какой-то чокнутый Бог попросту напортачил? – уточнил я. – Идиотизм какой-то.

– А ты думал, ты избранный? Ты ведь и правда ждал какого-то предназначения, до сих пор ждешь, хоть и пытаешься это отрицать. Увы и ах, но твоя паутина тоже оказалась всего лишь крошечным центром поистине бесконечной сети. Кстати, из-за того, что ты получил неполноценные способности, у тебя так и скачет сила, заметил? Даже отбросив то, что тебе для увеличения физической силы нужен внешний стимул, практически идентичные ранения, нанесенные в разное время, но в похожем состоянии, ты залечиваешь по-разному: то быстро, то медленно. Я мог бы это исправить, но знаю, что ты не согласишься. Я тоже люблю веселье, но оно чудесней всего, когда ты сам не знаешь, что тебя ждет.

Итак, я удовлетворил твое желание? Теперь третий вопрос.

Я чувствовал себя по-настоящему ужасно. За мной всю мою жизнь следили, а я даже не догадывался. Может, то чувство на Кавитане было именно из-за того, что за мной следил Бог, а не Нерос? Но ведь раньше такого не было. Вряд ли. Да, он прав, я правда ждал, что когда-нибудь ко мне придут и скажут, что я избранный, мне судьбой предначертано совершить что-то великое, хотя я и не особо верил в судьбу. Я ждал, но мое желание показать, что я лучше и сильнее всех, брало вверх, и я совершал ужасные поступки. Сначала

я оправдывался тем, что в бесчисленных войнах, в которых я участвовал, мне отведена роль спасителя и героя, ведь я сражался за правильную сторону, пусть даже она не сильно отличалась от неправильной. Я выбирал меньшее из зол. И ошибался. Ведь был и третий путь – не вступать вовсе, не убивать людей по приказу, не нести зло во имя добра. Но я считал, что должен выбирать, ведь какой избранный отсидивается в стороне, когда свершается несправедливость? Я ждал, но так и не дождался, в конце концов, просто наплевав.

Но даже совершая ужасные поступки, я пытался уменьшить ущерб. Даже развлекаясь с Неросом, я не собирался никого вовлекать. Верон, Иолай, Костун, Мара – я не собирался их втягивать, но так получилось, что оставь я их за бортом, они бы погибли, поэтому мне не оставалось ничего иного, кроме как позволить им взобраться на палубу моего Летучего голландца, где я смог бы защитить их от кого угодно, кроме самого страшного для них врага – меня.

– Третий вопрос, – протянул я, задумавшись. – Даже не знаю, мне особо больше и не о чем спрашивать. Я задал два вопроса, и оба они оставили какое-то гнетущее ощущение внутри.

– Тогда задай менее глобальный вопрос.

– Хм, ладно. Кто такие гераклиды? Что это за мутация такая, дающая любому человеку любой расы такие силы?

Ну, не совсем всем (ха!), но большинству.

– Насущный вопрос, как я посмотрю. Забавно, но этот во-

прос косвенно глобальный. Я ведь уже говорил, что Бог по желанию может дать любому существу силу, равную своей, ну или близкую к этому. Так вот, гераклиды – это потомки одного из таких, можно сказать, суббогов. Моя ошибка, как-то не подумал, что часть его силы, хоть и малая, передастся его потомству. Исправил, но избавляться от гераклидов не стал. И правильно сделал. А ген, кстати, как и ты, оказался довольно нестабилен, поэтому проявляется крайне редко.

– Вот это действительно интересно, – покачал я головой. Верон – потомок суббога, пусть и очень далекий. Вероятно, во Вселенной очень много потомков, но лишь у единиц проявляются его гены.

– Все может стать интересным, если посмотреть под нужным углом. Ладно, – тряхнул Бог кулаком, словно решил-ся, – второй вопрос был лишним, я бы и так все рассказал, поэтому даю тебе еще один. Задавай.

– У меня как раз созрел тут один. Что со мной будет дальше?

Внезапно кресла под нами исчезли, а за место белого пространства появился открытый космос, только мы уже не были самими собой, а стали просто огромными. Бог натужился и у него из задницы вылетел газ. Он схватил этот газ и сжал в кулаке. Зрелище походило на дурной сон, один из тех, где кактусы разговаривают, а лягушки едят французов, но тут Бог разжал ладонь. У него в руке оказался маленький шарик света – звезда. Он аккуратно пустил ее, и она заняло свое

ничтожно маленькое место во Вселенной. Было красиво. Но потом белобрысый опять все испортил, поковырявшись в носу и выдав пять козюлек одну за другой. Запустив их с пальца, он выводил их на орбиту звезды – планеты. Страшно было представить, как он создает черные дыры.

– Черные дыры я не создаю, – прочитал он мои мысли. А может, просто догадался, о чем я думаю.

– Догадался, – улыбнулся он. – Может, я и веду себя инфантильно и глупо, но все же у меня огромный опыт, мне не нужно читать мысли, чтобы знать, о чем думает человек. Черные дыры возникают сами собой, но мы, Боги, обычно этому не препятствуем. Многие считают, что они как большой утилизатор, поддерживающий баланс во Вселенной. Вот я создал только что Солнце, а черная дыра одно такое где-нибудь сожрала. Вселенная огромна, но не бесконечна, и если ее переполнить, она может лопнуть. Кстати, не беспокойся, я не все космические объекты так создаю, просто решил подшутить над тобой. Я часто так шучу над людьми. Могу с кем-нибудь поговорить, открыть тайны Мироздания, из тех, что знаю, а потом, посмеявшись над реакцией, стереть память. Похищаю людей с отдаленных планет и перемещаю на другие, а там думают, что их похитили пришельцы. Я, как и ты, люблю веселиться, и часто это получается в ущерб другим.

А сейчас мы находимся в неизвестной и невидимой людям части Вселенной, да и сами мы невидимы, так что не

парься, просто однажды в небе над головой где-то очень далеко загорится очередная звезда, свет которой достигнет мира живых. Мало кто обратит внимание.

– Ты не ответил на мой вопрос, – напомнил я.

– Я отпущу тебя, – сказал Бог, еще немного подумав. – И память не сотру. Считай, что это мой очередной эксперимент и развлечение. Или считай, что это то самое заслуженное наказание, которое ты ожидал получить. Просто помни, что твоя паутинка не такая уж и большая, как ты думал. Я верну тебя обратно в мир, где есть жизнь, но пока не решил, куда именно.

– Если не трудно, – немного робко заговорил я, – можешь вернуть меня обратно на Кавитан? Мне надо качнуть мои весы добра и зла, правда, я не уверен, в какую сторону, я давно позабыл, какая из чаш где.

– Что ж, думаю, это лучшее из мест, куда я могу тебя послать. Итак, я посылаю тебя. Вали уже.

Голова закружилась, когда я пролетал через всю Вселенную, как оказалось, одну из многих. Этот чертов Бог, один из многих, решил поиздеваться надо мной по полной, и вместо того, чтобы просто перенести в нужное место, он меня туда просто швырнул. Вдруг скорость резко упала, и только сейчас я смог оглянуться. Это была планета Кавитан с высоты спутникового полета. Я начал медленное падение, притягиваемый притяжением совсем не притягательной планеты.

Это было ужасно, но потом... Потом я ощутил то самое

мое самое любимое чувство, когда душа отделяется от тела, превращенного в обтесанную головешку. По сравнению с этим, оргазм был адской мукой. Вот блин, надо было спросить об этом у этого белобрысого.

Это, как и обычно, длилось лишь несколько секунд, а затем я вновь оказался в тесном белковом скафандре моего тела. Интересно, ощущал бы я это чувство истинной свободы, если бы отказался возвращаться и умер? Вот так всегда, самые правильные вопросы возникают в самое неправильное время, когда уже поздно. Может как-нибудь еще раз залететь в черную дыру в гости к Кролику? Или к Кроту?

Я падал с большой высоты и даже особо не задумывался, куда упаду. Мои мысли были забиты другим. Например: что случилось с Неросом? как попасть в другую Вселенную? что происходит, когда проходишь через круг метасалирования? то, что сдерживает моя плоть, – моя душа? куда девается второй носок? Черт, я определенно вернусь в эту... божественную дыру.

Удар был жестким. А как иначе? Земля пошла трещинами, а подо мной образовался небольшой кратер. Бог даже не удосужился смягчить падение, и теперь я лежал и восстанавливал каждый расплюснутый орган моего тела. Больно.

– Эй, – раздался голос, – да это же Амар! – Это был Йолай. – Ты живой? Что случилось? Где Нерос?

Мару интересовал вопрос более насущный:

– Почему ты голый?

Да, теперь мы с ней в расчете. Хотя, если подумать, я видел ее дважды, однако, с другой стороны, – лишь мельком, без подробностей, так сказать.

– Каждый год тридцать первого декабря мы с друзьями ходим в баню... – начал я, когда смог хоть что-то сказать.

– Чего?

– Чевочка с молоком! Поднимите мне веки, то есть поднимите меня и дайте одежды и мотоцикл.

Как оказалось, у Роула было несколько шкафов, забитых дорогими одеяниями. По его словам, ему ими оплачивали некоторые услуги те, у кого наличка водилась редко. Наиболее адекватное, что я нашел, были штаны, вроде темно-серых джинсов, но из очень дорого материала, рубашка, которую я вытащил из комплекта, и жилетка, чуть светлее штанов. Думаю, не стоит говорить, что Роул был более чем недоволен, назвав это грабежом среди бела дня.

А ведь и правда стоял день, даже позднее утро, а я уверен, что тусил с Богом несколько часов. Я спросил о том, как долго меня не было. А еще я только сейчас заметил, что Верон куда-то исчез.

– Тебя не было минут двадцать, не больше, – сказал Йолай. – Я только закончил рассказывать Машае и Роулу о Неросе и о том, что он водил их всех за нос, ища мщения, как снаружи послышался бум. Мы думали, это бомбы Нероса взорвались, а там ты оказался.

Да я просто бомба! Шутка была не к месту, и я оставил ее на потом.

– Всю дорогу поломал, – пробубнил Роул. – Как такое вообще возможно? Неужто ты с неба свалился? – Он воззрился на небосвод, словно стремясь разглядеть то место, откуда я рухнул. Будь у него мощный телескоп, он, возможно, смог бы открыть новую звезду и назвать ее в свою честь.

– Мне тоже интересно, – поддакнул Машая. – Даже мои роботы после такого в лепешку превратятся, а ты вот тут сидишь, как ни в чем не бывало.

– Это не важно, – отмахнулся я. Мне не хотелось тратить время на объяснения. Странно, что Иолай не рассказал о моем маленьком секрете. Наверно, не хотел рассказывать без моего позволения. Некоторые умеют хранить секреты. – Где Верон? – спросил я.

– За домом Роула оказался кладезь полезных вещей, – начал киборг; он явно был не доволен, что Верон его вот так бросил одного, – хотя с виду напоминает помойку, да и пахнет так же, – он покосился на Роула, а тот в ответ лишь намурился пуще прежнего и буркнул что-то крайне нелюбопытное. – В общем, когда Верон первым выбежал на крышу, он увидел, как улетает корабль Нероса... И тебя. Короче, он выудил у Роула, что за домом есть один небольшой корабль, и полетел на нем за вами. И все.

– Есть поблизости еще один такой корабль? – поинтересовался я.

– Нет, – поморщился Роул. – Нету.

– Я тебя сейчас снова за ногу подвешу, старик, – пригрозил я ему. Он явно вспомнил, что я с ним сделал в прошлый раз.

– У меня нету, я не часто отсюда улетаю, но у соседней банды есть. Они его даже при наступлении не использовали, от него все равно проку мало.

– Пойдем договоримся? – это было не предложение, но всякий может уловить эту легкую отличительную нотку.

– Нет-нет, я никуда не пойду. Я не из их банды, что я могу?

– Не юли, обгорелый, ты толкаешь оружие всему городу, не думаешь же ты, что я поверю, будто у тебя нет авторитета. Ты либо идешь со мной добровольно, либо я тебя вверх тормашками понесу.

Корабль оказался настоящей развалюхой, но даже за него пришлось поторговаться, благо торговались мы не на свои деньги, чем довели Роула до белого каления, но его жар быстро остудил мой еще более горячий кулак под носом. Он желал отделаться от нас как можно скорее, а потому согласился на цену, за которую можно было купить два таких корабля, но совершенно новых. Интересно, чем он будет расплачиваться? Одеждой?

Машая хотел полететь с нами, чтобы хоть чем-то быть полезным, но я поручил ему другую работу – он должен был связаться с наибольшим числом повстанцев и приказать им

уходить из города, потому что скоро там станет жарко, даже жарче, чем было ночью, а противник для них непобедимый, потому что неосязаем. Бомбы могли сработать в любую секунду.

В поле зрения у нас появилось единственное знакомое место, где мог бы быть Верон, когда раздался взрыв. Потом еще один, и еще. Весь город буквально трясся от разрывающих его хлопков. На самом деле взрывы не были такими уж мощными, как можно было представить со слов Нероса, а больше акцентировались на распространении газа, превращающего всех, кто его вдохнет, в бездумных зомби.

Самый первый взрыв прогремел на крыше гостиницы, и был он самым мощным, так как там было сразу три бомбы. Верхняя часть пентахуса, нависающая над улицей с той стороны, где стояли кресла, обрушилась вниз, похоронив под собой все еще находящиеся там полицейских и их машины.

– Верон!!! – закричал Иолай в ужасе.

– Успокойся! – крикнул я в ответ. – Мы не знаем, был ли он там.

– На крыше корабль, на котором он улетел.

И правда, на площадке сверху стоял – а точнее уже лежал, отброшенный взрывом к другому краю – небольшой корабль, чуть ли не такой же древний, как наш. Еще там было несколько тел солдат, но умерших явно не от взрыва. Будучи еще в небе, я открыл верх корабля.

– Что ты делаешь?

– Балкон обрушился, а вместе с ним и газовые бомбы. Дым еще есть, но его концентрация намного меньше. Я спрыгну. Хочу кое-что проверить.

– Что?

– Скажу, если окажусь прав.

– А если нет?

– Зомби надо стрелять в голову, – ответил я, чуть подумав, и прыгнул.

Посадочка не была мягкой, но все еще лучше, чем упасть с орбиты планеты. Подвернутая нога восстановилась за несколько секунд. Вблизи я убедился, что солдаты, валяющиеся на крыше, были убиты не взрывом, а кем-то – очевидно, Верон постарался. Я был объят фиолетовым дымом, но ничего особенного не чувствовал. Даже адаптируясь к негативным воздействиям, я должен был почувствовать то, что ощущает обычный человек, будучи подвергнут подобному ядовитому газу.

– Приземляйтесь! – крикнул я остальным, то есть Маре и Иолаю, что остался за пилота.

– Ты уверен?

– Я всегда уверен! Но не всегда прав, – добавил я уже тихо.

Иолай приземлился рядом на уцелевшей части посадочной площадки, но место было слишком мало даже для наших с Вероном небольших кораблей, и киборг слегка задел

боком судно гераклида, которое пошатнулось и окончательно перевернулось на крышу, снесло хрупкие перилла и улетело вниз, сначала упав на балкон пентхауса, а затем и вовсе с крыши. Я представил, как этот корабль летит вниз, попутно срывая бельевые веревки и висящие на них вещи.

– Почему дым на нас не действует? Нерос напортачил?

– Слышишь суматоху в городе? Значит, дым действует.

– А почему?..

– Потом, Мара, – перебил я. – Сначала надо выяснить, что с Вероном. Слышишь выстрелы?

Выстрелы и правда звучали где-то ниже. С другой стороны крыши тоже была лестница, теперь немного отбитая падением корабля, за отсутствием альтернатив, мы спустились по ней на балкон и зашли внутрь, прошли через небольшую комнатку и оказались в зале. Половины комнаты просто не существовало, зато уцелела винтовая лестница посередине, хотя и оказалась повреждена со стороны взрыва. Многие книги на полках упали вниз вместе с частью здания, и теперь ветер трепал их тлеющие страницы, разлетающиеся по всей улице, остальные же либо валялись, подгорая, либо все еще стояли на полках, испещренные осколками от взрыва и кровью.

На нижнем этаже отчетливо послышался шум, словно кто-то дрался. Рычание и крики. Несколько автоматных выстрелов. Потом раздался громкий шум падения чего-то большого, остальное расслышать было сложнее. Мы акку-

ратно подобралась к лестнице, ведущей вниз, заляпанной кровью, я на автомате начал шарить по штанам и жилетке, но тут же понял, что почему-то не взял с собой оружие. Я уже оборачивался, чтобы спросить остальных, когда Мара молча подала мне пистолет.

– О, спасибо. А остренького не найдется? Мара подала нож.

– Я все равно не умею убивать, – сказала она шепотом. Я взял оружие и пошел вниз, за мной направился Иолай, а замыкала процессию Мара.

Этот этаж отсутствовал так же, как и предыдущий, хотя разлетевшихся осколков практически не было, так как эпицентр взрыва находился выше. Остальная часть комнаты почти не изменилась, не считая кучи солдат, которые пытались пробиться через одну из дверей. Несколько патрульных пытались выбраться из-под свалившегося на них огромного плоского телевизора. На полу лежало несколько истерзанных тел. Единственная причина, по которой все еще живым нужно было попасть в другую комнату – там кто-то был.

Я сказал Иолаю и Маре оставаться на лестнице, вне поля зрения, а сам отошел от нее подальше, все еще оставаясь незамеченным, и выстрелил в голову одному из зомби-солдат, таким образом привлекая внимание. И я его привлек.

На меня смотрело шесть пар бешенных глаз, хотя большая часть лиц пряталась за утемненными забралами шлемов, и еще несколько бывших разумных человек пытались выбрать-

ся из-под телевизора.

Ко мне рванул ближайший солдат, забрало шлема которого имело небольшую неровную дырку. Я увернулся в последний момент – специально – и подставил подножку. Солдат спотыкнулся, пробежал еще немного и рыбкой вылетел в созданный взрывом проем. На меня рванули остальные, рыча и плюясь пеной, забрызгивая собственные шлемы изнутри. Все они полетели вниз, так как были слишком глупы. Нерос и правда сделал их агрессивнее – и поживее, – чем предыдущих, но они все равно оставались безмозглыми имбецилами, которые даже не додумались использовать собственное оружие, развешанное по всему телу.

Дверь, куда стремились прорваться эти патрульные, была заперта изнутри и явно завалена чем-то тяжелым, но было и так понятно, кто там.

– Верон, Костун, это мы, открывайте!

Внутри послышался как-то шум, но явно не отворение баррикады, потом кашель.

– Я вхожу! – вновь крикнул я.

Дверь оказалась завалена комодом, довольно крепким и тяжелым. Первым ударом с разбега я лишь разбил дверь и чуть отодвинул мебель, второй же опрокинул комод ничком.

Внутри была кровь. Много крови. Она были и снаружи, и на винтовой лестнице, но ничего удивительного, взрыв убил и ранил не одного человека, но за дверью ее не должно было быть, только если...

Верон сидел, прислонившись спиной к противоположной стене, под окном. Возможно, он даже видел, как там вниз пролетел корабль, на котором он и прибыл. Как оказалась, вся кровь в комнате принадлежала лишь ему одному. Иолай тут же бросился к другу.

– Верон! Ты меня слышишь? Что случилось?

– Чертовы солдафоны, – в бреду простонал гераклид и потерял сознание.

Верон выбежал из комнаты с инъекторами всего через несколько секунд после Амара, но все равно слишком поздно. Его нога провалилась по колено в лестнице, ведущей на второй этаж, которая, казалось, стала еще дряхлей, ободрав кожу, что отняло еще немного времени.

Когда он выбежал на крышу, то увидел лишь отлетающий корабль и Амара, висящего снизу. Даже если бы он открыл стрельбу, вряд ли бы он их сбил. Верон побежал обратно вниз, аккуратно переступая дырку на лестнице между вторым и первым этажами.

– Что случилось? – спросили в голос Иолай и Мара.

– Нерос все спланировал заранее, он улетел.

– А Амар?

– Он... пытается его задержать, – не придумал ничего лучше для ответа Верон, потому что не хотел терять время на ненужные сейчас объяснения. Однако другим это было невдомек.

– Пойдите, пойдите, – замахал руками Машая. – Вы о чем? Нерос и Амар, кто это?

– Черт, – зарычал камирутт от досады, – у нас нет времени, мне нужен корабль.

– Роул, – повернулся бармен к обожженному, тот сделал вид, что он вообще не при чем.

– А что Роул? У меня нет корабля. Мне он не за чем. Нету.

– Но ты же вроде чинил один, когда я бывал у тебя в прошлом, – перебил отнекивания барыги Машая. – Сказал, что какой-то клиент расплатился, мол, не летает, но детали можно загнать, а ты решил починить.

– Язык у тебя как помело, – недовольно пробурчал Роул. Бармен как-то сразу стушевался.

– Так есть у тебя корабль или нет? Я тебе ноги выдерну, если соврешь, – пригрозил Верон.

– Каждый норовит как-нибудь да привязаться к моим ногам, – буркнул Роул. – На заднем дворе стоит, но я не ручаюсь, что на нем безопасно летать.

Верон, так как Роул был довольно медлительным, заставил просто показать черный выход. Машая знал в доме почти все входы и выходы, поэтому вызвался сам довести. Бегом они добрались до заднего двора, если его можно было

так назвать.

Все было завалено так, что не виден был даже забор, два с половиной метра в высоту, который, Машая уверял, окаймлял двор. Железяк было столько, что Верону сначала показалось, что это одна из мусорных стен, разделяющих территории банд. В центр двора вел такой же узкий и опасный на вид проход, в конце которого был более-менее свободный островок. В этом островке стояло сразу три небольших корабля, которые по размеру были почти с тот, на котором Верон сюда прилетел со всеми. Два корабля были выпотрошены, как стальные рыбы, и лишь один цел, хотя не сильно отличался от собратьев.

– Он точно летает? – усомнился Верон.

– С виду и не скажешь, – пожал плечами Машая. – Но раз Роул сказал...

– Ладно, выбор не большой.

– Я с тобой полечу, – твердо сказал бармен, подходя с Вероном к кораблю.

– Нет, это не безопасно. Ты будешь только мешаться.

– Ты ведь друг Хорса, да? То есть, как ты там его назвал? Да, Амар. Я его тоже считаю своим другом, а как я понял, он в беде, я хочу помочь. И я хочу знать, что происходит.

– Ты поможешь, если останешься здесь. Скажи Иолаю – это тот, с кем я прилетел, – чтобы он тебе все рассказал. В данном случае, лучше один раз услышать, чем хоть единожды увидеть.

Верон не стал больше слушать спорящего Машаю, забравшись в корабль и закрыв верх. Корабль был стар, но Верон летал на чем-то похожем, поэтому быстро разобрался, что к чему. Кое-как взлетев, стараясь не задеть груды мусора судном, шатающимся из стороны в сторону, он направился в сторону столицы, куда улетели Нерос и Амар.

Он гнал на полной скорости, из-за чего корабль тарыхтел, как старая кобыла, готовая вот-вот сдохнуть, но слишком упрямая, чтобы позволить хозяину ее пережить. Верон едва преодолел половину пути до города, когда увидел взмывающий в воздух красивый бело-голубой корабль. Ему сначала даже показалось, что это копия взорвавшегося лайнера, но, приглядевшись, понял, что он просто похож, да и размером был раз в десять меньше. Трег-младший сразу понял, кто на борту корабля и что он опоздал. Но он знал, куда теперь ему следует отправиться. Верон направился спасать Костуна, даже если тот и не особо этого заслуживает, а основную работу он решил оставить Амару, – единственному, кто мог с ней справиться. Он не жалел о том, что его отца, которого он не видел с детства, ждет смерть. Позже. У него все еще нет времени.

Пролетая над стоянкой, он увидел упавший корабль Нероса, но знал, что там никого нет, поэтому полетел дальше.

На крыше гостиницы были люди – солдаты. Много солдат. Они столпились вокруг Костуна, испуганно поднявшего ру-

ки, и тыкали в него оружием. Он плакал и что-то говорил, но его не особо хотели слушать. Когда дряхлую посудину Верона заметили, то тут же взяли на прицел и его. Он завис прямо над их головами, открыв верх.

– Под креслом бомба! – закричал он. – Если он встанет, весь город взлетит на воздух!

– Слышали уже, – ответил один из солдат, не спуская Костуна с прицела. – А ты кто такой?

– Какая вам разница?

– Спускайся вниз, поговорим нормально. Расскажешь все подробно, а потом решим, что делать дальше.

Это все было очень рискованно, но выбор был не особо велик. Приземляясь на площадку, Верон нашарил в кармане последнюю капсулу крага и проглотил ее. Если все обернется не так, как он запланировал, ему понадобится любая помощь, даже наркотики.

Его обступили со всех сторон, не успел он толком выбраться из корабля. К нему подошел тот самый, с кем он разговаривал минуту назад.

– О, гераклид? Интересненько, – протянул он. – Не ты ли убил моего человека, а потом не позволял нам подняться, чтобы отплатить тебе тем же?

Верон не ответил. Они сами виноваты. Ну кто лезет в яму, не убедившись, кишит ли она змеями? Тот патрульный неосторожно высунул голову, а Верон лишь машинально среагировал, но никакие объяснения не заставят этих лю-

дей спустить ему это с рук.

– А где еще один? – поинтересовался патрульный. – Здесь был еще как минимум один, тот, что спускался к нам с сенатором в заложниках. Да и самого сенатора я что-то не вижу, если только он не превратился в тут потную свинью, – кивнул он на Костуна, который и правда был похож на свинью, но кто будет выглядеть иначе, когда на него наставлено несколько автоматных стволов, а под сиденьем бомба замедленного действия.

– Вам важнее сенатор или жители? По всему городу расставлены бомбы, которые могут сдетонировать в любую секунду. Вы должны немедленно эвакуировать город.

– Ах, эвакуировать город. Слушаемся и повинуемся, – притворно поклонился командир солдат. Потом выпрямился и чуть отошел в сторонку, как обычно делают самые главные. – Схватить его, – приказал он.

Верон это предвидел.

Они, конечно же, знали, кто такие гераклиды, но глупость людская и «не поверю, пока сам не увижу» преодолевают любые разумные доводы, ведь трудно поверить, что лизнув железяку в лютую стужу, можно прилипнуть языком, даже если это случилось с твоим другом секунду назад. Верон не был железякой, да и солдаты не собирались его лизать, а потому и последствия оказались внушительней и страшней.

Они полагали, что количество и оружие дают им преимущество, оно действительно было, но не настолько большое,

как можно было себе представить. Первым понял, что эта партия проигрышная, самый опытный из солдат – их командир, который первым и слинял. Но по пути он не забывал отдавать приказы, глупейшим из которых был приказ схватить Костуна (кого-то же ведь нужно схватить, чтобы не оставаться с пустыми руками).

Свернув шею очередному солдату, которым он закрывался от пуль, Верон то ли услышал, то ли заметил краем глаза Костуна, вопящего, словно свинья на скотобойне, и отбивающегося от солдата, пытающегося стащить его с кресла. Гераклид опрометью кинулся прямо с крыши на балкон, но опоздал. Костун уже был не в кресле, а в руках солдата, который просто дал ему по башке и вырубил. На балконе оставалось не так много людей, так как большинство ушли вместе с командиром, но все же у них было оружие, которым они не преминули воспользоваться. В Верона стреляли с двух сторон и те, кого он не успел добить на площадке сверху; они буквально сражались за то, чтобы глупо умереть.

Сознание Верона никогда не работало столь стремительно и столь противоречиво. За долю секунды у него в голове проносились тысячи мыслей, и все они были абсолютно эгоистичны. Он прилетел специально, чтобы спасти Костуна, но, можно сказать, сам привел его на эшафот, а теперь все, о чем он думал, – как спастись самому.

Ноги, не слушая хозяина, повернули назад. Верон побежал вглубь комнаты, набитой книгами, но не успел пересту-

пит порог, как почувствовал удар в плечо и ребра – пули его достали. Но кроме удара почти ничего и не было, он принял краг, практически полностью блокирующий боль, и потому он побежал дальше. И тут, уже возле лестницы вниз, он почувствовал новый удар, но куда сильнее, и был он не куда-то конкретно, а поразил все тело разом. Невидимая сила подняла его в воздух и швырнула на стеллаж с книгами, комната стала быстро наполняться фиолетовым дымом.

В ушах звенело, перед глазами все плыло, тело не чувствовалось. Верон целую минуту лежал, думая, что он мертв, ведь только мертвые не чувствуют боли. Наконец, он смог осмотреться в полупрозрачной дымке ядовитого газа. Балкона, откуда он бежал, больше не существовало, зато винтовая лестница все еще виднелась сквозь едкий дым. Верон попытался подняться, но вдруг понял, что его не слушается правая рука, а левая нога едва держит вес. Все тело кровоточило. Он дотянулся целой рукой до спины и вытащил мелкий железный осколок, вошедший в плоть сантиметров на семь-восемь. Возможно, там было больше осколков, но они не причиняли неудобств и он оставил их в покое – сами вылезут.

Верон заковылял к зияющей дыре, сам не зная, чего желая. Наверно, он надеялся увидеть чудом спасшегося Костуна. Но чуда не произошло. Он решил отложить самобичевание до лучших времен, если доживет до них.

Снизу слышался шум и даже стрельба, кто-то кричал, кто-

то рычал, чей-то крик удалялся, словно кто-то падает с большой высоты, вероятно, так оно и было. Верон заметил, даже почувствовал, как кто-то подошел к нему сзади, лишь когда до него оставалось не больше двух метров. Он резко обернулся. Это был патрульные. Его шлем был пробит и в дырке Верон рассмотрел то, что осталось от глаза, когда в него влетел осколок. Солдат рычал, двигаясь к противнику, и плевался красной слюной, нога была вывернута назад, но его это не особо заботило. Гераклид даже не знал, кто выглядит хуже: он или этот зомби-солдат, но он знал, что сейчас находится в очень плохой форме. «В последнее время я слишком часто бываю в такой форме», – подумал он.

Солдат набросился на него, и Верону не оставалось ничего лучшего, кроме как вместе с ним полететь кувыркком с лестницы. А внизу было еще хуже.

Несколько солдат, благодаря шлемам, не подверглись влиянию газа, и сейчас прижимались к дальней стене, целясь в остальных из автоматов и нанося им легкие удары прикладом, чтобы просто без вреда отстранить от себя, но не зная, что предпринять – стрелять по своим никто не хотел. Выстрелы, которые Верон слышал раньше, видимо, были предупредительными, но на тех, кто подвергся влиянию газа, это не возымело никакого эффекта.

Газ подействовал лишь на тех, у кого не было надето шлема и чья форма была повреждена, так как она являлась герметичной, способной обеспечить выживание даже в откры-

том космосе, пусть не очень долго. В своем сознании осталось лишь несколько солдат и сам Верон, хоть он и не понимал – почему. Возможно, Нерос просто сделал газ неэффективным против гераклидов, хотя трудно было представить, как это возможно и зачем ему это было надо, если он сам сказал, что у него самого есть иммунитет. Если Нерос врал об этом, то мог соврать и о многом другом.

Верон, рухнув с лестницы и отбив себе все по второму разу, внес самый настоящий переполох. Зомби, до этого более-менее спокойные, зашевелились, словно спали, а их бесцеремонно разбудили. Верон отбросил того, с кем вместе прилетел с лестницы, но на него тут же набросился другой. Гераклид неловко увернулся, раненая нога подвернулась, но он успел схватить одно из солдат за броню и удержался, а его самого отшвырнул в сторону, но на него накиннулись еще двое. На плече одного из них все еще висел автомат; Верон схватился за него и, не снимая, выстрелил в другого солдата короткой очередью.

Один из солдат у стены что-то закричал и выстрелил в Верона. Его нога вновь подвернулась, и он упал, потянув за собой и брыкающегося зомби-солдата, пытающегося достать до возмутителя спокойствия у него за спиной. Верон тяжело рухнул, но не выпустил оружия, он начал стрелять в ответ и довольно точно, так как все трое патрульных вскрикнули и упали, а несколько зомби, которых тоже задело, зарычали. Тот, чей автомат он держал, продолжал брыкаться и изда-

вать гортанные звуки, а сам Верон вдруг почувствовал смертельную усталость. Он не мог выстрелить в солдата, которого держал, из автомата, так как мешала длина ствола и ремни, а потому он с трудом вытащил у него из ножен армейский нож и с силой всадил между броней на груди и шлемом.

Он увидел, как остальные зомби-солдаты, потеряв всякий интерес к мертвым товарищам, потащились к нему, однако они почему-то стали менее активны, чем были в начале. Гераклид с трудом встал, чуть не поскользнувшись на луже крови, хотя не мог сказать, чья именно это кровь. Вся оставшаяся часть комнаты, которая когда-то была белоснежной, запачкалась красным чуть ли не до потолка. Он был недалеко от одной из дверей, ведущих, по-видимому, в спальню, и побрел к ней. Уже возле двери он понял, что его нагоняют зомби, которые, несмотря на относительную заторможенность, все равно двигались быстрее, чем он сам. На стене перед ним висел огромный плоский телевизор. Верон, наверно, никогда в жизни так не напрягался, чтобы сделать столь простую работу; он изо всех сил потянул за край и, сорвав со стены, обрушил махину на орду бездумных монстров, затем зашел – заполз! – в дверь и, использовав последние крупницы силы, чтобы подвинуть комод, рухнул снова, но на сей раз не от подвернутой ноги, а из-за бессилия.

Зомби-солдаты колотили в забаррикадированную дверь, пытаясь ворваться внутрь, а Верон пытался доползти до окна, чтобы... Лучше умереть так, как сам хочешь, а не от лап

бездумных машин, созданных отцом-маньяком. Верон еще обрушивая телевизор почувствовал, что в нем больше дырок, чем должно быть, чем когда-либо было. «Они достали меня. Чертовы солдафоны». Три пули попали в тело: живот, низ груди, верх груди. Наискосок. Задето сердце, пробито легкое, черт знает, что там в животе. И это не считая ранений от взрыва. Гераклид продержится минуты две, гераклид под крагом – минуты четыре.

Верон сам не понял, как оказался прижат спиной к стене. Он помнил лишь то, что полз к окну, а теперь оно должно было быть как раз над ним. Нет сил даже руку поднять. Одно единственное легкое не хочет работать без брата, а сердце качает кровь не туда, куда нужно. Хочется пить. Так выглядит смерть? Погано. Чертовы солдафоны, не могут даже нормально убить одного человека. Пол обоймы в теле, а все в молоко. Хочется спокойствия, а тут еще какой-то шум. Кажется, кто-то позвал меня по имени. А какое у меня имя? Не помню. Может, пуля еще и в голову попала? Только если рикошетом, те уроды даже стрелять не умеют. Чертовы солдафоны. Я вслух говорю? Может, мне еще и язык отстрелили? Только бы не яйца! Черт, о чем это я думаю в последние секунды жизни? Неужели все несут у себя в голове такую чушь перед самым концом? Слишком много мыслей для того, кто должен был умереть минуту назад. Ну, хотя бы не больно. Наверно, я умер и попал... Просто попал. Постоянно я куда-то попадаю. Слишком много мыслей и все не о том. В мое

время убивали сразу и наверняка.

Чертовы солдафоны.

Глава 13

Мы улетели с этого вонючего спутника. Не все в том состоянии, в каком на него прилетели. Если подумать, каждый из нас умирал на этом спутнике как минимум по разу. Некоторые насовсем. Так долго мы шли к призрачной цели, даже сами того не желая, а достигнув, почти не испытали удовлетворения, ибо достигнутая цель и правда оказалась неосязаемой, словно призрак, а значит, ее невозможно было потрогать или попробовать. Достигнутая цель ничего нам не принесла, а лишь оставила привкус разочарования, и все прошедшие дни казались такими же бессмысленными, словно сон. Бесконечно длинный и одновременно короткий сон.

Бывает так, что цель не оправдывает средства, и чем ты ближе, тем больше хочется оказаться как можно дальше.

Верон пришел себя.

– Я жив? – спросил он шепотом.

Почему все, кто приходит в себя, задают этот глупый вопрос? Не будь ты жив, ты бы вообще не смог говорить. Может, это и есть ответ? Ты хочешь что-то сказать, чтобы проверить, жив ли ты, а что можно сказать? Спросить: сколько время? Или: что сегодня на ужин? Чтобы ты ни сказал, это будет звучать глупо.

– Либо ты жив, либо мы все мертвы, – ответил я.

– Ты не можешь умереть.

– Вот и ответ, – пожал я плечами.

– Сколько я был в отключке? – спросил он чуть погодя.

– Не знаю, часов семь.

Он лишь крякнул в ответ.

– А ты чего ожидал услышать? – усмехнулся я. – Про недели и месяцы в коме?

В коме хорошо, там тебя никто не тревожит и ничто не мешает просто спать и видеть красочные сны. А вот это все твои проблемы решаются сами собой, кроме одной – ты в коме, и кто-то может отключить твои легкие, и тогда красочный сон может превратиться в черный экран. Надо было спросит у Бога, что происходит после смерти; мне-то все равно, я-то сам этого не испытаю, зато смогу обнадежить кого-нибудь другого. Или наоборот – разочаровать.

– Как минимум. У меня было задето сердце и пробито легкое, как я мог выжить?

– Как и Мара.

– Наркотики? Черт.

– А ты как думал? Благодарю Мару, это она притащила с собой пару инъекторов с Амризией, до базы Роула мы бы тебя не успели дотащить.

Он закашлялся, и я дал ему воды, заранее подготовленной на такой случай. Мы с остальными менялись каждый час, хотя Иолай так и рвался постоянно самому сидеть у poste-

ли друга и дожидаться его пробуждения. Однако кораблем более-менее мог управлять только он, а я лишь следить за тем, чтобы в нас не влетел какой-нибудь метеорит или космический мусор, да ответить, если кто-то решит вдруг с нами связаться. Нет, управлять кораблем я тоже мог, но лучше было не рисковать. Мара же вообще заявила, что боится штурвала как огня.

– Понятно, – сказал Верон, утолив жажду. – Значит, мне теперь тоже придется до конца жизни принимать эти препараты.

– Зависит от тебя.

– В смысле?

– Ты можешь продолжить исследования отца, – сказал я, отчего у гераклида его черные глаза полезли на лоб. – Можешь даже улучшить этот препарат и сделать так, чтобы его можно было принять раз и насовсем. Ну или что-то в этом духе.

– Я же в этом ничего не смыслю. Да и где теперь что искать?

– Нерос тоже не понимал в свое время, потому и связался с тем вирусусом Гонсалом, а когда тот умер, забрал все его записи и использовал их.

– Даже если и так, – проронил Верон задумчиво, – мы все равно не знаем, где эти записи.

– Не ты разве говорил, что Нерос завещал половину своего состояния тебе, а вторую половину какой-то левой ком-

пании? Узнай, что это за компания и кто стоит во главе. Я учить тебя что ли должен?

– Да, ты прав, – подумав, ответил Верон уже тверже.

Как иногда сложно бывает с детьми. Они маленькие и глупые, всюду им нужно дать подсказку и пнуть под зад. С возрастом становится более очевидна глупость тех, кто младше. И своя собственная тоже. Мне немногим меньше трех тысяч лет, так что для меня все вокруг глупые дети, считающие себя взрослыми и ведущие себя соответственно, но мало у кого получается. Тот же Нерос затаил на меня детскую обиду за то, что я вырвался из его западни и отомстил ему.

Когда Верон наконец пришел в себя, мы собрались в конференц-зале, что прямо за командной рубкой, и обменялись историями. Я рассказал то, что произошло, когда я улетел с Неросом, опуская, конечно, то, что по большей части все происходящее моя вина, а также встречу с Богом, чтобы не сойти за сумасшедшего, а тот белобрысый, судя по всему, специально так себя и вел, чтобы рассказ о нем звучал нелепицей и бредом наркомана. Верон же рассказал о своем злоключении и о том, что Костун умер во время взрыва, так как он не успел прорваться сквозь толпу солдат. Хотя в его рассказе я и обнаружил некоторые нестыковки, говорить об этом вслух не стал – у всех нас есть свои скелеты в шкафу, и лучше бы их не тревожить.

После личных историй, мы рассказали Верону о том, что

было, пока он находился без сознания.

Верон был тяжелейше ранен. Что-то пробубнив про солдафонов, он тут же отрубился. Иолай, казалось, сойдет с ума, так как понятия не имел, что делать. Решение дала Мара, которая уже практически восстановилась. Она, оказывается, прихватила с собой пару инъекторов с Амризией Нероса. «На всякий случай», – сказала она. Всякий случай как раз таки и произошел.

Раны Верона были серьезнее, чем у Мары, и, несмотря на то, что он был гераклидом, сразу в себя не пришел. Помимо ранений, из него вытекло целое море крови, так что препарат попросту не мог быстро распространиться по организму. Все еще был большой шанс, что он не выживет.

Иолай предложил везти его обратно к Роулу, где можно было найти что-нибудь, чтобы помочь Верону, но я сказал, что будет проще везти его сразу на наш корабль, после чего на нем прилететь к дому обожженного и забрать заодно все дозы препарата. Со мной согласились, тем более что вряд ли у торговца оружием найдется нечто, что поможет Верону лучше Амризии, а поэтому остается только ждать и надеяться.

«Gurin Mnyama» не мог влезть между более высокими домами, но посадить его там все равно не представлялось возможным, так как он просто раздавил бы трехэтажку своим весом. Иолай, так как лишь он из оставшихся лучше всех умел управляться с кораблем, держал его в воздухе, задней частью над крышей дома Роула. Мы спустили вниз пару длинных тросов, а я взял несколько найденных нами больших железных ящиков, чтобы покидать в них все инъекторы, и спустился вниз вместе с Марой. Сказать, что Роул был вне себя, значит, ничего не сказать. Ему надоели незваные гости, которые, к тому же, причиняют одни лишь убытки, и он, игнорируя инстинкт самосохранения, попытался даже угрожать, хотя Машая и старался все время его приосадить. Когда он пригрозил позвать с крыш людей, я разбил ему нос и сказал, что он может звать кого угодно, если ему плевать на свою и их жизни. Он успокоился, хотя и смотрел волком, унимая кровь из носа.

Машая помог нам с Марой собрать из холодильников все дозы препарата, после чего я вновь вернулся к Роулу, которому только-только удалось остановить кровотечение.

– Мне нужен трансфэйсер, – сказал я. – И не обычный, а такой же, какой был у Нероса. И не говори, что его у тебя нет, а то я тебе вторую часть лица сожгу. Кстати, это именно Нерос подстроил так, чтобы ты сжег себе лицо, если тебе от этого станет легче.

Роул с виду не очень-то мне и поверил, но все же отдал

мне продвинутый трансфэйсер, бормоча что-то о грабителях и хулиганах. Обидно, знаете ли. В качестве компенсации я прихватил с собой вакуган из его коллекции оружия, чем еще больше разгневал торговца оружием и техникой, хотя его распухший нос перед глазами напоминал ему держать рот закрытым. Фигурально выражаясь, так как по-другому он дышать и не мог.

– Июлай, – подошел я к киборгу, когда мы загрузились. – Мы пока не можем улететь.

– Почему? Сюда в любую минуту может нагрянуть армия Правительства на боевых кораблях. Удивительно даже, что их до сих пор нет.

А ведь и правда. Прошло уже столько времени, город охвачен пожарами, а жители превращены в зомби, но подкрепления как не было, так и нет. Вообще, то, что все стали зомби, это даже хорошо, так как почему-то не заметил, чтобы они нападали друг на друга, а лишь на тех, кто избежал этой участи. Если вещество рано или поздно выветрится из организма или кто-то найдет противоядие, то жертв всяко будет меньше. Если, конечно, очнувшись, люди не вздумают вновь начать бойню, что и должно предотвратить подкрепление.

– Уверен, они заняты другим. Я хотел спросить: можно ли отсюда транслировать передачу на всю Вселенную?

– Имеешь в виду видео?

– Да.

Иолай призадумался.

– Вообще, я видел в восточной части города башню, откуда можно распространять сигнал. Возможно, там телевизионный центр и есть камеры, но на всю Вселенную что-то транслировать невозможно, лишь примерно на расстояние метасалирования, а там дальше телевизионный сигнал передается через другие передатчики, если, конечно, открыт шлюз, так что, в конце концов, если сообщение важное, поток данных распространится по всем каналам на всю Вселенную. А что ты хотел?

– Мог бы просто сказать «Типа того» или типа того, усмехнулся я. Дай технарю волю, он тебе все мозги проест своими сложными понятиями простых вещей. – Я хочу... сделать заявление. Ты сможешь взломать всю эту систему, чтобы по всем каналам мелькала лишь моя рожа?

– Легко, – фыркнул киборг.

– Тогда летим туда.

Иолай не знал, что я запланировал, да я и сам знал это лишь в общих чертах. Буду импровизировать.

Мы горячо попрощались с Машаей, который до сих пор находился в шоковом состоянии от происходящего, и улетели. Он даже просился к нам, но я напомнил ему, что у него есть бар, за которым он должен следить, а от нас одни неприятности. В конечном итоге, он согласился с моими доводами.

Рядом с телевизионным центром тоже оказалась залож-

на бомба, так что все внутри превратились в зомби. У Роула мы захватили некоторое оружие, так что отстреливались, по возможности стараясь избежать слишком больших жертв. Мало ли этот газ давал лишь временный эффект. Полагаю, даже сам Нерос не знал этого.

Иолай поколдовал над множеством кнопок и рычажков, а также использовал свои штучки киборга, чтобы изображение транслировалось не только на местные каналы планеты, но и на ведущие, которые есть во множестве галактик. Единственная подходящая нам студия оказалась та, где обычно транслировалась погода, так что мы засели там. Мара встала за операторскую камеру, хотя по лицу было видно, что она мечтает оказаться по другую сторону. Иолай еще немного поколдовал и выдал на зеленом фоне изображения с камер в городе в режиме онлайн. Зрелище, надо сказать, было не из приятных, зато показательное.

Я одел трансфэйсер и поменял внешность на Нероса, а точнее, на более человеческого Спардия. Камера включилась, и Иолай подал знак, что все работает. Импровизация началась.

– Дамы, господа и остальные, – начал я речь. – Здравствуйте! Наверно, вы удивляетесь, что это за человек появился перед вами на мониторе вашего телевизора, когда вы смотрели сводки с мест событий, где начались восстания. – Вряд ли так уж много людей смотрели именно это, но некоторым просто нравится наблюдать за подобными вещами, и

чем кровавей, тем интересней. – Так вот, я – тот, кто все это начал! Меня зовут Спардий, и я здесь, чтобы изменить мир. Изменить Вселенную. Человеческая раса слишком долго была под гнетом коррумпированного Правительства, ненавидящего всех, кто ниже их по рангу, ненавидящего новые расы, которые якобы только и делают, что живут за чужой счет, ничего не делая. А что же нам еще делать, если вы сами не позволяете нам заниматься тем, что мы умеем и хотим? В Правительстве нет ни одного человека! Это возмутительно. Множество людей способны править не хуже, а то и лучше вас, чертовы инопланетяне! Вы заграбастали себе всю Вселенную, а нас послали к чертям. Разве это справедливо? Император Человечества – безвольное чмо! Он ничего не делает. Так что я хочу стать новым Императором и получить место в правительстве! Именно я, так как я лучший представитель человечества и меня слушают. Мне повинуются, словно богу и владыке миров.

Я старался нести откровенную чушь, но с толикой логики и разумных доводов, как это делал сам Нерос. Но, в отличие от него, я понимал, что все мои слова и дерьма собачьего не сто́ят. Однако любая чушь, произнесенная с умным видом, может быть воспринята как истина, главное, чтобы ладошки не потели.

– Я приказал людям, – продолжал я, – и они пошли на вас войной, отвоевывая себе свободу. Я сделал так, что этот, как его? Амарталис. Я сделал так, чтобы его обвинили во всех

преступлениях, так как не надеялся на успех и не хотел подставляться, а люди его признали героем. Нет! Это я герой! Я – повелитель народов! Я должен править людьми, сидеть в Правительстве и принимать законы, потому что только я это могу! И люди пойдут за мной, как за путеводной звездой, потому что у них больше нет выбора. Их считают преступниками, так что если они хотят выжить, то им не остается ничего иного, кроме как идти за мной, а вам, правительственным псам, не остается другого выбора, кроме как принять меня и назначить новым Императором Человечества и дать больше власти, а иначе... Взгляните на эти видео, – показал я на кадры за своей спиной, чуть отойдя. – Видите? Я создал газ, сводящий с ума и вызывающий неконтролируемую агрессию, точно такой же газ я использовал на «Infortissimo» и воспользуюсь им снова, если вы не оставите мне выбора, чертовы псы. Я ваш лидер, люди! Слушайте меня! Слушайте и повинуйтесь, ибо только я могу освободить вас и дать вам то, чего вы хотите. Чего вы заслуживаете. Слушайтесь меня, мои верные слуги, слушайтесь и повинуйтесь новому Императору Человечества!

Иолай оборвал трансляцию на моем злодейском смехе. Это он вовремя подметил, а то у меня больше не осталось слов, а язык превратился в наждачную бумагу, трущуюся о небо.

– Ну как? Я не переборщил? – спросил я.

– Может, немного. А чего ты вообще добивался?

– А разве не ясно? Теперь все будут обвинять Спардия во всем этом балагане, а мои слова заставят людей считать его сумасшедшим, так что, как я надеюсь, люди прекратят эту бессмысленную бойню. Хотя все равно найдутся идиоты, которые последуют за мной, то есть на Спардием. Агх, никогда так много не болтал за раз, аж язык заболел.

– А если они не поведутся? – поинтересовался Иолай. Если верить Неросу, а он, судя по всему, в этом разобрался, люди очень наивны, не как Машая, но что-то около того, так что среди них наверняка найдутся сторонники моего бреда, но те, кто обладает хоть толикой интеллекта, поймут всю абсурдность моего заявления. Несмотря ни на что, я продолжал верить в человечество.

– Ну, хуже я вряд ли сделал. По крайней мере, теперь все будут охотиться за Спардием, то есть за Неросом, но все равно не найдут.

– Сомневаюсь я, что все так просто, – покачала головой Мара.

– Лучше потом поговорить, – вмешался Иолай. – Я, конечно, шифровался, но времени было мало, так что трансляцию уже могли отследить, хотя и так по кадрам ясно, что мы на Кавитане. Нам лучше свалить, пока не поздно.

– Хорошая идея.

– Потом мы улетели. Четыре метасалирования и мы возле этой звезды, прячемся от возможных радаров, – закончил я рассказ. Конечно, весь свой монолог я опустил, а то мне снова пришлось бы отдирать язык от неба.

– Если прошло семь часов, вы уже должны знать результаты этого вашего... экспромта, – проговорил Верон. Он не был уверен, что наш план сработает, но тоже не видел вариантов, что еще можно предпринять.

– Верно, – ответил Иолай. – Я порылся в Юнинео и узнал, что бунт и без нас был подавлен процентов на восемьдесят. Людей оказалось слишком мало и подготовлены они были не особо. Просто бездумно начали войну без всякой стратегии и плана, надеясь, наверно, на то, что их лидер провернет какое-нибудь чудо и захватит мир.

Хоть в этом люди не изменились: ждать чуда и надеяться на авось. А что еще остается в мире, где царит оголтелая несправедливость, а жить как-то надо? Этим Нерос и воспользовался. Вероятно, люди и в самом деле слишком наивные, особенно если их заверить, что все в итоге будет хорошо, несмотря даже на то, что кажется наоборот. Каждый человек стремится к своей лучшей жизни, зачастую оставляя ее позади, так и не заметив, что упустил.

– Святая наивность, – вздохнула Мара.

– Вот именно. В общем, повоевали немного и разошлись.

Счет убитых, правда, идет на миллионы.

– И это меньше, чем за день.

– Ага. Когда Амар устроил это шоу на телевидении, в Юнинео на запрос «Спардий» выдавались одни лишь негативные отзывы. Как Амар и хотел, «спасителя человечества» практически все признали сумасшедшим и охочим до власти тираном, так что вся ненависть людей изменила направление со всего человечества на одного единственного представителя, что полагаю, и было планом.

На самом деле, я даже и не ожидал, что это сработает. Импровизации даются мне лучше, чем продуманные планы, но и риска больше. Если бы меня не послушали, точнее именно что послушали, число жертв выросло бы многократно. Не удивлюсь, что многие из жертв были просто мирными гражданами, наверно, даже большинство. Рубят деревья, топчется трава.

– И все же, ты очень рисковал, играя мнением толпы, – покачал головой Верон.

– Риск был оправдан, как видишь.

– Кстати, – вскинулась Мара, – почему на нас не подействовал газ?

А я как раз собирался поднять эту тему.

– Понятия не имею, – пожал плечами Иолай. – Спроси Амара.

– У меня есть лишь предположение.

– Выкладывай.

– Помните, когда мы были на лайнере, один из этих тупых телохранителей жирных шишек выстрели из вакугана и пробил в двери дырку? Так вот, через эту дырку, судя по всему, проникло немного газа, который на нас практически не воздействовал, зато дал иммунитет.

Глупость одного, можно сказать, спасла нескольких. Кто знает, чем бы все закончилось, не выстрели тогда тот оболтус, и не будь у него в этот момент в руках вакугана.

– Это единственно разумное объяснение, – согласился Верон. Он был больше всех рад тому факту, что газ на него не повлиял, а иначе валялся бы он уже с простреленной головой, а Иолай рыдал бы над его телом масляными слезами.

– Согласен.

– Есть что-нибудь еще? – спросил Верон после минутной паузы. Будто и этого мало.

– А что еще надо? А, да. Правительство крайне недовольно высказыванием сенатора, под личиной которого скрывался Нерос. Они отрицают его заявление, что людей сошлют на какую-нибудь заброшенную планету или типа того, что также очень помогло в подавлении восстания. Теперь все ищут этого сенатора, но вряд ли найдут, так что посчитают, что он либо погиб, либо сбежал.

Если они и найдут его ДНК в развалинах здания сената, то решат, что его устранили эти самые люди, которых он хотел

отправить в резервацию. Главное, чтобы никому не пришло в голову заняться поисками того, что эти пирамиды разрушило. Наверняка, многие видели наш «Gurin Mnyama», но вряд ли кто-то решит связать это с тем взрывом, ведь с виду это простая «Фисташка», грузовой корабль, мало ли что он там делал, может, к сенатору прилетали торговцы, а как началась заварушка, сбежали, пока не поздно.

– А что насчет нас? – поинтересовался Верон. – Нас разыскивают?

– Ну, как сказать... – протянул Иолай.

– Как есть, так и говори.

– В общем, нас ищут в качестве свидетелей, хотя, думается мне, если мы выйдем на свет, то окажемся не только в этом амплуа.

– В смысле?

Иолай оглядел нас всех, словно решая, говорить или нет, но все же сказал:

– Нами заинтересовались структуры, которым до нас не должно быть особого дела. Мнится мне, что они докопались до нашего прошлого. Амара и так разыскивали за кражи в особо крупных размерах и другие преступления, но и у тебя, Верон, прошлое не самое чистое.

Это было очевидно с самого начала. Простой человек не умеет так обращаться с оружием и драться, даже будучи камируттом, которых обучают этому чуть ли не самого детства. У Мары прошлое тоже темное, недаром она соврала мне о

нем больше, чем наполовину. Иолай... Иолай вечно таскается с Вероном, так что можно сказать, что он соучастник. Даже Костун и тот имел пару-тройку махинаций, но живым его уже не найдут.

– Я все подчистил, – сказал Верон, – а ты, когда научился этим своим компьютерным штучкам, подтвердил это.

– Ты лишь подчистил следы в Сети, – отозвался киборг, – однако могли остаться свидетели, которые, опять же, могли узнать тебя, когда твоя рожа мелькала по ТВ, и донести. Насчет Мары не знаю, но ее тоже ищут за компанию.

– И что нам делать? – обреченно вздохнула Мара после долгой паузы. стараясь придать себе невинный вид, но с момента нашей встречи актрисой лучше она явно не стала.

– Нам? – переспросил я.

– А ты что, хочешь нас бросить? – усмехнулась она.

– А что, я должен таскаться с вами, как с маленькими детьми? – Ответил я серьезно. Улыбка Мары погасла без следа, хотел я того или нет.

– Но мы же тебе помогли, когда тебя подставили, а теперь эти отголоски вредят нам. Ты должен нам помочь.

– Не надо драмы, пожалуйста, – поднял я руку. – Вы не мне помогали, а себе, потому что вас посчитали моими соучастниками. Вы могли сдать и рассказать, как есть, а не спасать со мной мир.

– Вот как ты заговорил? – взъерилась Мара, гневно нахмурившись, из-за чего ее брови, искусственно подправлен-

ные, сошлись к переносице. – И это после всего, через что мы прошли? Из-за тебя погиб Костун!

И это говорит та, кто больше всех его ненавидела. Я думал, что ее больше волновали его деньги, чем он сам.

– Не совсем так...

– Мара права, – вмешался Иолай. Выглядел он серьезней и собранней, чем бывал обычно. – Дело еще не окончено. Даже если тот, кто все это устроил, мертв, мы все еще в опасности. Да, мы ввязались в это потому, что хотели спасти и себя, но все же по большей чести мы помогали тебе, а теперь наоборот – нам нужна твоя помощь. Мы и правда могли где-нибудь отсидеться, пока все не уляжется, ты и один мог все решить, хотя это заняло бы намного больше времени, но все мы решили рискнуть нашими жизнями, а теперь ты говоришь, чтобы мы сами решали свои проблемы?

– Как бы это так сказать, чтобы помягче... – вздохнул я. – Нерос начал самую настоящую войну на всю Вселенную, и хоть она длилась меньше дня, ты, Иолай, сам сказал, что погибли миллионы – вот это проблема. Мировая, я бы сказал. Ваши же проблемы звучат так: правоохранительные органы раскопали *ваше* прошлое и хотят *вас* же засадить. Так что из этого касается меня? И, помнится, Верон и Иолай в начале тоже хотели соскочить, но передумали, когда узнали, что их обвиняют в сговоре со мной.

– Но ведь тебя сейчас тоже разыскивают, как и всех нас. Опять.

Меня разыскивают больше тысячи лет, и будут разыскивать, пока я жив, то есть вечно, независимо от того, приносит это плоды моим искателям или нет. Каждый хочет стать бессмертным, и многие готовы пойти на все, даже умереть, как бы это не звучало абсурдно. Большинство организаций, которые меня разыскивали, давно канули в лету, а все их члены мертвы, некоторые не без моей помощи, но на смену старым всегда приходят новые, это закон жизни. Но из каждого правила есть исключения, и так уж вышло, что одно из этих исключений – я.

– Мы разве не друзья?

– Друзья? – усмехнулся я. – Мы знакомы всего несколько дней. И друзья не скрывают друг от друга своего прошлого, Мара, ну, или хотя бы не врут о нем.

Девушка немного замялась, пытаясь подобрать нужные слова. Было видно, что она обиделась, но решила проглотить свою гордость, а я ведь и забыл, что она наполовину камирутт. Да, они мне этого не говорили, но я умею подмечать детали. Внешне она стопроцентный камирутт, но не настолько гордая и самодовольная, лишь изредка, а еще нужно было видеть ее лицо, когда я заявил, что Нерос наполовину человек!

– Если тебе нужна правда, – выдавила она, – я могу рассказать все, что тебя интересует.

– Согласен, – подал голос Верон, до этого сидящий молча. – Если тебе это так необходимо, я могу рассказать и о

своем прошлом.

– В таком случае и мне придется рассказать о себе, – ответил я, – а если я это сделаю, вы сами захотите, чтобы я ушел, и в итоге мы придем к этому же, только с вывернутым наизнанку нашим грязным бельем. Так в чем смысл?

– Почему ты не хочешь нам помогать? – вскочила Мара. – Я просто не могу понять. Ты сам говорил, что будешь жить вечно, так неужели ты не можешь найти на нас время?

Довод. В таких случаях часто выручает полуправда.

– Дело в том, – сказал я, – что свою вечность я хочу прожить весело. Все, через что мы прошли до этого, – было весело, а теперь начинаются суровые будни. Я просто хочу заняться чем-нибудь поинтересней, а вы и сами можете справиться со своими проблемами. Вы и сами знаете, что делать, но за каким-то хером пытаетесь и меня в это вовлечь.

– И что же нам делать?

– Я уже все рассказал Верону.

– Да, я знаю, что делать, – отозвался тот, но энтузиазма в его голосе не слышалось, – просто с тобой было бы куда проще.

– Не отрицаю, но повторяю: вы что, маленькие глупые дети, а я ваша мамочка? Научитесь решать свои проблемы сами, а не скидывая половину на чужие плечи.

Спор затянулся примерно на час, за который меня пытались уговорить помочь в деле, которое они и сами могли прекрасно решить, нужно было лишь приложить немного уси-

лий. Как маленькие дети прям, которые не могут сходить на горшок без мамы рядом. Я поставил в разговоре точку, сказав, что могу спорить до тех пор, пока они все не умрут от старости, ну или пока не сядет батарея у Иолая и не кончится действие препарата у Верона и Мары.

Мы улетели от звезды, возле которой прятались, туда, куда я попросил – Дородат, где все и началось. Летели в тишине.

Хотел ли я остаться? О, да! Но после встречи с Богом, мне уже не так сильно хотелось резвиться и развлекаться в ущерб другим. Странно, но впервые за две тысячи лет я мог к кому-то привязаться, а потому не желал подвергать их риску. Меня желали поймать более серьезные личности, чем их, и они бы легко убили всех, чтобы добраться до меня. Но не говорить же им об этом, а то еще сочтут за сентиментального соплежуха, а у меня репутация, знаете ли.

В Дородат мы прилетели как раз вовремя – был вечер. Хотя в этом вонючем городе всегда как будто темнее, чем должно быть.

Верон и Иолай сдержанно поблагодарили за помощь и даже спасение их жизней, понимая, что все произошедшее не совсем моя вина. Ох, если бы они знали. Мара оказалась более разговорчивой. Тогда, на лайнере, она вела себя точно как залихватская баба, но настоящая ее личность была куда более женственной, хрупкой, что ли.

– Значит, ты и правда уходишь? – сказала она, опустив глаза, отчего ее перекрашенные в желтый волосы закрыли лицо.

– Я остаюсь здесь, это вы улетаете.

– Не шути. – Выглядела она так, как будто пыталась подобрать слова, чтобы что-то сказать, что-то, что могло заставить меня передумать. Я слов не подбирал, так как все равно не хотел ничего говорить, тем более что не собирался передумывать.

– Тебе лучше поторопиться, – сказал я. – Это довольно значный город, полный бандюков всех мастей, о вас, наверно, уже доложили наверх.

– И тебе здесь комфортно? – скинула она бровью.

– Здесь можно найти работенку по мне. У меня, знаешь ли, есть репутация.

– Что мне делать? – спросила она через полминуты таким голосом, словно вот-вот расплачется. Этого еще не хватает, когда из-за меня в последний раз плакала женщина, то причиной тому был мой кулак. Она и правда этого заслуживала, даже больше.

– Для начала верни себе естественный цвет волос, – усмехнулся я. – Быть блондинкой тебе не идет.

Она улыбнулась уголком рта.

– Я серьезно.

– Верон улучшит Амризию, так что тебе не придется принимать препарат каждый месяц, поэтому ты и должна отпра-

виться с ним. Мой мир темней, чем ты думаешь, поэтому я не должен отправляться с вами. Все просто.

Прозвучало пафосней, чем я хотел, но такая уж правда. В этом городе ей не протянуть и недели, а со мной и того меньше.

– Просто? Я так не думаю...

– Не надо усложнять. Делай то, что хочешь. Жизнь довольно простая штука, если не думать о всякой чепухе, вроде смысла. Даже мне, бессмертному, всегда не хватает времени на что-то. Спрашиваешь: что делать? Делай то, что нужно. Сейчас тебе нужно вернуться на корабль и помыться, а то от тебя разит за версту, в том числе и кровью.

Мара снова невольно заулыбалась, словно комплемента лучше не слышала. На самом деле от нее даже в этом состоянии пахло лучше, чем от меня когда-либо.

– А ты?

– Знаешь, я не моюсь. Я врезаюсь в звезду, и вся грязь просто сгорает!

– Я не об этом. Ты тоже делаешь то, что нужно?

Я задумался. До этого я делал не то, что нужно, а то, что хотел.

– Очень редко, поэтому и попадаю постоянно в такие истории, как наша. Но сейчас исключение.

Она что-то говорила, я что-то отвечал, но ни одно из слов не имело смысла. Я поцеловал ее в лоб и чуть ли не насильно заставил вернуться на корабль, а сам отправился в тот самый

бар, так и не обернувшись, пока они не улетели.

Бар был полон как всегда, но для меня место нашлось. Несколько человек, заметив меня, быстро покинули бар – явно отправились сообщать своим хозяевам о моем прибытии. На меня косо смотрели, как это было всегда, но никто ничего не сказал, как это было всегда. Они, естественно, слышали о том, что произошло, хотя в городе я не заметил никаких следов потасовок, кроме тех, что происходили здесь ежечасно.

Бармен налил мне пива и спросил:

– Снова начнешь рассказывать свои истории?

– Не сегодня.

Одна история у меня появилась точно, но сейчас хотелось просто посидеть, подумать о чем-нибудь отвлеченном, но куда уж там. Бармен кинул мне несколько писем – заказы от бандитской братии. Обычно главари банд посылали своих шестерок, чтобы те передали послание, но когда меня не было в городе, оставляли сообщения.

Писем было больше десятка, некоторые помечены знаками кланов, как они любили себя называть. Такие кланы зачастую имели несколько тысяч членов, приносящие не маленькую сумму, часть которой шла на подкупы, покупку оружия и тому подобное.

Я оставил их на завтра, сегодня хотелось напиться.

О, и я напился. Настолько, насколько позволил мне организм.

Придя домой, то есть все в тот же номер гостиницы, я вдруг спяну вспомнил название своей родной планеты. Дурацкое такое название, сразу указывающее на недостаток фантазии ее обитателей. Люди просто посмотрели сверху на планету и назвали ее первым пришедшим в голову словом – Сфера.

Этой ночью она мне приснилась. Но не такой, какой я видел ее в последний раз, покидая навсегда, а совсем другой. Бескрайние поля и леса, облачно высокие горы, бесконечно глубокие голубые океаны. Счастливые люди.

Наведаться, что ли?

Глоссарий/значение имен

Объекты/термины:

Телекинер – устройство, создающее телекинетическое поле малой силы.

Факсимильный Куб – размером примерно два на два сантиметра полупрозрачный куб, который подключается ко всем техническим средствам в определенном радиусе, после чего некоторое время записывает картинку, которую видят всевозможные камеры, и звук, после чего заставляет записывающие устройства бесконечно повторять один и тот же зацикленный видео- и звукоряд, пока его не отключишь, либо столько, на сколько был поставлен таймер.

Вакуган (от vacuum (англ.) – вакуум и gun (англ.) – оружие, пистолет)—особое огнестрельное оружие. Пули состоят из особого материала, Никоралита, который сжимается под действием вакуума в несколько раз, а при выстреле, попадая на воздух, он мгновенно расправляется и твердеет. Пули из Никоралита обладают намного большей пробивной силой, чем любые другие.

Мальпленган (от malplena(эсперанто) – вакуум и gun (англ.) – оружие, пистолет) – автомат по типу вакугана.

Никоралит – металл, сжимающийся под воздействием вакуума, в несколько раз, а попадая на воздух, мгновенно расправляется и твердеет.

Метасалирование/метасалир (от meta (греч.) – между, через и salire (лат.) – прыжок) —технология, аналогичная гиперпрыжку, телепортация. Происходит путем накапливания энергии и концентрации ее в одной точке определенным способом, после чего открывается портал в виде большого черного круга. Размер портала и дальность действия зависят от количества вложенной энергии.

Портер (от портативный компьютер) – то же, что и планшет.

Юнинео (от Universe (англ.) – Вселенная) araneo (эсперанто) – паук) – вселенский Интернет.

Трансфэйсер – устройство для изменения внешности. Вешается на ухо, как блютуз гарнитура. Лишь иллюзорно изменяет внешность, однако существует продвинутый трансфэйсер, способный изменять и голос. Незаконен почти на всей территории Вселенной.

Патэль (от rethel(яванский) – молот, страх) – класс боевого робота.

Креакапил (от create (анг.) – изменять и capelli (итал.) – волосы) – устройство, способное выращивать волосы и даже менять их цвет на любой части тела всего за несколько секунд, в зависимости от количества волос. Выглядит как небольшой ручной сканер.

«Infortissimo» – космический круизный лайнер. 2 км в длину, более 200 м в ширину, вмещает более 70 тысяч человек.

Arterix (от apteryx (лат.)– киви (птица) и apteros (греч.) – бескрылый) – межгалактический грузовой корабль средней вместительности; неофициальное название в народе – "Фи-

сташка", так как очень похож внешне.

«Gurin Mnyama» (от grin (яванский и др. языки) —оскал и mnyama (суахили) – зверь) – боевой корабль, замаскированный под "Фисташку".

Харака Идо (от haraka (суахили) – быстрый, harka (исланд.) – твердыйи ido (яп.) – шаг) – вид боевого искусства, основанный на мгновенном перемещении на короткие дистанции. Имеет 10 шагов.

Игненсис (от ignis (лат.) – огонь и ensis (санскрит) – меч) – технология, встраиваемая в клинки, которая их раскаляет до предельной температуры.

Дхоруба (от dhoruba (суахили) – буря) – технология силового поля, которое обычно встраивается в щиты. Похоже на ограниченный телекинер. Все, что попадает под влияния Дхорубы, будет тут же отброшено невидимой силой.

Мини-граната – меньше обычной, но мощнее в два или три раза.

Амризия (от амброзия (мифология др. Греции) и амрита (индуистская мифология)) – препарат, дающий почти неуязвимость, залечивая раны за несколько секунд. Необходимы

инъекции каждый месяц, но для поддержания регенерации на максимуме, новые влияния нужны каждый день, и чаще при получении урона. Вызывает привыкание и бессонницу, из-за чего действует и на разум.

Крагготт, краг (от krag (афр.) – сила и gott (нем.) – бог) – препарат, временно дающий сверхчеловеческую выносливость и блокирующий боль, однако не залечивает раны. Не затрагивает рассудок, но вызывает привыкание.

Терра-машина —устройства для терраформирования космических объектов.

Креты (от cret (румынский) – кудрявый) – похожие на баранов животные с густой кучерявой шерстью, белоснежно-белые, считаются деликатесом.

Олейхор (от ихор – кровь богов в греческой мифологии и olei (лат.) – масло) – заменитель крови у киборгов.

Персонажи/расы:

Люди (человеческая раса) – средняя продолжительность жизни – 100 лет:

Амарталис де Восаф (от immortal (англ.), amar (урду)),

wosafa (чева) – бессмертный + Мара:

в западно- и восточно-славянской традиции женский мифологический персонаж, связанный с сезонными обрядами умирания и воскресания природы;

ночной демон, призрак в скандинавской и славянской мифологии;

демон в буддизме, персонифицируется как воплощение безыскусности, гибели духовной жизни)

Иолай Савл (от Иолай – оруженосец Геракла и Савл (Апостол Павел) + еврейское имя (Саул) – испрошенный [у Бога]; ад) – помощник и друг Верона, киборг. 28 лет, но выглядит моложе.

Ян Санда (от 'yan sanda (хауса) – полицейский) – полицейский на лайнере «Infortissimo», убитый Амаром. Раньше служил в военном патруле.

Машая (от mashaya(хауса) – бар, кабак) – бармен в Гомишаране, член "Гаруды".

Роул (от roasted owl (англ.)– обожженная сова) —торговец оружием и техникой, барыга в Гомишаране, член "Гаруды".

Марена – мать Мары.

Арст (от arst (эст.) —доктор) —хирург-кибернетик, помогший Верону спасти Иолая.

Энага (от enaga (узбек.) – медсестра +сима-энага – подвид длиннохвостой синицы) – медсестра, помогшая Верону спасти Иолая.

Камирутты (от kami (яп.)– бог и волосы + karutta (малайя-лам) – черный и тип брони в Японии) —исключительно черные волосы; внешне похожи на людей, только органы расположены зеркально.Зачастую высокомерны. В большинстве своем – левши. средняя продолжительность жизни – 200 лет.

Мара (от Мара:

в западно- и восточно-славянской традиции женский мифологический персонаж, связанный с сезонными обрядами умирания и воскресания природы. Способна забрать жизнь даже у бессмертных существ, в том числе и у богов. С другой стороны она так же способна даровать жизнь и бессмертие;

ночной демон, призрак в скандинавской и славянской мифологии;

демон в буддизме, персонифицируется как воплощение безыскусности, гибели духовной жизни) – камирутт лишь наполовину. 25 лет Прозвища: Мавра

Верон Трег

одно из значений имени Геракл – гонимый, опозоренный герой, а слово гонимый с африкаанс —verontreg

Верона:от veritas (лат.) – истина

Вероника: от verum и icon (лат.) – истинный образ

греческая форма от fero и νίκη – приносящий победу) – богатый, но не зазнавшийся. Подсознательно любит риск и экстрим. Его двоюродный брат – Эврис (Эврисфей – двоюродный брат Геракла). 51 год.

Нерос Трег

от nero (итал.) – черный

Нерон – римский император с 13 октября 54 года, последний из династии Юлиев-Клавдиев.

Нерос – сложнообъяснимая вещь) – возглавлял восстание на Кавитане, а также спровоцировал все остальные восстания людей во Вселенной; лидер "Гаруды". Претворялся человеком по имени Спардий (от Спартак и Дий (Зевс)). 93 года. Любит много говорить. Его отец был человеком, умершим еще до рождения Нероса. Будучи наполовину человеком – правша.

Эврис Трег (от Эврисфей – двоюродный брат Геракла) – любит использовать в бою метательные ножи; умен, но завистлив, ненавидит Верона. 58 лет. Переделывает старые корабли под боевые и создает новые, зачастую ворует идеи у военных. Контрабандист, бизнесмен и политик.

Дэбелы (от *debel* (словенский) – толстый) – раса низкорослых толстячков, строением и внешне похожи на людей. Средняя продолжительность жизни— 60 лет.

Костун Де Вито Рейнольдс

от Костунов И.Е. – депутат ГД, известный фразой: «самый тупой депутат умнее среднестатистического гражданина»;

kastun (фин.) —стать мокрым, промокнут;

Де Вито – актер Дэнни ДеВито

Рейнольдс— фамилия персонажа Де Вито в сериале "В Филадельфии всегда солнечно") – мелкий предприниматель, толстячок с лысиной, постоянно потеет, разговаривает, путая слова. Имеет младшего брата. Прозвище: Судан (от *sudation* (англ.) – потение).

Яким (от Якименко В.Г – еще один депутат ГД)– работает на космической станции проверки у планеты Кавитан. Приятель Костуна.

Танэки (от *tanek* (словенский) —худой, тонкий) – худощавая раса, строением и внешне похожи на людей. Лысые.

Виросусы (от *vir pilosus* (лат.)– волосатый человек) – раса с волосатым телом и лицом. Способны менять конституцию, становясь либо здоровяками, либо худыми.

Лайонел (псевдоним Стефана Бибровски, циркового артиста с гипертрихозом) – его послал Нерос, чтобы он передал Амару заказ на ограбление.

Гонсал (от Педро Гонсалес – первый известный науке случай заболевания гипертрихозом) – немногословен, но легко вывести из себя.

Йофиры (от yofiira (чева) – красный) – раса минимум два метра ростом и с красной кожей; могут задерживать дыхание на час. Весят около 200 кг.

Джигударго (от Джигурда и Ка'Дарго – персонаж из сериала "На краю Вселенной") – лицо светло-коричневое, рыжие волосы, надбровные дуги довольно большие и выделяются даже на грубом лице.

Адарак Симкое Лаксит (от adaraka (хинди) – рыжий); Энтони Симко – актер, игравший Ка Д'Арго; Лаксит – лаксианин (раса Ка Д'Арго) +laksit (фин.) – лосось (у них красное мясо)).

Акаину – (от ака (яп.) – рыжий (яп.) —собака).

Флав (от flavo (лат) – желтый) – охранник на вилле Эври-

са.

Четырехглазые – имеют четыре глаза. Кожа грубая и слегка фиолетового цвета, подбородок выпирает.

Самта (от *Sām tā* (тайский) – трехглазый) – охранник в баре у Машаи; нет одного глаза.

Грэйпер (от *gray arer* (лат.) – серый кабан) – сероватая кожа, клыкастый рот, свинячьи глазки, чуть меньше йофиров и слабее их.

Сурусы (см. Сурусув) (от *sigus* (эстон.) – милашка (случайное совпадение)) – большие глаза светлых оттенков, небольшой гребень на лысой голове; длинные, но крепкие и цепкие пальцы, с чуть ли не костяными ногтями; в зависимости от места жительства, цвет кожи у них от темно-персикового до светлого тона желтовато-коричневого; тела у них крепкие, а рост не превышает метра семидесяти. Лицо выглядит немного детским (милым).

Другие имена:

Сотилас (от *sotilas* (фин.) – рядовой, солдат)

Ягун (от *jagunjagun* (йоруба) – рядовой, солдат)

Названия:

Дородат (от *doro* (яп.) – грязная и *dato* (яп.) – грязь) — злачные город под контролем преступников, в котором начинается книга.

Кавитан (от *kawitan* (яванский)– первый) – спутник, на котором расположен сенат. Первое небесное тело, которое было успешно терраформировано, а затем так же успешно и заселено.

Гомишаран (от *gomi* (яп.) и *sharan* (хауса) – мусор) – гетто-город на Кавитане, обнесенный стеной.

Сурусув (от *sugu* (непали и др.языки) —начало и *soov* (эстонский) —желание) – жители: сурусы.

Уусмаа (от *uus* (эстон.) – новая и *maa* (эстон.) – земля) — терраформированная планета, первая, на которую заселили людей.

Ива (от *iwa* (яп.) – скала) – город у скалы на планете Уусмаа, в котором жила Мара.

Куроврахос (от *kuro* (яп.) – черный и *vrachos* (греч.) – скала) – родная планета камируттов.